

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

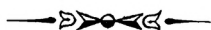

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1852-1857 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1957

А. И. ГЕРЦЕН

С гравюры Леммеля, середина 1850-х годов.

Государственный литературный музей, Москва.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1852 – 1857 ГОДОВ**

1852

RUSSIAN SERFDOM

FIRST ARTICLE

«The emancipation of all the oppressed and suffering is the vocation of the century».

Gerwinus

The time has come when Russian serfdom should be made, if not an European, at least an English question. London, which has become the permanent oecumenical seat of council for all movements of liberty, emancipation, progression, can scarcely remain indifferent to such a question as that of white slavery in Russia¹.

White slavery in Russia has been too little attacked: perhaps because it has not been defended with the fierce tenacity of Transatlantic slaveholders. For it is to be remarked, that although many of the rich landholders in Russia passionately desire the maintenance of serfdom, no one is found to justify the institution—no one to undertake its defence: not even the government.

¹ At the moment when all England was displaying a profound and active sympathy for the slaves in the Southern States of North America, incited there to by the great work of Mrs. Beecher Stowe, no one seemed to remember that nearer to England, across the Baltic, is an entire population the *legal* property of a batch of seigneurs; a population not of 3 000 000 but of 20 000 000! A friend of mine proposed to publish a pamphlet to remind English charity of this fact. But his pamphlet was never published. I have taken it up and added a few general considerations, which however insufficient in themselves, may, I trust, contribute to throw some light on the melancholy subject.

It is nevertheless a question of capital importance. Indeed, the whole *Russian Question*, for the present at least, may be said to be included in that of serfdom. Russia cannot make a step in advance until she has abolished slavery. The serfdom of the Russian peasant is the servitude of the Russian empire.

The political and social existence of Western Europe formerly was concentrated in *châteaux* and in cities. It was essentially an aristocratic or municipal existence. The peasant remained outside of the movement. The revolution took little thought of him. The sale of national property had no effect upon his condition, except to create a limited provincial bourgeoisie. The serf knew well enough that the land did not belong to him: he only looked for a personal and negative emancipation: an emancipation of the labourer. In Russia the reverse is the case.

The original organization of that agricultural and communistic people was essentially democratic. There were no *châteaux*, very few towns, and those few nothing but large villages. No distinction existed between the peasant and the citizen. The rural commune, as it still exists, is the exact image of the great communes of Novgorod, Pskow, Kiev. Moscovite centralization, indeed, destroyed the autonomy of the towns: but the humble word commune preserved its self-government, its trial by jury, its justices of the peace, till after the reign of Ivan the Terrible: that is to say, till the XVIIth century.

The soil was not as yet the subject of individual property: each rural commune held its allotment of land. Each of its members had the right to cultivate a portion of that holding, and each appropriated in effect the fruits of his own labour. Such is still the tenure of thirty million of peasants, *de la couronne* as they are called. Land, water, and woods were equally unrestricted by any feudal rights: fishing, hunting, and the navigation of rivers, were completely free. Moreover, the members of any commune could leave it and be admitted into another, or settle in the towns. The land was the basis of taxation; but the quality was considered; thus was differently taxed on either side of the Oka and the Volga.

The condition of the peasants of the crown has little changed. The government, far from comprehending the wisdom of the old institutions, instituted for the land-tax a uniform capitation tax, in its very essence profoundly unjust. In some localities the peasants inhabited a domain belonging to a private person. The session of the soil was made not to each peasant individually, but to the body (*l'ensemble*) of the cultivators, to the commune, on the condition of cultivating it at half profits, or of supporting some other charge or service. The non-proprietary communes were besides organized like all the rest, and the peasant abandoned them at his own discretion.

It should not be forgotten that the proprietor of this soil thus farmed (*loué*) had absolutely nothing in common with the *seigneur* of Western nations. In fact he was nothing but a peasant like the rest, a peasant who had got rich, or who had served the crown.

Russia had never preserved an organized aristocracy: it was much less an institution than a *customary* fact (*fait coutumier*), vague and undetermined in character. The few Norman families who accompanied Rurick in the 10th century to Novgorod, were in less than a century after completely absorbed. The boyards who surrounded the Grand Prince and the appanaged princes, were almost all soldiers of fortune, who had achieved their titles by personal claims, and did not hand them down to their children.

There was no conquering race, and therefore there could be no real aristocracy. But a purely artificial aristocracy was in course of formation; a mongrel, heterogenous aristocracy, destitute of any legal basis.

The appanaged princes, mediatized in the XVIth century, and their descendants formed the first nucleus of this *quasi*-aristocracy; then came the Tartar Mirzas: then adventurers from all the countries of Europe: Poles, Servians, Germans, Swedes, Italians, Greeks. The boyards and other dignitaries finally surrendered their hereditary titles.

Serfdom was established, step by step, at the commencement of the XVIIth century, and attained its development under the «philosophical» reign of Catherine II. This seems inconceivable, and it will take many years to make Europe comprehend the course of Russian serfdom. Its origin and its development form so

extravagant and unparalleled a history, that they almost defy belief.

For ourselves, indeed, the monstrous and chaotic disorder of the *régime* to which we are accustomed from our birth, alone explains the phenomenon. In this institution, as in many others in Russia, there is an indefinable, indeterminate vagueness and looseness, an amalgam of customs not written and not practised; and this strange incoherence it is, perhaps, which renders them less intolerable and more intelligible.

How, indeed, is it possible to believe that one-half of a population of the same race, endowed with rare physical and intellectual faculties, should be reduced to slavery, not by war, not by conquest, not by revolution, but by a series of special *ordonnances*, by immoral concessions, by abominable pretensions?

Yet this is the fact; and a fact accomplished scarcely a century and a half ago.

On his very countenance the Russian peasant bears the evidence of this strange anomaly of recent growth.

He has nothing (it is the observation of Custine, Haxthausen, Blazius, and all Russian travellers) of a slave in his features, but only an expression of profound dejection. He is, in truth, unhappy, and knows not his own identity in the strange position to which he is reduced. He has been caught unawares in the toils of the bureaucracy; driven by a blind government, at the crack of the knout, into the ambush laid for him by the *seigneurs*.

From time immemorial he has settled without fear on the seignorial lands; he never drew a contract; nay, his master was as incapable of drawing a contract as himself. To this day he never draws a contract with his equals. All his agreements are transacted by a shake of the hand and a glass of brandy, and the act is as binding as if it passed under the seal of a notary. Just in this way companies of carriers used to transport merchandise from the frontiers of China to Nijni, without even a way — bill of the goods.

Deprived of means, destitute of organization, the old Moscovite administration scarcely ever reached the peasant; all it looked to was, that the taxes were more or less regularly paid, and its power not disputed. The peasant lived peaceably enough

under the shelter of that charter given him by nature in Russia—protected by the impassable morasses, by the impenetrable and roadless mud. The State cared nothing for the peasant, or the peasant for the State. While he was dragging on this tranquil and reckless existence, an usurping czar, Boris Godounoff, and a few petty seigneurs, seduced by the example of the German *chevaliers*, who had introduced a cruel serfdom into their Baltic possessions about the end of the sixteenth century, fastened on the commune fetters drawn more tight from day to day. First, the right of passing from one commune to another was limited: it could only be exercised on one day in the year, on St. George's day (*Youri*). Some time after, the privilege of that single day was abolished, without, however, as yet putting the personal rights of those cultivators of the land in question. Finally came a grand master, Peter the Great: he rivetted the chain by clasp formed à *l'allemande*.

Employés of the State, fresh shaved, bearing the titles of *Landrat*, *Landfiscal*, and I know not what other Swedish or German designations, scoured the villages, ridiculously costumed, publishing everywhere an edict, written in a balderdash of mangled Russian. These functionaries proceeded to a census; then they gave notice «that the dwellers on the seigneurial domains would be *adscribed* to the land and to the *seigneur*, if within a given delay they did not protest». The advent of these strangers in bizarre dresses had perhaps thrown the peasants into a state of vague apprehension: they were quite glad to see them go away without having done more harm! They had no notion of what was being said and done by those harmless visitors. Not only had the people no notion of what was going on, but the government itself knew nothing, and to this day is utterly blind to what it has done, and to what it maintains.

Neither Peter the First, nor his successors, nor his predecessors — in short, no one has ever explained what these words mean — «To be *adscribed* (*fermes*) to the land and to the lord».

«I am quite sure», wrote the emperor Alexander with his own hand, «that the sale of serfs, *without that of the land*, has been long forbidden by the law». He then asked the Council of State by virtue of what regulations peasants were sold *individually*? The

Council of State, knowing no law which authorized a sale of the kind, referred to the Senate. In vain were the archives of that corps searched for precedents: not a scrap could be found approaching to such an authorization; but ordonnances and laws in a contrary sense abounded. In ukase of Peter the First addressed to the Senate, the czar is indignant that men should be sold in Russia «like cattle»; and he ordains the preparation of a law prohibiting such a traffic, and prohibiting in general the sale of men *without the land* — «*if possible*». The Senate did nothing. A century later, it did worse than nothing. Too deeply interested in the maintenance of this traffic of human flesh, it resuscitated a tariff of registration (*tarif de l'enregistrement*), dating so far back as the reign of the empress Anne. This tariff maintained, among other things, that the duties were to be paid on the sale of men *on the land* (*dans la terre*). The Council of State, after long debates, acknowledged that this tariff was not a legal basis for their sales; drew up a new law, corrected and recorrected it, and finally sent it up to the minister of the interior. *This took place at the time of the Congress of Verona.*

Council of State, minister, emperor, not a soul has ever breathed a word of it since.

This precious history is related to us by Nicholas Turgenieff. The author was then Secretary of State, and took part in drawing up the project of law in question. He terminates the recital by an anecdote profoundly sad in its significance. The President of the Council, Count Kotshubey, a man of that profoundly cynical humour which experience often brings with the loss of illusions, approaching Mr. Turgenieff after the sitting, said to him with a smile, half of bitterness, half of raillery:—«Only imagine, the emperor is persuaded that for the last twenty years men have been no longer sold *in retail*».

This anecdote makes one's blood boil.

The emperor Nicholas introduced some restrictions to this sale of men. But he, too, unhappily did more harm in trying to do some good. Such is the result of half-measures and of arbitrary acts. The law in forbidding the noble who has no land to buy serfs, implicitly recognises the right of buying serfs in the noble who does possess land. This law was a mistake; it gave a le-

gal basis to the sale of men, and opened the door to the most monstrous abuses, by omitting to regulate in the slightest degree this abominable traffic.

On the pretext of colonizing a piece of land, already covered with a surplus population, one may purchase entire families of servants, of cooks, of painters, of washerwomen, of musicians. The government, it is true, is too modest to allow the sale of serfs to be publicly announced in the journals; matters are transacted more decently. The public advertisements will not tell you of «*a coachman*», but of the *services of a coachman*. And besides, is not the Russian government bound with England by a solemn treaty to combat the slave trade? Has not the czar, too, declared every negro *free* who touches the soil of his empire? What business have the Russian serfs to be born white like their masters? The existence of this class of serfs is extra-legal, abandoned without regulation to the arbitrary will of the nobles.

The caprice, the interest, of the lord alone dictates his every act; his cruelty is tempered only by the knife or the axe of the peasant, and probably the difficulty of the situation will be thus cut through, for the nobles wait and do nothing, the government takes measures which it fails to execute. The nobles break their contract with the peasant, or they *allow* him to purchase his redemption by paying the maximum auction price. There remain only two resources for the oppressed — if he wishes to gain his freedom, the scythe and the axe. The blood then spilt will recoil on the ruling house of Romanoff, and what torrents must flow! The terrible example left us by Pugatcheff is warning enough!

What always astonishes me is the absolute, radical incapacity of the czars. Alexander contemplated, Nicholas was said to be preparing a measure of emancipation. After forty years what is the result? The absurd ukase of April 2, 1842.

But, it will be asked, what are the means at the disposal of the government? Its means? Suffice it to say, *it could if it would*. When did the Russian government grow so scrupulous in the choice of its means? Did it want for means when, in the 18th century, it introduced serfdom into Little Russia, and, in the 19th, organized military colonies? By what means did it cut up Poland into Russian provinces, and reduce the united Greek

to the orthodox Russian church? Was the government of St. Petersburg ever embarrassed? What crimes and cruelties has it ever flinched from in the accomplishment of its terrorist designs?

The emancipation of the peasant will happily not necessitate the cruelty, nor the immorality, which was indispensable in the perpetration of those crimes by the government. The whole people will be in favour of such a measure. All the civilized nobles, all those in Russia who can be called an «*Opposition*», are bound, at the risk of disavowing their principles, to support the government in this.

There will remain, then, none but the most retrograde section — the most tenacious of the privileges of the nobility. Well! this party has preached so vehemently the religion of passive obedience, that the government, for once, may demand a single practical illustration of its favourite doctrine. Besides, what rights do such persons possess? They have robbed the people by the grace of the czar, and the *disgrace* of the czar will arrest their robberies. There is no reason why the government should refuse an indemnity to the actual *usufructuaries* of a past iniquity. The government may propose a series of financial measures; the greater part of the property of the nobles is mortgaged in the banks of the State: overwhelmed with debts they cannot even pay the interest.

Let the State, instead of transforming foundling hospitals into shameful peasant markets¹, enter into an arrangement with the peasants on lands for sale, and content itself with receiving annuities therefrom.

If it were in want of disposable capital for the purpose, it has but to raise a loan exclusively applicable to that purpose; or rather it has but to hold aloof to let the nobles create committees in the provinces; to let who will make collections and form associations. Two guarantees only would be required of the government; first, that the money should not be diverted from its destination; next, that there should be no prosecutions against

¹ The mortgage banks have their room for sales by auction of the seigniorial lands in the Orphan and Foundling Hospitals, which are supported by them.

persons of good will. Besides, what projects have been invented, published, and submitted to the government since 1842? It has neither the courage nor the capacity to resolve to take some step. Perhaps it feels that its own hands are not pure, its heart not free from stain. At all events it does nothing.

But what is the people about? Does not a people which submits to such a tyranny deserve it? Yes, it deserves it, as Ireland deserves the famine, and as Italy deserves the yoke of Austria. I am so accustomed to hear that ferocious cry of *vae victis*, that it no longer excites my surprise. Up, and to arms against all that suffer, unpitied, unredressed! It is not enough that the landless labourer (*proletaire*) is poor, and starving: let us crown his bitter life with a derision more bitter still. The Russian peasant is a serf: let us reproach him with it; let us say that he has deserved his chain; and then turn away our eyes from his hideous sufferings. Still, before abandoning him for ever, let us thank those forgotten slaves for the wisdom which *we* have gained at the cost of cruel hunger of some — the fierce sweat of many — the brutal degradation of all; let us who are the double blossom of this glorious civilization, be grateful, whose smiling gardens are watered with the blood and tears of the poor.

I am ill at ease when I speak of the «People». It is the word most twisted from its meaning, and least understood in this «democratic» age. The idea attached to the word is, for the most part, vague, rhetorical, superficial. It is one moment vaunted to the skies, the next, dragged in the mire. Unhappily, the noble indignation of the heart, no less than the most exalted declamation, fails to express an exact and true notion of what is meant by the «People» — that large foundation of granite, cemented by immemorial traditions — that vast ground floor (*rez-de-chaussée*), upon which is scaffolded the paltry *baraque* of our political institutions.

To the question, to what does the Russian people look? I answer — the commencement of a social revolution in Europe, and that, unconsciously, by the force of their position, and by instinct. Already, thanks to the socialistic movement, the question of emancipation has made immense progress. Government, nobles, people, no longer believe in the possible emancipation of the com-

mune — that is, of the peasant, *without the land*. And still regarded from the point of view of an absolute and imprescriptible right of possession, there is no visible solution of the problem. An emancipation, based on that which Alexander sanctioned for the serfs of the Baltic provinces, would, we do not hesitate to say, be one of those errors which destroy a nation. The question, now so simple, would be hopelessly entangled.

The result would be a *proletariat* of twenty millions of men, in a country already so ill governed, that the free peasant and the *petite bourgeoisie* find no shelter against the vexations of an arbitrary police — where, in a word, such a thing as personal security does not exist. The lords would coalesce, the government support the coalition! The communal element, the grand element of Slavonic life, would be utterly destroyed (*frappé au cœur*) — the commune would be broken up. We should witness the ruin of the only blessing which the Russian peasant has preserved — the base, the keystone, without which Russia would crumble into decay — without which that monstrous panautocracy which extends from Torneo to the Amur, would cease to exist.

I know that there are persons so rationally disposed that they would abandon a positive and certain pledge for the germ of a possible expectation. They would rejoice in the formation of a *proletariat*, because they would see in it the source of revolutionary expansion; but is every *proletaire* necessarily a revolutionist?

SECOND ARTICLE

The rustic labourer (*prolétaire*) is not, generally speaking, a revolutionist, like the operatives of great cities. In those dense hives of monopolized industry, in those huge Pandemonia of luxury and starvation, of beggary and debauch, of famished ignorance and *blasé* corruption, of squalid pauperism and insolent gold, of colossal financiers and blazoned Macaires, of whirling wealth, and maddening want, and cruel contrasts,— in great cities, no doubt, the working man becomes a revolutionist; not so in the solitude of the fields. It requires long centuries of suffering and a religious struggle to create a war of the peasants, as in the sixteenth century.

Talk of dissolving the Russian commune! I should like to know whether the few Russians who propose such a measure have ever seriously reflected on the scheme. What would remain, I ask, if we tore out this vital nerve of our national existence? The Russian people has endured every loss, and has only preserved the commune. Is it at a time when it occurs to so many of the thinkers of Western Europe to deplore the excessive subdivision of the soil, that we should, with a blind levity, root up an institution which we have only to conserve passively, for it maintains itself spontaneously in the people and by the people, attached to it by interest and by tradition, as to the one sole right which rapacity and oppression have not yet wrung from their hands.

The commune is, I am aware, accused of being incompatible with individual liberty. Was this liberty wanting before the abolition of the day of Youri (St. George)? Did it not create, beside the permanent village, the moving commune, the voluntary association of *artel* (artisans) and that other purely martial commune of the Cossacks? That fixed rural commune left to individual liberty and initiative a part quite large enough, since it never ceased to provide for and to nourish its twin legitimate offspring — one the mounted and moving rampart of the country; the other, hatchet in hand, transporting himself wherever work invited him.

True, the members of the Cossack commune were not individually absorbed or effaced by them. Even those who may have read Gogol's novel, «Taras Boulba», have little idea that a similar story occurred in the time of Alexander I. An aged Cossack, who refused to submit to the ferocious discipline of the military colonies, after receiving himself a few thousand blows with a stick, witnessed in silence the barbarous punishment inflicted on his eldest son, and only opened his lips to inquire how it was that his younger son was spared. When he learned that the latter had purchased impunity by submission, the old father embraced his eldest son, cursed the son who had recoiled before the punishment, covered himself up in his *casaque*, and perished on the spot.

Cossackry (*la Cosacquerie*) is a palpable proof that the popular life in Russia contained in itself the complement of the peaceable existence of the rural commune. *Cossackry*, in fact, threw open an

escape for all reckless and impatient spirits thirsting for adventure, hungry after excitement, panting for dangerous exploits, and a wild independence. It corresponded perfectly with that principle of unrestrained turbulence which we express by the word *oudal*, and which is one of the characteristic features of the Slavonic race.

The Cossacks, indefatigable sentinels at the most exposed frontiers of their country, founded at these perilous outposts military, republican, and democratic communities, which were still in existence at the beginning of the eighteenth century. Theirs is a brilliant history. The *Zaporogues* were the knight-errants of the democratic commonalty. Unyielding, indomitable brigands, rather than subjects of any authority whatsoever, they seemed to inherit those vague presentiments, those prophetic instincts which distinguished the Norman races. Under Ivan IV, a band of Cossacks conquered Siberia. Their chief, Ermack, not content with having penetrated as far as Tobolsk, reared with a dying hand his standart at Irkoutsk. After him, another Cossack pushed on across icy wastes, as if he were drawn by some magnetic influence, to the Pacific Ocean: perhaps by a presentiment of the immense significance of Russia advancing her bounds to the very frontiers of America.

Nothing but the imbecility of the German government at St. Petersburg could have failed to comprehend such an institution as that of the Cossacks. Peter the Great was the first to oppress them, too happy to be furnished with a pretext by Mazeppas. Catherine reduced millions of them to slavery. Nicholas destroyed their democratic organisation by making nobles of their elected officers, and he tried even to corrupt their popular ballads. Such an institution was, of course, scarcely reconcilable with the military code of Russia. It was thought for wiser to create out of brutal violence those absurd military colonies than to permit some developments to a flourishing and profoundly popular institution.

It is not to be disputed that the communal life of the Russian villages and the republicanism of the Cossack camps would ill satisfy the aspirations of later European theorists. All was embryonic in their constitution. Individual liberty was every-

where sacrificed to a democratic and patriarchal brotherhood. But who pulls down an unfinished house in the idea of rebuilding it on the same plan? It is no merit of ours to have preserved with an immutable quietism that communal institution which the German peoples had long lost amidst the vicissitudes of their history. But it is an advantage not to be thrown away. And we may surely profit by the dear-bought experience of our ancestors.

Western Europe sacrificed its communal institutions, and with them the peasants and the artisans, when it entered upon a richer and larger existence by a long and glorious struggle for the emancipation of an aristocratic and middle-class minority. It has had catholicism, protestantism, its chivalry full of poetry, its *tiers-état* renowned for pertinacity, its Reformation, and finally its revolution, which half destroyed the Church and the Throne. Russia alone has remained aloof from the conquests and glories of her neighbours. Her people, utterly incapable of following, still less of attaining the European developments, has languished in misery ever since the era of Kiev. The yoke of the Mongols, Byzantinesque czars, Germanized emperors, lords like slaveholders, such have been her masters. Yet this people, while it has gained nothing, has at least not lost the commune, with the equality of all its members in the possession and in the distribution of the soil.

If, indeed, the Russian peasant has been reduced to serfage it has not been without severe struggle. The facile success of the spurious Dmetri, the enthusiasm of the people for him, his imitators crushed, but ever reappearing with formidable armies encamped before Moscow, all this story would be inexplicable but for the undercurrent of a strong, wide, deep popular movement. These protracted struggles of an entire people may not disturb the reign of the House of Romanoff but the falsified chronicles of the government could not pass over in silence the wars of the *Brigands*. Stenko Razin, one of their chiefs, was at the head of 200 000 men. During the reign of the czar Alexis more than 12 000 peasants were hanged. A century later the empress Catherine more than once turned pale at the reports of her generals on the insurrection of Pugatcheff. Pugatcheff committed a fatal error, since repeated by Kossuth. After the decisive capture of

Kasan he did not march straight on Moscow, where, according to the evidence of Castéra, 200 000 serfs awaited his army with breathless impatience. The common people (*moujik*) were decimated in the name of civilization, and Voltaire congratulated the Semiramis of the North on the victories of Bibikoff and Panine.

It was by proclaiming the freedom of the peasants that Pugatcheff raised the standard of revolt. He had for device, *Ultor et redivivus*. Taken prisoner and loaded with chains, he replied to the ignoble general who struck him with his hand, and to that facile outrage added words of insult:— «I am but a little crow, and the vulture is still hovering in the air»¹.

After a contest of a hundred and fifty years the people abandoned the struggle. Pugatcheff was the last of its leaders. It has never made its appearance since except in the commotion of Staraja Roussa in 1831. In that revolt it was horribly sanguinary; but what was to be expected in reprisal for the terrorism which founded and maintained the military colonies? As was the seed so must the harvest be.

Insurrection is at all times difficult among a people scattered over immense plains, inhabiting villages exposed and patched up of mere wooden huts. The only refuge of such a people is in the forests, and count Woronzoff has shown in the Caucasus how to deal with *that* refuge.

Besides, the irregularities of the administrative government confuse the popular notions. The peasant serf of a rich proprietor rejoices to find in his powerful master a sort of buckler against the vexations of *employés* and of the police. The condition of the serfs is not one of uniform hardship and degradation, hence the difficulty of any simultaneous insurrectional movement, or of any united organisation; hence the rebellions of the peasants remain isolated, local, and limited to single communes, rarely extending even to two or three.

According to the last census the number of male serfs in Russia was 11 380 000 (the women are not reckoned). Two-thirds

¹ The general called Pugatcheff a «brigand» — *Vor*, a word which with the addition of the letters *on* signifies «Vulture».

of this number belong to lords who possess at least a thousand peasants a piece, and who generally demand nothing of their serf but *l'obrok*, a pecuniary rent-service, for which they give them up the land entirely.

These peasants, and all who belong to rich lords, are usually, it may be imagined, far less miserable than those who are dependent upon petty gentry, and subjected to the *rabot* (*à la corvée*, or forced labour). Scarcely ever do the great lords live upon their lands; never more than a few months of the fine season, while the petty seigneur lives all the year round upon his estate, and strives to economize the forced expenses of his sojourn in the metropolis. Mean and restless by position he meddles with everything, turns all to profit, exacts all sorts of *renders* beyond the rent actually due, in the shape of eggs, mushrooms, linen, fruit, butter, milk, and poultry. And to solace his *ennui* he amuses himself in poaching on the conjugal manors of his dependents.

These small properties are dispersed at random over the whole extent of Russian territory in Europe. Siberia has the happiness not to know serfdom. Surrounded by vast domains, or by large free communes, the poor serfs remain utterly isolated from their neighbours. Not but that the Russian peasants feel intense commiseration for one another, but when has a mere mutual sentiment of pity ever armed the oppressed masses for the vindication of their rights? In 1839 and 1840, we saw, indeed, the beginnings of a coalition among the communes. In the districts of Simbirsk and of Tambow, the massacre of the lords looked like the execution of a plan. But usually matters do not take that course. The peasants of a commune are dumb and patient for years and years: they suffer and endure all miseries without a murmur. Suddenly, without a note of warning, they burst out, massacre the lord, butcher his family, burn his house; receive with dogged endurance the punishment of the *plet*, and are hurried away to perish in the mines of Siberia. They know the result beforehand; but their situation was no longer tolerable. The causes of insurrections are worthy of serious attention. They generally spring from the encroachment of the lord upon the rights of the commune. The peasant feels himself victimized, without protection or redress: he is overworked, overtaxed, continually liable

to excessive punishment from a hard and cruel taskmaster: but all this seems transitory and remediable. What he never does put up with, never submits to without a bloody protest, is the inter-meddling of the lord in the division of the communal lands, in the rights of pasture, in the affairs of the commune; then he feels himself struck in his last refuge, beyond which *he sees nothing*. Then the peasant murders his lord. But why, it may be asked, does not the peasant demand redress sooner? To complain of the violation of a right, one must have legal ground to go upon. Now the commune exists *by itself*, because it is ineradicable; because it alone of itself constitutes the whole moral life of the peasants. The government found it ready made; the noblesse submitted to it, and became accustomed to its existence.

According to the law, a peasant can address himself only to the marshal of the *noblesse* of the district. This marshal, the elected officer of the nobles, is their natural defender, both against the crown and against the people. The police never receives complaints against the lords, except in extraordinary criminal cases, which do not interest directly the peasant. The serf is allowed to inform against his lord, if the latter belongs to a secret society, or has committed a crime. The law permits three day's work only in the week to be exacted of the serf on the lord's land; and it is to a police *elected by the noblesse* that the duty of maintaining the execution of this legal prescription is confided. From time to time the government starts up in sudden amazement at abuses, displays astonishing courage, and punishes a lord or two. Then follows a long dreary interval of abuses, unpunished and undressed.

CONCLUDING ARTICLE

Just before I left Russia, in 1846, a trial peculiar to those latitudes was creating great excitement in Moscow. A prince, possessing large domains in the province of Orel, had one of his serfs flogged. The serf died under the punishment. According to custom, a priest and his deacon, attended by the sacristan, were present at the burial, and drew up the registry certificate of the man's death. The good priest signed; the good deacon signed the

said certificate; but lo, on perusing their joint declaration, the sacristan made the remark that this was not a case on natural death, but a murder. The priest stared in amazement at the observation, and endeavoured to convince him of his error, and to persuade him to sign. The sacristan obstinately persisted in his refusal. As soon as the prince was informed of this difficulty, presuming that the sacristan would scarcely let such a good opportunity slip without improving it, he sent the poor wretch a few hundred roubles. Still the sacristan held out, and calling on the priest and deacon to attest the bribe, he disappeared from thence, to reappear at Orel, where he penetrated into the presence of his archbishop, and to him related the affair. The archbishop, unprepared for such an emergency, wrote to consult the governor, and the superior priest of the district. Now, the governor of Orel happened to be a near relative of the murderer. It may be imagined he spared no effort to hush up the affair altogether; but the inflexible sacristan stuck fast to his allegations. The affair got abroad, and placed the police in a situation of considerable embarrassment, for the crime was but too evident. The secret police gave information of the whole story to the emperor. The governor was removed; the inquest resumed on a different footing, proof after proof established the fact that the prince of Trubetskoi and his wife had been in the habit of practising the most abominable cruelties towards their serfs. Subterranean dungeons were discovered in the seigneurial mansion, in which prisoners languished in chains. Dungeons and irons, it should be understood, are equally foreign to Russian customs. The prince was tried, condemned, degraded, deprived of all his titles, and, accompanied by his worthy helpmate, packed off to Siberia. Nor did the emperor stop there, but ordered all the marshals of the district, since the installation of the prince in his domains, to be tried for the crime. As might be expected, however, this measure was not carried out. Ch. — the then Minister of Justice, was among these marshals, and the matter was not pushed any further, out of deference for one of the most mediocre of administrators.

The relations between the nobles and the peasants are anything but sound. Indeed they are as strained and insecure as reciprocal distrust can make them. The patriarchal relations of which Haxt-

hausen speaks, where then did he find them? The great lords, in the time of Catherine II, treated their peasantry with a sort of aristocratic consideration and tutelary regard; the small proprietors also, because they had not yet cast off the manners of the peasants, among whom they lived in extreme simplicity. But the succeeding generation separated themselves more and more from the peasants, and from their simple manners. Civilization suggested to the nobility new wants, and with these wants new ways and means. The developments of industry and manufactures, the diffusion of the principles of political economy *adapted to local habits*, furnished fresh means of *utilising* the peasants. The seigneur, that «patriarch», that «chief of the clan», that «father of the commune», from an aristocrat became by degrees manufacturer, planter, slaveowner.

Mr. Haxthausen has seen all this, and is as well aware of it as I can be, but in his capacity of an absolutist demagogue he is, doubtless, obliged to pass it over in silence. This author, who has unfortunately marred his interesting work by an indescribably frantic passion for royalism¹, knows too well the organization of the Russian commune, not to have known that the power of the seigneur is an excrescence upon the commune into which it has entered as an element altogether foreign, parasitical, and destitute of normal basis. He succeeds as little in explaining, by a pretended patriarchalism the seigneurial prerogatives, as in justifying the oppressive despotism of Petersburg by the *sublimity of obedience*, a passion which this enlightened German calls the distinguishing virtue of the Russian people. The real patriarchal chief of the commune is the staroste, elected by the commune from among its own members. It is he who takes the place of the father of the family; he is the representative, the guardian, the natural protector of the commune. What, then, is the office, the duty of the seigneur, that alien intruder who makes, from time to time, at more or less irregular intervals, irruptions upon his estates, like the Baskah Tartar upon the

¹ Which has led him even to celebrate the praises of the lash for the soldiers back. He speaks of the whip with affecting enthusiasm, and attributes to it all the glory of Rome, taking for his authority the evidence of some honourable and royal (*Königlich-Preußisch*) Jacobin of other.

towns, and levies contributions? The staroste, on the other hand, is not, and cannot be, a despot; were he so disposed, the force of custom and traditional rights would crush the attempt. The unites commune (Mir) would, by its universal will, reduce him at once to the limits of his authority and of his duty. Elected by the free suffrage of all the working membres of the commune for a limited term, he knows well enough that he will have to become a simple *moujik* again if not reelected. He knows that after having governed the village he will be obliged (as M. Haxthausen so poetically describes) «to come and kneel before the common assembly, lay down before it the staff and insignia of his office, and ask pardon of the commune for any wrongs he may have committed against it».

Surely there is no want of another adoptive father, of a *step-father* who lives away from the commune, and who appears from time to time only to snatch away the lion's share of its produce. If the seigneur were nothing more than the proprietor of the soil he could exact nothing but the rent of his land, but he afflicts the peasant with a capitation tax, he taxes his labour independently of the land, he ransoms his right of locomotion. Thus, to employ an admirable expression escaped from Mr. Haxthausen, «on the basis of a St. Simonism reversed, he makes the impost more severe in proportion as the subject of the impost has more *talent*».

Beyond the commune there should be nothing but the national unity, the *res publica* (Semskoie delo) or the directing power. The free communes are assembled by districts (*volost*), and, according to Russian law, every commune having its staroste, this aggregation of communes elects its popular chief, called *golova*. There is many a *golova* who has thirty thousand men under his orders. Together with this chief there are two judges, a sort of justices of the peace, elected by the peasants for the legal administration of communal affairs and of the police. The police is exercised in the villages by centurions, and decurions elected; the distribution of taxes and of offices is administered by the *golova* and the *ancients*. It is a complete socialistic *self-government*, and it worked very harmoniously till we became indoctrinated with the policy of German or Byzantine order.

One minister, Mr. Kisseleff, was capable of appreciating a part, at least, of the magnificent institutions on which the commune is based. His reform of the administration would have been almost the beginning of a recognition by the government of St. Petersburg of Russian common law, if the personnel of the administration were not so profoundly vicious. One of the great misfortunes of our government is, that it governs *to excess*. It mingles in and with everything and everybody; regulates everything, fidgets about everything: the length of the Jewish caftan on the Polish frontier; the length of hair worn by the students of our universities; at one moment it is recommending a husband to reprimand his wife, at another it is advising a young man not to lose all his fortune at cards. Our emperor is not only the head of the Church and of the State — he is also the principal clerk, and the busybody in chief. He marries, he unmarries; he manages all and mars all. *Talis rex*.

Mr. Kisseleff, while he preserved the grand communal institution, contrived to neutralize the purely national and healthy characteristics of his scheme by that excess of administrative intermeddling, that intemperance of regulation, in a country, too, to which all formalism is repugnant, and which, in truth, does not want any artificial supplement to the force of long habits and traditional customs. By way of administrative interference with all the affairs of the peasantry, he introduced a thief into every commune; he opened in every village an Australian mine of spoliation for his bureaucratic diggers. The probity of the minister is not here in question; but was he not old enough to know that the subaltern employés throughout Russia are nothing but patented brigands and veteran robbers?

The solution of continuity between the world of employés, and the people, as between the people and the government, is evident enough. The government of Petersburg is a temporary, provisional government; it is a terrorist dictatorship; a caesarism carried *ad absurdum*. Its people is the *noblesse*, and that only so far as it is the enemy of the people. Mr. Haxthausen tries to prove the contrary — that the imperial power such as it exists now is necessary, national, logical, and popular. This very catholic censor appeals to the quasi-atheistical philosophy of Hegel

in support of the schismatic emperor. We know that Hegel has turned a good many heads by presenting the simplest theory in the world as most extraordinary — «all that really is reasonable». Nothing can be clearer; and without entering into scholastic distinctions between the *be* and the *seem*, we concede that every phenomenon has its *raison d'être*, and that an absolute absurdity is absolutely impossible. One need not be a great master in metaphysics to be aware that where there is *effect* there must be a *cause*. Geoffroy St. Hilaire discovered and described the very exact laws of teratology; he succeeded admirably in justifying the abnormal development of the foetus, but the monster remained a monster still. In the normal notion of man monstrosity is included as a disturbing possibility from without, but in no sense is it admitted as a rule. A pure and simple inquiry into such monstrosities would have been strictly proper in Russia, but Mr. Haxthausen arms himself with the accursed philosophy of Hegel for quite another purpose. He draws the conclusion that the imperial power in Russia is the best government possible! «Only one thing is wanting», continues our holy doctor, «to this government to be perfect — to be Catholic». Donoso Cortez at Madrid was wont to announce the end of the world if England were not speedily reconciled to catholicism.

Since the separation of the Russian government from the Russian people two Russias have been face to face. On the one hand, Russia *governmental*, rich, armed, not with the bayonet only, but with all the resources of chicane borrowed from the chanceries of the despotic States of Germany. On the other, Russia, poor, agricultural, laborious, communal, and democratic; Russia disarmed, conquered (*conquisita*) without having been vanquished. What wonder, then, if the emperors have handed over to *their* Russia, to the Russia of courtiers and officers, of French fashions and German manners, that other coarse-bearded, barbarous *moujik* Russia, incapable of appreciating that imported civilization which has descended on it by the grace of the Throne and for which the ignorant peasant openly professes the most unmitigated disgust. And why should he regard *that* Russia?

«How cross you have been these last few days»,— said the

count,— one of those male concubines in the suite of the empress Catherine, to one of his parasites.

The individual to whom these words were spoken, half in question, half in reproach, was a poor nobleman, the ignoble butt of the ignobler pleasantries of the *blasé* favourite. The buffoon, a fat, bloated, greedy fellow, used to wait every day eagerly for the moment to devour the count's dinner. The latter, perceiving the voracity of the wretch, bethought himself of a singularly funny contrivance. He had a horse collar bought, and fastened round the buffoon's neck, and thus harnessed he was let loose upon the dishes and the wines. He represented very accurately a wild beast gorging himself with the food, and leaving plates and bottles empty. The host was infinitely amused at the beast and his guests too.

— Oh! how much cause have I to be sad,— said the *harnessed* nobleman.— Of all the persons in your suite, I only have the misfortune not to be the object of your bounty.

— How do you mean?

— Have not you given Cossacks to all the rest? I only am excluded from your favours.

The count burst out laughing, and, to his guests, said:

— What do you think of this fellow? he is not such a fool as he looks. What, you, too, want Cossacks?

— Why not? replied the fool,— they cost you nothing.

— Well, indeed, what *do* they cost me? Well, you shall have some Cossacks.

— Count! you are joking!

— No, on my word.

And Caliban covered with kisses the hand of his worthy protector.

This was just at the time when Little Russia was being reduced to feudal servitude. Catherine II, that «Mother of her country», possessed by lusts untameable gave away 300 000 male peasants as the price of one of her Babylonian orgies.

The count had but to speak to keep his word, and the nobleman *unharnessed* went away into Little Russia lord and master of a commune of Cossacks.

I cannot resist recounting a second act of this drama.

Last year, passing over the St. Gothard, I perceived a Russian name on a traveller's album. Below that name another traveller had written a biographical notice not without interest. The Russian chamberlain of H. M. I., etc., a proprietor in Little Russia, had during several years martyred his serfs and his servants. Immensely rich, but of insatiable rapacity, he wore them out by his exactions and his tyranny. In 1850, when he was living on his domains, the serfs driven to desperation resolved to make a signal example of their lord. Breaking one night into his house, armed, and showing him a bunch of rods newly cut, they offered him the choice of death or corporal chastisement. The chamberlain reasonably chose correction. It was duly administered. When the punishment was over the serfs exacted of him a written promise not to divulge the events of that night. He wrote and signed that noble promise, and what is more,— he *kept* it, for fear of worse.

Some months after come the recruiting season. The lord selected one of his serfs as the contingent of his commune. This conscript, it appears, had not been one of the least ardent or the least vigorous in administering the nocturnal castigation, and he felt not unnaturally convinced that the lord in naming him for the contingent was satisfying indirectly a vengeance long suppressed. Military conscription, it should be remembered, is regarded with horror by the Russian peasant. The young conscript resolved to take his revenge. Before the assembled military council *de recensement* he declared aloud that he was made a soldier only because he had thrashed his lord the chamberlain. He was thought, mad.

«Ah! you think me mad, do you?» he replied; «here is something to convince you».

And he drew from his pocket and read out loud the seigneurial document.

The amazement was universal. The revelation was so unexpected, that they forgot to suppress the conscript or the accusing document, which was not even given back to the chamberlain. In the first fit of surprise they drew up a report of the circumstance. The Russian code had not provided for a case of thrashing a chamberlain.

Great was the embarrassment of the minister; he referred to the emperor. The emperor, who had kept his chamberlain by his side as long as he only thrashed his peasants, was indignant with him as soon as he got thrashed himself. He expelled him from his service and from the empire. The serfs were left unpunished. Ever since our ex-chamberlain has been parading, by order of his master, his striped back and shoulders through all the capitals of the civilized world, and he inscribes his name on Mont St. Gothard.

And to make his story all the more *piquant*, let me add, that this measled and mangled chamberlain — this cruel and cowardly seigneur, is no other than the noble grandson of the *harnessed* noble-man — of that gluttonous buffoon who was let loose upon a commune of serfs. The *thrashers* were the descendants of those poor Cossacks bent to the yoke, and cast as a prey to a greedy mountebank.

Well! what do you say to this harnessed father, this striped son, and to the emperor Nicholas carrying on the propaganda *sui generis* by sending this chamberlain on his travels.

I shall conclude my letter by some new details on Russian society.

There is no law of primogeniture in Russia. Peter the First tried to implant it among us, but the manners of the people resisted it, and at his death the decree was revoked. Nicholas has permitted one or two privileged families of the highest aristocracy to indulge in this caprice; but that is only an anomaly, an absurdity the more.

The rule is for the sons to have an equal share in the distribution of the father's property. For the nobles it constitutes a rapid descent to poverty. A lord who owned two thousand serfs, held a good position. His two sons are left, each with half the fortune of their father, while they, in their turn, leave a moiety of it to their children. At the same time, the price of everything is increased, more rapidly than the income of the estates on the number of the serfs. Civilization introduces into the families of aristocracy luxurious tastes, and wants unknown to our forefathers, so that, with an estate lessened by three-fourths, the grandson has to supply demands twelve times greater than those

of his grandfather. We must not forget this important phase in the question — the manners of the nobles. No people in Europe is more unfitted for habits of order and economy than the Russians and Poles. We must see how, in the course of two or three generations, fortunes, whether great or small, are made, and lost, and passed from hand to hand. The Russians are greedy, very greedy of money, but careless than their neighbours for property in land. They love money, for the pleasure of throwing it away. Economy is unknown amongst us. There is no middle class between niggards and spendthrifts.

In general, when the land is once distributed, the sons tread in the steps of their father. If one of them has need of money he mortgages his estate to the bank; the money is soon squandered, the interest eats up the remaining income, the estate, before long, is sold by auction, the surplus, if there is a surplus, is paid to the ex-lord, and, when he has eaten that, his eyes are opened to his ruin.

One man, in order to relieve his embarrassments, gives himself up to play, without restraint; another begins to drink, from very despair, and dies in his debauchery; another, better advised, takes some official employment, and robs unscrupulously. This man prospers, but his son will be ruined. Between the years 1812 and 1840, a small minority strove to constitute themselves exceptions to the general rule. They were, for the most part, men educated out of Russia, great admirers of political economists, like Say and Malthus. They became industrious, and assumed the manners of the *bourgeoisie*; but they were few in number, and had few disciples.

But what said the commune in the midst of this eternal come and go of proprietors, this parcelling out of estates, this continual change? The thousand serfs, who obeyed one lord, were each time scattered over three or four communes, varying in extent, each having their own individuality, their own organization, and distinct lands. The lord will have a single management for the whole of his estate. If a distribution takes place, he is compelled to complete the communal lots by means of pecuniary arrangements, and concessions of various kinds. This is practicable, but only up to a certain point. We come to the division of the

commune itself - sometimes two or three brothers have undivided possession of a village, more or less important. But this division can be effected in spite of them. If the portion of one of them is seized for debts, will the new proprietor submit to the unity of possession, the common management? He will hasten, more frequently, to get rid of it.

The proprietor, who has the largest interest in the commune, taxes and worries the others in all conceivable ways, and while these *portions* of lords are overwhelmed with embarrassments, with complications, with inextricable disorders, the peasants fall into the same ruin.

The parcelling out of communes, the increase of estates, enclosed and intermixed in every direction, has *enforced* the attention of the government, and it has been obliged to take measures for arresting the complete ruin of the serfs. Thus it has formed a *minimum* of serfs, after which no further distribution is allowed. The next step is to fix an indemnity, and to decide on the question of expropriation. Evidently the rights of the nobility do not appear so sacred to the government, when fairly put to the test? how otherwise could the right become weakened in proportion to the number of the peasants?

In 1845 it was permitted to the nobles of Toula to unite under the presidency of the prefects and the marschals. The question was, how to devise measures for the emancipation of the serfs of the province.

Moscow waited for the same powers. From 1842 to 1846 the agitation among the nobility increased, the journals became so bold as to publish articles on emancipation. It would have been well if the government had given some aid to the nobility in the accomplishment of this object; but the hatred of everything that is called liberty or emancipation is so thoroughly ingrained in this family in incurable autocrats, that Nicholas hastily threw all such projects to the winds, on the first arrival of the news of the 24th of February.

Such is the latest and present phase of this question of *serfdom* in Russia. The peasant continues deprived of all protection but that of the customary law (*la loi coutumière*): he may be dragged from his family, from his commune, although *that* be recog-

nised by the law; he may be made a servant. The lord has the right to have him flogged, only not to death; he has the right to imprison him in a *maison de police* for disobedience. He may condemn him to military conscription, or pack him off to the mines of Siberia at his own expense. In the two latter cases, the serf at least becomes *free*. Lastly, it is an established and constant practice to sell serfs, if not separately, at least by family. No land need be given to the peasants except just enough to allow them to vegetate miserably. The lord is under no obligation to his servants beyond supplying them with just enough food and clothing to prevent them perishing of hunger and of cold.

Shall these monstrosities, I ask, continue without an incessant, universal protest? Surely from time to time it is well that a free voice should be lifted up to denounce these degrading institutions, this foul complicity of a government that talks of its strength, with a *noblesse* that boasts of its enlightenment. The mask must be torn from these slaveholders of the North, who go lounging and lispng over Europe, mingling with your affairs, assuming the rank of civilized beings,— nay, of liberal-minded men, who read «Uncle Tom's Cabin» with horror, and shudder when they read of sellers of *black flesh*. Why, these same brilliant spies of the *salons* are the very men who on their return to their domains rob, flay, sell the *white* slave, and are served at table by their living *property*.

December 20, 1852.

РУССКОЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВО

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

«Призвание нашего века — освободить
всех угнетенных и страждущих»*

Г е р в и н с

Пришло время, когда русское крепостное право должно стать если не европейским, то, по крайней мере, английским вопросом. Лондон, который стал постоянным мировым центром всех освободительных и прогрессивных движений, едва ли может остаться равнодушным к такому вопросу, как вопрос о белом рабстве в России¹. Против белого рабства в России слишком мало выступали, вероятно, потому, что никто не защищал его с тем бешеным упорством, которое проявили в этом вопросе заатлантические рабовладельцы. Следует отметить, что, хотя многие богатые русские помещики страстно желают сохранения крепостничества, никто не выступает с оправданием этого

¹ В настоящее время, когда вся Англия, под влиянием великого произведения Бичер-Стоу*, выражала глубокое и живое сочувствие невольникам южных штатов Северной Америки, никто, по-видимому, не вспомнил, что ближе к Англии, по ту сторону Балтийского моря, целое народонаселение составляет *законную* собственность кучки помещиков — и население не в 3 000 000, а в 20 000 000! Один из моих друзей хотел напечатать брошюру*, чтобы обратить на этот факт внимание английских филантропов. Но брошюра никогда не была напечатана. Я поднял тот же вопрос, прибавив некоторые общие соображения, которые хотя и недостаточны сами по себе, но могут, я надеюсь, пролить свет на эту печальную тему.

правопорядка, никто не берет на себя его защиту, даже правительство.

И тем не менее это вопрос первостепенной важности. Действительно, можно сказать, что весь *русский вопрос*, по крайней мере в настоящее время, заключается в вопросе о крепостном праве. Россия не может сделать ни шага вперед, пока не уничтожит рабство. Крепостное состояние русского крестьянина — это рабство всей Российской империи.

Политическая и социальная жизнь Западной Европы была раньше сосредоточена в замках и городах и в основном была феодальной или муниципальной жизнью. Крестьянин оставался вне общественного движения. Революция мало уделила ему внимания. Продажа национальных имуществ не изменила его положения*, если не считать того, что в ограниченном количестве образовалась провинциальная буржуазия. Крепостной достаточно хорошо знал, что земля не принадлежит ему; он ждал только личного и негативного освобождения — освобождения землепашца. В России — как раз обратное явление.

Первоначальное общественное устройство этого земледельческого и общинного народа являлось, по самой сущности своей, демократическим; не было феодальных замков; немногочисленные города представляли собой не что иное, как большие деревни. Не существовало никакой разницы между крестьянином и горожанином. Сельская община в том виде, как она и теперь существует, точно воспроизводит великие общины Новгорода, Пскова, Киева. Московская централизация уничтожила автономию городов, но то, что называлось скромным словом «община», сохранило свое самоуправление, свои суды присяжных и мировые суды вплоть до конца царствования Ивана Грозного, т. е. до XVII столетия.

Земля не являлась еще предметом частной собственности: каждой сельской общине принадлежало определенное количество земли. Каждому члену общины предоставлялось право обрабатывать часть этого общего владения, и каждый действительно пользовался плодами своего труда. Таково еще и сейчас положение тридцати миллионов так называемых государственных крестьян. Земля, вода и лес не подлежали ограничительным феодальным правам; рыбная ловля, охота и речное судоход-

ство осуществлялись совершенно свободно. Более того, члены каждой общины могли покинуть ее и перейти в другую или переселиться в города. Податями облагалась только земля; однако принималось во внимание ее качество, поэтому различно оценивались земли на разных берегах Оки и Волги.

Положение государственных крестьян мало изменилось. Правительство, совершенно не понимая мудрости старых установлений, назначило, в виде земельного налога, единую подушную подать, глубоко несправедливую по самому своему существу. В некоторых местностях крестьяне селились на частных землях. Земля там предоставлялась не каждому крестьянину в отдельности, но группе земледельцев — общине на условиях исполщины или других платежей и повинностей. Общины, не принадлежавшие помещикам, были устроены подобно остальным, и крестьянин мог их покинуть по своему усмотрению.

Не надо упускать из виду, что тогда частные земельные собственники арендуемых таким образом земель не имели ничего общего с западными сеньорами. Сам землевладелец был не чем иным, как крестьянином, который разбогател или некоторое время служил государству.

В России никогда не было организованной аристократии. Аристократия являлась в ней не столько сословием, сколько результатом обычного права, расплывчатого и неопределенного по своей природе. Несколько норманских семей, сопровождавших Рюрика в Новгород в X веке, менее чем за сто лет растворились в окружающей среде. Бояре, окружавшие великого князя и удельных князей, являлись большей частью искателями приключений, дослужившимися до своего звания. И звания эти не переходили к их детям.

В России не было потомства завоевателей и поэтому не могло быть настоящей аристократии. Постепенно сложилась совершенно искусственная аристократия, разнородная, смешанной крови, существовавшая без всяких законных оснований.

Основное ядро этой квазиаристократии образовали удельные князья, потерявшие свою независимость в XVI столетии, и их потомки; затем явились татарские мурзы, потом — выходцы из всех европейских государств: поляки, сербы, немцы,

шведы, итальянцы, греки. Бояре и разные сановники в конце концов добились наследственных званий.

Крепостное право шаг за шагом установилось к началу XVII века и достигло полного развития в «философическое» царствование Екатерины II. Это может показаться непонятным, и пройдет еще много лет, прежде чем Европа уяснит себе ход развития русского крепостного права. Его происхождение и развитие представляют собою явление столь исключительное и ни на что не похожее, что в него трудно поверить.

Нам самим это явление понятно только потому, что мы с пеленок привыкли к чудовищному, хаотическому беспорядку нашего строя. В крепостничестве, как и во многих других русских установлениях, есть какая-то неопределимая расплывчатость и смутность; это смесь обычаев, неписанных и несоблюдающихся; и от этой странной беспорядочности они, быть может, становятся менее невыносимыми и более понятными.

Как, в самом деле, поверить, что половина народонаселения одной и той же национальности, одаренной редкими физическими и умственными способностями, обращена в рабство не войной, не завоеванием, не переворотом, а только рядом *указов*, безнравственных уступок, гнусных притязаний?

И все же это факт, и факт, совершившийся не более полтора столетия тому назад.

Даже внешний вид русского крестьянина свидетельствует о недавнем происхождении этого ненормального явления.

Лицо русского крестьянина не похоже на лицо раба (в этом сходятся наблюдения Кюстина, Гакстгаузена, Блазиуса и всех, кто путешествовал по России), оно выражает лишь глубокое уныние. Он действительно несчастен и точно недоумевает, каким образом он очутился в нынешнем своем положении. Беспечный, он попался в чиновничьи сети, а слепое правительство загнало его ударами кнута в капкан, расставленный для него помещиками.

С незапамятных времен русский крестьянин жил безбоязненно на помещичьих землях, никогда не заключая письменных условий с землевладельцем; к тому же в те времена ни помещик, ни крестьянин не способны были написать бумагу. Доныне еще крестьянин не заключает письменных условий с

равными себе. По рукам и чарка водки — вот и все соглашение; и такие договоры считаются столь же обязательными, как если бы они были скреплены печатью нотариуса. Таким именно образом ямщики возят товары от границ Китая до Нижнего Новгорода — даже без накладных.

Лишенное средств, дурно устроенное, старое московское правительство редко добиралось до крестьян; главная его забота сводилась к тому, чтобы подати платились более или менее исправно и чтобы признавалась его власть. Крестьяне жили довольно покойно, под прикрытием естественной хартии, дарованной русской природой, защищенные непроходимыми болотами, грязью и бездорожьем. Государство нисколько не интересовалось крестьянами, крестьяне — государством. Так крестьянин и влачил спокойное и беззаботное существование, покуда царь-узурпатор Борис Годунов и кучка мелких помещиков, соблазнясь примером немецких рыцарей, к концу XVI века установивших жестокое крепостное право в своих балтийских владениях, не принялись все туже и туже затягивать узы, прикреплявшие русского крестьянина к общине. Прежде всего было ограничено право перехода из одной общины в другую. Переход разрешался только один раз в году, в день св. Георгия (Юрия). Вскоре и эта льгота была уничтожена, но личные права землепашцев еще не были поставлены под сомнение. Наконец пришел великий мастер, Петр I; он замкнул цепь замком немецкой работы.

Чиновники, недавно обритые, именуясь *ландратами*¹, *ландфискалами* и другими мудреными шведскими и немецкими званиями, в нелепых костюмах, объезжали деревни, всюду читая указ, писанный тарабарским, исковерканным русским языком. Эти чиновники делали перепись и объявляли, что «жители помещичьих земель будут приписаны к земле и помещику, если только в течение известного срока не заявят о своем несогласии». Появление этих чужестранцев в причудливых одеждах, вероятно, внушило крестьянам смутный страх. Они были рады, видя, что те уезжают, не причинив большего вреда. Крестьяне вовсе не поняли того, что прочитали и сделали эти безвредные

¹ начальниками уезда (нем. Landrat). — *Ред.*

гости. И не только народ не понял, что произошло, но и само правительство; и сейчас еще оно совершенно слепо по отношению к тому, что оно сделало, и не знает, что оно охраняет.

Ни Петр I, ни его преемники, ни его предшественники, словом, никто никогда не объяснил, что означают слова «быть приписанными к земле и помещику».

«Я совершенно уверен, — писал собственноручно император Александр, — что продажа крепостных *без земли* давно запрещена законом».

Он запросил затем Государственный совет, в силу каких постановлений крестьяне продавались поодиночке. Государственный совет, не зная ни одного закона, который мог бы оправдать такого рода продажу, обратился к сенату. Напрасно в поисках прецедентов рылись в сенатском архиве: не нашлось ни клочка бумаги, разрешавшего подобного рода продажи, а наказов и постановлений, имевших обратный смысл, было много. Петр I в одном указе, данном сенату, возмущается, что в России продают людей, «как скот», и приказывает приготовить закон, воспрещающий такую торговлю и вообще продажу людей *без земли* — «буде возможно». Сенат ничего не сделал. Спустя столетие сенат сделал хуже, чем ничего. Кровно заинтересованный в сохранении торговли человеческим мясом, он извлек тариф пошлин — времен императрицы Анны. В этом тарифе между прочим значились пошлины, которые следует взимать при совершении купчей на крепостных *с землей*. Государственный совет, после долгих споров, признал, что подобный тариф не является законным основанием для продажи людей; он установил новый закон, исправлял и переправлял его и наконец послал его министру внутренних дел*. *Это происходило во время Веронского конгресса**.

С тех пор ни Государственный совет, ни министр, ни император — никто ни словом не обмолвился об этом законе.

Эту замечательную историю рассказал нам Николай Тургенев. Автор был тогда статс-секретарем и принимал участие в составлении упомянутого проекта. Он заканчивает рассказ анекдотом, по своему смыслу глубоко печальным. Председатель Совета князь Кочубей — человек, обладавший тем глубоко циническим юмором, который часто приходит с опытом и с

утратой иллюзий,—подойдя после заседания к г-ну Тургеневу, сказал ему с улыбкой, полугорькой, полунасмешливой: «А ведь государь-то двадцать лет был уверен, что людей не продают *по одиночке*».

От этого анекдота закипает кровь*.

Император Николай несколько ограничил торговлю людьми. Но, к несчастью, он ухудшил положение, стараясь его улучшить. Таковы последствия полумер и самовластных распоряжений. Закон, запретивший безземельным дворянам покупать крестьян*, тем самым признал право купли людей за дворянами, владеющими землей. Этот закон был ошибкой; он дал законное основание продаже людей и открыл двери самым чудовищным злоупотреблениям, нисколько не регулируя эту отвратительную торговлю.

Под предлогом заселения участка земли, уже с избытком населенного, можно было покупать целые семьи слуг, поваров, живописцев, прачек, музыкантов. Правительство, правда, слишком стыдливо, чтобы разрешить объявления в газетах о продаже крепостных; дела эти делаются более благопристойным образом: объявления извещают вас не о *кучере*, а об «*услугах кучера*». К тому же разве русское правительство не связано с Англией торжественным договором против торговли рабами? Разве сам царь не объявил *свободным* каждого негра, который вступит на землю его империи? Зачем русских крепостных угораздило родиться такими же белыми, как и их господа? Существование русского крепостничества не определено законом, и крепостные без какой-либо регламентации отданы на произвол дворян.

Лишь капризы и выгода помещика управляют его поведением; его жестокость умеряется только ножом или топором мужика; этим-то путем трудное положение, вероятно, и разрешится, потому что дворяне ждут и ничего не делают, а правительство намечает меры, которые не приводит в исполнение. Дворяне нарушают условия, заключенные с крестьянами, или *позволяют* им покупать себе свободу по высшей продажной цене. Угнетенному остаются только два выхода, если он хочет добиться свободы: коса и топор. Пролитая кровь захлестнет тогда царствующий дом Романовых, и какие это будут потоки! Ужас-

ный пример Пугачева может служить достаточным предостережением.

Что всегда меня удивляет — это полная, совершенная бездарность царей. Александр только обдумывал, Николай, говорят, даже подготовлял план освобождения крестьян. Каков же результат — через сорок лет? Нелепый указ от 2 апреля 1842 года*. Но могут спросить: какие же средства имеются в распоряжении правительства? Средства? Достаточно сказать: *оно смогло бы, если бы хотело*. С каких это пор русское правительство стало столь разборчивым в средствах? Разве оно задумывалось над средствами, когда в XVIII веке закрепощало Малороссию, а в XIX — водворяло военные поселения? С помощью каких средств раздробило оно Польшу, превратив часть ее в русскую губернию, и присоединило униатов к русской православной церкви? Разве петербургское правительство останавливалось перед чем-нибудь? Сколько жестокостей и преступлений совершило оно, осуществляя свои террористические цели!

Освобождение крестьян не требует, к счастью, жестокости и безнравственности, необходимых государству при совершении этих злодейств. Весь народ, разумеется, будет стоять за такую меру. Все образованные дворяне, все те, которые могут быть в России причислены к «оппозиции», должны будут поддержать правительство, если только не отрекутся от своих убеждений.

Остается, таким образом, только самая реакционная часть общества, упорно цепляющаяся за дворянские привилегии. Пусть так! Эта партия так горячо проповедовала религию безусловной покорности, что правительство вправе на этот раз потребовать, чтобы она к своей излюбленной теории представила хоть один практический пример. Да и какие права у подобных людей? Они ограбили народ по царской милости, по царской *немилости* они перестали бы его грабить. Правительство не имеет оснований отказать в некотором возмещении тем, кто пользуется сейчас плодами вопиющей несправедливости в прошлом. Правительство могло бы предложить ряд финансовых мер; большая часть дворянских имений заложена в государственных банках; обремененные долгами помещики не в состоянии даже выплачивать проценты.

Пусть государство, вместо того чтобы превращать воспитательные дома в позорные рынки для продажи крестьян¹, заключит соглашение с крестьянами, находящимися на землях, предназначенных для продажи, и удовлетворится получением с этой земли ежегодной ренты.

Если бы для этого понадобились свободные капиталы, пусть правительство сделает заем, предназначенный исключительно для такой цели, или, еще лучше, пусть безотлагательно разрешит дворянам выбирать в губерниях комитеты, собирать средства и учреждать общества. Только две гарантии должны быть получены от правительства: во-первых, чтобы деньги употреблены были исключительно по их назначению и, во-вторых, чтобы люди доброй воли не подвергались никаким преследованиям.

Какие же проекты по крестьянскому вопросу были выработаны, обнародованы, предложены правительству после 1842 года? У правительства нет ни мужества, ни способности решиться на какой-нибудь шаг. Быть может, оно чувствует, что его собственные руки нечисты, что совесть его нечиста. Как бы то ни было, правительство ничего не делает.

Ну, а народ? Если народ подчиняется такой тирании, то не заслуживает ли он ее? Да, он заслуживает ее, как Ирландия заслуживает голода, а Италия — австрийского ига. Я так привык к свирепому крику «*Vae victis!*»², что он больше меня не удивляет. Вперед! В поход против всех, кто страдают, никем не оплаканные, не поддержанные! Мало того, что пролетарии бедны и умирают с голоду; увенчаем их горькую жизнь насмешкой, еще более горькою. Русский крестьянин — крепостной; попрекнем его этим, скажем ему, что он заслужил свои цепи, а затем отвернемся от его ужасных страданий.

Однако прежде чем окончательно его покинуть, скажем спасибо этому забытому рабу за ту мудрость, которую мы приобрели ценою голода многих, трудового пота большинства и грубого невежества всех; поблагодарим их; ведь мы — пышный цвет славной цивилизации, чьи приветливые сады орошены кровью и слезами бедняков.

¹ Заемные банки имеют помещения для продажи имений с молотка в сиротских и воспитательных домах, которые они поддерживают.

² «Горе побежденным!» (лат.). — *Ред.*

Мне всякий раз становится не по себе, когда я говорю о *народе*. В наш демократический век нет ни одного слова, смысл которого был бы так извращен и так мало понятен. Идеи, которые связываются с этим словом, по большей части неопределенны, исполнены риторики, поверхностны. То народ поднимают до небес, то топчут его в грязь. К несчастью, ни благородное негодование, ни восторженная декламация не в состоянии выразить верно и точно понятие, обозначаемое словом «народ»; народ — это мощная гранитная основа, скрепленная цементом вековых традиций, это обширный первый этаж, над которым надстроен шаткий балаган современного политического устройства.

На вопрос, чего ждет русский народ, я отвечаю: начала социальной революции в Европе, — ждет бессознательно, в силу самого своего положения, инстинктом. Благодаря социалистическому движению в вопросе об освобождении крестьян сделан уже огромный шаг вперед. Правительство, дворяне, народ — никто больше не верит в возможность освобождения общины, т. е. крестьянина, без земли. Если придерживаться точки зрения безусловного и неотъемлемого права собственности, задача эта неразрешима. Освобождение крепостных на тех основаниях, на каких провел его Александр в балтийских губерниях, явилось бы одной из тех ошибок, которые — мы утверждаем это без колебаний — подрывают существование нации. Вопрос, ныне такой простой, безнадежно бы осложнился.

В результате появились бы двадцать миллионов пролетариев в стране, которая настолько плохо управляется, что свободные крестьяне и мещане не находят защиты от притеснений самовластной полиции, где, одним словом, не существует личной неприкосновенности. Помещики объединились бы, и правительство поддержало бы их союз! Общинное начало — великая основа славянской жизни — было бы поражено насмерть, община была бы уничтожена. Мы были бы свидетелями разрушения единственного достояния, которое сохранилось у русского крестьянина, — основы, краеугольного камня, без которого Россия пришла бы в полный упадок и без которого чудовищное самодержавие, простирающееся от Торнео до Амура, перестало бы существовать.

Я знаю, что есть люди, столь рационалистически мыслящие, что они готовы променять определенный и надежный залог на возможности, еще находящиеся в зачатке. Они радовались бы образованию пролетариата, так как видели бы в нем источник революционного развития; но разве достаточно быть пролетарием, для того чтобы сделаться революционером?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Сельский пролетарий, вообще говоря, не революционер, подобно работникам больших городов. В густо населенных ульях монополизированной промышленности, в огромных вертепах роскоши и голода, нищеты и разврата, вопиющего невежества и пресыщенной испорченности, оголтелого пауперизма и наглого господства денег, крупнейших финансистов и титулованных Макеров*, головокружительного богатства и ужасающей нужды — всех этих жестоких контрастов, — в больших городах рабочий человек, без сомнения, становится революционером; иначе — в уединении полей. Нужны целые века страданий и религиозная борьба, чтобы возникла крестьянская война, как в XVI столетии.

Говорят об уничтожении русской общины! Хотел бы я знать, думали ли серьезно об этом те немногие русские, которые предлагают подобную меру. Что же останется, спрашиваю я, если мы вырвем этот жизненный нерв нашего национального существования? Русский народ перенес всевозможные потери и сохранил только общину. И неужто именно в то время, когда многие западноевропейские мыслители указывают на плачевные последствия раздробления земельной собственности, мы со слепым легкомыслием подорвем установление, которое призваны лишь пассивно сохранять; община ведь сама собой держится в народе и с помощью народа, привязанного к ней своими интересами и традициями, и это — единственное право, которое еще не вырвано из его рук хищничеством и насилием.

Общине, я знаю, ставят в вину несовместность ее с личной свободой. Но разве чувствовался недостаток в этой свободе до отмены Юрьева дня (дня св. Георгия)? Разве наряду с постоянными поселениями не развивались подвижные общины — воль-

ная артель и чисто военная община казаков? Неподвижная сельская община оставляла достаточно широкий простор для личной свободы и инициативы; она никогда не отказывала в заботе и в пропитании двум своим законным отпрыскам, двум близнецам: один из них охранял и раздвигал границы страны, другой, с топором в руках, шел туда, куда призывала его работа.

Казачьи общины не поглощали, не подавляли личность. Даже читавшие повесть Гоголя «Тарас Бульба» не имеют понятия о том, что сходный случай произошел в царствование Александра I. Пожилой казак, отказавшийся подчиниться свирепой дисциплине военных поселений, вытерпел несколько тысяч палочных ударов и после этого молча присутствовал при варварском наказании своего старшего сына; от открыл уста лишь для того, чтоб спросить, почему пощадили младшего. Узнав, что тот купил свою безнаказанность ценою покорности, престарелый отец обнял старшего сына, а младшего, уstraившегося казни, проклял. Завернувшись затем в свой казакин, он лег на землю и умер.

Казачество — наглядное доказательство того, что русская народная жизнь сама в себе находила средства восполнить мирное существование сельской общины. Казачество отворило дверь всем нетерпеливым и не любящим покоя, всем искавшим приключений и жаждавшим сильных ощущений, всем равным к опасным подвигам и к первобытной независимости. Оно вполне соответствовало тому буйному началу, которое выражается русским словом «удаль» и составляет одну из характерных черт славян.

Неутомимая стража крайних рубежей страны, казачество основало на этих опасных передовых постах военные, республиканские и демократические общины, сохранившиеся еще к началу восемнадцатого столетия. История их блистательна. Запорожцы были странствующими рыцарями простонародья. Казаки скорее становились разбойниками, непокорными, неукротимыми, нежели подданными какой-либо власти; они словно унаследовали те смутные догадки, то пророческое чутье, которыми отличались норманны. При Иване IV горсть казаков завоевала Сибирь. Вождь их, Ермак, не довольствуясь тем, что дошел до Тобольска, умирающей рукой водрузил свое знамя

в Иркутске. После него другой казак пробился сквозь ледяные пустыни*, как будто какая-то магнетическая сила влекла его к Тихому океану, как будто он провидел великое назначение России, раздвигающей свои пределы вплоть до границ Америки.

Только тупость немецкого правительства в Петербурге мешала ему оценить такое учреждение, как казачество. Прежде всех начал его притеснять Петр Великий, обрадовавшись предлогу, который дал ему Мазепа. Екатерина закрепила миллионы казаков, Николай разрушил их демократическое устройство, жалую дворянство выборным казачьим есаулам; Николай даже пытался исказить их народные песни. Разумеется, уклад казачьих общин плохо вязался с русским военным уставом. Считалось разумнее грубой силой насаждать нелепые военные поселения, нежели допустить развитие цветущих и глубоко народных казачьих общин.

Стремления позднейших европейских теоретиков не могут, разумеется, найти удовлетворение в общинном укладе русской деревни и республиканском строе казачьих поселений. Все в них было неразвито; личная свобода то и дело приносилась в жертву демократическому и патриархальному братству. Но кто же разрушает недостроенный дом, с тем чтобы снова построить его по прежнему плану? Не наша заслуга, что мы, при неизменном квиетизме, сохранили тот общинный строй, который германские народы давно уже утратили среди превратностей своей истории. Но это преимущество не надобно выпускать из рук. Воспользуемся опытностью наших предшественников; она им дорого стоила.

Западная Европа пожертвовала своим общинным устройством, а вместе с ним—своими крестьянами и ремесленниками, когда, после долгой и славной борьбы за развитие аристократического и буржуазного меньшинства, она достигла более широкого и богатого существования. Она имела католицизм, протестантство, рыцарство, исполненное поэзии, третье сословие, прославленное своей стойкостью, Реформацию и наконец Революцию, которая наполовину разрушила церковь и трон. Одна лишь Россия осталась в стороне от побед и славы своих соседей. Народ ее не в состоянии был следовать за европейским развитием, тем менее — его достичь; после киевского

периода он влачил жалкое существование. Монгольские ханы, византийствующие цари, германизированные императоры, помещики, подобные рабовладельцам, — вот властители России. И все же, хотя народ ничего не приобрел, он по крайней мере сохранил общину с равными правами всех ее членов на владение землей, на ее раздел.

Если русский крестьянин подчинился крепостному состоянию, то не без упорной борьбы. Легкий успех Дмитрия Самозванца, восторженное отношение к нему народа, его подражатели, которых уничтожали и которые снова появлялись с огромными полчищами под Москвой, — все это было бы непонятно, если бы не скрытая сила могучего, широкого, глубокого народного движения. Длительное сопротивление целого народа не смогло подорвать престол Романовых, но даже лживые правительственные хроники не могли обойти молчанием войны «разбойников». Стенька Разин, один из их предводителей, возглавил 200 000 человек. При царе Алексее было повешено более 12 000 крестьян. Столетие спустя императрица Екатерина II не раз бледнела при докладах ее генералов о пугачевском восстании. Пугачев сделал роковую ошибку, ту самую, которую затем повторил Кошут*. После взятия Казани он не пошел прямо на Москву, где, по свидетельству Кастера, 200 000 крепостных* с величайшим нетерпением ждали его войско. Мужиков истребляли во имя цивилизации, и Вольтер поздравлял северную Семирамиду с победами Бибикова и Панина.

Знамя восстания Пугачев поднял во имя освобождения крестьян. Девиз его был «*Ultor et redivivus*»¹. Взятый в плен и закованный в цепи, он отвечал подлому генералу, который собственноручно бил его и при этом грубо ругался: «Я только вороненок, а стервятник еще летает в поднебесье»^{2*}.

После полуторавековой борьбы русский народ покинул поле битвы. Пугачев был последним народным вождем. С тех пор народ больше не восставал массами, за исключением восстания в Старой Руссе в 1831 году. Оно отличалось страшной жестокостью, но чего можно было ожидать в ответ на террор.

¹ Мститель оживший (лат.). — *Ред.*

² Генерал назвал Пугачева вором, — *Vor* — слово, которое означает «ворон», если к нему добавить «он».

с помощью которого учреждались и поддерживались военные поселения? Что посеешь, то и пожнешь.

Трудно поднять восстание среди народа, рассеянного по необозримым равнинам, живущего в деревянных избах, в деревнях, открытых со всех сторон. Единственным убежищем такому народу могут служить леса, и граф Воронцов показал на Кавказе, как поступать с таким убежищем.

Притом самые злоупотребления исполнительной власти вносят путаницу в понятия народа. Крепостной, принадлежащий богатому помещику, рад найти у своего могущественного барина защиту против притеснений чиновников и полиции. Положение крепостных не везде одинаково тягостно и унижительно; вот почему не удаются объединенные действия и одновременное сопротивление; вот почему крестьянские бунты остаются разрозненными, местными и ограничиваются отдельными общинами, редко распространяясь даже на две или три из них.

По данным последней ревизии* крепостных крестьян мужского пола в России было 11 380 000 (женщины в счет не идут). Две трети этого числа принадлежат помещикам, владеющим не менее чем тысячью крестьян; от своих крепостных они обычно не требуют ничего, кроме оброка, т. е. денежной ренты, за которую предоставляют землю в полное распоряжение крестьян.

Обычно такие крестьяне и все вообще, принадлежащие богатым землевладельцам, как легко себе представить, менее несчастны, чем зависящие от мелкопоместных дворян и обязанные отбывать барщину. Притом крупные помещики, кроме нескольких летних месяцев, редко живут в своих имениях, тогда как мелкопоместные живут на своей земле круглый год и стараются возместить то, что они вынуждены были издержать во время своего пребывания в столицах. Скарედные и ненасытные, они во все вмешиваются, стараются из всего извлечь выгоду; сверх установленных податей, они взимают всевозможные поборы — в виде яиц, грибов, холста, овощей, фруктов, масла, молока и домашней птицы. А чтобы рассеять скуку, они развлекаются, нарушая супружеские права своих подданных.

Мелкие имения рассеяны по всей русской территории в

Европе. Сибирь, к счастью, не знает крепостничества. Окруженные поместьями крупных землевладельцев или большими общинами государственных крестьян, несчастные крепостные совершенно разобщены со своими соседями. Нельзя сказать, чтобы русские крестьяне проявляли особенно живое сочувствие к своим собратьям, но где и когда взаимное сочувствие само по себе поднимало массы на отмщение их поправленных прав? Правда, в 1839 и 1840 годах мы видели, как начиналось объединение крепостных общин. В некоторых уездах Симбирской и Тамбовской губерний убийства помещиков казались осуществлением определенного плана. Но обычно события развиваются иначе. Долгие годы молча терпят крепостные какой-нибудь общины, безропотно страдая и перенося всякие бедствия. Вдруг, без всякого предупреждения, вспыхивает бунт — крестьяне убивают помещика, режут его семью, сжигают его дом; с угрюмым терпением переносят наказание плетью, после чего их посылают погибать в сибирские рудники. Такой исход известен им заранее, но они дольше не в силах были терпеть. Причины таких бунтов заслуживают серьезного внимания. Обыкновенно они вызываются покушениями помещика на права общины. Крестьяне чувствуют себя жертвой, лишенной всякого покровительства и защиты; они изнемогают от непосильной работы, от непосильных поборов, грубый и жестокий управляющий постоянно подвергает их тягчайшим наказаниям, но все это кажется русскому крепостному бедствием преходящим и поправимым. Он никогда однако не может примириться, никогда не подчиняется без кровавого протеста вмешательству помещика в распределение общинных земель, в права на пастбища, в дела общины. Тут крепостной чувствует себя пораженным в последнем своем убежище, вне которого *он уже ничего не видит*. Тогда крестьянин убивает помещика. Почему же — можно спросить — крестьянин не домогается сначала восстановления своих прав? Чтоб жаловаться на нарушение права, нужно иметь законное основание. Община же в России существует *сама собою*, потому что ее нельзя искоренить, потому что она одна определяет весь нравственный уклад крестьянской жизни. Правительство признает это; дворянство этому подчинилось и привыкло к существованию общины.

По закону крестьянин может обратиться с жалобой только к уездному предводителю дворянства. Этот предводитель, избираемый дворянами, является естественным их защитником и перед правительством, и против народа. Полиция не принимает жалоб на помещиков, кроме чрезвычайных уголовных случаев, что непосредственно крестьян не интересует. Крепостному разрешается доносить на помещика только в случае, если тот принадлежит к тайному обществу или совершил преступление. Закон дозволяет лишь три дня работы на помещика в течение недели, а наблюдает за исполнением этого постановления полиция, *избираемая дворянством*. От времени до времени правительство с восторженным изумлением замечает злоупотребления, проявляет тогда поразительное мужество и наказывает одного или двух помещиков. Затем следует долгий и страшный промежуток, наполненный злоупотреблениями, ненаказанными и неотмщенными.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Как раз перед тем, как я в 1846 году уехал из России*, всю Москву взволновало дело, характерное для нашей страны. Некий князь, владелец обширных поместий в Орловской губернии, подверг одного из своих крепостных телесному наказанию. Крепостной умер под розгами. Согласно обычаю, священник и дьякон в сопровождении причетника присутствовали на похоронах и составили свидетельство о смерти этого человека. Добрый священник подписал его, добрый дьякон — также, но вот, читая эту бумагу, причетник заметил, что тут имела место не естественная смерть, а убийство. Ошеломленный этим заявлением, священник пытался разуверить причетника и убедить его подписать бумагу. Причетник решительно отказался. Узнав об этом затруднении, князь подумал, что причетник просто хочет воспользоваться удобным случаем и послал бедняку несколько сот рублей. Однако причетник стоял на своем; он призвал священника и дьякона в свидетели подкупа, после чего исчез, появился в Орле, проник к архиерею и доложил ему все это дело. Архиерей, не подготовленный к такому случаю, написал губернатору и уездному протоиерею. Орловский губерна-

тор оказался близким родственником убийцы. Понятно, он не пожалел усилий, чтобы замаять это дело, но непреклонный причетник упорствовал в своих обвинениях. Дело разгласилось и поставило полицию в очень затруднительное положение, так как преступление было слишком явным. Тайная полиция довела дело до сведения императора. Губернатор был отставлен; следствие, которое велось теперь на других основаниях, шаг за шагом установило, что князь Трубецкой и его жена постоянно подвергали своих крепостных жесточайшим истязаниям. В барской усадьбе нашли подземелье, где в цепях томились заключенные. Необходимо заметить, что подземные темницы и цепи совершенно не в обычае у русских помещиков. Князь был предан суду, осужден, лишен титула и прав и сослан в Сибирь вместе с достойной его супругой. Но император на этом не остановился; он приказал отдать под суд всех уездных предводителей дворянства, которые избирались с того времени, как князь Трубецкой обосновался в своем имении. Но, как и следовало ожидать, эта мера не была приведена в исполнение. В числе этих предводителей дворянства был Ш., впоследствии министр юстиции*, и дело приостановили из уважения к одному из самых посредственных администраторов.

Отношения между дворянами и крестьянами никак нельзя назвать благополучными. Разумеется, они отличаются всей напряженностью и неустойчивостью, какие только может вызвать взаимное недоверие. Гакстгаузен говорит о патриархальном характере этих отношений, но где мог он его наблюдать? Крупные помещики времен Екатерины II еще обращались со своими крестьянами покровительственно и со своего рода аристократической снисходительностью; мелкопоместные же дворяне, сами еще не расставшиеся с крестьянскими нравами, жили среди своих крепостных и держались очень просто. Но уже следующее поколение все больше и больше отдалялось от крестьян и простого образа жизни. Цивилизация внушала дворянству новые потребности и вместе с тем предлагала новые пути и средства для их удовлетворения. Развитие промышленности и фабрик, распространение начал политической экономии, *приспособленной к местным обычаям*, дали новые средства использования крестьян. Помещик—этот «патриарх», этот глава «клана», этот

«отец общины» — сделался мало-помалу из вельможи фабрикантом, плантатором, рабовладельцем.

Г-н Гакстгаузен все это видел и в этом отношении осведомлен так же хорошо, как и я, но в качестве монархического демагога он несомненно вынужден обойти все это молчанием. Этот писатель, который, к несчастью, испортил свой интересный труд неопишуемой, неистовой страстью к монархизму¹, слишком хорошо знает устройство русской общины, чтобы не видеть, что власть помещика является насилием над общиной, в которую она входит как элемент совершенно чуждый, паразитический и лишенный нормального основания. Гакстгаузену так же плохо удастся объяснить помещичьи привилегии мнимой патриархальностью, как и оправдать притеснительный деспотизм Петербурга *величием повиновения* — страстью, которую этот просвещенный немец называет отличительной добродетелью русского народа. На самом деле настоящим патриархальным главой общины является ее староста, избираемый общиной из собственной своей среды. Именно он занимает место отца семьи; он является представителем, защитником и естественным покровителем общины. Что же в таком случае представляют собой деятельность и обязанности помещика, этого чужака, непрошенного гостя, который время от времени — то чаще, то реже — вторгается в свои владения и взимает там дань подобно татарским баскакам, налетавшим на города. Староста, напротив того, не деспот и не может им сделаться; такого рода посползновения старосты встретили бы отпор в обычаях и традиционных правах общины. Собрание общины (мир) своей объединенной волей тотчас вернуло бы старосту в границы его власти и его обязанностей. Избираемый свободным голосованием всех работоспособных членов общины и на ограниченный срок, староста хорошо знает, что он превратится в простого мужика, если только его не выберут снова. Староста знает, что, после того как он управлял деревней, он обязан бу-

¹ Эта страсть довела его даже до прославления кнута для солдатских спин. Он говорит о плети с необыкновенным восторгом и приписывает ей всю славу Рима*, ссылаясь на авторитетное свидетельство некоторых почтенных и царственных (Königlich-Preussisch) <(из прусского королевского дома — нем.)> якобинцев или других.

дет (согласно поэтическому описанию г. Гакстгаузена) «стать на колени перед миром, сложить свой посох и знаки своей власти и просить простить ему, если он причинил общине какое-либо зло».

Понятно, община не нуждается в другом приемном отце, *в отчине*, который живет в стороне от общины и лишь время от времени появляется затем только, чтобы захватить львиную долю продуктов ее труда. Если бы помещик был только владельцем земли, то он не мог бы ничего требовать, кроме земельной ренты, но он, сверх того, обременяет крестьян подушной податью, облагает их труд независимо от земли и берет выкуп за право передвижения. Здесь уместно применить прекрасное выражение, как-то выравшееся у г. Гакстгаузена: «На основе сен-симонизма наизнанку помещик берет подать тем большую, чем больше таланта у облагаемого».

Над общиной должно было бы стоять только национальное единство, *res publica* (земское дело) или руководящая власть. Свободные общины группируются в более крупные единицы (волости), и, согласно русскому закону, избранные общинами старосты выбирают, в свою очередь, для всей волости начальника, также из простого народа, который называется головою. Многие головы имеют по тридцати тысяч душ под своим управлением. Кроме головы, избирается еще двое судей — нечто вроде мирового суда — для законного управления общинными делами и волостной полицией. В деревнях полицейские обязанности выполняются выборными десятскими и сотскими. Налоги и повинности распределяют голова и старики. Все это вместе является подлинно социалистическим *самоуправлением*, и оно действовало прекрасно до тех пор, пока мы не переняли немецкое устройство и византийские порядки.

Один из министров, г. Киселев, оказался способным оценить, хотя бы отчасти, превосходные принципы, на которых зиждется община. Не будь так развращено чиновничество, административная реформа Киселева* явилась бы во всяком случае началом признания петербургским правительством русского обычного права. Одно из главных несчастий нашего правительства заключается в том, что оно *чрезмерно* управляет. Оно во все вмешивается, все регламентирует, обо всем беспокоится: о длине еврейского лапсердака на польской границе, о длине волос

студентов наших университетов; то советует мужу делать выговоры жене, то убеждает молодых людей не проигрывать своего состояния в карты. Наш император — не только глава церкви и государства; он также главный столоначальник и командир хлопотунов. Он женит своих подданных и разводит их; он устраивает все и все расстраивает. *Talis rex*¹.

Но г. Киселев, поддерживая великие общинные установления, в то же время сам содействовал уничтожению чисто национальных и здравых основных черт своего плана чрезмерным административным вмешательством и неумеренной регламентацией; и это в стране, которой формализм противен и которая в самом деле не нуждается ни в каких искусственных добавлениях к вековым обычаям и традиционным порядкам. Допустить вмешательство чиновников во все крестьянские дела означало ввести вора в каждую общину; Киселев в каждой деревне открыл австралийские прииски для грабительства со стороны своих бюрократических золотоискателей. Честность самого министра вне подозрений, но неужто, прожив достаточно долгую жизнь, он не знал, что мелкие чиновники по всей России — не что иное, как патентованные разбойники и матерые воры?

Отчужденность чиновничьего мира от народа и народа от правительства достаточно очевидна. Петербургское правительство — это лишь временное, провизорное правительство, это террористическая диктатура, цезаризм, доведенный *ad absurdum*². Его народ — дворянство, но это лишь постольку, поскольку дворянство — враг народа. Г-н Гакстгаузен силится доказать противное: что императорская власть, в том виде, как она существует, является необходимой, национальной, логичной и народной. Правоверно католический цензор для поддержки императора-схизматика апеллирует к квазиатеистической философии Гегеля. Известно, что Гегель сбил многих людей с толку, облачив простейшую в мире теорию в самую необычайную формулу: «все существующее разумно». Ничто не может быть яснее, и, не вдаваясь в схоластические различия между *сущностью* и *видимостью*, можно согласиться с тем, что

¹ Таков царь (лат.). — *Ред.*

² до абсурда (лат.). — *Ред.*

всякое явление имеет свой *raison d'être*¹ и что абсолютная нелепость абсолютно невозможна. Не нужно быть великим метафизиком, чтобы знать, что там, где есть *следствие*, должна быть и *причина*. Жоффруа Сент-Илер открыл и описал точные законы тератологии; он удивительно удачно объяснил причины ненормального развития зародыша, но уроды остались уродами. Для нормального человеческого сознания уродство — это возможность, обусловленная внешними причинами, но оно никоим образом не может быть признано правилом. Простое исследование различных уродств было бы весьма уместно в России, но г. Гакстаузен вооружается преданной проклятью философией Гегеля для совершенно иной цели. Он делает вывод, что императорская власть в России является наилучшей формой правления! «Лишь одного не хватает, — продолжает наш благочестивый муж, — этому правительству для полного совершенства — это стать католическим». Донозо Кортес в Мадриде* имел обыкновение предсказывать конец мира, если Англия не поспешит помириться с католицизмом.

С тех пор как русское правительство отделилось от русского народа, две России стоят друг против друга. С одной стороны Россия *правительственная*, богатая, вооруженная не только штыками, но и всеми приказными уловками, взятыми из канцелярий деспотических государств Германии. С другой — Россия бедная, хлебопашенная, трудолюбивая, общинная и демократическая; Россия, безоружная, побежденная (*conquisita*) без боя. Что же удивительного в том, что императоры подчинили *своей* России — России придворных и чиновников, французских мод и немецких манер — другую Россию, бородатую, неотесанную, варварскую, мужицкую, не способную оценить призовное образование, которое низошло на нее царской милостью и к которому невежественный крестьянин питал нескрываемое и неподдельное отвращение. И что за дело ему до *той* России?

— Что ты в последнее время невесел? — сказал однажды граф, один из наложников, состоявших в свите императрицы Екатерины*, одному из своих прихлебателей.

Человек, к которому были обращены эти слова, частью

¹ смысл существования (франц.). — *Ред.*

в виде попроса, частью в виде упрёка, был бедный дворянин и служил гнусной мишенью для гнусных шуток пресыщенного фаворита. Этот шут, жирный, опухший, жадный, ежедневно с нетерпением ждал часа, когда можно будет нажраться за графским обедом. Заметив прозорливость жалкого плута, граф придумал необыкновенную шутку. Он велел купить хомут, надевал его шуту на шею и только в таком виде подпускал его к яствам и винам. Шут пожирал пищу, опустошал блюда и бутылки, исправно изображая дикого зверя. Это чрезвычайно забавляло хозяина и его гостей.

— Есть отчего горевать, — отвечал *упрямой* дворянин. — Из всех лиц вашей свиты один я, несчастный, не заслужил вашей милости.

— Как так?

— Разве вы не пожаловали казаков всем другим? И только я не удостоен ваших щедрот.

Граф расхохотался и, обратившись к гостям, сказал:

— Каков малый? Он не так глуп, как кажется. Так и тебе казаков захотелось?

— Почему же нет? — отвечал шут. — Ведь вам они ничего не стоят!

— Ну, конечно, чего ж они мне могут *стоить*? Ладно получишь свою долю казаков.

— Граф, вы шутите!

— Нет, вот тебе мое слово.

И Калибан осыпал поцелуями руку своего достойного покровителя.

Это было как раз в то время, когда в Малороссии вводилось крепостное состояние. Екатерина II — эта «мать отечества», одержимая ненасытимой похотью, пожаловала однажды триста тысяч крестьян мужского пола в уплату за одну из своих вавилонских оргий.

Графу стоило только сказать несколько слов, чтобы сдержать свое обещание, и *распряженный* дворянин отправился в Малороссию, где сделался владельцем и господином целой общины казаков.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать следующее действие этой драмы.

В прошедшем году, переезжая С.-Готард, я заметил одну русскую фамилию в книге для записи путешественников. К этой фамилии другой путешественник добавил биографическую заметку, не лишённую интереса. Камергер его императорского величества*, владетель поместий в Малороссии, много лет мучил своих крестьян и дворовых. Весьма богатый и ненасытно жадный, он вывел крестьян из терпения своими поборами и самодурством. В 1850 году, когда он жил в одном из своих поместий, доведенные до отчаяния крепостные решились примерно проучить своего господина. Однажды ночью они с оружием ворвались в его дом и, показав ему пучок свеженарезанных розог, предложили ему на выбор: смерть или телесное наказание. Камергер благоразумно выбрал розги и был исправно высечен. После наказания крепостные потребовали от него письменное обещание не разглашать событий этой ночи. Он написал и подписал это благородное обещание, больше того — он *сдержал его*, опасаясь худшего.

Несколько месяцев спустя начался рекрутский набор. Помещик поставил в рекруты одного из своих крепостных. Повидимому, этот рекрут был одним из самых усердных или самых сильных участников ночной экзекуции, и, понятно, он был убежден в том, что сдача его в солдаты явилась заранее обдуманым мщением со стороны помещика. Необходимо принять во внимание, что русский крестьянин испытывает ужас перед рекрутским набором. Молодой рекрут, в свою очередь, решил отомстить. Перед воинским присутствием он объявил во всеуслышание, что его отдадут в солдаты лишь потому, что он высек своего барина-камергера. Подумали, что он сошел с ума.

— А! Вы думаете, что я не в своем уме? — возразил он. — У меня есть кое-что, чему вы должны верить.

И он вынул из кармана и прочитал вслух камергерскую расписку.

Все были поражены. Открытие оказалось столь неожиданным, что не догадались уничтожить рекрута или уличающий документ; последний даже не вернули камергеру. Сгоряча о происшествии было составлено донесение. Свод русских законов не предусматривает такого казуса, как высеченный камер-

гер. Министр был в величайшем затруднении; он доложил императору. Император, который держал при себе камергера, пока тот сек своих крестьян, разгневался на камергера, как только того самого высекли. Он выгнал его из службы и выслал за границу; крепостные же не подверглись никакому наказанию. С тех пор наш экс-камергер, по приказу своего господина, выставляет напоказ свою полосатую спину и плечи во всех столицах цивилизованного мира. И он записал свое имя на вершине С.-Готарда.

История покажется еще пикантнее, если добавить, что этот исполосованный, пятнистый камергер, этот жестокий и трусливый помещик — не кто иной, как благородный внук того *упряжного* дворянина, того прожорливого шута, которого напустили на крепостную общину; *секли же его* потомки несчастных казаков, отданных в рабство и ставших добычей алчного скомороха.

Хорошо! Что же вы скажете об упряжном отце, об исполосованном сыне и об императоре Николае, который затеял *suí generis*¹ пропаганду, послав камергера путешествовать по Европе.

Я заключу свое письмо еще некоторыми подробностями о русском общественном строе.

В России нет майората. Петр I пытался ввести его, но майорат слишком противоречил русским нравам, и после смерти Петра его указ был отменен. Николай разрешил эту прихоть двум-трем привилегированным фамилиям и высшей аристократии; но это было исключением — одною нелепостью больше.

По общему правилу сыновья наследуют равные доли отцовского имущества. Это ведет дворянство к быстрому разорению. Помещик, владеющий двумя тысячами крестьян, занимает хорошее положение. Каждый из его сыновей получает лишь половину отцовского имущества; и они в свою очередь дробят эту половину между своими детьми. В то же время цены на все растут быстрее доходов от имений и числа крепостных. Цивилизация развивает у аристократов вкус к роскоши и потреб-

¹ своеобразную (лат.). — *Ред.*

ности, незнакомые нашим предкам; так что при доходе, уменьшившемся на три четверти, внуку приходится тратить в двенадцать раз больше, чем тратил его дед. Нельзя упускать из виду и другую важную сторону вопроса — нравы русских дворян. Нет народа в Европе более неспособного к порядку и к экономии, нежели русские и поляки. В течение двух-трех поколений состояния, и большие и малые, возникают и исчезают и переходят из рук в руки. Русские жадны, очень жадны, когда дело касается денег, но гораздо меньше своих соседей дорожат земельной собственностью. Русские любят деньги ради удовольствия ими сорить. Бережливость совершенно не свойственна нам. В России нет промежуточного слоя между скрягами и мотами.

Наследовав землю отца, сыновья обычно идут по его стопам. Если кому-либо из них понадобятся деньги, он закладывает свое имение в банке; деньги он скоро проматывает, а проценты за ссуду пожирают весь остающийся доход; имение вскоре продается с аукциона; излишек, если окажется, выплачивается бывшему владельцу, а когда он и это проест, то настает уже полное разорение.

Чтобы выйти из денежных затруднений, некоторые дворяне безудержно предаются карточной игре; другие с отчаяния пьянствуют и умирают от распутной жизни; третьи, более благоумные, поступают на государственную службу и начинают бессовестно воровать. Эти процветают, но сыновья их будут разорены. В период между 1812 и 1840 годами некоторые помещики старались стать исключением из общего правила. Большею частью это были люди, воспитанные вне России, поклонники экономистов вроде Сэя и Мальтуса. Они стали деятельны, переняли нравы буржуазии, но их было очень мало, и мало оказалось у них последователей.

Как же относилась русская община к вечной смене помещиков, к раздроблению их имений, ко всем этим непрерывным изменениям? Тысяча крестьян, принадлежавших одному помещику, распределялась между тремя-четырьмя общинами различной величины; каждая из них обладала своими особенностями, отличалась от других хозяйственным устройством, качеством земли. Помещик являлся хозяином лишь своего

имения в целом. При разделе ему приходилось уравнивать доли путем денежного вознаграждения или других уступок. К этому прибегают, но это возможно только в известных пределах. Переходим к вопросу о разделе самой общины. Иногда два или три брата владели совместно одной деревней, более или менее значительной. Раздел однако мог быть совершен и помимо их воли. Если доля одного из братьев отбиралась за долги, то не всегда новый собственник был расположен подчиняться условиям общего владения и общего хозяйства. Чаще всего он старался выделиться как можно скорее.

Самый богатый из этих собственников всячески обирает и преследует остальных; владельцы других частей страдают от затруднений, осложнений, от неисправимого беспорядка, а крестьяне их также разоряются.

Дробление общин и увеличение числа имений с запутанным распределением земли привлекло внимание правительства и *заставило* его принять меры для предупреждения полного разорения крепостных. Так правительство установило минимальное число крепостных, при котором уже не разрешается дальнейший раздел имений. Остается сделать следующий шаг — установить выкуп и решить вопрос об отчуждении земли. Очевидно, дворянские права при ближайшем рассмотрении не кажутся правительству столь уж священными, — разве в противном случае право помещика могло бы терпеть ущерб в зависимости от числа его крепостных?

В 1845 году тульским дворянам разрешено было собраться под председательством губернатора и предводителей дворянства. Речь шла о том, какие выработать меры для освобождения крепостных этой губернии.

Москва ждала таких же полномочий. С 1842 по 1846 год все возрастало возбуждение дворянства, а газеты настолько расхрабрились, что стали печатать статьи об освобождении крестьян. Было бы хорошо, если бы правительство оказало дворянам некоторую поддержку в осуществлении этой задачи; но ненависть ко всему, что зовется свободой или освобождением, столь глубоко укоренилась в этой семье неисправимых самодержцев, что Николай поспешил перечеркнуть все подобные проекты при первых же известиях о событиях 24-го февраля.

Такова последняя, современная фаза вопроса о крепостном праве в России. Крестьянин по-прежнему лишен всякой защиты, кроме защиты обычного права; он может быть оторван от своей семьи, от своей общины, хотя семья и община признаны законом; он может быть обращен в слугу. Помещик имеет право сечь его, лишь бы не до смерти: помещик имеет право посадить его в полицейскую часть за непослушание. Он имеет право сдать своего крепостного в солдаты и даже сослать его в сибирские рудники на собственный счет. Но в последних двух случаях крепостной по крайней мере становится свободным. Наконец, прочно вошла в обиход и постоянно производится продажа крепостных если не поодиночке, то во всяком случае семьями. Крестьянину предоставляется только такое количество земли, которое необходимо для жалкого прозябания. Помещик не имеет никаких обязательств по отношению к своим дворовым, кроме снабжения их пищей и одеждой в количестве, достаточном, чтобы они не умерли с голоду и холоду.

Могут ли продолжаться, — спрашиваю я, — эти чудовищные безобразия, не вызывая непрерывного, всеобщего протеста? Разумеется, хорошо и то, что время от времени раздается свободный голос, разоблачающий позорные учреждения, гнусное сообщничество правительства, которое постоянно толкует о своей силе, с дворянством, которое хвалится своей просвещенностью. Необходимо сорвать маску с этих рабовладельцев Севера, которые, зевая и картавя, шатаются по Европе, вмешиваются в чужие дела, выдавая себя за цивилизованных людей, даже за свободомыслящих, которые испытывают ужас, читая «Хижину дяди Тома», и содрогаются при чтении о продавцах *черного мяса*. И что же, эти блестящие салонные соглядатаи — это те самые люди, которые, вернувшись в свои имения, будут грабить, сечь, продавать *белых* рабов и которым прислуживает за столом их живая *собственность!*

20 декабря 1852.

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЛОНДОНЕ

БРАТЬЯМ НА РУСИ

Отчего мы молчим?

Неужели нам нечего сказать?

Или неужели мы молчим оттого, что мы не смеем говорить?

Дома нет места свободной русской речи, она может раздаваться инде, если только ее время пришло.

Я знаю, как вам тягостно молчать, чего вам стоит скрывать всякое чувство, всякую мысль, всякий порыв.

Открытая, всльная речь — великое дело; без всльной речи — нет вольного человека. Недаром за нее люди дают жизнь, оставляют отечество, бросают достояние. Скрывается только слабое, боящееся, незрелое. «Молчание — знак согласия», — оно явно выражает отречение, безнадежность, склонение головы, сознанную безвыходность.

Открытое слово — торжественное признание, переход в действие.

Время печатать по-русски вне России, кажется нам, пришло. Ошибаемся мы или нет — это покажете вы.

Я первый снимаю с себя вериги чужого языка и снова принимаюсь за родную речь.

Охота говорить с чужими проходит. Мы им рассказали как могли о Руси* и мире славянском; что можно было сделать — сделано.

Но для кого печатать по-русски за границею, как могут расходиться в России запрещенные книги?

Если мы все будем сидеть сложа руки и довольствоваться бесплодным ропотом и благородным негодованием, если мы будем благоразумно отступать от всякой опасности и, встретив препятствие, останавливаться, не делая опыта ни перешагнуть, ни обойти, тогда долго не придут еще для России светлые дни.

Ничего не делается само собою, без усилий и воли, без жертв и труда. Воля людская, воля одного твердого человека — страшно велика.

Спросите, как делают наши польские братья, сгнетенные больше вас. В продолжение двадцати лет разве они не рассылают по Польше все, что хотят, минуя цепи жандармов и сети доносчиков?

И теперь, верные своей великой хоругви, па которой было написано: «*За нашу и вашу волюность*», — они протягивают вам руку; они вам облегчают три четверти труда, остальное можете вы сделать сами.

Польское демократическое товарищество в Лондоне, в знак его братского соединёния с вольными людьми русскими, предлагает вам свои средства для доставления книг в Россию и рукописей от вас сюда.

Ваше дело найти и вступить в сношение.

Присылайте что хотите, все писанное в духе свободы будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений.

Мы готовы даже печатать безденежно.

Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рыльева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.

Приглашение наше столько же относится к панславистам*, как ко всем свсбодномыслящим русским. От них мы имеем еще больше права ждать, потому что они исключительно занимаются Русью и славянскими народами.

Дверь вам открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нет — это останется на вашей совести.

Если мы не получим ничего из России — это будет не наша вина. Если вам покой дороже свободной речи — молчите.

Но я не верю этому — до сих пор никто ничего не печатал по-русски за границую, потому что не было свободной типогра-

фии. С первого мая 1853 типография будет открыта*. Пока, в ожидании, в надежде получить от вас что-нибудь, я буду печатать свои рукописи.

Еще в 1849 году я думал начать в Париже печатание русских книг; но, гонимый из страны в страну, преследуемый рядом страшных бедствий, я не мог исполнить моего предприятия. К тому же я был увлечен; много времени, сердца, жизни и средств принес я на жертву западному делу. Теперь я себя в нем чувствую лишним.

Быть вашим органом, вашей свободной, бесцензурной речью — вся моя цель.

Не столько нового, своего хочу я вам рассказывать, сколько воспользоваться моим положением для того, чтоб вашим невысказанным мыслям, вашим затаенным стремлениям дать гласность, передать их братьям и друзьям, потерянным в немой дали русского царства.

Будем вместе искать и средств и разрешений, для того чтоб грозные события, собирающиеся на Западе, не застали нас врасплох или спящими.

Вы любили некогда мои писания. То, что я теперь скажу, не так юно и не так согрето тем светлым и радостным огнем и той ясной верою в близкое будущее, которые прорывались сквозь цензурную решетку. Целая жизнь погребена между тем временем и настоящим; но за утрату многого искусившаяся мысль стала зреее, мало верований осталось, но оставшиеся прочны.

Встретьте же меня, как друзья юности встречают воина, возвращающегося из службы, состаревшегося, израненного, но который честно сохранил свое знамя и в плену, и на чужбине — и с прежней беспредельной любовью подает вам руку на старый союз наш во имя *русской и польской свобод*.

Лондон, 21 февраля 1853.

DO REDAKCJI «DEMOKRATY POLSKIEGO»

Londyn, 20 maja 1853 r.

Obywatelu! W ostatnim numerze (z dnia 10 maja) zamieściłeś w tłumaczeniu odezwę, w której zawiadamiam współziomków moich: o założeniu Drukarni Rosyjskiej w Londynie, donosząc im równocześnie, o tej dłoni braterskiej, którą Centralizacja Tow. Dem. Polskiego podała mi, ku ułatwieniu tego dzieła propagandy.

Pozwól, Obywatelu, dodać mi jeszcze kilka względów ogólnych, dla których wierzę w niezwłoczną potrzebę Drukarni Rosyjskiej po za granicami Rosji, w dzisiejszej zwłaszcza chwili.

Przemiany ruchu filozoficznego i rewolucyjnego od końca XVIII wieku, wszystkie kolejno powtórzyły się w Rosji. Powtórzyły się one zdrobniałe, tak właśnie, jak aberracja gwiazd powtarza w małej mikroskopijnej elipsie, drogę, którą nasza planeta odbywa na wielką skalę.

Mniejszość wykształcona, mniej jest liczną w Rosji niż w reszcie Europy, musiały więc i objawy pojęć być w niej słabsze, bledsze, bardziej teoretyczne, mniej zastosowalne, ale w gruncie pojęcia te, wyrabiały się i zużywały się w tenże sposób w jakim się urabiały i zużywały w całej Europie.

Na zachodzie, poród pojęć rewolucyjnych był bolesny i trudny, ale wielki i dramatyczny. Każdy krok był zwycięstwem okupionym krwią. Dla nas, cośmy na scenę przybywali ostatni, wszystko było gotowe. Nie zostawało nam, jak otworzyć duszę naszą, przyswoić sobie pojęcia, otrząść się z narodowych przesądów, co zresztą trudne nie było.

My nie potrzebowaliśmy przechodzić przez boleści powtórnego porodu, przez straszliwe i okropne wstrząśnienia, przez powolne a pożerające choroby, po skutki już osiągnięte. Z Rewolucją ostatnią, skończyliśmy tak właśnie, jako się przez szczepienie kończy z naturalną ospą: i dziś, równie daleko jesteśmy od tych przejść dotkliwych, jak ci, którzy je wywołali.

W ogólności, te przedwstępne wyniki raz zdobyte i osiągnięte, są zdobyte i osiągnięte dla wszystkich ludów, które chcą wziąć w nich udział. Jest to następstwo naturalne prawa postępu, chronologicznej solidarności, historycznego prawa dziedzictwa, przelewalności pojęć, edukacji rodu ludzkiego wreszcie...

Ale nie na tym koniec.

Myśl rewolucyjna obecna — zmienia całkiem grunt.

Myśl rewolucyjna obecna — to Socjalizm. Bez Socjalizmu, nie ma Rewolucji. Bez niego jest tylko Reakcja, — czy to monarchiczna lub demagogiczna, zachowawcza, katolicka czy republikańska.

Stąd, Socjalizm ma dla nas daleko więcej pociągu, nad te wszystkie piękne teorie równouprawnienia władz i równowagi rządów. Socjalizm wiedzie nas na powrót w progi rodzinnego domu, któryśmy opuścili, przeto że ściany jego były nam za ciasne, że nas w nim nazbyt traktowano jak dzieci. Opuściliśmy go podążani nieco, udając się do wielkiej szkoły Zachodu. Socjalizm odprowadza nas do naszej zagrody wiejskiej, wzbogaconych doświadczeniem i uzbrojonych w naukę.

Nie ma ludu w *Europie*, bardziej przygotowanego do rewolucji socjalnej, nad wszystkich niezniemczonych Sławian, zaczynając od Czarnogórców i Serbów, a kończąc na ludnościach Rosyjskich w głębiach Syberii.

Sposób życia i prawa zwyczajowego Sławian, przedstawiają w swej treści, obraz organizacji i obyczajów gminnych czyli komunistycznych, w formie pierwiastkowej, wpół dzikiej, a którego najważniejszą przywarą jest brak osobistej, indywidualnej wolności, ale obraz, któremu podobnego nie ma nigdzie u ludów Rzymsko-Giermańskich. Żadne czysto polityczne zadanie, nie zdołało nigdy ludu Rosyjskiego do powstania poruszyć. Powstał on po dwakroć, silny i niewyciężony, w 1612 i 1812 r., ale to były zadania narodowej niepodległości.

Zadania społeczne, socjalne, znajdują większy rozgłos u ludu rosyjskiego, bo nie należy wątpić, że pojęcia wolności, czyli idee liberalne w Rosji, rozwijają się mimo ludu wiedzy.

Cały ruch polityczny i literacki od czasów Piotra I, odbywał się w łonie klas uprzywilejowanych, w mniejszości arystokratycznej, w Rosji, która przyjmując reformę Piotra I, przyjęła cywilizację Zachodu. Lud nie wziął udziału w tym dziele przygotowawczym, w wykształceniu, przez które mniejszość usiłowała odzyskać to, cośmy postradali przez osamotnienie nasze, od czasu panowania Mongołów aż do XVIII wieku.

Lud, bardziej gnębiony niżli kiedykolwiek, święcie przestrzegał swoich gminnych urządzeń, cierpiąc, znosząc wszystko aż do niewoli, byle mu je pozostawiono. Żadna propaganda z góry nie precyzyjowała się do niego. On dotąd nie czyta ksiąg nowym abecadłem pisanych; on zna tylko starodawne pismo słowiańskie. Jedyną propagandą, która go porusza, jest to propaganda ciemna, zamglona, religijno-sektarstwa.

Podczas tego snu ludowego, Rosja na sposób Europy układająca się, wpływa do wielkiego potoku historycznego. Wlewa się weń rzeczywiście za Aleksandra.

W XVIII wieku, literatura Rosyjska przedstawia się bezbarwnie, sztucznie. Jest to jakby czas jej nauki, terminu, próby, naśladownictwa literatury niemieckiej, a następnie francuskiej. Orzeźwia się nieco w początkach XIX wieku, ale idea petersburska, a jeżeli kto chce, bonapartystowska, samowładztwa ucywilizowanego, despotyzmu postępowego, bierze jeszcze górę nad innymi natchnieniami. Wspiera ją nawet wielki talent, Karamzin, sławny historyk.

Na szczęście, nie mogła się uformować szkoła *Gibellinów Rosyjskich*. Przeciwnie, mniejszość wykształcona oderwała się zupełnie od Rządu, po wojnach 1812 i 1814 r. Idee konstytucyjne szerzyły się z szybkością nie do wypowiedzenia. Cesarz Aleksander marzył sam nad projektem do konstytucji i spisywanie innych polecił Sperskiemu.

Spisek olbrzymi objął całą ucywilizowaną Rosję. Członkowie sprzysiężenia zasiadali w radzie cesarskiej, obozowali pod namiotami wojennymi. Między nimi liczono znakmitych generałów, świetnych oficerów, literatów, arystokratów, uczonych. Pałace

Petersburga, salony Moskwy, sztaby główne, kancelarie, szkoły nawet, pełne były spiskowych, wtajemniczonych do spisku, lub przynajmniej zwolenników jego. Nowe życie, ruchliwe, gorączkowe ogarnęło wszystkich. Budzono się, poczuwano się w sile, rzecko, młodzieńczo, zwycięsko, wzdychano do wolności, wierzono, że jak pokonano Napoleona, tak się też Aleksandra pokona, i mylono się. A wszak że były to jedyne piękne lata w życiu Rosji od wielu, wielu już wieków.

I jest to rzecz całkiem naturalna, że w owej epoce bujań i marzeń pojawił się wielki poeta rosyjski: *Puszkina*.

Wy wiecie, jako się spisek Pestla i Murawiewa zakończył we krwi, na placu Izaakowskim, w Grudniu 1825 r.

Absolutyzm zwyciężył, tak jak zwyciężył wszędzie i jak zawsze zwyciężać będzie mniejszości rewolucyjne w arystokratycznych mniejszościach.

Sprzysiężeni, w boju, na torturach (boć im wszakże ich nie szczędzono), na wygnaniu (które dotąd trwa jeszcze), okazali wielkość duszy nieporównaną. Żaden z nich nie żałował, żaden się czołganiem ni żebraniem łaski Carskiej nie splamił. Wpływ stąd moralny na młode pokolenie był ogromny. Z drugiej strony, arystokracja wzbijała się w dumę, podwajała swe siły, swe zuchwalstwo i bezwstyd.

Dziesięć lat ucisku, lodowego, nieubłaganego, rozpoczynają *czarne panowanie Mikołaja*.

Panował strach. Myśl odparta do głębi serca, [skazana na milczenie, zachodziła jadem, truła się. Niepodobna było jeszcze opatrzyć się, ocenić położenia, przejrzeć, wywikłać co czynić wypadało. I zabrano się do nauki.

Nigdy równie w Rosji nie oddawano się naukom.

Rewolucja i filozofia, nauki ścisłe i poezja, dzieje Rosji, nadewszystko dzieje Rosji, zajmowały wszystkie umysły poważniejsze.

Szkoła Hegłowska rozwinęła się w Moskwie i wywierała wpływ wielki na oświecenie publiczne. Miała swoje przeglądy w Petersburgu, i swoich profesorów w Moskwie, Charkowie, Kazaniu, swego wielkiego publicystę w Bielińskim, całą swoją wręcz literaturę. Znaliście jednego z najświetniejszych jej zwolenników — Michała Bakunina.

Z drugiej strony, urządził się Pansławizm moskiewski również zbrojny swym dziennikarstwem i swoimi profesorami, żarliwy w swoich historycznych badaniach i w swojej propagandzie. Przez wiele lat, musieliśmy z nim walczyć, bo był wyłącznym i nietoleranckim, ale zmasał on pewną część grzechów swoich przez niezaprzeczone zasługi, bo azaliż nie pierwszy on odkrył siły drzemiące w piersi Rosyjskiego chłopca?

Ruch umysłowy w Rosji zdawał się tym sposobem odżywać, a jednak mimo tych prac wewnętrznych, czuć się dawał wielki upadek na duchu. Ślady jego zostały w lirycznym sceptycyzmie Lermontowa, w nielitościwej ironii Gogola, w zawziętych i namiętnych krytykach Bielińskiego.

A nie był to skutek samego tylko ucisku? Zapewne, że nie mało on się przyczynił, ale była inna głębsza przyczyna.

Po rewolucji Lipcowej, zakończonej Lwońskimi rzezią, po powstaniu polskim, zakończonym *panowaniem porządku w Warszawie*, stracono w Rosji wiarę polityczną, zaczęto podejrzewać jałowość liberalizmu i bezsilność konstytucjonalizmu. Z jednej strony, postrzegano coraz widoczniej, że lud Rosyjski nie trzymał z mniejszością; z drugiej, zaczynało z przerażeniem dostrzegać ubóstwo idei rewolucyjnej panującej we Francji. Wątpiono, rozpaczano, szukano czegoś innego.

To coś, było już wynalezione w owej wielkiej rewolucyjnej pracowni, gdzie idee rodzą się na to, aby z niej jak najprędzej wyszły, tak właśnie jak owe ledwo narodzone dzieci, które matki unoszą ze szpitala położniczego.

Jest to godnym uwagi, że od 1835 r. dwie sprawy polityczne, które się odbyły w Rosji, obie były wytoczone o dążności socjalistowskie.

Co do nas: odpokutowaliśmy pięcioletnim wygnaniem nasze dla Saint-Symonizmu współczucie.

W 1849 r. około trzydziestu najzaciejszych i najznamienitszych obywateli, wysłano do ciężkich robót, oskarżonych o zawiązanie tajemnego stowarzyszenia: *ku szerzeniu nauk komunistycznych*, jako się wyraża artykuł urzędowy.

Wziętość nie do wypowiedzenia w Rosji pism Pani George Sand i Piotra Leroux, wielkie zajęcie z jakim czytano wszystkie publikacje o falangach i falansterach, a później Proudhona,

a obok tego, zupełna obojętność dla wszystkich publikacji politycznych, okazują najlepiej usposobienia powszechności rosyjskiej.

Podobnie, wszystkie znakomite płody literatury Rosyjskiej, pojawiające się między 1835 a 1848 r. noszą na sobie bardzo wyraźną barwę socjalną. Na dowód, dosyć przytoczyć powieść Dostojewskiego, jednego z wygnańców 1849 r., pod tytułem: *Biedni ludzie*.

Ale co nad to wszystko było ważniejszym, to owe zadziwienie, zmieszane, powiedzmy prawdę, z pewnym sromem i pewną zgrzyotą, z jakim wtenczas postrzegliśmy dopiero, po jakim stąpaliśmy gruncie.

Wiecznie zwróceniu ku Europie, z oczami wlepionymi i w zapasy i kwestie poza krajowe, znaleźliśmy bardzo mało społeczeństwo własne. Dopiero po zbadaniu Socjalizmu, poczuliśmy całą a niezmierną ważność w społeczeństwie naszym, naszej wiejskiej, rodzimej a komunistycznej gminy, obdzielającej przychody pomiędzy wszystkich swych członków, a nie przyznającej żadnemu indywidualnego posiadania. Dopiero wtedy, oceniliśmy osobliwego ducha tego Ludu, który wydzielony z gminy, byleby kilku jednego rzemiosła zebrało się gdziekolwiek, tedy wnet tworzy gminę rzemieślniczą, gminę ruchomą, stowarzyszenie.

Wtedy to postrzegliśmy, że ów Lud, który tak starannie przechował swoją gminę, nie doznał nigdy wpływu prawa rzymskiego, instytucji feodalnych, księży katolickich, dyskantów protestanckich, kodeksu mieszczkańskiego, że Lud ten ulegał tylko uciskowi czysto materialnemu, który go czynił bardzo nieszczęśliwym, ale który nie zdołał ani go zgnieść ani zepsuć dzięki jego gminie.

Każdy uczył natenczas, że rzeczą najważniejszą było pogodzić się z tym Ludem.

Pierwszy pomost między mniejszością a Ludem, między Rosją zamków czyli dworów a Rosją chałup czyli chat, między Rosją Piotra I, która zarazem przedstawiała zasadę osobistej wolności, a Rosją chłopów, *muzików*, która przechowała gminę, był tym sposobem rzucony.

Lud-niewolnik i szlachta ucywilizowana, zeszyli się w jednym życzeniu usamowolnienia włościan.

Nikt nie myślał o usamowolnieniu bez ziemi, o wyzwoleniu na proletariuszów, ale o usamowolnieniu włościan z gruntami gminnymi. Był to Socjalizm praktyczny.

Od 1842 r. wielkim zajęciem ludzi myślących w Rosji, był sposób wyzwolenia włościan. Wszystkie inne zadania zależały od niego. Rząd patrzył, Lud czekał.

Gdy wtem nagle po Rewolucji Lutego, nowa wściekłość reakcyjna porwała Mikołaja.

I tym razem udało mu się lepiej niż w 1826 r., lepiej niż w 1831 r. przytłumić wszelki objaw myśli ludzkiej. On usiłował ubiedz go nawet, wypędzając mnóstwo spragnionej nauk młodzię ze szkół, które odtąd stały pustkami.

Przed r. 1848 cenzura rosyjska była ostra, ale jednak możliwa. Po 1848 r. nie wolno nic już drukować w Rosji, co by człowiek uczciwy mógł wyrzec.

Mikołaj pozbawił nas mowy w chwili, gdy *po raz pierwszy* mieliśmy coś do powiedzenia Ludowi.

Mamyż uledez tej niemowie, pozostać z kneblem na ustach?

A więc nie było bardzo ważnym to, cośmy powiedzieć mieli, skoro teraz milczeć możemy.

Do nas, wychodźców rosyjskich, którzyśmy opuścili Ojczyznę z naszej dla niej miłości należy wznieść wolną mównicę dla słowa rosyjskiego poza granicami Rosji.

Wychodźcy rosyjscy dosyć już pisali, ale dotąd, raczej dla Europy niż dla Rosji.

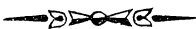
Było to potrzebne, niezbędne dla nas okazać Rosję pod wszelkimi względami i z najrozmaitszych stanowisk. Ale mamy inne powołanie jeszcze, a które jest daleko ważniejsze, prowadzić propagandę w Rosji i ułatwić ku temu środki braciom naszym w kraju.

To jest, co ja dzisiaj usiłuję wykonać.

Założenie *Drukarni Rosyjskiej* w Londynie jest czynem najpraktyczniej rewolucyjnym, jaki dziś Rosjanin może podjąć, oczekując na wypełnienie lepszych.

Takim jest głębokie me przekonanie.

Aleksander Herzen

В РЕДАКЦИЮ «ПОЛЬСКОГО ДЕМОКРАТА»

Лондон, 20 мая 1853 г.

Гражданин!

В последнем номере (от 10 мая) вы поместили перевод воззвания, в котором я извещал моих соотечественников об основании русской типографии в Лондоне, а также о том, что Централизация Польского демократического общества, в целях облегчения дела пропаганды, братски протянула мне руку*.

Позвольте мне, гражданин, прибавить еще несколько общих соображений, в силу которых я верю в неотложную необходимость русской типографии за пределами России, особенно в настоящее время.

Перемены в философском и революционном движении с конца XVIII столетия все поочередно повторились в России. Они повторились в уменьшенном виде, именно так, как абerrация звезд повторяет в маленьком, микроскопическом эллипсисе тот путь, который наша планета проходит в большом масштабе.

Образованное меньшинство менее многочисленно в России, чем в остальной Европе; оттого и идейные явления должны были быть в ней слабее, бледнее, более отвлеченными и менее пригодными в практическом отношении; но, в сущности, идеи эти вырабатывались и изживались таким же образом, как они вырабатывались и изживались во всей Европе.

На Западе роды революционных идей были мучительны и тяжелы, но вместе с тем величественны и драматичны. Каждый шаг был победой, купленной кровью. Для нас, явившихся на

сцену последними, было все готово. Нам не оставалось ничего больше, как раскрыть свои души, усвоить себе новые понятия, стряхнуть с себя национальные предрассудки, что, впрочем, не было трудно.

Нам не нужно было проходить через муки повторных родов, через ужасные и грозные потрясения, истощающие, затяжные недуги ради уже достигнутых результатов. С последней революцией мы справились именно так, как с оспой — путем прививки, и ныне мы так же далеки от этих болезненных явлений, как и те, которые вызвали их.

Вообще, раз известные результаты добыты и получены, они добыты и получены для всех народов, желающих пользоваться ими. Это — следствие естественного закона прогресса, хронологической солидарности, закона исторической наследственности и преемственности идей, наконец, воспитания человеческого рода...

Но это еще не все.

Современная революционная мысль полностью меняет свою основу.

Современная революционная мысль — это социализм. Без социализма нет революции. Без него есть только реакция — монархическая ли, демагогическая, консервативная, католическая или республиканская.

Оттого для нас социализм много привлекательнее, чем все эти красивые теории о равноправии властей и равновесии правительств. Социализм ведет нас обратно к порогу родного дома, который мы оставили, потому что нам тесны были его стены, потому что там обращались с нами, как с детьми. Мы оставили его немного недовольные и отправились в великую школу Запада. Социализм вернул нас в наши деревенские избы обогащенными опытом и вооруженными знанием.

Нет в *Европе* народов, более подготовленных для социальной революции, чем все неонемеченные славяне, начиная с черногорцев и сербов и кончая народностями России в недрах Сибири.

Образ жизни и обычное право славян в основе своей представляют картину общинной организации и общинных обычаев, или — коммунистических в первобытной, полуварварской

форме, главным недостатком которой является отсутствие личной, индивидуальной свободы. Ничего подобного не встречается нигде у народов римско-германских. Никакие чисто политические задачи не могли привести русский народ к восстанию. Он дважды восстал, сильный и непобедимый, в 1612 и 1812 годах, но это были задачи национальной независимости.

Общественные, социальные задачи найдут больший отклик у русского народа, так как, без сомнения, понятие свободы или либеральные идеи в России развиваются за пределами народного сознания.

Все политическое и литературное движение со времени Петра I совершалось в среде привилегированных классов России, в среде аристократического меньшинства, принявшего вместе с реформами Петра I цивилизацию Запада. Народ не принял участия в этом подготовительном просветительном движении, при помощи которого меньшинство пробовало наверстать то, что мы потеряли вследствие нашей изолированности со времени монгольского ига до XVIII столетия.

Народ, угнетаемый больше, чем когда-либо, свято хранил свои общинные учреждения и для сохранения их готов был терпеть все вплоть до рабства. Никакая пропаганда сверху не проникла к нему. Он до сих пор не читает новопечатных книг, ему знакомы исключительно древнеславянские письмена. Единственная пропаганда, волнующая его, — это проповедь темного, туманного религиозного сектантства.

В период этого народного сна Россия строится по образцу Европы и входит в великий исторический поток, с которым сливается по-настоящему только при Александре.

В XVIII столетии русская литература бесцветна и искусственна. Это — как бы время ее ученичества, пробы сил, подражания немецкой, а затем французской литературе. В начале XIX столетия она немного оживляется, но петербургская идея — если угодно, бонапартистская — просвещенного самодержавия, прогрессивного деспотизма все еще берет верх над другими влияниями. Поддерживает ее даже крупный талант, знаменитый историк Карамзин.

К счастью, школа *русских гибеллинов* не могла образоваться*. Наоборот, образованное меньшинство совершенно

оторвалось от правительства после войны 1812 и 1814 годов. Конституционные идеи распространились с несказанной быстротой. Император Александр сам мечтал о проекте конституции, а составление других проектов поручил Сперанскому*.

Громадный заговор охватил всю образованную Россию. Члены его заседали в царском совете и жили в военных лагерях. Среди них были знаменитые генералы, блестящие офицеры, литераторы, аристократы, ученые. Дворцы Петербурга, салоны Москвы, главные штабы, канцелярии, даже школы были полны посвященных в тайну заговора или, по меньшей мере, сочувствующих ему. Новая, подвижная, лихорадочная жизнь поглощала всех. Все очнулись, почувствовали в себе бодрые, юношеские, победоносные силы, все вздыхали о свободе и верили, что так же, как победили Наполеона, победят и Александра,— и все ошибались. А ведь это были единственные прекрасные годы в жизни России за многие столетия.

И совершенно естественно, что в этот период подъема и мечтаний явился великий русский поэт — *Пушкин*.

Вы знаете, какой кровавый конец постиг заговор Пестеля и Муравьева на Исаакиевской площади в декабре 1825 года.

Абсолютизм победил, как и везде и всегда он побеждал и будет побеждать революционные меньшинства в аристократических меньшинствах.

В битвах и в пытках (ведь на них не скупилась), в изгнании (продолжающемся до сих пор) заговорщики проявили несравненное душевное величие. Ни один не сожалел о своем поступке, ни один не запятнал себя пресмыкательством и выпрашиванием царской милости. Отсюда их громадное нравственное влияние на молодые поколения. В свою очередь, возросла самоуверенность аристократии, она удвоила свои силы, свою наглость и бесстыдство.

Десять лет неумолимого, леденящего гнета открывают *мрачное* царствование *Николая*.

Царил ужас. Мысль, загнанная в глубь сердца, обреченная на молчание, пропитывалась ядом, отравлялась. Невозможно было осмотреться, оценить положение, угадать и заключить, что следует делать. И принялись за науку.

Никогда в России так ревностно не отдавались наукам.

Революция и философия, точные науки, поэзия и история России — прежде всего история России — занимали все серьезные умы.

Гегелевское учение распространилось в Москве и оказало большое влияние на общественное просвещение. Оно имело свои обозрения в Петербурге, своих профессоров в Москве, Харькове, Казани, своего великого публициста в Белинском, наконец, свою большую литературу. Вы знали одного из самых блестящих его приверженцев — Михаила Бакунина.

С другой стороны, укреплялся московский панславизм, также вооруженный своей журналистикой, своими профессорами, воинствующий в своих исторических исследованиях и пропаганде. В течение многих лет мы должны были бороться с ним, потому что он был исключительным и нетерпимым; но он искупил часть своих грехов своими несомненными заслугами, — разве не он первый открыл силы, дремлющие в груди русского мужика?

Таким образом, казалось, что умственное движение в России оживает; и однако, несмотря на внутреннюю работу, чувствовался большой упадок духа. Следы его запечатлелись в лирическом скептицизме Лермонтова, в безжалостной иронии Гоголя, в беспощадной, страстной критике Белинского.

Но было ли это следствием только самого гнета? Конечно, и он немало этому способствовал, но тут была и другая, более глубокая причина.

После Июльской революции, окончившейся лионской *резней*, после польского восстания, окончившегося *водворением порядка в Варшаве*, в России потеряли веру в политику; там стали подозревать бесплодие либерализма и бессилие конституционализма. С одной стороны, становилось все очевиднее, что русский народ не солидаризируется с меньшинством, с другой — стали с ужасом замечать убожество революционной идеи, господствующей во Франции. Сомневались, отчаивались, искали чего-то иного.

Это «иное» уже было найдено в той большой революционной лаборатории, где идеи рождаются лишь для того, чтобы как можно скорее выйти оттуда, точь-в-точь как те новорожденные, которых матери уносят из родильного дома.

Знаменательно, что оба политических процесса, имевшие место в России с 1835 года, были возбуждены за социалистические убеждения.

Что же касается нас, то мы отсидели свои пять лет ссылки за сочувствие сен-симонизму*.

В 1849 году около тридцати самых благородных и замечательных граждан были сосланы в каторжные работы за организацию тайного общества *для распространения коммунистического учения*, по словам официального сообщения*.

Необычайная популярность в России сочинений г-жи Жорж Санд и Пьера Леру, огромный интерес, с каким читались все сообщения о фалангах и фаланстерах, а затем популярность Прудона и в то же время полное равнодушие к сочинениям политическим указывают лучше всего на настроение русского общества.

Точно также все наиболее замечательные русские литературные произведения, появившиеся между 1835 и 1848 годами, носят заметную социальную окраску, в доказательство чего достаточно привести повесть Достоевского, одного из ссыльных 1849 года, под заглавием «Бедные люди».

Но всего важнее было наше удивление, смешанное, правду сказать, с известным стыдом и угрызениями совести, когда мы вдруг заметили, по какой почве мы идем.

Вечно обращенные к Европе, со взором, прикованным к европейской борьбе и проблемам, мы чрезвычайно мало знали собственное общество. Только ознакомившись с социализмом, мы почувствовали всю неизмеримую важность для нашего общества нашей сельской родной коммунистической общины, разделяющей доходы между всеми своими членами и не признающей ни за кем права личного владения. Только тогда мы оценили особенность духа крестьянства, которое даже при уходе из общины, как только соберется несколько лиц одного и того же ремесла, сейчас же устраивает ремесленную общину,— общину подвижную, артель.

Тогда-то мы и заметили, что это крестьянство, так старательно сохранившее свою общину, никогда не подвергалось влиянию римского права, феодальных учреждений, католических ксендзов, протестантских болтунов, мещанского устава;

что крестьянство это подвергалось только чисто материальному гнету, который делал его очень несчастным, но не смог, благодаря общине, ни раздавить его, ни испортить.

Тогда всякий почувствовал, что самым важным делом было примирение с этим крестьянством.

Таким образом, был переброшен первый мост между меньшинством и крестьянством, между Россией замков или усадеб и Россией изб или хат, между Россией Петра I, признавшей принцип личной свободы, и Россией крестьян, *мужиков*, сохранивших общину.

Крестьянин-раб и образованное дворянство сошлись в одном желании: освобождения крестьян.

Никто и не думал о раскрепощении без земли, о превращении в пролетариев; все думали об освобождении крестьян с общинной землей. Это и был практический социализм.

С 1842 года главным занятием мыслящих русских было обдумывание способа раскрепощения крестьян. Все другие задачи зависели от этого. Правительство наблюдало, крестьянство ждало.

Вдруг неожиданно после Февральской революции новое реакционное иступление охватило Николая.

И на этот раз ему удалось подавить всякое проявление человеческой мысли лучше, чем в 1826 году, лучше, чем в 1831 году. Он пытался даже предупредить это проявление, изгоняя множество жаждущей науки молодежи из школ, которые с тех пор опустели.

До 1848 года русская цензура была крута, но все-таки терпима. После 1848 года там уже нельзя было печатать ничего, что мог бы сказать честный человек.

Николай лишил нас языка в тот момент, когда *впервые* у нас было что сказать народу.

Должны ли мы подчиниться этой немоте и остаться с намордником на устах?

Значит, недостаточно важно то, что мы собирались сказать, раз мы можем молчать теперь.

Нам, русским эмигрантам, покинувшим родину из-за любви к ней, следует создать свободную трибуну русской речи за пределами России.

Русские эмигранты довольно уже писали, но до сих пор больше для Европы, чем для России*.

Нам нужно было представить Россию со всех сторон и с самых разнообразных точек зрения. Но есть у нас и другое призвание, более важное: повести пропаганду в самой России, помочь в этом деле нашим братьям на родине.

Это именно то, что я ныне пробую исполнить.

Основание *русской типографии* в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня предпринять в ожидании исполнения иных, лучших дел.

Александр Герцен

ЮРЬЕВ ДЕНЬ! ЮРЬЕВ ДЕНЬ!

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ

Первое вольное русское слово из-за границы пусть будет обращено к вам.

В вашей среде развилась потребность независимости, стремление к свободе и вся умственная деятельность последнего века.

Между вами находится то самоотверженное меньшинство, которым искупается Россия в глазах других народов и в собственных своих.

Из ваших рядов вышли Муравьев и Пестель, Рылеев и Бестужев.

Из ваших рядов вышли Пушкин и Лермонтов.

Наконец, и мы, оставившие родину, для того чтоб хоть вчуже раздавалась свободная русская речь, вышли из ваших рядов.

К вам первым мы и обращаемся.

Не с словами упрека, не с невозможным на сию минуту зовом на бой, а с дружескою речью об общем горе, об общем стыде и с братским советом.

Горестно, стыдно быть рабами, но всего горестнее и больнее сознавать, что рабство наше необходимо, что оно в порядке вещей, что оно естественное следствие.

На нашей душе лежит великий грех, мы его унаследовали и в этом не виноваты, но мы удерживаем неправо унаследованное, оно стягивает нас, как тяжелый камень, на дно, и с ним на шею мы не всплывем.

Мы рабы — потому что наши праотцы продали свое человеческое достоинство за нечеловеческие права, а мы пользуемся ими.

Мы рабы — потому что мы господа.

Мы слуги — потому что мы помещики, и помещики без веры в наше право.

Мы крепостные — потому что держим в неволе наших братьев; равных нам по рождению, по крови, по языку.

Нет свободы для нас, пока проклятие крепостного состояния тяготит над нами, пока у нас будет существовать гнусное, позорное, ничем не оправданное рабство крестьян.

С Юрьева дня начнется новая жизнь России*, с Юрьева дня начнется наше освобождение.

Нельзя быть свободным человеком и иметь дворовых людей, купленных как товар, проданных как стадо.

Нельзя быть свободным человеком и иметь право сечь мужиков и посылать дворовых на съезжую.

Нельзя даже говорить о правах человеческих, будучи владельцем человеческих душ.

Разве царь не может сказать: «Вы хотите быть свободными — с какой стати? Берите оброк с ваших крестьян, берите их труд, берите их детей во двор, обмеривайте их землю, продавайте их, покупайте, переселяйте, бейте, секите их, — а если устали, посылайте ко мне в полицию, я охотно буду сечь за вас. Мало вам этого, что ли? Надобно честь знать! Предки наши уступили вам часть нашего самодержавия; кабала вам свободных людей, они оторвали полу царской багряницы своей и бросили ее на бедность вашим отцам; вы не отказались от нее, вы покрываетесь ею, живете под нею — какая же может быть между нами речь о свободе? Оставайтесь крепки царю, пока православные крепки вам. С чего помещикам быть свободными людьми?»

И царь будет прав.

Многие из вас желали освобождения крестьян, Пестель и его друзья ставили освобождение их своим первым делом. Спорили сначала о том — с землею или без земли дать волю? Потом все увидели нелепость освобождения в голод, в бродяжничество, и вопрос шел только о количестве земли и о возможном возмездии за нее.

В самых помещичьих губерниях, в Пензе и Тамбове, в Ярославле и Владимире, в Нижнем и, наконец, в Москве, вопрос об освобождении находил сочувствие и нигде не встречал того

остервенения, с которым американские помещики защищают свои черные права*.

Тульское дворянство подало проект; в десяти других губерниях совещались, делали предположения.

И вдруг дворяне и правительство перепугались*, и из их дрожащих рук выпали все благие начинания.

А бояться было вовсе нечего; разлив 1848 года был слишком мелок, чтоб понять наши степи.

С тех пор все заснуло.

Куда делось меньшинство, которое шумело в петербургских и московских гостиных об освобождении крестьян?..

Чем кончились все эти комитеты, совещания, проекты, планы, предположения?..

Наше сонное бездействие, вялая невыдержка, страдательная уступчивость наводят грусть и отчаяние. С этой распущенностью мы дошли до того, что правительство нас не гонит, а только пугает, и если б не юношеская, полная отваги и безрассудства история Петрашевского и его друзей, можно бы было подумать, что вы поладили с Николаем Павловичем и живете с ним душа в душу.

А между тем в деревнях становится неловко. Крестьяне посматривают угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякие вести бродят. Там-то помещика с семьей сожгли, там-то убили другого цепами и вилами, там-то приказчика задушили бабы на поле, там-то *камергера* высекли розгами* и взяли с него подписку молчать.

Крепостное состояние явным образом надоело мужикам, они только не умеют приняться сообща за дело. Вы с своей стороны знаете, что шагу вперед нельзя сделать без освобождения крестьян. Но оно-то, по счастью, всего больше зависит от вас.

Зависит сегодня. Мы не знаем, что будет завтра.

Чего ж вы ждете, в самом деле?

Разрешения правительства? Оно дало вам какой-то лукавый и двусмысленный намек в 1842 году*. Вы им не воспользовались.

Да и какое тут позволение? Насильно заставить владеть невозможно, что было бы тиранство совершенно нового рода, обратная конфискация.

Вникните в наши слова, поймите их.

На сию минуту вы имеете за себя больше нежели право¹, факт владения — власть. Так или иначе, но ключ от цепи у вас в руках. Нам кажется умнее, *расчетливее* уступить, нежели ждать взрыва. Умнее бросить за борт долю груза, нежели дать утонуть всему кораблю.

Мы не предлагаем вам, как Христос Никодиму *, раздать ваше достояние из самоотвержения, у нас нет вам рая в замену за такую жертву. Мы ненавидим фразы и вовсе не верим в по-вальное великодушие, ни в бескорыстие целых сословий. Французское дворянство 4-го августа 1792 года поступило в десять раз больше умно, нежели самоотверженно*.

Взвесьте, что вам выгоднее — освобождение крестьян с землею и с вашим участием или борьба против освобождения с участием правительства? Взвесьте, что выгоднее — начать собой новую, свободную Русь и полюбовно решить тяжелый вопрос с крестьянами или начать против них крестовый поход с ружьем в одной руке, с розгой в другой? Если есть только будущность Руси и миру славянскому — *крестьяне будут свободны...*

Или вовсе не будет России, и след ее, отмеченный ненужной кровью и дикими победами, исчезнет мало-помалу, как след татар, как второй неудачный слой северного населения после финнов. Государство, не умеющее отделаться от такого черного греха, так глубоко взошедшего во внутреннее строение его, — не имеет права ни на образование, ни на развитие, ни на участие в деле истории.

Но ни вы не верите такой страшной будущности, ни я.

И вы и я — мы чувствуем и знаем, что освобождение крестьян необходимо, неотразимо, неминуемо.

Если вы не сумеете ничего сделать, они все-таки будут свободны — по царской милости или по милости пугачевщины.

В обоих случаях вы погибли, а с вами и то образование,

¹ Всякое дворянство на Западе может сослаться на какие-нибудь слабые, призрачные права владения крестьянами; у нас и тех нет. Не кровью приобрело русское дворянство рабов, а рядом полицейских мер, низким потворством царей, плутнями чиновников и бесстыдной алчностью своих праотцев.

до которого вы доработались трудным путем, оскорбительными унижениями и большими неправдами.

Больно, если освобождение выйдет из Зимнего дворца, власть царская оправдается им перед народом и, раздавивши вас, сильнее укрепит свое самовластие, нежели когда-либо.

Страшна и пугачевщина, но, скажем откровенно, если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшные преступления влекут за собой страшные последствия.

Это будет одна из тех грозных исторических бед, которые предвидеть и избежать заблаговременно можно, но от которых спастись в минуту разгрома трудно или совсем нельзя.

Вы читали историю пугачевского бунта, вы слышали рассказы о старорусском восстании*.

Наше сердце обливается кровью при мысли о невинных жертвах, мы вперед их оплакиваем, но, склоняя голову, скажем: пусть совершается страшная судьба, которую предупредить не умели или не хотели.

Если б мы думали, что эта чаша неотвратима, мы не обратились бы к вам, наши слова были бы тогда праздны или походили бы на неуместную и злую насмешку.

Совсем напротив, мы уверены, что нет никакой роковой необходимости, чтоб каждый шаг вперед для народа был отмечен грудями трупов. Крещение кровью — великое дело, но мы не разделяем свирепой веры, что всякое освобождение, всякий успех должен непременно пройти через него.

Неужели грозные уроки былого всегда будут немы?

И кого может лучше поучать прошедшее и настоящее, как не вас: вы зрители, вы смотрите сложа руки на грозную борьбу, совершающуюся в Европе.

Чем дошла она, за исключением Англии, до петербургского управления, до того, что образованнейшие города ее превратились в съезжие дворы, Париж — в человеческую бойню, Франция — в католическую Сибирь, Германия — в остзейские провинции? Упорным нехотением уступать тому мощному веянию, которое неотразимо двигает род людской.

Западные мещане все потеряли — честь, покой, свободу, все так трудно нажитое их собственной кровью, — и что же,

победили ли они тот натиск страстных стремлений к новому общественному чину, которого они так боятся? Нет. Правда, сломленные, оттолкнутые порывы отступили, но не исчезли, не уничтожились, они бродят и роются глубже в тайниках сердца человеческого, делают горькою мысль, острою кровь и трепетным огнем гнева пробегают суставы всего тела.

Вместо общественного пересоздания готовится общественное разрушение. Мало будет теперь тем, которым так добродушно обещали три месяца голода и дали пять лет мученичества*, мало для них теперь одного водворения нового, им надобна месть. Они заслужили эту награду.

Учитесь, пока еще есть время.

Мы еще верим в вас, вы дали залогов, наше сердце их не забыло, вот почему мы не обращаемся прямо к несчастным братьям нашим для того, чтоб сосчитать им их силы, которых они не знают, указать им средства, о которых они не догадываются, растолковать им вашу слабость, которую они не подозревают, для того, чтоб сказать им:

«Ну, братцы, к топорам теперь. Не век нам быть в крепости, не век ходить на барщину да служить во дворе; постоимте за святую волю, довольно натешились над нами господа, довольно осквернили дочерей наших, довольно обломали палок об ребра стариков... Ну-тка, детушки, соломы, соломы к господскому дому, пусть баричи погребутся в последний раз!»

Вместо этой речи мы вам говорим: предупредите большие бедствия, пока это в вашей воле.

Спасите себя от крепостного права и крестьян от той крови, которую они должны будут пролить.

Пожалейте детей своих, пожалейте совесть бедного народа русского.

Но торопитесь — время страдное, ни одного часа терять нельзя.

Горячее дыхание больной, выбившейся из сил Европы веет на Русь переворотом. Царь отгородил вас забором, но в казенном заборе его есть щели и сквозной ветер сильнее вольного.

Наступающий переворот не так чужд русскому сердцу, как прежние. Слово *социализм* неизвестно нашему народу, но

смысл его близок душе русского человека, изживающего век свой в сельской общине и в рабочей артели.

В социализме встретится Русь с революцией.

Таких океанических потоков нельзя в самом деле остановить таможенными мерами и розгами... Посторонитесь, если не хотите быть потопленными, или плывите по течению.

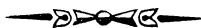
...Может, те из вас, которые не хотят освобождения, думают, что царь поможет им в разгроме.

Они привыкли к свирепым военным усмирениям, они привыкли к роли палача, которую правительство так охотно берет на себя по требованию помещика. Они привыкли к его преступной глухоте к крестьянским жалобам и к его позорному потворству противозаконным продажам, чрезмерным податям, насильственному употреблению крестьян вне деревни...

Быть может, в самом деле царь поможет теми средствами, которыми его *благословенный* предшественник помог введению военных поселений, засекая до смерти десятого, двадцатого человека... Может...

Но если вы воспользуетесь с ними вместе царской защитой, тогда смотрите, ведите себя хорошо и смирно; забудьте всякое человеческое достоинство, и речь сколько-нибудь свободную, и мечту о личной независимости, будьте тогда верноподданными и только верноподданными.

Не то, вспомните, если юродивый австрийский император, отрешенный от дел за неспособность, нашел средство унять галицких помещиков * с своим сообщником Шелой — что с вами сделают Николай Павлович и его дети?

ПОЛЯКИ ПРОЩАЮТ НАС!

Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная победа соединили Польшу с Россией.

По клоку отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцию за провинцией, и, как неотразимое бедствие, как мрачная туча, подвигалась все ближе и ближе к ее сердцу. Где она не могла взять силой, она брала хитростью, деньгами, уступала своим естественным врагам и делилась с ними добычей.

Из-за Польши приняла Россия первый черный грех на душу. Раздел ее останется на ее совести. Менее преступно было бы взять сразу всю Польшу за себя, чем делиться ею с немцами.

Варшава и Царьград были две мучительные мечты, два маящие призрака, не дававшие спать Зимнему дворцу.

Александр, после 1812 года, победил всю Европу, а взял только Польшу. Его войска, вступая в Париж, завоевали, собственно, одну Варшаву.

Европа, тогда уже дряхлая и опустившаяся, бессмысленно отдала Польшу, отдала ее в Вене, спасенной поляком *. Европа думала, что после взятия Парижа нечего бояться. Она была обеспечена с запада. Никому в голову не пришло, что зато дорога с востока была протоптана казаками.

Александр уверил Европу, что можно быть русским императором и вместе с тем королем польским. Он уверил, что петербургский самодержец может быть конституционным государем в Варшаве.

Это была ложь.

Лицемерную ложь заменил Николай свирепой истиной. Чувствуя грубую руку его, Польша восстала.

После девяностых годов ничего не было ни доблестнее, ни

поэтичнее этого восстания. Это не трехдневный бой на улицах, это не невзначай одержанная победа над войском, взятым врасплох и не расположенным драться, — это была отчаянная война десяти месяцев. Война, которую вело целое войско против войска в три раза сильнее, — войско, ставшее за народ, умиравшее за народ, а не за власть, не за палачей*.

Задавленные силой, преданные западными правительствами и своими изменниками, поляки, сражаясь на каждом шагу, отступали. Перейдя границу, они взяли с собой свою родину и, не склоняя головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свету*.

Европа расступилась с уважением перед торжественным шествием отважных бойцов.

Народы выходили к ним на поклон. Цари сторонились, чтоб дать им пройти.

Европа проснулась на минуту от их шагов, нашла слезы и участие, нашла деньги и силу их дать.

Благородный образ польского выходца, этого крестового рыцаря свободы, остался в памяти народной. Он искупал век малодушный и холодный, он примирял человека с людьми и оживлял надежды, давно заснувшие.

Двадцать лет на чужбине, в нужде и лишениях, в поте лица зарабатывая скудный кусок хлеба, часто притесненные и гонимые из страны в страну, польские выходцы неунышно трудились с одной заветной мыслию возрождения свободной Польши. И вера их не побледнела от грозных событий, и любовь их не простыла от всевозможных оскорблений, и деятельность их не притупилась, и мышцы не ослабли от усталости и безуспешности. Совсем напротив, на всякой роковой перекличке, в грозные дни борьбы и опасности, они первые отвечали: «Здесь!», как сказал один из их вожатаев*. И действительно, белокурый сын Польши являлся в первых рядах всех народных восстаний, принимая всякий бой за вольность — боем за Польшу.

Но не все их отечество было на чужбине.

В то время как одна Польша шла на запад, спасая удалением родину, другая Польша в цепях шла в Сибирь, спасая ее мученичеством. Все живое, все неумолкнувшее, все надеявшееся, юное и старое, женщины, монахи и дети — все шло в снежные степи.

Двадцать лет с тою же упорностью, с тою же настойчивостью

свирепствовал в Польше царь, попирая ногами все польское, все человеческое.

Прибив к земле последние ростки, он снял границу между Польшей и Россией...

— Неужели во всем этом только и смысла, что кровавая борьба, изгнание, ссылка, позорная победа, неправое стяжание?

Нет. Сквозь мрачный ряд событий, сквозь дымящуюся кровь, через виселицы, через головы царя и палачей просвечивает иной день. Из-за насильственного единства виднеется единство свободное, из-за единства, поглощающего Польшу Россией, единство, основанное на признании равенства и самобытности обоих, из-за царского соединения—соединение народное. Скованные поневоле колодники, всматриваясь более и более, узнали друг в друге братьев; та же кровь сказала, и семейная вражда иссякает.

Вражда! Откуда она?.. Откуда взялось это непреодолимое чувство неприязни, которое влекло сначала Польшу в Русь, потом Русь в Польшу.

Нам всегда была подозрительна эта ненависть, нам не верилось этой вражде. Не крылось ли под ними желание пополнить себя, не было ли в соседской зависти неясного чувства обоюдной неполноты и односторонности?

Им недоставало друг друга, а они терзали, уничтожали одна другую.

Русь, сильная единоплеменностью, народным чувством своей целостности, своего братства, срослась в огромное государство. Но в этом печальном государстве явным образом чего-то недоставало. Жизнь его скрылась по деревням или стремилась к окраинам, выступая непрерывно за свои пределы, как будто томимая тоской, она искала убежища от внутренней тесноты, от царского гнета, и не находила, потому что всюду несла с собою его мертвящую власть.

Русь сохранила общину, развила государство, образовала войско, но не развила вольного человека.

Против нее, *равной* перед своим гнетом, стояла Польша, *неравная* в своей свободе.

Личность, признанная Польшей за вольную, была облечена во все самодержавие человеческого достоинства, она была венцом славы и победным венцом польского развития. Царст-

венное «не позволяю», принадлежавшее всякому свободному человеку, непонятное верноподданным арифметического большинства голосов, выражает чистейшим образом славянское начало единодушия и беспредельной воли лица.

Но *другие* личности в Польше не были свободны, и с этим противуречием она сладить не могла.

Славяне не умеют долго и умеренно жить в двойстве народной неволи и аристократической свободы. Тот или другой элемент непременно выступит из всех границ. Свободный делается тираном; исключенный из прав — рабом.

Может, все славяне — рабы оттого, что они не могут быть все свободны.

Польша утратила на время нераздельную целость, государственное значение — в искушение своего отчуждения, своего западного аристократизма, своей преданности папежу.

Ей надобно было, волей или неволей, снова сблизиться с славянским миром, вспомнить свое славянское начало. Польша — не Венгрия, не безродная, не одна на свете, — с правой и с левой стороны, на юг и на север она окружена славянами.

Свою односторонность Польша много искупила отвагой в бою, непреклонностью в изгнании, мучениками, непрерывно падающими под царским гонением, под вражьими пулями, под топором палачей.

Недоставало еще одной жертвы. Она приносится *теперь*.

Поляки более и более сближаются с русскими.

Мы говорим о Польше демократической, народной, современной.

Для нее та Польша, которая ненавидела Россию, о которой мечтали ее олигархи и ее полководцы, становится так же чужда, как петербургская Русь. С той разницей, что одна имеет за себя силу, а другая против себя свое бессилие.

Мы всегда искали этой близости, — с нашей стороны тут нет и достоинства, мы виноваты, мы оскорбители, нас угрызала совесть, нас мучил стыд. Их Варшава пала под нашими ядрами, и мы ничем не умели показать ей наше сочувствие, кроме скрытых слез, осторожного шепота и робкого молчания.

Муравьев, Пестель и их друзья первые протянули руку полякам. Народ польский, в то время как сейм произносил

извержение дома Романовых, служил в Варшаве торжественную панихиду Муравьеву, Пестелю и их друзьям *.

Но между тем временем и нашим прошел черный 1831 год. Россия вполне заслужила новую ненависть Польши.

... После долгих годов озлобления раздался наконец голос Мицкевича, говоривший о том великом славянском единстве, которое должно покрыть частную вражду Польши и России *.

В 1845 году польские демократы в Лондоне обратились с теплой речью к русским и спрашивали себя и их: «Откуда эта ненависть, слишком ожесточенная, чтоб быть продолжительной, слишком долгая, чтоб быть естественной? Думал ли кто-нибудь из вас об ней, отдали ли мы себе в ней отчет?»

И они звали на примирение и на общую борьбу *.

Голос их не дошел до нас; но тогда уже молодежь всех русских университетов тесно соединялась с польскими юношами, присылаемыми к нам правительством.

Накануне Февральской революции наш Бакунин явился перед собранием поляков, праздновавших годовщину варшавского восстания. Он просил забвения прошедшему и предлагал во имя юной России союз и братство *.

Его речь была принята кликами сочувствия. Но несмотря на все на это, скажем откровенно, истинного мира и соглашения не было.

Трудно было полякам переломить вековой предрассудок и забыть свежее оскорбление. Палачей своих никто не любит, как бы казни ни были чужды их сердцу. Надобен был длинный труд мысли, ряд испытаний для того, чтоб подвигнуть поляков не только на забвение бывшего, но на соединение с нами.

Вот та новая жертва, которая требовалась от их безграничной преданности.

Они ее приносят. После стольких потерь, стольких жертв, они жертвуют самой *ненавистью*.

Пока мир тщетно ждет царской амнистии полякам, Польша дает амнистию народу русскому.

Еще более. Она в лице своих демократических вожатаев протягивает вам свою руку.

И это более, нежели соединение двух неприятелей против одного общего врага.

Великий поляк Конарский, принесший свою грудь палачам из-за границы для того, чтоб проповедовать свободу в польско-русских губерниях, и неизвестный русский офицер Караваев, погибнувший, желая спасти Конарского, осужденного на смерть, — вот первообраз того соединения, о котором идет речь*.

Торопитесь взять протянутую вам руку, она вас будит, она вам напоминает, что ваш час приближается, что пора, наконец, вам завоевать человеческое достоинство или потерять на него права ваши.

Рука эта в то же время рука Муравьева и Пестеля.

Вы полны прекрасных стремлений, но вы неопытны, как дети, вы гибнете понапрасну или сидите сложа руки; увлекаетесь невозможными надеждами или отдаетесь неоправданному отчаянию. Все, что вы делаете, не имеет ни единства, ни определенной цели. Оттого все ваши стремления, усилия выдыхаются бесплодно. Ваша мысль объемиста и глубока, ваше сердце свежо, вы знаете народ, вы не свихнули свой ум, не испортили своего инстинкта, не истощили своих сил среди ложных страстей, среди бессильной болтовни, завистливых притязаний и застарелого растления.

Но при всем этом вы праздны.

Внутренний труд, созерцание, изучение дали вам много, но они не дадут вам теперь ничего больше. Мысль и так опередила события. Мысль без дел мертва, как вера. Чем более она расходится с жизнью, тем она становится суше, холоднее, бесстрастнее, ненужнее. Германия служит вам примером и угрозой.

Одно теоретическое развитие, отвлеченное и не переводимое в жизнь, противно славянскому характеру. Для вас это слишком мало и слишком легко.

Бесплодное негодование, ученые споры, благородные стремления, тоска по свободе и весь этот революционный эпикуреизм и лиризм не идет нам более, мы выросли из него; он слишком сбивается на смиренные упования христиан, которых невозможность им самим очевидна, но которые они поддерживают для нервного раздражения.

«Наше время, — говорят, — не настало». Оно никогда не настанет, если мы не будем работать. История делается волей человеческой, а не сама собою. Оттого она нам так дорога.

Грядущие события теперь покрыты громовой тучей. Откуда ударит гром, кого поразит стрела, где разразится гроза, никто не знает. Но если вы не будете изготовляться, и эта гроза пройдет мимо наших голов.

Мы писали вам, объявляя об учреждении вольного русского книгопечатания в Лондоне, что «дверь вам открыта — ваше дело ею воспользоваться».

«Три четверти труда сделаны нашими польскими братьями, остальное вы можете сделать сами».

Ваше дело — найти вам протянутую руку; ваше дело — вступить в сношение с нами и с нашими друзьями.

— Где? Как? — Оглянитесь... Возле вас, за вашими плечами...

Но сношения с нами опасны.

— Без всякого сомнения.

Бегущему опасности тут нет места.

До сих пор нас никто не обвинял в трусости, мне кажется, что доля опасения происходит не от трусости, а оттого, что революционная деятельность вам необыкновенна и дика.

Половина нашей молодежи обыкновенно вступает в военную службу. Я не слыхал, чтоб военные шли в отставку при начале кампании, — а ведь на войне еще опаснее. Отчего же одни и те же люди отважно подставляют грудь пашке чеченца, пуле лезгина, идут на стены Измаила, падают от чумы и неприятели за Балканами — и боятся в тиши и тайне начать союз и общий труд с великой и святой целью освобождения?

Со стороны Польши забыта обида, прощено насилье, пожертвована ненависть. Она, правая, многострадальная, — протягивает руку. Стыд нам, если мы не сумеем ее взять.

Я чувствую, что это невозможно, я *чувствую*, что мы достойны союза с нею. Вам следует это *доказать*.

Соединитесь с поляками в общую борьбу «за нашу и их вольность», и грех России искупится, и не напрасно пропадет наше 14 декабря, и мы с гордостью и умилением скажем когда-нибудь миру:

Польша не сгинула бы и без нас — но и мы облегчили ей тяжкую борьбу!

Лондон, 20 июля 1853 года.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Предисловие ко второму изданию

Три года тому назад, делая первые опыты русских изданий в Лондоне, я напечатал небольшой отрывок о крепостном состоянии под заглавием «Крещеная собственность». Я не придаю никакой важности этой брошюре, напротив, нахожу ее весьма недостаточной, но издание разошлось. Г-н С. Тхоржевский изъявил мне свое желание сделать новое — и я не считал нужным не предоставить ему этого права.

Много событий совершилось в России в эти три года, но *крепостное состояние* осталось как было — язвой, пятном, тем безобразием русского быта, которое смиряет нас и заставляет, краснея и с поникнувшей головой, признаться, что мы ниже всех народов в Европе.

С каким теплым упованием, с каким сердечным трепетом ждали мы после смерти Николая тех возможных, общечеловеческих перемен, которые можно было совершить без потрясающих переворотов, одним уразумением своего смысла и своего призвания со стороны правительства. Из дали нашего изгнания мы смотрели с надеждой и без малейшей желчи. Сначала мешала война... Прошла война — ничего! Все отложено до коронации... Прошла и коронация — все ничего! И новое царствование вступило в свой ежедневный обиход. Все реформы до сих пор ограничиваются фразами и далее риторики не идут.

А ведь как было легко сделать чудеса — вот что непростительно, вот чего мы не можем вынести. У нас сердце обливается кровью и досада кипит в груди, когда мы думаем — чем могла бы быть Россия при выходе из мрачного царствования Николая,

разбуженная войной, призванная к сознанию, без ошейника рабства на шее; как быстро, как самобытно и мощно могла она двинуться вперед.

Нет даже начала освобождения крестьян — этой первой азбуки гражданского развития. Зачем подымались ополченцы, зачем мужик нес свой труд, свою копейку, свою кровь в защиту бездушному престолу, который с лепетом о своей благодарности возвратил его розгам господина и каторжной работе на барщине.

Говорят, что теперешний царь — добр. Может быть, того свирепого гонения, которое составляет характер прошлого царствования, нет, и мы первые душевно рады повторять это.

Но ведь этого мало, ведь это еще отрицательное достоинство. Недостаточно еще не делать зла, имея такие средства делать добро, которых уже нет ни у одной монархической власти в Европе. Да он не знает, как приняться, что делать.

А сказать некому. Вот оно — результат насильственного молчания, вот что значит вырвать язык у народа и повесить замок на его губы. Зимний дворец окружен царством немоты, а в нем говорят одни николаевские генерал-адъютанты. Конечно, не они расскажут о веянии современного духа, и не через них услышит Александр II стон русского народа.

Чтобы слышать его, чтобы знать зло и средства его искоренить, теперь не нужно ходить, как Гарун аль Рашид, под окнами своих подданных. Для этого стоит снять позорную цепь цензуры, пятнающую слово *прежде*, нежели оно сказано. И тот же Смирдин или Глазунов, который доставляет прочим смертным книги, доведет до царя голос его народа.

Но этого-то и не хотят закоренелые в рабстве слуги Николая.

Они погубят Александра — и как жаль его! Жаль за его доброе сердце, за веру, которую мы в него имели, за слезы, которые он несколько раз проливал...

Люди эти его втянут в старую рутину, усыпят ложью, испугают невозможностью, вовлекут снова во внешние дела, чтобы отвести от внутренних. Все это делается уже теперь.

С какой стати соваться в неаполитанский вопрос? Есть дела, в которые честные люди не мешаются; есть союзы, которые пятнают, которые шли Николаю и отвратительны для Александра.

Пора расстаться с несчастной мыслью, что призвание России — служить опорой всякому насилью, всякому тиранству.

Только было другие народы начали меньше враждебно смотреть на Россию — как на смех им старая дипломатия привязала русского императора к одному позорному столбу с коронованным лацдарони*. Какая неосторожность, какое отсутствие такта, какое отсутствие любви к России и к нему!

А дома еще раз обманутый крестьянин тащится на господское поле, посылает сына во двор — это ужасно! Правительство знает, что обойти задачу освобождения крестьян с землею невозможно. Совесть, нравственное сознание России требуют решить ее. Что же выигрывает оно, оттягивая вопрос, откладывая его на завтра?..

Когда мы говорили, что эта трусость перед необходимостью, что эта бесхарактерная медлительность дойдет до того, что вопрос разрешится топором крестьянина, и умоляли правительство спасти его от будущих преступлений, добрые люди подняли крик ужаса и обвинили нас же в любви к кровавым мерам*.

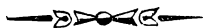
Это ложь, это намеренное непониманье. Когда врач предостерегает больного в страшных последствиях болезни, разве это значит, что он их любит, что он их вызывает? Что за детское воззрение!

Нет, мы слишком много видели, и слишком близко, как ужасны кровавые перевороты и как плоды их бывают искажены, чтоб с свирепой радостью накликавать их.

Мы просто указывали, куда эти господа идут и куда ведут. Пусть они знают, что, если ни правительство, ни помещики ничего не сделают, — сделает топор. Пусть и государь знает, что от него зависит, чтоб русский крестьянин не вынимал его из-за своего кушака!

Но ведь для этого надобно что-нибудь делать, а не отдалять вопроса и не отворачиваться от его последствий.

25 октября 1856, Путней.

С детских лет я бесконечно любил наши села и деревни, я готов был целые часы, лежа где-нибудь под березой или липой, смотреть на почернелый ряд скромных, бревенчатых изб, тесно прислоненных друг к другу, лучше готовых вместе сгореть, нежели распасться, слушать заунывные песни, раздающиеся во всякое время дня, вблизи, вдали... С полей несет сытным дымом овинов, свежим сеном, из лесу веет смолистой хвоей и скрипит запущенный колодезь, опуская бадью, и гремит по мосту порожняя телега, подгоняемая молодецким окриком...

В нашей бедной, северной, долинной природе есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельские виды наши не задвинулись в моей памяти ни видом Сорренто, ни Римской Кампаньей, ни насупившимися Альпами, ни богато возделанными фермами Англии. Наши бесконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши, в нашей степлющейся природе что-то мирное, доверчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное. Что-то такое, что поется в русской песне, что кровно отзывается в русском сердце.

И какой славный народ живет в этих селах! Мне не случилось еще встречать таких крестьян, как наши великорусы и украинцы.

Оно и не мудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней, она бойко шла в замке, потом в городе, деревня служила пастбищем, кормом. Западный крестьянин — выродившийся кельт, побежденный галл, германец, побитый другим германцем. По городам победители мешались с побежденными; с земледельцами никто не мешался, пока они оставались земледельцами. Там, где победа пронеслась над головой прежнего

населения, не осела на нем или не могла до него добраться, там крестьяне и не таковы, например в Романье, в Калабрии, Шотландии, Швейцарии, Норвегии.

Крестьянин на Западе вообще однодворец, — если он богатеет, то он делается полевым мещанином, так, как, наоборот, в прежнее время русские купцы, приобретая миллионы, оставались по нравам и обычаям теми же крестьянами.

Деревенские мещане-собственники составляют на Западе слой народонаселения, который тяжело налег на сельский пролетариат и душит его, по мелочи и на чистом воздухе, так, как фабриканты душат работников гуртом в чаду и смраде своих рабочих домов.

Сословие сельских собственников почти везде отличается изуверством, несообщительностью и скупостью; оно сидит назаперти в своих каменных избах, далеко разбросанных и окруженных полями, отгороженными от соседей. Поля эти имеют вид заплата, положенных на земле. На них работает батрак, бобыль, словом, сельский пролетарий, составляющий огромное большинство всего полевого населения.

Мы, совсем напротив, государство сельское, наши города — большие деревни, тот же народ живет в селах и городах; разница между мещанами и крестьянами выдумана петербургскими немцами. У нас нет потомства победителей, завоевавших нас *, ни раздробления полей в частную собственность, ни сельского пролетариата; крестьянин наш не дичает в одиночестве — он вечно на миру и с миром, коммунизм его общинного устройства, его деревенское самоуправление делают его сообщительным и развязным.

При всем том половина нашего сельского населения гораздо несчастнее западного, мы встречаем в деревнях людей сумрачных, печальных, людей, которые тяжело и невесело пьют зеленое вино, у которых подавлен разгульный славянский нрав, — на их сердце лежит, очевидно, тяжкое горе.

Это горе, это несчастье — крепостное состояние.

Сельский пролетарий и крепостной мужик — два страшные обличителя двух страшных неправд нашего времени...

Видели ли вы литографию, изданную А. Мицкевичем и представляющую «Славянского невольника»?

Ненависть, смешанная с злобой и стыдом, наполняет мое сердце, когда я гляжу на этот жестокий упрек, на это «к топорам, братцы», представленное с поразительной верностью.

Белорусский мужик, без шапки, обезумевший от страха, нужды и тяжелой работы, руки за поясом, стоит середь поля и как-то косо и безнадежно смотрит вниз. Десять поколений, замученных на барщине, образовали такого парию, его череп сузился, его рост измельчал, его лицо с детства покрылось морщинами. его рот судорожно скривлен, он отвык от слова. Звериный взгляд его и запуганное выражение показывают, на сколько шагов он пошел вспять от человека к животным.

За это преступление, за этого белоруса его паны не свободны*, за него их геройство, их мученичество, их страдания не были приняты.

По другую сторону Европы стоит своего рода белорусский пахарь, его надобно самому видеть, слово человеческое не берет такого ужаса и не может выразить. Как рассказать пепельный, тусклый, матовый цвет лица, тряпья, волос ирландского пролетария, выгнанного или *выжженного* помещиком из своей деревни за недоимку и не успевшего еще умереть с голоду? Надобно видеть своими глазами лихорадочный полусумасшедший и притом боязливо кроткий взгляд, лицо двадцатидвух-трих-летней завялой старухи, которая просит глазами милостыню, показывая умирающего ребенка с посинелыми губами, которые уже не сосут иссохшую, черствую грудь ее. И все это также подернуто землею, стерто, пепельно, бесцветно серо — и женщина, и окоченевший ребенок, и полуобнаженная грудь, и босая нога.

Между этими двумя крайними типами, которые вполне представляют геркулесовы столбы нашей цивилизации, стоят сельские пролетарии других стран Европы и крепостные мужики других краев России.

Пролетарии иных земель — ирландцы, имеющие немного насущного хлеба, ирландки, которые могут еще кормить грудью детей, наши белорусы, отпущенные на волю без земли и не боящиеся розог, — не более.

Помещичьи крестьяне других частей России — опять те же белорусы, но не успевшие одичать, не отданные на копые жиду-

арендатору, не ненавидимые своим католическим помещиком а единоплеменные и единовѣрные с ним.

И именно поэтому наше крепостное состояние еще отвратительнее.

Я ничего не знаю нелепее, безобразнее дикого отношения рабства между равными: по крайней мере негр черен и курчав, а его помещик рыж и налит лимфой.

Зачем наш народ попал в крепость, как он сделался рабом? Это не легко растолковать.

Все было до того нелепо, безумно, что за границей, особенно в Англии, никто не понимает.

Как, в самом деле, уверить людей, что половина огромного народонаселения, сильного мышцами и умом, была отдана правительством в рабство без войны, без переворота, рядом полицейских мер, рядом тайных соглашений, никогда не высказанных прямо и не оглашенных как закон.

А ведь дело было так, и не бог знает когда, а два века тому назад.

Крестьянин был обманут, взят врасплох, загнан правительственным кнутом в капканы, приготовленные помещиками, загнан мало-помалу, по частям, в сети, расставленные приказными; прежде нежели он хорошенько понял и пришел в себя — он был крепостным.

Мы сами понимаем такие чудеса только по привычке к непоследовательности и беспорядку, к неустоявшемуся колебанию русской жизни. У нас везде во всем неопределенность и противуречие — обычаи, не взошедшие в закон, но исполняемые; законы, взошедшие в свод, но оставляемые без действия, деспотизм и избирательные судьи, централизация и выборная земская полиция *. Жизнь в России возможна благодаря этому хаосу, в основе которого коммунизм деревень, а в главе всепоглощающее самовластье, между которыми бродит бессвязно и на просторе европейское образование, дворянское право, греческая церковь, военный артикул и немецкое управление.

Крестьяне с незапамятных времен селились на частных землях, но крепостными они не были. Отношение их к помещикам было патриархальное, основанное на обычаях, на взаимном доверии. Писанных условий не могло быть, между прочим,

и потому, что ни крестьяне, ни владельцы не знали грамоты. Народ русский и теперь не любит бумажных сделок между равными; по рукам и чарка водки, тем дело и кончено. Ямщики везут дорогие клади с Кяхты до Нижнего и Москвы, едва делая накладную, и то без всякой скрепы.

Московское правительство долго не могло добраться до крестьян; дурно устроенное, занятое уничтожением уделов сначала, оно собственно сложилось в мощную государственную силу при царе Иоанне Васильевиче. Крестьяне жили покойно в своих общинах и вовсе не занимались тем, что делалось в Москве.

Их спасала от власти хартия, данная самой природой, — непроходимые дороги, страшная даль, болота и грязь. Пока они жили беззаботно и спустя рукава, в Москве ковали им цепи.

История мер, взятых Годуновым, известна, — царь Борис был большой «просветитель», и прикрепление мужиков он не выдумал, а взял у балтийских немцев.

Под предлогом голода, перехода в плодоносные страны государства, перехода от мелкопоместных господ к богатым он ограничил право покидать землю, не отдавая, впрочем, крестьянина в неволю. Под тем же предлогом голода и побегов к казакам он прикрепил дворовых людей к их господам. Мало-помалу исчезли последние права перехода; не произнося слово «рабство», на самом деле правительство лишило всех прав крестьян, живших в частных владениях. Цепь, коварно положенная около сельской общины, затягивалась более и более, до тех пор пока великий мастер Петр I запер ее замком немецкой работы.

Едва обретенные чиновники, в шутовских костюмах, с разными мудреными названиями ландратов, ландрихтеров¹, ландфискалов, объезжали деревни и читали какой-то указ, писанный темным, ломаным и безобразным языком петровского времени.

Они делали перепись и объявляли, что кого где ревизия захватила, тот там будет крепок помещику.

Крестьяне были рады, видя, что чиновники уезжали, не сделав больше вреда, и в сущности ничего не понимали.

Удивляться этому не надобно, потому что и правительство не понимало и до сих пор не понимает, что оно сделало.

¹ земских судей (нем. Landrichter). — *Ред.*

и Петр I, ни все его голштейнские, брауншвейгские и ангальт-цербстские наследники* решительно сами не знали, что такое быть «крепким». Никакой закон этого не определил, не истолковал.

Петр I в одном указе, данном сенату, говорит, что к великому стыду в России продают людей, *«как скот»*, и приказывает приготовить закон, воспрещающий, *«буде возможно»*, продажу людей вообще или по крайней мере продажу без земли. Сенат, раболепный во всем, ослушался и никакого закона не представил.

Из этого вы видите, что Петр I под словом «быть крепким» не разумел быть товаром, вещью.

«Я уверен, — писал собственноручно император Александр, — что продажа крепостных без земли давно запрещена законом», и спрашивал у Государственного совета, в силу каких постановлений допускается такая продажа. Государственный совет, не зная ни одного такого закона, отнесся к сенату. Сколько ни рылись в сенатском архиве, ничего не нашли. Как ни просты наши сенаторы, но в этом случае они не потеряли головы и представили тариф пошлин, вышедший в царствование Анны Иоанновны. В этом тарифе значилось, сколько следовало взимать пошрины за совершение купчей на продажу крепостных людей; следственно, заключал сенат, продажа людей была законом допущена. Но где этот закон? Об этом сенат молчал. Приказная уловка Правительствующего сената была до того груба, что Государственный совет понял, что продажа людей делается без всякого права, и, приготовив проект закона, воспрещающего торг крещеной живностью, отослал его к министру внутренних дел.

Ни совет, ни министр, ни государь не возвращались более на этот предмет.

Этот замечательный анекдот рассказан Н. Тургеневым* в его книге о России. Автор был тогда статс-секретарем и сам принимал деятельное участие в составлении нового проекта. Он окончивает свой рассказ чертой глубоко печальной и удручающей. Председатель совета граф Кочубей, человек умный, но давно потерявший веру, подошел к Тургеневу после заседания и сказал ему с горькой и насмешливой улыбкой: «А ведь государь-то двадцать лет был уверен, что людей не продают поодиночке!»

Этот анекдот сжимает сердце и заставляет содрогаться от негодования.

Николай хотел ограничить продажу людей и, желая сделать добро, сделал вред; такова обычная судьба полумер и самовластных распоряжений. Запрещая дворянам, не имеющим земли, покупать крестьян*, запрещая до известной степени раздробление семейств, он признал право продажи в других случаях и дал законную основу терпимому беспорядку.

Император Николай замечательно несчастен, ему не удастся ничего хорошего, и это между прочим оттого, что он вовсе не понимает ничего русского и ничего гражданского. Ему бросается в глаза беспорядок: чтоб остановить его, он бьет камнем по лбу и искажает, портит последние уцелевшие остатки русского права.

Таким образом он исказил основу петровского дворянства, легко возобновляемого из народа, сопрягая дворянские права с майорским чином в военной службе и с чином статского советника в гражданской.

Таким образом он исказил екатерининское устройство дворянских выборов, вводя избирательный ценс, которого не было, и лишая голоса всех дворян, имеющих менее ста душ.

В первом случае он был руководим желанием устранить мелких чиновников от быстрого приобретения помещичьих прав.

В другом — он хотел предупредить влияние богатых владельцев на выборы.

В обоих — он временному вреду, беспорядку пожертвовал нормой.

Не затруднять следует помещичьи права, их следует уничтожить, «ликвидировать». Все маленькие меры будут недостаточны, изворотливость исполнителей и хитрость помещиков найдут средства обойти закон.

У меня нет ни земли, ни крестьян, я покупаю дворовых людей на имя моего соседа, а с него беру заемное письмо. И потом, имея две души и две десятины, я могу покупать без всякого ограничения целые семьи живописцев, музыкантов, портных, официантов... и обкладывать их произвольным оброком, через год продавать в рекруты. Торг людьми идет не хуже, как в Кубе или в Малой Азии. Правда, стыдливое и целомудренное

правительство запретило объявлять о продаже людей. В газетах скромно и бессмысленно печатают: «Отпускается в услужение кучер, лет 35, здорового сложения, с обкладистой бородой и честного поведения, или девка лет 18, прекрасного поведения и годная на всякую службу».

Это лицемерие, этот полустыд, эта неловкая ложь пойманного на деле вора — в устах самодержавия имеет в себе что-то безгранично подлое.

Самое существование несчастного сословия дворовых людей — незаконное, ничем не определенное и зависящее вполне от помещика. Сколько крестьян может взять помещик во двор из деревни, сколько рук отнять у семьи? Он может взять жену у мужа и сделать ее прачкой у себя в доме, он может взять последнего сына у старика отца и сделать из него лакея; пока помещик не уморил с голоду или не убил физически своего крепостного человека, он прав перед законом и ограничен только одним топором мужика. Им, вероятно, и разрубится запутанный узел помещичьей власти.

Русское правительство соединено с Англией договором против торга невольниками *. Отчего же надобно непременно быть черным, чтоб быть человеком в глазах белого царя? Или отчего он не произведет всех крепостных в негры? Придворные истопники за выслугу и отличие состоят же иногда на правах арапов.

Меня поражает удивлением безнадежная неспособность нашего правительства во всех внутренних вопросах. Александр обдумывал двадцать пять лет план освобождения, Николай приготавлился семнадцать лет, и что же выдумали они в полстолетья — нелепый указ 2 апреля 1842 года * об обязанных крестьянах.

Но, скажут, где же средства? Средства найдутся. И с каких это пор русское правительство сделалось так разборчиво в отношении к средствам!

Разве не достало средств у Екатерины II, чтоб отдать в крепость Малороссию в XVIII столетии? Разве не достало средств в XIX для водворения военных поселений, для обращения униат в греко-российское исповедание и Польши в русские губернии? Петербургское правительство никогда не задумывалось

о средствах, не останавливалось ни перед чем; в 1845 году был голод в Псковской губернии — чем помочь? Очень просто, Николай велел переселить пол-Псковской губернии в Тобольскую; зимой погнали с одного конца Руси на другой плачущие семьи, детей, стариков, обнищавших, голодных; половина перемерла по дороге, другая пришла на свое поселение.

По счастью, для освобождения крестьян вовсе не нужно всех этих злодейств и преступлений.

Они боятся дотронуться до этого вопроса, оттого что они трусы. В сущности, бояться нечего; ведь это хорошо рассказывать иностранным газетам об диких *boyards moscovites*¹, всегда готовых на царубийство и грозных своим влиянием. Их совсем нет.

Весь народ, очевидно, был бы за правительство, и не один народ, а вся образованная часть дворянства.

Если закоснелые помещики и московские бояры будут противиться, им придется ограничиться ропотом. Отчего им и не позволить болтать о своем неудовольствии? Они, впрочем, столько проповедовали нам безусловную покорность перед высочайшей властью, что справедливо было бы от них потребовать пример. Да и где их права? Они владели мужиками и разоряли их по царской милости; по царской немилости они перестали бы их разорять. Люди эти не имеют партии, их сила мнимая. Зимний дворец полон выслужившимися немцами, солдатами и писарями, которых богатство, судьба и сила связана не с помещичьим правом, а с петербургским императорством.

Убийство Петра III и Павла I сделало удивительную репутацию русским вельможам. Обстоятельства теперь несколько не похожи на тогдашние; где эти отчаянные Орловы и обиженные Зубовы, где участие жены, сына? Всего этого нет; кто сколько-нибудь знает Россию, тот без смеху не может подумать об оппозиции «московских бояр».

В руках правительства ряд социальных и финансовых мер, которыми оно может без сильного и внезапного потрясения освободить крестьян с землею. Оно их знает из сотни проектов, поданных с 1842 года Киселеву и Перовскому.

¹ московских боярах (франц.). — *Ред.*

Вместо того чтоб воспитательные дома превращать в рынки *, на которых продают ревижские души с молотка, правительство может переводить долг на деревни и брать с них в замену оброка свои 5 процентов. Оно может сделать внутренний заем для выкупа других и пр.

Пусть оно только позволит дворянам прямо и открыто заняться этим вопросом, пусть разрешит всем, кто хочет, составление обществ, товариществ для выкупа крестьян, для помощи освобождающимся, предварительно удостоверив, что ни в каком случае капитал общества не будет схвачен и не будет употреблен ни на постройку кадетского корпуса, ни на поездку в Палермо *, ни даже на усмирение мятежников на Кавказе или в Венгрии.

«Все это прекрасно, правительство должно бы, дворянство могло бы,— конечно; но что же при всем этом сам народ — народ, гоняемый на барщину, наказываемый розгами, разоряемый, продаваемый? Если он может выносить такое положение, он заслуживает его».

Разумеется, так, как ирландец заслуживает голод, итальянец австрийское иго. Я так привык к этому свирепому *vae victis*¹, что всегда жду его. Что же, с богом в поход против всякого страдания, всякого несчастья, всякой трагической судьбы. Мало пролетарию, что он беден, что ему есть нечего, что он не может развиваться, что ему недосуг думать, прибавим к его горькой участи горькое слово. Мало крестьянину, что его обманом и плутовством отдали в крепость, в которой его держат шестьсот тысяч штыков, судьи, земская полиция, помещики, розги и самая церковь; скажем ему, что он это заслужил, что он не достоин лучшей судьбы, потом отвернемся от них обоих и от их глухого стога.

Впрочем, прежде нежели мы их оставим, я советую им сказать спасибо за то, что голод одного, пот другого, невежество обоих дали нам средства так умно развиваться.

Мне всякий раз становится не по себе, когда говорят о народе. В наш демократический век нет ни одного слова, которое бы так мало понимали и так употребляли во зло. Понятие, со-

¹ горе побежденным (лат.). — *Ред.*

прягаемое с ним, неопределенно, преувеличенно, поверхностно, полно риторики в похвалах и порицаниях; одни поднимают народ до небес и делают из него какого-то прорицателя законов, неписанный разум, судью, другие топчут его в грязь, называя грубой толпой. Все эти разглагольствования, умиления, негодования и декламации не прибавляют ни на волос к пониманию этой гранитной основы государств и человечества, связанной цементом вековых воспоминаний и кровного родства, на которой построен плохой балаган современного политического устройства, полусгнивший и покачнувшийся.

Правительство и плавающий сверху слой цивилизации закрывают народ и не допускают знать его. За этими официальными и литературными декорациями он живет по-своему, редко соображаясь с ними, остается покойным, когда за него горячатся и бросают перчатку, и восстает, когда всего менее этого ждут.

Одни легкие революции делаются легко. Ветер свободно двигает во все стороны верхний слой общественной зыби, но глубь тиха до урагана.

Зато и следы таких революций не велики, они меняют одежду и название, а дело остается по-старому.

Народ туго и не скоро восстает, он не играет, не шутит переменами, он так беден, что долго не рискует последним; его восстание всегда глубоко выстраданное. Если оно неудачно, преждевременно, целые племена, государства гибнут, гложут. Германия потеряла всякий политический смысл и превратилась в школу, усмирив крестьян*.

Но возвратимся к народу русскому. Он уступил не без боя. Вспомните, что было после Бориса, во время самозванцев и междуцарствия; казалось, все государство было понято огнем и распалось, все бродило в болезненном волнении, бралось за оружие; откуда эта возбужденность, эта готовность к бою, откуда эти полчища Тушинского вора и других кондотьеров? Едва Романовы уселись, северо-восток Руси покрылся разбойниками, с ними воюют как с неприятелями, против них посылают войска и пушки, их вешают *сотнями* при царе Алексее Михайловиче. У Стеньки Разина было целое войско. Столетье спустя целое войско собралось вокруг Пугачева.

Именем Петра III, которого народ не знал, мудро было бы поднять целые губернии. Имя его придавало призракную законность и фирму восстанию. В сущности, народ бунтовал против крепостного состояния и ненационального правительства. Перечень казней в приложениях к пушкинской «Истории пугачевского бунта» ясно показывает, против кого и чего дрался народ.

С тех пор ни мужики, ни дворовые не восстают массами. Сила сломила их, средства умирения удесятились, трон Екатерины, качавшийся сначала, врос в землю в конце ее царствования. Когда крестьянам становится невтерпез, они бегут, делают поджоги или режут господ. Редко стовариваются они с другими деревнями, хотя и были примеры лет десять тому назад в Тамбове и в Симбирске, что несколько деревень действовали заодно. Бунты их делаются из мести и с отчаяния, без всякой надежды поправить свое положение.

Народу, рассеянному по необозримым долинам и живущему в деревнях, открытых со всех сторон, ничем не защищенных, кроме лесов, трудно делать восстания.

Сверх того, вопрос об уничтожении крепостного состояния не был до нашего времени понимаем одинаким образом крестьянами и нашими «аболиционистами». С точки зрения либерализма и религии собственности вопрос разрешался прямо против народного смысла.

После наполеоновской войны Александр освободил эстов, принадлежавших остзейскому дворянству, он им дал личную свободу *без земли*. Весьма вероятно, если б русские крестьяне, так мужественно дравшиеся против неприятеля, с некоторой настойчивостью потребовали освобождения, император при тогдашнем его настроении уступил бы им. Часть дворян лучше не просит, как освободить мужиков, оставя за собой землю. Что же было бы из такого освобождения?

Представьте себе европейское сельское устройство с петербургским самовластием, с нашими чиновниками, с нашей земской полицией. Представьте себе двадцать миллионов пролетариев, ищущих работы на господских землях, в стране, где нет никакой законности, где все управление подкупное и дворянское, где личность ничего, а влияние все.

Помещики заключили бы между собой оборонительный союз, установили бы свои цены против крестьян, так, как это было в остзейских провинциях. Полиция была бы с их стороны. Общинное начало было бы поражено насмерть у вновь освобожденных, деревня потеряла бы свое коммунистическое единство, и в полстолетия мы перегнали бы Ирландию.

Есть люди, до сих пор поддерживающие пользу освобождения без земли, освобождения в голод и бесприютность, воображая, что в этом новом пролетариате непременно разовьется революционное начало.

Быть голодным и пролетарием вовсе не достаточно для того, чтоб сделаться революционером. Взвода полисменов достаточно, чтоб держать ирландцев в повиновении.

Вообще пролетарий полей очень мирен, круг его понятий тесен, он слишком подавлен и сгнетен к земле, чтоб быть более нежели недовольным. Его не надобно смешивать с работником больших торговых и политических центров. В этих колоссальных ульях, где миллионы людей трутся ежедневно друг о друга, где на всяком шагу попадают макабрские встречи пляшущих * с умирающими, пересыщенных с голодными, Ротшильда с ирландцем, откупщика с поденщиком, — там, разумеется, в душе работника бродят мысли о ниспровержении этого мира монополии, цеха, капитала, дохода, но в маленьких городах и еще более в полях пролетарий не таков. Он принимает свое положение за судьбу, он страдает, не знает выхода, покоряется.

Русские, говорящие так легко о разрушении сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будет, когда и этот последний узел народной жизни, насильственно развязанный, — распустится.

Народ русский все вынес, но удержал общину, община спасет народ русский; уничтожая ее, вы отдаете его, связанного по рукам и ногам, помещику и полиции. И коснуться до нее, в то время когда Европа оплакивает свое раздробление полей и всеми силами стремится к какому-нибудь общинному устройству!

Говорят, что община поглощает личность и что она несовместна с ее развитием. В этом мнении есть доля правды. Всякий неразвитой коммунизм подавляет отдельное лицо. Но не

надобно забывать, что русская жизнь находила сама в себе средства отчасти восполнять этот недостаток. Сельская жизнь образовала рядом с неподвижной, мирной, хлебопашенной деревней подвижную общину работников — артель и военную общину казаков.

Артель — лучшее доказательство того естественного, безотчетного сочувствия славян с социализмом, о котором мы столько раз говорили. Артель вовсе не похожа на германский цех, она не ищет ни монополии, ни исключительных прав, она не для того собирается, чтоб мешать другим, она устроена для себя, а не против кого-либо. Артель — соединение вольных людей одного мастерства на общий прибыток общими силами.

Казачество была отворенная дверь людям, не любящим покоя, ищущим движения, опасности, независимости. Оно соответствовало тому буйному началу молодечества и удали, которое рядом с мирным и добродушным правом славян составляло их характеристику.

Общинный дружинник, казак, становился бессменной стражей на крайних пределах отечества и берег его; он не хотел знать никакого правительства, кроме своего выборного; лучше становился разбойником, нежели подданным, но родине служил верой и правдой и, не жалея, лил за нее свою кровь. Запорожцы были славянские витязи, витязи-мужики, странствующие рыцари черного народа.

Привычные к войне и дороге, казаки имели те неопределенные влечения, то политическое чутье, те пророческие догадки, которыми отличались норманны. Горсть казаков завоевала Сибирь. Ермак не остановился на Тобольске, он добрался до Иркутска и там сложил свою буйную голову. Другой казак * после него с своей небольшой дружиной пробился сквозь льды и степи до морского берега, как будто что-то непреодолимое тянуло их к Тихому океану, к этому Средиземному морю будущего; как будто они провидели всю важность поставить Русь лицом к лицу с Северо-Американскими Штатами.

Надобно было иметь все жалкое непонимание немецкого правительства, чтоб не оценить такого учреждения, как казачество. Недаром казаки возражали Богдану Хмельницкому, что вольным людям нельзя вступать в подданство Москве.

Петр I обрадовался измене Мазепы и принялся притеснять Малороссию вопреки всех договоров. Елизавета сделала своего любовника гетманом *. У Екатерины II их было слишком много; чтоб никого не обидеть, она разделила между ними Малороссию и отдала им в крепость вечно свободных людей. Она казаками платила за свои египетские ночи.

Несмотря на то, казаки явились в 1812 году тем же отважным, лихим войском, каким были прежде. Они вносили в регулярную армию поэтический и народный элемент. Без строя и выправки, с пикой и бородой, на маленьких лошадаках с длинной гривой, они рассыпались, исчезали, нападали с страшной дерзостью и ускользали с восточной уклончивостью. Они всего больше остались в памяти неприятеля.

Николай, верный своей мертвящей мысли однообразия, безличия, сближает их более с военными поселениями. Он разрушил их демократическое устройство, «облагороживая» их есаулов, прежде возвращавшихся снова в ряды простых казаков. Он даже отнял у них их песни, подвергнув их какой-то цензуре.

Само собою разумеется, что ни в коммунизме деревень, ни в казацких республиках мы не могли бы найти удовлетворения нашим стремлениям. Все это было слишком дико, молодо, неразвито, но из этого не следует, что нам должно ломать эти незрелые начинания, — напротив, их надобно продолжать, развивать, образовывать. Тут нет большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину, в то время как германские народы ее утратили, но это большое счастье, и его не надобно выпускать из рук. Мы долго ждали, долго временили, воспользуемся опытностью наших соседей, она им страшно дорого стоит.

Мир западный утратил свое общинное устройство; хлебопашцы и несобственники были принесены на жертву развитию меньшинства; зато развитие дворянства и горожан было велико и богато. Оно имело рыцарство с его высоким понятием независимой личности и среднее состояние с его непреклонной идеей права, оно имело искусство и литературу, науку и промышленность, наконец, реформацию и революцию, которые грозно и торжественно низвергнули половину церкви и половину трона

Одна Россия, эта падчерица, эта Сандрильона между народами европейскими, не имела никакой доли в приобретениях и победах своих соседей. Народ русский так же мало был способен к торжественному западному развитию трех последних веков, как к крестовым походам, как к схоластике и теологическим спорам, как к римскому праву и германскому феодализму. Народ русский ничего не приобрел со времен Владимира и Киевского периода; под монгольским гнетом ханов, под византийским царей, под немецким императоров, под суринамским помещиков * он сохранил только свою незаметную, скромную общину, т. е. владение сообща землею, равенство всех без исключения членов общины, братский раздел полей по числу работников и собственное мирское управление своими делами. Вот и все приданое Сандрильоны, зачем же отнимать последнее?.. «Затем, что при всем этом на Руси жить тяжело, ни уму, ни сердцу нет простора». Тяжко, дурно жить в России — это правда, и тем тяжелее было для нас, что мы думали, что в других странах легко и хорошо жить.

Теперь мы знаем, что и там тяжело. Оттого что и там не разрешен вопрос, около которого сосредоточилась теперь вся человеческая деятельность, вопрос об отношении лица к обществу и общества к лицу. Крайние, односторонние развития привели к двум нелепостям — к гордому своими правами, независимому англичанину, которого свобода основана на вежливой антропофагии, и к бедному русскому мужику, безлично потерянному в общине, бесправно отданному в крепость и в силу того служащему съестным припасом барину.

Где их примирение, как снять их противуречие, как сохранить независимость британца без людоедства, как развить личность крестьянина без утраты общинного начала? В этом-то вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм.

Безумно было бы начать переворот с уничтожения свободных учреждений потому, что они на деле доступны только меньшинству; еще безумнее уничтожить общинное начало, к которому стремится современный человек, за то, что оно не развило еще свободной личности в России.

Наша деревня довольно наказана рабством за ее односторон-

ность, за ее слишком патриархальные нравы; неужели и самое освобождение должно ей служить наказанием?

Помещичья власть, как нечто совершенно внешнее, поддерживаемое одним насилием, легко снимется с сельской жизни.

Гакстгаузен старается доказать в своей книге, что помещики представляют патриархальную главу общины, нечто вроде старинных шотландских кланов или аравийских эмиров. Мнение это, некогда поддерживаемое плантаторами из московских панславистов, совершенно ложно.

Патриархальная глава общины — староста, выбранный миром, взятый из самой общины, равный всем. Он заменяет отца и есть действительный опекун, ходатай, представитель деревни. Где же начинается необходимость другой главы, вотчина, постороннего, опирающегося на внешнюю власть, не принимающего никакого участия в делах общины, не несущего ее тяги и обкладывающего ее оброком и барщиной?

Если б помещик был только собственник земли, его права ограничивались бы кортомными деньгами * за нее, соответственной работой или полонничеством. Но оно вовсе не так. Он владеет гораздо больше человеком, нежели землею, он берет окуп не с десятины, а с мышц, с дыхания, он заставляет платить за право работы, движения, существования. Оброк дворовых, ходящих по паспорту, основан, по превосходному выражению, невзначай сорвавшемуся у Гакстгаузена, на *обратном* сенсимонизме*: чем больше способности, тем больше требует барин. Очевидная нелпесть.

За общиной логически ничего нет другого, как соединение общин в большие группы и соединение групп в общем, народном, земском деле (*res publica*). Казенные деревни действительно соединяются в волости, они избирают, сверх старост, тысяцких, сотских, десятских, голову, и при нем двух стариков в судьи. Все это совершенно последовательно идет из народного понятия о праве, неписанного, но живого во всякой славянской груди. Но тут разом обрывается всякий смысл, мы встречаемся с становым приставом, с канцелярским правительством и с помещичьей властью.

Прерыв всякой связи между народом и дворянством, между народом и чиновничеством очевиден, и никогда не был он резче

обозначен, как теперь. Лет сто тому назад богатые помещики из аристократизма щадили своих крестьян; бедные жили между ними и мало отличались от них нравами и образованием. Все это изменилось. Образование разъединило совершенно помещиков с крестьянами, и они не могли более ни брать участия, ни любить крестьян, ни жалеть их, все чуждое для нас безразлично; но они могли и хотели пользоваться ими и пользовались. Крестьянин перешел в разрабатываемую собственность. Развитие промышленности фабрик и самое распространение политической экономии, *переложенной на российские* нравы, дали тысячу новых средств употреблять крестьян на пользу. Помещик, «патриархальная глава общины», сделался мало-помалу из вельможи фабрикантом, плантатором, торговцем белых негров.

Этого разрыва, бросающегося в глаза, не хочет видеть Гакстаузен, увлеченный своей монархической демагогией, своей страстной любовью рабства. Приняв власть помещика за патриархальную, он естественно принимает за такую же народную отеческую власть — петербургское императорство. Оно в его глазах продолжение киевского великокняжества; император Николай — тот же равноапостольный Владимир, которого народ назвал своим красным солнцем. Там, где он не находит другой возможности объяснить дикий русский деспотизм, там он благоговеет перед «высотой повиновения» народа русского; эту беспредельную покорность королевски-прусский якобинец абсолютизма* называет нашей высокой добродетелью.

Здесь не место вступать в разбор исторического значения петровского переворота, петровской Руси; мы считаем переворот этот необходимым, он разбудил Россию, он ее повел вперед, когда она сама еще не могла идти, он был полон верою в ее великие судьбы, в ее великие силы, но он был свиреп и жесток, как большая часть революций, как царство ужаса в 93 году, и именно потому разорвал единство жизни русской.

Две России с начала XVIII столетия стали враждебно друг против друга. С одной стороны была Россия правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами, вооруженная не только штыками, но всеми приказными и полицейскими уловками, взятыми из Германии.

С другой — Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплох, побежденная, собственно, без боя. Что же тут удивительного, что императоры отдали на раздробление *своей* России, придворной, военной, одетой по-немецки, образованной снаружи, — Русь мужицкую, бородатую, не способную оценить привозное образование и заморские нравы, к которым она питала глубокое отвращение.

Чего им было ее жалеть?

— Что ты ходишь, повеся нос? — спросил однажды граф Завадовский или Зорич, словом, один из наложников императрицы Екатерины II, почтенного дворянина, состоявшего при нем в качестве шута.

Собеседник, к которому относился вопрос, был человек необыкновенно толстый и прожорливый, всегда обедавший у графа. Когда граф бывал особенно весел, он давал знак рукою, лакей надевал на голодного шута хомут и, затянув шею, пускал его на еду.

Дворянин бился в хомуте, как зверь, бросался нарочно на блюда, давился, был очень гадок, словом, усердно тешил своего покровителя, хохотавшего до слез.

— Поневоле повесишь нос, — отвечал упряжной дворянин, — ваше сиятельство изволите всех щедротами своими награждать, один я, несчастный, забыт вами.

— Как так? — спросил граф.

— Ваше сиятельство всем пожаловали отчины в Малороссии, а мне хоть бы какую-нибудь сотню дрянных казаков.

— Каков малый, — отвечал сквозь хохот граф, — губа-то не дура. Так и тебе казаков захотелось? Ха, ха, ха! Чем же ты заслужил казаков?

— Да помилуйте, ваше сиятельство, — отвечал шут, — ведь я и не бог знает чего прошу; чего вам, граф, стоят казаки? А мне милость была бы дорога, и я до гроба молился бы об вашем здравии.

— Еще лучше, — заметил веселый граф, — да он совсем не так глуп, как кажется; в самом деле, чего жалеть казаков. Ну, так и быть, дам тебе казаков.

— Ваше сиятельство, ваше сиятельство! — говорил тронутый шут и полз на коленях приложиться к графской ручке, — неужели и вправду?

— Ну, полно, полно, — отвечал граф, милостиво протягивая руку, — говорю тебе, будут у тебя казаки.

Это было в то самое время, когда Екатерина II вводила крепостное состояние в Малороссию. Одержимая ненасытимой нимфоманией, запятнанная всеми преступлениями, эта «мать отечества»* дала одним своим любовникам более трехсот тысяч душ мужского пола¹.

Граф сдержал слово, и отложенный шут поехал управлять своими казаками.

В прошедшем году переезжая С.-Готард, я взял в одной гостинице трактирную книгу, в ней большими буквами стояла русская фамилия. Под нею другой путешественник написал мелким шрифтом по-французски: «Тот самый, которого дворовые люди высекли».

Эта неприятность случилась с одним камергером*, известным богачом и негодяем. В 1850 году он жил в своем малороссийском именье. Крестьяне и дворовые, выведенные из терпения, решились проучить его. Они его высекли и взяли письменную расписку, что он будет молчать. Прошло несколько времени, испуганный камергер, казалось, присмирел, но вдруг поставил в рекруты молодого малого, оказавшегося особенно усердным во время наказания. Когда рекруту забрили лоб, он сказал председателю, что барин отдал его в солдаты за то, что он его больно сек. В удостоверение чего рекрут вытащил из-за пазухи камергерскую расписку.

Документ этот до того поразил присутствующих, что они не догадались ни уничтожить его, ни уничтожить рекрута, ни даже продать расписку камергеру. Они сгоряча представили «казус сей» на усмотрение министру внутренних дел. Но и тот призадумался, случай о сеченных камергерах решительно не был предвидим сводом законов. Министр доложил государю. Государь, терпевший камергера, пока он сек, выгнал его из службы за то, что его секли Москвичи, ездившие к нему на

¹ У Кастеры приложен счет*.

балы, зная его гнусное поведение, оставили его, узнав об исправительной мере, употребленной дворовыми. Камергер обиделся, стал жаловаться, чуть не сделался недовольным. Государь велел ему ехать за границу и не возвращаться без особого приказа.

Несчастью гонимый и интересный камергер этот не кто иной, как благополучный наследник упрямого шута, а люди, его наказывавшие, дети казаков, пожалованных Екатериной.

Это резко характеризует грязное начало и бессмысленные последствия русского помещичьего права.

Что тут прибавлять к графу-фавориту, согласному, что казаков жалеть нечего, к шуту в хомуте, который вдруг из грязных нахлебников делается законным господином свободных казаков, к камергеру, благоразумно предпочитающему розги смерти, к премудрому царю, который туда же делает пропаганду, посылая избитого камергера с своей зебровой спиной таскаться по всем столицам Европы, по морям, сушам и альпийским вершинам...

THE RUSSIAN AGENT BAKUNIN

TO THE EDITOR OF «THE MORNING ADVERTISER»

Sir,— He must have an extremely debased mind who would insult, as «F. M.» does, a Russian martyr — Bakunin; and he must be but scantily read in modern history who does not know that Bakunin was condemned to death in Saxony and in Austria for the revolution of Dresden and for his participation in the affairs of Prague. If he were serving to-day as a soldier in the Caucasus, that condition would be the continuation of his sufferings; but we consider ourselves better informed than «F. M.», in representing that he languishes in the dungeons of St.-Petersburg.

In 1847, Mr. Bakunin was expelled from France by M. Guizot for having, on the anniversary of the Polish revolution, called Nicholas «the assassin and the executioner of Poland». «F. M.» ought to know that Russian agents are not authorised to employ such expressions, and he had only to refer to the reports of the sittings of the French Chamber of Deputies to bend himself before Bakunin, if political courage can inspire him with respect.

The calumny which «F. M.» has raised is by no means new. Ever since there have been revolutionary Russians, there have been people calling them Russian agents, with a view to ruin them in public opinion. This calumny has already made its appearance in a German gazette, which did not hesitate to call Madame George Sand to attest it. Well! Madame George Sand in a letter which has been made public, has given a formal contradiction to this matter, saying that she had proofs to the contrary.

On this subject «F. M.» has only to consult the «Reforme» of 1848.
What is «F. M.»?

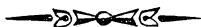
In the meanwhile, sir, and awaiting the solution of this question, we beg you to insert this declaration.

Ivan Golovin, Naturalised Russian refugee.

A. Herzen, Russian refugee.

In the name of the Central Polish Democratic Committee, adhering completely to all the expressions contained in this declaration I subscribe myself.

Stanislas Worcell, Member of The Central Polish Democratic Committee, and of the Central European Democratic Committee.

РУССКИЙ АГЕНТ БАКУНИН

ИЗДАТЕЛЮ «THE MORNING ADVERTISER»

Милостивый государь, нужно быть человеком крайне низкой души, чтобы, как «Ф. М.», оскорблять русского мученика Бакунина, и нужно быть плохо осведомленным в современной истории, чтобы не знать, что Бакунин был осужден на смерть в Саксонии и в Австрии за дрезденскую революцию и за участие в пражских делах*. Если бы он служил теперь солдатом на Кавказе, это было бы продолжением его страданий; но мы считаем себя более осведомленными, чем «Ф. М.», и заявляем, что он томится в темницах Петербурга*.

В 1847 г. Бакунин был изгнан из Франции г. Гизо за то, что в день годовщины польской революции назвал Николая «убийцей и палачом Польши». «Ф. М.» должен был бы знать, что русские агенты не уполномочены употреблять подобные выражения, и ему* стоит только ознакомиться с отчетами о заседаниях французской палаты депутатов, чтобы низко поклониться Бакунину, если только политическое мужество может внушить ему уважение.

Клевета; брошенная «Ф. М.», отнюдь не нова. С тех пор как существуют русские революционеры, существуют и люди, называющие их русскими агентами, чтобы погубить их в общественном мнении. Клевета эта успела уже появиться в одной немецкой газете, не постеснявшейся сослаться для подтверждения своих слов на г-жу Жорж Санд. И что же! Г-жа Жорж Санд в письме, опубликованном в печати, формально опровергла этот слух, заявив, что у нее есть доказательства противного.

Чтоб убедиться в этом, «Ф. М.» стоит только просмотреть «Reforme» за 1848 г.

Кто такой «Ф. М.»?

Пока что, милостивый государь, в ожидании разрешения этого вопроса, мы просим вас напечатать это заявление.

Иван Головин, натурализованный русский эмигрант.

А. Герцен, русский эмигрант.

От имени Центрального польского демократического комитета всецело присоединяюсь ко всему сказанному в настоящем заявлении и собственноручно подписываюсь:

Станислав Ворцель, член Центрального польского демократического комитета и Центрального европейского демократического комитета.

WHO IS «F. M.»?

(TO THE EDITOR OF «THE MORNING ADVERTISER»)

Sir,— the defenders of Bakunin name themselves; his accuser continues to conceal himself behind initials which possibly may not be his own. We consign to the English public the care of judging of the delicacy of such a course.

To draw up in set terms, against a person detained on a political charge, an accusation so grave as that of being the agent of a despotic Government, without having conclusive proofs to proceed upon, is to place one's self in the position of a public and gratuitous defamer.

We know Bakunin; we are proud of being his friends, and we speak from a knowledge of circumstances; whereas «F. M.» endeavours to excite a feeling against him at the risk of rendering his position worse. He says that the accomplices of Bakunin at Dresden have been put to death; while he, who was taken with arms in his hand, still lives. It is not true that Bakunin was taken with arms in his hand. He was arrested 12 miles from Dresden. The Prussians, who shot the combatants, only ruled at Dresden for three days. Bakunin did not appear before the Prussian military tribunal, but before the Saxon tribunals, which have not executed any one of his accomplices.

«But why has not Russia applied the knout to Bakunin?» «F. M.» asks himself, who does not know that the Russian nobles are exempted from corporal punishment. And what has been the crime of Bakunin against Russia? His acts in Saxony and Austria are not, and cannot be, incriminated in Russia.

When individuals have the rooted ideas which «F. M.» entertains, it is not usual to entertain the public with the fancy of suspicions. We invite him to retract his calumny against a man whose devotion to his political convictions has led him into this misfortune, and

We remain, Sir, your obedient servants.

Ivan Golovine.
Alexander Herzen.

27-th August 1853.

P. S. Mazzini has requested us to add his signature to our last declaration.

КТО ТАКОЙ «Ф. М.»?

(ИЗДАТЕЛЮ «THE MORNING ADVERTISER»)

Милостивый государь, защитники Бакунина называют себя; обвинитель же продолжает скрываться за инициалами, которые, возможно, и не принадлежат ему. Мы предоставляем английской публике самой судить о щекотливости такого приема.

Предъявить в решительной форме человеку, арестованному по политическому делу, тягчайшее обвинение в том, что он агент деспотического правительства, и не иметь на это несомненных доказательств — значит поставить себя в положение публичного и добровольного клеветника.

Мы знаем Бакунина. Мы гордимся его дружбой и говорим о том, что нам известно, в то время как «Ф. М.» старается восстановить общественное мнение против Бакунина, рискуя ухудшить его положение. Он говорит, что сообщники Бакунина в Дрездене были казнены, тогда как Бакунин, взятый с оружием в руках, оставлен в живых. Неверно, что Бакунин был взят с оружием в руках. Он был арестован в 12 милях от Дрездена *. Пруссаки, расстреливавшие сражавшихся, хозяйничали в Дрездене всего три дня. Бакунин предстал не перед прусским военным судом, а перед саксонским, никого из его сообщников не казнившим.

«Но отчего Россия не применила к Бакунину кнута?» — спрашивает «Ф. М.», который не знает, что русские дворяне освобождены от телесного наказания. И в чем состояло преступление Бакунина против России? Его действия в Саксонии и Австрии не подлежали и не могут подлежать каре в России.

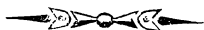
Не принято занимать внимание публики фантастическими подозрениями личностей, одержимых, подобно «Ф. М.», навязчивыми идеями.

Мы предлагаем «Ф. М.» отказаться от клеветы на человека, пострадавшего из-за преданности своим политическим убеждениям, и остаемся, милостивый государь, вашими покорными слугами.

Иван Головин
Александр Герцен

27 августа 1853.

P. S. Маццини просил нас прибавить его подпись к нашему последнему заявлению.

XXIII ГОДОВЩИНА ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ В ЛОНДОНЕ

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА СХОДЕ В ГАНОВЕР-РУМЕ

29 НОЯБРЯ 1853 ГОДА

АЛЕКСАНДРОМ ГЕРЦЕНОМ

Граждане!

Прошу вас, во-первых, извинить, что у меня в руке записка, я не привык говорить публично, а тем больше не на родном мне языке.

Вы знаете, что я провел мою жизнь в стране, где превосходно учатся *красноречиво молчать* — и где, конечно, нельзя было научиться свободно говорить.

Граждане!

Пять лет тому назад наш друг Михайло Бакунин являлся в ту же годовщину на трибуне польского собрания в Париже и предлагал союз демократической Польши с русскими революционерами*.

Эта мечта всех благородных умов польской эмиграции, наша мечта с самых юных лет начинает осуществляться.

Польша, как я сказал в другом месте*, *прощает нас*, она разрывает круговую поруку, естественно существующую между народом и его правительством, она подает нам руку, потому что она знает, какая глубокая ненависть к петербургскому управлению наполняет нас, во имя этой ненависти она начинает любить нас.

Я подошел к польским друзьям моим не как отдельное, разобщенное с своими лицо, отказывающееся от своего отечества, просящее забыть свое начало, — напротив, я громко

говорил о моей любви к России, о моей незыблемой вере в ее будущность. Они меня приняли *случайным* представителем будущей России, ненавидящей черные дела своего правительства, жаждущей смыть с себя пятна мученической крови поляков, помогая им в деле освобождения Польши.

Когда поляки подают нам свою руку, покрытую рубцами, на примирение, можно ли сомневаться в существовании революционных начал в России?

Полякам, этим естественным, непримиримым врагам официальной России, принадлежит честь более справедливого понимания русских, чем мы находим у других.

Есть люди, которые не могут соединить в голове своей слова — «Россия» и «революция»; они все еще представляют себе при слове «Россия» царя, кнут, Сибирь, полудикий народ, стоящий на коленях перед далай-ламой в ботфортах, и торопятся произнести свой приговор. Толкуют о братстве народов, об их союзе и в то же время осуждают одну из самых больших стран в мире по одной *надписи на дверях, по вывеске*.

С тех пор как абсолютизм перестал быть только русским и распространился по всему европейскому континенту, нам легче объяснить наше положение.

Правительственная форма почти никогда не представляет полную формулу жизни народной, особенно во времена общественного перелома, как наше, в которое человечество, так сказать, меняет шкуру. Когда целый мир рушится и новый мир стучится в двери, когда правительство ежедневно доказывает нам свою неспособность не только дать народам свободу, но даже держать их в рабстве.

И это не все. Историческое развитие России не имеет почти ничего общего с западным. Таким образом, выражение ее революционных стремлений и самые стремления не совпадают с фазами европейской революции, т. е. в *прошедшем*, но, может быть, они имеют тем большее сочувствие к началам *грядущей революции*.

Россия — страна величайших противуречий, самых крайних антиномий.

Коммунизм внизу, *деспотизм* наверху, между ними колеблющаяся среда дворянства, боящегося снизу *жакерий*,

сверху ссылки в каторжную работу, — среда, посящая в груди своей рядом с растлением и возмутительным подбострастием — жгучие и сосредоточенные революционные страсти. Из нее вышли: Пестели, Муравьевы, Петрашевские, Бакунины.

У нас не останавливаются на полдороге, у нас или остаются неподвижными, или идут до конца.

Пестель, как мы, требовал социального переворота. Социального переворота в 1825!

Бакунина не всегда понимали, чуждались его, боясь его радикализма.

Все, что так тесно сковывает западных людей с старым миром, не существует для нас. Русские круто отрешаются от всех связей разом, от религий, от преданий, от авторитета, нам нечего щадить, нечего беречь, нечего любить, но есть что ненавидеть. Россия в отношении к старому миру поставлена так же, как пролетариат, ей ничего не досталось, кроме несчастий, рабства и стыда.

Потому эти двое, лишенные наследства, и надеются на общее воскресение в социальном перевороте.

Мы представляем крошечное меньшинство в России, это правда. И тем слабее мы были, чем дальше держали себя от нашего народа и чем ближе к западным политическим партиям. Для Европы эти партии имели смысл перехода, для нас никакого.

Это приходит к сознанию, и будущность наша приближается.

Обманывать себя нечего. Мы очень слабы. Но неужели вы верите, что император Николай так силен, как это представляют?

Я сомневаюсь.

Из него сделали какое-то пугало, Синюю бороду, и до того накричали, наговорили, нашумели об этом, — что в самом деле испугались.

Континент до того понизился, что отовсюду видна приближающаяся фигура Каменного гостя, на гранитном утесе, грозящая нотами, протоколами, народами, армиями шпионов, дипломатических агентов и немецких принцев. Ему это место создала реакция. Но низость, трусость консерваторов не составляет

действительной силы... Этой предполагаемой мощи нет в сущности его власти.

Вот вам доказательство.

Наконец, по счастью, у него ум зашел за разум, и он на минуту поверил, что и в самом деле судьба Европы и Азии зависят от него.

Он сошел в арену. Ну что же? После всего шума и всех ультиматумов Меншиковых, Горчаковых, католических *Te Deum*'ов в Олмюце и лютеранских парадов в Потсдаме, манифестов с текстами священного писания и с параграфами Кучук-Кайнарджского мира?.. *

Все, что он сделал для православной греческой церкви, состояло в том, что Омер-паша его побил, а он обобрал господаря валахского. События могут перемениться, но лучшая роль в деле принадлежит Абдуль-Меджиду.

А ведь Россия сильна, но императорская власть, так, как она сложилась, не может вызвать этой силы. Она выродилась и не годна больше.

Петербургское императорство с самого начала своего было каким-то *предваряющим бонапартизмом*, оно не русское и не славянское, у него нет корней, это институт временный, это диктатура, осадное положение, возведенное в основу правительства. Оно соответствовало потребностям известного времени, государство ослабевало под сонным владычеством царей московских, надобно было растолкать, разбудить его, направить по иному пути. Императорство, может быть, было необходимо во время Петра I, но оно нелепо во время Николая. И вот еще причина, почему это мрачное, удушающее царствование поражено таким удивительным бесплодием и такой неспособностью.

Императорская власть достигла своей вершины во время низвержения Наполеона, в то время когда Александр I делал свое вшествие в Париж, окруженный свитой королей, которых он удерживал от грабежа. Великое призвание, к которому его привело безумие Наполеоновской эпохи, подавило его. Ему такая роль была не по плечу. Его сутуловатая фигура превосходно выражала, что ноша была слишком тяжела. Потерянный, задумчивый, он угас, одиноко и незаметно*, в небольшой пристани Черного моря.

Лишь только весть о его смерти распространилась, как новый наследник предъявил *свои права*. Не Константин, не Николай, а *возмущение на Исаакиевской площади!**

Борьба была неминуема, неминуемо, может, было и поражение. Но характер победы слишком связан с личностью победителя, чтоб не сказать о нем несколько слов.

Александр был воспитан Екатериной, учился у Лагарпа; он был свидетелем великой революции, действующим лицом в кровавой драме первой империи; он усвоил себе до некоторой степени современные идеи, образованные манеры и вежливость порядочного человека.

Не таков был человек, шедший за Александром: его воспитания не шли далее конногвардейских казарм. Он получил воспитание в кордегардиях и на вахтпарадах. Он был малолетним, когда его отец потерял рассудок и был убит. Его мать, добрая и пустая немка, была поглощена этикетом и своими образцовыми скотными дворами. Старшему брату было не до него во время Наполеона; Константин мог только развратить его. Никто не смотрел на него как на будущего императора; наследник престола был Константин. Не было ни одной сострадательной души, которая бы обратила на него внимание, помешала бы его сердцу зачерстветь в атмосфере конюшен и экзерциргауза. Он взшел на престол, не зная своего времени. Он революцию принимал за нарушение дисциплины — он сам вписал в свой формуляр, говоря о 14-м декабре: *«Находился при защите дворца»*.

С тем вместе казарменное отвращение от наук, презрение офицера к фрачнику, ненависть майора к ответу и возраженью, безумное властолюбие, страсть к безусловной покорности, и все без определенной цели, без всякой идеи, без всякой эксцентричности даже.

Нельзя сказать, чтоб у него не достало времени, — печальное царствование его продолжается 27 год, и он ничего не сделал, ничего не создал, *кроме самодержавия для самодержавия*.

Тип его деяний — кавказская война, поглотившая целые армии и которая через 25 лет не подвинулась ни на шаг.

Он мучил, притеснял, угнетал всеми средствами Польшу—

и не может вывести из нее ни одного батальона солдат, боясь ее восстания.

Он преследовал в России книги и школы, профессоров и писателей, а в 1849 году в трех шагах от Зимнего дворца открыли революционный клуб*.

Он вел в 1828 году войну с Турцией и сгубил сотни тысяч человек, убитых тифом и горячкой, не получив в замену ничего существенно важного.

Когда он остается победителем, вы можете быть уверены, что он купил какого-нибудь Гергея*, какого-нибудь несчастного пашу, какого-нибудь злодея, наконец.

Действительно, Николай очень несчастный человек, и он это чувствует, от этого он беспокоен, мрачен. Жизнь, которая еще тридцать лет тому назад кипела около Зимнего дворца, оттолкнутая им, не возвращается. Ни одной великой способности, ни одного необыкновенного ума между его помощниками! Николай управляет ординарцами и писцами; это очень легко, но ничего не двигается, но казнокрадство, взятки, подкупы приводятся в систематический порядок.

Он посылает армию, она умирает на полдороге от голоду и холоду. Он хочет освободить крестьян — ему показывают окровавленный ряд его предшественников, убитых помещиками. Он не хочет освобождать крестьян — ему пророчат пугачевщину.

Министр внутренних дел доносит ему, что обер-полицейстер ворует в Петербурге. «Я это знаю,— отвечает Николай,— но я сплю спокойно, пока он смотрит за порядком».

И вы думаете, что такое правительство может быть сильным?

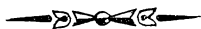
Русский император пробует войну с Турцией, зная очень хорошо, что если монархической Европе неприятно его видеть в Константинополе, то все же ей неприятнее видеть республику, т. е. *республику в самом деле*, в Париже. Монархическая Европа во всех своих оттенках, от дикого и кровожадного короля неаполитанского до умеренного и честного короля белгов или короля сардинского, не может начать серьезной войны с царем. В каждом из них *слишком много Николая* для этого. Никакой Бонапарт, никакой наследственный, ни благоприоб-

ретский деспот не нанесет в самом деле удара своему петербургскому товарищу — им всем он слишком нужен.

Впрочем, работать в нашу пользу вовсе не царское дело и не дело наших врагов; это дело наше — нам самим надобно трудиться, надобно соединить наши силы. «Когда,— писал мне несколько дней тому назад человек, глубоко уважаемый мною, Мишле,— *когда поляки соединяются с русскими, какая же ненависть имеет право продолжаться!*»

Итак, да совершится наше соединение. Честь Польше — великой в своем неравном бою, несокрушаемой в своей героической преданности, растущей несчастьями... Но с тем вместе честь и русскому революционному меньшинству!

Позвольте же мне заключить мою речь русским криком:
Да здравствует независимая Польша и свободная Россия!

МАРИИ Р.....

... Итак вы думаете, что все-таки печатать, несмотря на то, что одна повесть едва начата, а другая не кончена... Оно в самом деле лучше, ненапечатанная рукопись мешает, это что-то неудавшееся, слабое, письмо, не дошедшее по адресу, звук, не дошедший ни до чьего слуха.

Позвольте же вам и посвятить эти поблекшие листья, захваченные на полдороге суровыми утренниками. Нового вы в них не найдете ничего; все вам знакомо в них — и оригиналы бледных копий, и молодой смех былого времени, и грусть настоящего, и даже то, что пропущено между строк.

Примите же их, как принимают старых друзей после долгой разлуки, не замечая их недостатков, не подвергая их слишком строгому суду.

Лондон, 31 декабря 1853.

LA RUSSIE ET LE VIEUX MONDE

LETTRES À W. LINTON, esq.

PREMIÈRE LETTRE

Cher Linton,

«Quel est, à votre avis, l'avenir de la Russie?»

Chaque fois que je dois répondre à une *question pareille*, je réponds *par une question à mon tour*. La voici: l'Europe est-elle, ou non, capable d'une régénération sociale?— Cette question est grave! Car si le *peuple* russe n'a qu'un seul avenir, il y a peut-être deux éventualités pour l'avenir de *l'empire* russe; des deux, laquelle se réalisera? cela dépend de l'Europe.

Il me semble, à moi, que l'Europe, *telle qu'elle existe*, a terminé son rôle; la dissolution va d'un train exorbitant depuis 1848.

Ces paroles effrayent, et on les conteste sans s'en rendre compte. Certainement, ce ne sont pas les *peuples* qui périront, mais les *Etats*, mais les institutions romaines, chrétiennes, féodales et juste-milieu-parlementaires, monarchiques ou républicaines, peu importe.

L'Europe doit se transformer, se décomposer, pour entrer en nouvelles combinaisons. C'est ainsi que le monde romain se transforma en Europe chrétienne. Il cessa d'être lui-même; il n'entra que comme un des éléments — les plus actifs — dans la constitution du nouveau monde.

Jusqu'à nos jours, le monde européen n'a subi que des réformations; les bases de l'Etat moderne restaient intactes: on continuait sur le même fond en améliorant les détails. Telle a été la réforme de Luther, telle la Révolution de 1789.

Telle ne sera pas la Révolution sociale.

Nous sommes arrivés à la dernière limite du replâtrage; il est impossible de se mouvoir dans les anciennes formes sans les faire éclater. *Notre* idée révolutionnaire est complètement incompatible avec l'état de choses existant.

L'Etat, basé sur l'idée romaine de l'absorption de l'individu par la société, sur la sanctification de la propriété accidentelle et monopolisée, sur une religion consacrant le dualisme le plus absolu (même dans la formule révolutionnaire *Dieu et le Peuple*),— n'a rien à donner l'Avenir que son cadavre, que ses éléments chimiques émancipés par sa mort.

Le socialisme, c'est la négation de tout ce que la République politique a conservé de la vieille société. Le socialisme, c'est la religion de l'homme, la religion terrestre, sans ciel: c'est la société sans gouvernement, c'est l'accomplissement du christianisme et la réalisation de la Révolution.

Le christianisme a fait de l'esclave un fils de l'homme, la Révolution a fait de l'affranchi un Citoyen, le socialisme veut en faire un *homme* (car la cité doit dépendre de l'homme et non l'homme de la cité). Le christianisme montre aux fils des hommes, comme idéal, le fils de Dieu,— le socialisme va plus loin, il déclare le fils *majeur*... et, comme tel, l'homme veut être plus que fils de Dieu,— il veut être *lui-même*.

Tous les rapports entre la société et les individus, et ceux même entre les individus doivent être totalement changés. Or, la grande question est maintenant de savoir si les peuples germano-romains auront la force de subir cette métempsychose et s'ils l'auront maintenant?

L'idée de la révolution sociale est européenne.— Cela ne veut pas dire que les peuples les plus capables de la réaliser soient les peuples de l'Occident.

Le christianisme n'a été que *crucifié* à Jérusalem.

L'idée sociale peut bien être un testament, une dernière volonté, une limite au-delà de laquelle le monde occidental ne peut aller? Elle peut aussi être l'entrée solennelle dans une nouvelle existence, l'acquisition de la toge virile?

L'Europe est trop riche pour risquer son va-tout; elle a trop à conserver, elle est trop civilisée dans ses régions supérieures

et trop peu dans les inférieures, pour s'élançer à corps perdu dans une Révolution si complète.

Républicains et monarchistes, déistes et jésuites, bourgeois et paysans... tous, en Europe, sont des conservateurs. Il n'y a de révolutionnaires — que les ouvriers.

L'ouvrier peut sauver le vieux monde d'une grande honte et de grands malheurs. — Sauvé par lui, le vieux monde ne se survivra pas un jour. C'est que nous serons alors en plein socialisme *militant* — et la question sera résolue positivement.

Mais l'ouvrier peut, aussi, être terrassé — comme dans les journées de juin. La répression sera encore plus cruelle, plus terrible. Alors la destruction du vieux monde doit entrer par une autre porte, et la réalisation même de l'idée sociale peut se produire dans un autre monde.

Regardez un peu ces deux plateaux immenses qui se touchent par la nuque — des deux côtés de l'Europe. Pourquoi sont-ils si grands, à quoi se préparent-ils, quelle est cette passion d'activité, d'agrandissement qui les dévore? Ces deux mondes, si opposés l'un à l'autre, auxquels pourtant il est impossible de refuser quelque analogie: — ce sont les Etats-Unis et la Russie. Personne ne doute que l'Amérique ne soit la véritable continuation du développement de l'Europe et *rien* que cette continuation. — Dénuée de toute initiative, de toute invention, comme elle l'est, l'Amérique est prête à recevoir l'Europe, à réaliser les idées sociales, mais elle ne viendra pas achever le vieil édifice... elle ne quittera pas ses plaines fertiles.

Peut-on affirmer la même chose du monde slave? Qu'est-ce que le monde slave? Que veut ce monde *muet* qui a traversé les siècles depuis la migration des peuples jusqu'à nos jours dans un continuel *à parte*, sans desserrer les dents?

Monde étrange, ne faisant cause commune ni avec l'Europe ni avec l'Asie.

L'Europe fait les croisades, — les Slaves restent chez eux.

L'Europe développe le féodalisme, les grandes cités, une législation basée sur le droit romain, sur les lois germaniques; l'Europe civilisée devient protestante, libérale, parlementaire, révolutionnaire. — Les Slaves n'ont ni grandes cités, ni noblesse aristocratique; ils ignorent le droit romain, ne connaissent pas

de distinction entre les paysans et les citadins, ils habitent de préférence leurs villages, gardent leurs institutions communales, démocratiques, *communistes* et patriarcales.

Il semble que le temps de ces peuples ne soit pas venu, qu'ils attendent quelque chose, que leur *statu quo* ne soit que provisoire.

Maintes fois les Etats slaves commencent à se former avec vigueur, leur tentative prend consistance, cela se développe (comme la Serbie sous Douchan)... et cela échoue, sans qu'on puisse bien comprendre le pourquoi.

S'étendant des bords de la Volga et de ceux de l'Elbe, jusqu'à la mer Adriatique et à l'Archipel, les Slaves ne savent pas même se lier pour la défense commune. Les uns succombent sous les coups des Allemands, les autres sous ceux des Turcs. Une troisième peuplade fut conquise par les hordes sauvages qui s'abatirent sur la Pannonie. Une grande partie de la Russie resta longtemps courbée sous le joug des Mongols.

La Pologne seule était indépendante et forte... mais c'est qu'elle était moins Slave que les autres: elle était *Catholique*. Or, le catholicisme est complètement contraire au génie slave. Vous vous rappelez que ce sont les Slaves qui ont les premiers commencé la grande lutte contre le Papisme et qui lui ont de suite imprimé un caractère profondément social (les *Taborites*). Réduite et ramenée au catholicisme, la Bohême a cessé d'exister...

La Pologne donc garda son indépendance en rompant l'unité nationale et en se rapprochant des Etats de l'Occident.

Les autres Slaves, restés indépendants, étaient loin de former des Etats organisés; il y avait quelque chose de flottant, d'indéterminé, de peu gouverné, *d'anarchique* (comme diraient nos amis de l'ordre) dans leur vie sociale. Je ne connais rien au monde de plus conforme au caractère slave que l'existence de l'Ukraine ou de la Petite Russie, depuis la période de Kiev jusqu'à Pierre I. C'était une république cosaque et agricole, organisée militairement sur des bases complètement démocratiques et communistes. Sans centralisation, sans gouvernement fort, se régissant par des coutumes n'acceptant ni la suprématie du tzar de Moscou, ni celle du roi de Pologne. Il n'y a pas de traces d'aristocratie dans cette république rudimentaire; chaque homme majeur était citoyen actif, toutes les charges étaient électives, depuis le décu-

tion jusqu'au Hetman. Je vous prie de remarquer que cette république a existé depuis le XIII-e siècle jusqu'au XVIII-e, en se défendant continuellement contre les Moscovites, les Polonais, les Lithuaniens, les Turcs et les Tartars de la Crimée. En Ukraine, comme chez les Monténégrins, même chez les Serbes, les Illyriens, les Dalmates — le génie slave a donné quelques indications assez claires de ses aspirations:— aucune forme politique.

Pourtant il a fallu passer par *la dressure d'un Etat fort*, il a fallu s'assembler, se centraliser et quitter le laisser-aller de la vie cosaque et l'éternel sommeil de la vie communale.

Vers le XIV-e siècle la Russie commence à avoir un centre autour duquel gravitent et se cristallisent les diverses parties de l'Etat — c'est Moscou. Dès son apparition comme ville centrale, elle prend le rôle de la capitale du monde slave *orthodoxe*.

C'est à Moscou que se forma l'absolutisme byzantin et oriental des tzars, c'est par elle que périrent les dernières franchises du peuple. Tout fut sacrifié à l'idée de *l'Etat*, et pour cela tout s'uniformise, tout plie. Comme si en sortant du joug des Mongols, en continuant les guerres sanglantes contre les Lithuaniens, en voyant la Pologne s'armer, le peuple sentait qu'il s'agissait d'abdiquer tous les droits humains pour sauver son indépendance nationale et son avenir.

Novgorod — cité grande et libre — était un reproche vivant pour la ville *parvenue*, pour la ville des tzars. Moscou écrasa sa rivale avec une cruauté sanguinaire et sans le moindre remords.

Lorsque toute la Russie fut à ses pieds, Moscou se trouva face à face avec Varsovie.

La lutte entre ces deux rivales fut longue et ne devait finir qu'à une autre époque. Pendant un moment la Pologne eut le dessus. Moscou plia, Vladislaf, fils de Sigismond roi de Pologne, fut proclamé tzar de toutes les Russies. La maison de Rurik, de Vladimir Monomakh était éteinte — il n'y avait pas de gouvernement, les généraux polonais et les Hetmans des Cosaques régnaient à Moscou.

Alors le peuple entier se leva à la voix d'un boucher de Nijni—Minine — et la Pologne se vit obligée d'abandonner Moscou et le sol russe.

Après avoir accompli son œuvre de *soudage*, Moscou s'arrête. Elle ne sait que faire de ces forces évoquées par elle et restées sans emploi. L'issue se trouva de suite.— Là ou il y a beaucoup de force, l'issue se trouve toujours.

Pierre I fit de l'*Etat russe* un *Etat européen*.

La légèreté avec laquelle une partie de la nation se fit aux mœurs européennes et renia ses habitudes est une preuve palpable que l'Etat moscovite n'était nullement une véritable expression de la vie populaire, mais bien une forme transitoire. Là où on touchait aux éléments réellement nationaux, le peuple les défendait avec opiniâtreté. Toute la classe des paysans n'accepta rien de la réforme de Pierre I. Aussi était-elle le véritable dépositaire de la vie nationale, et la base de cette vie était (comme l'a dit le célèbre historien Michelet) le *Communisme*, c'est-à-dire partage continu de la terre d'après le nombre des travailleurs et absence de propriété territoriale individualisée.

Comme l'Amérique du Nord représente la dernière conséquence des idées républicaines et philosophiques de l'Europe du XVIII-e siècle; c'est ainsi que l'Empire de Pétersbourg a développé jusqu'au *monstrueux* les principes du monarchisme et de la bureaucratie européenne. Le dernier mot de l'Europe conservatrice est dit par Pétersbourg; ce n'est par sans raison que tous les réactionnaires se tournent vers cette Rome de l'absolutisme.

Quelles forces immenses avait sous ses mains le despotisme de Pétersbourg? C'est facile à juger par l'Etat gigantesque qui se forma. Les forces étaient tellement exubérantes que même pendant la confusion et la détestable administration de Pierre I à Catherine II,—l'Etat s'est accru matériellement avec une rapidité inouïe.

Après avoir absorbé, subjugué tout ce qui était à sa portée — prenant les provinces Baltiques et la Crimée, la Bessarabie et la Finlande, l'Arménie et la Géorgie, partageant la Pologne et arrachant une province après l'autre à la Turquie — l'empire russe trouva enfin un rival formidable. C'était la Révolution française renversée, avortée, dégénérée en un despotisme tout pareil à celui de Pétersbourg. La Russie se mesura avec Napoléon et le vainquit.

Du moment où l'Europe à Paris, à Vienne, à Aix-la-Chapelle et à Vérone reconnut *nolens volens, l'hégémonie* d'un empereur de Russie — l'œuvre de Pierre était terminée et le pouvoir impérial se trouva dans la même position où s'étaient trouvés les tzars de Moscou avant Pierre I.

L'empereur Alexandre le sentit bien.

Le pouvoir impérial peut certainement se conserver pendant quelque temps encore, s'imposer par tous les moyens qui sont dans les mains d'un gouvernement arbitraire; mais il ne peut rien créer, ni produire de plus à l'intérieur, — sans rencontrer partout l'esprit qu'il ne veut évoquer. Tout ce qu'il peut faire — c'est une *guerre à l'extérieur*.

Nicolas s'est pourtant constamment abstenu de la guerre.

Comment se fait-il qu'après un règne effacé de 25 années, tout à coup une audace téméraire s'empare de cet homme, et qu'il jette sa *mitaine* russe à la tête de la France et de la Chine, de l'Angleterre et du Japon, de la Suède et des Etats-Unis... sans parler de la Turquie...

On dit qu'il est devenu fou?

Moi, je commence à penser qu'il est devenu sage.

Pour commencer une guerre, il lui fallait la plus entière certitude de la lâcheté de tous les Etats de l'Europe; il lui fallait avoir pour eux un mépris sans bornes... Eh bien! il l'a. Nicolas boudait les gouvernements occidentaux avant 1848, — mais ne les méprisait pas. Nicolas tremblait en apprenant les révolutions de 1848 — et ne s'est rassuré qu'en recevant la nouvelle de la dictature ensanglantée de Cavaignac. Mais après le coup de main qu'il a donné à l'Autriche — par son intervention en Hongrie, intervention tolérée par l'Angleterre, comme l'invasion à Rome, il a mieux compris le terrain de ses *amis-adversaires*. Il a sondé lentement, peu à peu, l'abîme de leur ignominie, de leur pusillanimité, de leur *ignorance* — et le voilà qui fait *la Guerre*. — Voulez-vous parier qu'il en sortira vainqueur, si un tiers imprévu n'y intervient? — leur ennemi commun à eux tous, la Révolution, bien entendu!

«Dans ce cas, pas de guerre! Déclarons nous battus par avance, sacrifions la Turquie, cédon's Constantinople plutôt que de rompre avec le tzar».

Voilà le raisonnement de tous les diplomates, banquiers et autres gens qui pensent que le conservatisme consiste à ne pas lâcher la pièce de 5 francs qu'on a dans la main et à fermer les yeux sur les dangers du lendemain...

Eh bien, cédez; ne faites pas la guerre,— mais sachez bien, qu'alors, au lieu d'avoir, ou la Révolution, ou Nicolas...

Vous aurez Nicolas et la Révolution.

Voilà ce que je développerai, cher Linton, dans ma deuxième lettre.

Londres, le 2 janvier 1854.

DEUXIÈME LETTRE

Cher Linton,

La formule de la vie européenne est beaucoup plus compliquée que ne l'était celle du monde antique.

Lorsque la culture de la Grèce déborda les limites étroites des républiques urbaines, ses formes politiques furent de suite épuisées et s'usèrent avec une grande célérité. La Grèce devint province romaine.

Lorsque Rome dépensa son fond d'organisation et transgressa ses institutions politiques, elle ne trouva plus de ressources pour sa régénération et se désagrégea en se combinant de diverses manières avec les barbares.

Les états antiques n'étaient pas *pérenniels*, ils n'existaient qu'une saison.

Vers le XVe siècle, l'Europe arriva à un de ces cataclysmes, qui, pour les états antiques, aurait été le précurseur d'une mort certaine. La conscience et la pensée rejetaient les bases de l'édifice social. Le catholicisme et le féodalisme furent attaqués. Une lutte sourde dura plus de deux siècles... minant l'église et le château.

L'Europe était si près de la mort, que déjà on commençait à entrevoir les barbares au-delà des frontières — ces corbeaux qui flairent de loin l'agonie des peuples.

Byzance était dans leurs mains, ils paraissaient tout prêts à fondre sur Vienne, mais le croissant fut arrêté au bord de l'Adriatique.

Un autre peuple barbare s'agitait au Nord, s'organisait, se préparait. — Un peuple en peau de mouton et aux yeux de lézard. Les déserts de la Volga et de l'Oural ont vu de tout temps les bivouacs des peuples en migration; ce sont les salles d'attente et de rassemblement, *officina gentium*, où, en silence, la destinée prépare ces nuées de sauvages pour les lâcher sur les peuples mourants, sur les civilisations en marasme — afin de les achever.

Pourtant la lune des Islamistes ne se levait pas et se contentait d'éclairer les ruines de l'Acropolis et les eaux de l'Hellespont. Et les barbares de la Volga, au lieu de tenter une invasion en Europe — allèrent enfin, dans la personne d'un de leurs tzars, solliciter de leurs voisins la civilisation et l'organisation politique.

Le premier orage passa au-dessus des têtes.

Que s'est-il donc passé?

La migration éternelle des peuples vers l'Occident — retenue par l'Atlantique, se continuait; l'humanité avait trouvé un guide: Christophe Colomb lui montrait le chemin.

L'Amérique sauva l'Europe.

Et l'Europe entra dans une nouvelle phase d'existence qui manquait aux états antiques: une phase de décomposition à l'intérieur et de développement au-delà de l'océan.

La Réformation et la Révolution ne sortirent pas des murs de l'église ni des enceintes des états monarchiques; évidemment elles ne purent pas abattre le vieil édifice. Le dôme gothique s'affaissa, le trône se pencha de côté, mais leurs ruines subsistèrent. Et ni la Réforme, ni la Révolution n'avaient plus prise contre eux.

On a beau être *réformé*, évangélique, luthérien, protestant, quaker — l'église existe, c'est-à-dire que la liberté de la conscience n'existe pas, ou c'est un acte de rébellion *individuelle*. On a beau être parlementaire, constitutionnel à deux chambres ou à une seule, au suffrage restreint ou au suffrage universel... le trône penche, mais existe toujours; et quoique les rois fassent la culbute à chaque instant, — il s'en trouve d'autres. — A défaut d'un roi dans une république, si c'est en France, il y a un roi de paille qu'on met sur le trône et pour lequel on garde les châteaux et les parcs, les Tuileries et les Saint-Cloud.

Tandis qu'un christianisme laïque et rationaliste — lutte contre l'église, sans s'apercevoir qu'il sera écrasé le premier par la voûte,—tandis qu'un républicanisme monarchique lutte contre le trône, pour s'y asseoir royalement,— le souffle révolutionnaire est ailleurs, le torrent a changé de direction et laisse ces vieux *Montechi et Capuletti* continuer leur lutte héréditaire sur le second plan. L'étendard se lève, non plus contre le prêtre,— non plus contre le roi, non plus contre le noble, mais contre leur héritier à tous,— contre le maître,— contre le détenteur patenté des instruments de travail. Et le révolutionnaire n'est plus ni huguenot, ni protestant, ni libéral; il s'appelle *Ouvrier*.

Et voilà que l'Europe — rajeunie une fois — deux fois même, s'arrête à une troisième limite n'osant la franchir. Elle tremble devant le mot le «Socialisme» qu'elle lit sur la porte.— On lui a dit que c'est Catilina qui doit ouvrir la porte, et cela est vrai. La porte peut ne pas s'ouvrir; mais si elle est ouverte, cesera par Catilina... et un Catilina qui a tant d'amis, qu'il est impossible de les étrangler tous dans une prison. Cicéron, l'assassin consciencieux et *civil*, fut plus heureux que son émule Cavaignac.

Cette limite est plus difficile à passer que ne furent des autres. Toutes les réformes conservent la moitié du vieux monde, qu'elles couvrent d'un nouveau drap; le cœur ne se brise pas entièrement; on ne perd plus tout à la fois; une partie de ce qu'on aimait, de ce qui nous était cher depuis l'enfance, que nous vénérions, ce qui était traditionnel, reste et console les faibles... Adieu chansons des nourrices, adieu réminiscences de la maison paternelle, adieu l'habitude dont la force est plus grande que la force du génie, dit Bacon.

...Rien ne passera la douane pendant l'orage; aura-t-on la patience d'attendre le calme?

Peu à peu tous les intérêts, toutes les préoccupations, complications, aspirations qui ont agité pendant un siècle les esprits en Europe — pâlissent, deviennent indifférentes, choses de routine, questions de coterie. Où sont tous les grands mots qui faisaient vibrer le cœur et verser les larmes!.. Où sont les drapeaux vénérés depuis Jean Huss dans un des camps, depuis 89 dans un autre? Depuis que le brouillard opaque, qui enveloppait la révolution de Février, a disparu, on commence à voir de plus en plus

clair; une simplicité *tranchante* remplace les complications: il n'y a que deux questions réelles:

La question sociale,—

La question russe.

Et, au fond, c'est la même. La question russe, c'est le côté accidentel, l'épreuve négative; c'est la nouvelle apparition des barbares, flairaht l'agonie, criant leur «*memento mori*» au vieux monde, et lui offrant un assassin, s'il ne veut pas se suicider.

En effet, si le socialisme révolutionnaire ne parvient pas à en finir avec la société en décadence — La Russie en finira.

Je ne dis pas que cela soit *nécessaire*,— mais cela est *possible*.

Rien n'est absolument nécessaire. L'avenir n'est jamais immuablement arrêté d'avance: il n'y a aucune prédestination invariable. L'avenir peut ne pas être du tout. Un cataclysme géologique pourrait bien mettre fin non seulement à la question orientale — mais à toutes les autres, faute de questionneurs.

L'avenir se forme, se crée des éléments qui sont sous mains, et des conditions qui les entourent, il continue le passé; les tendances générales, vaguement exprimées, se modifient d'après les circonstances. Les circonstances déterminent *le comment*, et la possibilité flottante devient fait accompli. La Russie peut aussi bien envahir l'Europe jusqu'à l'Atlantique, qu'en être envahie jusqu'à l'Oural.

Pour le premier cas, il faut une Europe profondément divisée.

Pour le second, une Europe profondément unie.

L'est-elle?

Le tzarisme est poussé par instinct de conservation et par une force naturelle, comme celle qui guide les oiseaux aux migrations, vers la mer Noire, vers la Méditerranée. Il lui est impossible de ne pas rencontrer l'Europe dans cette marche.

Ce serait une folie de penser que l'empereur Nicolas puisse tenir tête à l'Europe, à moins que l'Europe elle-même ne se mette à l'avant-garde de son armée et ne combatte contre elle-même; mais c'est ce qui se fait; c'est ce qui est.

Le conservatisme peureux, soucieux, sénile, trouvera dans un conflit entre l'Europe et la Russie, les moyens de paralyser chaque élan des peuples.

Car il y a deux Europes qui s'entre-haïssent, s'entre-détestent beaucoup plus profondément que les Turcs et les Russes, et ce *manichéisme* social existe dans chaque état, dans chaque ville, dans chaque hameau. Quelle unité d'action est donc possible avant le triomphe d'un des lutteurs? Les armées ne combattent héroïquement aux frontières que lorsqu'il y a un comité de salut public à la maison.

C'est lui qui avait imprimé aux armées révolutionnaires cette énergie étonnante qui dura vingt années après sa mort.

Il n'y a rien au monde qui démoralise plus les armées que la pensée funeste d'une trahison derrière leur dos. Peut-on avoir confiance aux gouvernements tels qu'ils sont? Dans leur propre camp, les hommes *de l'ordre* se soupçonnent l'un l'autre.

Nous trouverons partout, jusque dans les hauts parages de la diplomatie, des traîtres qui vendent leur pays à Nicolas.

Nicolas a non seulement des banquiers et des journalistes, il a des premiers ministres, des frères de roi, des cousins régnant; il a un nombre prodigieux de grand-duchesses, qu'il octroie aux princes allemands, à condition de faire des serfs russes de leurs maris; et ces grand-duchesses, lorsqu'elles sont malades, vont prendre «les brouillards de Londres», dont la vertu curative a été découverte par Nicolas.

«La Fusion» est très-russe; — «l'Assemblée Nationale» a l'air d'être une feuille de Kazan ou de Penza.— Mais si l'empereur Nicolas voulait abandonner tous ces Chambord-Nemours aux délices d'une réconciliation de famille et d'une partie de chasse à Froshdorff, le bonapartisme serait à l'instant même, non seulement Russe, mais Tartare.

Le roi des Belges tient une agence russe à Bruxelles; le roi de Danemark, un petit bureau à Copenhague. L'Amirauté, — la fière Amirauté de la Grande-Bretagne fait humblement la police du tzar à Portsmouth, et un officier samoyède foule impunément aux pieds l'acte de *l'habeas corpus* sur le pont d'un navire anglais. Le roi de Naples est le servile imitateur de Nicolas, et l'empereur d'Autriche son Antinoïs, son admirateur passionné.

On parle tant d'agents russes que l'on cherche toujours parmi quelques misérables espions que le gouvernement russe paie

pour être au courant de tous les *cancans*. Les véritables Chenu et Delahodde du tzar sont les oints du seigneur, leurs *agnates* et *cognates*, leur parenté dans les lignes ascendantes et descendantes. Le registre des espions russes, le plus complet, c'est *l'Almanach de Gotha*.

Vous voyez donc qu'une lutte sérieuse avec la Russie est totalement impossible avant d'avoir balayé, et bien balayé, la maison.

Il y a une solidarité fatale qui lie l'Europe réactionnaire au tzarisme; et ce sera une sublime ironie providentielle si nous la voyons périr par lui.

Nicolas a fait la plus grande espièglerie du XIX-e siècle en déclarant la guerre à la Turquie.

Ce sont les conservateurs, les amis, les clients de Nicolas qui crient le plus haut maintenant contre lui. Ils prenaient le tzar pour un sergent de ville, et étaient très contents de faire peur aux révolutionnaires des 400 000 baïonnettes russes; ils croyaient qu'il se résignerait au rôle passif d'épouvantail; ils avaient oublié que même un Louis Bonaparte n'a pas voulu se résigner à la fonction du «sapeur pompier...»

Les jours heureux étaient revenus, on était si content, si tranquille; les masses, écrasées par les troupes, mouraient de faim avec une résignation chrétienne. Pas de presse, pas de tribune... pas de France! Le Saint-Père, appuyé sur une armée sortie de la rue de Jérusalem, distribuait à droite et à gauche sa bénédiction apostolique. Les affaires reprenaient après la catastrophe de Février. L'anthropophagie sociale était plus stationnaire que jamais. Une ère «d'amour et de sympathie» s'ouvrait. La Belgique se mariait à L'Autriche dans la personne d'une archiduchesse autrichienne,— le jeune empereur de Vienne soupirait aux pieds de sa fiancée, Napoléon III — «Werther» de 45 ans — épousait par caprice amoureux sa «Charlotte» de Téba.

Au milieu de cette tranquillité, de ce bien-être universel, l'empereur Nicolas jette l'alarme en commençant une guerre unitile, fantastique, *religieuse*, une guerre qui peut très bien passer des bords de la mer Noire aux bords du Rhin, et qui apportera dans tous les cas tout ce qu'on craignait des révolutions: — expropriations, contributions, violences, et, par dessus le marché,

une occupation étrangère, des cours martiales, des fusillades et des contributions de guerre.

Donoso Contès, dans un discours célèbre prononcé à Madrid en 1849, prédisait l'invasion russe et ne trouvait d'autre ancre de salut pour la *Civilisation* que l'*Unité* de l'autorité. C'est-à-dire la monarchie absolue au service du catholicisme. C'est pour cela aussi qu'il demandait pour première condition l'introduction du catholicisme en Angleterre.

Il est possible qu'avec une *Unité pareille*, l'Europe serait très forte; mais cette unité est totalement impossible, aussi impossible que toute autre, à l'exception de l'*Unité révolutionnaire*.

Si on ne craignait pas la Révolution plus encore que les Russes, quoi de plus simple que d'aller à Sébastopol, d'occuper Odesa. La population mahométane de la Crimée ne serait pas hostile aux Turcs. Une fois là, on ferait un appel à la Pologne, on déclarerait la liberté des paysans de la Petite Russie qui abhorrent le servage... Nous verrions ce qu'entreprendrait alors Nicolas, avec son Dieu orthodoxe.

Mais, dira l'Autriche — la Pologne c'est la Gallicie.

Mais, dira la Prusse — la Pologne c'est la Posnanie.

Et une fois la Pologne debout — quelle force retiendra la Hongrie, la Lombardie?

Eh bien, il ne faut pas aller à Sébastopol, — ou faire une guerre d'apparat qui se terminera au profit de Nicolas ou de Louis Bonaparte. C'est-à-dire, dans les deux cas, au profit du *despotisme* et contre les *conservateurs*.

Car le despotisme n'est pas du tout conservateur. Il ne l'est pas même en Russie. Le despotisme, c'est ce qu'il y a de plus corrosif, de plus délétère, de plus dissolvant. Quelquefois les peuples jeunes, cherchant à s'organiser, commencent par le despotisme, le traversent, s'en servent comme d'une dure éducation; mais plus souvent se sont les peuples retombés en enfance qui succombent sous le joug du despotisme.

Le despotisme militaire, algérien ou caucasien, bonapartiste ou cosaque, une fois maître de l'Europe, sera nécessairement entraîné à une lutte acharnée contre la vieille société; il ne pourra laisser exister les institutions semi-libres, les droits semi-indé-

pendants, la civilisation habituée à la parole, la science habituée à l'analyse, l'industrie s'érigeant en puissance.

Le despotisme, c'est la barbarie, c'est l'enterrement d'une civilisation décrépite — et quelquefois l'étable dans laquelle naît le *sauveur*.

Le monde européen, tel qu'il est, a fini sa tâche; mais il nous semble qu'il pourrait finir plus honorablement sa carrière — passer à une autre forme d'existence, non sans secousses, mais sans abaissement, sans dégradation. Les conservateurs, comme tous les avarés, ont eu surtout peur de *l'héritier*; eh bien! le vieillard sera étranglé nuitamment par des voleurs et des brigands.

Après avoir bombardé Paris, fusillé, déporté, emprisonné les ouvriers, — ont pensa que le danger était passé! — Mais la mort est un Prothée. On la chasse comme ange de l'avenir, — elle revient comme spectre du passé, — on la chasse comme République démocratique et sociale, elle revient comme Nicolas, tzar de toutes les Russies, ou comme Napoléon, tzar de France.

L'un et l'autre — ou les deux ensemble, achèveront la lutte.

Pour lutter, il faut que son adversaire ne soit pas encore terrassé. Où est donc le dernier champ-clos, le dernier retranchement où la civilisation peut livrer une bataille, se défendre au moins contre les despotes?

A Paris? — Non.

Paris, comme Charles-Quint, a abdiqué, de son vivant, sa couronne révolutionnaire, — un peu de gloire militaire et beaucoup de police suffiront pour maintenir l'ordre à Paris.

Le champ-clos est à Londres.

Tant qu'une Angleterre libre et fière de ses droits existe, — rien n'est fait définitivement pour la cause de la barbarie.

Depuis le Dix Décembre 1848, la Russie et l'Autriche n'ont plus de haine contre Paris. Paris a perdu son prestige pour les rois, ils ne le craignent plus. — Toute leur haine s'est portée contre l'Angleterre. Ils l'abhorrent, ils la détestent et ils voudraient... la piller!

Il y a en Europe des pays réactionnaires, mais non des pays conservateurs. L'Angleterre seule est conservatrice, et *le pourquoi* est tout clair, elle a quelque chose à conserver — *la liberté individuelle*.

Mais ce seul mot résume tout ce qui est poursuivi, haï par les Bonaparte et les Nicolas.

Et vous pensez qu'ils laisseront, eux vainqueurs, à 12 heures de distance de Paris *esclave*,— Londres *libre*, Londres foyer de la propagande et port ouvert à tout ce qui fuira les villes désertes et incendiées du continent? Car tout ce qui doit être sauvé et peut l'être — au milieu de l'orgie de la destruction,— sciences et arts, industrie et culture—tout cela sera nécessairement poussé en Angleterre.

Cela suffit pour une guerre.

Enfin le rêve du premier barbare moderne, de Napoléon, se réalisera.

Quel plus grand malheur peut attendre l'Angleterre d'une Europe révolutionnaire que du despotisme européen? Les peuples ont assez à faire chez eux pour ne pas penser à des invasions.

Ce n'est ni l'égoïsme, ni la cupidité qui empêchent les Anglais de voir cela clairement. Disons le franchement, c'est leur ignorance et la maudite routine des affaires qui rend ces hommes incapables de comprendre qu'on doit quelquefois marcher non par des chemins battus, mais en se frayant une nouvelle route.

Eh bien, ceux qui ont des yeux et ne veulent pas les ouvrir, ceux-là sont dévoués aux dieux infernaux. Comment les sauver?

Une nuit profonde et silencieuse couvrira le travail de la décomposition...

Et après?.. Après la nuit vient le jour!

Il est juste de verser des larmes sur les malheurs qui s'accomplissent... mais laissons les morts enterrer leurs morts— et, tirant avec pitié et recueillement le drap mortuaire sur l'agonisant, ayons le courage de répéter le vieux cri:

Le roi est mort — Vive le roi!..

Londres, le 17 février 1854.

TROISIÈME LETTRE

Cher Linton,

Le monde Slave est beaucoup plus jeune que l'Europe.

Il est plus jeune politiquement parlant, comme l'Australie est plus jeune géologiquement. Il s'est organisé plus lentement,

il ne s'est pas développé, il est plus récent et ne fait qu'entrer dans le grand courant de l'histoire.

Le nombre connu des siècles d'existence n'y fait rien. L'enfance des peuples peut durer des milliers d'années, aussi bien que leur vieillesse. Les peuples Slaves en fournissent un exemple, et ceux de l'Asie — un autre.

Mais sur quoi peut on baser l'affirmation que l'état actuel des Slaves est la jeunesse et non la décrépitude, que c'est le commencement et non l'incapacité du développement? Ne voyons-nous pas des peuples qui disparaissent sans avoir eu une histoire, et même des peuples qui avaient fait preuve de quelques facultés, comme les Finnois?

Il suffit de regarder l'existence de la Russie pour ne conserver aucun doute sur ce sujet. L'influence terrible qu'elle exerce sur l'Europe n'est pas un signe de marasme ni d'incapacité, mais bien d'une force demi-sauvage, d'une jeunesse non réglée, mais vigoureuse.

C'est avec ce caractère qu'elle a apparu pour la première fois dans le monde civilisé.

Dans ce temps-là, il y avait la régence à Paris et quelque chose de pire en Allemagne. Partout la dissolution, la mollesse, la débauche la plus énervante, la plus dégradée, vulgaire en Allemagne, raffinée à Paris.

Dans cette atmosphère malsaine où les parfums cachent à peine les miasmes,— dans ce monde de petites maîtresses, de filles illégitimes, de courtisanes gouvernant les Etats, de nerfs affaiblis, de princes crétins — vous respirez enfin en rencontrant la taille colossale de Pierre I, de ce barbare en simple uniforme de gros drap, de cet homme du Nord, robuste, musculeux, plein d'énergie et de force. C'était le premier Russe qui prenait ainsi sa place au milieu de souverains de l'Europe. Il venait pour apprendre,— mais il apprit beaucoup de choses auxquelles il ne s'attendait pas. Il comprit trop bien la vieillesse des Etats de l'Occident et la dégénérescence des gouvernants.

Alors on ne prévoyait encore la Révolution — qui allait sauver ce monde; on prévoyait seulement la dissolution.— Avec cela, il comprit donc le rôle possible de la Russie vis-à-vis de l'Asie et vis-à-vis de l'Europe. Faux ou non, son testament contient

ses idées, qu'il a, du reste, exprimées maintes fois dans des notes, des mémoires. Le gouvernement russe est fidèle à la tradition de Pierre I jusqu'à Nicolas, et Nicolas lui-même la continue au moins dans la politique extérieure.

On peut la blamer, la maudire.— Mais comment prétendre qu'elle soit sénile, stationnaire, décrépite?

On dit que le peuple russe se tient à l'écart et reste immobile tandis qu'un gouvernement presque étranger règne comme il veut à Pétersbourg. Des auteurs allemands en concluent que le peuple russe, stationnaire et asiatique, n'a rien de commun avec l'action de son gouvernement, que c'est une race de demi-sauvages, diplomatiquement conquise par les Allemands, qui la mènent où bon leur semble. Les conquêtes de l'Allemagne, il faut l'avouer, sont les plus grandes et les plus pacifiques du monde. Les Allemands ne se contentent pas de la parenté de l'Angleterre et de l'Amérique (*Stammverwand!*), ils ont encore toute la Russie, soumise par les *chevaliers* des provinces baltiques, par une famille de Holstein-Gottorp, par une nuée de généraux, de diplomates, d'espions et d'autres dignitaires d'origine allemande.

Il est vrai que le gouvernement de Pétersbourg n'est pas national. La *dénationalisation* de la Russie moscovite, tel était le but de la Révolution de Pierre I. L'opposition passive et une certaine immobilité du peuple est aussi un fait exact. Mais, d'un autre côté, le peuple donne involontairement une base colossale et vivante au gouvernement. Il forme un chorus immense qui imprime un caractère *sui generis* au despotisme allemand (puisqu'on le veut) de Pétersbourg. Le peuple qui ne l'aime pas, voit pourtant en lui le représentant de son unité nationale et de sa force.

Rien en Russie ne porte ce caractère de stagnation et de mort que nous voyons dans ces répétitions invariables, monotones, de génération en génération, chez les vieux peuples de l'Orient.

De l'incapacité d'un peuple pour certaines formes de transition, il serait injuste de conclure à son incapacité absolue de développement.

Les peuples Slaves n'aiment ni l'idée de l'Etat, ni l'idée de la Centralisation. Ils aiment à vivre dans des communes épar-

pillées, qu'ils seraient bien contents de mettre à l'abri de toute intervention gouvernementale. Ils détestent l'état de soldat,— ils détestent la police. La *fédération* serait peut-être la forme la plus nationale pour les Slaves; le régime tout opposé de Pétersbourg n'est qu'une dure épreuve, qu'une forme provisoire, qui, certes, a produit aussi du bien, en soudant, par force, les diverses parties de l'Empire, et en leur imposant l'unité.

Le peuple russe est un peuple cultivateur. L'amélioration de l'état social de la minorité propriétaire en Europe, s'est faite au profit des citadins. Quant aux paysans, la Révolution ne leur apporta que l'abolition du servage et la division des terres. Or, vous savez que la division des terres serait un coup mortel pour l'organisation de la commune russe.

Rien n'est pétrifié en Russie; tout y est encore en état de liquidité, de préparation. Haxthausen a très bien remarqué — que partout en Russie on voit «le non-achevé, la croissance, le commencement». Oui, on sent la chaux, la scie et la hache... et avec cela on reste serf paisible du seigneur, fidèle sujet du tzar?

...Une des questions les plus naturelles, serait de se demander si la Russie doit passer par toutes les phases du développement européen, ou si elle doit avoir un tout autre développement révolutionnaire? — Moi, je nie complètement la nécessité de ces répétitions. Les diverses phases douloureuses, difficiles, du développement historique de nos prédécesseurs peuvent et doivent être parcourues par nous, mais de la même manière dont le foetus passe par les degrés inférieurs de l'existence zoologique. Un travail fait, un résultat obtenu, est fait et obtenu pour tous ceux qui le comprennent; — c'est la solidarité du progrès, c'est le *majorat* humanitaire. Je sais très bien que le résultat à lui seul est intransmissible, au moins inutile,— le résultat n'est réel, ne s'assimile qu'avec toute la genèse logique. Chaque écolier découvre encore une fois les propositions d'Euclide,— mais quelle différence entre le travail d'Euclide et celui de l'enfant de nos jours!..

La Russie a fait son embryogénie révolutionnaire dans sa classe Européenne. La noblesse avec le gouvernement forme l'état Européen dans l'état Slave. Nous avons passé par toutes les phases du libéralisme, depuis le constitutionalisme anglais

jusqu'au culte de 93. Nous l'avons fait, je l'ai dit ailleurs, comme l'aberration des étoiles répète en petit le chemin parcouru par la terre dans son orbite.

Le peuple n'a pas besoin de refaire ce triste travail. Pourquoi verserait-il son sang pour parvenir à ces demi-solutions, auxquelles nous sommes parvenus nous autres, dont la seule importance est d'avoir posé *d'autres* questions, d'avoir éveillé *d'autres* aspirations.

Nous avons fait ce service pénible, lourd,— pour le peuple; nous l'avons payé par les gibets, les travaux forcés, les casemates, les exils, et par une existence maudite, oui! par une *existence maudite*.

On ne se doute pas en Europe de ce que nous avons souffert depuis deux générations.

La compression devenait de jour plus grande, plus lourde, plus blessante; il fallait cacher sa pensée, étouffer les battements du cœur... et au milieu de ce silence morne, pour toute consolation, on entrevoyait avec terreur l'insuffisance de l'idée révolutionnaire et l'indifférence du peuple pour elle.

Voilà la source de cette noire tristesse, de ce scepticisme navrant, de cette ironie accablante, qui fut le caractère de la poésie russe. Tout ce qui est jeune, tout ce qui a le cœur chaud, cherche à s'assoupir, à s'oublier; les hommes de talent meurent à mi-chemin, sont exilés, ou s'exilent eux-mêmes. On parle de ces hommes et de leur terrible fin, parce qu'ils sont parvenus à briser cette voûte d'airain qui les entourait, parce qu'ils ont donné une preuve de leur force... Mais des centaines d'autres qui se sont croisés les bras par désespoir, qui se sont moralement suicidés, qui sont allés au Caucase, qui se sont perdus dans leurs terres, dans les maisons de jeu, dans les cabarets,— tous ces fainéants, que personne n'a regrettés, n'ont pas moins souffert que les autres.

Pour la noblesse, cette éducation a fait son terme. La Russie civilisée n'a maintenant qu'à se fondre dans le peuple.

La véritable découverte du peuple russe, pour la Russie européenne, ne date que depuis la révolution de 1830. On comprit enfin avec étonnement que le peuple russe si indifférent, si incapable pour toutes les questions politiques,— touchait par sa manière d'être de beaucoup plus près à une nouvelle organisa-

tion sociale, que ne font les peuples d'Europe. Peut-être, dira-t-on, mais il touche aussi à l'organisation de quelques peuples de l'Asie. Et on montre alors la commune rurale chez les Hindous, assez parcille à la nôtre.

Je suis bien loin de nier que les peuples de l'Asie n'aient pas d'éléments sociaux supérieurs à ceux que nous voyons chez les peuples de l'Occident. Ce qui arrête les peuples de l'Asie, ce n'est pas la commune, mais leur immobilité, leur exclusivisme, leur impuissance de l'arracher au patriarcalisme, à l'existence de la race; tout cela n'a pas de puissance chez nous.

Les peuples slaves ont au contraire une grande flexibilité; leur facilité à tout s'approprier, langues, coutumes, arts et procédés mécaniques, est remarquable. Ils s'acclimatent aussi bien auprès de la mer glaciale qu'aux bords de la mer Noire.

Dans la Russie civilisée (toute détachée qu'elle soit du peuple, elle représente pourtant son caractère), on ne trouve pas de ces incompatibilités de vieilles femmes, de ces incapacités serviles comme on en trouve à chaque pas dans le vieux monde.

Nous sommes stupéfaits en voyant le mur chinois qui divise l'Europe et qui paraît infranchissable. Est-ce que l'Angleterre et la France connaissent quelque chose du mouvement intellectuel en Allemagne? Et ces deux grandes Chines de l'Europe se comprennent encore moins l'une l'autre. Eloignées de quelques heures l'une de l'autre, faisant un négoce incessant, nécessaires l'une à l'autre,— les villes de Paris et de Londres sont plus séparées que celles de Londres et de New-York. Un homme de peuple, Anglais, regarde un Français avec une haine sauvage, avec un air de supériorité qui le fait prendre en pitié.

Le bourgeois anglais est pire encore, il vous assomme de questions, montrant une telle profondeur d'ignorance du pays voisin qu'on ne sait que répondre. Le Français de son côté a la faculté de rester cinq années dans Leicester Square, sans rien comprendre à ce qui se fait autour de lui.— Comment ce fait-il donc que la science de l'Allemagne, qui ne passe pas le Rhin, passe très bien la Volga, et que la poésie britannique qui s'altère en passant le canal, traverse saine et sauve la Baltique? Et cela, sous un gouvernement ombrageux et arbitraire, qui prend toutes les mesures pour nous séparer de l'Europe?

Toute notre éducation privée et publique porte décidément un caractère d'universalité. Il n'y a pas d'éducation qui soit *moins* religieuse que la nôtre et qui soit *plus* polyglotte, surtout par rapport aux langues modernes. C'est la réforme de Pierre I éminemment réaliste, laïque et généralement européenne qui a imprimé ce caractère à l'éducation. Ce ne fut que sous l'empereur Alexandre et dans les dernières années de son règne, qu'on institua des chaires de théologie dans les Universités. Nicolas fait de grands efforts pour gater l'éducation publique,— il l'a frappée numériquement; mais quant à son orthodoxie policière, je ne pense pas que cela prenne racine; pour les langues modernes, c'est déjà tellement nécessaire et habituel, que cela restera. La gazette officielle de Saint-Pétersbourg, paraît en russe, en français et en allemand.

Notre éducation n'a rien de commun avec le milieu pour lequel l'homme est destiné, et c'est pour cela qu'elle est bonne. L'éducation détache le jeune homme d'un sol immoral chez nous, l'humanise, en fait un être civilisé et le met en opposition avec la Russie officielle. Il en souffre beaucoup. C'est une expiation des fautes de nos pères, et là est le germe révolutionnaire. Les temps les plus durs sont passés; la petite minorité, jusque là complètement détachée de la nation, a rencontré le peuple, là où elle pensait être le plus loin de lui.

Avec quel étonnement on écoutait nos récits sur la commune russe, sur le partage continu des terres entre les membres de la commune, sur la simple administration par un starost électif, sur le vote universel dans les affaires de la commune! Quelquefois on nous traitait en visionnaires, en hommes qui avaient perdu l'esprit à force de socialisme!.. Eh bien voilà un homme qui est médiocrement révolutionnaire, qui publie trois volumes sur la commune rurale en Russie,— Haxthausen, catholique, prussien, agronome et monarchiste tellement radical, qu'il trouve le roi de Prusse trop libéral et l'empereur Nicolas trop philanthrope!

Les faits relatés par nous sont débités *in extenso* par lui. Je ne répéterai pas encore une fois tout ce que j'ai dit sur cette organisation rudimentaire du *self-government* des communes, où tout est électif, où tous sont propriétaires, quoique la terre

n'appartienne à personne, où le prolétaire est une *anormité*, une exception. Vous la connaissez assez pour comprendre que le peuple russe, le malheureux qu'il est, écrasé en partie par le servage et entièrement par le gouvernement qui le méprise et l'opprime, ne pouvait suivre l'exemple des peuples de l'Europe dans leurs phases révolutionnaires complètement urbaines et qui auraient immédiatement attaqué par la base l'organisation communale. Au contraire, la révolution qui s'accomplit maintenant se trouve placée sur le même terrain — et nous verrons quel sera le résultat de cette rencontre.

Conservé la commune et rendre l'individu libre, étendre le *self-government* de la commune et du district (volost) aux villes et à l'Etat entier, et maintenir l'unité nationale, développer les droits personnels et maintenir l'indivisibilité de la terre — voilà la question révolutionnaire pour la Russie, la même que la grande autonomie sociale dont la solution incomplète agite tant l'Occident.

L'Etat et l'individu — l'Autorité et la Liberté — le Communisme et l'égoïsme (dans le sens large du mot), ce sont les colonnes herculéennes de la grande lutte, de la grande épopée révolutionnaire.

L'Europe oppose une solution tronquée et abstraite. La Russie une autre tronquée et sauvage.

La synthèse sera faite par la Révolution. Les formules sociales ne président jamais à leur réalisation que vaguement.

Les peuples Anglo-Saxons sont parvenus à émanciper l'individu en niant la communauté, en isolant l'homme. Le peuple russe conserve la communauté, en niant l'individu, en absorbant l'homme.

Le ferment qui devait mettre en mouvement la masse des forces inertes endormies par le patriarcalisme communal, c'est le principe de l'individualisme, de la volonté personnelle. Ce ferment entre dans la vie russe par une voie étrangère, s'incarne dans un tzar révolutionnaire, qui nie la tradition, la nationalité, qui divise le peuple en deux.

L'empire russe est une création du XVIII-e siècle, tout ce qui a été conçu dans ce temps portait en soi des germes révolutionnaires.

Le palais célibataire de Frédéric II et la maison de correction qui servait de palais à son père, n'étaient nullement monarchiques comme l'Escurial ou les Tuileries. Il y avait un air âpre, matinal, dans le nouveau royaume; il y avait quelque chose de simple, de sec, de positif, de rationnel,— et c'est ce qui tue la religion et la monarchie. De même en Russie.

Pierre I rompit violemment avec la tradition byzantino-moscovite. Homme de génie, il aimait le pouvoir beaucoup plus que le trône, il agissait plutôt par la terreur que par la majesté, il détestait la mise en scène, ce qui est très important pour la monarchie.

L'organisation de l'empire russe est de la plus haute simplicité. C'est le gouvernement du docteur Francia au Paraguay appliqué à un peuple de 50 millions d'hommes. C'est la réalisation de l'idéal bonapartiste: le peuple muet, sans droits, sans défenseurs, hors la loi, et, vis-à-vis de lui, une minorité entraînée, protégée, annoblie par le gouvernement et qui forme l'administration.

La Russie est, à la lettre, gouvernée par les aide-de-camps, les ordonnances, les copistes et les estafettes. Le sénat, le conseil d'Etat (création postérieure), les ministères — ne sont que des chancelleries, où on ne discute pas, mais où on exécute; où on ne délibère pas, mais où on transcrit. Toute l'administration ne représente que les bras d'un télégraphe par lequel *l'homme* du Palais d'hiver annonce sa volonté.

Cette organisation expéditive, automatique, est beaucoup moins attaquable par la base que par la cime.

Dans la monarchie, le roi tué — la monarchie reste. Chez nous, l'empereur tué,— la discipline reste, l'ordre bureaucratique reste — pourvu que le télégraphe joue—il sera obéit...

On peut demain chasser Nicolas, mettre à sa place Orloff ou je ne sais qui, sans la moindre secousse. Les affaires s'expédieront avec la même précision, la machine continuera à fonctionner, à transcrire, à transmettre, à répondre,— les machinistes continueront à voler et à faire du zèle.

L'impératrice Catherine II a eu peur de cette terrible et muette omnipotence, de cette obéissance illimitée d'agents et d'esclaves qui servent *celui* qui ordonne, dont l'obéissance survit même au maître. Elle voulait appeler la noblesse à une existence plus indépendante, pour avoir un entourage attaché librement à elle

et à la couronne, sur lequel elle put compter. Le silence des copistes et des exécuteurs effraya la femme de Pierre III! C'est dans le même silence qu'Alexis Orloff étrangla son maître emprisonné, que les copistes écrivaient: «S. M. daigna mourir», et les exécuteurs exécutaient quiconque ne le croyait pas.

Ces nouvelles organisations étaient vraiment étranges, surprenantes. On n'a jamais sérieusement réfléchi sur leur caractère excentrique, mélange exotique de démocratie et d'aristocratie, du despotisme le plus illimité et des droits d'élection très étendus, de Jean le Terrible et de Montesquieu.

Toutes ces institutions portent le double cachet de la période de Pierre I et d'institutions nationales peu formulées, qui s'épanouissent par l'influence organisatrice des idées de l'Occident et qui les modifient à leur tour dans un sens qui leur est presque contradictoire.

Des juges *éligibles* et éligibles pour 6 années, des juges appartenant aux trois classes, à la noblesse, à la bourgeoisie et aux paysans et point du tout d'*état judiciaire!* Chacun de ceux qui ont le droit de prendre part aux élections peut être élu juge. L'absence de l'ordre judiciaire est un des faits des plus graves. Un ennemi de moins — et quel ennemi! l'*autre* homme noir, le pendant laïque du prêtre, et le gardien mystérieux de la *loi humaine* qui a le monopole de juger, de condamner, de comprendre le *ratio scripta*. Il est très drôle de voir des officiers de cavalerie démissionnaires devenir juges par élection, sans rien connaître aux lois et aux procédures; mais il est d'autre part bien triste de déclarer tous les hommes incapables à statuer sur un fait à l'exception des experts en robe, qu'on a élevés *ad hoc*. Si les juges élus sont mauvais, tant pis pour les électeurs, — ils sont majeurs et savent ce qu'ils font. Mais, dit-on, la jurisprudence ne vient pas avec la barbe, les lois sont si compliquées, qu'il faut de longues années, de grandes études pour se reconnaître dans le dédale judiciaire... C'est vrai — pourtant il ne s'en suit pas qu'il faille préparer dès l'enfance une classe entière à comprendre ces lois, mais bien qu'il faut jeter ces lois au feu. Les rapports des hommes sont très simples. Ce sont les formalités, les réminiscences, c'est la poésie de la robe, les *fiorituri* de la jurisprudence qui embrouillent les questions.

En Russie, le tribunal est composé d'un membre élu par la noblesse, d'un autre élu par les bourgeois, d'un troisième élu par les paysans libres. Deux candidats sont élus par la noblesse pour l'emploi du président. Le gouvernement choisit l'un des deux et envoie de son côté un procureur investi du droit de suspendre chaque décision et d'en référer au sénat.

Si on se rappelle que les *procureurs* appartiennent aussi à la noblesse, on voit clairement que l'action du juge-asseesseur bourgeois et du juge-asseesseur paysan est paralysée dans tous les cas d'opposition. Pourtant ils ont le plein droit de protester et de faire passer l'affaire au sénat. Cela ne se fait que bien rarement. La raison en est simple: c'est que le sénat qui n'a aucun élément ni populaire, ni électif, est toujours d'accord avec le parti nobiliaire et gouvernemental. Ce qui nous occupe à présent, c'est la *norme* et non l'abus. Pensez au cadre, à la puissance possible dans l'avenir, et non à l'application actuelle. Il y a une dizaine d'années, un homme intègre, austère, un vieux négociant de Moscou fut élu maire de cette ville. Le maire des villes est chargé de la surveillance des affaires financières de la cité, il administre les revenus, les dépenses. Ordinairement c'est un millionnaire quelconque, aimant à poser dans les fêtes officielles,— qui est élu, il donne des dîners monstres, des bals monstrueux et signe tout ce que le gouvernement veut et tout ce que les employés désirent. Le maire de Moscou, Chestoff, comprit autrement ses fonctions. Il coupa tellement les ailes aux voleurs officiels, que le grand maître de police lui déclara une guerre acharnée. Le négociant l'accepta, la lutte finit par la chute complète du général de la police.

Mais ce ne sont pas seulement les juges qui sont électifs. La *police* des districts est élective. Le capitaine de police, et en partie ses assesseurs, sont élus par la noblesse.

Là où finit la police du district, commence la commune rurale,— avec son *a parte*: son starost élu, sa police élue; avec son absorption de l'individu au nom d'un communisme traditionnel et national. Là où commence de l'autre côté la centralisation gouvernementale, c'est-à-dire, au-dessus de l'administration locale des provinces, là finit toute trace du droit individuel,— l'individu est complètement absorbé, anéanti par la dictature de Pétersbourg

au nom de l'autocratie la plus absolue et la moins slave du monde.

Le seul milieu où les idées du droit personnel et les idées révolutionnaires puissent se produire, ce sont la noblesse et la bourgeoisie.

L'influence de la bourgeoisie est moindre en Russie qu'en Eupore,— non seulement parce que le développement industriel a été moindre, mais encore parce que la haute bourgeoisie passe facilement dans la noblesse (les employés de l'état, les négociants les plus riches, les artistes, les décorés, etc.).

Nous ne connaissons pas encore notre bourgeoisie comme force morale. Elle s'est montrée dans tous les cas extrêmement rétrograde, conservatrice, orthodoxe, servile et patriotique plus que de besoin. Opprimée, cachant sa richesse et se cachant à elle-même, elle reste muette, elle s'efface, bâtit des églises, distribue des secours aux pauvres et aux prisonniers, donne des cadeaux à tous les employés... et accumule des millions. Ce n'est que la nouvelle génération qui, ayant reçu une éducation tout-à-fait européenne, partagera nos idées révolutionnaires.

La noblesse chez nous est plutôt une administration qu'une aristocratie. La naissance, les titres de prince et de comte, l'ancienneté du nom, l'étendue des possessions ne donnent absolument aucun privilège. C'est le rang de service qui les donne. Lorsque deux générations des nobles n'ont pas servi, le gouvernement peut ôter la noblesse aux héritiers.

Cette universalité des services en change le sens. Servir le gouvernement en Russie n'a pas le sens que les Français attachent à ce nom, c'est-à-dire le sens d'être un agent du gouvernement, une âme damnée du pouvoir. Tous les conspirateurs de 14/26 Décembre occupaient des places dans le service. Une distinction parfaitement tracée se fait dans l'opinion publique entre les employés réels, dévoués, pleins de zèle, les employés *par goût* et les employés qui ne sont rien de cela. Les premiers sont quelquefois craints, mais jamais respectés. Les autres forment presque exclusivement la société indépendante dans les capitales et dans les provinces. Cette classe est assez nombreuse, si on y compte les officiers qui, en général, sont loin d'être serviles et mauvais comme les employés civils, les hommes qui ont quitté le service

à 25 ou 26 ans, les propriétaires qui demeurent dans leurs terres et ne *servent* que lorsqu'ils sont élus par la noblesse.

C'est là que l'éducation universelle et polyglotte a produit les hommes les plus indépendants de l'Europe. Le despotisme écrasant, l'absence de la parole, la nécessité d'être toujours sur ses gardes, ont habitué la pensée à la concentration, à un travail intérieur, hardi et plein de haine. La littérature moderne a dévoilé ce qu'il y a de passions sourdes, accumulées dans la poitrine russe. L'opinion de la minorité civilisée le constate aussi. Sans peur et sans remords on arriva au socialisme en politique, au réalisme, à la négation de toute religion en philosophie.

Le socialisme unit les révolutionnaires européens aux révolutionnaires panslaves.

Le socialisme ramena le parti révolutionnaire au peuple. C'est très significatif. Tandis qu'en Europe le socialisme apparaît comme un drapeau de discorde, comme une menace; chez nous, il se lève comme l'arc-en-ciel des révolutions, comme une espérance.

Maintenant que vous connaissez un peu les éléments de la vie russe, vous êtes à même de voir qu'il est de toute impossibilité de faire un pas en avant, sans entrer dans une phase révolutionnaire ou dans une guerre européenne.

Toutes les questions vitales sont posées de manière que leur solution nous entraîne de toute nécessité à une réorganisation sociale, à moins qu'elle ne soit différée par une préoccupation extérieure.

L'émancipation des paysans, chose si facile dans les autres pays, est impossible *sans la concession de la terre*; l'émancipation, l'émancipation *avec la terre*, c'est l'expropriation partielle de la noblesse.

Les conditions d'existence de la noblesse seront changées, avec elles ses rapports au gouvernement, et n'oublions pas que la juridiction et la police extra-urbaine appartiennent à la noblesse, et que la noblesse de chaque province est organisée en corps délibérant avec les maréchaux, ayant des réunions régulières.

Si un homme énergique occupait le trône russe, il se mettrait à la tête du mouvement émancipateur; il couvrirait d'une véritable gloire la fin de la période de Pétersbourg et il aurait

hâté un mouvement inévitable qui, à défaut de cet homme, engloutira le trône; mais pour cela, il fallait être Pierre I et non Nicolas.

Permettez-moi d'expliquer ma pensée davantage. Ce n'est pas seulement l'absolutisme, comme tel, qui empêche en Russie tout progrès. Le despotisme de Pétersbourg conserve, comme nous l'avons dit, sa forme dictatoriale, révolutionnaire, dénuée de tradition et de principe,— c'est une machine de guerre, de lutte, qui pourrait servir à divers usages. Mais le *pli* abominable que le gouvernement russe a pris dans toutes les questions de l'intérieur, depuis le 26 Décembre 1825, le rend parfaitement incapable de faire quelque chose de bon. Nicolas a immensément rétrogradé et cela avec une maladresse surprenante. Nicolas voulut dès le commencement de son règne être plus tzar qu'empereur — mais faute de comprendre le génie slave, faute d'en avoir l'intuition, il n'y parvint pas, et se borna à persécuter toute aspiration vers la liberté à étouffer tout désir de progrès, et à arrêter tout mouvement. Il voulait faire de son empire une Byzance militaire. De là son orthodoxie de parade, froide, glaciale comme le climat de Pétersbourg. Nicolas n'a compris que la compression, que l'immobilité, que le côté chinois de la question. Il n'y a dans son système rien d'actif, rien de national même, il a cessé d'être européen sans devenir russe.

Pendant son long règne, il a touché à toutes les institutions, à toutes les lois, pour y introduire un élément de mort, de paralysie.

La noblesse ne pouvait devenir une caste close, grâce à la faculté de l'obtenir. Nicolas y mit des entraves en liant le titre de noble héréditaire au rang de Major dans l'armée et au rang de Conseiller d'Etat au service civil.

Avant lui chaque noble était électeur; lui, il fit un *cens* électoral.

Avant lui toute la police des districts était active; lui, il envoya des officiers de police (*stanovoï*) de la couronne, sous le commandement du Capitaine de police, élu par la noblesse.

Auparavant, le code criminel russe ne connaissait pas de peine capitale. Nicolas l'introduisit pour les crimes politiques et le parricide.

De même le code criminel ne connaissait pas *l'absurdité de la prison*, comme châtiment — Nicolas l'introduisit.

La tolérance religieuse était une des bases glorieuses de l'Empire créé par Pierre I. Nicolas fit une loi sévère *contre les hommes qui changeaient de religion*.

La charte donnée à la noblesse lui garantissait le droit de vivre partout où elle voulait et de prendre service dans les pays étrangers. Nicolas restreignit le droit de locomotion, le temps des voyages, il introduisit la confiscation.

Depuis Pierre III, la chancellerie secrète, sorte d'inquisition laïque, était abolie. Nicolas l'a retrouvée; il a formé un corps entier d'espions avec ou sans armes, qu'il donna en apprentissage à Bénkendorf et qu'il confia plus tard à son ami Orloff.

Avec ces moyens, Nicolas n'a réussi qu'à enrayer le mouvement, il a mis des pierres sous toutes les roues, et maintenant il s'indigne lui-même de ne rien voir marcher. Il veut maintenant faire quelque chose à tout prix, il y tend de toutes ses forces... les roues sauteront peut-être et le cocher se cassera le cou. Mais *il peut encore avoir le dessus* dans sa lutte avec le vieux monde, divisé, fatigué, asservi.

J'ai dit, cher Linton, dans ma première lettre, que si le peuple russe n'avait qu'un avenir possible,— pour l'Empire russe. il pouvait bien y avoir deux éventualités.

J'ai la plus profonde conviction que l'impérialisme russe se dessècherait, se décomposerait et cela très vite, en face d'une Europe libre, unie (autant que les variétés nationales le comportent). L'autocratie de Pétersbourg n'est ni un principe, ni un dogme; c'est une force; et pour rester telle, elle doit toujours faire quelque chose. Faire de la police et de la résistance, ce n'est pas faire quelque chose, et les autres matériaux pour une autre activité lui manquent ou lui font peur.

Vis-à-vis de l'Europe révolutionnaire, l'impérialisme russe n'aurait que deux chances: l'une, c'est de devenir despotisme démocratique et social, ce que je ne dis pas être absolument impossible, mais ce qui rendrait le tzarisme tout autre chose qu'il ne l'est. L'autre, c'est de se pétrifier, de s'immobiliser à Péters-

bourg et de perdre chaque jour l'influence, la force, le prestige, et enfin, de se voir chassé un beau matin par l'insurrection des paysans ou par une révolte des soldats.

Près de vingt millions de serfs, aidés de cosaques profondément offensés par la perte de leurs droits et franchises; aidés des dissidents dont le nombre et la force morale sont très grands, et dont la haine contre le gouvernement est irréconciliable, aidés d'une partie de la noblesse!.. Cela peut donner à penser aux habitants du Palais d'hiver.

Est-ce que Pougatcheff n'a pas été maître absolu de quatre provinces pendant des mois entiers? Il est vrai que les mesures militaires sont bien autrement prises maintenant qu'elles ne l'étaient en 1777.

Et pourtant je me rappelle très-bien l'insurrection des colonies militaires à Staraja-Roussa, en 1831, à 150 kilomètres de Pétersbourg et 450 de Moscou, dans un endroit où il y a toujours des masses de troupes cantonnées! Les insurgés interceptèrent les communications entre les deux capitales, eurent le temps *d'exécuter* tous les officiers et d'installer un certain gouvernement composé des scribes des régiments...

Depuis, les idées ont marché. Le soldat russe n'est pas habitué à assommer des Russes. Un jour, dans une émeute des paysans, lors de l'installation du nouveau ministère des domaines, on envoya un régiment pour dissiper le peuple. Le peuple ne s'en alla pas, il cria, il demanda je ne sais quoi. Le général, après avoir sommé la foule, ordonna de charger les fusils et d'ajuster... la foule ne bougea pas; alors le général fit signe de faire feu... Le colonel commanda: Feu!.. pas un coup ne partit. Le général étonné, stupéfait, répéta d'un air terrible: Feu! Les soldats abaissèrent les fusils et restèrent immobiles. Le général, pâle comme la mort, pria le colonel et les officiers... de garder le secret.— Cela peut se reproduire... L'air devient si vif, si électrique, lorsqu'il y a révolution en Europe... En un mot, l'impérialisme russe ne peut être que très triste et très précaire, à côté de l'Europe révolutionnaire et libre. Il ne peut être colossal et victorieux que près de l'Europe réactionnaire.

L'Europe monarchique, mais peu martiale, ne veut pas et ne peut pas faire de guerre sérieuse au tzar. Le tzar, de son côté, ne

peut pas s'abstenir de faire la guerre à l'Europe, à moins qu'elle ne lui fasse cadeau de Constantinople.

Constantinople? — Oui, Constantinople. Il la lui faut pour que le peuple russe ait les yeux tournés vers l'Orient; il la lui faut pour être soutenu à outrance par l'église orthodoxe; enfin, il la lui faut *instinctivement*, car, au fond, lui aussi est le porteur d'une *Destinée*: il continue, sans le comprendre, l'accomplissement des vues internes de l'histoire; il travaille pour rendre plus rapide la pente qui doit l'engloutir, lui ou ses successeurs.

Le temps du monde slave est arrivé. Le *taborite*, l'homme de la commune se sent agité... Est-ce le socialisme qui le réveille?... Où plantera-t-il son drapeau? Autour de quel centre se ralliera-t-il?

Ce n'est pas Vienne, ville rococo-allemande; ce n'est pas Pétersbourg, ville allemande-moderne; ce n'est pas Varsovie, ville catholique, ni Moscou, ville exclusivement russe, qui peuvent prétendre au rôle de la capitale des Slaves-Unis.— C'est Constantinople,— Rome de l'église orientale, centre de gravitation pour tous les Slaves-Grecs, ville entourée d'une population Slavo-Hellène.

Les races Germano-Latines continuent l'Empire occidental, les Slaves continueront-ils l'Empire oriental? — Je ne sais, mais Constantinople tuera Pétersbourg.

Pétersbourg serait une absurdité pour un Empire qui posséderait Constantinople; et un Holstein-Gottorp, déguisé en Porphyrogénète ou en Paléologue, serait par trop ridicule, pour être possible. Ces braves émigrés allemands feront bien de rentrer dans leur patrie qui les réclame... ou qui s'arrangera pour se passer d'eux; mais alors au prix de flots de sang...

Est-ce que vous n'entendez pas, comme si c'était derrière votre porte, le cosaque chuchotant avec deux amis qui vous trahissent et qui lui serviront de guides jusque dans le cœur de l'Europe?

Nous l'avons prédit dès 1849: *Les Habsbourg et les Hohenzollern vous amèneront les Russes.*

Pour le tzar, l'invasion est le seul moyen de popularité, de conservation. Ce débordement provenant de trop de forces sans emploi, sera pour lui un moyen d'éviter les questions intérieures,

en même temps que l'assouvissement d'un désir sauvage de combat et d'agrandissement.

Pour l'Europe — toute guerre est un malheur. — L'Europe n'est plus d'âge où on fait des guerres poétiques. Elle a d'autres questions à résoudre, d'autres luttes à soutenir, — mais elle l'a voulu!.. C'est une expiation.

Si la guerre d'invasion ne va pas à la civilisation, au développement industriel de l'Europe, la monarchie absolue, le despotisme soldatesque ne lui vont pas non plus; et pourtant tout le continent les a préférés à la liberté.

Monarchie veut dire — militaire. C'est le régime de la force matérielle, c'est l'apothéose de la baïonnette. Il n'y a pas de Bonaparte *civil*, et le fils de Jérôme est lieutenant-général.

Peut-être qu'au milieu de ce sang, de ce carnage, de cet incendie, de cette dévastation, les peuples se réveilleront et verront, en se frottant les yeux, que tous ces rêves terribles, dégoûtants, affreux, ne sont que des rêves... Bonaparte, Nicolas, manteau aux abeilles, manteau au sang polonais, empereur du gibet, roi aux fusillades — cela n'existe pas, et les peuples s'étonneront de leur long sommeil en voyant le soleil déjà long sur l'horizon...

Cela peut être... mais...

Dans tous les cas, cette guerre sera l'*Introduzione maestosa e marziale* du monde slave dans l'histoire universelle et *una marcia funebre* du vieux monde.

Je vous salue fraternellement

A. H e r z e n .

Londres, le 20 février 1854.

СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ

ПИСЬМА К В. ЛИНТОНУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Любезный Линтон!

«Какова, по вашему мнению, будущность России?»

Всякий раз, когда мне приходится отвечать на *подобный* вопрос, я в свою очередь отвечаю на него вопросом. А именно: Способна ли Европа к социальному возрождению или нет? Вопрос этот очень важен. Ибо если русскому *народу* предстоит только одна будущность, то Российской империи предстоят, возможно, две будущности. Это зависит от Европы. Какая из них осуществится?

Мне кажется, что роль *теперешней* Европы кончена; после 1848 года она разлагается с невероятной быстротой.

Слова эти пугают, и их оспаривают, не отдавая себе в том отчета. Разумеется, не *народы* погибнут, — погибнут *государства*, погибнут учреждения, римские, христианские, феодальные и умеренно-парламентарные, монархические или республиканские — все равно.

Европа должна преобразоваться, распасться, чтоб войти в новые сочетания. Подобным образом римский мир преобразовался в христианскую Европу. Он перестал быть самим собой; в состав нового мира он вошел только как один из его элементов, наиболее деятельных.

До сих пор европейский мир лишь частично видоизменялся; основы современного государства оставались неизблемуемыми. Частично улучшая, продолжали строить на том же

фундаментс. Такова была реформа Лютера, такова была революция 1789 года. Иной будет социальная революция.

Мы исчерпали возможность всяческих подправок; ветхие формы готовы взорваться от каждого движения. *Наша* революционная мысль несовместна с существующим порядком вещей.

Государство, основанное на римской идее поглощения личности обществом, на освящении собственности, случайной и исключительной, на религии, провозглашающей самый крайний дуализм (даже в революционной формуле «бог и народ»)*,— такое государство не может оставить будущему ничего, кроме своего трупа, своих химических элементов, освобожденных смертью.

Социализм — это отрицание всего того, что политическая республика сохранила от старого общества. Социализм — это религия человека, религия земная, безнебесная, общество без правительства, свершение христианства и осуществление революции.

Христианство превратило раба в сына человеческого; революция превратила отпущенника в гражданина; социализм хочет из него сделать *человека* (ибо город должен зависеть от человека, а не человек от города). Христианство указывает сынам человеческим на сына божия как на идеал; социализм идет дальше, он объявляет сына *совершеннолетним*... И человек хочет быть более чем сыном Божиим — он хочет быть *самим собою*.

Все отношения общества к личностям и отдельных личностей между собой должны быть совершенно изменены. И тут встает вопрос: хватит ли у германо-романских народов сил, чтобы подвергнуться этому метампсихозу, и в состоянии ли они подвергнуться ему теперь?

Идея социальной революции — идея европейская. Из этого не следует, что именно западные народы более способны ее осуществить.

Христианство было только *распято* в Иерусалиме.

Социальная идея может быть завещанием, последней волей, пределом западного мира. Она может быть и торжественным вступлением в новое существование, приобретением тоги совершеннолетия.

Европа слишком богата, чтобы все поставить на карту; Европе есть что хранить; верхи европейского общества слишком цивилизованны, низы — слишком далеки от цивилизации, чтобы она могла очертя голову броситься в столь глубокий переворот.

Республиканцы и монархисты, дейсты и иезуиты, буржуа и крестьяне... в Европе все это — консерваторы; только работники — революционеры.

Работник может спасти старый мир от большого позора и больших бедствий. Но спасенный им старый мир не переживет и одного дня, потому что тогда водворится *воинствующий* социализм и вопрос будет решен положительно.

Но и работник может быть побежден, как это было в Июньские дни. Расправа будет еще свирепее, еще страшнее. Тогда гибель старого мира придет иным путем и социальная идея может осуществиться в других странах.

Взгляните, например, на эти две огромные равнины, которые соприкасаются затылками, обогнув Европу. Зачем они так пространны, к чему они готовятся, что означает пожирающая их страсть к деятельности, к расширению? Эти два мира, столь противоположные и все же в чем-то схожие, — это Соединенные Штаты и Россия. Никто не сомневается, что Америка — продолжение европейского развития и *не более* как его продолжение. Лишенная всякой инициативы, всякой изобретательности, Америка готова принять у себя Европу, осуществить социальные идеи, но она не станет низвергать древнее здание... не покинет свои плодородные поля.

Можно ли сказать то же о славянском мире? Что представляет собой славянский мир? Чего хочет этот *немой* мир, который прошел сквозь века, от переселения народов до наших дней, сохраняя вечное *a parte*¹, сомкнув уста?

Станный мир, не принадлежащий ни Европе, ни Азии.

Европа предпринимает крестовые походы — славяне остаются на месте.

Европа создает феодализм, большие города, законодательство, основанное на римском праве, на германских обычаях;

¹ в стороне (итал.). — *Ред.*

цивилизированная Европа становится протестантской, либеральной, парламентарной, революционной. У славян нет ни больших городов, ни аристократии; им незнакомо римское право, они не знают различия между крестьянами и горожанами; они предпочитают сельскую жизнь и сохраняют свои установления, общинные, демократические, коммунистические и патриархальные.

Час этих народов словно еще не пробил, они все в ожидании чего-то, их теперешнее *statu quo*¹ является только временным.

Много раз славяне начинали складываться в сильные государства; их попытки имеют успех, развиваются (как, например, Сербия при Душане*)... и потом терпят неудачу, без всякой видимой причины.

Населяя пространства от берегов Волги и Эльбы до Адриатического моря и Архипелага, славяне не сумели даже объединиться для защиты своих границ. Часть их уступает натиску немцев, другая — турок, третья была поработана дикими ордами, ринувшимися на Паннонию*. Значительная часть России долгое время томилась под монгольским игом.

Одна лишь Польша была независима и сильна... но это потому, что она была менее славянской, чем другие; она была католическою. А католицизм противоположен славянскому духу. Славяне, как вам известно, первые начали великую борьбу с папством и впоследствии придали этой борьбе характер глубоко социальный (табориты*). Умирная и возвращенная католицизму, Богемия перестала существовать...

Итак, Польша сохранила независимость, нарушив национальное единство и сблизившись с западными государствами.

Другие славяне, оставшиеся независимыми, были далеки от того, чтобы образовать организованные государства; в их общественной жизни было нечто колеблющееся, неопределенное, нерегламентированное, *анархическое* (как выразились бы здешние друзья порядка). Нет ничего более сообразного со славянским характером, чем положение Украины или Малороссии со времен Киевского периода до Петра I. Это была казачья и земледельческая республика с военным устройством, на основах демократических

¹ существующее положение (лат.). — *Ред.*

и коммунистических. Республика без централизации, без сильного правительства, управляемая обычаями, не подчинявшаяся ни московскому царю, ни королю польскому. В этой первобытной республике не было и следа аристократии; всякий совершеннолетний человек был деятельным гражданином; все должности, от десятника до гетмана, были выборными. Заметьте, республика эта просуществовала с XIII века до XVIII, беспрестанно обороняясь от великороссов, поляков, литовцев, турок и крымских татар. На Украине, как у черногорцев и даже у сербов, иллирийцев и далматов, славянский дух обнаружил отчасти свои стремления, но не создал политической формы.

Однако надо было подвергнуться *муштре* сильного государства, надо было объединиться, централизоваться, покинуть беспечную казачью жизнь, пробудиться от вечного сна общинной жизни.

Около XIV столетия в России образуется средоточие, к которому тяготеют, вокруг которого кристаллизуются разнородные части государства, это средоточие — Москва. Став центральным городом России, она становится столицей *православного* славянства.

Именно в Москве сложилось византийское и восточное самовластие царей, Москва уничтожила остатки народных вольностей. Все было принесено в жертву идее государства; ради нее все было обезличено, все подавлено. Свергнув монгольское иго, продолжая вести кровавые войны с ливонцами, видя вооружающуюся Польшу, народ как будто чувствовал, что для спасения своей национальной независимости и своей будущности он вынужден отречься от всех человеческих прав.

Новгород, великий и вольный город, был живым укором городу-выскочке, городу царей; Москва с кровожадной жестокостью и без малейших угрызений совести раздавила соперника.

Когда вся Россия была у ее ног, Москва очутилась лицом к лицу с Варшавой.

Борьба двух этих соперниц была продолжительной и завершилась лишь в другую эпоху. На короткое время Польша взяла верх. Москва уступила, Владислав, сын польского короля Сигизмунда, был провозглашен царем всея Руси. Дом Рюрика

и Владимира Мономаха угас, правительства не было, польские военачальники и казацкии гетманы правили в Москве.

Тогда весь народ поднялся по зову нижегородского мясника Мишина, и Польша принуждена была покинуть Москву и русскую землю.

Москва, завершив свое дело — *спайку* отдельных частей государства, останавливается. Она не знает, куда употребить ею вызванные и оставшиеся в бездействии силы. Выход нашелся скоро. Там, где много сил, всегда найдется выход.

Петр I сделал из *русского государства государство европейское*.

Легкость, с которою часть нации применилась к европейским нравам и отеклась от своих обычаев, — наглядное доказательство того, что московское государство никогда не являлось подлинным выражением народной жизни, но было лишь переходной формой. Там, где затрагивались начала действительно национальные, — народ упорно их отстаивал. Крестьянство не приняло ничего из реформ Петра I. А крестьянство было истинным хранителем народной жизни, основанной (по выражению знаменитого историка Мишле) на *коммунизме**, т. е. на постоянном разделе земли по числу работающих и на отсутствии личного владения землею.

Как Северная Америка представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века, так петербургская империя развила до *чудовищной* крайности начала монархизма и европейской бюрократии. Последнее слово консервативной Европы произнесено Петербургом; недаром все реакционеры обращают свои взоры к этому Риму самодержавия.

Петербургский деспотизм располагал огромными силами — об этом можно судить по гигантским размерам возникшего государства. Избыток сил был так велик, что даже в смутное время и в период гнусного управления — период между Петром I и Екатериной II, Россия материально разрасталась с невероятной быстротой.

Поглотив, покорив все, что встречалось на ее пути — остзейские провинции и Крым, Бессарабию и Финляндию, Армению и Грузию, — разделив Польшу, завладев одной ту-

рецкой областью за другой, Российская империя встретила наконец грозного соперника — французскую революцию, низвергнутую, потерпевшую неудачу, выродившуюся в деспотизм, очень похожий на петербургский. Россия померилась силами с Наполеоном и победила его.

В тот час, когда Европа в Париже, в Вене, в Аахене и в Вероне признала *volens volens*¹ гегемонию российского императора*, — в тот час дело Петра было завершено, и императорская власть оказалась в том же положении, в каком находились московские цари до Петра I.

Император Александр это почувствовал.

Императорская власть несомненно может еще некоторое время продержаться, внушая почтение всеми средствами, которыми располагает самодержавие; но она не может ничего создать, ничего внести во внутреннюю жизнь страны, ибо тогда ей пришлось бы встретиться с тем духом времени, который она не хочет вызвать. Такой власти ничего не остается, как вести *внешнюю войну*.

Николай однако же постоянно воздерживался от войны.

Как же это случилось, что после двадцати пяти лет тусклого царствования им вдруг овладевает безрассудная отвага и он бросает свою русскую *рукавицу* в лицо Франции и Китая, Англии и Японии, Швеции и Соединенных Штатов... не говоря уже о Турции.

Говорят, что он сошел с ума?

Я же начинаю думать, что он исполнился благоразумия.

Чтобы начать войну, ему надо было быть совершенно уверенным в малодушии всех европейских государств, ему надо было питать к ним беспредельное презрение... И что же — он его питает. Николай до 1848 года дулся на западные державы, но он их не презирал. Николай трепетал, узнав о революциях 1848 года, и успокоился только по получении известия о кровавой диктатуре Каваньяка. Но после поддержки, оказанной им Австрией вмешательством в венгерские дела, которое Англия стерпела, как стерпела вступление французов в Рим*, — после этого он лучше понял позицию своих *друзей-противников*.

¹ волей-неволей (лат.). — Ред.

Медленно, постепенно он измерил бездонную глубину их бесчестия, их робости, их *невежества*; и вот — начал *войну*. Хотите биться об заклад, что он выйдет из нее победителем, если не вмешается неожиданно третья сила — их общий враг революция!

«В таком случае — не надо войны! Объявим себя заранее побежденными, пожертвуем Турцией, уступим Константинополь, — только бы не порвать с царем».

Так рассуждают дипломаты, банкиры и прочие люди, думающие, что консерватизм состоит в том, чтобы не выпускать из рук пятифранковую монету и закрывать глаза на опасности, которыми чреват завтрашний день...

Хорошо, уступайте, не воюйте, но знайте, что тогда вместо революции или Николая...

Вы получите и Николая, и революцию.

Вот мысль, дорогой Линтон, которую я разовью во втором письме.

Лондон, 2 января 1854.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Любезный Линтон!

Формула европейской жизни гораздо сложнее формулы жизни древнего мира.

Когда греческая культура вышла из тесных границ городов-республик, ее политические формы сразу истощились и иссякли с чрезвычайной быстротой. Греция обратилась в римскую провинцию.

Когда Рим исчерпал запасы своей организующей силы и перерос свои политические учреждения, у него не нашлось больше возможностей для возрождения, и он распался, вступив в разные сочетания с варварскими народами.

Древние государства не были долголетними; они существовали не более одного сезона.

В XV столетии Европа пережила такой катаклизм, который для древних государств был бы предвестником неминуемой смерти. Совесть и разум восстали против основ общественного

здания. Католицизм и феодализм подверглись нападению. Глухая борьба длилась более двух столетий... Она подрывала церковь и замок.

Европа была так близка к смерти, что уже у границ ее стали показываться варвары, эти вороны, чующие издалека агонию народов.

Византией они завладели, казалось, они готовились уже ринуться на Вену; но полумесяцу пришлось остановиться на берегах Адриатического моря.

На севере зашевелился другой варварский народ, он сплавивался, готовился, — народ в бараньих шкурах и с «глазами ящерицы». Степи Волги и Урала во все времена служили кочевьем переселяющимся народам; это были залы ожидания и собраний, officina gentium¹, где судьба готовила в тиши дикие орды, чтобы бросить их на народы, обреченные смерти, чтобы прикончить цивилизации, впавшие в маразм.

И все же луна ислама выше не поднялась и удовольствовалась тем, что озаряет развалины Акрополиса и воды Геллеспонта. А волжские варвары, вместо попытки вторгнуться в Европу, обратились в конце концов в лице одного из своих царей* к соседям за цивилизацией и государственным устройством.

Первая грозная туча пронеслась над головой.

Что же случилось?

Вечное переселение народов на запад, задерживавшееся Атлантическим океаном, продолжалось, человечество нашло проводника — Христофор Колумб показал дорогу.

Америка спасла Европу.

И Европа вступила в новую фазу существования, незнакомую древним государствам, — фазу внутреннего разложения по эту сторону и фазу развития по ту сторону океана.

Реформация и революция не перешагнули ни за стены церкви, ни за пределы монархических государств; очевидно, они не могли сокрушить древнее здание. Готический собор осел, трон пошатнулся, но развалины их сохранились. И ни реформация, ни революция не могли больше ничего с ними поделать.

¹ мастерская народов (лат.). — *Ред.*

Называется ли человек кальвинистом, евангелистом, лютеранином, протестантом, квакером — церковь все же существует, другими словами — свобода совести не существует, или же это акт *индивидуального* возмущения. Будет ли правление парламентским, конституционным, с двумя палатами или с одной, при ограниченном избирательном праве или при всеобщем голосовании... трон шатается, но все же существует, и хотя короли то и дело летят кувырком, на их место находятся другие. За неимением короля в республике, — если дело происходит во Франции, — его заменяют соломенным королем, которого сажают на трон и для которого сохраняются дворцы и парки, Тюльери и Сен-Клу*.

Светское и рационалистическое христианство борется с церковью, не понимая того, что оно первое будет раздавлено церковными сводами; монархический республиканизм борется с тронном, чтобы усесться на него по-царски. Дыхание революции веет не здесь; поток переменял направление, предоставив старым *Монтекки* и *Капулетти* продолжать на втором плане их наследственную вражду. Знамя борьбы поднимается уже не против священника и не против короля, не против дворянина, а против их единственного наследника — против хозяина, против патентованного владельца орудий труда. Революционер теперь уже не гугенот, не протестант, не либерал; имя ему — *работник*.

И вот Европа, пережившая вторую, даже третью молодость, останавливается у нового порога, не смея его перешагнуть. Она трепещет перед словом «социализм», написанным на двери. Ей сказали, что дверь эту отворит Катилина, и это правда. Дверь может остаться закрытой, но открыть ее дано только Катилине... Катилине, у которого столько друзей, что невозможно их всех передумать в темнице. Цицерон, этот добросовестный и *учтивый* убийца, был счастливее своего соперника Каваньяка*.

Эту черту перейти труднее, чем другие. Все реформы наполовину сохраняют старый мир, набросив на него новый покров; сердце не совсем разбито, не все потеряно сразу; часть того, что мы любили, что было нам дорого с детства, что мы почитали, что освящено преданием, — остается на утешение слабым... Прощайте, песни кормилицы, прощайте, воспоминания отчего

дома, прощай, привычка, власть которой сильнее власти гения,— говорит Бэкон.

... Во время бури ничто не проникает через таможенную, а хватит ли терпения дожидаться затихшья?

Все интересы, заботы, осложнения, стремления, волновавшие в продолжение целого века европейские умы, мало-помалу бледнеют, становятся безразличными, делом привычки, вопросами партий. Где великие слова, потрясавшие сердца и исторгавшие слезы!.. Где священные знамена, которым со времени Яна Гуса поклонялись в одном стане, с 89 года — в другом? С тех пор как непроницаемый туман, окутывавший Февральскую революцию, рассеялся, все начинает проясняться, *резкая* простота заменила путаницу; существуют только два подлинно важных вопроса:

вопрос социальный,

вопрос русский.

И, в сущности, эти два вопроса сводятся к одному.

Русский вопрос — случайное явление, отрицательный опыт. Это новое пришествие варваров, чующих агонию, возвещающих старому миру «*memento mori*»¹, предлагающих ему убийцу, если он не желает покончить с собой.

В самом деле, если революционный социализм не в состоянии будет доконать вырождающийся общественный строй, его доконает Россия.

Я не говорю, что это *необходимо*, но это *возможно*.

Нет ничего абсолютно необходимого. Будущее не бывает неотвратимо предрешено; неминуемого предназначения нет. Будущее может и вовсе не наступить. Геологический катаклизм вполне может уничтожить не только восточный вопрос, но и все прочие,— за отсутствием задающих вопросы.

Будущее слагается из элементов, имеющих под рукой, из окружающих условий; оно продолжает прошедшее; общие устремления, смутно выраженные, изменяются в зависимости от обстоятельств. Обстоятельства решают, *как* это произойдет, и неясная возможность становится совершившимся фактом. Россия точно так же может овладеть Европою до Атланти-

¹ помни о смерти (лат.). — *Ред.*

ческого океана, как и подвергнуться европейскому нашествию до Урала.

В первом случае Европа должна быть разрозненной.

Во втором — тесно сплоченной.

Сплочена ли она?

Царизм движим чувством самосохранения и тем инстинктом, который служит путеводителем перелетным птицам, устремляющимся к Черному или Средиземному морю. На этом пути царизм не может не встретиться с Европой.

Безумием было бы воображать, что император Николай может противостоять всей Европе, если только Европа сама не станет авангардом армии Николая, с тем чтобы сражаться против самой себя; но так оно и есть, это именно и происходит.

В случае столкновения Европы с Россией консерватизм, боязливый, встревоженный, дряхлый, найдет средства парализовать всякое народное воодушевление.

Ибо есть две Европы, которые относятся друг к другу с отвращением, с ненавистью, гораздо более сильной, нежели взаимная ненависть турок и русских, и этот общественный *манихеизм** существует во всяком государстве, во всяком городе, во всякой деревне. Какого же единства в действиях можно ожидать до окончательной победы одного из противников? Войска геройски сражаются на рубежах страны, только когда дома есть Комитет общественного спасения.

Именно он вселил в войска революции ту удивительную энергию, которая после его гибели продержалась еще двадцать лет.

Ничто так не подавляет дух армии, как злоеющая мысль, что за спиной готовится измена. А можно ли доверять правительствам, ныне существующим? В своем собственном лагере люди *порядка* подозревают друг друга.

Повсюду, вплоть до высших дипломатических сфер, есть изменники, продающие свою страну Николаю.

Николаю служат не только банкиры и журналисты, но и первые министры, королевские братья, царствующая родня. У него большой запас великих княжон, которых он жалует немецким князьям с условием, чтобы они из своих мужей делали слуг русского царя; когда же эти великие княжны хворают, их посы-

лают пользоваться «лондонскими туманами», целебная сила которых открыта Николаем.

«La Fusion» — сугубо русская газета, «L'Assemblée Nationale» — как будто печатается в Казани или в Пензе. Но если бы император Николай предоставил всех этих Шамбор-Немуров* сладостям семейных примирений и охоты во Фрошдорфе, бонапартизм тотчас бы сделался не только русским, но татарским.

Бельгийский король содержит в Брюсселе русское агентство: король Дании — маленькую контору в Копенгагене. Адмиралтейство, гордое адмиралтейство Великобритании, смиренно несет для царя полицейскую службу в Портсмуте*, и самоедский офицер безнаказанно топчет ногами акт Habeas Corpus на палубе английского корабля. Король неаполитанский рабски подражает Николаю, а австрийский император — его Антиной, его страстный поклонник*.

Много толкуют о русских агентах, подозревая всегда каких-нибудь жалких шпионов, которых русское правительство оплачивает, чтобы быть в курсе всевозможных *сплетен*. Настоящие Шеню и Делагоды* царя — это помазанники божии, их *agnates*¹ и *cognates*², вся их родня по восходящей и нисходящей линии. Самый полный реестр русских шпионов — это *Готский календарь**.

Вы видите, что настоящая борьба с Россией совершенно невозможна, покамест не выметут, да не выметут начисто ваш дом.

Роковая солидарность соединяет реакционную Европу с царизмом; и если она погибнет от руки царизма, это будет великолепной иронией судьбы.

Николай объявил войну Турции — это самая замечательная шалость XIX столетия.

Теперь консерваторы, друзья, клиенты Николая, громче всех вопиют против него. Они принимали царя за полицейского и охотно стращали революционеров 400 000 русских штыков. Они думали, что он удовлетворится пассивной ролью пугала; они позабыли, что даже Луи-Бонапарт — и тот не пожелал довольствоваться должностью «пожарного сапера»...

¹ родственники по отцовской линии (лат.). — *Ред.*

² родственники по материнской линии (лат.). — *Ред.*

Счастливые дни воротились; все были так довольны, так покойны; массы, раздавленные войсками, с христианскою кротостью умирали от голода. Ни печати, ни трибуны... ни Франции! Святой отец, опираясь на армию, вышедшую из улицы Jérusalem, раздавал направо и налево свое апостольское благословение. Дела после февральской катастрофы шли опять своим порядком. Социальное людоедство больше чем когда-либо было в ходу. Настала эра любви и симпатии. Бельгия сочеталась браком с Австрией в лице австрийской эрцгерцогини; молодой венский император вздыхал у ног своей невесты; Наполеон III, 45-летний Вертер, соединился по любовному капризу с своей Шарлоттой Теба*.

Вдруг, среди всеобщего спокойствия, всемирного благоденствия, император Николай бьет тревогу, начиная войну бесполезную, фантастическую, *религиозную*, — войну, которая легко может перенестись с берегов Черного моря на берега Рейна и которая, во всяком случае, повлечет за собой все то, чем так пугали революции: отчуждение собственности, контрибуции, насилие и, сверх того, неприятельское нашествие, военные суды, расстрелы и военные контрибуции.

Донозо Кортес в знаменитой речи, произнесенной в Мадриде в 1849 году*, предсказывал вторжение русских в Европу и видел для *цивилизации* якорь спасения только в *единстве* власти, т. е. в неограниченной монархии, служащей целям католицизма. Первым условием для этого он также считал введение католицизма в Англии.

Может быть, *подобное единство* чрезвычайно усилило бы Европу, но это единство совершенно невозможно, — невозможно, как и все прочие, за исключением *единства революционного*.

Если бы революции не боялись еще более, нежели русских, то чего проще, как идти на Севастополь, захватить Одессу. Магометанское население Крыма не было бы враждебно туркам. Попав туда, можно было бы обратиться с призывом к Польше, дать свободу крестьянам Малороссии, ненавидящим крепостное право... Хотел бы я знать, что бы сделал тогда Николай со своим православным богом?

«Но ведь Польша — это Галиция», — скажет Австрия.
«Но ведь Польша — это Познань», — скажет Пруссия.

А если Польша восстанет, как удержать Венгрию, Ломбардию?

Ну, так не нужно идти на Севастополь; разве что объявить войну для виду, — войну, которая окончится в пользу Николая или Луи Бонапарта, т. е. в обоих случаях в пользу *деспотизма* и против *консерваторов*.

Деспотизм вовсе не консервативен. Не консервативен он даже в России. Нет ничего более разъедающего, разлагающего, глетворного, чем деспотизм. Случается иногда, что юные народы в поисках общественного устройства начинают с деспотизма, проходят через него, пользуются им как суровой школой; но чаще под игом деспотизма изнемогают народы, впавшие в детство.

Если военный деспотизм, алжирский или кавказский, бонапартистский или казачий, овладеет Европой, то он непременно будет вовлечен в жестокую войну со старым обществом; он не сможет допустить существования полусвободных учреждений, полунезависимого правопорядка, цивилизации, привыкшей к вольной речи, науки, привыкшей к исследованию, промышленности, становящейся великой силой.

Деспотизм — это варварство, погребение дряхлой цивилизации, а иногда ясли, в которых рождается *спаситель*.

Европейский мир в той форме, в которой он теперь существует, выполнил свое назначение; но нам кажется, что он мог бы почетнее окончить свое поприще, переменить форму существования, — не без потрясений, но без падения, без унижения. Консерваторы, как все скупцы, больше всего боятся *наследника*. Так вот — старца задушат ночью воры и разбойники.

После бомбардировки Парижа, после того как расстреливали, ссылали, заточали в тюрьмы работников, вообразили, что опасность миновала! Но смерть — Протей. Ее изгоняют как ангела будущего, она возвращается призраком прошедшего; ее изгоняют как республику демократическую и социальную, она возвращается Николаем, царем всея Руси, или Наполеоном, царем французским.

Тот или другой или оба вместе окончат борьбу.

Для борьбы нужен противник, еще не поверженный в прах. Где же последняя арена, последнее укрепление, за которым

цивилизация может вступить в бой или по крайней мере защищаться против деспотов?

В Париже? — Нет.

Как Карл V, Париж еще при жизни отрекся от своей революционной короны*; немного военной славы и множество полицейских — этого достаточно, чтобы сохранить порядок в Париже.

Арена — в Лондоне.

Пока существует Англия, свободная и гордая своими правами, дело варваров нельзя еще считать окончательно выигранным.

С 10 декабря 1848 года Россия и Австрия перестали ненавидеть Париж*. Париж потерял в глазах королей свое значение; они его больше не боятся. Вся их злоба обратилась против Англии. Они ее ненавидят, питают к ней отвращение и хотели бы... ограбить ее!

В Европе есть государства реакционные, но нет консервативных. Одна лишь Англия консервативна, и понятно *почему*; ей есть что хранить — *личную свободу*.

Одно это слово совмещает в себе все то, что преследуют, ненавидят Бонапарты и Николай.

И вы думаете, что они, победив, оставят в двенадцати часах езды от Парижа *порабощенного* Лондон *свободный*, Лондон — очаг пропаганды, гавань, открытую всем бегущим из опустошенных, испепеленных городов континента? Ведь все, что должно и может быть спасено среди оргии разрушения — наука и искусство, промышленность и образование, — все это неизбежно устремится в Англию.

Этого достаточно для войны.

Наконец-то осуществится мечта Наполеона, первого варвара нового времени.

Не от революционной Европы, но от европейского деспотизма может Англия ожидать величайшие бедствия. У народов слишком много дела дома, чтоб они могли думать о захвате других стран.

Не эгоизм, не жадность мешают англичанам в этом разобрататься. Скажем прямо: из-за невежества и проклятой деловой рутины эти люди не способны понять, что следует иногда, избегая проторенных путей, прокладывать новую дорогу.

Что же! Те, которые, имея глаза, не хотят смотреть, посвящены богам ада. Как их спасти?

Глубокая и безмолвная ночь скроет процесс разложения. А после?.. После ночи наступает день!

Совершившиеся несчастья должно оплакать... Но оставим мертвым погребать своих мертвецов; и, с состраданием, с уважением накрыв гробовым саваном агонизирующее тело, найдем в себе мужество повторить старый возглас:

Король умер — да здравствует король!..

Лондон, 17 февраля 1854.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Любезный Линтон!

Славянский мир гораздо моложе Европы.

Он моложе политически, как Австралия моложе ее геологически. Он складывался медленнее; он не развился, он еще мир недавний и едва только вступающий в великий поток истории.

Счет прожитых веков тут ничего не значит. Детство народов может длиться тысячелетия, равно как и их старость. Славянские народы служат примером первому, азиатские — второму.

Но что дает право утверждать, что теперешнее состояние славян — это юность, а не дряхлость; что это начало развития, а не неспособность к нему? Разве мы не знаем, что иные народы исчезают, так и не став историческими, даже народы, показавшие, что они не лишены способностей, как финны, например.

Достаточно присмотреться к судьбам России, чтобы на этот счет не осталось никаких сомнений. Страшное влияние, которое она оказывает на Европу, — не признак маразма или неспособности, напротив — это признак полудикой силы, необузданной, но могучей юности.

Такой именно Россия вступила впервые в цивилизованный мир.

Это было во времена регентства в Париже и кое-чего еще худшего в Германии. Повсюду растление, изнеженность, расслабляющий и постыдный разврат — грубый в Германии, утонченный в Париже.

В этой нездоровой атмосфере, где вредные испарения едва заглушались благовоениями, в этом мире наложниц, незаконнорожденных дочерей, куртизанок, правящих государствами, расслабленных нервов, слабоумных принцев—вдыхаешь, наконец, с облегчением при виде гигантской фигуры Петра I, этого варвара в простом мундире из грубого сукна, жителя севера, дюжего, мускулистого, полного энергии и силы. Таков был первый русский, занявший свое место среди европейских властителей. Он пришел учиться и узнал много для себя неожиданного. Он понял слишком хорошо, что западные государства дряхлы, а их правители растленны.

Тогда еще не предвидели революцию, которой предстояло спасти мир; предвидели только разложение. Так Петр I понял возможное значение России перед лицом Азии и Европы. Подлинное оно или нет, но завещание Петра содержит его *мысли*, которые он, впрочем, нередко высказывал в своих заметках и записках. Русское правительство до Николая оставалось верным традиции Петра I, и даже Николай следует ей, по крайней мере во внешней политике.

Россию можно осуждать, проклинать, но можно ли утверждать, что она одряхла, остановилась в своем развитии, клонится к упадку?

Говорят, что русский народ держится в стороне, неподвижно, в то время как почти чужестранное правительство делает в Петербурге что хочет. Немецкие писатели заключают из этого, что русский народ, косный, азиатский, ничего общего не имеет с деятельностью своего правительства; что это — полудикое племя, дипломатически завоеванное немцами, которые ведут его куда им вздумается. Немецкие завоевания — надобно им отдать справедливость — величайшие и самые бескровные в мире. Немцы не довольствуются родством с Англией и Америкой (*Stammverwandt*¹), в их руках, сверх того, вся Россия, покоренная *рыцарями* остзейских губерний, голштейн-готторпской фамилией *, тучами генералов, дипломатов, шпионов и прочих сановников немецкого происхождения.

Действительно, петербургское правительство не нацио-

¹ племенное родство (нем.). — *Ред.*

нально. Целью переворота Петра I была денационализация московской Руси. Пассивная оппозиция и своего рода неподвижность народа—тоже факт неоспоримый. Но, с другой стороны, народ невольно составляет гигантскую и живую основу для деятельности правительства. Он образует огромный хор, который придает немецкому (если угодно) деспотизму Петербурга характер *sui generis*¹. Народ не любит свое правительство, но все же видит в нем представителя своего национального единства и своей силы.

В России ничто не имеет того характера застоя и смерти, который у старых народов Востока неизменно, однообразно передается из поколения в поколение.

Из неспособности народа к той или иной переходной форме неправильно заключать об его полной неспособности к развитию вообще.

Славянские народы не любят ни идею государства, ни идею централизации. Они любят жить в разъединенных общинах, которые им хотелось бы уберечь от всякого правительственного вмешательства. Они ненавидят солдатчину, они ненавидят полицию. *Федерация* для славян была бы, быть может, наиболее национальной формой. Противоположный всякой федеративности петербургский режим—лишь суровое испытание, временная форма; она несомненно принесла и некоторую пользу, насильственно спаяв разрозненные части империи и принудив их к единству.

Русский народ—народ земледельческий. В Европе улучшения в социальном положении владеющего собственностью меньшинства коснулись лишь горожан. А крестьянам революция принесла только отмену крепостного состояния и раздробление земель. Между тем известно, что разделение земельных участков нанесло бы смертельный удар русской общине.

В России ничто не окаменело; все в ней находится еще в текучем состоянии, все к чему-то готовится. Гакстгаузен справедливо заметил, что в России всюду видны «незаконченность, рост, начало». Да, всюду дают о себе знать известь, пила

¹ своеобразный (лат.).--*Ред.*

и топор. И при всем том люди остаются смиренными крепостными помещика, верноподданными царя.

Естественно возникает вопрос—должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений. Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд, достигнутый результат свершены и достигнуты для всех понимающих; это круговая порука прогресса, *майорат* человечества. Я очень хорошо знаю, что результат сам по себе не передается, что по крайней мере он в этом случае бесполезен,—результат действителен, результат усваивается только вместе со всем логическим процессом. Всякий школьник заново открывает теоремы Эвклида, но какая разница между трудом Эвклида и трудом ребенка нашего времени!..

Россия проделала свою революционную эмбриогению в европейской школе. Дворянство вместе с правительством образуют европейское государство в государстве славянском. Мы прошли через все фазы либерализма, от английского конституционализма до поклонения 93-му году. Все это было похоже—я об этом говорил в другом месте *—на аберрацию звезд, которая в малом виде повторяет пробег земли по ее орбите.

Народу не нужно начинать снова этот скорбный труд. Зачем ему проливать свою кровь ради тех полурешений, к которым мы пришли и значение которых только в том, что они выдвинули *другие* вопросы, возбудили *другие* стремления?

Мы сослужили народу эту службу, мучительную, тягостную; мы поплатились виселицами, каторгой, казематами, ссылкой и жизнью, над которой тяготеет проклятие,—да, жизнью, над которой *тяготеет проклятие*.

В Европе не подозревают о том, сколько перестрадали у нас два последние поколения.

Гнет становился день ото дня сильнее, тягостнее, оскорбительнее; приходилось прятать свою мысль, заглушать биение сердца... И среди этой мертвой тишины, вместо всякого уте-

пения, мы с ужасом увидели скудость революционной идеи и равнодушие к ней народа.

Вот источник той мрачной тоски, того раздирающего скептицизма, той тягостной иронии, которые присущи русской поэзии. Кто молод, у кого горячее сердце, тот пытается себя одурманить, забыться; люди талантливые умирают на полдороге, их ссылают, или они добровольно удаляются в ссылку. Об этих людях, об их ужасном конце говорят, потому что им удалось разбить железный свод, тяготевший над ними, потому что они показали свою силу... Но не меньше страдали сотни других — те, что с отчаяния сложили руки, морально покончили с собой, отправились на Кавказ, засели в своих имениях, в игорных домах, в кабаках, — все эти лентяи, о которых никто не пожалел.

Для дворянства наступил конец этого искусства. Образованная Россия должна теперь раствориться в народе.

Европеизированная Россия по-настоящему открыла русский народ только после революции 1830 года. С удивлением поняли наконец, что русский народ, столь равнодушный, столь неспособный к постановке политических вопросов, — своим бытом ближе всех европейским народам к новому социальному устройству. «Пусть так, — возразят на это, — но он близок и к социальному устройству некоторых народов Азии». При этом указывают на сельские общины у индусов, довольно схожие с нашими.

А я и не отрицаю того, что некоторыми своими элементами общественная жизнь азиатских народов стоит выше общественной жизни Запада. Не общинное устройство задерживает развитие азиатских народов, а их неподвижность, их нетерпимость, бессилие их порвать с патриархальностью, с племенным бытом. У нас все это не играет роли.

Славянские народы, напротив того, отличаются гибкостью: замечательна легкость, с которой они усваивают язык, обычаи, искусство и технику других народов. Они равно обживаются у Ледовитого океана и на берегах Черного моря.

У образованных русских (как ни оторваны они от народа, но все же в них отразился его характер) вы не найдете той нетерпимости старых женщин, той ограниченности несвобод-

ных людей, которые на каждом шагу встречаются в старом мире.

Непрístupная китайская стена, разделяющая Европу, вызывает у нас изумление. Разве Англия и Франция имеют понятие об умственном движении в Германии? В еще меньшей степени эти два европейские Китая способны понять друг друга. Разделенные лишь несколькими часами езды, поддерживающие между собой непрерывную торговлю, необходимые друг другу, Париж и Лондон дальше друг от друга, нежели Лондон и Нью-Йорк. Англичанин из народа смотрит на француза с дикой ненавистью, с видом превосходства — отчего он сам кажется жалким.

Английский буржуа еще несноснее; он вас душит вопросами, обнаруживающими столь глубокое неведение соседнего края, что не знаешь, как ему отвечать. Француз, в свою очередь, способен прожить пять лет в Лейстер-сквере, не понимая, что делается вокруг. Чем же объяснить, что немецкая наука, которая не в состоянии перейти Рейн, очень хорошо пересекает Волгу; что британская поэзия, искажающаяся при переходе через пролив, переплывает невредимая Балтийское море? И все это при правительстве подозрительном и самовластном, принимающем все меры, чтобы отдалить нас от Европы.

Наше воспитание, домашнее и общественное, имеет резко выраженный универсальный характер. Нет воспитания *менее* религиозного, чем наше, и *более* многоязычного, особенно по части новых языков. Этот характер придала ему реформа Петра I, в высшей степени реалистическая, светская и в общем европейская. Кафедры богословия учреждены были в университетах только при императоре Александре, и притом в последние годы его царствования. Николай прилагает величайшие усилия к тому, чтобы испортить общественное образование; он нанес ему удар, сократив число учащихся, но что касается его полицейского православия, то я не думаю, чтобы оно пустило корни; изучение же новых языков стало настолько необходимым и привычным, что оно будет продолжаться по-прежнему. Официальная санкт-петербургская газета печатается по-русски, по-французски и по-немецки.

Наше воспитание не имеет ничего общего с той средой, для которой человек предназначен, и в этом его достоинство. Обра-

зование у нас отрывает молодого человека от безнравственной почвы, гуманизирует его, превращает в цивилизованное существо и противопоставляет официальной России. Он от этого много страдает. Это — искупление преступлений наших отцов, и это источник революционных настроений. Самые тяжкие времена миновали; меньшинство, дотоле полностью оторванное от народа, встретилось с народом тогда, когда оно меньше всего этого ожидало.

С каким удивлением слушали наши рассказы о русской общине, о постоянном переделе земли между ее членами, о выборных старостах с их простыми способами управления, о всеобщем голосовании в общинных делах! Иногда нас считали пустыми мечтателями, людьми, свихнувшимися на социализме!.. Но вот является человек, отнюдь не революционно настроенный, и издает три тома о сельской общине в России. Это Гакстгаузен — католик, пруссак, агроном и монархист, столь крайний, что для него прусский король слишком либерален, а император Николай слишком человеколюбив!

Факты, нами указанные, изложены им *in extenso*¹. Не буду повторять то, что я уже говорил об этой зачаточной организации общинного *self-government*², где все должности выборные, где все — собственники, хотя земля не принадлежит никому, где пролетариат — *ненормальное явление*, исключение. Вы об этом достаточно знаете и поймете, что русский народ, несчастный, в значительной своей части подавленный крепостничеством, в целом подавленный правительством, которое его гнетет и презирает, не мог вслед за народами Европы проходить фазы их революционных движений, исключительно городских и которые тотчас пошатнули бы основания его общинного строя. Современная революция, напротив того, разыгрывается на той же почве, — мы увидим, каков будет результат этой встречи.

Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное *self-government* на города, на государство

¹ подробно (лат.). — *Ред.*

² самоуправления (англ.). — *Ред.*

в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли — вот основной вопрос русской революции — тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы.

Государство и личность, власть и свобода, коммунизм и эгоизм (в широком смысле слова) — вот геркулесовы столбы великой борьбы, великой революционной эпопеи.

Европа предлагает решение ущербное и отвлеченное. Россия — другое решение, ущербное и дикое.

Революция даст синтез этих решений. Социальные формулы остаются смутными, пока жизнь их не осуществит.

Англосаксонские народы освободили личность, отрицая общественное начало, обособляя человека. Русский народ сохранил общинное устройство, отрицая личность, поглощая человека.

Закваска, которая должна была привести в движение силы, дремлющие в бездействии общинно-патриархальной жизни, — это принцип индивидуализма, личной воли. Это начало входит в русскую жизнь иным путем, воплощается в лице царя-революционера, отрицавшего традицию и национальность, надвое разделившего русский народ.

Русская империя — творение XVIII века; все, что создавалось в это время, несло в себе семена революции.

Холостой дворец Фридриха II и смиренный дом, служивший дворцом его отцу *, вовсе не были монархичны, подобно Эскуриалу или Тюльери. В новом государстве веял резкий утренний ветер; в нем все просто, сухо, положительно, рационально, — а это именно убивает религию и монархию. То же и в России.

Петр I круто порвал с византийско-московской традицией. Деятель гениальный, он предпочитал власть престолу, воздействовал скорее террором, нежели величием, он ненавидел театральность, столь необходимую для монархии.

Устройство русской империи в высшей степени просто. Это правление доктора Франсиа в Парагвае *, в приложении к стране с пятьюдесятью миллионами населения. Это осуществление бонапартовского идеала: немой народ, без прав, без

защитников, живущий вне закона, ему противостоит меньшинство, которое правительство увлекает за собой, поощряет, возводит в дворянство; меньшинство это образует бюрократию.

Россия в полном смысле слова управляется адъютантами, указами, писарями и эстафетами. Сенат, Государственный совет (учреждение более позднее), министерства—не что иное, как канцелярии, в которых не спорят, а исполняют, не обсуждают, а переписывают. Вся администрация представляет собою крылья телеграфа*, с помощью которого человек из Зимнего дворца изъявляет свою волю.

Гораздо легче уничтожить верхушку этой автоматически действующей организации, нежели подорвать ее основы.

В монархическом государстве, если король убит, монархия остается. У нас, если император убит, остается дисциплина, остается бюрократический порядок; лишь бы телеграф действовал, ему будут повиноваться...

Можно завтра прогнать Николая, посадить вместо него Орлова или кого угодно — ничто не сдвинется с места. Дела будут производиться с тою же точностью, машина по-прежнему будет работать — переписывать, извещать, отвечать; машинисты по-прежнему будут красть и показывать рвение.

Императрица Екатерина II испугалась этого страшного и немого всемогущества, беспредельной покорности исполнителей и рабов, которые служат *тому*, кто приказывает, чье повиновение переживает даже самого повелителя. Она хотела дать дворянству ббльшую независимость, чтобы окружить себя людьми, добровольно преданными ей и монархии, — людьми, на которых она могла бы положиться. Молчание писарей и экзекуторов страшило супругу Петра III! Среди такого молчания Алексей Орлов удавил своего заключенного в тюрьму господина, а писаря писали: «Его величество изволил скончаться», а экзекуторы подвергали экзекуции всякого, кто этому не верил.

Новые учреждения действительно были странны, необычайны. Никто серьезно не размышлял над их эксцентрическим характером, над экзотическим смешением демократизма и аристократизма *, безграничного деспотизма и обширных избирательных прав, Иоанна Грозного и Монтескье.

Все эти учреждения отмечены двойной печатью — петровского периода и несложившихся национальных учреждений, развившихся под организующим влиянием западных идей; национальные начала, в свою очередь, видоизменяют западные идеи в направлении им почти противоположном.

Судьи *выбираются*, и выбираются на шесть лет; судьи принадлежат к трем классам: дворянству, мещанству и крестьянству; *судебного сословия* же нет совсем. Каждый имеющий право участвовать в выборах может быть выбран в судьи. Отсутствие судебного сословия — факт замечательный. Одним врагом меньше, да еще каким врагом! Судья — это *другой* черный человек, светский двойник священника и таинственный страж закона человеческого, имеющий монополию судить, осуждать, постигать *ratio scripta*¹. Смешон отставной кавалерийский офицер, ничего не понимающий в законах и процедурах и выбранный в судьи. Но, с другой стороны, очень печально, если приходится признать, что никто не способен выносить решения, кроме знатоков в судейских мантиях, воспитанных *ad hoc*². Если выбранные судьи плохи, тем хуже для избирателей — они люди совершеннолетние и знают, что делают. Но, скажут нам, юридические знания не приходят с возрастом, законы так сложны, что нужны долгие годы, углубленные занятия, чтобы разобраться в юридическом лабиринте... Это верно, но из этого не следует, что с самого детства нужно готовить особую касту людей, понимающих законы, а, напротив, следует, что пора бросить все эти законы в огонь. Отношения людей просты; формальности, устаревшие порядки — вся эта судейская поэзия, все *fiorituri*³ юриспруденции — вот что запутывает вопросы.

В России суд состоит из одного члена, выбранного дворянством, другого, выбранного мещанами, и третьего — вольными крестьянами. Дворянство выбирает двух кандидатов на должность председателя уголовной палаты. Правительство утверждает одного из них и, со своей стороны, назначает прокурора, имеющего право приостанавливать всякое решение и докладывать его сенату.

¹ смысл написанного (лат.). — *Ред.*

² Здесь: специально для этой цели (лат.). — *Ред.*

³ украшения (итал.). — *Ред.*

Если принять во внимание, что *прокурор* также принадлежит к дворянству, то становится ясно, что действия членов суда от мещан и от крестьян парализованы во всех случаях разногласия. Правда, они имеют право протестовать и выносить дела на рассмотрение в сенат. Но это случается очень редко — по самой простой причине: сенат, лишенный начал народных и избирательных, всегда бывает заодно с дворянами и с правительством. Но сейчас мы говорим о *норме*, а не о злоупотреблениях. Обратите внимание на основу, на возможное развитие в будущем, а не на применение ее в современных условиях. Лет десять тому назад старый московский купец, человек неподкупный и строгий, был избран городским головой этого города. Обязанности городского головы состоят в надзоре за денежными средствами города, он распоряжается городскими доходами и расходами. Обыкновенно на эту должность выбирают какого-нибудь миллионера, любящего красоваться на официальных празднествах; он дает роскошные обеды и балы и подписывает все, что угодно правительству и чего желает начальство. Московский городской голова Шестов иначе понял свои обязанности. Он так подрезал крылья официальных воров, что обер-полицмейстер объявил ему ожесточенную войну. Купец принял вызов, и борьба кончилась падением полицмейстера*.

Избираются не только судьи, но и земская *полиция*; исправника и часть становых выбирает дворянство.

Там, где оканчивается уездная полиция, начинается сельская община с своим *a parte*¹ — с выборным старостой, с выборной полицией, с поглощением личности во имя традиционного и национального коммунизма. Там, где, с другой стороны, начинается правительственная централизация, — а к ней относятся все стоящее выше местных губернских учреждений, — там теряются последние следы личного права; личность поглощена, уничтожена петербургской диктатурой во имя самодержавия, самого неограниченного и вовсе не славянского.

Единственная среда, в которой могут развиваться идеи личного права и идеи революционные, — это дворянство и среднее сословие.

¹ Здесь: со своими особенностями (итал.). — *Ред.*

В России буржуазия пользуется меньшим влиянием, нежели в Европе, не только оттого, что у нас развитие промышленности было менее значительным, но и оттого, что верхушка русской буржуазии легко получает дворянское звание (чиновники, богатые купцы, артисты, лица, награжденные орденами, и т. д.).

Наша буржуазия еще не представляет собой моральную силу. Она всегда была чрезвычайно отсталой, консервативной, православной, раболовной и патриотической сверх меры. Подавленное, скрывающее свои богатства, наше купечество прячется, молчит, живет взаперти, строит церкви, раздает милостыню бедным и арестантам, дает взятки чиновникам... и копит миллионы. Только новое поколение, получившее вполне европейское образование, воспримет наши революционные идеи.

У нас дворянство — скорее бюрократия, нежели аристократия. Родовитость, графский и княжеский титул, древность имени, обширность поместий не дают никаких привилегий. Их дает чин. Если в дворянском роду два поколения не служили, то правительство может лишить наследников дворянства.

Эта всеобщность службы меняет ее характер. В России служить правительству не значит, как во Франции, быть агентом правительства, продавшим ему душу. Все заговорщики 14/26 декабря состояли на службе. Общественное мнение не смешивает настоящих чиновников, преданных, усердных, чиновников *по призванию*, с чиновниками совсем иного рода. Первые иногда боятся, но никогда не уважают. Из последних же состоит почти все независимое общество в столицах и губерниях. Это достаточно многочисленный класс, если причислить к нему военных — обычно чуждых раболопству и низости гражданских чиновников, — людей, вышедших в отставку в 25 или в 26 лет, помещиков, живущих в своих имениях и *служащих* только по дворянским выборам.

Вот в этой-то среде наше универсальное и многоязычное воспитание образовало самых независимых людей в Европе. Гнетущий деспотизм, отсутствие свободы слова, необходимость быть всегда настороже приучили мысль к сосредоточенности, к внутренней работе, смелой и исполненной ненависти. Новая литература раскрыла затаенные страсти, которыми полна грудь

русского человека. О том же свидетельствуют и взгляды образованного меньшинства. Без страха и сожалений мы дошли в политике до социализма, в философии — до реализма и отрицания всякой религии.

Социализм объединяет европейских революционеров с революционерами славянскими.

Социализм снова привел революционную партию к народу. Это знаменательно. Если в Европе социализм воспринимается как знамя раздора, как угроза, — перед нами социализм предстает как радуга революций, надежда на будущее.

Теперь, ознакомившись несколько с элементами русской жизни, вы поймете, что у нас невозможно сделать шаг вперед, не вступив в фазу революции или в европейскую войну.

Все жизненные вопросы поставлены так, что их решение неизбежно повлечет нас к общественному переустройству—если только оно не будет отсрочено какими-либо внешними событиями.

Освобождение крестьян, дело столь простое в других государствах, невозможно у нас *без уступки крестьянам земли*, а освобождение *с землей* означает частичное отчуждение дворянской собственности.

Условия дворянского быта изменятся, а с ними и отношения дворянства к правительству; не забудьте, что суд и полиция в сельской местности принадлежат дворянству, что и дворянство каждой губернии представляет собой сословную организацию, наделенную совещательными правами, имеющую своих предводителей и постоянные собрания.

Если бы русский престол достался действительно энергичному человеку, он стал бы во главе освободительного движения, он покрыл бы истинной славой конец петербургского периода и ускорил бы неизбежный процесс, который, за отсутствием такого человека, поглотит престол. Но для всего этого нужен Петр I, а не Николай.

Позвольте мне сначала объяснить свою мысль. Не только самодержавие как таковое препятствует всякому прогрессу в России. Петербургский деспотизм сохраняет, как я уже сказал, свою диктаторскую форму, форму революционную, лишенную традиций и принципов; это орудие войны, борьбы, которое

может служить разным целям. Но с 26 декабря 1825 года во всех вопросах внутренней жизни определился отвратительный *склад* русского правительства, и оно ни к чему хорошему не способно. Николай бесконечно далеко шагнул назад и сделал это с поразительной неуклюжестью. Николай с самого начала хотел больше быть царем, нежели императором; но, не поняв, не почувствовав славянский дух, он не достиг цели и ограничился тем, что преследовал всякое стремление к свободе, подавлял всякое желание прогресса, останавливал всякое движение. Он хотел из своей империи создать военную Византию. Отсюда его показное православие, холодное, ледяное, как петербургский климат. Николай постиг только гнет, неподвижность, только китайскую сторону вопроса. В его системе нет ничего деятельного, даже ничего национального, — перестав быть европейским, он не сделался русским.

За время своего долгого царствования он коснулся всех учреждений, всех законов, повсюду внося начало смерти, оцепенения.

Дворянство не могло оставаться замкнутой кастой из-за легкости, с какою давали дворянское звание. Николай затруднил к нему доступ. Для того чтобы стать потомственным дворянином, нужно было теперь дослужиться до чина майора в военной службе и статского советника — в гражданской.

До Николая каждый дворянин был избирателем; он же установил избирательный *ценз*.

До Николая уездная полиция была выборной. Он приказал назначать станových от правительства, под начальством исправника, выбранного дворянством.

Русское уголовное право раньше не знало смертной казни; Николай ввел ее за преступления политические и за отцеубийство.

Уголовное право не признавало также *нелепого наказания тюрьмой* — Николай ввел его.

Веротерпимость составляла одну из славных основ империи, созданной Петром I; Николай издал суровый закон *против лиц, переменявших религию*.

Жалованная грамота дворянству предоставляла дворянам право жить где они хотели и состоять на службе в иностранных государствах. Николай ограничил право передвижения и сроки путешествий. Он ввел конфискацию имущества.

При Петре III была уничтожена тайная канцелярия, род светской инквизиции. Николай ее восстановил; он учредил целый корпус вооруженных и невооруженных шпионов *, которых он отдал в выучку Бенкендорфу, а впоследствии поручил своему другу Орлову.

Всеми этими средствами Николай затормозил движение, он ставил палки во все колеса и теперь сам негодует на то, что дела не идут. Теперь он во что бы то ни стало хочет что-нибудь сделать, он старается изо всех сил... может быть, колеса сломаются и кучер свернет себе шею. Но *он может еще взять верх* в борьбе со старым миром, разъединенным, усталым, поработанным.

В моем первом письме я сказал, любезный Линтон, что если русскому народу предстоит одна только будущность, то Российской империи предстоят, быть может, две будущности.

Я глубоко убежден, что русское императорство заглохло бы и разложилось очень быстро перед лицом Европы, свободной и объединенной (насколько позволяют национальные особенности отдельных народов). Петербургское самодержавие не принцип и не догмат, а только сила; чтоб оставаться силой, оно должно непрерывно действовать. Полицейский надзор и сопротивление всякому движению — это еще не занятие, а другого содержания для своей деятельности самодержавие найти не может, и все другое его пугает.

Перед лицом свободной Европы у русского императорства были бы только два исхода: превратиться в демократическое и социальное самовластие, что я не считаю совсем невозможным, но что совершенно изменило бы характер царизма, или окаменеть, замереть в Петербурге, с каждым днем теряя влияние, силу, авторитет, пока в один прекрасный день его не прогонит крестьянская революция или солдатский бунт.

Около двадцати миллионов крепостных найдут поддержку у казаков, глубоко оскорбленных потерей своих прав и вольностей, у раскольников, число и моральная сила которых очень значительны и которые относятся к правительству с непримиримой ненавистью,—найдут поддержку также у части дворянства... Есть над чем задуматься обитателям Зимнего дворца.

Разве Пугачев в продолжение нескольких месяцев не был неограниченным властителем четырех губерний? Впрочем, теперь принимают уже не те военные меры, что в 1773 году.

И все же я очень хорошо помню восстание военных поселений Старой Руссы в 1831 году, в 150 километрах от Петербурга и 450 от Москвы, в том месте, где всегда расположено много войск! Восставшие прервали сообщение между столицами, успели казнить всех офицеров и учредить своего рода правительство, составленное из полковых писарей...

С тех пор народ развился. Русский солдат не привык убивать русских. Как-то во время крестьянского бунта после учреждения нового министерства государственных имуществ послали полк, чтобы разогнать народ. Народ не расходился, продолжал кричать, чего-то требовать. Генерал, после тщетных увещаний, приказал зарядить ружья и взять на прицел... толпа не двинулась с места; тогда генерал дал знак открыть огонь... Полковник скомандовал: «Пли!»... Не раздалось ни одного выстрела. Генерал, удивленный, ошеломленный, грозно повторил: «Пли!» Солдаты опустили ружья и стояли неподвижно. Генерал, бледный как смерть, просил полковника и офицеров... сохранить тайну.—Это может повториться... Когда Европа охвачена революцией, воздух становится резким, насыщенным электричеством... Словом, бок о бок с Европой, революционной и свободной, русское императорство выглядело бы плачевным и непрочным. Оно может быть мощным и победоносным только рядом с реакционной Европой.

Монархическая, но не слишком воинственная Европа не хочет и не может всерьез воевать с царем. Царь, с своей стороны, не может воздержаться от войны с Европой,— разве только она ему подарит Константинополь.

Константинополь?—Да, Константинополь! Он ему нужен, чтобы обратить русский народ лицом к Востоку; он ему нужен, чтобы православная церковь поддерживала царскую власть еще усерднее; наконец, он стремится к нему *инстинктивно*— потому что в конечном счете Николай тоже орудие *судьбы*. Сам того не понимая, он осуществляет скрытые цели истории; он трудится над тем, чтобы углубить пропасть, которая поглотит его или его приемников.

Время славянского мира настало. *Таборит*, человек общинного быта, расправляет плечи... Социализм ли его пробудил? Где водрузит он свое знамя? К какому центру он тяготеет?

Ни Вена, город рококо-немецкий, ни Петербург, город ново-немецкий, ни Варшава, город католический, ни Москва, город только русский,—не могут претендовать на роль столицы объединенных славян. Этой столицей может стать Константинополь—Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, город, окруженный славяно-эллинским населением.

Германо-романские народности—это продолжение Западной империи; явится ли славянский мир продолжением Восточной империи?—Не знаю, но Константинополь уьет Петербург.

Петербург был бы нелепостью в империи, владеющей Константинополем; а какой-нибудь Голштейн-Готторп, прикинувшийся Порфирогенетом или Палеологом, слишком смешон, для того чтобы это могло осуществиться. Этим бравым немецким выходцам следовало бы вернуться к себе на родину, которая их призывает... Впрочем, может быть, она без них обойдется, но ценою потоков крови...

Разве вы не слышите, как за вашей дверью казак перешептывается с двумя приятелями, которые вас предают и готовы проложить ему путь к самому сердцу Европы?

После событий 1849 года мы предсказывали: Габсбурги и Гогенцоллерны приведут вам русских.

Для царя завоевательная война — единственное средство приобрести популярность и сохранить свою власть. Не находящие применения силы выступают из берегов; царю это даст возможность уклониться от решения внутренних вопросов и в то же время утолить его дикую жажду битв и расширения границ.

Для Европы всякая война — бедствие. Европа уже не в тех летах, когда ведут поэтические войны. Ей предстоит решение иных вопросов, предстоит иная борьба,—но она сама этого хотела!.. Теперь она ищет вина.

Завоевательная война несовместна с цивилизацией, с промышленным развитием Европы, несовместны с ним и абсолютная монархия, солдатский деспотизм; однако весь континент предпочел их свободе.

Монархическое равнозначно военному. Это режим материальной силы, апофеоз штыка. Нет штатских Бонапартов: даже сын Жерома* — генерал-лейтенант.

Быть может, среди крови, резни, пожаров, опустошений народы проснутся и увидят, протирая глаза, что все эти сновидения, ужасные, отвратительные, были лишь сновидениями... Бонапарт, Николай — мантия в пчелах*, мантия в польской крови, император виселиц, король расстрелов—всего этого нет; и народы, увидя, как давно возшло солнце, удивятся своему долгому сну...

Быть может... но...

Во всяком случае эта война — *l'introduzione maestosa e marziale*¹ славянства в мировую историю и *una marcia funèbre*² старого мира.

Примите мой братский привет.

А. Герцен.

Лондон, 20 февраля 1854.

¹ величественная и воинственная интродукция (итал.). — *Ред.*

² похоронный марш (итал.). — *Ред.*

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА В ЛОНДОНЕ

Русскому воинству в Польше

Б р а т ь я!

Итак, царь накликал наконец войну на Русь.

Как ни пятились назад, как ни мирволили ему его товарищи и сообщники, боясь своих народов больше всякого врага,—он напросился на войну, додразнил их до того, что они пошли на него.

Ему не жаль крови русской.

А еще есть добрые люди между вами, которые его называют отцом,—вотчим он безжалостный, а не отец.

Мы, изгнанники русские и польские, на чужбине плачем, читая о рекрутских наборах, о тяге народной, о ненужной гибели тысячей наших воинов...

Гибнуть за дело следует; на то в душе человеческой храбрость, отвага, преданность и любовь; но горько гибнуть без пользы для своих, из-за царского упрямства. Весь свет жалеет турков не потому, чтоб они были кому-либо близки. Их жалеют оттого, что они стоят за свою землю, на них напали, надобно же им защищаться.

А наши бедные братья льют кровь, дерутся храбро, поля усеивают телами, и никто, кроме нас, не кручинится об них, и никто не ценит их мужества, потому что дело их несправое.

Царь говорит, что защищает православную церковь. Никто на нее не нападает; а если в самом деле султан теснит церковь, как же царь с 1828 года молчал на это?

«Православные христиане держатся турками в черном

теле», — прибавляет царь. Мы не слышали, чтоб они были больше притеснены, нежели крестьяне у нас, особенно закабаленные царем в крепость. Не лучше ли было бы начать с освобождения своих невольников, ведь они тоже православные и единоверцы, да к тому же еще русские.

Царь ничего не защищает и никакого добра никому не хочет; его ведет гордость, и для нее он жертвует—вашей кровью; свою он держит. Видали ли вы его перед вашими рядами не во время учений и разводов, а во время сражений?

Он начал войну, пусть же она падет на одну его голову. Пусть она окончит печальный застой наш...

За 1812 годом шло 14 декабря...

Что-то придет за 1854?..

Неужели мы пропустим случай, какого долго-долго не представится? Неужели не сумеем воспользоваться бурей, вызванной самим царем на себя?

Мы надеемся, мы уповаем.

Посмотрите на Польшу. Едва весть о войне дошла до нее, она приподняла голову и ждет случая снова восстать за права свои, за свою волю...

Что будете вы делать, когда польский народ поднимет оружие?

Ваша участь всех хуже. Товарищи ваши в Турции—солдаты, вы в Польше будете палачами. Ваши победы—покроют вас позором, вам придется краснеть вашей храбрости. Родная кровь трудно отмывается; не берите вторично греха на душу, не берите еще раз на себя название Каина. Оно, пожалуй, останется навсегда при вас.

Знаем мы, что вы не по доброй воле пойдете на поляков, но в том-то и дело, что пора вам иметь *свою* волю. Нелегко неволить десятки тысяч людей, с ног до головы вооруженных, если б между ними было какое-нибудь единодушие...

Раз — не помню в какой губернии,—когда вводили новое управление государственных имуществ, крестьяне взбунтовались, как почти во всех губерниях было. Привели войска, народ не расходился. Генерал пошумел да и вслел солдатам ружья зарядить; те зарядили, думая, что это для острстки; народ все не шел. Тогда генерал дал знак полковнику, чтоб

он велел стрелять, полковник скомандовал, солдаты приложились—и не выстрелили. Оторопелый генерал подскочил к фронту и закричал: «...Жай—пли!»... солдаты опустили ружья и неподвижно остались на своем месте.

Что же вы думаете было с ними?—Ровно ничего. Генерал и начальство так перетруснулись, что дело замяли.

Вот вам опыт вашей силы.

Но этого мало, вам следует больше сделать. Пора вам стать за бедный народ русский, так, как все войско Царства Польского в 1831 году стало за свой народ.

Великое время наступает.

Пусть же не будет сказано, что в такую торжественную и страшную минуту вы были оставлены без братского совета.

Мы предупреждаем вас от бед, спасаем от преступления. Поймите нашу речь.

Нашими устами говорит Русь нарождающаяся, Русь вольная, юная, живая, скрывающаяся дома, но гласная в изгнании.

Нашими устами говорит Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов, Русь Пестеля и Муравьева, Рылеева и Бестужева,—Русь, о которой мы свидетельствуем миру и для гласности которой мы оторвались от родины.

Нами говорит любовь и кровная связь с вами, сострадание ко всему, что терпит народ русский, измученный крепостным состоянием, рекрутством, грабежом чиновников, побоями, розгами, палками...

Нами говорит ненависть за все выстраданное вами, мы ваш крик боли, начало вашей мести, мы обличители того, что делает ваше правительство втихомолку, мы ему упрек, угрызение совести, угроза в будущем. Мы его клеймим и позорим, как оно клеймит и позорит живых людей.

Речь наша полна жгучего и горького яда от долгих лет немого страдания; все мучившее нас с детских лет, все оскорблявшее, унижавшее нас, возшло в наше слово... в нем остался и плач женщин, обесчещенных своими помещиками, и стон засеченных стариков, и звук цепей, в которых шли в Сибирь наши лучшие певцы, наши лучшие друзья.

Мы на чужбине начали открытую борьбу *словом* в ожидании *дел*.

Слово по той мере только и важно, по какой оно ведет к делу.

Слово наше *зов* — это дальний благовест, возвещающий вам, что заутрени народного воскресения начинается и для Руси. Он будет беспрестанно раздаваться до тех пор — пока звон его превратится в набат или в торжественное ликование победы.

В нашей дали мы близки к вам, мы братья ваши, ваши единственные друзья. Мы имя народа нашего примирили с народами Запада, смешивавшими нас с петербургским правительством.

Поляки нам подали руку *как русским*. И таков был смысл речей, которые мы вели в их круге, и смысл нашего соединения. Они оценили нашу любовь к народу русскому. Поймите же и вы ее и вместе с тем любите поляков — за то, что они поляки.

Чего хочет Польша?

Польша хочет быть свободным государством, она готова быть соединенной с Русью, но с Русью тоже свободной. Для того чтоб соединиться с Русью, ей необходима полная воля.

Поглощение Польши царской Россией — нелепость, насилие, — насилие очевидное по количеству войска, которое стоит в Польше с 1831 года. Естественное ли это дело, что через 23 года правительство не смеет вывести одного полка из Польши, не заменив его сейчас другим?

Все эти грубые, насильственные соединения ведут не к единству, а увсковечивают ненависть. Что Ломбардия и Венгрия — стали австрийскими? Или Финляндия — русской? Одним балтийским немцам пришлось по вкусу голштейн-татарское управление, так что они первые послали детей своих защищать православную церковь, с лютеранской библией в кармане.

Если русские не поймут необходимости восстановления Польши — Польша, при развитии войны, все-таки отделится, или, хуже, *ее отделят*. И она делается не независимой, а чужой.

Не нужно чужеземной помощи в семейном вопросе. Мы должны порешить его полюбовно между собой и без оружия.

Вы не русский народ защищаете в Польше. Русский народ не просит вас об этом, при первом пробуждении своем он отречется от вас и проклянет ваши победы. Вы в Польше защищаете неправое царское притязание, вы защищаете царя, а не на-

род,— царя, оставляющего пол-Руси в крепостном состоянии, берущего по девяти с тысячи рекрут, гонящего сквозь строй до смерти, позволяющего офицерам бить солдат, полицейским— бить мещан и всем некрестьянам — бить крестьян. Знайте же, что, защищая его, вы защищаете все бедствия России; сражаясь за него, вы сражаетесь за помещичьи права, за розги, за рабство, за открытую кражу чиновников и дневной грабеж господ.

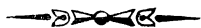
Довольно страдала Польша из-за русских. Если были за ней вины—они давно искуплены... Малолетные дети были отняты, женщины брошены в тюрьму, ее защитники погибли в Сибири, ее друзья скитаются по всему свету, ее трофеи увезены в Петербург, ее предания искажены... ей не оставили даже былого!

Нет — на польской земле не растут лавры для русских воинов, она слишком облита женскими слезами и мужескою кровью, пролитыми по вине ваших отцов—вас самих, может быть; на берегах Вислы, близь прагского кладбища и на кладбище Воли...* нет боевой славы для вас. Но на них вас ждет иная слава—слава примирения и союза!

Что и как делать—вы узнаете, когда придет время. Мы вас не оставим без совета. Исполнитесь в ожидании событий истиною наших слов и присягните во имя всего святого вам *не поднимать оружия против Польши.*

Эту присягу требует не царь, а совесть народная, народное раскаяние, и если вас ждет самая гибель за это—она свята, вы падете жертвой искупления, и вашей мученической кровью запечатлеется неразрушимый, свободный союз Польши и России как начало вольного соединения всех славян *в единое и раздельное Земское дело.*

(День благовещения) 25 марта 1854 г.

REWOLUCYJNE PRZYMIERZE POLSKO-ROSYJSKIE

(ARTYKUŁ NADEŚLANY)

Przed ośmią około wieków, jacyś mnisi, przybywszy z Kijowa, opowiadali Ewangelię w Nowogrodzie. Nauka ich znalazła przychylne przyjęcie; ale lud nie chciał przechodzić na chrześcijaństwo, lękając się zemsty Peruna, którego posąg ogromny wznosił się nad miastem z nad wzgórza położonego przy rzece. Straszny bo też bogiem był Perun, panem gromów i błyskawic, rodzajem Mikołaja z kamienia. W towarzystwie kilku nabożnych ludzi mnisi wzięli się do zrębywania posągu. Patrzył na to lud przestraszony, ale nie przeszkadzał, i runął posąg. Nie zagrzmiał piorun, nie wylały się wody, niebo nie zesłało płomieni, ani się ziemia nie wstrząsła. Jak szaleni, rozśmieli się Nowogrodzianie, wrzucili Peruna do wody, i oto utonął w niej jak inny jaki najpospolitszy kamień.

Taki też los może spotkać Peruna w butach palonych, w jego zimowym pałacu w Petersburgu.

Rosja, na pozór tak bezwładna, tak bierna, zwykła przechodzić z dziwną łatwością z jednego stanu rzeczy do wprost przeciwnego innego.

Na świadectwo tego dość sobie przypomnieć rewolucję dokonaną przez Piotra I^{go}. Ktoby był Rosję opuścił w r. 1700, niebyłby jej poznał w 1725 r.

Otóż w Rosji i dziś na *mnichach* nie brak, tylko że dziś pocichu opowiadają swą wiarę. Ramię *prawosławnego* Peruna dotąd włada gromami, a zaiste niema z nim żartu! Jednak caryzm Petersburski przeżył już siebie. Narodowym nie był nigdy. Jestże popularnym przynajmniej? Okaże się to naocznie

za pierwszym ciosem jaki nań spadnie. Za pierwszym dotknięciem ręki śmiałej zniknie urok, którym Mikołaj się otacza. Dzisiejszy stan Rosji naturalnym nie jest. Cała ta ćwierć półkóli w koszarnej swej jednostajności, jest oczywiście — tymczasową, chwilową, i przemijającą. Czasokres Petersburski był dla niej szkołą surową, ale też i pożyteczną. Wyrobił wielką jedność, rozwinął olbrzymią siłę, ale wszystko to już dokonane, i dalej postąpić nie może pod komendą kija podoficerskiego przezwanego *bertem Cesarskim*. Wielkim byłoby błędem sądzić, że tron cesarski jest głęboko zakorzenionym w krajowych zwyczajach.

Jest to zwykłym i pospolitym wszystkich monarchii podstępem udawać, że są starodawne, wielowiekowe, ledwo nie przedwieczne. Nadaje im to ową szanowną postawę starożytności, podać i świętobliwości.

Przypomnijmyż sobie, że władza cesarska nie była wcale umocowaną jeszcze w początkach panowania Katarzyny II. Kiedy ta Borgiaszówna Niemiecka odwiedziła Moskwę, dla obmycia się olejkami namaszczenia krwi męża, którą się była okryła, znalazła w tem mieście przyjęcie tak ponure, tak groźne, tak pogardliwe, że pośpieszyła porzucić starą stolicę z ciężarem na sercu i złowróżbnymi przecuciami w myśli. I słusznie uciekała. Gdy całe miasta poczynają się gorszyć, nie topnieją od słońca uczucia w nich nagromadzone, tak, jak lekkie chmurki na letnim błękitcie.

Pugaczew, ów cień zamordowanego Bańki, stanął pod imieniem Piotra III^{go} na czele zbuntowanych Kozaków. Sześć prowincji wyszło dla połączenia się z nim na jego spotkanie. Powstały lud Moskwy, powlókł w ornacie przez ulice, trupa zamordowanego przez niego u ołtarza arcybiskupa. Upłynęło, pamiętajcież o tem, nie więcej jak lat ośmdziesiąt odkąd to się zdarzyło, — a nastąpiło uroczyste zamordowanie Pawła I^{go}, jawne a bezkarne.

Wojna z Napoleonem spopularyzowała Aleksandra; a jednak za jego to panowania zawiązał się spisek olbrzymi Pestla i Murawiewa, który rozgałęzienia miał w pałacu cesarskim a członków w Radzie państwa, i między generałami w wojsku, równie jak w biurach dykasterji rządowych, wśród literatów,

podwładnych, artystów, lekarzy, i nawet wpośród kobiet wysokiego znaczenia.

Szubienice przez Mikołaja wzniesione dla męczenników Rosji, stały się wzniosłymi mównicami dla apostołów wolności. Skryte nurtowanie myśli nowej w głowach i sercach narodu, nie ustało odtąd przez lat całych trzydzieści.

Różnorodne i mgliste żywioły, tęskne przecucia, w część zagranicznego pochodzenia, dojrzewały tymczasem pod grubą warstwą śniegu tego mroźnego i nielitościwego panowania.

Zrozumiano nareszcie, nie tylko w czym wyobrażenia Zachodu podobne były do naszych, ale też w czym się od nich różniły. Myśl rewolucyjna stawała się coraz bardziej u nas Sławiąską, — Rosyjską. Zrozumiano, że przed rozpoczęciem przewidzianej walki, uskuteczyć należało dwa pojednania.

Pierwszego wielkiego pojednania, pierwszego przebaczenia, Rosja rewolucyjna potrzebowała błagać u Rosyjskiego ludu, dotąd wcale niezrozumianego, spotwarzanego, trzymanego w poddaństwie przez oświecone klasy.

To dokonaniem zostało przez to stronnictwo, które coraz bardziej zbliża się do ludu, przez prace swe nad usamowolnieniem włościan wraz z rolą.

Drugim pojednaniem było zawiązanie szczerego przymierza, zupełne zatarcie wspomnień przeszłości, między Rosją a Polską, uznanie przez Rosję bezwzględnej niepodległości Polski, jej zupełnego wszechwładztwa, jej nieograniczonej *samoistości* (autonomii). Polska nie może i nie powinna inaczej być sprzymierzoną z Rosją, jak na zasadzie swej wolności i niepodległości narodowej, — i to nastąpi gdy Rosja zrzuci jarzmo imperializmu. I mogłaby Polska republikancka być sprzymierzeńcem despotycznej Rosji? — W imię czegoż? Wszakże ludy nie sprzymierzają się z mordercami rodziców swych aż chyba po odputowaniu zabójcy za zbrodnię! — Czy w imię jedności rodu? Uważamy kosmopolityzm za bardziej jeszcze nedorzeczny od wyłącznego indywidualizmu; nie sądzymy jednak aby jedność rodowa była dostatecznym węzłem.

Oczywistą jest dzisiaj ta dążność rodu ludzkiego do łączenia się w coraz obszerniejsze jedności; i dlatego to właśnie jedności sztuczne, utrzymywane gwałtem, krwią oblane, muszą się roz-

padać i kruszyć w kawałki. Powinowactwa ludowe i spółczucia muszą być nasamprzód wolnemi aby się wzajem dobrać stosownie. Ilekroć głosowanie nie jest wolnym, niedziw że z niego wypada jakiś Mikołaj.

Wyzwolenie Polski jest połową wyzwolenia Rosji.

Wolna Warszawa jest śmiercią dla cesarskiego Petersburga. Car musi sklep zamknąć. Car może stoczyć wojnę polityczną, wojnę przeciw cudzoziemcowi, ale nie podoła jej przeciw propagandzie rozprzestrzenionej od Bałtyku do Morza Czarnego.

I dla tego to właśnie pracujemy z całego serca nad wzmocnieniem najbardziej braterskiego, najściślejszego przymierza między demokracją Polską a rewolucyjną mniejszością Rosji.

Ci z pomiędzy Rosjan, którzy nie pojmują że niepodległość Polski jest wyzwoleniem Rosji, nie są rewolucjonistami, nie są wolnomyślnymi, nie są z nami.

Ci, którzy niechętnie patrzą na obronę praw terytorialnych, nie chcą tym samym republikańskiego połączenia Ludów Sławińskich.

A. Herzen

Maj, 1854.

ПОЛЬСКО-РУССКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ

(Письмо в редакцию)

Столетий восемь тому назад какие-то монахи, прибывшие из Киева, проповедовали в Новгороде евангелие. Их учение было встречено сочувствием, но народ не хотел принимать христианства, опасаясь мести Перуна, огромное изваяние которого возвышалось над городом на холме у реки. Ибо грозным богом был Перун, владыка грома и молний,—некто вроде Николая из камня. Вместе с несколькими благочестивыми людьми монахи принялись крушить истукана. В страхе смотрел на них народ, но не мешал, и истукан рухнул. Не загремел гром, не выступили воды из берегов, небо не низринувло огня, земля не задрожала. Как сумасшедшие, разразились новгородцы смехом, бросили Перуна в воду, и он утонул в ней, как всякий самый обыкновенный камень.

Такая же судьба может постигнуть и Перуна в юфтовых сапогах в его Зимнем дворце в Петербурге.

Россия, по внешности такая косная, такая пассивная, обычно с удивительной легкостью переходит от одного состояния к прямо противоположному.

В доказательство этого достаточно вспомнить революцию, совершенную Петром I. Кто оставил Россию в 1700 году, не узнал бы ее в 1725 году.

В России и теперь нет недостатка в *монахах*, но только теперь они потихоньку проповедуют свою религию. Длань *православного* Перуна до сих пор владеет громами, и точно — с ним плохие шутки! Однако петербургский царизм уже пережил себя. Национальным он не был никогда. Популярен

ли он по крайней мере? Проявится это с очевидностью при первом же ударе, упавшем на него. При первом же прикосновении смелой руки исчезнут чары, которыми окружил себя Николай. Современное положение России ненормально. Вся эта четверть полушария в ее казарменном однообразии, конечно, явление временное, преходящее. Петербургский период был для России школой суровой, но вместе с тем и полезной. Он создал великое единство, развил огромную силу, но все это уже достигнуто, и дальнейший прогресс под командованием капральской палки, именуемой *императорским жезлом*, невозможен. Большой ошибкой было бы думать, что императорский трон глубоко укоренился в обычаях страны.

Это обычная, весьма распространенная уловка всех монархий выдавать себя за старинное, многовековое, едва ли не вечное установление. Это придает им важный вид древности, предания, святыни.

Вспомним однако, что императорская власть в России не была вполне утверждена еще в начале царствования Екатерины II. Когда эта немецкая Борджиа* посетила Москву, чтобы смыть с себя миром помазания кровь мужа, покрывавшую ее, она встретила в этом городе такой мрачный, грозный и презрительный прием, что поспешила оставить старую столицу с тяжестью в сердце и с зловещим предчувствием. И не без основания бежала она. Когда целые города начинают негодовать, накопленные в них чувства не тают от солнца, как легкие тучи в летней лазури.

Пугачев, эта тень убитого Банко, назвав себя Петром III, стал во главе взбунтовавшихся казаков. Шесть губерний вышли к нему навстречу, соединились с ним. Восставший московский народ волочил по улице в облачении труп убитого им у алтаря архиепископа *. С тех пор, как это случилось, прошло — не забывайте этого — не более восьмидесяти лет; а потом еще произошло торжественное убийство Павла I, явное, безнаказанное.

Война с Наполеоном дала популярность Александру; однако именно в его царствование возник огромный заговор Пестеля и Муравьева, разветвления которого доходили до императорского дворца и членами которого были члены Государственного

совета и военные генералы, равно как и высшие судебные чины, литераторы, чиновники, артисты, врачи и даже знатные женщины.

Виселицы, возведенные Николаем для мучеников России, стали благородными трибунами для апостолов свободы. Скрытое движение новой мысли в головах и сердцах народных не прекращалось с тех пор в течение целых тридцати лет.

Разнородные, неясные стихии, грустные предчувствия, частью заграничного происхождения, зрели тем временем под толстым слоем снега этого ледяного, безжалостного царствования.

В России поняли наконец не только то, в чем умонастроение Запада сходно было с нашим, но и то, в чем оно разнилось от нашего; революционная мысль становилась в нас все более славянской, русской. Поняли мы, что, прежде чем начнется предвидимая борьба, нам должно было осуществить два соглашения.

Первого великого примирения, первого прощения революционная Россия должна была просить у русского народа, до тех пор совершенно не понятого, оклеветанного, находившегося в рабстве у образованных классов.

Это достигнуто той партией, которая все больше сближается с народом путем работы над освобождением крестьян с землею.

Другим примирением было создание искреннего союза, полное забвение бывшего между Россией и Польшей, признание со стороны России безусловной независимости Польши, ее полновластия, ее неограниченной *самостоятельности* (автономии). Польша не может и не должна иначе соединиться с Россией, как на основе своей свободы и национальной независимости,— и это наступит тогда, когда Россия сбросит с себя ярмо императорской власти. Разве могла бы республиканская Польша быть союзницей деспотической России? Во имя чего? Ведь не сходятся же люди с убийцами своих отцов, разве только после того, как убийцы искупят свои преступления! Не во имя ли единства происхождения? Считаю космополитизм еще большей глупостью, чем исключительный индивидуализм, не думаем однако, чтобы единство происхождения было достаточной связью.

Очевидным в наше время является стремление человечества объединиться во все более обширные союзы. И именно поэтому-то искусственные объединения, сдерживаемые насильем, залитые кровью, должны распасться и развалиться на куски. Сродство и сочувствие народов прежде всего должно быть свободным для того, чтобы свершился взаимный соответствующий подбор. И поскольку выбор не свободен, не удивительно, что в результате появляется какой-то Николай.

Освобождение Польши — половина освобождения России.

Свободная Варшава — смерть для императорского Петербурга. Царь должен закрыть свою лавочку. Царь может вести политическую войну, войну против иностранцев, но он бессилен против пропаганды, распространившейся от Балтики до Черного моря.

Потому-то, собственно, мы от всей души и работаем над укреплением самого братского, самого тесного союза между польской демократией и революционным меньшинством России.

Те из русских, кто не понимает, что независимость Польши есть в то же время освобождение России, — не революционеры, не свободомыслящие, они не с нами.

Те, кто несочувственно относится к защите территориальных прав, отрицают тем самым республиканское объединение славянских народов.

Май 1854.

А. Герцен.

«ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ «KÖLNISCHE ZEITUNG»»

Herr Redacteur!

Indem Sie am 12. d. M. die Beschlagnahme meines Werkes über Rußland anzeigen, wiederholen Sie zugleich auf das Zeugnis eines berliner Korrespondenten, daß das beschuldigte Werk «der Sache des Zaren eher *vorteilhaft*, als schädlich sei». Und *deshalb* hat man in Berlin das Buch mit Beschlag belegt? Nun, ich stelle mich selbst und gestehe, daß ich ein russischer Agent bin; ein — wie ich in einer Rede bei einem polnischen Meeting in London sagte (einer Rede, die auch sehr vorteilhaft für den Zaren war):— *zufälliger Repräsentant* des jungen Rußlands, des Rußlands, welches vor Wut bebt... des Rußlands, dessen heiliges Glaubensbekenntnis die völlige Unabhängigkeit Polens, die Vernichtung des Kaisertums von Petersburg und die Schöpfung einer slavischen Föderation ist.

Nach sieben Jahren der Deportation, nach abermals sieben Jahren der Verbannung, habe ich, zum Teil wenigstens, zwei Dinge erreicht, die ich mir vorgenommen hatte. Ich habe der hochmütigen Unwissenheit unserer Nachbarn gezeigt, daß Keime der Zukunft im russischen Volke da sind. Wenn ich mich darin auch irrte, so habe ich wenigstens die Aufmerksamkeit dafür erweckt. Ferner habe ich für meinen Teil eine Batterie gegen den Zaren errichtet — ich habe eine russische Druckerei organisiert, welche unaufhörlich (und das gratis) druckt, und welche der russischen Regierung viel mehr schlechtes Blut als alle Protokolle ihrer Diplomaten macht.

Schließlich muß ich Ihnen sagen, daß die halben Zitationen, welche in dem Artikel vorkommen und teilweise *nicht aus* dem

Buche genommen sind, entweder ganz verfälscht sind oder in einer Weise beleuchtet werden, welche ihren Sinn völlig entstellt. Da, wo ich von der slavischen Föderation spreche, hat man Rußland gesetzt, und unter Rußland versteht man das Rußland, wie *es jetzt ist*. Und das alles um die preußische Polizei zu entschuldigen.

«ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ «KÖLNISCHE ZEITUNG»»

Господин редактор!

12 с. м., сообщая о запрещении моего сочинения о России, вы повторили утверждение берлинского корреспондента*, что запрещенное сочинение служит «скорее *на пользу*, нежели во вред царю». Не *потому ли* в Берлине и наложили запрет на книгу? Теперь я сам являюсь с повинной и признаюсь, что я русский агент, — как я уже сказал однажды в речи на польском митинге в Лондоне* (речи, очевидно, также принесшей большую пользу царю), — *случайный представитель* молодой России, трепещущей от ярости России, той России, символ веры которой — полная независимость Польши, уничтожение петербургской империи и создание славянской федерации.

После семи лет ссылки и еще семи лет изгнания мне удалось, по крайней мере частично, выполнить две поставленные перед собой задачи. Я показал высокомерному невежеству наших соседей, что в русском народе есть зародыши будущего. И если я тут даже и ошибался, то по крайней мере я привлек внимание к этому вопросу. Затем я и сам соорудил батарею против царя — мной организована русская типография, которая непрерывно (и притом бесплатно) печатает и которая портит русскому правительству кровь куда более, чем все донесения его дипломатов.

В заключение я должен сказать вам, что половина цитат, приведенных в статье и частично взятых *не из* книги, либо совершенно фальсифицирована, либо подана с полным искажением их смысла. Там, где я говорю о славянской федерации, поставлена Россия, а под Россией подразумевается *нынешняя* Россия. И все это сделано для того, чтобы оправдать прусскую полицию.

LE DUALISME, C'EST LA MONARCHIE

FRAGMENT

La monarchie et l'église ont une base commune. Cette base, c'est le dualisme, un antagonisme consolidé, arrêté, éternel. C'est l'esprit vivifiant et la matière brute; c'est le prêtre bénissant et le laïque recevant la bénédiction; c'est le juge condamnant et l'accusé subissant son sort...

Le gouvernement ne doit jamais coïncider avec le peuple ou s'en est fait de lui. Le gouvernement, c'est la providence, c'est le *bon pasteur* — le peuple, c'est la masse inerte, c'est le troupeau docile. La monarchie est, à vrai dire, une théocratie. La notion la plus monarchique, c'est la notion de Jéhovah; sans Jéhovah, il peut encore exister des despotes, mais non des monarques, non des rois. Le roi des cieux suppose le roi terrestre et le soutient. Pourquoi, en effet, les hommes n'obéiraient-ils pas à un seul, lorsque toute la nature, tout l'univers, obéissent servilement à un seul.

De là, il résulte clairement que le premier besoin d'une organisation sociale libre — c'est d'effacer complètement toute démarcation entre prêtre et laïque, entre peuple et gouvernement. La monarchie aime toujours à se comparer à l'ordre céleste — la république, plus humble, et tout-à-fait terrestre, doit ressembler à la nature. La nature, c'est l'harmonie et l'anarchie, c'est l'individualisme de chaque être et l'ensemble le plus grand, le plus complet de tous. Le principe de la nature est tout le contraire du dualisme — c'est *l'immanence*.

L'immanence réunit ce que le dualisme sépare; elle n'est ni esprit, ni matière; ni cause séparée de l'effet, ni substance détachée

des phénomènes; l'immanence, c'est la vie se spiritualisant d'un côté, se cristallisant d'un autre. Les lois de la nature ne sont que les conditions mêmes de l'être. Nulle part on ne voit, dans la nature, un doigt impertinent qui montre le chemin, qui ordonne, qui sauve, qui protège...

La monarchie *représente* la providence, et comme telle, elle est toute symbolique. La République, comme la nature, n'est pas une allégorie, c'est la *chose même*; elle ne représente rien, elle est *l'organisme naturel de la vie sociale, son état adulte*. L'autonomie de l'homme n'est pas transmissible du moment qu'elle est reconnue; une République représentative — quelque chose dans le genre d'une église athée — ne pourrait servir que de transition de l'état de l'esclavage monarchique à l'Etat de liberté sociale.

Les essais des républiques *politiques* ont clairement montré que, de la République, elles n'avaient que le nom; elles étaient le mot, le *desideratum*. Elles *représentaient* la souveraineté du peuple; elles ne l'étaient donc pas.

La monarchie doit être basée sur une autorité sacrée, sur une consécration divine, tout au moins sur une conquête. De cette autorité, de cette consécration, doit descendre toute la hiérarchie gouvernementale communiquant à chaque échelon, à chaque zone, un pouvoir relativement souverain, c'est-à-dire divin. Je vois l'huile sacrée, qui marque le front du monarque, sur le front de chaque gendarme et de chaque commissaire de police. La mise en scène est très importante pour la monarchie. La pourpre royale est indispensable au roi, comme l'habit sacerdotal au prêtre. Dshabillez le Pape, mettez-lui un paletot et s'en sera fait de la Papauté.

Le pouvoir monarchique doit être partout *évident* et rappeler, à chaque instant, à la mémoire du *sujet*, qu'il le protège, qu'il lui fait grace. L'action centrale de la République doit rester invisible. La République n'a besoin que de la nécessité évidente du lien social et des conditions naturelles de l'association humaine, conditions tellement essentielles, générales, compréhensibles, que, sans elles, toute société serait impossible. Ces conditions sont obligatoires, non parce qu'on est en république, mais parce que l'on est en société, et parce qu'un homme ne peut les refuter sans se dédire de sa raison. Une République qui exigerait plus, cesserait

d'être une vraie République; car, exiger plus, c'est avoir une *initiative* gouvernementale, un but, c'est reconnaître au gouvernement le droit de nous corriger, de nous éduquer, toutes choses profondément monarchiques. Les hommes libres vont d'eux-mêmes; il ne leur faut ni garde-fou, ni coups d'éperons.

Dans les monarchies, tout se fait par les gouvernements, l'éclairage et le *drainage*, le prix des denrées, l'encouragement des vertus, la protection des arts. Faire accroître aux hommes qu'ils sont imbéciles au point de ne pas être capables de s'occuper de leurs propres affaires, c'est le secret de tout gouvernementalisme. Au contraire, la gestion des affaires publiques, lorsqu'elle ne sortira pas de son rôle *passif*, sera très simple. Les trois quarts de la besogne qui pèse sur les gouvernements, se fera de soi, sans que l'administration centrale en ait connaissance.

Comme la monarchie s'appuie sur la défiance et le mépris de l'homme, la République n'a pour tout dogme et pour toute croyance que la confiance dans la nature humaine. Elle considère l'homme, de même qu'Aristote, comme un *zoon politicon*. Cette confiance dans l'homme fait peur. Le moraliste, le prêtre, le juge nous ont fait accroître que l'homme est, par nature, scélérat. Si nous dormons tranquillement, c'est que nous savons qu'il y a un gouvernement fort, qui veille sur nous, le fusil en main, et qui a le droit de s'imposer à tout homme... raison très suffisante, au contraire, pour ne pas dormir du tout.

Comment! la nature qui a été si logique dans toutes ses productions, qui a si bien adapté tous les animaux au milieu, à la manière d'être de leur existence, — aurait fait de l'homme une absurdité, lui donnant l'instinct de vivre en troupeaux, et lui refusant les qualités nécessaires pour la vie en commun? Quand il se trouverait sur des millions d'hommes normaux un monstre physique ou un monstre moral, cela ne serait pas une raison pour mettre tout le monde sous la surveillance de la police. Lorsqu'on examine les statistiques judiciaires, et qu'on en défalque tous les crimes fantastiques inventés par les législateurs et tous ceux qui sont provoqués par le désordre social, on reste ébahi de la grande moralité des peuples et de l'impudence de leurs pieux calomniateurs, qui nous font peur du diable pour lever la dîme, et de l'homme pour percevoir l'impôt.

On fait l'homme plus mauvais qu'il ne l'est, pour le livrer plus sûrement à l'état.

L'éternelle subordination de l'individu à la société n'est que la continuation des sacrifices humains sous une autre forme. C'est toujours l'agneau qui tombe pour apaiser la colère divine. La religion et la législation ont pour principe l'humiliation de l'individu. Elles demandent toutes deux l'abdication de l'autonomie personnelle en faveur d'une autonomie impersonnelle, abstraite, incompréhensible, en faveur d'un nom collectif, d'un mythe — Dieu — l'Eglise — l'Etat — le Salut Public — l'Assemblée législative — le suffrage universel.

C'est tout-à-fait chrétien et complètement monarchique.

Le christianisme, religion des contradictions par excellence, de la «synthèse des opposés», développa la théorie de l'absorption de l'individu par *l'absolu*, et en créa le système entier (et très conséquent) du suicide moral.

Un des traits distinctifs du christianisme, c'est d'être partout contre-nature, et de confondre, avec préméditation, chaque notion avec la notion diamétralement opposée.

C'est l'égalité, mais devant Dieu.

C'est l'immortalité, mais après la mort.

C'est le monothéisme, mais trinitaire.

La valeur, la dignité de l'homme sont reconnues, mais pour en faire un holocauste encore plus solennel à Dieu. L'église demande, pour prix de la rédemption, le sacrifice le plus complet de sa liberté. Jouant toujours sur l'antithèse, elle prêche la soumission libre, la pauvreté volontaire, la *volupté*¹ des privations les délices de l'abnégation. Ayant perverti de cette manière toutes les notions simples, elle est parvenue naturellement à nous faire bénir la main qui nous frappe (tout en brûlant celle qui la frappait).

Le monde, en redevenant officiellement *mondain*, car il n'avait jamais cessé de l'être tacitement, quitta le jargon du Moyen-Age, en réservant les principes. Les philosophes traduisirent les préceptes de l'église en termes laïques. Au lieu de la charité, on mit la philanthropie; au lieu de l'amour du prochain, l'amour de

¹ Expression de St. Bazile-le-Grand dans une lettre à son ami St. Grégoire-de-Nazianze.

l'humanité; au lieu de «*c'est écrit*», on s'écria «*c'est voté*». Cette moralité exige de l'homme autant de résignation, autant de sacrifice que la religion, sans lui offrir un rêve de paradis pour compensation. En cela, elle est plus pure que l'ancienne, mais aussi plus absurde.

L'église, en disant que notre vie terrestre n'était au fond qu'une plaisanterie, qu'une épreuve, que la véritable naissance, c'est la mort, avait droit de nous rendre la vie dure. Mais la moralité politique et rationaliste ne nous a jamais dit pourquoi chacun devait se sacrifier et qui profiterait du sacrifice *imposé à tous!*

Le dualisme moderne n'est rien que le christianisme élevé à la sphère logique, le christianisme affranchi de la révélation, de la tradition, du mythe, de la poésie; c'est la métaphysique du dogme catholique. La religion avait des mystères; cela intéressait les esprits. Le dualisme laïque leva le voile et laissa un vide immense, sans offrir ni consolation, ni rémunération.

Au fond de toute cette logomachie du dualisme, c'est toujours l'antagonisme entre le créateur qui est bon, et la créature qui ne vaut rien. Ce n'est qu'une traduction, en langue abstraite, du mystère de la Rédemption. Le point principal consiste, comme nous l'avons déjà vu, dans une séparation, dans une distinction forcée, continuelle, de ce qui est *un et indivisible* par sa nature (cause et effet, âme et corps). Cette séparation est urgente comme moyen logique, comme la distinction que l'on fait en mathématiques du point et de la ligne. Mais le dualisme accepte ces opérations de l'entendement pour des réalités, et tâche constamment de vaincre l'un par l'autre, de vaincre le corps par l'esprit, le temporel par l'éternel. *Pereat mundus et fiat justitia!*

Jésus-Christ ne sauve aussi que l'esprit. Le corps, il le terrasse; la chair, il l'enchaîne. L'apôtre Thomas avait bien raison de douter de la *résurrection du corps*.

Le christianisme, partageant l'homme en deux êtres, l'un idéal, angélique, pur, impossible; l'autre grossier, déchu, bestial et malheureusement trop possible, renversa le bon sens moral des pauvres mortels. L'homme ne pouvait ni devenir ange et esprit, ni se défaire de la chair qu'on lui enseignait à mépriser. Il s'habitua *forcément* à vivre dans une lutte continuelle de sa conscience

contre le fait même de son existence. Il se consolait par la sincérité d'un repentir périodique, et s'excusait par la faiblesse de sa nature scélérate. L'église se hâtait d'accepter les excuses et de donner l'absolution; elle y trouvait un moyen facile pour régler les comptes des consciences timorées, pour faire rentrer la paix dans les âmes agitées. Elle craignait que, dans le cas contraire, le désespoir ne lançât les hommes vers un autre ordre de pensées dont on ne se débarrasserait point par de faciles indulgences plénières; les hommes s'habituaient à ce pieux mensonge, à cette hypocrisie demi-naïve et demi-lâche. Ils les transportèrent du confessionnal au *forum*, de la chaire au tribunal. L'éthique, restant catholique, ôta seulement son froc de moine, qui commençait à ennuyer le monde, et se drapa dans la toge antique.

Cet échafaudage pompeux d'une morale des Dimanches, des phrases de parade, ne reste encore debout que par une convention tacite de ménagement et d'indulgence, comme celle qui maintient la république de San Marino. Elle s'appuie sur l'extrême faiblesse du caractère de l'homme moderne. Nous n'osons l'attaquer, cette morale, par fausse honte, par asservissement de conscience, par crainte d'être accusés d'immoralité, d'égoïsme, d'individualisme, de matérialisme. Nous entendons répéter tout ce fatras de maximes morales, nous les répétons nous-mêmes, sans y ajouter une valeur réelle, mais aussi sans protester; excellente manière d'éterniser l'erreur. C'est ainsi que les naturalistes parlent, par politesse, de la Providence, et que les poètes invoquent Apollon et les Muses.

L'habitude de ce petit mensonge de convention est tellement générale, que l'audace d'un homme qui déclare hautement ses scrupules et ses doutes, nous étonne et nous blesse. Nous nous sentons froissés, comme l'humble sujet d'un roi se sent offensé lorsqu'on parle irrévérencieusement de son maître. Pour ne pas exciter cette indignation, nous nous composons une langue officielle; nous nous trompons mutuellement; tout au moins, nous faisons semblant d'être trompés. Nous trompons surtout nos enfants, comme nous avons été trompés par nos pères, et comme ils tromperont les leurs... si la révolution n'intervient pas.

N'est-ce pas égarer l'esprit des autres, et le sien propre, que de répéter à chaque instant que l'homme ne doit pas penser à

soi, qu'il ne doit vivre *que* pour les autres, qu'il n'y a pas de sort *plus beau et plus doux, que de «mourir pour la patrie»*. Mourir pour sa cause, c'est une chose digne, grande,— mais pas du tout un bonheur; c'est un sort *tragique* et très triste; et pourtant, nous sommes tellement habitués à ce jargon déclamatoire, qu'il est presque aussi rare de trouver un homme qui meure pour sa cause, qu'un homme qui ose dire que le sort le plus heureux n'est pas du tout de périr, quel qu'en soit le motif.

Il y a quelque chose d'immoral dans cette comédie; ce mensonge perpétuel avilit l'homme et dégrade le caractère. *Mardi-Gras* vient de passer, nous sommes en plein *Carême* — jetons les masques. Il faut que les hommes avouent, par la parole, leurs actions. C'est peu de nier en cachette, il nous faut l'aveu, la *parole* qui manifeste, généralise, sanctionne.

Le *dualisme* a tellement pénétré dans nos pensées, dans notre manière d'envisager les choses, que nous sommes obligés de faire de grands efforts pour comprendre *simplement* les vérités les plus élémentaires — et nous avons l'air de comprendre facilement les choses les plus absurdes — comme par exemple l'existence de l'âme sans le corps. Notre langue est une langue dualistique; notre fantaisie n'a d'autres images, d'autres métaphores que celles du dualisme. Pendant plus de quinze siècles, tout ce qui enseignait, prêchait, écrivait — était imbu de dualisme. Vers la fin du XVI-e siècle, nous voyons quelques personnes qui commencent à douter du dualisme; mais la plupart, même en doutant, continuaient à se servir des phrases toutes faites du dualisme — comme Bacon, par exemple.

Après les encyclopédistes, après Hume et Kant, on a commencé à parler *humainement* dans les sciences positives; quant à l'éthique, le dualisme y a régné et y règne encore de nos jours.

Le temps est venu d'analyser le sens de ces Livres Sybillins de la morale, et de livrer à la risée du monde leur contenu confus et boursoufflé.

La morale qu'on nous prêche, ne cherche qu'à effacer la personnalité, qu'à faire de l'individu un type, un homme algébrique dénué de passions. On invente des devoirs impossibles, des vertus offensant la nature — aussi ne fait-on que les accepter—on ne les pratique jamais.— Cette négation *pratique* est très grave. Tout

en estimant l'exemple des saints—de ces *ultras* de la religion—les hommes vont leur train, sans se faire le moins du monde *stylite* ou hermite.

Il faut enfin que nos moralistes s'expliquent, et qu'ils nous donnent des raisons; leur sainte indignation ne dit rien à nos cœurs endurcis.

Ils combattent à outrance l'égoïsme, l'individualisme — nous ne comprenons pas l'homme sans égoïsme, la personne sans individualisme: — de même que nous ne comprenons pas l'homme sans sociabilité.

L'homme qui n'aime que *lui* est une monstruosité, comme l'homme qui aimerait *tout* excepté lui-même. L'homme sans sociabilité, serait un orang-outang carnassier, un Caliban anthropophage. L'homme sans égoïsme serait un orang-outang doux, Jacko, un Caliban sentimental.

Nous voulons être libres, heureux; nous voulons être aimés, *parce que* nous sommes égoïstes. On aime toujours pour soi, jamais pour autrui.

La prédication de l'individualisme a été le réveil révolutionnaire de l'humanité assoupie par l'éther du catholicisme. A mon avis, l'égoïsme des voltairiens est plus fraternel que la fraternité des disciples de Rousseau.

Le véritable intérêt *éthique* ne consiste pas dans la proscription de l'égoïsme — qu'on n'absorbera jamais dans la fraternité, — mais bien dans la recherche des moyens de réunir ces deux grands éléments de la vie humaine dans une harmonie où ils puissent s'entre-aider, au lieu de s'entre-déchirer comme dans le monde chrétien.

Les deux grands révélateurs d'une nouvelle morale ont été Saint-Simon et Fourier: l'un a vengé la chair, l'autre les passions.

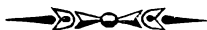
Plus de liberté, plus de confiance dans la nature — et moins de préceptes! La morale qui me force à fraterniser avec *tout* le monde, qui érige en dogme l'amour de l'humanité, ne peut pas se soutenir sérieusement; car il n'y a pas de raison, ni pour aimer, ni pour haïr les autres, par la seule raison qu'ils existent. Le christianisme au moins ne s'arrêtait pas à ces bagatelles et ordonnait fièrement d'aimer ses ennemis plus que soi-même. On a admiré

time de cette maxime pendant dix-huit siècles — il est temps de la comprendre! Pourquoi donc l'homme doit-il aimer nommément ceux qu'il déteste? ou pourquoi rester ennemi des personnes qui sont si *aimables*?

L'homme est social — aimer est si naturel pour lui, qu'il aimera beaucoup; mais aussi, quelquefois il haïra — et ce n'est qu'alors que son amour aura du mérite. La bienveillance est dans le caractère de l'être social — pourquoi donc l'offenser en lui intimant *l'ordre* de faire ce qu'il *veut*. Ce sont de ces moralistes-là, qui trouvent les vertus tellement hideuses, que c'est à leurs yeux un grand mérite que de les pratiquer. La dernière forme de l'esclavage, c'est le dualisme qui sépare l'Homme de la Société, et les représente comme deux ennemis.

Tant qu'il y aura d'un côté l'Archange-Fraternité, et de l'autre le Lucifer-Egoïsme, il y aura un gouvernement pour les mettre d'accord, des juges pour récompenser les vertus, des bourreaux pour punir les crimes, une église pour nous réconcilier avec Dieu, un Dieu pour nous faire peur — et un commissaire de police pour nous arrêter.

Londres, le 29 novembre 1854.

ДУАЛИЗМ — ЭТО МОНАРХИЯ

ОТРЫВОК

Монархия и церковь имеют общую основу. Эта основа — дуализм, утвердившийся, установившийся, вечный антагонизм. Это животворящий дух и грубая материя; это благословляющий священнослужитель и мирянин, принимающий благословение; это осуждающий судья и обвиняемый, покоряющийся своей судьбе...

Правительство никогда не должно отождествляться с народом — иначе оно перестанет существовать. Правительство — это провидение, это *добрый пастырь*; народ — это инертная масса, послушное стадо. Монархия, в сущности говоря, — это теократия. Наиболее монархическое понятие — это понятие Иеговы; без Иеговы могут еще существовать деспоты, но не монархи, не короли. Небесный владыка предполагает существование владыки земного и поддерживает его. Почему, в самом деле, людям не подчиняться единому, если вся природа, весь мир рабски послушны единому?

Отсюда ясно следует, что для свободной социальной организации прежде всего требуется полностью стереть всякую грань между священнослужителем и мирянином, между народом и правительством. Монархия всегда любила приравнивать себя к небесному порядку; республика, более смиренная и совсем земная, должна уподобиться природе. Природа — это гармония и анархия, это особенное каждого отдельного существа и в то же время величайшее и наиболее совершенное всеобщее. Принцип природы полностью противоположен дуализму — это *имманентность*.

Имманентность соединяет то, что разъединяется дуализмом; она не есть ни дух, ни материя, ни причина, отделенная от следствия, ни субстанция, отрешенная от своих проявлений; имманентность — это жизнь, одухотворяющаяся, с одной стороны, и кристаллизующаяся — с другой. Законы природы — не что иное, как самые условия бытия. В природе нигде не видно назойливого перста, указующего дорогу, повелевающего, спасающего, покровительствующего...

Монархия *представляет* провидение, и как таковая она исполнена символов. Республика, как и природа, не является аллегорией, она есть *вещь сама по себе*, она ничего не «представляет», она — *естественная организация общественной жизни, ее зрелое состояние*. Человеческая автономия с момента ее признания не может быть передаваема; представительная республика — нечто вроде атеистической церкви — может служить лишь переходом от состояния монархического рабства к состоянию общественной свободы.

Опыт политических республик ясно показал, что они были республиками лишь по названию, что они были лишь словом, desideratum¹. Они только *представляли* суверенитет народа; они, следовательно, не были его воплощением.

Монархия должна быть основана на священном авторитете, на божественном освящении, по меньшей мере — на завоевании. Из этого авторитета, из этого освящения должна исходить вся правительственная иерархия, сообщающая каждой ступени ее, каждой зоне относительно верховную, т. е. божественную власть. Я вижу священное миро, которым помазано чело монарха, на лбу каждого жандарма и каждого комиссара полиции. Обстановка чрезвычайно важна для монархии. Королевская порфира так же необходима королю, как ризы священнослужителю. Снимите облачение с папы, наденьте на него пальто — и с папством будет покончено.

Монархическая власть всюду должна быть осязательна и должна каждую минуту напоминать подданным о своем покровительстве, о своем благоволении. Основное действие республики должно оставаться незаметным. Республика ну-

¹ желаемым (лат.). — *Ред.*

ждается лишь в наличии явно необходимой социальной связи и естественных условий человеческого сообщества,—условий, настолько существенных, всеобщих, понятных, что без них само общество было бы невозможно. Эти условия обязательны не потому, что это республика, а потому, что это общество, потому, что человек не может их отвергнуть, не отказавшись от своего разума. Республика, потребовавшая большего, уже перестает быть подлинной республикой; ибо желать большего—это значит брать на себя правительственную *инициативу*, ставить себе определенную цель, признать за правительством право исправлять нас, воспитывать нас—все понятия глубоко монархические. Свободные люди двигаются сами, им не нужно ни перил, ни шпор.

При монархии правительство заботится обо всем: об освещении, *дренаже*, ценах на продовольствие, о поощрении добродетели, о покровительстве искусствам. Уверить людей, что они до такой степени слабоумны, что не могут заниматься своими собственными делами,—в этом секрет всякого гувернементализма¹. Наоборот, управление общественными делами, поскольку оно не будет выходить за пределы своей *пассивной* роли, чрезвычайно упростится. Три четверти дел, возложенных на правительство, будет делаться само собой, без ведома центральной администрации.

Если монархия опирается на недоверие и презрение к человеку, то единственным догматом и упованием республики является вера в человеческую природу. Она рассматривает человека, подобно Аристотелю, как *зоон politicon*². Эта вера в человека внушает страх. Моралист, священник, судья — все постарались убедить нас в том, что человек по природе своей негодяй. Если мы спим спокойно, то потому только, что знаем, что существует сильное правительство, которое бодрствует над нами с ружьем в руке, и что оно может наложить свою руку на каждого человека... основание, вполне достаточное, чтобы, наоборот, совсем не спать.

Как! Неужели природа, которая была так логична во всех своих творениях, так хорошо приспособила всех животных

¹ самовластия (франц. *gouvernementalisme*). — *Ред.*

² общественное существо (лат.). — *Ред.*

к их среде и образу жизни, создала вдруг из человека нелепость, внушив ему инстинкт стадной жизни и отказав ему в то же время в качествах, необходимых для общественного существования? Если среди миллионов нормальных людей может найтись один урод физический или урод нравственный, то это еще не основание для того, чтобы отдать все человечество под надзор полиции. Если исследовать судебную статистику и исключить из нее все преступления фантастические, выдуманные законодателями, как и все преступления, вызванные общественным неустройством, то нельзя не поражаться великой нравственности народов и бесстыдству благочестивых клеветников, пугающих нас дьяволом, чтобы взыскать десятину, и человеком, чтобы взимать налоги.

Человека изображают гораздо хуже, чем он есть, чтобы тем надежнее отдать его в руки правительства.

Вечное подчинение человека обществу есть не что иное, как продолжение человеческих жертвоприношений в другой форме. Все тот же агнец гибнет, чтобы умиловить гнев божий. Религия и законодательство возводят в принцип унижение личности. Они требуют отречения от личной воли в пользу воли безличной, абстрактной, непонятной, в пользу коллективного имени, мифа — Бога — Церкви — Государства — Общественного блага — Законодательного собрания — Всеобщего голосования.

Это совершенно по-христиански и вполне монархично.

Христианство, религия противоречий по преимуществу, религия «синтеза противоположностей», развило теорию поглощения личности *абсолютно* и создало целую систему (и очень последовательную) морального самоубийства.

Одна из отличительных черт христианства — его постоянное противоречие природе и преднамеренное смешение каждого понятия с диаметрально ему противоположным.

Это — равенство, но перед богом.

Это — бессмертие, но после смерти.

Это — монотеизм, но в троице.

Ценность, достоинство человека признаются, но лишь затем, чтобы принести их еще более торжественно в жертву богу. Как цену искупления церковь требует жертвы — полного отречения от свободы. Играя всегда на антитезах, она проповедует

свободное подчинение, добровольную нищету, *сладогострастие* воздержания¹, наслаждение самоотречением. Извратив таким образом все простые понятия, она, естественно, достигла того, что заставила нас благословлять руку, которая бьет нас (сжигая в то же время ту, которая била ее).

Мир, снова сделавшись *официально светским*, ибо он втихомолку не переставал таким быть, отбросил средневековый жаргон, сохранив средневековые принципы. Философы перевели церковные заповеди на светский язык. Вместо милосердия появилась филантропия; вместо любви к ближнему — любовь к человечеству; вместо того чтобы сказать *«это предписано»*, воскликнули *«это принято»*. Эта мораль требует от человека той покорности и тех же жертв, что и религия, не предоставляя ему в то же время награды в виде мечты о рае. В этом смысле она более чиста, чем прежняя религия, но и более нелепа.

Утверждая, что наше земное бытие в сущности лишь на-смешка, испытание и что настоящее рождение — это смерть, церковь имела право сделать нам жизнь тяжелой. Но политическая и рационалистическая мораль никогда нам не говорила, для чего каждый должен жертвовать собой и кто воспользуется жертвой, *предписанной* всем.

Современный дуализм есть не что иное, как христианство, возвысившееся до логической сферы, — христианство, освобожденное от откровения, традиции, мифа, поэзии; это метафизика католической догмы. Религия имела тайны; это занимало умы. Светский дуализм приподнял завесу и оставил громадную пустоту, не давая ни утешения, ни награды.

В основе всех этих словопрений дуализма лежит антагонизм между добрым творцом и никуда негодным творением. Это не что иное, как перевод на абстрактный язык тайны искупления. Основная сущность, как мы уже это видели, состоит в раздвоении, в вынужденном постоянном разделении того, *что едино и неделимо* по своей природе (причина и следствие, душа и тело). Это разделение необходимо в логике, подобно различению линии и точки в математике. Но дуализм принимает этот процесс восприятия за реальность и беспрестанно

¹ Выражение св. Василия Великого в письме к его другу св. Григорию Назианскому.

старается победить одно посредством другого, победить тело духом, временное вечным. *Perreat mundus et fiat justitia*¹.

Иисус Христос спасает только дух; тело он поражает, плоть он порабощает. Апостол Фома имел полное основание сомневаться *в воскресении тела* *.

Разделив человека на два существа: одно — идеальное, ангельское, чистое, невозможное, другое — грубое, опустившееся, скотское и, к сожалению, слишком возможное, — христианство сбило с толку моральный здравый смысл бедных смертных. Человек не мог сделаться ни бесплотным ангелом, ни избавиться от плоти, которую его учили презирать. Он насильственно приучился жить в постоянной борьбе своей совести с самим фактом своего существования. Он утешался искренностью периодического раскаяния и оправдывался слабостью своей нечестивой природы. Церковь, торопилась принимать извинения и давать отпущения грехов: этим она обретала легкое средство приводить в равновесие богобоязненную совесть и умиротворять взволнованные души. Она боялась, что в противном случае отчаяние может натолкнуть людей на мысли другого рода, от которых будет невозможно так легко избавиться полным отпущением всех грехов. Люди привыкли к этой богобоязненной лжи, к этому полунаивному и полутрусливому лицемерию. Они перенесли его из исповедальни на *форум*, с кафедры в трибунал. Этика, оставаясь католической, сняла с себя лишь монашескую рясу, которая начинала надоедать миру, и задрапировалась в античную тогу.

Это торжественное построение воскресной морали, эта напыщенная фразеология остается в силе лишь благодаря молчаливому соглашению о снисхождении и пощаде, напоминающему соглашение, поддерживающее республику Сан-Марино *. Оно опирается на крайнюю слабость характера современного человека. Мы не смеем нападать на эту мораль из ложного стыда, вследствие порабощенности нашей совести, из страха быть обвиненными в безнравственности, эгоизме, индивидуализме, материализме. Мы слышим, как повторяются вороха правил морали, мы сами их повторяем, не придавая им реального зна-

¹ Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие (лат.). — *Ред.*

чения, но не протестуя против них, — прекрасный способ увековечивать заблуждения. Так естествоиспытатели говорят из вежливости о провидении, а поэты взывают к Аполлону и музам.

Привычка к этой незначительной условной лжи настолько присуща всем, что смелость человека, громко заявляющего о своих сомнениях и недоумениях, нас удивляет и оскорбляет. Мы чувствуем себя задетыми, подобно смиренному подданному короля, чувствующему себя оскорбленным, когда непочтительно говорят о его господине. Чтобы не возбуждать такого негодования, мы изобретаем официальный язык; мы взаимно обманываем друг друга; по крайней мере, мы делаем вид, что обмануты. Мы обманываем главным образом наших детей, так же, как нас обманывали наши отцы, и так же, как наши дети будут обманывать своих детей... если не вмешается революция.

Разве это не называется вводить в заблуждение чужие умы и свой собственный, повторяя ежеминутно, что человек не должен думать о себе, что он должен жить *только* для других, что нет судьбы *более сладостной и более прекрасной, чем «умереть за родину?»* Умереть за свою идею — великое достойное дело, но это вовсе не счастье; это *трагический и очень печальный жребий*; а между тем мы так привыкли к этому декламаторскому жаргону, что почти так же трудно найти человека, погибающего за идею, как человека, смеющего сказать, что высшее счастье вовсе не в том, чтобы погибнуть по каким бы то ни было мотивам.

Есть нечто безнравственное в этой комедии; эта постоянная ложь унижает человека и опошляет его характер. *Карнавал* прошел, наступил *великий пост* — сбросим маски. Надо, чтобы люди громко признали свои поступки. Мало отрицать втихомолку, нам необходимо признание, необходимо *слово*, вещающее, обобщающее, подтверждающее.

Дуализм настолько проник в наши мысли, в нашу манеру смотреть на вещи, что мы должны сделать большое усилие, чтобы *просто* воспринимать самую элементарную истину, — и в то же время кажется, будто мы легко воспринимаем самые нелепые вещи — как, например, существование души без тела. Наш язык — язык дуалистический; наша фантазия не знает других образов, других метафор, кроме дуалистических.

IMPRIMERIE RUSSE A LONDRES. 1

“L'organisation d'une imprimerie russe hors de la Russie est l'acte le plus révolutionnaire qu'un Russe puisse faire—pour le moment. Telle est ma conviction la plus profonde.”

A. HERZEN.

Lettre à la Centralisation Polonaise à Londres,

20 Mai, 1853.

Nous avons annoncé au Mois de Février 1853 notre intention d'ouvrir une Imprimerie russe à Londres, pour donner une libre tribune à la pensée russe, pour dévoiler les actes monstrueux du gouvernement de St. Pétersbourg.

Nous avons en même temps invité tous les Russes—aimant leur pays, mais aimant aussi la liberté,—à nous envoyer des manuscrits. Nous étions même prêts à les imprimer à nos frais, au cas où leur publication pourrait être utile à la propagande.

Ce projet s'est réalisé. Depuis le 1er Juin 1853, notre presse n'a point chômé, malgré les graves difficultés que la guerre a dû faire naître, en entravant beaucoup plus les voies de communication. Nous avons écrit, nous avons fait imprimer; nos amis de la Centralisation démocratique Polonaise ont répandu les publications sur les bords de la mer Noire, et de la mer Baltique—nos soldats (ce sont les prisonniers Russes qui le racontent,) ont trouvé nos feuilles volantes, en quittant les îles Aïand. Le mur chinois élevé par le Tsar autour de la Pologne ne les a pas empêchées non plus d'y pénétrer.

Nous réitérons aujourd'hui la prière de nous envoyer des manuscrits* et nous demandons la permission de mettre sous les yeux du lecteur le compte rendu de ce qu' a fait l'imprimerie en une année et demie.

* Qui doivent être nécessairement affranchis.

В течение пятнадцати веков все, что училось, проповедовалось, писалось,— все было пропитано дуализмом. В конце XVI века мы видим людей, начинающих сомневаться в дуализме; но большинство, даже сомневаясь, продолжает пользоваться дуалистической фразеологией — как, например, Бэкон.

После энциклопедистов, после Юма и Канта в позитивные науки стал проникать *человеческий* язык; что касается этики, то там господствовал и поныне господствует дуализм.

Пришло время проанализировать смысл Сивиллиных книг* морали и выставить на посмеяние человечества их темное и напыщенное содержание.

Мораль, которую нам проповедают, стремится лишь к тому, чтобы уничтожить личность, сделать из индивида тип, алгебраического человека, лишённого страстей. Изобретают невозможные обязанности, добродетели, оскорбляющие природу,— поэтому их лишь принимают, никогда не применяя на практике. Это *практическое* отрицание чрезвычайно важно. Уважая пример святых — этих «ультра религии»*, — люди продолжают идти своим путем, меньше всего думая сделаться пустынноиками или отшельниками.

Нужно, наконец, чтобы наши моралисты объяснились, чтобы они поведали нам свои доводы; их священное негодование ничего не говорит нашим ожесточившимся сердцам.

Они вызывают на смертный бой эгоизм, индивидуализм, мы же не понимаем человека без эгоизма, личность без индивидуализма — подобно тому, как мы не понимаем человека без чувства социальности.

Человек, любящий только *самого себя*, чудовищен так же, как человек, любящий *всех*, кроме самого себя. Человек без социального инстинкта был бы подобен плотоядному орангутангу, Калибану-людоеду. Человек, лишённый эгоизма, был бы подобен кроткому орангутангу, Жако*, сентиментальному Калибану.

Мы хотим быть свободными, счастливыми; мы хотим быть любимыми, *потому что* мы эгоисты. Любят всегда для себя, никогда для других.

Проповедь индивидуализма означала революционное пробуждение человечества, усыпленного эфиром католицизма.

По моему мнению, в эгоизме вольтерянцев больше братства, чем в братстве учеников Руссо*.

Истинное значение этики заключается не в том, чтобы изгонять эгоизм — братство никогда не поглотит его, — а в том, чтобы найти возможность соединения этих двух великих элементов человеческой жизни в гармонию, где они могли бы помогать друг другу, вместо того чтобы терзать друг друга, как это делается в христианском мире.

Двумя великими провозвестниками новой морали были Сен-Симон и Фурье; один отомстил за плоть, другой за страсти*.

Больше свободы, больше веры в природу — и поменьше наставлений! Мораль, заставляющая меня брататься со *все*м миром, возводящая в догму любовь к человечеству, не может поддерживаться серьезно; ибо нет оснований ни любить, ни ненавидеть кого-нибудь лишь потому, что он существует. Христианство, по крайней мере, не останавливалось на таких безделицах, оно гордо повелевало любить врагов более самого себя. В течение восемнадцати веков восхищались величием этого положения — пора его понять. Почему, собственно говоря, человек обязан любить именно тех, кого он ненавидит? Или почему надо оставаться врагом людей, которые так любезны?..

Человек социален — любить так естественно для него, что он будет много любить, но иногда он будет и ненавидеть; и только тогда его любовь будет ценна. Доброжелательность — в характере общественного существа, зачем же оскорблять это чувство, *предписывая* человеку делать то, что он сам *хочет*. Бывают такие моралисты, для которых добродетели настолько отвратительны, что, на их взгляд, большой заслугой является следовать им. Последняя форма рабства — это дуализм, отделяющий человека от общества и изображающий их как двух врагов.

Пока будет существовать с одной стороны Архангел-Братство и с другой — Люцифер-Эгоизм, будут существовать правительство, чтобы их примирять, судьи, чтобы награждать добродетель, палачи, чтобы наказывать за преступления, церковь, чтобы примирять нас с богом, бог, чтобы внушать нам страх, и комиссар полиции, чтобы нас подвергать аресту.

Лондон, 29 ноября 1854 г.

IMPRIMERIE RUSSE À LONDRES

«L'organisation d'une imprimerie russe hors de la Russie est l'acte le plus révolutionnaire qu'un Russe puisse faire pour le moment. Telle est ma conviction la plus profonde».

A. *Herzen*. Lettre à la Centralisation Polonaise à Londres, 20 Mai 1853.

Nous avons annoncé au mois de février 1853 notre intention d'ouvrir une imprimerie russe à Londres, pour donner une libre tribune à la pensée russe, pour dévoiler les actes monstrueux du gouvernement de St. Pétersbourg.

Nous avons en même temps invité tous les Russes—aimant leur pays, mais aimant aussi la liberté,— à nous envoyer des manuscrits. Nous étions même prêts à les imprimer à nos frais, au cas où leur publication pourrait être utile à la propagande.

Ce projet s'est réalisé. Depuis le 1-er juin 1853 notre presse n'a point chômé, malgré les graves difficultés que la guerre a dû faire naître, en entravant beaucoup plus les voies de communication. Nous avons écrit, nous avons fait imprimer; nos amis de la Centralisation démocratique Polonaise ont répandu les publications sur les bords de la mer Noire et de la mer Baltique — nos soldats (ce sont les prisonniers Russes qui le racontent) ont trouvé nos feuilles volantes, en quittant les îles Aland. Le mur chinois élevé par le tzar autour de la Pologne ne les a pas empêchées non plus d'y pénétrer.

Nous réitérons aujourd'hui la prière de nous envoyer des

manuscripts¹ et nous demandons la permission de mettre sous les yeux du lecteur le compte rendu de ce qu'a fait l'imprimerie en une année et demie.

Voilà le titre de nos publications en langue russe:

Iscander (A. Herzen). *Юрьев день, Юрьев день!* (La journée de S. Youry, adressée à la noblesse russe).

Поляки прощают нас (Les Polonais nous pardonnent).

Русским воинам в Польше (Aux soldats russes en Pologne).

Крещеная собственность (La Propriété baptisée), 8-vo, 30 p.

Прерванные рассказы (Récits interrompus), 12-мо, 197 p.

Тюрьма и ссылка (Prison et exil), 12-мо, 196 p.

Письма из Франции и Италии (Lettres de la France et de l'Italie) 12-мо, 336 p.

С того берега (De l'autre rive). Paraîtra le mois prochain.

V. A. Два видения св. Кондратия (Deux visions de St. Condrace).

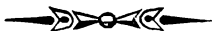
Два письма Е. Пугачева (Deux lettres de Pougatcheff).

N. Sasonoff. Голос с чужбины (Aux prisonniers russes en France).

** Русский бог (Le dieu des russes, poésie).

On peut s'adresser directement à l'Imprimerie russe, 82, Judd street, Brunswick Square, Londres, à M. L. Czerniecki; également à Londres, à M. Trübner & Co, 12 Paternoster Row; à M. Thimm, 3, Brooke street, Grosvenor Square; à Paris, à M. A. Franck, 96, rue Richelieu, Librairie étrangère.

¹ Qui doivent être nécessairement affranchis.

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ В ЛОНДОНЕ

«Основание русской типографии вне России является в настоящий момент наиболее революционным делом, какое только русский может предпринять. Таково мое глубочайшее убеждение».

А. Герцен. Письмо к Польской Централизации в Лондоне, 20 мая 1853.

В феврале 1853 мы объявили о своем намерении открыть в Лондоне русскую типографию *, чтобы дать русской мысли свободную трибуну, чтобы разоблачать чудовищные деяния петербургского правительства.

Мы тогда же призывали всех русских, любящих не только свою родину, но и свободу, присылать нам свои рукописи. Мы были готовы печатать эти рукописи на свой счет, в случае если их обнаружение могло оказаться полезным для дела пропаганды.

Этот замысел осуществился. С 1 июня 1853 наш печатный станок не прекращал работу, несмотря на все осложнения, порожденные войной, еще более затруднившей пути сообщения. Мы писали, мы печатали; наши друзья из Польской Демократической Централизации распространяли наши издания на берегах Черного и Балтийского морей *; наши солдаты (по словам русских пленных), покидая Аландские острова, нашли там наши летучие листки. Китайская стена, которую царь воздвиг вокруг Польши, не помешала нашим листкам проникнуть и туда *.

Мы повторяем теперь просьбу присылать нам рукописи¹ и просим позволения представить читателю отчет о деятельности типографии за полтора года.

Вот список наших изданий на русском языке:

Iscander (A. Herzen). Юрьев день, Юрьев день! (La journée de S. Youry, adressé à la noblesse russe)².

Поляки прощают нас (Les Polonais nous pardonnent).

Русским воинам в Польше (Aux soldats russes en Pologne).

Крещеная собственность (La propriété baptisée).
8—vo, 30 p.

Прерванные рассказы (Récits interrompus), 12-мо,
197 p.

Тюрьма и ссылка (Prison et exil), 12-мо, 196 p.

Письма из Франции и Италии (Lettres de la France et de l'Italie) 12-мо, 336 p.

С того берега (De l'autre rive). Paraîtra le mois prochain³.

V. A. Два видения св. Кондратия (Deux visions de St. Condrace).

Два письма Е. Пугачева (Deux lettres de Pougatcheff).

N. Sasonoff. Голос с чужбины (Aux prisonniers russes en France)⁴. Русский бог (Le dieu des russes, poésie)⁵.

Можно непосредственно обращаться в русскую типографию, 82, Judd street, Brunswick Square, Londres, à M. L. Czerniecki; également à Londres, à M. Trübner & Co, 12 Paternoster Row; à M. Thimm, 3, Brooke street, Grosvenor Square; à Paris, à M. A. Franck, 96, rue Richelieu, Librairie étrangère.

¹ Которые непременно должны быть франкированы.

² Юрьев день, адресовано русскому дворянству (франц.). — *Ред.*

³ Появится в будущем месяце (франц.). — *Ред.*

⁴ Русским военнопленным во Франции (франц.). — *Ред.*

⁵ Русский бог, стихотворение (франц.). — *Ред.*

1 8 5 5

REPLY TO MR. GOLOVIN

TO THE EDITOR OF «THE MORNING ADVERTISER»

Sir,— You have inserted in your columns a letter in which the writer, availing himself of my German name, denies my Russian origin.

An illegitimate son of Jean Yakovleff I do not go by my father's name, but by the name he has thought proper to give me.

I was born in Moscow, have been educated in the University of that town and have spent my whole life in Russia till the year 1847.

A Russian by birth, a Russian by education; and, allow me to add, in spite, or rather in consequence, of the present state of affairs, a Russian in heart, I think it my duty to claim loudly in Europe a birthright which I was never denied in Russia, neither by the revolutionary party which adopted me, nor by the czar who persecuted me.

As for the fact of my being elected by the International Committee to represent the Russian revolutionary party, I think the Committee themselves better calculated to answer for it.

I remain, sir, yours truly

Alexander Herzen.

Twickenham, Richmond House, Feb. 14, 1855.

ПЕРЕВОД

ОТВЕТ Г-НУ ГОЛОВИНУ

ИЗДАТЕЛЮ «THE MORNING ADVERTISER».

Милостивый государь! Вы поместили в вашей газете письмо, в котором автор, воспользовавшись моей немецкой фамилией, отрицает мое русское происхождение.

Незаконный сын Ивана Яковлева, я ношу не фамилию моего отца, а ту фамилию, которую он счел нужным мне дать.

Я родился в Москве, учился в университете этого города и всю свою жизнь, вплоть до 1847 г., провел в России.

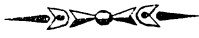
Русский по рождению, русский по воспитанию и, позвольте прибавить, вопреки или скорее благодаря теперешнему положению дел, русский всем своим сердцем, я считаю своим долгом требовать в Европе признания моего русского происхождения, что никогда не ставилось даже под сомнение в России ни со стороны признававшей меня революционной партии, ни со стороны царя, преследовавшего меня.

Что же касается того, что Международный комитет избрал меня представителем русской революционной партии, то полагаю, что Комитет сам намерен нести за это ответственность.

Остаюсь, милостивый государь, преданный Вам

Александр Герцен.

Твикенхэм, Ричмонд Хауз, 14 февраля 1855 г.

DISCOURS D'ALEXANDRE HERZEN,
EXILÉ RUSSE, PRONONCÉ AU MEETING TENU
LE 27 FÉVRIER 1855 DANS ST.-MARTIN'S HALL,
À LONDRES, EN COMMÉMORATION DES GRANDS
MOUVEMENTS RÉVOLUTIONNAIRES DE 1848

Citoyens,

Lorsque le Comité International m'invita à prendre la parole, j'hésitai un instant. Je reculai devant la difficulté de parler au nom de la minorité révolutionnaire en Russie, au milieu des bruits de la guerre, au milieu des passions frémissantes et d'un deuil saint et profond. J'en fis part au Comité. Il m'invita encore une fois de la manière la plus fraternelle, et j'eus comme un remords de cet instant de doute et de manque de foi.

La guerre s'agite et gronde dans un autre monde. Elle expire devant cette porte, devant cette salle où les hommes, proscrits de tous les pays, se réunissent aux Anglais libres du préjugé du leur, au nom d'un souvenir et d'une espérance, au nom de ceux qui souffrent.— C'est ainsi que les chrétiens des premiers siècles se réunissaient dans leurs humbles banquets, tranquilles et se-reins... tandis que l'orage déchaîné par les Césars et les prétoriens secouait les vieux fondements de l'Empire romain. (Applaudissements).

Dans cette fête de la fraternité des peuples, il ne fallait pas qu'une voix russe manquât; car, outre le tzar, il y a un peuple; outre la Russie officielle et despotique, il y a une Russie souffrante et malheureuse; outre la Russie du Palais d'hiver — il y a une Russie des casernes. C'est au nom de celle-ci qu'une voix russe devait se faire entendre ici.

J'ai hâte de dire que je n'ai aucun mandat pour représenter l'émigration Russe,— il n'y a pas d'émigration Russe organisée. Mon mandat—c'est ma vie entière, c'est ma sympathie pour le peuple Russe, c'est ma haine contre le tzarisme.

Oui, citoyens, j'ai la hardiesse de le dire, je crois représenter la pensée révolutionnaire russe,— parmi vous, j'ai droit à la parole—c'est mon cœur, c'est ma conscience qui me le disent. (Applaudissements prolongés. — Bravos).

Il y a six ans que j'ai commencé mes publications sur la Russie. Etourdi par une réaction sauvage, on m'écoutait alors avec indulgence. Les temps ont changé; l'esprit martial qui se développa avec la guerre, particulièrement dans quelques feuilles allemandes, devint despotiquement intolérant.

On m'accusa de mes sympathies slaves. On m'en voulut de mes espérances, de mon activité même... Des articles traversèrent deux fois l'Océan, portant des incriminations; d'autres reçurent l'immense honneur d'être répétés par le «Moniteur» de France.

Avant nous, on n'a jamais demandé à aucun exilé de détester sa race, sa nation. A vous, citoyens proscrits, on vous ôte votre présent; à nous, on nous ôte aussi l'avenir; on veut tuer chez nous jusqu'à l'espérance.

Si je haïssais le peuple russe, si je désespérais de lui,— je ne serais pas ici... un peuple libre et républicain m'a donné le droit de cité, j'y resterais sans m'occuper d'un pays qui n'avait que des persécutions pour moi. (Applaudissements).

Cette confusion est très étrange.

Le règne de Nicolas s'ouvre par une conspiration formidable. Il passe sous l'arc triomphal de cinq gibets, pour aller se couronner à Moscou. Des centaines de conspirateurs, la chaîne aux pieds, vont aux mines. Des fournées de jeunes gens les suivent à courts intervalles et disparaissent en Sibérie...tout cela passe inaperçu; tandis que la figure insolente du despotisme incarné, réfléchit sur nous — les persécutés — un peu de cette haine, qu'il a si bien méritée.

On s'obstine à dire que les éléments du progrès, en Russie, ne sont qu'une fiction de quelques têtes exaltées.

Je sais, citoyens, que vous croyez à l'existence d'un parti

révolutionnaire en Russie: autrement, mon apparition à cette tribune serait une absurdité. Mais la majeure partie des personnes dites radicales tâche de ne pas y croire... Ils en ont assez de la solidarité et de la fraternité des peuples brevetés comme révolutionnaires, inscrits sur leurs registres. On ferme les yeux pour ne pas voir.

Si je pense à ce brave orateur du genre humain, Anacharsis Cloutz, qui tatoua lui-même un de ses cousins, pour qu'un délégué d'Otahiti ne manquât pas à une des fêtes de la République, il est impossible de ne pas convenir que la fraternité des peuples n'a pas beaucoup marché depuis ce temps.

Nicolas nous pend, nous envoie en Sibérie, nous jette dans les casemates; mais au moins il ne doute pas de notre existence: au contraire, il nous surcharge de ses marques d'attention.— Vous devez me pardonner, citoyens,— c'est pour la première fois de ma vie que je cite cette autorité comme exemple.

Mais on nous dit que nous autres, par contre, nous ne croyons ni à la force ni à l'organisation actuelle de l'Europe. Certainement non.— Et vous — est-ce que vous y croyez?

Le fait est que, sortant de la prison, revenant de l'exil, le russe, habitué au culte de l'Europe, s'y précipite avec foi, plein d'illusions, et trouve partout d'autres éditions du tzarisme, des variations, à l'infini, sur le thème Nicolas — et il ose le dire— voilà le grand malheur!

On nous en veut, à nous, témoins depuis les journées de Juin 48, de cette réaction hideuse, dépassant tout ce que le pessimisme le plus noir a pu s'imaginer — on nous en veut pour nos sanglots, pour des moments de désespoir et de rage, dans lesquels on ne trouve rien dans son âme que des doutes,— sur ses lèvres que des mots amers et des malédictions.

Il fallait les cacher?

Et pourquoi devons-nous courtiser ce vieux monde féodal, ce monde de routine, qui vous écrase les premiers, qui entasse partout les cadavres du passé pour arrêter l'avenir.

Les rois ont assez perdu par les flatteries et les réticences.— Veut-on que les peuples passent aussi par cet énervement?

Supposons même que nos opinions soient exagérées, erronées, d'où a-t-on le droit d'en soupçonner la sincérité?

On n'en finit pas avec les erreurs en les dénonçant comme schismatiques et panslaves—ou, pire encore, en les salissant par des allusions infâmes et calomnieuses.

Vous me pardonnerez, citoyens, ces détails; j'en avais le cœur gros. Je n'ai rien répondu aux attaques; une haute convenance, un décorum de délicatesse que vous apprécierez facilement, m'imposait le silence pendant la guerre. Mais il me semblait impossible de monter à cette tribune, sans avoir touché ce triste sujet.

Maintenant, laissant la lutte des empereurs et des journaux, regardons ce qui se passe dans l'intérieur de ce pays muet qu'on appelle la Russie.

Il y a chez nous deux courants révolutionnaires: l'un en haut, l'autre en bas. L'un éminemment négatif, dissolvant, détestant l'absolutisme, éparpillé en petits cercles, mais prêt à former une grande conspiration, actif, remuant. L'autre, plutôt plastique, organique, en état de germe, mais somnolent et apathique. Je parle de la jeune noblesse et de la commune rurale, cette alvéole de tout le tissu social, cette monade vivifiante de l'état Slave.

Sur leurs épaules, écrasant les uns, exténuant les autres, se dresse le monstre de la Russie officielle,— pyramide vivante, comme je l'ai dit ailleurs, de crimes, d'abus, de concussions— soudé par le partage du butin,— aboutissant au tzar, et appuyé sur sept cent mille machines organiques à baïonnettes.

Le tzarisme ne s'apprivoisera pas, il restera un danger permanent pour l'Europe et un malheur pour le monde Slave. Il est par sa nature agressif, vorace—très pauvre en idées, très peu adroit en organisation intérieure. Il a créé une chose—c'est l'armée. Il doit faire la guerre—c'est son métier, c'est son salut.

Le gouvernement de Pétersbourg n'est pas populaire, il a trop tenu avec les seigneurs, trop avec les Allemands, selon l'expression du peuple. La seule idée vivante qui lie les masses au gouvernement — c'est l'unité nationale. Le gouvernement ne l'ignore pas — et l'exploite maintenant. Et voilà une des principales raisons pour laquelle il fallait porter la guerre en Pologne. La déclaration de l'indépendance de la Pologne serait acceptée par le peuple, non seulement par les petits-russiens, mais par une partie

de la Grande-Russie, comme un acte révolutionnaire, et non comme une agression.

Soyez persuadés que le tzarisme ne craint rien autant que l'indépendance de la Pologne. Le jour où la république sera restaurée à Varsovie, l'aigle impérial de Pétersbourg se pendra par l'une de ses têtes.

Je ne m'arrêterai pas à la nécessité historique de cette dictature soldatesque et bureaucratique créée par Pierre I. Je pense qu'elle est explicable pour le passé; qu'elle était même nécessaire comme châtiment, comme éducation, comme soudage enfin. Mais je pense encore plus qu'elle a fait son temps, que sa continuation est artificielle, forcée. L'impérialisme russe, après 1813, est d'une improductivité, d'une stérilité étonnante. L'œuvre gouvernementale, depuis Nicolas, est devenue complètement négative—répression, réaction, persécution..

C'est que le lendemain de son avènement au trône, il a vu des hommes qui l'ont terrifié, et il ne les a jamais oubliés. Étonné par la fermeté et la noblesse des paroles de Mouravioff, il lui dit: «Votre parole d'honneur que vous abandonnez vos projets, et je vous pardonne».— «Point de grâce, point d'arbitraire»,—répondit Mouravioff, condamné à mort. «C'est pour être indépendants de vos caprices que nous voulions vous renverser».

Le lendemain il fut pendu.

«Vous avez solennellement juré sur votre poignard, dans une séance de la société, de tuer l'empereur?»—demanda le président à Pestel. — «Ce n'est pas vrai,—répondit-il,— j'ai tout simplement dit que je voulais le tuer. Il n'y avait ni poignard ni serment; j'ai toujours détesté les scènes mélodramatiques». On le pendit aussi. La corde rompt, Pestel tombe dans la neige, se relève et dit: «Maudit pays où l'on ne sait même pas pendre!»

Savoir que des hommes pareils ont existé, non loin du Palais, existent peut-être encore—n'est pas bon pour le sommeil impérial.

Nicolas attend depuis 30 ans une demande d'amnistie,— elle ne vient pas. La mort amnistie. Quelles histoires! quelles légendes!

Un autre Mouravioff—il y en avait quatre dans la conspiration — colonel d'état-major, demeurait, après dix années de travaux forcés, comme colon dans une petite cabane, au fond de la Sibérie, avec deux autres forçats,— le général Iouchnefski et le

colonel Abramoff. Il meurt en 1841. Les deux amis clouent un cercueil et portent le défunt à l'église qui était à quelques lieues. Le vieux général aimait Mouravioff comme une mère peut aimer son fils. Pas une parole pendant la route. Arrivé à l'église, il s'agenouilla près du cercueil et cacha son visage. Le sacristain s'approcha de lui après la cérémonie. L'immobilité du vieillard l'étonnait. Le vieillard était mort. Abramoff n'eut pas le courage de retourner dans la cabane, il alla se perdre dans les océans de neige de la montagne...

Nicolas avait beau étaler une persistance de férocité, une absence de cœur peu commune contre les hommes, il n'atteignit pas l'idée; au contraire, l'idée devint plus révolutionnaire et plus nationale.

Il y a deux ou trois mois qu'un livre remarquable sur la Russie parut en France. L'auteur, M-sieur Gallet de Kulture, revient de la Russie; il a vu les choses après moi. Permettez que je cite quelques lignes de cet ouvrage (page 222):

«Le tzar n'a point, sous les vains prétextes d'une protection religieuse, à accorder aux Raïas, entamé cette guerre inique. Il est sorti du néant de ses vingt-neuf années de règne—pour une cause décisive,— il ne pouvait plus gouverner. Maître absolu de tout, il commençait à ne plus l'être de rien. La vieillesse, en s'approchant, lui montrait non seulement la décadence évidente de l'homme, mais celle du principe. Montant comme les marées sous une impulsion uniforme et irrésistible, l'idée de réforme battait la théorie vermoulue du vieux despotisme... Un parti, d'ailleurs, s'était formé parmi la noblesse—cette classe redoutable, frondeuse et boudeuse à la fois, critiquant avec amertume et s'isolant par système, composée d'hommes à idées, à énergie, à foi, à rancune,— elle recrutait autour d'elle toute la jeune génération».

Parlant d'un rapport de la police secrète, sur l'affaire de Pétrachefski et de ses nobles, généreux amis, les conspirateurs de 1849, l'auteur cite textuellement ces considérations présentées par Liprandi au général Nabokoff:

«Les élèves des divers collèges sont imbibés des systèmes les plus extravagants: chaque mot, chaque ligne qui sortent de leur esprit respirent les doctrines pernicieuses. C'est en s'abandonnant

aveuglement à ces utopies qu'ils se croient appelés à remanier toute la vie sociale, toute l'humanité; et ils sont prêts à se faire les apôtres et les martyrs de cette malheureuse déception. On peut s'attendre à tout de la part des gens pareils. Rien ne les arrêtera jamais; car, dans leur idée, ils ne travaillent pas pour eux-mêmes, mais pour l'humanité, — non pour le présent, mais pour l'avenir».

«On ne peut indiquer, — dit un homme très éminent de Russie à M-r de Kulture, — le moment précis de l'avènement des idées révolutionnaires (en Russie), mais il est proche, et il revêtira une forme nouvelle spéciale — la forme russe... Tout le monde s'entendra pour abattre un système condamné par l'esprit de temps — fantôme armé, capable encore d'inspirer la terreur, mais impuisant déjà à faire vibrer une seule fibre dans l'âme humaine. Il y aura ensuite de grandes luttes, les hommes de progrès voudront faire du nouveau, une partie des slavophiles reviendra à l'ancienne Russie — et le peuple prendra en main la hache de Robespierre, il abattra les blasons et les têtes».

Voilà, citoyens, ce qui se fait sous la croûte de glace, sous l'aspect uniforme du despotisme boréal. Descendons maintenant dans les profondeurs de cette mer sombre et regardons quels sont là les forces et les orages qui peuvent mettre en mouvement les océanides populaires.

D'abord, il faut vous dire que non seulement on a douté de l'existence d'un parti révolutionnaire en Russie — qui par nécessité se tient à l'ombre, mais on a douté aussi de l'organisation communale, c'est-à-dire de la manière d'être de 50 millions d'individus à deux pas de l'Allemagne.

Haxthausen a écrit trois volumes sur ce sujet, c'était un réactionnaire — on ne l'a pas cru. Moi, j'en ai parlé, on ne m'a pas cru, je suis un révolutionnaire.

Notre commune rurale, par une de ces anomalies qui paraissent être de l'ironie dans l'histoire, a une base très large et éminemment socialiste — il ne s'agit pas de droits politiques — dans toute la Russie, il n'y a que S. M. Nicolas qui soit un citoyen actif et qui ait ses droits politiques — il s'agit des droits administratifs et sociaux — du self-government dans les affaires communales et du partage de la terre. Je ne répéterai pas ce que j'ai dit tant de fois sur l'organisation de la commune et ses avantages,

je veux vous montrer au contraire son grand inconvénient. Le paysan russe est un mineur éternel, il n'est jamais sur ses propres jambes; dans tous les cas il s'appuie sur la commune, s'abrite derrière elle. L'individu est absorbé par la commune.

Mettre d'accord la liberté individuelle avec la commune—c'est tout le problème du socialisme. Les Etats-Unis de l'Amérique ne l'ont pas résolu, la commune slave encore moins, c'est un embryon sans conscience—et il ne sera appelé à une véritable existence, que par l'individu demandant la plénitude de ses droits comme personne, sans perdre ses droits comme membre de la commune. Eh bien, ce levain révolutionnaire manquait à la commune patriarcale, elle pouvait encore pour longtemps s'arranger avec le tzar, d'autant plus qu'il a peu d'avantage à empiéter sur ses droits... mais il y a une loi historique qui pousse les despotismes eux-mêmes à provoquer les révolutions.

Le servage introduit peu à peu au XVII-e siècle, acquit au XVIII-e une extension terrible — plus d'un tiers de toute la population agricole a été réduite à l'état misérable des *glebae adscripti* du Moyen âge.

Le peuple se leva maintes fois: plus de cent mille hommes étaient sur les bords de la Volga sous Stenka Rasine. Le tzar Alexis pendit des milliers d'insurgés. Le trône de Catherine II chancela, pendant des mois, secoué par Pougatcheff.

Pougatcheff amené dans une cage à Moscou fut exécuté, l'ordre triompha, les serfs étaient vaincus.

Alexandre s'arrêta le premier stupéfait devant la monstruosité du servage; il comprit le mal sans trouver aucun remède, il n'osait ni l'encourager ni l'abattre.

Le crime a été commis, le tzar était lié aux seigneurs, le peuple aliéné de lui par le servage. La voix impériale ne pouvait plus l'atteindre... et lorsque Nicolas — ce tzar omnipotent, lorsqu'il osa au mois d'avril 1842 donner un *conseil timide* à la noblesse de s'arranger à l'amiable avec les paysans; le ministre de l'intérieur Pérofski ajouta un tel commentaire que les mots pâles de Nicolas disparurent complètement.

La circulaire ministérielle enjoignait aux préfets de juger comme rebelles les paysans qui regarderaient comme *obligatoires* les augustes conseils de l'empereur.

Une lueur de liberté passa auprès du malheureux serf — et disparut. Une rumeur vague et comprimée se répandit par le pays et resta. Les révoltes partielles, les assassinats de seigneur — si communs en Russie — devinrent plus fréquents. Dans le gouvernement de Simbirsk les paysans firent une *battue* en forme des gentillâtres. Dans le gouvernement de Tambov, les paysans de *diverses* communes se réunirent et allèrent de maison seigneuriale à maison seigneuriale armés de piques, de haches, et portant de la paille — ils poursuivaient leur chemin, silencieux et graves; — une femme du peuple, pieds nus, les cheveux épars, marchait devant eux; elle chantait les psaumes qu'on chante aux enterrements — et elle les chantait lorsque les châteaux brûlaient avec les familles seigneuriales.

J'ai beaucoup vécu avec le paysan russe — et non seulement je l'aime profondément, mais je le connais beaucoup. Enfant, je demeurais chaque été dans les domaines de mon père; exilé, j'eus sept années pour l'étudier depuis l'Oural et la Volga jusqu'à Novgorod. Eh bien, je vous jure que le paysan de l'intérieur de la Russie est moins avili, moins esclave que toute l'aristocratie de Pétersbourg, que tout l'entourage de l'empereur.

Custine l'a remarqué de même que Haxthausen et le savant Blasius.

C'est par l'insurrection des paysans serfs, ou par leur émancipation que commencera l'avenir révolutionnaire et social de la Russie. Le paysan russe ne veut rien entendre d'une émancipation dans le prolétariat, et il a raison — mais de plus, il aura aussi la terre. La noblesse la plus rétrograde serait contente de donner la liberté aux paysans et de retenir toute la terre.

Pestel, le grand révolutionnaire russe, disait à ses amis dans une des séances de la société: «Vous pouvez vous défaire de l'empereur, vous pouvez proclamer la République si vous le voulez — peu de chose changera. Il n'y aura pas de révolution populaire, nationale, chez nous, si on ne touche pas à la propriété territoriale de la noblesse. Il faut la terre au paysan!»

Cela était dit avant 1825; maintenant le gouvernement et la noblesse ont compris qu'il «faut la terre au paysan».

On a déjà fait des tentatives de partage, en réduisant le paysan charitablement au minimum. Cela n'a pas eu de suite.

Le partage est indiqué par les faits mêmes et par le génie national.

Le paysan ne veut que la terre communale, ne veut que le sol qu'il a marqué par sa sueur, qu'il a conquis par le saint droit du travail. Il ne demande pas plus.

Le paysan russe ne croit pas que la terre puisse appartenir à un autre qu'à la commune. Il lui est plus facile de croire que lui, l'individu, appartient à la commune, que de penser que la terre ne soit pas la propriété inaliénable de la commune.

C'est extrêmement grave.

Car, au bout du compte, toutes les questions sur la propriété sont des questions religieuses, basées sur des croyances, sur des dogmes. *Avec la foi s'en va la chose.*

Maintenant pensez à cela: entre le paysan qui *croit* que la terre appartient à la commune, et la jeune noblesse qui ne *croit* pas à ses titres à la possession — il n'y a rien que la force brutale, un conservatisme ignorant et stupide, l'inertie de l'habitude. Pas de grandes traditions, pas de formes séculaires pour soutenir le trône de Pétersbourg, pour le rendre vénérable. L'église gréco-russe est trop humble et trop céleste pour se mêler des affaires de ce bas monde—elle n'a pas oublié sa Byzance — elle laisse à César ce qui est à César — sans trop s'inquiéter qui est César.

L'impérialisme de Pétersbourg a cela de particulier qu'il ne se fait pas monarchic, il n'est qu'absolutisme. Il a beau s'habiller en pape oriental, en caporal prussien, en tzar mongol — il n'est rien que le représentant de la force matérielle et d'une nécessité historique qui passe.

Rien d'ailleurs en Russie ne porte ce caractère de stabilité, de stagnation, de fini, de terminé, que l'on rencontre chez les peuples qui ont trouvé par un long travail des formes d'existence adéquates à leur pensée.

Ajoutez à cela que trois fléaux conservateurs ont presque complètement manqué à la Russie:— le catholicisme, le droit romain et la souveraineté de la bourgeoisie. Cela simplifie énormément la question. Nous allons à votre rencontre dans la révolution future, sans avoir besoin de passer par les marais par lesquels vous avez passé, sans nous traîner et nous épuiser dans le

clair-obscur de ces formes politiques qu'on pourrait appeler : «entre chien et loup» — formes qui n'ont jamais rien produit de grand et de fort, que là où elles étaient nationales.

Nous n'avons aucun besoin de refaire votre longue et grande épopée — qui vous a tellement encombré la route de monuments en ruines, qu'il vous est difficile de faire un pas. Vos efforts, vos souffrances sont un enseignement pour nous. L'histoire est très injuste—*tarde venientibus*— au lieu des *ossa* — le majorat de l'expérience. Le progrès même n'est que cette ingratitude chronique.

Sans réminiscences, sans obligations envers le passé, nous sommes comme les prolétaires en Europe — les déshérités. De ce monde, nous n'avons reçu qu'outrages et souffrances — aussi ses destinées ne nous touchent-elles que médiocrement.

L'homme de la police a raison quand il dit que «nous ne nous arrêterons devant rien». Nous n'avons rien de commun, ni avec la vieille Russie, ni avec le vieux monde. Et, par contre, nous avons *l'audace de l'espérance*.

Nous n'avons rien fait? Tant mieux! Nous aurons beaucoup à faire! Le temps de notre besogne approche. Et c'est pour cela qu'il ne faut pas que vous méconnaissiez vos frères slaves. Le pauvre prolétaire, en Europe, doit savoir que le pauvre paysan russe n'est pas un être vil et abruti, mais un être humain, très malheureux, ayant le même intérêt, courbé sous la même fatalité...

...Le domaine de la révolution s'étend... N'avons-nous pas vu la révolution à Vienne? et le roi de Prusse, chapeau bas devant son peuple? — Tout cela a passé comme un rêve—mais, citoyens, il y a des rêves prophétiques. — Et ce rendez-vous de toutes les émigrations à Londres, cet échange d'idées, cet entendement mutuel, ce même niveau qui s'établit, cela n'est pas un rêve.— Non, cela n'est pas un rêve, car l'Anglais nous tend la main; et, vous le savez bien: *quand l'Anglais donne la main, il donne le cœur!* (Bruyantes acclamations)... Et un Russe invité à prendre part à cette commémoration du mouvement révolutionnaire de Février!.. Est-ce que vous ne voyez pas là des indices,— des signes?

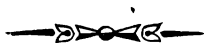
Regardez cette salle — regardez ces débris de tous les orages, ces proscrits de tous les pays, ces vétérans de toutes les luttes

contre toutes les tyrannies, se réunissant pour fêter une page de l'histoire de la Révolution — et cela, tandis qu'*Elle*, la Patrie de la Révolution, n'a pas le droit de se souvenir solennellement de son passé! tandis que la France sommeille, épuisée, après avoir fait rayonner la Révolution sur toute l'Europe!

Grande destinée de la France! révolutionnaire, même par sa réaction! — C'est ainsi qu'en luttant contre le Socialisme, elle l'a élevé à la hauteur d'une puissance formidable, reconnue et militante.

Tout sert la Révolution,— car tout sert l'Avenir!

Laissons donc ces morts ensevelir leurs morts! Des espérances longtemps oubliées renaissent. La grande lutte — sans qu'ils s'en doutent — se livre à notre profit... Les empires et les empereurs passeront... mais le Socialisme ne passera pas: Il est le jeune Héritier du Vieillard qui s'en va! — (Explosion d'applaudissements).

НАРОДНЫЙ СХОД В ПАМЯТЬ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 27 ФЕВРАЛЯ 1855 ГОДА

АЛЕКСАНДРОМ ГЕРЦЕНОМ

Граждане¹.

Когда Международный совет пригласил меня сказать мое слово в этом собрании, меня сначала взяло раздумье, говорить ли мне во имя небольшого числа русских братьев наших, говорить ли мне среди разгрома войны, в разгаре неистовых страстей, среди святой, глубокой грусти, в которую все погружено ныне. Я сообщил это Совету. Он возобновил свое приглашение, и притом с такой любовью, что мне стало совестно за минуту сомнения, за недостаток веры...

Война свирепствует в ином мире. Гром ее умирает у порога этой палаты, в которой изгнанники и выходцы всех стран соединяются с англичанами, свободными от предрассудков своей родины, во имя воспоминания, во имя надежды, во имя *страдающих*.

Так христиане первых веков собирались на скромные свои трапезы, в спокойствии и ясности духа, между тем как буря, вызванная кесарями и преторианцами, потрясала древние основы Римской империи.

На этом празднестве народной братовщины русскому голосу должно быть место.

В России сверх царя—есть народ; сверх люда казенного, притесняющего—есть люди страждущие, несчастные; кроме

¹ Речь эта переведена с французского В. Энгельсоном и была напечатана в брошюре «Народный сход».

России Зимнего дворца—есть Русь крепостная, Русь рудников. Во имя этой-то Руси должен здесь быть услышан русский голос.

Спешу сказать, что я не имею никакого уполномочения от русских выходцев. Они не составляют сомкнутого общества. Полномочие мое говорить во имя России—вся моя жизнь, моя привязанность к русскому народу, моя ненависть к царю.

Да, я имею смелость высказать это, я считаю себя представителем мысли восстания в России—среди вас, я имею право на голос; это говорит мне мое сердце, мое сознание, моя совесть.

Седьмой год издаю я сочинения о России*. Сначала европейская публика, озадаченная неистовым поведением восстановленных властей после 1848 года, слушала мои слова снисходительно. Теперь времена изменились; война возбудила удивительно боевой дух, особенно в некоторых немецких газетах; они дошли до яростной нетерпимости. Мне стали ставить в укор любовь мою к славянам, мою веру в величие их будущности, наконец, самую мою деятельность. Обвинительные статьи два раза переплывали через океан—другие удостоились *чести* быть воспроизведенными «Монитором».

Доселе никогда еще не требовали ни от одного выходца или изгнанника, чтобы он непавидел свое племя, свой народ. У вас отнимают настоящее; нас хотят лишить будущего, хотя и убить нашу надежду!

Если б я непавидел русский народ, если б я не верил в него, меня бы не было здесь. Народ свободный, республиканский дал мне права гражданства у себя*; я там бы и остался, не занимаясь страной, в которой меня преследовали.

Странная сбивчивость понятий.

Царствование Николая начинается огромным заговором. Он идет короноваться в Москву под триумфальными воротами пяти виселиц. Сотни заговорщиков с цепями на ногах отправляются в рудники. Гурьбы молодых людей следуют за ними и исчезают в Сибири... Все это проходит незамеченно в Западной Европе, между тем как наглый образ воплощенного самодержавия отбрасывает на нас, гонимых им, тень заслуженной им ненависти.

Я знаю, что вы верите в существование революционной партии в России; иначе появление мое на этой трибуне было бы неле-

постью. Но большинство людей, называющихся радикалами, старается этому не верить. Они довольствуются союзом и братством между народами, внесенными в их списки, получившими от них революционный диплом.

Как вспомнишь, что добрый «заступник человеческого рода», Анахарсис Клоц, сам раскрасил одного из своих родственников, для того чтоб на празднестве французской республики не было недостатка в представителе из Отаити*, так нельзя не сознаться, что с тех пор международное братство не далеко ушло вперед.

Николай нас вешает, ссылает в Сибирь, сажает в темницы, но он по крайней мере не сомневается в том, что мы существуем, напротив того, он чересчур внимателен к нам. Граждане, я в первый раз в моей жизни ставлю его величество в пример.

Но нам говорят, что мы, в свою очередь, не верим ни в силу, ни в нынешнее устройство Европы. Разумеется, нет. А вы? Разве вы верите? Дело в том, что русский, при выходе из своего острога, летит в Европу полный надежд... и находит повсюду другие издания царского самовластия, бесконечные вариации на тему «Николай».

И он осмеливается это высказывать... вот в чем беда!

Нам, очевидцам Июньских дней и всего ряда злодейств, совершенных торжествующими правительствами в Европе,— злодейств, которые превзошли все, что мог бы вообразить самый мрачный предсказатель,—нам ставят в укор наши слезы, стон боли, вырывающийся из нашей груди?.. Нас упрекают в том, что на наших губах одни горькие слова, одни проклятия... когда в груди кипит злоба, а в уме одно сомнение!

Что же, следовало молчать, скрывать?

Зачем же нам льстить этому старому миру—миру битой колеей и насилия, который вас первых раздавит, который громоздит труны прошедшего, чтоб загородить дорогу будущему...

Довольно портили царей лестью и молчанием. С какой стати развращать ими народы?

Положим, что наши миссия преувеличенны; положим, что они ложны; но с чего берут себе право подозревать их искренность?

Пельзи покончить ошибочное мнение, провозгласив его ересью, панславизмом, марая его подлыми и нелепыми намеками.

Простите мне эти подробности—они лежали у меня на сердце. Я ничего не отвечал на нападки; чувство глубокого приличия, которое вам легко понять, заставляло меня хранить молчание во время войны. Но мне казалось невозможным держать между вами речь, не касаясь этого личного вопроса.

Теперь отвернемся от междоусобиц императоров и журналистов и посмотрим на то, что происходит в этом *немом* крае света, который называется Русью.

Там вы встретите два зародыша движения: один сверху, другой снизу. Один—преимущественно отрицающий, разлагающий, разведающий—рассыпается в малых кружках, но готов составить большой, деятельный заговор. Другой—более положительный, хранящий в себе почки будущего образования—находится в состоянии дремоты и бездействия. Я говорю о молодом дворянстве и о сельской общине, которая представляет основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало славянского государства.

Над ними—подавляя одних, истощая других—стоит казенная Россия; живой курган (как я уже раз сказал)* притеснителей, обманщиков, взяточников, связанных между собою дележом грабительства, завершаемых царем и опирающихся на семьсот тысяч живых машин со штыками.

Императорство никогда не сделается ручным; оно всегда останется опасностью для Европы, несчастием для славян. Оно, по естеству своему, заносчиво, хищно, ненасытно. Очень скудное смыслом, вовсе не даровитое во внутреннем устройстве, ему удалось создать одно—войско. Потому-то воевать ему необходимо, это его ремесло, его спасение.

Петербургское правительство не народно; оно слишком держится дворян и слишком немцев, чтоб быть народным. Единственная живая мысль, привязывающая к правительству,—это мысль о народном единстве. Правительство знает это очень хорошо и пользуется этим. Вот одна из главных причин, почему войну следовало перенести в Польшу. Объявление Польши независимую было бы хорошо принято не только

малороссами, но и большей частью великорусов; оно было бы принято как восстание, а не как нападение.

Будьте уверены, что царь ничего столько не опасается, как независимости Польши. В тот день, когда в Варшаве будет восстановлена республика, петербургский орел повесится за одну из своих голов.

Не стану разбирать историческую необходимость солдатского и чиновничьего управления, заведенного Петром I. В отношении к прошедшему оно, полагаю я, было понятно, даже нужно как наказание, как воспитание, нужно для того, чтоб спаять части России воедино. Но теперь его время минует, оно держится лишь искусственным, насильственным образом. С 1813 года императорская власть в России становится бесплодною*. С восшествия на престол Николая деятельность правительства исключительно отрицательная; оно усмиряет, подавляет, гонит—и только.

Потому, что в первый день своего вступления на царство Николай увидел людей, которые его устрашили; он их никогда не мог забыть.

— Дай честное слово, что ты оставишь свои замыслы, и я тебе прощаю,—сказал он Муравьеву.

— Не нужно мне помилования, не нужно произвола,—отвечал осужденный на смерть Муравьев,—мы хотели свергнуть вас с престола именно для того, чтоб не быть зависимыми от ваших прихотей.

Его повесили.

— Вы торжественно поклялись над кинжалом, в заседании вашего общества, убить императора?—спросил Пестеля председатель следственной комиссии.

— Неправда,—отвечал Пестель,—я просто сказал, что хочу его убить; не было ни кинжала, ни клятв; я никогда терпеть не мог мелодрамных сцен.

И его тоже повесили. Веревка порвалась, трое упали на землю, Муравьев встал и сказал: «Проклятая страна, в которой и повесить не умеют!»

Знать, что такого рода люди существовали, не вдалеке от дворца, что их еще и теперь найдется...нехорошо для высочайшего сна.

Тридцать лет Николай ждет, чтоб у него попросили прощания, ждет и не дожидается. Смерть прощает несчастных ссыльных. Какие люди! Какие предания!

Другой Муравьев—их было четверо в заговоре,—бывший полковником генерального штаба, жил после десяти лет, проведенных им в каторге, посельщиком в маленькой избе, срубленной им самим в глуши Сибири; с ним жили вместе два других каторжника — генерал Юшневский и полковник Абрамов. В 1841 г. он умирает. Два друга сколотили гроб и понесли покойника в ближайшую церковь— за десятки верст. Старик генерал любил Муравьева, как мать может любить своего сына. Дорогой он не вымолвил ни слова; пришедши в церковь, он стал на колени возле гроба и закрыл себе лицо руками. Когда покойника отпели, дьячок, которого удивила неподвижность Юшневского, подошел к нему. Старик был мертв. Абрамов побрел себе один куда-то по снежному морю; об нем не было после слышно*.

Сколько Николай ни упорствовал в жестокости, сколько он ни обнаруживал редкое бездушие против людей свободного образа мыслей—образ-то мыслей он не успел подавить; напротив того, он стал сильнее, более возмужалый и более народный.

Несколько месяцев тому назад вышла во Франции замечательная книга о России*. Сочинитель ее, г. Гале де Кюльтюр, только что возвратился из России; он после меня видел, что там делается. Позвольте мне прочесть несколько строк из этого сочинения¹:

«Царь не затеял бы этой несправедливой войны из-за пустого предлога заступиться за веру христиан в Турции. Он по причине весьма важной вышел из бездействия. После двадцати девяти лет царствования он не мог больше управлять Россией. Быв столько времени неограниченным владыкою над всем, он под конец увидел, что не имеет власти ни над чем. Приближающаяся старость показывала ему не только явный упадок его личных сил, но и упадок всего порядка, вводимого им. Мысль преобразования, обновления, возрастая, подобно морскому приливу, под постоянным и неотразимым влиянием, подмывает

¹ «Николай и Русь святая» («Nicolas et la sainte Russie». Par Gallet de Culture. Paris, 1854, стр. 222).

изгнившее, старое учение самодержавия... Притом среди дворянского сословия — сословия опасного, мятежного — составились общества, которые, яростно осмеивая меры правительства, намеренно держались от него поодаль; они состояли из людей с умом, с сильной волей, с сильной верой и живою жаждой мести; эти общества привлекали к себе все молодое поколение».

Говоря о донесении тайной полиции о деле Петрашевского и его товарищей, составивших заговор 1849 г., автор приводит следующие слова из доклада Липранди Набокову*:

«Воспитанники многих учебных заведений напитаны самыми превратными мыслями; каждое слово, каждая строка их отзывается пагубными учениями. Слепо предаваясь им, они считают себя призванными преобразовать все общество, все человечество и готовы стать апостолами и мучениками своих несчастных заблуждений. От таких людей *можно всего ожидать*. Ничто их не остановит; ибо, по их убеждению, они трудятся не для самих себя, а ради всего рода человеческого, не для настоящего времени, а для будущего».

«Нельзя,— сказал один очень замечательный человек из русских г. Кюльтюру,— нельзя определить, когда именно в России будет восстание, но оно близко и облечется в новый, особый образ, оно явится в *русском виде*... Весь народ единогласно воспрянет, чтоб ниспровергнуть порядок дел, издавна осужденный духом времени,— вооруженное страшилище, покамест еще внушающее страх, но уже не возбуждающее ни единой струны в сердце человеческого. Затем возникнут большие распри; поборники движения захотят нового, некоторые из «славянофилов» пожелают возвратиться к старой Руси, к Руси Иоаннов — между тем народ возьмется за робеспьеровский топор и начнет срубать чины и головы».

Вот, граждане, что делается под ледяной корой, под однообразной наружностью северного самодержавия. Посмотрим теперь в глубь этого омута, взглянем, какие там дремлют бури-силы, могущие взволновать народные стихии.

Прежде всего надобно вам сказать, что на Западе не только сомневаются в существовании революционной партии в России, которая по необходимости прячется, но сомневаются и в том, что у нас есть особый быт сельский, т. е. сомневаются, так

или нет живут пятьдесят миллионов людей в двух шагах от Германии.

Об этом Гакстгаузен издал три тома *; ему не поверили — он на царской стороне. Об этом говорил и я, мне не поверили — я на стороне друзей свободы!

По странному противуречию наша сельская община, задавленная сверху властью, опирается на широкую и явно социальную основу. Права ее велики. Само собою разумеется, что здесь не идет речь о правах государственных; во всей России один Николай Павлович пользуется таковыми; здесь речь о праве внутреннего управления и собственного распорядка в делах, касающихся общины и ее земли. Не стану повторять того, что я столько раз говорил об устройстве русской сельской общины и ее преимуществах; напротив того, я намерен указать вам на огромный ее недостаток.

Русский крестьянин вечно остается малолетним; он никогда не самостоятелен; во всех случаях он опирается на общину, прячется за нее. Лицо поглощается миром.

Согласовать личную свободу с *миром*—тут вся задача социализма. Она не разрешена Соединенными Штатами Северной Америки, еще менее разрешена славянской общиной. Славянская сельская община—бессознательный зародыш, который будет вызван к деятельной жизни лишь тогда, когда каждый человек в общине потребует себе все права, принадлежащие ему как особе, *не утрачивая* притом прав, которые он имеет как член общины.

Вот этой—непокорной личности, этой закваски революционной и недоставало семейнообразной общине русской. Она бы долго еще могла ужиться с царем, тем больше, что ему мало выгоды нарушать ее права. Но есть закон судеб, по которому сами властители вызывают народы к восстаниям.

Крепостное состояние, исподволь, лукаво введенное в семнадцатом столетии, приняло в восемнадцатом огромные размеры: более трети всех земледельцев было отдано в частное владение.

Народ не раз восставал, более ста тысяч людей стояло на Волге с Стенькой Разиным. Царь Алексей Михайлович перевешал тысячи мятежников. Престол Екатерины II был несколько месяцев сряду потрясем Пугачевым. Привезенный в Москву

в клетке, Пугачев был казнен, порядок восторжествовал, крепостной народ был побежден.

Александр I остановился в изумлении перед чудовищем крепостной власти. Он понял зло, но не нашел против него средства; он не смел ни потворствовать ему, ни искоренить его. Преступление было совершено, царь был связан с помещиками, народ отлучен от него дворянством. Голос царя не мог больше доходить до него... И когда Николай — этот всемогущий император — осмелился в апреле 1842 г. дать дворянству *робкий совет* полюбовно уладить дело с крестьянами*, министр внутренних дел Перовский прибавил к его совету такое пояснение, что бледные слова Николая потеряли всякое значение. Циркуляром министра предписывалось губернаторам считать мятежниками тех крестьян, которые вздумали бы принять за *обязательный* августейший совет императора.

Луч вольности промелькнул пред глазами несчастного крепостного — и исчез. Смутные слухи шепотом разнеслись по народу и остались у него в памяти. Местные восстания, убийства помещиков, которые так часто случаются на Руси, умножились. В Симбирской губернии крестьяне устроили было *облаву* на помещиков. В Тамбовской собрались люди *разных* волостей и пошли вооруженные кольями и топорами*, неся с собой солому, от одного господского дома к другому; перед ними шла крестьянка босая, простоволосая и пела похоронные молитвы и псалмы — она пела, а дома горели и в них помещичьи семьи.

Я много жил с нашими крестьянами — и не только глубоко люблю их, но и знаю довольно хорошо. Ребенком я проводил каждое лето в поместьях отца моего; в ссылке я имел целых семь лет, чтоб изучить крестьянина от Урала и Волги до Новгорода, и клятвенно уверяю вас, граждане, что в крестьянах внутренних губерний меньше низости, меньше рабства, чем в петербургском вельможестве, в царедворцах и чиновниках.

Это заметили и Кюстин, и Гакстгаузен, и добросовестный ученый Блазиус*.

Воля России начнется с восстания крепостных или с их освобождения. Русский мужик слышать не хочет об уволь-

нении его в состояние бездомного бобыля (пролетария). Он хочет земли — и он прав в этом; земля будет за ним. Дворяне были бы рады отпустить крестьян на волю, оставив за собой все земли.

Пестель говорил своим друзьям: «Мы можем отделаться от царя, можем, пожалуй, провозгласить республику—и все-таки мало будет толку. У нас не будет всенародного восстания, доколе мы не коснемся поземельной собственности дворян. Мужику нужна земля».

Это было сказано перед 1825 г. Теперь и правительство и дворянство поняли, что «*мужику нужна земля*». Попытки свести крестьян на самомалейшую долю земли были сделаны—и не удались.

Как разделить земли, указывает самое положение дел и дух народа. Мужик хочет себе лишь мирскую землю, лишь ту, которую он оросил потом лица своего, которую приобрел святым правом работы; больше он не требует. Мужик русский не верит, чтобы мирская земля могла принадлежать иному, нежели миру. Он скорее верит, что он сам принадлежит земле, нежели что землю можно отнять у мира. Это чрезвычайно важно!

Все вопросы, относящиеся до собственности, подлинно—вопросы религиозные, основанные на верованиях, на догматах. *Вместе с верой падает дело, исчезает факт.*

Теперь сообразите: между крестьянином, *верящим*, что земля принадлежит миру, и молодым дворянством, *неверящим* в свое право владения, нет ничего, кроме грубой власти, мертвящей привычки, бессмысленного невежества, старающегося поддерживать старое. Никаких преданий, никаких вековых, заветных опор для престола; он не окружен ни почтением в глазах народа, ни спаян с выгодами торгового сословия. Духовенство греко-российское слишком смиренно, слишком малотелесно, чтоб вступаться в дела мира сего; оно осталось византийским и воздаст кесарю кесарево, не много заботясь о том, кто таков кесарь.

Отличительная черта петербургского императорства состоит в том, что оно не становится монархической властью; оно неограниченная диктатура и больше ничего. В какой бы

вид царь ни облекся — представляй он из себя папу восточного, фельдфебеля прусского, хана татарского, он все-таки не что иное, как представитель грубой силы и уже минующей исторической необходимости.

В России, впрочем, ничто не носит на себе отпечатка косности, застоя, оконченности, которые встречаешь у народов, выработавших себе долгим трудом формы быта, отчасти соответствующие их образу мыслей.

Не забудьте, сверх того, что Россия не знала почти нисколько трех бичей, сильно останавливающих Запад,—католицизма, римского права и господства мещан. Это весьма упрощает вопрос. Мы идем вам навстречу в будущем перевороте; нам не нужно для этого проходить чрез те топи, по которым вы прошли; нам не нужно истощать свои силы в полумраке тех государственных форм, которые можно назвать между *волком и собакой** и которые нигде не произвели великого и сильного, кроме там, где они народны.

Нам вовсе не нужно проделывать вашу длинную, великую эпопею освобождения, которая вам так загромождила дорогу развалинами памятников, что вам трудно шаг сделать вперед. Ваши усилия, ваши страдания — для нас поучения. История весьма несправедлива, *поздно приходящим* дает она не оглодки, а старшинство опытности. Все развитие человеческого рода есть не что иное, как эта хроническая неблагодарность.

Без воспоминаний, без обязанностей относительно прошедшего, мы находимся в том положении, в котором в Европе находится рабочий класс и бессобственники. Мы и они лишены наследства, нам и им от нынешнего света достались в удел одни оскорбления, одни несчастья — потому мы не принимаем его судьбу очень к сердцу.

Полицейский чиновник был прав, говоря, что «нас ничто не остановит». Нет у нас ничего общего ни с старой Россией, ни с старым миром. У нас ничего нет—да есть *отвага* надежды!

Мы ничего не сделали. Тем лучше! Тем больше остается дела для нас. Пора рабочая для нас настает. И потому-то нужно, чтоб вы знали славянских братьев ваших. Бедный европейский работник должен знать, что бедный русский крестьянин не падшее, одичалое существо, а человек очень несчастный,

имеющий с ним одинакие стремления и удрученный одинаким роком...

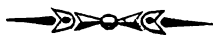
Поле общественного переворота расширяется... Разве мы не видали Вену возмутившуюся? ...короля прусского, стоявшего с обнаженной и повинной головою перед народом?— Все это миновало, как сон, но бывают сны пророческие. И эта сходка всех выходцев в Лондоне, этот обмен мыслей, это взаимное понимание, этот общий уровень, на который мы становимся,—*это не сон*. Нет! это не сон, потому что англичанин протягивает нам руку; а вы знаете, *когда англичанин дает руку, он дает и сердце!* И русский приглашен участвовать в этой поминке февральского восстания!.. Разве вы не видите в этом признаков, *знамений?*

Посмотрите на эту залу—посмотрите на эти обломки всех бурь, изгнанников всех стран, старых бойцов и молодых ратников против всех тиранств, сошедшихся праздновать страницу из летописи революции, и именно тогда, когда *Она*, отчизна революции, не имеет права торжественно помянуть свое прошедшее!* Тогда, как Франция погружена в дремоту, истощившись лучезарно светя революцией на весь мир.

Велика судьба Франции! Она двигает вперед даже тогда, когда сама идет вспять! Так, поборая социализм, она возвысила его на степень грозной мощи, признанной и ратующей.

Все содействует революции — ибо все содействует Будущему!

Оставим же мертвым хоронить мертвых! Давно забытые надежды снова возникают. Борьба *из* между собою принесет *нам* пользу; они не подозревают, что побеждают для нас. Царства и цари пройдут, но социализм не пройдет. Разве вы не узнаете—это юный *наследник* отходящего старца!

25 Июля 1826 года.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1855

ТРЕТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ОСВОБОЖДАЮЩЕЙСЯ РУСИ

ИЗДАВАЕМОЕ

ИСКАНДЕРОМЪ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

“... Да здравствуетъ разумъ!...”

А. ПУШКИНЪ.

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ
82 JUDD STREET, BRUNSWICK SQUARE.

1855

ОБЪЯВЛЕНИЕ О «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ»

1855

Да здравствует разум!*

А. С. Пушкин.

Полярная звезда скрылась* за тучами николаевского царствования.

Николай *прошел*, и «Полярная звезда» является снова, в день нашей Великой пятницы*, в тот день, в который пять виселиц сделались для нас пятью распятиями.

Русское периодическое издание, выходящее без цензуры, исключительно посвященное вопросу русского освобождения и распространению в России свободного образа мыслей, принимает это название, чтоб показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство.

Россия сильно потрясена последними событиями. Что бы ни было, она не может возвратиться к застою; мысль будет деятельнее, новые вопросы возникнут — неужели и они должны затеряться, заглухнуть?— Мы не думаем. Казенная Россия имеет язык и находит защитников даже в Лондоне. А юная Россия, Россия будущего и надежд, не имеет ни одного органа.

Мы предлагаем его ей.

С 18 февраля (2 марта) Россия вступает в новый отдел своего развития. Смерть Николая больше, нежели смерть человека, — смерть начал, неумолимо строго проведенных и дошедших до своего предела. При его жизни они могли кой-как держаться, упроченные привычкой, опертые на железную волю.

После его смерти — нельзя продолжать его царствования.

Мы не сражаемся с мертвыми. С той минуты, как доктор Мандт шепотом сказал наследнику: «Каротида не бьется

больше»*, страстность в нашей борьбе заменилась холодным разбором прошлого царствования.

Две главные мысли, без всякого единства, мешавшие друг другу, определяют характер николаевского правления.

Продолжение петровского предания в внешней политике.

Противодействие петровскому направлению в внутреннем развитии.

Расширение пределов и влияния в Европе и Азии, суживание всякой гражданственности в России.

Все для государства, т. е. для престола, ничего для людей.

Воротиться к патриархально-варварской власти царей московских, не утратя ничего из цезарского величия петербургского императорства — такова была задача Николая.

Царь московский, этот византийский деспот, окруженный попами и монахами, одетый в какой-то золоченый халат, ограниченный китайским церемониалом и дурным государственным устройством, — всего меньше солдат. Император петербургский, как только отказывается от образовательных начал Петра, — только солдат.

Николай с первого дня своего воцарения объявляет войну всякому образованию, всякому свободному стремлению. Он подогревает вялое православие, гонит униат*, уничтожает веротерпимость, не пускает русских за границу, обкладывает безобразной пошлиной право путешествовать*, терзает Польшу за ее политическое развитие, открывает мощи, которым Петр запретил являться, и смело ставит на своем знамени, как бы в насмешку великим словам на хоругви французской революции*: *самодержавие, православие, народность!*

Самодержавие — как цель. Вот наивная философия истории русского самодержца.

Ему все удается. Не потому, чтоб он имел чрезвычайную силу¹, а потому, что низость мира, его окружавшего, была чрезвычайна.

Вершина его величия была та минута, когда он прочел донесение Паскевича: «Венгрия у ног в<ашего> в<еличества>!»*

¹ Как я сказал в Ганновер-Руме на годовщине польской революции в 1853 *.

Николай забылся до кротости, ему было жаль, когда свирепый мальчишка перевешал генералов, отдавшихся ему на слово.

Но не одна Венгрия была у его ног, а вся Европа. Ибо везде был свой Гергей, много Гергеев*.

Орлеанские журналы, смиренно прощая оскорбления Николая Людовику-Филиппу*, называли его Агамемноном и звали спасать то образование, во имя которого начали союзники войну против него.

Мещане становились на свои жирные коленки — и звали русские пушки на защиту собственности и религии.

Австрия была *до того* обязана Николаем, что хотела, по словам Шварценберга, *удивить* мир своей неблагодарностью*. Это много значит в классической стране коварства и неблагодарности!

Прусский король *пил* за его здоровье. Остальные разночинцы из немецких владык *ели* на его счет приданое великих княжон.

Николай торжествовал. Но возле Зимнего дворца, т. е. возле Петропавловской крепости, открыли общество Петрашевского. Стало, революционная мысль при всех усилиях не убита, бродит в умах, заставляет биться сердца. Появление этих благородных, самоотверженных, прекрасных юношей перед комиссией было зловещим *memento mori*¹ для Николая. Призрак 14 декабря являлся недаром через двадцать пять лет, цветущий, поюный. Что же было выиграно страшным гнетом дома и вселенской низостью?

К тому же после торжества наступила страшная пустота. Бесплодность самодержавия, ставящего себя целью, оказалась вполне на другой день после победы.

Ни одной плодотворной мысли, ни одного улучшения, все седеет вместе с Николаем, стареется, костенеет. Он мог одно сделать — освободить крестьян, он хотел этого, но трудно, страшно трудно для неограниченного монарха — дать чему-нибудь волю...

В том же положении находился другой деспотизм*. Он тоже торжествовал; он тоже усмирил свою Польшу, его Польша называется только Францией. Порядок царил в Париже, и ему было нужно что-нибудь делать.

¹ помни о смерти (лат.). — *Ред.*

Наполеон и Николай играли друг другу в масть. Они выдумали войну.

Война все переменяла! Николай первый упал в пропасть, открытую им; он не последний — будьте уверены.

Николаевское управление опущено с ним вместе в могилу. Не бойтесь, оно не воскреснет; может быть хуже, но не может быть того же.

Мы почти ничего не знаем о его преемнике. Но обстоятельства его восшествия на трон определяют долю его положения, помимо его воли.

Какая разница!

Шаткой ногой входит Николай на престол, вместо старшего брата своего *. Его встречает бунт, он побеждает его картечью, но за падшими рядами открывается колоссальный заговор. В нем вся Россия: крестьянин представлен солдатом; Рюриков дом — князьями; генералы, покрытые славой, люди, покрытые почетом, литераторы, офицеры, чиновники в Петербурге, в Москве, везде — участвуют в заговоре. Он боится знать, что Адлерберг, его друг, Суворов, внук князя Италийского, замешаны, и освобождает их от суда; император Александр чуть не участвует сам в заговоре, — Сперанский и Карамзин писали по его приказу хартии *.

Николаю предстояли две дороги — сделаться главой движения, овладеть им и идти вперед или задавить его и идти против течения, пока есть силы. Он выбрал последнее и до настоящей войны выдержал свою роль. Но движение, которое его увлекло в войну, лучшее доказательство, что он не остановил, не осилил его, и человек, начавший тем, что обезоружил все — мысль и руку, — кончил призыванием к оружию всей России, даже крепостной.

Что же похожего на четырнадцатое декабря в восемнадцатом февраля? Нельзя новому императору отвечать картечью на геройскую защиту Севастополя; нельзя запретить всякое слово, когда к нему приходят одни сказать, что они дают свою кровь, другие, что они дают свои деньги на защиту России. А Россия не хотела войны, она разорена ею, война очевидно не нужна для нее. Но тут уже речь не о былом, не о желании, а о спасении целости государства; народ идет поправлять

своей кровью царскую вину — а ему новый царь будет отвечать Сибирью, новым гнетом? Полноте!

В 1825 году вся Европа стояла за Николая, в 1855 вся Европа против Александра*. Легко пренебрегать стоном народным, когда нет внешнего врага, но трудно посылать людей на смерть, с оскорблением и бранным словом на прощанье. Они добудились до того, что война становится народной. Народ снова имеет нечто общее с царем — оттого-то царь и будет зависеть от него.

Четырнадцатое декабря родилось тоже в минуту одушевления, когда народ в первый раз после Пожарского шел рука в руку с правительством. Мысль русского освобождения явилась на свет в тот день, когда русский солдат, усталый после боев и длинных походов, бросился наконец отдохнуть в Елисейских Полях*.

И неужели через сорок лет пройдет даром гигантский бой в Тавриде?

Севастопольский солдат, израненный и твердый, как гранит, испытавший свою силу, так же подставит свою спину палке, как и прежде? Ополченный крестьянин воротится на барщину так же покойно, как кочевой всадник с берегов каспийских, сторожащий теперь балтийскую границу, пропадет в своих степях? И Петербург видел понапрасну английский флот?* — Не может быть. Все в движении, все потрясено, натянуто... и чтоб страна, так круто разбуженная, снова заснула непробудным сном?

Лучше пусть погибнет Россия!

Но этого не будет. Нам здесь вдали слышна другая жизнь, из России потянуло весенним воздухом. Мы и прежде не сомневались в народе русском, все написанное и сказанное нами с 1849 года свидетельствует об этом. Основание типографии еще больше свидетельствует. Вопрос шел о времени, он разрешился в нашу пользу.

Только не следует ошибаться в одном; обстоятельства — многое, но не все. Без личного участия, без *воли*, без труда — ничего не делается вполне. В этом-то и состоит все величие человеческого деяния в истории. Он творит ее, и исполнение ее судеб зависит от его верховной воли. Чем обстоятельства

лучше, тем страшнее ответственность перед собой и перед потомством.

Мы призываем к труду. Это не много, но физиологически важно; мы сделали первый шаг, мы раскрыли калитку— *идти ваше дело!*..

Первый том «Полярной звезды» выйдет *двадцать шестого июля* (7 августа), второй — к Новому году.

Мы не хотим открывать подписки прежде декабря месяца; для подписки нам необходимо знать, будут ли нам посылать статьи, будем ли мы поддержаны из России? Тогда только мы и будем в возможности определить, *три* или *четыре тома* можем мы издавать в год.

План наш чрезвычайно прост. Мы желали бы иметь в каждой части одну общую статью (философия революции, социализм), одну историческую или статистическую статью о России или о мире славянском; разбор какого-нибудь замечательного сочинения и одну оригинальную литературную статью; далее идет смесь, письма, хроника и пр.

«Полярная звезда» должна быть — и это одно из самых горячих желаний наших — убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею. Мы в *третий* раз обращаемся с просьбой* ко всем грамотным в России доставлять нам списки Пушкина, Лермонтова и др., ходящие по рукам, известные всем («Ода на Свободу», «Кинжал», «Деревня», пропуски из «Онегина», из «Демона», «Гавриилиада», «Торжество смерти», «Поликрат Самосский»...).

Рукописи погибнут наконец — их надобно закрепить печатью.

Первый том наш богат. Писатель необыкновенного таланта и резкой диалектики прислал нам, только что разнесся слух о «Полярной звезде», превосходную статью под заглавием «Что такое государство?»* Мы перечитывали ее десять раз, удивляясь смелости и глубине революционной логики автора.

Другой аноним прислал нам «Переписку Белинского с Гоголем»*. Переписку эту мы знали прежде от самого Белинского, она наделала некоторый шум в 1847 году. Во всяком случае нет никакой нескромности ее напечатать, она прошла через столько рук, даже полицейских, что, печатая ее, мы, собственно, печатаем известное. Белинский и Гоголь не существуют

более, Белинский и Гоголь принадлежат русской истории; полемика между ними слишком важный документ, чтоб не обнародовать его из малодушной деликатности.

С этими двумя статьями наш первый том обеспечен. Мы печатаем в нем, сверх того, отрывки из «Былое и думы», разбор книги Мишле «La Renaissance» и tutti frutti¹— смеси.

Richmond (Surrey)

25 марта (6 апреля) 1855.

¹ всякую всячину (итал.). — *Ред.*

ПИСЬМО
К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена творцом.
Люби народ, чти власть закона,
Учись заране быть царем.
Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства дух неблагородный,
Неправосудье истреби...*

*К. Рылеев. Ода великому князю
Александру Николаевичу 1823, августа 30.*

Государь!

Ваше царствование начинается под удивительно счастливым созвездием. На вас нет кровавых пятен, у вас нет угрызений совести.

Весть о смерти вашего отца вам принесли не убийцы его. Вам не нужно было пройти по площади, облитой русской кровью, чтоб сесть на трон; вам не нужно было казнями возвестить народу ваше восшествие*.

Летописи вашего дома едва ли представляют один пример такого чистого начала.

И это не все.

От вас ждут кротости, от вас ждут человеческого сердца.— Вы необыкновенно счастливы!

Судьба, случайность,—все окружило вас чем-то говорящим в вашу пользу. Вы одни из всех ваших родились в Москве и родились в то время, как она воскресала к новой жизни после очистительного пожара*. Бородинские и тарутинские пушки, едва воротившиеся из-за границы, еще покрытые

парижской пылью, возвестили с высот Кремля о вашем рождении. Я пятилетним ребенком слушал их и помню.

Рылеев приветствовал вас советом—ведь вы не можете отказать в уважении этим сильным бойцам за волю, этим мученикам своих убеждений?—Почему именно ваша колыбель внушила ему стих кроткий и мирный? Какой пророческий голос сказал ему, что на вашу детскую голову падет со временем корона?*

Вас воспитал поэт, которого любила Россия*.

В день вашего совершеннолетия была облегчена судьба наших мучеников*.—Да, вы удивительно счастливы!

Потом ваше путешествие по России. Я его видел*—и больше, я его очень помню; через ваше предстательство моя судьба географически улучшилась, меня перевели из Вятки во Владимир — я не забыл это.

Сосланный, в дальнем заволжском городе, я смотрел на простую любовь, с которой шел вам навстречу бедный народ, и думал: «Чем он заплатит за эту любовь?»

Вот оно — время уплаты, и как она вам легка! Дайте волю вашему сердцу. Вы верно любите Россию — и вы можете так много, много сделать для народа русского.

Я тоже люблю народ русский, я его покинул из любви, я не мог, сложа руки и молча, остаться зрителем тех ужасов, которые над ним делали помещики и чиновники.

Удаление мое не изменило моих чувств, середь чужих, середь страстей, вызванных войной, я не свернул моего знамени. И на днях еще во мне английский *народ всенародно* приветствовал *народ русский* *.

Разумеется, моя хоругвь — не ваша, я неисправимый социалист, вы самодержавный император; но между вашим знаменем и моим может быть одно общее — именно та любовь к народу, о которой шла речь.

И во имя ее я готов принести огромную жертву. Чего не могли сделать ни долголетние преследования, ни тюрьма, ни ссылка, ни скучные скитания из страны в страну — то я готов сделать из любви к народу.

Я готов ждать, стереться, говорить о другом, лишь бы у меня была живая надежда, что вы что-нибудь сделаете для России.

Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в ценсурных колодках. Дайте нам вольную речь... Нам есть что сказать миру и своим.

Дайте землю крестьянам. Она и так им принадлежит; смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев — эти страшные следы презрения к человеку.

Отец ваш, умирая, — не бойтесь, я знаю, что говорю с сыном, — признался, что он не успел сделать всего, что хотел для *всех* своих подданных*... Крепостное состояние явилось как угрызение совести в последнюю минуту.

Он не *успел* в тридцать лет освободить крестьян!

Торопитесь! Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить...

...Я стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться; мы хотим вещей, в справедливости которых вы так же мало сомневаетесь, как и все.

На первый случай нам и этого довольно...

Быть может, на той высоте, на которой вы стоите, окруженные туманом лести, вы удивитесь моей дерзости; может, даже рассмеетесь над этой потерянной песчинкой из семидесяти миллионов песчинок, составляющих ваш гранитный пьедестал.

А лучше не смеяться. Я говорю только то, что у нас *молчат*. Для этого я и поставил на свободной земле первый русский станок; он, как электрометр, показывает деятельность и напряжение сгнетенной силы...

Несколько капель воды, не находящие выхода, достаточны, чтоб разорвать гранитную скалу.

Государь, если эти строки дойдут до вас, прочтите их беззлбно, одни — и подумайте потом. Вам не часто придется слышать искренний голос свободного русского.

10 марта 1855.

<ПРИМЕЧАНИЕ
К «ПЕРЕПИСКЕ Н. ГОГОЛЯ С БЕЛИНСКИМ»
В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ»>

Обстоятельства, давшие повод к этой переписке, известны нашим читателям. В 1847 году Н. Гоголь, бывши за границей, напечатал в России свою «Переписку с друзьями». Книга эта удивила всех. Дух ее был совершенно противоположен его прежним творениям, которые так сильно потрясли всю читающую Россию. Была ли это внутренняя психическая переработка, один из тех болезненных возрастов развития, которыми человек достигает окончательного совершеннолетия; было ли это следствие физического недуга, негодования, долгой жизни за границей или просто кружение ума? Во всяком случае обнаружение такой книги таким великим талантом должно было вызвать сильную полемику.

Почитатели Гоголя, принимавшие за правду мнения, ярко просвечивавшиеся в его сочинениях, были оскорблены его отречением, его защитой существующего, его *принижением* — по выражению неославян*; они подняли перчатку, брошенную им, и на первом плане, разумеется, явился боец, достойный его, — Белинский.

Он напечатал в «Современнике» сильную статью против новой книги Гоголя.

Отсюда переписка. — Давая новую гласность этим письмам, всякая мысль осуждения и порицания далека от нас. Пора нам смотреть на гласность глазами возмужалого. Гласность — чистилище, из которого память умерших переходит в историю, в единственную жизнь за гробом.

Ничего не надобно скрывать; в гласности — покаяние, страшный суд и неперменное примирение,— если примирение есть. Сверх того, и нельзя ничего скрывать; забывается, пропадает без вести одно безразличное, пустое.

Вопрос весь в том: Гоголь и Белинский принадлежат ли нам как общественные деятели на поприще русской мысли? И если так — была ли эта переписка между ними?

Я уже сказал, что сам Белинский мне читал свое письмо и письма Гоголя в Париже*.

«RENAISSANCE» PAR J. MICHELET

(PARIS, 1855)

Наше время чрезвычайно бедно хорошими книгами; даже Германия, которой единственная деятельность состояла в высказывании теоретического сознания людей, умолкла. Одни естествоиспытатели говорят в ней, да и те договорились до предметов, до которых обе владычествующие инквизиции, духовная и светская, не позволяют касаться¹. Последнее слово Молешотова «Kreislauf des Lebens» — социализм; последнее слово Фогтовой физиологии — отрицание души.

«Наполеоновская цензура,— сказал мне раз Томас Карлейль,— пришла ко времени; она только остановила болтовню, Франции нечего было сказать; если б у нее действительно лежало что-нибудь на душе, то она высказалась бы после Февральской революции». Одна из Франций, кажется, выговорила в самом деле, выдохлась, и ей нечего сказать; она только риторически развивает старое, но тем не менее Карлейль неправ. Он забыл, что именно после 1848 года Прудон печатал свои громовые статьи и свои гениальные книги, в которых больше и больше обозначается целое социальное мирозерца-

¹ Свобода преподавания, теоретического обслуживания, так, как она существовала после 1830 года в Германии, — все это сделалось мифом. Довольно сказать, что в Пруссии, Баварии и Гессене в школах запрещено ученикам давать Шиллера и Гёте... В то же время во Франции запрещают в училищах не только чтение древних писателей и энциклопедистов, но Фенелона! Мы думаем, что до известной степени мысль можно задержать насильем. Разве папство во время Реформации не *выжгло* образование в Италии?

ние, начинающее новую революционную эпоху. Неужели ему нечего сказать? Мы думаем — очень много; насилие просто-напросто отрезало ему речь.

Перед нами лежит новое доказательство, как мало иссякла французская мысль и как, напротив, она работает совершенно в новом смысле. Знаменитый историк Мишле, изгнанный Людовиком-Филиппом из аудитории, потом Бонапартом из Collège de France, противузаконно лишенный места и окладов, удалился года на два в Нант. Возвратившись в Париж, он издал под заглавием «Возрождение» очерк истории XVI столетия, одно из самых поэтических и глубокомысленных исторических сочинений, когда-либо вышедших во Франции. Это поэма, картина, философия эпохи, простой рассказ и вместе огненная полемика и страшный удар католицизму.

Гонимый, в борьбе с нуждой, без кафедры, с которой он привык потрясать сердца юношей, облегчая свое собственное, старик не сломился, а поюнел, сосредоточился, обновился, его мысль глубже проникла в былое, нежели прежде, он отбросил свою национальную точку зрения, что для француза чрезвычайно важно. Отрава настоящего насторожила его и озлобила, оттого-то его строки так страстно горячи, за ними виднеются молнии гнева, — гнева львиного, лютеровского. Гнев сильного только и бывает велик и изящен.

Я помню старца Ламенце после Июньских дней, проклинавшего в глаза победителей, на которых еще не обсохла кровь. Это был Даниил, Иеремия, тут я оценил поэзию гнева!

Но смысл книги Мишле не только страстный и полемический; былое для него не один предлог, чтоб говорить о настоящем, — тогда бы его рассказ не был ни так пластически верен, ни так богат живыми подробностями и оттенками, они только не ускользают от глубокого изучения, — от изучения, полного любви к предмету.

После удивительных страниц А. Тьерри в его «Меровингских рассказах», после нескольких картин поразительной художественности в «Истории французской революции» Карлейля нам не случалось читать ничего, подобного «Возрождению» Мишле. Эта книга далеко оставляет за собой все писанное им прежде и это оттого, что он сам сделал необычайный шаг вперед. Он и

Кине давно поссорились с католицизмом, но христианская борьба против папы и иезуитов всегда будет не дальше какого-нибудь протестантизма. А с протестантской точки зрения католицизм победить нельзя, *логика безумия* с его стороны. Надобно было выйти не только из церкви, но с церковного погоста, надобно было раз навсегда и окончательно расстаться с христианством как с положительной религией. Вот этот-то шаг и сделал Мишле, и сделал с той же силой и последовательностью, как Фейербах, но совершенно иным путем. И вот причина, почему его «Введение» наносит тяжелый удар не только католицизму и церковному христианству, но и тому бледному порождению религии и науки, тому лунному христианству, той философской бестелесности и романтической постности, которую называют *идеализмом*.

Надобно знать робость французов за известными пределами скептицизма и отрицания, чтоб оценить нравственную сторону подвига Мишле. Французы в этом отношении имеют некоторое сходство с петербургской ценсурой. Губернских чиновников и вообще чиновников от статского советника вниз она позволяет бранить, делать смешными, но до первых трех классов не касаться. Когда я был в близких сношениях с «*Voix du Peuple*»*, Прудон раз мне писал: «Вы не знаете нашей публики, с вашей *verve barbare*¹ и откровенностью выражений вы разгоните читателей, вы их испугаете». С каким воплем негодования принимались его собственные статьи и какой гигантский талант надобно было иметь, чтоб выдержать напор со всех сторон! Е. Жирарден как-то в «Прессе» коснулся мысли, что «право имеет только исторические определения и, следовательно, меняется во времени». «Как,— закричали со всех сторон,— право не вечно, право не безусловно?.. это разбой, это проповедь безнравственности», и полемика длилась месяцы.

В романах и повестях — точно в уголовной палате — виновного наказывают, правый торжествует, иначе роман оскорбляет моральное чувство. Ж. Санд недавно отбросила эту ложную прозаическую привычку *примирять* судейски. Ее превосходная сказка «Грибуль» оканчивается тем, что Грибуль

¹ горячностью варвара (франц.).— *Ред.*

гибнет в огне и никто его не спасает для того, чтоб ему дать медаль «за преданность».

Посудите же, какое негодование должна вызвать книга заслуженного профессора, одного из знаменитейших историков и литераторов Франции, в которой он бросает христианство за борт, чтоб вольнее плыть по океану жизни и ведения.

Второй подвиг Мишле почти еще труднее для француза: он в истории XVI столетия отрешается от французски-национальной точки зрения, от этой добродушной уверенности в превосходстве французов над другими народами. Он представил встречу Италии с Францией, как поэтический зритель, принимающий живое участие в обоих, как зритель *французский* по гению, по натуре, самому свойству своего таланта, но без патриотической задней мысли. Это несравненно больше, нежели слова негодования против Франции, которые, например, являются часто в прекрасной книге Кине об Италии * и в которых просвечивает та же исключительно национальная мысль в обратном положении.

Французы и этим будут недовольны. Они много говорят о круговой поруке народов, о их братстве, но это делается на основании снисхождения. Они готовы считать других равными, если только другие их будут считать первыми. В том роде, как англичане готовы допустить, чтоб вы были атеисты, но желают в таком случае, чтоб вы принадлежали к атеистической церкви.

Насколько эти остановившиеся понятия, эти национальные предрассудки мешают развитию и революции, лучше всего показывает *шовинизм* французов, на котором Наполеон I создал империю, а Наполеон III поддерживает свой хилый трон.

Тем важнее заслуга людей, освобождающихся от пут, которые они сами носили. Заметим мимоходом, что эпоха *изгнаний*, начавшаяся в 1848 году, для французов имеет огромное значение. Французы мало ездили по другим странам, еще меньше жили в них и не были почти ни в каких тесных отношениях с людьми других стран. Наполеон разбросал живых французов по всему миру, так, как его дядя усеял мертвыми все поля Европы. В бедных переулках Лейстер-сквера и Соо, в убогих питейных домах и небольших клубах в Лондоне совершается великая вещь, незаметная, как все настоящее, но которой след-

ствие уже теперь обнаруживается. Беспрерывное общение французских изгнанников с изгнанниками разных стран и с английскими работниками сильно отразилось на образе мыслей *излечимых*. Это предмет до такой степени важный и полный будущего, что мы ему посвятим особую статью *.

Чтоб ознакомить наших читателей с книгой Мишле, мы стараемся как можно ближе к слогу писателя передать несколько отрывков.

Схоластическая наука, искажая мышление и приучая его к выводам чисто формальным, произвела, по мнению Мишле, целый народ *дураков*, людей, которые были глубокомысленно глупы, которые учением, не имевшим в себе ничего реального, притупили свои способности, забили их. Приготовивши так людской мозг, с одной стороны, и, с другой, трудную и сложную науку без содержания, почтенные богословы дали людям волю заниматься...

«Запретить философию, рассуждение значило бы их поощрить; гораздо лучше было втеснить философию в небольшой законный круг, где бы она могла, не двигаясь вперед, вертеться понемногу в вечном круговороте. Позволить до известной степени рассуждать, разрешить отвлеченному разуму бороться только с отвлеченным разумом; это была превосходная прививная оспа, предохранявшая людей от опасной болезни здравого смысла.

За утратой действительного мышления, которое было гонимо, оставалось еще созерцание, и ум, лишенный права ходить, принялся летать. Но мистики, которыми папа подавил Абеларда, в душевной простоте своей пророчили ему приближение царства духа, новую церковь без папы, церковь любви, свободы, света. Такое направление было не меньше опасно всяких рассуждений, остановить его было труднее. Если церковь не будет поддерживать мистицизма, она подойдет под обыкновенные законы, сделается судом, церковь юридическая и рассуждающая -- не церковь, действие без причины -- ничего.

Как после Абеларда терпели людей полурассуждающих, которым позволяли немножко думать, так теперь допустили полумистиков, которым дозволили немножко бредить, востор-

гаться до известной степени, быть безумными, но с руководством. Это — второе сословие дураков.

Они были удивительны. Первые шли неловко и тяжело, с путями на ногах; печальные четвероногие, они все-таки могли кой-как двигаться. Благоразумные мистики, напротив, имели небольшие, подвязанные крылья, хлопали ими, усиливались лететь, поднимались на аршин от земли и падали зря с завязанными глазами, спокойно принимаясь высиживать своих детнейшей на заднем дворе православия и на родных навозных кучах.

...Кажется, довольно ловко законопачены и засмолены были все отверстия, через которые мог бы пройти свет. Вместо слепых, которые бы страстно желали видеть, людей сделали близорукими, ночными птицами, которые вовсе не любят смотреть, и смело говорили им: „Глядите, ведь у вас есть глаза“.

Обе мощи были равно подавлены — ум и безумие, логика и пророчество, так что мысль человеческая, которой был запрещен ее естественный путь, не имела даже возможности тех гениальных безумий, которыми она иногда одним скачком достигает запрещенного. Между уничтоженным хождением и летанием оставалось ползание, его-то и поощряли, предлагая награды улиткам и куколкам, — кто кого обгонит.

Но ум человеческий имеет такую искаженную природу и такое несокрушимое начало непокорности, что нашел себе путь; не имея возможности знать мир духовный, углубляться в себя, он начал исподтишка поглядывать на природу. Нет больше независимой мысли — положим; нет больше поэзии — хорошо; можно же по крайней мере посмотреть, что делается вокруг! Будто такая большая ересь собирать травы на полях, приготавливать для людей врачевания, извлекать на пользу человеку жизнь, богом данную этим *простым*?

Остерегайся, сын мой, остерегайся. Действительно нет ереси опаснее этой. За нее-то бог и проклял евреев и арабов. Они не постигли, что болезнь есть дар неба, предостережение, земное чистилище, уменьшающее казни будущего. В наказание им бог их окружил всеми соблазнами земными; huerta¹ Вален-

¹ орошаемые районы (испан.). — *Ред.*

ции и *vege*¹ Гренады, настоящий рай злого духа, сосредоточили все богатства трех частей света — Европы, Африки и Азии. Шелк, рис, шафран, сахарный тростник, бананы, фиги, мирра, имбирь, абрикосы и бумага... Их тираническая торговля насилует климат и путает дары божии. Эти варвары, открывшие компас, бумагу, порох, дерзновенно осмелились поставить башни, чтоб наблюдать ближе за звездами; лазутчики неба, они дерзновенно спускают их посредством вогнутых стекол, нудят их отразить свой образ, признаться во всех своих движениях; они хотят унижить перед человеком эти великолепные светила, прибитые — по Писанию и по св. отцам — к неподвижному кристаллу небесного свода. Они снова впадают в грех Адама и снова рвут запрещенные плоды от древа знания. Они ищут спасения не в чуде, а в природе, не в легенде сына, а в творении отца...

Поймите же этот мир, поймите средние века! В продолжение пятнадцати столетий бог-отец, бог-создатель не имел ни одного храма, ни одного жертвенника. До двенадцатого столетия вы не встречаете его образа. В XIII он робко показывается возле сына; но остается подчиненным ему. Когда кому-нибудь пришло в голову принести ему что-нибудь в жертвенный дар, отслужить ему обедню? Он остается одиноким, оставленным, забытым, с своей длинной бородой. Толпа не тут. Его терпят только. Здесь царят сын и дева, его только что не гонят из церкви. И это много. Он должен радоваться, что ему многое простили. Он был жид; и почему знать, что этот Иегова не Аллах Мекки. Арабы и евреи утверждают, что они верят в бога-отца и что за это он им так роскошно дает дары своего творения.

Творение, создание, рождение, дела божьи, дела рук человеческих — все это слова, дурно звучащие и оскорбляющие в средних веках. Производительная сила рождения, просто-душно поставленная на алтарь древними религиями, стала срамом в новой; при этой бледной и увядшей монахини — едва смеют шептать о рождении. Если мать превознесена, то это как дева. Мать — не в самом деле мать, сын не в самом деле сын; „женщина, что мне до тебя?“ Отец тоже не отец, он кормилец, воспитатель, больше ничего.

¹ плодородные долины (испан.). — *Ред.*

Творец-Ормузд, плодоносный Иегова, героический Юпитер — все эти боги украшены пышной окладистой бородой, страстные любовники природы, мощные двигатели человеческой деятельности. Но кроткий и задумчивый бог средних веков — без бороды, и таким остается он в первые века христианства. На памятниках до грубых феодальных веков почти совсем нет его изображения с бородой. Зачем ему мужественная, отеческая борода для возвещения миру близкого конца? На что породить накануне смерти? Всякая деятельность должна остановиться, исчезнуть. „Взгляни на лилию, она не прядет, а одета лучше тебя“, конец всякому труду, работать не нужно. „Кесарю кесарево“ — отечество теряется в империи — „ни грек, ни римлянин, ни варвар“. Империя рушится, варвары занимают места. Св. Павел едва допускает брак; семья также кончается самым холодным образом, супруги расстаются по добром согласию; он делается иноком, она монахиней, совершенно сочувствующие в мысли разлуки.

Если бенедиктинцы в голоде, следовавшем за опустошительными войнами, пахали землю, это было насильственное отклонение от законной косности, и вскоре все опять пришло в покой...

...Но через Салерну и Монпелье, через арабов и евреев, через их учеников в Италии совершалось торжественное воскрешение бога природы. Похороненный не три дня, а тысячу с лишком лет, он приподнял своей головой гробовую доску. Он, необъятный и благий, восставал победоносно, его руки были полны плодов и цветов, это была утешительница мира — любовь. Мавры открыли целобные силы, врачующие начала, которые земля из своей обширной груди посылает своему ребенку-человеку посредством *простых*. Нежность этого бога-матери, которого не знаешь как назвать, обнаруживалась везде, выступала из всех берегов в своей благодати и роскоши. Видя человека слабым, шатким на ногах, не могущим идти к ней, она сама, великая мать, сострадательная кормилица, бросалась к нему, чтоб поддержать и подкрепить его. Чем же заплатит ей человек? Что он может дать?.. Великое сердце, непреклонную волю.— Явился Рожер Бакон!»

Я старался как можно более удержать своеобразный слог этого библейского песнопенья. После этого удивительного места

приведу вам *объяснение* колдуньи, ее *преображение* в рассказах поэта-историка.

«Добрый немецкий монах Спренгер, написавший книгу „Млат колдовства“, знаменитое руководство инквизиции, сильно затруднялся, отчего так мало колдунов и так много колдуний; отчего злой дух легче сближается с женщинами. На этот вопрос он находит двадцать премудрых ответов — женщина погубила первого человека, она легкомысленна, в ее груди (по свидетельству Соломона!) бездна чувственности... Есть еще и другие причины несколько проще.

В эти странные времена женщине идеально поклонялись и ставили ее вместо бога на алтарь, но в действительности она была несчастной жертвой, на которую обрушивались все бедствия этого мира; она жила в аду. Бокаччио в своей „Гризелиде“ рассказал совершенно общую повесть о беспечной жестокости мужчины к бедному материнскому сердцу. Мужчина, с благочестивым самоотвержением переносящий страдания женщины, легкомысленно увеличивает число детей, содержаемое в пределах только одной смертностью их. Женщина, бедная игрушка, вечно мать, вечно в трауре, „она зачинает, — как говорит Спренгер, — посвящая диаволу свой плод“. Состарившаяся лет в тридцать-сорок, переживши своих детей, она тянет тягостную жизнь, забытая, оставленная, без семьи. Да ей было не лучше и в семье; за грубым крестьянским очагом — какое место старухе? Последний батрак, мальчишка-пастух сидят выше ее. Куски, которые она ест, считают, на нее негодуют, что она жива. В одном швейцарском кантоне должны были законом предписать, что мать имеет место у очага своего сына.

Ну, вот она и удаляется, ворча сквозь зубы, и бродит по пустым полям, бродит в холодные ночи, сердце ее полно желчи и злобы. Она зовет злых духов; если их нет, она их выдумает. Диаволу, живущему в ней, недалеко; она его мать, его невеста, она поклоняется одному ему...

Что могло удержать эту женщину? Бог? Он с ней говорил по-латыни непонятными символами. Диавол, напротив, говорил природой, этим *миром*, которого он царь; зло и добро беспрестанно свидетельствовали о его власти над этим миром. Неужели вы думаете, что она отказалась от него? Увядшая, оскорблен-

ная, в лохмотьях, нищая, посмешище детей, она затаила сильную волю и странные желания (где им предел, когда однажды возможное перейдено и желаниям дана воля вольная?) — она приобрела власть делать что хочет. Это она вызвала болезнь соседа, она сглазила надменную женщину, смеявшуюся над ней, а та и выкинула. Царство ужаса достается теперь на ее удел. Теперь над ней не издеваются, не называют *старухой*, теперь ей кланяются, как барыне. Мать пойдет к ней с полными руками, моля за своих детей. Юноша бежит к ней, предлагает все, чтоб она только не помешала его браку. Колдунья на своем чердаке показала соседке пятнадцать молодых, один лучше другого, в зеленом платье, и сказала: „Выбирай, они твои“».

Спренгер рассказывает с ужасом, что он видел раз зимою, когда все дороги занесло снегом, несчастных жителей небольшого города, пораженных страхом и преследуемых несчастьями (очень обыкновенными в окрестностях маленьких немецких городов), произведенными заговариванием и колдовством. Никогда, говорит он, не шло столько богомольцев к пречистой деве пустынников или ко всех скорбящей, как в это время, несмотря на ухабы, снег, метель, шло к колдунье, прося ее заступиться у дьявола. Какою злобной гордостью должно было исполниться сердце старухи, когда весь город трепетал у ее ног и просил защиты! Какие фантастические желания должны были посетить ее душу, когда она видела себя превознесенной, любимой, мощной, страшной! Она тешилась над ними, сводя их с ума. Монахи рассказывали Спренгеру: «Она заколдовала трех наших аббатов, убила четвертого и дерзко говорила: „Да, я это сделала и еще хуже сделаю, и они не выпутаются, оттого что они ели...“ И она назвала очень мало возбуждающее аппетит кушанье.

Колдуньи хвастались своею мощью, и от них самих Спренгер узнал половину нелепиц, которые рассказывал.

Это из предисловия. За ним следует поразительная картина встречи Франции и Италии; на этот раз мы ограничимся небольшим отрывком¹.

¹ Мы намерены из этой книги и из второй части ее, «Реформации», которая должна выйти на днях, поместить несколько страниц в следующей книжке*.

«Открытие Италии свело наших с ума; они не могли противустоять ее увлекательным прелестям. Товарищи Карла VIII были не меньше удивлены, как спутники Христофора Колумба.

Исключая провансальцев, которых война и торговля неоднократно водила в эти страны, французы не предполагали найти ни этого народа, ни этой красоты, ни этого искусства.

Противуположность Италии с северным варварством была так велика, что победители были ослеплены, почти испуганы, смущены новостью предметов. Они немели от удивления перед этими дивными картинами, мраморными церквями, пышными виноградниками, населенными статуями, перед этими живыми изваяниями — прелестными девами юга, увенчанными цветами, которые шли с пальмами в руках на сретение воинов и несли ключи города. Они были сначала поражены; потом ими овладела буйная радость.

Провансальцы, бывшие в неаполитанских походах, приплывали на кораблях или шли обходом через Романью и Аbruццы. Прежде Карла VIII ни одно войско не совершило всего священного пути, который, начинаясь от Генуи или Милана, Луккою, Флоренцией и Сиенной ведет путника в Рим. Удивительная красота Италии состоит в ее общей форме и в этом crescendo¹ чудес от Альп до Этны. Входя, не без потрясений, вратами, покрытыми вечным снегом, вы находите первый отдых, полный прекрасного, в изяшном величии ломбардской долины, этой роскошной корзины жнитва плодов и цветов. Потом Тоскана, прелестно очерченные холмы Флоренции останавливают глаз своей оконченной красотой, она сменяется священным ужасом, вселяемым печальной торжественностью Рима... И вы думаете — это все? Нет. Более кроткий рай ожидает вас в Неаполе, новые ощущения наполняют грудь, и душа подымается в уровень Альпам перед дымящим исполином Сицилии.

Природа сосредоточивается, выражается всего лучше в женщине. Черные итальянские глаза, больше сильные, нежели приветливые, печальные и *без детства* даже в самом раннем возрасте, производили непреодолимые чары на северных людей. Это была встреча двух пород, бросившихся друг к другу слепо

¹ нарастании (итал.). — *Ред.*

и жадно, принимая друг друга в себя, как два химических вещества, имеющие сродство, соединяются при первом соприкосновении. Когда начальное опьянение прошло, превосходство Юга обнаружилось; везде, где французы остались несколько дольше, они неминуемо попадали под иго итальянок, которые потом делали из них что хотели».

Мы спрашиваем всех живших в Италии, можно ли изящнее, вернее, резче обрисовать весь полуостров от снежных Альп до растопленного кратера Этны, до этих глаз «без детства» — и всё на одной странице.

Разумеется, из книги Мишле нельзя научиться истории XVI столетия, так, как из книги Карлейля нельзя научиться истории революции; это не вступления, а заключения, завершения, эпилоги, последние слова. Передо мной лежит один из *chef d'œuvre*'ов учебной литературы, «The Earth and Man or physical geography in its relation to the history of mankind», сокращенные лекции Арнольда Гюйо (Guyot), читанные им в Бостоне*. Это один из тех редких вполне достигнувших своей цели трудов, в которых не знаем, чему больше удивляться — ясности, глубине, простоте или сжатости¹. И несмотря на то, географии нельзя выучиться по ней.

Такого рода книги предполагают школьное знание фактов. Они являются после предварительного, так сказать, мнемонического труда привести в порядок скученное, объяснить узнанное, дохнуть огнем сильной мысли, чтоб сплавить песчинки в прозрачный хрусталь.

И. Мишле, мы извещаем об этом с величайшей радостью, — один из первых обещал нам свое деятельное участие в «Полярной звезде». Как глубоко и ясно он понимает теперь — после нашей дружеской полемики² — наше положение, всего лучше показывает его прекрасное письмо.

¹ Мы чрезвычайно рекомендуем нашим переводчикам эту книгу, цензура ее пропустит. Она вышла в Лондоне в 1852 году.

² В 1851 году Мишле издал свою легенду о Костюшке*. Я счел долгом показать знаменитому историку, что он ошибочно смотрит на Россию, и написал длинное письмо («La Russie et le socialisme, lettre à M. J. Michelet». 1851. Nice. 2-е Ed. 1855. Jersey). Французское правительство не только запретило первое издание, но украло его на марсельской таможне. Мишле с величайшим беспристрастием принял мои замеча-

ПИСЬМО И. МИШЛЕ К ИЗДАТЕЛЮ

Вы не усомнились в моем искреннем сочувствии вашему прекрасному предприятию, несмотря на то что многие из моих слов, писанных под влиянием ужаса, наводимого Россией, могли показаться несправедливыми и жестокими, — и вы были совершенно правы, любезный друг!

Вы думаете, что я готов принять сердечное участие в вашем русском и общечеловеческом деле? Без всякого сомнения.

В моей теперичной комнате, в которой я еще не имел удовольствия вас видеть, висит портрет русского; портрет этот полон трагического смысла для меня, он мне вдвойне дорог — это черты нашего Бакунина, набросанные умирающей рукой вашей жены. Часто не могу я оторвать глаз от него и думаю, и думаю, такое множество чувств возбуждает он, такое море мыслей.

Тут Запад, тут Восток, тут их союз.

Запад — твердый меч, неустранимый воин, проснувшийся прежде, нежели пробил февральский час, и написавший острием стали (на таблицах Реформы) вызов Николаю.

Восток — страдательное противудействие святой Руси — Руси иноплеменного правительства, терзающего ее и развращающего внутреннее стремление сорваться с пути, по которому толкает ее лукавая власть, и сделаться тем, чем природа назначила быть — мирным переводчиком между Европой и Азией.

И в тех же чертах я вижу залог будущего Союза, преданность, обвивавшую все страны в своей любви к отечеству. Немцы теснят Россию, помогают правительству — это знает всякий. И между тем как только раздался древний германский клик: «Кто хочет умереть с нами, за свободу Германии?», явился русский, стал в первые ряды и ни один немец не опередил его. Когда Германия будет Германией, она поставит ему памятник.

До тех пор пусть он занимает место у очага и в сердце француза, который так же, как вы, любезный Герцен, вел отчаянную войну против царя — за Францию, за Польшу и еще больше — войну за Россию.

Водружайте смело знамя этого боя в вашем обозрении. Весь мир будет ему рукоплескать.

Теперь самые простейшие люди начинают догадываться, что освобождение России необходимо для всемирного освобождения.

Для людей мыслящих становится яснее, что многие вопросы, остающиеся темными, неразрешенными на Западе, найдут свое объяснение в восточном перевороте. Задача социализма может только быть вполне разрешена сообща, семейно, совокупностью освобожденных народов и

ния, требовал серьезных объяснений, согласился с ними, и все это с той искренностью и простотой, которая только принадлежит людям, страстно любящим истину.

с участием младшего из них, который инстинктом, в своем быте, нашел естественные сочетания, оказавшиеся искусственными попытками везде.

Слава вашего Пестеля состоит в том, что он провидел в бесконечном разнообразии народных потребностей и призваний, что ваша революционная идея не совпадает с западной; переворот и будущее он вызывал из внутренностей вековой народной жизни. Он указал на село как на начальную основу, он принимал общину за животворную стихию, монаду будущей русской республики, находя «республиканскую» форму более естественной для России, «чем татарский царизм и немецкий цесаризм».

Будьте же уверены, любезный друг, что мы очень знаем, сколько новых откровений принесет нам рано или поздно русский переворот.

«Звезда», восходящая у полюса, пусть светит и для нас, с тем живым мерцанием, обыкновенным в ваших полупрозрачных ночах севера, которых девственный чистый свет больше солнечного походит на свет мысли.

Если лучи ее не скоро отразятся, если безмолвный мир, к которому вы обращаетесь, долго не даст ответа, не теряйте терпения. Не скоро можно прийти в себя после такого тяжелого и продолжительного обмиранья. Каждому слову вашему будет соответствовать скрытое движение, тайное биение сердца. Говорите же вашей родине — ведь вы сами она же, вы представляете между нами ее сознанную мысль, ее древнюю давно подавленную душу, ее молодую душу, пророчески сознающую будущее.

Жму вам руку, друг мой, во имя нашей общей и вечной надежды.

И. М и ш л е. ●

Париж, 1 июля 1855 года.

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

В начале 1854 года я получил следующее верноподданническое, но не подписанное письмо:

Ваша «Крещеная собственность» имеет целью представить нам, русским, неестественность и безобразность крепостного права, и впереди развязку этого явления *топором*.

В истории каждого народа есть свои болячки; на долю России досталось *крепостное состояние*. Но сознание зла пробуждается только по мере своей зрелости, а стремление к уничтожению его рождается по мере развития сознания.

Никто более не способствовал развитию в нас этого сознания, как наш *Государь*, действия которого вы стараетесь представить в превратном виде. Напротив, попытки Государя положили прочное основание будущему освобождению крестьян, ибо даже те, которые не подозревали неестественности своих отношений к крестьянам, теперь понимают необходимость изменения их. На нас, владельцах, лежит великое дело — помочь правительству последовательно, мирно, без развязок, подобных западным, достигнуть переворота. Конечно, это будет сопряжено с личными для нас жертвованиями, но жертвования эти будут добровольные, сознательные, не запечатленные кровью.

Вы добровольно отказались от участия в великом деле, вы сочли лучше толковать о зле *вне отечества*, нежели принести на пользу ему свои способности, свой труд, нежели пожертвовать частью своей собственности; осуждая начало, вы однако воспользовались его выгодами, и после всего этого вы думаете, что слова ваши могут иметь какое-либо для нас значение, что между вами и нами есть какая-либо связь?

Нет, мы, русские, привязаны к своему отечеству, мы считаем, что жизнь наша *неотделима от общей жизни государства* и составляет с нею *одно целое*. Отречение от этой жизни есть великий грех, *гражданское самоубийство*.

В нас возбуждает оно, кроме тяжелого для вас чувства, которое тяжело даже выговорить, сожаление православных о сбившемся с пути. Да простит вам бог ваше преступление!

Париж, 13 марта 1854 года.

Beau masque!¹

«Я к вам пишу»*— вот вам доказательство, что я вас принимаю за честного человека. Но, видите ли, одно то, что в России *могут быть* честные люди, рассуждающие так, как вы, совершенно достаточно, чтоб жить в другой части земного шара.

В вашем письме все проникнуто духом полнейшего гражданского и духовного рабства,— рабства сознательного, обдуманного и, следовательно, неизлечимого. В каждом слове вашем просвечивает то отсутствие всякого чувства личной независимости, которое сделало из России скамейку для царских ног, из русского народа податное состояние, отданное не только на разграбление, но на сечение помещикам и полиции.

Вообразивши, что «наш государь» только о том и кручинится, чтоб освободить крестьян (согласитесь, что он был воздержнее Сципиона, не давши в продолжение тридцати лет волю своему желанию, что, конечно, стоило бы меньше его отеческому сердцу, нежели перекрещивание униат и терзание Польши), вы находите, что «крепостное состояние» — болячка, доставшаяся на долю России, и дайте чувствовать, что это единственная болячка ее.

А телесные наказания без суда, а всеобщее воровство в суде, а самовластье, дошедшее до безумия, а невозможность сказать слова — это не болячки? А то, что вы, написавши ко мне из Парижа в Лондон, не смеете слово «государь» писать обыкновенными буквами — это не болячка?

...Чего вы испугались моей книжки*, чего вы удивились, что я о зле отечества говорю вне его, когда внутри *его* можно только об нем молчать? Смешивать акт обличения с злословием так же нелепо, как историю называть сплетнями.

Говорил я и прежде, меня язык два раза водил если не до Киева, то до Перми и Вятки. Я семью годами ссылки заплатил за то, что не умел развить в себе православного *принижения личности**.

¹ Прекрасная маска! (франц.). — *Ред.*

Зачем я остался, как я остался, я это объяснил гораздо прежде получения вашего письма¹; повторять не считаю нужным. Исполнил ли я в меру моих сил обещанное тогда, предоставляю судить другим, а вам скажу одно. Если б вы не смешивали любви к рабству с любовью к народу, если б вы понимали разницу между географическим местом жительства с внутренним единством, если б у вас в груди осталось место для каких-нибудь других чувств, кроме верноподданнических, если б вы были и раб, но раб негодующий, раб, плачущий о несчастьи своего народа, а не раб, гордящийся своим ошейником, то вы не рассердились бы за то, что я обидел ливрею вашего барина, а иначе поняли бы и мои слова и мою деятельность.

Вы не принадлежите к народу, вы принадлежите к тому, что гнетет народ; оттого вы не поняли ни моего удаления, ни моих слов. Какое вам дело до того, что человек пять лет проповедует во Франции, Италии, Германии, Англии примирение, общение с народом русским? Какое вам дело, что Польша изгнанников послала через меня слово примирения народу русскому?* Какое вам дело, что на вольной британской земле я поставил первый вольный станок для русского слова?

Подите... православный защитник царя. Немецкие газеты, клеветавшие меня, ругавшие меня за мою любовь к народу русскому, были справедливее вас, византийский богослов из чухонской передней Зимнего дворца.

Я кончил. Но в вашем письме вы не ограничились общей полемикой, вы хотели набросить на меня тень иного рода. Вы говорите, что я воспользовался крепостным правом — протестуя против него? Благодарю вас, что вы дали случай сказать — не вам, потому что, по правде, мне совершенно все равно, что вы думаете обо мне и чего не думаете... а сказать в печати то, что мне казалось слишком лично и частно.

Я отроду не продал, не заложил ни одного крестьянина, но еще больше — я не пользовался ни оброком, ни работой крестьян; это случай, но он тут в мою пользу. Я лишился отца в мае 1846 года, при его жизни я не владел ничем; в январе 1847 года я был уж за границей. Единственный акт, сделан-

¹ См. Предисловие к «С того берега», писанное в 1849 г.*

ный мною в управлении имением, состоял в предложении крестьянам заложить их и отпустить на волю с землею; пока староста советовался, я уехал. Через полтора года, *не объявляя мне ничего*, правительство взяло имение под секвестр*. Родственник мой, предупреждая меня, хотел купить имение и предлагал мне вдвое больше той суммы, которую я был намерен взять с крестьян. Я ставил условием, чтоб он сделал крестьян обязанными, и на этом основании делал значительную уступку. Родственник мой не согласился. Имение было взято. Крестьяне собрали оброк за 1847 год, правительство его перехватило. Я почти рад этому — жаль только, что деньги попались в скверные руки.

Десять раз я хотел просить правительство, чтоб мое костромское имение было отпущено на волю с землей, без всякого возмездия, я хотел письменно отказаться за детей. Но не сделал этого, боясь дерзкого ответа, что-де и без того имение в руках правительства.

Может, вы, прелестная маска, служите где-нибудь *нашему* государю, постарайтесь об этом деле, и я найду ваше письмо ко мне умным и дельным.

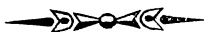
Или вы, может, упрекаете меня в том, что я взял свои деньги из России, ну, в этом я действительно виноват; мне бы перед отъездом отдать все состояние Митрофану Воронежскому на новую раку*—или на основание капитала для пансионеров вдовам и сиротам литературных и политических агентов, доносивших более двадцати лет,— не догадался.

В заключение прошу вас, пожалуйста, не молитесь обо мне, я совсем не так жалок, как вы думаете. Молитесь лучше о нашем добром, забитом народе, может, и с ваших глаз падет повязка, и вы увидите, что, имея право отпустить крестьян ваших на волю, при том бескорыстии, которое отразилось в вашем упреке мне,— очень легко исполнить это желание.

Преданный вам

Гражданский самоубийца.

20 июля 1855 года.

К НАШИМ

В Риме новорожденного клали женщины у порога отцовского атриума, и принесшие его ожидали с благочестием, пока отец брал ребенка на руки, только с этой минуты он делался сыном. Мы кладем у порога России первую книжку «Полярной звезды» и ждем с доверием и самоотвержением, усыновите ли вы ее, узнаете ли вы в ней хоть слабый отблеск «Полярной звезды» Рылеева и Бестужева.

В бродячей жизни изгнанников, оторванные от нашей почвы, мы не имеем тех средств, которые были у наших великих предшественников; у нас нет Пушкиных и Грибоедовых в числе сотрудников; все, что мы приносим, — это добрая, чистая воля, слово свободное, как воздух, и помощь западных друзей.

Вопрос о том, поддержите ли вы нас или нет, чрезвычайно важен. По ответу можно будет судить о степени зрелости русской мысли, о силе того, что сгнетено теперь.

Мы готовы ждать, долго ждать, как советует почтенный друг наш Мишле*, но наконец без статей из России, без читателей в России «Полярная звезда» не будет иметь достаточной причины существования.

Лед, разбитый пушками, тронулся*, вся земля в движении, мышцы и нервы натянуты, новое парствование не успело еще окостенеть, как прежнее. Если вам теперь нечего сказать или не хочется говорить, если вам достаточно делать бледные намеки в ваших глухонемых журналах, тогда мы с горестью должны отказаться от нашей мысли и вместо *русского обозрения* издавать *обозрение о России*. Тогда «Полярная звезда» будет

выходить на французском языке и из органа пропаганды дома сделается органом союза и сближения.

Ваше молчание, мы откровенно признаемся, несколько не поколеблет нашу веру в народ русский и его будущее; мы только усомнимся в нравственной силе и годности нашего поколения.

Издавая наше обозрение на французском языке, мы уверены в успехе, тут нам спрашивать нечего. Общественное мнение, перед раздражением которого мы должны были на время умолкнуть в начале 1854 года, совсем не то.

Год войны многому научил.

Тем не меньше тяжел будет для нас удар вашего молчания. Неужели мы так выродились со времен Пестеля и Рыльева, что сделались более учеными доктринерами и менее способными на дело, на отвагу? Разве мы не той же крови, как севастопольские бойцы, или и об нас скажут, как о французях, что «мы боимся всего — кроме ружейных выстрелов».

Все вас зовет участвовать в нашем труде. У нас нет *никакой системы, никакого учения*. Мы равно приглашаем наших *европейцев* и наших *панславистов*, умеренных и неумеренных, осторожных и неосторожных. Мы исключаем одно то, что будет писано в смысле самодержавного правительства, с целью упрочить *современный порядок дел в России*, ибо все усилия наши только к тому и устремлены, чтоб его заменить свободными и народными учреждениями. Что же касается до средств, мы открываем настежь все двери, вызываем на все споры. Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами; нам случалось уже печатать вещи, прямо противоположные нашему убеждению, — но сходные в цели. Роль цензора нам еще противна со времен русской жизни.

Несогласие в *прикладных* вопросах, стало, не может быть причиной отказа. «Полярная звезда» — один существующий в мире свободный орган для русского слова, — не забудьте этого.

С другой стороны, взгляните на обстоятельства, среди которых мы начинаем наш труд. Война ревет. В народных толпах развили все злые чувства национальной ненависти и жадного патриотизма; в толпах *второго порядка* разбудили чувства более разумные — крестового похода за *просвещение* и *свобо-*

ду*; и те и другие отлучили от человечества и от любви целый народ.

Середь этого раздражения, середь грохота пушек, порохового дыма и дымящейся крови, середь стопа раненых и всеобщего гвалта, поднимается голос, просящий в Лондоне испытанных воинов свободы помочь ему в пропаганде русскому народу, предлагающий не жечь села и усадьбы с союзниками, а проповедовать ему волю, не унижать его, а поднять,— голос, утверждающий, что в русском народе не только есть начало революционное, но социальное, которое следует развить... Это безумие, но такова была еще на дне души нашей вера в западного человека, что мы сделали это безумие.

Что же вышло из того?

Неутомимые бойцы мысли и дела, апостолы независимости и нового общественного порядка, люди, имя которых связано с остальными благородными воспоминаниями последних лет,— эти *сильные*, которые устояли с немногими, не склоняя головы, не падая от утомленья и обид, середь повального унижения всей Европы,— они-то нам протягивают, по первому призыву, дружескую руку. Они поняли, что их место с врагами русского самовластья, а не с врагами русского народа.

В. ГЮГО, И. МАЦЦИНИ, И. МИШЛЕ, ЛУИ БЛАН,

П. ПРУДОН

с нами!

Николай оканчивал свои манифесты, говоря «с нами бог», нам не нужна помощь царского бога; *с нами революция, с нами социализм!*

Глубоко тронутые, принимаем мы это рукоположение.

Для нас, привыкших долгое время делить с одними из них тяжесть настоящего, с другими горький хлеб изгнания... участие их кажется до того естественным, необходимым, что мы забыли их благодарить. Но тем не менее смысл этого соединения глубок.

«Полярная звезда», может быть, всходит тоже над колыбелью.

Над колыбелью нового нарождающегося союза, нового карбонаризма, открытого, всенародного, в котором соединятся

свободные обеих сторон и который не может быть полон без русского элемента, как сказал знаменитый историк в своем письме*.

Мысли о славянском мире, пробивающиеся там-сям, в пространстве которых долею мы участвовали сами, казались странными в 1849 году*, преступными в 1854,— кажутся истинными в 1855 году. Это зарницы, которыми будущее прорывается в удушливую, тяжелую атмосферу Европы, носящую в растворе гниение целого разлагающегося мира.

Западные друзья наши подали нам руку, потому что они *почували* что-то *живое и обещающее* внутри молчащего мира нашего. Так встарь бывали рудокопы, которые чувствовали глубоко под землею металлические жилы — останавливались... искали — и находили.

Их доверие покамест дар — оправдайте его.

Неужели одной кровью невинных воинов спаиваются народы, неужели руку легче подавать через трупы? Теперь — как время переселения народов!..

Я верю в мощь слова, я верю в мирное соединение на одно общее дело. Народность — любовь к своим — не значит ненависть к другим. Что сделалось из справедливой ненависти поляков к русским? При первом откровенном слове любви и примирения поляки и русские указали на общего врага и обнялись*. Вот как важно высказываться; молчание — знак за-таенной мысли гораздо больше, нежели согласия.

Что же вышло из этого сближения польских изгнанников с гонимыми русскими? То, что поляки желают, чтоб мы были свободны, а мы — чтоб Польша была *независима*.

И желаем этого искреннее многих западных друзей ее. Они хотят восстаповить Польшу *против* России, хотят сделать из нее «лагерь, а не форум», как сказал Наполеон Нарбоцу¹, и защититься ее славянской грудью от нас. Мы хотим Польшу свободную и самобытную для того, чтоб не было наконец никакой причины раздора с Европой. Призвание Польши — этот мир, а не эта война; она не пограничная стража Европы, не забор между двумя семьями человечества, а посредница их.

¹ «Mémoires de Villemain», 1855*.

Она, с славянской кровью в жилах и с европейским образованием в нравах, назначена судьбой быть великим *самр ду дгар д'ог*¹* этой встречи. Она соединит своими мужественными руками руки едиборцев, не обливая их снова своею собственною кровью. Ей не нужно больше жертв; ее святые кладбища должны ороситься не ее кровью, а нашими слезами.

Первая панихида Пестелю и его товарищам была пета в Варшаве*. Мы первые склоним колени перед могилами защитников польской вольности!

Речь Бакунина*, положившая начало дружбы между гонимыми русскими и польскими изгнанниками, была произнесена в великую годовщину варшавского восстания, накануне Февральской революции.

Сегодня наша мрачная годовщина.

Двадцать девять лет тому назад, в подобный день, на рассвете, погибли под рукой палача пять русских мучеников, гордо и величаво погибли они, не прощая врагам, а завещая нам свое дело.

Что сделали мы?..

Но былого не переменишь... Осталось несколько дней впереди еще и у нас. Проснитесь же к деятельности, дайте волю вашей мысли, вашему плачу, вашему несогласию с нами — если оно есть.

Бедную свечку затеплили мы для нынешнего дня, на чужбине с чужими, от вас зависит поддержать и раздуть ее пламя. И если б когда-нибудь мы могли сказать себе, что мы сколько-нибудь способствовали к основанию русской пропаганды за границей и взаимному пониманию вашему с революционной Европой, — *целая жизнь*, пожертвованная одной мысли, была бы заплачена. Здесь я прошу позволение сказать несколько слов от своего имени.

Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием*. Среди Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийства. Вся царская фамилия молилась, около нее сенат, министры, а кругом на огромном пространстве стояли густые

¹ лагерем из золотой парчи (франц.). — *Ред.*

массы гвардии, коленопреклоненные, без кивера, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля.

Никогда виселицы не имели такого торжества; Николай понял важность победы!

Мальчиком четырнадцать лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой, я клялся отомстить за казненных и обрекал себя на борьбу с этим тронем, с этим алтарем, с этими пушками. Я не отомстил; гвардия и трон, алтарь и пушки — все осталось; но через тридцать лет я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу...

Только эта давность и дает мне тень права именем *великих мучеников* нынешнего дня звать вас на участие.

Ричмонд (под Лондоном), 13/25 июля 1855 года.

MR. ALEXANDER HERZEN —
TO THE EDITOR OF «THE GLOBE»

Cholmondely Lodge, Richmond, 23 d. oct. 1855.

Sir,— it was not until to-day that I had the pleasure of reading the favourable mention made in your esteemed paper on the 15-th instant, of the English translation of my Memoirs. While thanking you, I am anxious to say that the title given by myself and repeated by the «Révue des Deux Mondes», was «Prison and Exile».

The editor of a German translation (Hoffmann and Campe, Hamburg), thought it necessary to add the words «in *Siberia*», which are not to be found anywhere in my own writing of the title. The editor of an English translation has done the same thing.

The observation made in your journal is perfectly correct. I only went as far as the Uralian Mountains. *I have never been in Siberia.* But the title rests entirely on the responsibility of the editors, and I avail myself immediately of this opportunity of saying so.— Accept, etc. etc.

Alexander Herzen.

P. S. You will oblige me if you will publish this letter, and you will oblige me doubly by having it translated into English. Unfortunately I know the language too imperfectly to write it.

ПЕРЕВОД

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН — ИЗДАТЕЛЮ «THE GLOBE»

Чолмондели Лодж, Ричмонд, 23 октября 1855.

Милостивый государь! Только сегодня я имел удовольствие прочитав в вашей уважаемой газете от 15 текущего месяца благоприятный отзыв об английском переводе моих мемуаров. Приношу вам свою благодарность и в то же время хочу сказать, что я озаглавил эту книгу «Тюрьма и ссылка». Этот титул был воспроизведен и в «Révue des Deux Mondes»*.

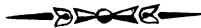
Издатель немецкого перевода (Гофман и Кампе, Гамбург) счел нужным прибавить слова «в Сибирь», которых нет в моем заглавии. Издатель английского перевода сделал такое же добавление.

Замечание, появившееся в вашей газете, совершенно справедливо. Я дошел только до Уральских гор. *Я никогда не был в Сибири.* Заглавие всецело остается на ответственности издателей, и я спешу воспользоваться случаем, чтобы заявить об этом.

Примите и пр.

А л е к с а н д р Г е р ц е н .

P. S. Вы меня обяжете, напечатав это письмо, и вдвойне обяжете, переведя его на английский язык. К сожалению, я недостаточно владею этим языком, чтобы писать на нем.

«MY EXILE IN SIBERIA»

(TO THE EDITOR OF «THE MORNING ADVERTISER»)

Sir, in order to put an end to the accusations which are published against me in your paper, respecting the title of my memoirs. «My Exile in Siberia», I hope you will not refuse to insert the following declarations:—

First — I have directed personally the publication of two volumes of my memoirs in the Russian language, under the title of «Prison and Exile».

Second — I have merely given my authorisation to their translation into English, German and French, and that is all the part I have taken in the editions which have appeared in those languages.

Third — immediately after the publication of the English edition, I have protested against the addition to the title of the words «In Siberia», as it has been declared in your columns by Messrs Hurst and Blacket, who have altered the title of the book in consequence of my protestations. I have besides protested publicly in the «Globe», as it may be seen by referring to the columns of that paper.

Fourth — I have received no communication of the book before it was published and advertised, this I positively assert, and, if needed, I have no doubt Messrs Hurst and Blacket will not hesitate to confirm it.

I remain, Sir, your obedient servant.

Alexander Herzen.

Cholmondely Lodge, Richmond, nov. 29.

ПЕРЕВОД

«МОЯ ССЫЛКА В СИБИРЬ»

ИЗДАТЕЛЮ «THE MORNING ADVERTISER».

Милостивый государь! Чтобы положить конец обвинениям, появившимся в вашей газете в связи с заглавием моих мемуаров «Моя ссылка в Сибирь»,— вы не откажетесь, надеюсь, поместить следующее заявление:

Во-первых, я лично руководил изданием двух томов моих мемуаров на русском языке под названием «Тюрьма и ссылка»*.

Во-вторых, я просто дал разрешение перевести их на английский, немецкий и французский языки, чем и ограничилось мое участие в изданиях, вышедших на этих языках.

В-третьих, немедленно после появления английского издания я протестовал против добавления к заглавию слов «в Сибирь». Вследствие моего протеста гг. Герст и Блекет изменили заглавие книги, о чем и заявили в вашей газете. Кроме того, я напечатал протест в «The Globe», в чем можно убедиться, обратившись к соответствующему номеру этой газеты.

В-четвертых, я не имел никаких сведений о книге до ее выхода в свет и появления объявлений о ней. Я утверждаю это со всей ответственностью и не сомневаюсь, что гг. Герст и Блекет, если понадобится, не откажутся это подтвердить.

Остаюсь, милостивый государь, вашим покорным слугой

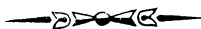
Александр Герцен.

Чолмондели Лодж, Ричмонд, 29 ноября.

**〈НЕ УСПЕЛИ В МОСКВЕ ОПЛАКАТЬ ПОТЕРЮ
Т. Н. ГРАНОВСКОГО...〉**

Не успели в Москве оплакать потерю Т. Н. Грановского, как еще сильный деятель сошел в могилу. Двадцать шестого апреля там же окончил свою жизнь Петр Яковлевич Чаадаев. Наши читатели знакомы с ним. Мы приложим к следующим номерам портреты обоих покойников и скажем об них несколько слов любви и воспоминания.

ВПЕРЕД! ВПЕРЕД!

ПЕРВАЯ СТАТЬЯ В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ»

1856

Теперь только идите, не стойте на одном месте, что будет, как будет, трудно сказать, никто не знает, но толчок дан, лед тронулся. Двиньтесь вперед... Вы сами удивитесь, как потом будет легко идти.

Сегодня утром граф Орлов бросил последнюю горсть земли в могилу Николая*, торжественно засвидетельствовал его смерть и с тем вместе начало новой эпохи для России.

Война вам стоила дорого, мир не принес славы, но кровь севастопольских воинов лилась не напрасно, если вы воспользуетесь ее грозным уроком. Дороги, усеянные трупами, солдаты, изнуренные прежде встречи с неприятелем, недостаток путей сообщения, беспорядок интендантства — ясно показали несовместность мертвящего самодержавия не только с развитием, с народным благосостоянием, но даже с силой, с внешним порядком, с тем механическим благоустройством, которое составляет идеал деспотизма. К чему послужило угнетение мысли, преследование слова, вечные парады и ученья, к чему послужил полицейский надзор над всем государством, с своими сотнями тысяч входящих и исходящих бумаг?

К тому, чтобы *сорок два* года спустя после того, как блестящий, молодой, либеральный полковник М. Ф. Орлов 30 марта 1814 года подписал капитуляцию Парижа во имя победителей Наполеона, — другой Орлов, старик, шеф корпуса жандармов, его брат, принес повинную голову России и принял мир, дарованный ей другим Наполеоном, тоже из корпуса жандармов*.

«Неужели вы в самом деле верите в ту огромную силу царя, о которой говорят?»— сказал я в 1853 г. на польском митинге в Лондоне*, и повторяю мои слова, потому что события их так резко подтвердили. «Россия сильна, но императорская власть, так, как она сложилась теперь, не способна вызвать этой силы. У ней нет корней в народности, она не русская и не славянская. Это временная диктатура, осадное положение, возведенное в основу правительственного начала. Она, может, исторически была необходима, но пережила себя, она совершила судьбы свои в то время, когда Александр I взошел освободителем в Париж, окруженный свитой королей и венценосцев, которых он удерживал от грабежа и насилия».

Александр I знал это, он был как-то потерян после победы, он чувствовал, что дальше идти путем самовластья было невозможно, и печально шел, склоняя голову навстречу 14 декабря, не имея силы ни овладеть событиями, ни уступить им.

То же сознание, с другой стороны, доказал колоссальный заговор, в котором участвовали передовые люди всех деятельных слоев русской жизни. Остаться долее под гнетом неограниченного самовластья было так нестерпимо, что горсть героических людей гордо бросила вызов царской власти «в самой пасти льва», как сказал Мишле*. Сила одолела мысль. Николай остановил своей холодной и тяжелой рукой рвущуюся вперед молодую жизнь, задержал всякое движение и достиг — чего? Тридцатого года своего царствования над мертвой тишиной задавленного, молчащего народа; скованная Польша едва дышала, русская литература остановилась, 14 декабря было побеждено, и он — представитель и глава реакции в Европе — захотел наконец попробовать свои силы.

И этот тридцатый год сделался для него годом страшного искупления. С бессильным гневом, с сожигающим стыдом Николай увидел свое войско, так хорошо обученное им метать ружьем, — побитое комиссариатом; свои суды, управы, советы — наполненные ворами. Окруженный доносчиками, двумя-тремя полициями, он знал всякое либеральное четверостишие, писанное каким-нибудь студентом, всякий неосторожный тост, произнесенный каким-нибудь молодым человеком, по не имел средства узнать истину, добраться до правды во всем остальном.

Возле него, рядом, становилась нагло другая власть, неуловимая, вездесущая, кравшая разом позолоту с его трона и железо с крестьянского плуга, не допускавшая одной рукой паек до солдата и вырывавшая другой последний кусок хлеба у крестьянина.

За несколько месяцев до своей смерти (рассказывали газеты) Николай, рассерженный кражею инвалидных сумм, сказал, что он знает одного человека на службе, который не крадет, и этот человек *он сам*.

Какое сознание слабости, и какая казнь! Николай умер под ее тяжестью.

Неужели Александр и Константин, в добросовестности которых мы не имеем права сомневаться, воображают, что они искоренят зло, отдавши под суд несколько плутов и публикуя циркуляры с критическими замечками?

Зло боится света, зло боится гласности, зло боится свободы — но ведь всего этого боится и самовластье. Вот страшная круговая порука между двумя властями. Воровство вовсе не было национально во Франции, а десять лет первой империи было достаточно, чтоб превратить французских генералов в грабителей, префектов во взяточников.

Нам *самим* надобно бороться со злом, поднять голос против него, найти совет и средство, заявить волю и силу, если их не в самом деле сломил николаевский гнет. Иначе ничего не будет.

Но он не сломил их. Тот же год, который был так беспощаден для царя, показал нам снова неисчерпанную, здоровую мощь русского народа. Как все это странно и полно глубокого значения! Русь оживала в то время, как он отходил, и отходил оттого, что *не имел веры в свой народ*. Он знал Альму и Евпаторию, но крымской Сарагосы, но богатырской защиты Севастополя не предвидел*.

Воздух 1612 и 1812 годов повеял в России при вести о неприятельском нашествии, и ни один человек не поверил турецко-крестовому походу за «просвещение и свободу»*. Мы не знаем, чем бы кончилась война, если б она действительно перешла в народное восстание, но мы рады искренно миру, и тем более, что он приносит не блеск, а *смирение*. Из железа победоносных мечей куются самые крепкие цепи.

Напротив, скромный мир обязывает всех призадуматься о нашем положении. Все видят теперь, что прежний путь никуда не годен; но мы уверены, что ни правительство, ни никто не имеет определенной мысли, плана, программы. А оставлять будущее на произвол судьбы — дело плохое. Как события изменяют мысль о будущем, за это люди не отвечают, но желание овладеть ими и воплотить в них свой разум и свою волю — неотъемлемо с сознательным человеческим развитием.

Мы мало уяснили себе наше настоящее положение и оттого, влекомые внешней силой, идем на историческую работу, как на барщину. Причин на это много, исключительная национальность столько же мешает ясно понимать наше самобытное развитие, как западная цивилизация. Славянизм и европеизм подставляют негодные, неприлагаемые, чужие формы для уловления нашей жизни, они ее меряют по другим эпохам, по иным мирозерцаниям; ни загробный голос праотцев, ни соседний ум не помогут разрешить его вполне¹. Нам приходится не только оторваться от предрассудков, общих нам с нашими врагами, но и от предрассудков наших друзей и собственно наших.

Не одна императорская власть в своей петровской форме дожила свой век, но и вся петербургская Россия. То, что она могла сделать, она сделала. Нам надобно освободиться от нравственного ига Европы, той Европы, на которую до сих пор обращены наши глаза.

Западная цивилизация своим последним словом поставила отречение от «современного гражданского устройства»; если Европа и осуществит ее завещание, то это именно *не та*, на которую вы смотрите, а Европа чернорабочая, оставшаяся, как Россия, вне движения, задавленная нуждой, бедная, обойденная, земледельческая и отчасти ремесленная.

Все революции не удалась в Европе потому, что они не касались ни поля, ни мастерской, ни даже семейных отношений и были сбиты с дороги мещанством. Нам нечего заимствовать у мещанской Европы, она снова берет у нас ею привитый деспотизм.

¹ Не думайте, что мы намекаем на то, что у нас есть программа; мы ее так же ищем, как вы, хотим искать вместе и просто-напросто пользуемся нашим положением, дающим нам право свободной речи.

Мы не мещане, мы мужики.

Мы бедны городами и богаты селами. Все усилия создать у нас городское мещанство в западном смысле приводили до сих пор к тощим и нелепым последствиям. Настоящие горожане наши — одни чиновники; купечество ближе к крестьянам, нежели к ним. Помещики естественно больше сельские жители, нежели городские. Итак, город у нас — почти одно правительство, Россия государственная; а село — вся Россия, Россия народная.

Нашу особенность, самобытность составляет деревня с своей общинной самозаконностью, с мирскою сходкой, с выборными, с отсутствием личной поземельной собственности, с разделом полей по числу тягол. Сельская община наша пережила ту эпоху тяжелого государственного роста, в которой обыкновенно общины гибнут, и уцелела в двойных цепях, сохранилась под ударами помещичьей палки и чиновничьего грабежа.

Естественно, что нам с самого начала представляется вопрос: следует ли *образовать* нашу общину на основании отвлеченной независимости лица и его самодержавного права собственности, искореняя в ней ее патриархальный коммунизм и семейную круговую поруку, или, напротив, не следует ли нам *развивать* ее на ее народных и социальных началах, стремясь к сохранению и сочетанию личной независимости, без которой нет свободы, с общественной тягой, с круговой порукой, без которых свобода делается одним из монополей собственника.

Наука Запада и его трагическая судьба дают нам богатые средства для того, чтоб приблизиться к этому, и, может, мы ошибаемся, но этот вопрос нам кажется важнее всех хартий, кодексов, раздела властей, словом, всех белил и румян, которыми старому монархизму придают вид молодой свободы.

Но коснуться до него нам мешает не царь, а страшное преступление крепостного состояния. Крепостное право — это нечистая совесть России, это ее право на рабство. Рубцы на спине мучеников и страдальцев поля и передней — не на их спине, а на нашем лице, на лице России. Помещики связаны по рукам и ногам своим нелепым правом.

Итак, первый враг, против которого нам надобно бороться, — перед глазами.

В нашем неумении разрешить этот вопрос есть на первый взгляд что-то безумное. Молодое дворянство хотело его пятнадцать лет тому назад в Москве, в Пензе, в Тамбове, не знаю где; Александр I мечтал об нем; Николай желал его. Молодые дворяне сделались теперь пожилыми дворянами, мы не имеем никакого повода сомневаться, чтоб Александр II противился ему. Кто же не хочет? Кто тот сильный, который останавливает разом народ и царя, образованную часть дворянства и страждущих крестьян?

Это опять фантастические *boyards russes*¹ и вновь изобретенная *old moscovite party*². Да ведь именья этих бояр точно так же заложены и просрочены, да и где же их сила — конечно, не в них*.

Нет, будемте откровенны, вопрос об освобождении крестьян оттого не был разрешен, что за него не умели приняться, а приняться не умели долею оттого, что он неразрешим ни с точки зрения петербургского правительства, развившего зло и воспользовавшегося им, ни с точки зрения того либерализма, в основе которого лежит религия собственности, безусловное и неисторгаемое признание ее вовеки нерушимой.

И вот мы снова становимся лицом к лицу с высшей общественной идеей Европы, с той идеей, от которой мир обезумевшей собственности и оторопелого мещанства прячется за штыки, депортации, за иезуитов, за феодализм, за невежество и за такой деспотизм, о котором не имели понятия даже во время римских императоров.

Но как же вы приблизитесь к разрешению такого сложного вопроса? Для этого необходимо обсудить его, обменяться мыслями, сличить мнения. Цензура вам этого не позволит делать в печати; а полиция не позволит это делать словесно. Оно и придется снова бежать в бесплодные споры между поклонниками исключительной народности и почитателями космополитической цивилизации...* Но не грешно ли расточать свои силы на эти мнимые прения, истощать свой ум на эту междоусобицу, в то время как сердце и совесть просят не того, в то время как груст-

¹ русские бояре (франц.). — *Ред.*

² старая московская партия (англ.). — *Ред.*

ный крестьянин оставляет незасеянным свое поле и идет на барщину, а дворовый с стиснутыми зубами ждет розог.

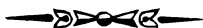
Уже хоть бы мы попросили государя, чтобы нас всех снова приобщить к телесным наказаниям, а то это накожное покровительство дворянских спин, предоставляющее нам право быть палачами, из рук вон противно...

...Не ясно ли, что на первый случай вся программа наша сводится на потребность *гласности* и все знамена теряются в одном — в знамени *освобождения крестьян с землею*.

Долой дикую цензуру и дикое помещичье право! Долой барщину и оброк! Дворовых на волю!

А с станowymi и квартальными сделаемся потом...

31 марта 1856.

ОТВЕТ

Лондон, 1 января 1856 года.

Я рассказывал в моих воспоминаниях*, как станционный смотритель между Вяткой и Нижним, которого я угощал особым half-and-half¹, прощаясь со мной, повторял: «Вот вы и меня сделали с Новым годом!» Позвольте мне дружески, искренно, от всей души сказать вам эти слова.

Письмо ваше пришло вчера вечером. Грустно сидел я у камина, ожидая двух-трех приятелей изгнанников. Все особенно отмеченные дни, эти вехи, поставленные в бесконечной степи, чтоб не потеряться, эти «станции», как говорит Байрон *, в которых время приостанавливается, переводит дух, меняет лошадей и опять скачет, — тяжелы для людей, много утративших; они будят так много воспоминаний и так мало надежд... Я перебирал наши прежние встречи Нового года и душевно желал, чтоб скорее пробило двенадцать часов.

В это время мой сотрудник Чернецкий принес ваше письмо. Прочитавши его, я не мог сказать ни слова, — но многое прошло по душе. Я вас благодарю, я вас обнимаю братски, вас и ваших друзей. «Вы меня сделали с Новым годом!»

Как для меня важен такой голос, вы сейчас увидите.

Увлеченный событиями 1848 года, я жил с западными людьми, делил их судьбу и невзгоды и для них говорил о России.

Вы знаете en gros², что было в Европе в последние пять лет, я знаю по мелочи, по рубцам; дорого мне стало знание Запада; насколько мог, я его узнал и — расстался с ним. Я сочувствую его мыслям, но не сочувствую ни его людям, ни его делам.

¹ смесью двух напитков (англ.). — *Ред.*

² в общих чертах (франц.). — *Ред.*

Всра в будущее России одна пережила все другие. Но связь моя с вами ослабла в продолжение этих бурных лет; для того чтобы оживить ее, я завел русскую типографию и приглашал, просил, звал всех; но в продолжение двух лет никто не откликнулся. Я не уныл от этого и был готов продолжать мой труд — но мне было больно это молчание.

С половины прошлого года все переменялось, слова горячей симпатии, живого участия, дружеского ободрения стали доходить до меня. Ваше письмо занимает одно из главных мест, оно торжественно заключило для меня год, и я вдвое бодрее стою у моего станка.

Что касается до летучих листов (из которых только *одно* писано мною, «К солдатам в Польше»*, и которое я готов повторить слово от слова) — не оттого ли они возбудили ваше негодование, что мы мало привыкли к свободной речи?

Дайте каждому говорить свое мнение, вы не обязаны с ним соглашаться. Вспомните, что я сказал в программе к «Полярной звезде»*. «Мы равно приглашаем наших *европейцев* и наших *панславистов*, умеренных и неумеренных, осторожных и неосторожных. Мы исключаем одно то, что будет писано с целью упрочить *современный порядок дел в России*, ибо все усилия наши только к тому и устремлены, чтобы его заменить свободными и народными учреждениями. Что же касается до средств, мы открываем все двери, вызываем на все споры. *Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами*, нам уже случалось печатать вещи прямо противоположные нашему убеждению, но сходные в цели. Роль цензора нам еще противна со времен русской жизни». Не заставляйте меня быть Мусиным-Пушкиным * и лучше возражайте прямо на статьи; возражения ваши будут напечатаны. Любите свободу даже с ее неудобствами.

С другой стороны, не желая себе присвоивать ни похвалы, ни осуждения, принадлежащие другим, я вас попрошу не забывать, что я подписываю мои статьи, и притом *все* без исключения.

Прощайте — и на прощание позвольте мне надеяться, что вы и ваши друзья исполните обещание и пришлете что-нибудь в «Полярную звезду».

ОТВЕТ

Милостивый государь!

Вы не ошиблись, я ваше письмо прочел с благодарностью и принимаюсь за перо не для того, чтоб возражать, а чтоб объяснить некоторые обстоятельства, привести облегчающие причины в других и повинную голову в третьих.

Русская типография, которую я завел в 1853 году в Лондоне, была с моей стороны запросом, сондированием; безумие петербургской цензуры после 1848 года перешло все границы — я предложил материальное средство избежать ее. Им никто не воспользовался.

На другой или третий день после смерти Николая мне пришло в голову, что периодическое обозрение, может, будет иметь больше средств притяжения, нежели одна типографическая возможность. Я ставил новое предприятие под знакомое и дорогое нам знамя; при слове «Полярная звезда», я был уверен, сердца многих вздрогнут.

Ничего в свете не может быть печальнее, как говорить, не зная, слушают ли речь и вообще хотят ли ее слушать.

В мае месяце я получил первую русскую статью «Что такое государство?»*, к которой вы так строги и которую я принял с тем чувством надежды, с которым в ковчеге была принята ветвь, принесенная голубем.

С тех пор многое изменилось. Если я не получил русских статей (кроме статьи Н. Сазонова)*, то получил такие полные, горячие знаки сочувствия, что всякое сомнение устраняется. Самое письмо ваше, при всей строгости своей, есть доказательство, что «Полярная звезда» не прошла бесследно.

Но тем не менее и вторую книжку я не могу сделать тем, чем бы я хотел чтоб была «Полярная звезда».

Вы совершенно правы, требуя «Обозрения русской словесности», но вы слишком легким считаете выписывание русских книг и журналов в Англии. Оно было всегда затруднительно, но со времени балтийской блокады совсем нет книгопродавческих сношений с Петербургом. Один ящик книг я жду с октября; новое издание Пушкина, заказанное мною 1 декабря прошлого года у Трюбнера and Co, было получено 12 апреля.

Впрочем, наша литература от 1848 до 1855 походила на то лицо в Моцартовой «Волшебной флейте», которое поет с замком на губах *.

Изредка, правда, попадались вещи, обличавшие большой талант, широкую кисть и ту свежесть и простоту, которой вовсе нет в западных литературах, но я и в них не видал нового направления. Разве превосходные *рассказы Охотника* не продолжение по духу и форме прежних рассказов И. Тургенева, разве удивительный роман Григоровича «Рыбаки»* не в прямом родстве с «Антоном Горемыкой», которого я читал со слезами на глазах у подножия Везувия, перед Февральской революцией. Комедии Островского принадлежат к тому же *сознательно*-гоголевскому направлению *.

Из новых произведений меня поразила своей пластической искренностью повесть графа Толстого «Мое детство»*, но и она не составляет же нового направления. сверх того, не должно забывать, что нам не настолько известны новые порядки, чтоб слишком откровенно говорить о современных писателях и книгах; пожалуй, Мусин-Пушкин за это представит меня к аннинскому кресту. Тем не менее ваше замечание справедливо, и я взял нужные меры для получения книг и журналов из России. Жаль, что во всем этом никто не хочет мне помочь; укажите мне книги, замечательные статьи, пришлите мне обозрение литературы, о котором вы говорите. Я делаю что могу,—справедливо ли, не помогая ничем моему труду, требовать, чтоб я делал и то, чего не могу?

Перехожу к некоторым из частных замечаний ваших.

1. Слово *третье* мне кажется понятно *, так же как и слово *обозрение*, которым необходимо заменить слово «журнал». Я очень плохой этимолог и знаю языки больше инстинктом, нежели наукой, но мне кажется, что «третье обозрение» выражает

время выхода, так, как и quarterly review¹. Один из моих друзей, шутя, предлагал назвать предполагаемое некогда нами обозрение * «квартальный надзиратель». Выбор между ошибкой, если б она и была, и кварталным должен был решиться в пользу ошибки. Вы, может, хотите сказать вашим замечанием, что именно «обозрения»-то и нет; но я уже на это вам отвечал. Примите две первые книжки за опыты.

2. Вам не нравится эпитафия «Да здравствует разум!» А мне кажется, что это единственный возглас, который остался неизношенным после воззваний красных, трехцветных, синих, белых*. Во имя разума, во имя света и только во имя их победит-ся тьма. Оттого-то и не удалось все революции, что они шли не под хоругвию *разума*, а чувств, верований.

3. Я никак не могу согласиться с вами, чтоб это был безразличный факт для русских, что передовые люди европейской мысли, поэзии, революции, часто не согласные между собой, единогласно и горячо приветствовали первое русское обозрение, печатающееся без цензуры, в Европе. Во-первых, это показывает, насколько эти люди далеки от официальной и мещанской Европы, которая во имя просвещения смотрит со скрежетом зубов на все русское и готова остановить всякий успех, перехватить у нас всякое развитие, так, как ливонские рыцари задерживали докторов, отправлявшихся в Россию во время повальных болезней. Во-вторых, тот же факт показывает, что и «Полярная звезда» равно далека от правительственной Европы и от казенной России. Нет, вы не хотели понять поэзию и смысл этих имен — имен Прудона, Маццини, Гюго, Луи Блана, Мишле, Лелевеля, пришедших на закладку свободного русского дела*.

4. Клязьму я назвал «бедной»*, так точно, как мог бы назвать «скромной» Москву-реку: этому смиренному названию подвергается всякая река, в которой мало воды. Эпитет, данный Владимиру*, объясняется во второй (еще не напечатанной) части «Записок».

5. Я никогда не думал, что «Телескоп» издавался «в зам-ну» «Телеграфа»*. Он его заменял для читателей просто потому,

¹ кварталное обозрение (англ.). — *Ред.*

что был ближе к направлению «Телеграфа», нежели «Московский вестник» или «Атеней».

6. По вашему желанию стихотворение Рылеева и «Русский бог» напечатаны. Если у вас под рукой ода Дмитриева, пришлите ее нам. Что касается до того, что я не вытвердил на память стихи Пушкина, ходившие в рукописи, то это конечно дурно; но что же с этим делать? Я особенно настаиваю теперь, чтоб мои дети твердили на память стихи — чтоб не заслужить лет через тридцать выговора за дурную память *.

7. Мне очень досадно, что, несмотря на наши старания, типографских ошибок у нас не меньше *, как в петербургских и московских журналах. Разумеется, не наше дело мерить строгость, когда она обращена на нас; но позвольте заметить, что вы нас не щадите. Попадались ли вам в руки французские или немецкие книги, печатанные в Лондоне? По ним вы можете судить, легко ли здесь печатать по-русски. К тому же доля ошибок, отмеченных вами, не введет в заблуждение просто читателя. Не ясное ли дело, что, оставив Россию в 1847 году, я не мог быть во Владимире в 1848, и что 1848 напечатан вместо 1838 год?

8. В другом месте, перечисляя число с нового стиля на старый, я вместо *вычета прибавил* двенадцать дней*. Эта путаница только доказывает, что пора бросить благочестивую, но астрономически нелепую ошибку юлианского летосчисления.

9. Времени, когда Пушкин писал второе послание к Чаадаеву, я не знал, и это чисто моя ошибка *.

10. Гале де Кюльтюр дурно поступил *, повторив ложный анекдот о Пушкине, но вина не его. Распространение этого анекдота, по несчастию, принадлежит нашим русским *жиденьким* либералам, которые воображают много выиграть перед иностранцами подобного рода небылицами. У Кюльтюра прибавлено против *двух* печатных текстов *одно* лицо Милорадовича. Я так привык к невежественной клевете на Россию, что не сержусь за нее и не отвечаю. Разве «Теймс» не рассказывал несколько месяцев тому назад, что в Петербурге лакеи раздевают дам, когда они идут спать, или разве год тому назад не было полемики в здешних журналах о том, что в России зимой мерзлую водку рубят ли топором или нет, и что правда или нет, что зи-

мой иногда снимают ноги вместе с сапогами?.. Я с радостью встретил в книге Кюльтюра надежду на наше будущее и за одно доброе, теплое слово забыл анекдот, принятый им на веру *от русских*.

Позвольте мне заключить мое письмо искренней благодарностью за ваше внимание к моему труду. Перед вами вторая книжка «Полярной звезды», не щадите и ее, она, как Феми-стокл, говорит вам: «Бейте — только читайте» *.

10 апреля 1856, Лондон.

ИЗ ПИСЕМ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВНУТРЕННОСТИ АНГЛИИ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Гровенор-сквер, 1 марта 1856.

...Скучные вопросы салонной болтовни, походившие на допрос, кончились. Допрос на этот раз был длинен, подробен, скучен и тяжел; я сел на диван в углу комнаты и с волчьей злобой смотрел на разодетых старух, на дурно одетых молодых и на накрахмаленных мужчин, наполнявших залу, в которой угощали свечами и холодным чаем с *кеками*.

Новая жертва была поймана. Жестокость, с которой меня пытали, была обращена на толстую женщину, которой полу-платье было обшито какими-то стеклами, точно будто она хранила себя так, как здесь берегут овощ в огороде, посылая верх ограды битыми бутылками. Ее вели петь. Какой-то М. Р.¹, с завитыми бакенбардами и с пробором на затылке, сел за рояль, развернул ноты, закричал по-итальянски, и женщина закричала. Пошла музыка.

Я перебирал в голове ряд глупостей, о которых меня спрашивали... о морозе, о казаках, о партии *old boyards*² *; тощий клержиман³ осведомлялся, правда ли, что официанты одевают у нас дам *, и есть ли у нас литература; другой М. Р. желал знать, истинно ли это, что каждый русский крестьянин имеет фанатическое желание завоевать Европу. Надо заметить, что

¹ член парламента (англ. Member of Parliament). — *Ред.*

² старого боярства (англ.). — *Ред.*

³ священник (англ. clergyman). — *Ред.*

одни и те же вопросы предлагаются всякий раз и ответы постоянно приводят в изумление честную публику.

Официант назвал одного литературного льва. Устрашенный голосом, который *подавал* М. Р., и увидя меня в углу, лев продрался к дивану, помяв немного свою гриву.

— Вы не будете спрашивать о России? — сказал я ему, подавая руку.

— А что?

— Пожалуйста, предупредите, — я сейчас кончил свое представление, ведь и Альберт Смит не ходит два раза кряду на свой Монблан в Пикадилли *. Если вы намерены сделать хоть один вопрос, скажите, я уеду.

— Успокойтесь, я буду вас спрашивать об Англии, — сказал он, смеясь. — В самом деле, я вас не видал сто лет; ну что, как вы обжились у нас, как привыкли?

— Так себе; если б можно было месяц осенью провести без насморка и если б не было трех осеней в году.

— Как это старо — жаловаться на климат!

— Мне не легче оттого, что у Цезаревых солдат за девятнадцать столетий тоже был насморк во время британской кампании *.

— Ну, а помимо климата, как вы сжились с нашими нравами?

— Не могу привыкнуть обедать без салфетки.

Но спрашивающего англичанина ничем нельзя остановить, кроме ответа, и потому мой храбрый лев снова напал на меня. Я начал раскаиваться в том, что помешал ему говорить о России, и заметил ему наконец, что «Англию в Европе меньше знают, нежели древний Египет, несмотря на то, что исследования Байрона стоят шампольоновских» *.

— Это не заключение и относится к Европе, а не к Англии.

— Какое же заключение? Я, право, не знаю; разве вот что — Англия... — Ничего мне не шло в голову.

— Ну что же?

— Англия — Голландия.

— Я не понимаю, — сказал он, однако слегка покраснел.

— А разве вы думаете, что кто-нибудь поимает Голландию? Впрочем, тут обидного ничего нет. Я не знаю почтеннее памят-

ника иных всков и лучше сохранившегося: Голландия само-бытно довольствуется, как Стуарты *, своим «*fuiimus*»¹.

— Вы хотите сказать, что мы такое же давнопрошедшее?

— Помилуйте, я слишком хорошо знаю грамматику: вы еще à l'imparfait², но нынче глаголы спрягаются ужасно скоро. Да что об этом толковать, скажите мне лучше, когда предложат alien bill?³ *

— Его совсем не предложат.

— Напрасно.

— Вы все шутите, my dear cossak⁴.

— Совсем не шучу; если б ваши министры были патриоты, они непременно предложили бы alien bill. Вы портите репутацию фирмы, вы подрываете свой кредит и дорого заплатите за ваше *дорогое* гостеприимство. На что же вы и остров, если чужие повадятся жить в Лондоне? Лучше сделать мост из Фокстона во Францию *. В каком же торговом доме, особенно когда не везет, пускают посторонних за прилавок или в кассу?

— Мы так дорожим правом убежища, что готовы на все неудобства его.

— Все это было хорошо во времена гугенотов да разных национальных вопросов. Теперь другие времена. Прежние эмиграции вам принесли страшную пользу*. Ваш тяжелый работник не скоро бы дошел до тех технических усовершенствований, которые они вам принесли. А теперь чему вас научат иностранцы? Пускать ненужных свидетелей за кулисы — бедовое дело в наше время, если не хотите, чтоб знали тайны дирекции. Тронутый вашим гостеприимством, я требую alien bill...

М. Р. перестал подавать голос, сделалось движение, перемещение лиц, и мой лев, казалось, был доволен, когда к нам подошел один французский адвокат-орлеанист, седьмой год ожидающий * с часа на час важных вестей из Франции и ни в одно утро не сомневавшийся, что они к вечеру придут. Он стал нам рассказывать, что теперь дело кончено, что ему писали из Лиможа и из Берри самые положительные сведения. Успокоен-

¹ Здесь: прошлым (лат.). — *Ред.*

² в прошедшем времени несовершенном (франц.). — *Ред.*

³ билль об иностранцах (англ.). — *Ред.*

⁴ мой дорогой казак (англ.). — *Ред.*

ный насчет судьбы адвоката и пожелав ему места королевского прокурора, я уехал домой.

Открытие Англии и ее внутренней жизни, без сомнения, одно из важнейших событий после открытия Америки и путешествий во внутренности Африки. Для этого были необходимы исключительные условия, мировые события, вулканические взрывы, бросившие на остров десять осколков разных народностей, десять разных эмиграций*, противоположных по духу, которые были прибиты волнениями Европы к меловым берегам Англии, выброшены на них и там оставлены отливом.

Прежде, кроме англичан, никто не жил в Англии; иностранного круга в Лондоне не существовало. Были одни специальности, поглощенные своим делом. Чиновники посольств, негодяны, артисты, несколько бедняков, выбивавшихся из сил, чтоб заработать кусок хлеба, несколько шулеров, обиравших глухих туземцев, и перелетная стая туристов. Но туристы ездили по Англии, а не жили в ней. В Англии страшная скука, в Англии климат скверный, гостиницы отвратительные, дороговизна чрезвычайная. Какой же турист по доброй воле станет жить в ней, имея возможность жить в другом месте?

Пробыть в Лондоне полсезона с рекомендательными и кредитивными письмами, съездить к кому-нибудь на дачу и объездить этот город-провинцию — так же поверхностно, как прокатиться по тонкой плеве льда в Гайд-парке. Глубокое и опасное именно под ней.

Для изучения англичан надобно с ними *пожить*, т. е. иметь всякого рода ежедневные, будничные сношения, денежные дела, общие интересы и личное знакомство.

До сих пор Англию знали в Европе так, как она себя выдавала, или, так сказать, в противоположность материку, прикладывая к пей целиком свои понятия. Так, например, знали, что в Англии существует свобода книгопечатания, которой в Европе нет; но что значит для Англии книгопечатание, этого не знали. Франция, отделенная от Англии своим односторонним образованием, своим просвещенным невежеством, не знала ее из ненависти. Германия, одаренная сильным бугром набожности — *der Veneration*¹, не знала ее из подобострастия. Даже в России

¹ почтительности (нем.). *Ред.*

питали такое уважение к Англии, что слово «английский» значило превосходное, прочное, совестливо оконченное.

Одна страна в мире знала Англию насквозь (и это очень известно англичанам), она знала ее по воспоминаниям детства, по молоку, которое сосала, по одной крови в жилах: это Северо-Американские Штаты. Дочь и мать, разлученные океаном, не спускают друг с друга глаз; это тот *один* взгляд ненависти, которым смотрели друг на друга старый корсар и его дочь у Байрона *.

Англия — страна иной формации, местами скрытой наносным слоем современного образования. Лишь только вошли вы в Англию — равновесие нарушено; человек нашего века находится не в своей среде. Европейское общество в Париже и в Петербурге, в Вене и в Флоренции — одно и то же, при всех своих различиях; но английское общество совсем *иное*, в нем человек отстывает на три века. Европа много пережила бедствиями, войнами, переворотами, столкновением народностей, борьбою теорий; стесненная мысль ее работала внутри и персжигала ее грудь; британские идеи, остававшиеся бесплодными дома, потрясали в ней поколения; аристократический эпикуреизм британского ума делался Вольтером и энциклопедистами, Юм — Кантом *. Внутреннее развитие Англии шло после Вильгельма Оранского бедной арифметической прогрессией, в то время как в Европе оно несло быстрой геометрической. Англия усваивала себе одну техническую, прикладную, специальную часть общего образования. Это древний готический собор, освещенный гасом, к которому ведут железные дороги, это XVII столетие, переехавшее на фабрику. Англия, сложившись прежде других стран, из своих собственных элементов и как случилось, т. е. оставляя половину на произвол судьбы, удовлетворилась через край своими учреждениями. Неповоротливый ум ее, довольный приобретенным, продолжал одно и то же, повторяя поколениями условную и неловкую жизнь, храня обряды, боясь перемены. Таким образом Англия осталась страной неперегорелой, непереплавившейся, страной «флецовою»* в сравнении с третьезданной Европой.

Главный исторический характер Англии — настойчивость, это тихое, неотвратимое, беспрерывное оседание, утягивание

всего на дно, хранение захваченного, приращение бессмысленным повторением, вечным *semper idem*¹. Так образуются подводные рифы; это жизнь дна морского, совершенно противоположная вулканической натуре романских народов, мучимых внутренним огнем, взрывами, живущих катаклизмами и пожарами. Романские народы, раздираемые своими потрясениями, стынут на время с лавой на губах, с судорожным выражением, оставляя там кратер, там разорванную скалу в память прошедшей бури. В Англии все тихо, как в океане, и все растет и множится в страшных количествах, т. е. *esse*, что может жить без воздуха.

Для осадка нужен покой, нужен порядок, и в густой атмосфере острова все давно приняло место по удельному весу и если качается из стороны в сторону, то все же не теряет баланса и своего слоя. Каждый атом в нем ищет сам улечься или повиснуть на веки веков в *своем* месте.

Сэр Жозуа Вомслей, известный член парламента, рассказывал год тому назад следующий анекдот, бывший в его доме. Один из «лидеров» радикальной партии, он завел в Лондоне большой дом; человек добрый, он сделал что мог для удобства своих людей; но вскоре увидел, что они недовольны им. Одним утром его камердинер объявил ему, что он отходит.

— Что случилось?

— Я вами очень доволен, но я не могу остаться, в нашей дворце нет никакого порядка. Я не привык к такой жизни.

— Какой же беспорядок?

— Это не мое дело докладывать, извольте спросить ключницу (гаускипер).

— С богом.

Затем сэр Жозуа вышел в залу; там его ждали грум и футман (лакей) с тою же просьбой. Удивленный сэр Жозуа послал за гаускипершей.

— Что у нас в доме делается? Все отходят. Чем они недовольны?

— У вас,— сказала чувствительная старушка,— никто не будет жить; я сама отошла бы, если б не так была привязана

¹ всегда одно и то же (лат.). — *Ред*

к вашему дому. У нас внизу такой содом, что еще не видывала. все перснутано, никто никого не уважает.

— Ничего не понимаю; и как же это — сами делают беспорядок, и сами оставляют дом себе в наказание.

Гаускиперша сжалилась над ним и сказала ему: «Пожалуйте в людскую». Он пошел. Там она трагически ему указала круглый стол, купленный им для людского обеда, и спросила, где первое место и где последнее?

— Я сама не знаю, где мое место; фўтман, кучер, грум садятся иногда возле меня, я только это для вас выносила до сих пор.

— Ну, а если я вместо круглого велю поставить — *четвероугольный* стол?

— Тогда все останутся.

— Фўтман, сию минуту ступайте к мебельщику, чтоб он прислал *четвероугольный* стол.

— С тех пор как его принесли, до меня не доходило больше ни одной жалобы.

— В этой истории, — прибавил сэр Жозуа, смеясь, — самое оригинальное лицо — это мой грум, отходивший за то, что слишком почетно сидел за обедом. Он обижался мыслию, что, когда он будет камердинером, какой-нибудь грум сядет выше его.

Лакей, которому вы утром скажете «здравствуйте», будет вас презирать. Лакей, с которым вы будете говорить о чем-нибудь, кроме сего дела, потеряет к вам всякое уважение, делается дерзок. То же отношение между английским работником и хозяином, между earl¹ или негоциантом Сити, между пэром и смиренным представителем Нижней палаты.

Никакой талант, никакая заслуга, никакой труд не отпирает человеку без состояния двери богатых купеческих домов. Никакое богатство, никакое значение в City² не введет в аристократический круг. Два-три исключения, которые обыкновенно приводят, по этому самому ничего не доказывают. Чтоб ввести Валтера Скотта в высшее общество, надобно было его сделать баронетом. Если б Шекспир жил не при королеве Бесс *,

¹ граф (англ.). — *Ред.*

² финансовом и коммерческом мире (англ.). — *Ред.*

а при королеве Виктории, он равно не был бы принят ни герцогом Ньюкестль, ни менялой Мастерманом. Для иностранцев, умеющих *se faire valoir*¹, делается исключение. Англичане теряются в их *de, von, Herr Baron, m-r le marquis, m-r le vicomte, Herr Freiherr*² и, считая их выше обыкновенных *squire*³, пускают в свои гостиные без всякой геральдической критики. Зато надобно видеть, как принимают они артистов, певец; есть дома, в которых ставится балюстрада, отделяющая работников голоса и мастеровых гармонии от гостей; они входят особой дверью, поют, играют, получают свои 20 гиней от дворецкого и едут домой. Оттого-то первоклассные певицы так неохотно принимают приглашения петь в частных домах, а Тамберлик просто отказывается. В английских домах есть парии, стоящие на еще более смиренной ступени, нежели артисты; это учителя и гувернантки. Все, что вы слышали в детстве о прежнем уничижительном положении *des outchitels*, мамзелей и мадам в степных провинциях наших, все это совершается теперь со всей неотесанной англосаксонской грубостью, совершалось вчера и будет продолжаться до тех пор, пока будет продолжаться эта Англия.

То, что я говорю, и не преувеличение, и не новость; для того чтобы убедиться в этом, стоит взять два-три новых романа Диккенса или Теккерея, стоит взять «*Vanity fair*», и вы увидите, как Англия отражается в английском уме.

При этом надобно сказать несколько слов в похвалу английской литературы; она несравненно мужественнее, нежели французская, в обличении печального состояния внутренней жизни острова. В тех редких случаях, когда англичанин, как Байрон, отрывается от своей пошлой жизни, от лицемерия и дает волю иронии и скептицизму, он бывает беспощаден и не прибавляет на французский манер для нравственного равновесия по ангелу на каждого злодея. Вообще ирония и скептицизм чужды немцам и французам, у них в жизни нет столько разорванности, грусти, тумана, у них нет столько досуга сосредоточиваться в себе самих: французу мешает жизнь, немцу — безличная

¹ заставить себя ценить (франц.). — *Ред.*

² де, фон, барон, маркиз, виконт, барон (франц. и нем.). — *Ред.*

³ дворян (англ.). — *Ред.*

мысль. В этом отношении русская литература всех ближе по духу к английской, и вот отчего Байрон имел такое влияние у нас на целое поколение и больше того — на Пушкина и Лермонтова.

Когда француз обличает темные стороны Франции, вы сейчас видите, что это семейная размолвка, преувеличение страсти, что он ничего лучше не просит, как примириться, *il boude*¹— и то в известных границах.

Англичанин долго крепится, долго горд Англией — царицей океанов, первым народом солнечной системы, но когда он отчаливает наконец от этой мели свою ладью, он покидает ее безвозвратно, серьезно, в самом деле и, спокойно, печально сознавая силу своих слов, говорит своему народу страшное:

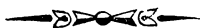
You are an immoral people—and you know it²

«Don Juan».

На этом горьком, выстраданном стихе Байрона мы и остановимся, готовые продолжать наши сказания о внутренностях Англии, если читатели того пожелают.

¹ он выражает недовольство (франц.). — *Ред.*

² Вы безнравственный народ, и вы это знаете (англ.). — *Ред.*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

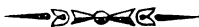
Рукописи, составляющие «Голоса из России», доставлены мне в том виде, в котором они печатаются, я не позволил себе никаких перемен, кроме ничтожных и совершенно внешних поправок. Доказательством этому может служить «Письмо» ко мне* — умное и дельное (хотя я и не согласен с ним) и которое решительно ничего бы не потеряло, если б вежливость выражений была наравне с их откровенностью. Я оставил неблагородное слово «фарса», унижительное обвинение, что я «разыгрываю комедию»*; я оставил также странное недоверие ко мне, выразившееся в просьбе не искажать рукописи*. Не думаю, чтоб неизвестный мне автор хотел меня оскорбить, и отношу эти «крепкие слова» и выражения к нашей непривычке говорить без ценсорского надзора. Да если б — и тогда истинное удовольствие, которое мне доставляет печатание первых рукописей, присланных из России, совершенно искупает несколько гневный тон выговора, сделанного мне строгим петербургским начальством.

Статьи, печатаемые нами, особенно важны потому, что они принадлежат к той письменной литературе, которая развилась с необыкновенной силой во время последней войны и после смерти Николая I. Это первые опыты, еще робкие и непривычные, русской речи о русском общественном деле, являющиеся после тридцатилетнего молчания. По этим статьям можно отчасти судить об общественном мнении России в 1855 году, о вопросах, занимавших тогда и теперь умы.

О сущности дела мы поговорим в другое время. Теперь я прошу не забывать, что я только типограф, — типограф, готовый

печатать *все* полезное нашей общей цели. Еще раз повторяю слова из программы «Полярной звезды»*: «Мы равно приглашаем наших европейцев и наших панславистов, умеренных и неумеренных, осторожных и неосторожных. Мы исключаем одно то, что будет писано с целью упрочить *современный порядок дел в России*, ибо все усилия наши только к тому и устремлены, чтобы его заменить *свободными и народными учреждениями*. Что же касается до средств, мы открываем все двери, вызываем на все споры. Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами, нам уже случалось печатать вещи, прямо противоположные нашему убеждению, но сходные в цели. Роль ценсора нам противна еще со времен русской жизни»*.

«Голоса из России» будут издаваться ливрезонами без определенной периодичности.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Вместо второго выпуска первой части «Голосов из России» мы издаем *первый выпуск второй части*. Это требует объяснения.

В продолжение печатания первого выпуска мы получили ряд статей, по большей части писанных в 1856 году. Разница их тона с статьями 1855 так резка и так замечательна, что мы решились немедленно напечатать некоторые из них. Они послужат дополнением, объяснением, поправкой статьям 1855 года.

Тогда — на другой день после похорон Николая — все увлеклось, все ожило надеждами, все смотрело с упованием вперед.

В 1856 естественно было приостановиться; ни одна надежда в *самом деле* не сбылась до сих пор — нет ни законной гласности, нет ничего положительного относительно освобождения крестьян; для Польши все свелось на неловкую, скупую амнистию, которой никто не хочет пользоваться *, для России и того не было. Все это выразилось в новых статьях.

Что-то выразится в статьях 1857 года?..

Лондон, 19 августа 1856.

ОБА ЛУЧШЕ

(Отрывок)

— Знаете вы этого господина... вот направо, читает газеты?

— Нет.

— Мне бы хотелось узнать, что он такое.

— Мудрено ли узнать; люди нынче выделываются гуртовые, оригиналов в Европе нет. Господин, вас занимающий,— или Орас Жоржа Санда...

— Не думаю.

— Ну, так наверное Барнум.

— Только будто и типов?

— Нет, есть еще средний: Барнум-Орас.

— Однако я встречал людей, совершенно не похожих ни на Барнума, ни на Ораса.

— Где? В Кукуноре, в Конго?..

— Нет, здесь в Англии.

— Это могло случиться; я больше думал о материке; но разве вы не заместили, что все эти чудаки, не похожие ни на Барнума, ни на Ораса, что все они... Ну, что же?.. раз — два — три...

— Не знаю.

— Подумайте...

— Поврежденные.

— Разумеется.

I

Когда я возвратился домой, мне пришло в голову полушуточное и совсем злое замечание моего приятеля. В самом деле,

Барнум и Орас так вполне созданы по образу и подобию века мещанского и риторического, что они встречаются везде — внизу и наверху, направо и налево, на лавке судей и на лавке подсудимых.

Барнум представляет деловую сторону, практическую нашего века; это проза века, его труд, его занятие. Орас — поэзию, сторону артистическую. Барнум — это, так сказать, Сократ мещанства; Орас — его Алкивиад.

Ж. Санд совершенно справедливо замечает*, что в наше время все эти старые волокиты, вечные Ловласы, влюбленные маркизы вовсе не существуют, что тип молодого человека сороковых годов совсем иной. С тех пор, как она писала «Ораса», прошло лет пятнадцать; в них ничего не переменилось; прежние Орасы сделались старше, новые подросли. Вся действующая, пишущая Франция состоит из Орасов; немцы тоже выработали себе, с прибавкой глубокомысленного, но патриархально-простого разврата и основательно-тяжелой безнравственности, тип Ораса (который они классически называли Горац).

В Англии Орасов мало, в Америке совсем нет; но англо-американская порода произвела другой тип, не меньше всеобщий, и это уж не лицо романа, а лицо в лицах, живой человек, поднесь здравствующий в Нью-Йорке, — Ф. Барнум.

Который из них лучше, я не знаю, и принужден на это отвечать, как отвечают дети: «оба лучше». Хотя не могу скрыть, что для нас Орас как-то интереснее — это все литератор, словно свой брат. Но хорош и Барнум в своей античной простоте, мудрец жизни и поведения, труженик и талант.

С детства без средств, Барнум растет в мелочной лавочке, он окружен целой атмосферой плутовства, перед его глазами совершается мирная мародерская война мелкой торговли, на своей низшей ступени, где лавочник покупает у крестьянина земледельческие произведения и продает ему городские. Малейшее рассеяние — и лавочник обманут, обвешен, малейшая оплошность — и крестьянин надут. Эта коммерческая игра в мошенничество занимает всех; каждый старается прежде сказать «шах и мат» своему противнику. В следующую игру другой употребляет все усилия, чтоб отыграться, не скрывая совсем своих намерений.

Барнум смотрит на это систематически устроенное воровство глазами умного, расторопного мальчика, и первый результат, который он выводит, состоит в том, что *работой* можно прокормить себя, но что *многого* не выработаешь, а ему с детских лет хочется очень многого. Оборотами и уловками, напротив, можно все сделать. С этим прекрасным началом Барнум, присмотревшись к жизни, испытав грошовые лотереи и копеечные перепродажи пряников и прохладительных напитков, понял великую тайну века риторического, века эффектов и фраз, выставок и громких объявлений, — понял, что главнейшее для современных номиналистов — *афиша!*

Эффект и фраза — общие орудия у Барнума с Орасом; но для Барнума это только средство наживы: обобрав вас, он вас оставляет в покое. Орас проникает в сердце и душу — и там еще что-то крадет и лжет. Оттого под конец Орас сделался адвокатом, т. е. краснобаем по ремеслу, а Барнум составил себе огромное состояние и стал филантропом.

Непоколебимая, постоянная вера Барнума в глупость людей оправдалась. Он не скрывает своих убеждений, напротив, наивно рассказывает о своих проделках, так, как полководец повествует о своих стратегических хитростях. Он всякого человека и всех людей принимал за средство обогащения, так, как это делают и другие, но с большей нравственной силой, с большей последовательностью. Истощив все средства наживаться, разбогатев, он еще нажился, продав людям рассказ о том, как он их надувал. Тут Барнум становится гением своего дела.

Барнум случайно нашел какую-то полубезумную старуху, с трудом разгибавшуюся и мямлившую всякий вздор. Тотчас в его голове родится мысль: «Что, если выдать ее за няньку Вашингтона?» Чего долго думать! Афиши — и давай ее возить из города в город. Куда ни привезет, все кричат в один голос, что это ни на что не похоже, что это пустыки, что няньке Вашингтона было бы лет полтора, а все торопятся взглянуть из любопытства, что это такое. Толпа выходит из балагана с хохотом, другая входит, обе уверены, что это вздор и обман, а Барнум откладывает себе одну тысячу долларов за другою.

Возив по миру сирену и Том-Пуса, подложную няньку Вашингтона и истинную Джени Линд, Барнум доплутовался до

высокой честности, председательствует в обществе благотворения бедным, дает отеческие советы начинающим карьеру. Прошедшее, по понятию мещан, не имеет действия на миллион в кассе. Миллион все покрывает.

Впрочем, Барнум был и прежде всегда нравственным человеком; он наивно останавливается среди книги, чтоб сказать читателю, что, несмотря на то, что он иногда был в необходимости пользоваться обстоятельствами без особенно щепетильного разбора средств, он постоянно перечитывал Библию и, где бы ни был, ходил всегда по воскресеньям в церковь. Он даже не забыл отметить в пользу своего чувствительного сердца, как, отправляясь из Нью-Йорка в Лондон с Том-Пусом, утер слезу, прощаясь на пароходе с женою.

Орас слезнее, нервнее его. Орас сам афиша, живая декорация, воплощенная ложь. Вечный актер, он ежеминутно позировает; у него есть идеальный Орас, за которого он хочет прослыть и которого он представляет для всех знакомых и незнакомых, для мужчин и женщин, для старых и молодых.

В беде и счастья он отыскивает одну сценическую сторону, упивается действием, которое производит на других; его эпикуреизм не простой, а, так сказать, рикошетный; он вызывает сочувствие, за которое с своей стороны ничего не дает, да если бы и хотел, не может ничего дать; у него совсем нет сердца к чему-нибудь вне его самого, но есть поверхностное понимание страстей, ни к чему его не обязывающее; ему нравится их накомжное раздражение, их действие на зрителей, он сам себя уверяет в них, т. е. лжет себе самому, но как только зыбь становится непокойною, опасною, он выходит спокойно сухой на берег и идет себе домой. Если он привязывается иногда к людям, то это на том основании, как мы привязываемся к икре или дичи. В нем нет внутреннего предела, который бы остановил его в чем-нибудь, — одного из тех инстинктивных пределов, заявляющих свое *veto* прежде всякого рассуждения. Сверх собственной опасности, для Ораса существует одна узда — партер, общественное мнение; оставьте его одного — он не будет себе мыть рук. Пуще всего он боится смеха. Чтоб выправиться из смешного положения, он опозорит сестру, предаст друга.

Он падок на каждое наслаждение, на каждое лакомство (что

не мешает ему представлять из себя давно потухший кратер). Я уверен, что он тайно покупает себе конфеты и, запершись у себя в комнате, ест их.

Между Барнумом и Орасом расстояние не так велико, как кажется: вместо Вашингтоновой няньки он показывает священные убеждения души, любовь, братство, отчаяние. Все это у него до такой степени неистинно, что Орас даже и не развратен: разврату надобно отдаваться для того, чтоб он нравился, разврат требует своего рода откровенности. Орас будет представлять какую-нибудь роль лоретки, падшего духа, несчастную любовь, которая алчет утопить себя в смертельных волнах чувственности, — а не то тотчас уснет.

По мнениям он непременно радикал, ненавидит аристократию и особенно банкиров; но страстно желает денег, и как только попадаетея в богатую залу с коврами, маркизами и канделябрами, у него начинает кружиться голова, он чувствует, что *рожден* для этого мира. Его утешает мысль, что он им *пожертвовал* (не имея на то никакого права) своим убеждениям. Дайте ему сто тысяч франков дохода и «monsieur le marquis»¹ перед фамилией — он не пустит вас к себе в дом.

Существо это, позолоченное снаружи и испорченное внутри, у которого развиты все страстные поползновения и ни одной страсти, вносит гибель и несчастье во все круги людей простых и искренних * — пока они не догадываются, с кем имеют дело. Занятый исключительно самим собою и своим эффе́ктом, он, сам того не замечая, оскорбляет нежнейшие струны чужого сердца.

Играя на фальшивые деньги, он всегда в выигрыше, потому что с других берет золото, пока этого не замечают. Орас силен, но, как привидение, теряет свою силу при дневном свете.

Минута, в которую Марта перешла от любви к ненависти, — нет, к презрению, — была та, в которую Орас играл самоубийцу у ее ног, — и остался, слава богу, здоров.

Орас — главный виновник бедствий, обрушившихся на Европу в последнее время. Он увлек своими фразами массы так, как увлек Марту в романе, — для того чтоб предать их при первой опасности.

¹ титул маркиза (франц.). — *Ред.*

Ж. Санд говорит, что роман ее был принят с ропотом, — это естественно. Разве у нас не сердились на «Ревизора»? Сходство схвачено поразительно, обидно. Она сама испугалась; ей стало совестно перед знакомыми и друзьями. Кисть дрогнула в ее руках, и она к концу сменяет улыбку презрения — улыбкой снисхождения. Она делает Ораса адвокатом и даже намекает на его исправление. Адвокатом-то он будет, и адвокатом отличным, защитником вдов и сирот, негодующим карателем человеческих слабостей; но врагом он останется, потому что он может только удачно «представить» исправление — не больше.

Исправляются люди без задних мыслей, люди увлеченные, без *премедитации*¹, люди с сердцем, например, Фоблас. Кстати пришел он на память: Фоблас — отчаянный шалун, Орас перед ним — отшельник; отчего же первому хочется погрозить пальцем, а второго толкнуть ногой?

...Между жителями Новой Зеландии и обитателями какого-нибудь квартала в Париже не больше различия, как между Фобласом и Орасом. А ведь между тем и другим не бог знает сколько времени прошло. Фоблас на старости лет мог еще встретить Ораса у маркизы или поколотить его в опере, когда он так мещански хвастался своей победой, — и поколотить той самой палкой, которую он оставил у актрисы, а сын нашел.

Фоблас совершенно искренний человек, он ищет не победы, а наслаждения, он ветрен, впечатлителен и так же откровенно раскаивается в своих изменах Лодоиске * (всякий раз двадцатью четырьмя часами позже, нежели следовало), как и изменяет ей. Останавливать Фобласа поздно, но бояться нечего: он со временем остепенится и сделается человеком; может быть, по дороге он потеряет состояние, здоровье; но сердце у него останется.

Фоблас жил в испорченном воздухе будуаров; ударил гром — Фоблас сделался Ларошжакленом. Орас не переродился земле-трясением; в нем нет больше «нерва», как говорят французы.

Слабости Фобласа — мужские, слабости Ораса — женские; его настоящее призвание — жить паразитной жизнью, мучить

¹ заранее обдуманного намерения, от *préméditation* (франц.). — *Ред.*

женщину — делать из нее пьедестал, скамейку, обирать ее, тянуться перед ней, капризничать и, говоря с нею, смотреть в зеркало на самого себя.

Но отчего ж все это... отчего?

А отчего, с другой стороны, несмотря на то, что «Фоблас» часто неприличнее романов Поль-де-Кока, когда вы читаете последние, чувствуете, что грязь глубже и топче? Уровень понизился!

Между Луве и Поль-де-Коком, между Фобласом и Орасом что-то прошло и понизило людей. С тех пор уровень все еще падает. Фигаро Бомарше и Лизетта Беранже * сделались теперь такими же идеалами, как Баярд и Женевьева *. Фигаро, забавный, милый плут, заменился Робер Макером, который уже крадет и грабит, делает фальшивые векселя, убивает. Вместо Манон Леской Лизетты является Марго (в «Les filles du marbre»), которая ничего не любит, — «ни цветов, ни соловья, ni le chant de Romeo»¹, а любит только луидоры...

V-la ce qu'aime Margot!²

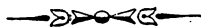
Марго — женщина за №, патентованная и гарантированная префектурой *. Немногим лучше ее весь литературный парижский Сен-Лазар, которого двери растворил А. Дюма-сын *.

Итак, наконец, — между Фобласом и Орасом, между Фигаро и Робер Макером, между Манон и Марго прошло мещанство, овладело людьми и образовало два поколения...

Прикажете продолжать?

¹ ни песни Ромео (франц.). — *Ред.*

² Вот что любит Марго! (франц.). — *Ред.*

**LETTERA A GIUSEPPE MAZZINI
SULLE PRESENTI CONDIZIONI DELLA RUSSIA**

Caro Amico, Sono 7 anni che «l'Italia del Popolo» pubblicava un mio lungo articolo sulla Russia, ed una lettera che diressi su tale argomento. Molte cose che allora sembravano avventate e paradossali, si confermarono poi. La guerra e la morte di Nicoló scossero fortemente l'indolenza slava, e la Russia si agita e si commuove per entrare in una nuova vita.

Dopo il 1849 la questione russa fu variamente agitata. Dalla condizione di paese quasi ignoto, la Russia passò a quella di paese mal noto. L'odio — quell'odio latente e ostinato che risulta dal timore, era tale che ogni uomo che osasse (e fra quelli era io) dire una parola a favore di quel Golia del Nord, trovava un David inesorabile fra gl'inglesi o fra i tedeschi, colla fionda in pugno. Si sapeva che la libertà e la civiltà erano naturalmente colà ove era il Bonaparte, e che quella crociata islamico-cattolico-protestante contro la *czarodoxia* cominciava l'era della fratellanza dei popoli, della Germania libera, di Waterloo cancellato coll'opera degli stessi inglesi.

Così pensava il volgo; ma è d'uopo dire che gli uomini gravi guardavano con occhio triste quella leggerezza di vecchio rimbambito, e cercavano di conoscere meglio quell'ignoto potere che vigoroso combatteva contro i suoi nemici collegati. La miglior prova ch'io possa produrre di tale asserzione, è la mia stessa esperienza. Non dimenticherò mai la premura affettuosa con cui voi, ed altri uomini illustri come Victor Hugo, Michelet, Proudhon, Louis-Blanc mi deste la mano nel 1855 e m'incoraggiaste quando io cominciai la mia Rivista russa, «La Stella Polare»

a Londra. A voi tutti pareva affatto ragionevole che un russo, sfidato nemico dell'assolutismo di S. Pietroburgo, fosse al tempo stesso sincero amico del suo popolo.

Credo che dopo la guerra sarà lecito parlare della Russia senza eccitare sdegno e con maggior calma. La Russia dee necessariamente attirarsi l'attenzione della Europa. L'inerzia che squalida regna nell'Occidente, invita tutti, loro malgrado, a volger lo sguardo a sinistra e a destra. Or dunque fuor dell'Europa, due soli paesi son operosi: gli Stati Uniti e la Russia. Gli altri paesi dormono un sonno pesante o si agitano fra convulsioni che nulla ci toccano, come la China in rivolta.

Gli Stati Uniti sono in sostanza parte d'Europa, fatta colonia, traslocata, mobile; l'Europa anglo-sassone senza suolo natale, senza castelli, senza medio evo.

Un flutto dopo l'altro depono sulle sue spiagge un'alluvione dopo l'altra, che non si fermano ma proseguono la via. Turbe di emigrati si precipitano in America fuggendo la fame, le persecuzioni, l'avvenire, cioè un presentimento di future disgrazie in patria. L'immigrazione continua in America; i nuovi arrivati traversano i popoli già stabiliti, li trascinano seco talvolta e in tumulto si precipitano verso il sud. Oggi si dissoda un terreno, domani si abbandona per correre verso l'Equatore, ove la razza anglo-sassone, rigorosa ed aspra s'incontrerà colla bella e graziosa razza ispano-romana. Tutto è turbamento, tutto cresce in quel paese cosmopolita, in quel paese in cui si dimentica la patria; — tutto si estende e prospera con rigogliosa vitalità, con attività infaticabile. Ciò che cresce vigoroso è giovane.

L'accrescimento della Russia, il gran delitto che le si rimprovera, come se vi fossero stati grandi dall'origine, fu prodigioso, e ora soltanto comincia a cessare, essendo giunto al suo naturale confine, l'Oceano Pacifico. La Russia si accresce per tutt'altra legge; perchè ha un nucleo; non è una colonia che emigra, ma un popolo fortemente stabilito sul proprio territorio, che si allarga da ogni banda senza staccarsi dal proprio centro.

Gli Stati Uniti, come valange, si cacciano tutto dinanzi; ogni palmo di terra che acquistano è perduto per gl'indigeni.

La Russia trabocca, cinge come acqua i paesi adiacenti, li stringe e li copre del ghiaccio uniforme e monotono della autocrazia. Sotto il suo regime terribile si compie un prodigioso lavoro di assimilazione; esso fa gli adoratori di Dalai Lama difensori della chiesa greca, i tartari ufficiali di cancelleria, fa ardentissimi patrioti russi i tedeschi.

La forza plastica non fu minore in Russia della sua forza di espansione; Giuseppe II, presente all'inaugurazione di Ecaterinoslaff disse ironicamente: «L'imperatrice pose la prima pietra di questa città ed io l'ultima». Di che rideva? Non una città soltanto, ma uno stato sorse da quel tempo nel Chersoneso e nella Crimea.

Non ha molto che un vecchio moscovita, il sig. Aksakoff, pubblicò gli annali della sua famiglia. In quel libro importantissimo racconta come, verso la metà del decorso secolo, suo avo, lasciando i suoi possessi di Simbirsk se ne andò a cercar fortuna sulle rive dell'Ural; sembra la storia di un ricco Settler, che si reca a dissodare le terre vergini del Wisconsin e dell'Illinois; è un romanzo di Cooper. Ma qual prodigio si compì in 100 anni, che vediamo oggi in quelle stesse provincie grandi città, ginnasii, società di nobili, società di negozianti? Orenburg, Catherinenburg, Perm, non sorsero che ieri. E tutta la Siberia non è nel caso stesso? Paese affatto nuovo, generalmente noto soltanto come un ergastolo fra i ghiacci, è pure destinato a grande avvenire. La Siberia è presto a ricevere i piroscafi colla bandiera stellata. L'acquisto delle foci dell'Amur è uno dei passi più grandi della civiltà. Quale ostinazione o malafede sarebbe il negarlo?

Passiamo ora alla psicologia dei due paesi. L'America come colonia non rappresenta elementi nuovi: è l'ultima conseguenza dell'Europa protestante, emancipata dai vincoli storici della monarchia e dell'aristocrazia. La grande idea effettuata dall'America è un'idea puramente anglo-sassone, l'idea del *Self-government*; un popolo forte con un governo debole, la sovranità di ogni villaggio, senza concentramento, una comunità forte, tutta morale. Quale possa essere il rapporto degli Stati Uniti colle tendenze socialistiche, cioè coll'avvenire, è difficile a dire, perchè l'America rappresenta anch'essa, con tutti i suoi difetti, la *democrazia borghese*.

La Russia molto meno matura dell'America, è molto più svincolata dalle tradizioni occidentali. «Che fortuna, diceva il celebre Bentham all'imperatore Alessandro I, quando egli era a Londra dopo la guerra,— che fortuna hanno i vostri legislatori, eglino non denno ad ogni piè sospinto combattere col gius romano!» E noi aggiungiamo: nè col gius feudale, nè col cattolicismo, nè col protestantismo. Il *Nomo — Canon Bizantino* non ha forza, e la legislazione *nazionale* non va oltre l'ordinamento dei comuni, tutto il resto è imposto, esotico, forzato. La legislazione degli zar era assurda, la legislazione degli imperatori è straniera, l'una e l'altra avevano un solo scopo, di creare uno *stato forte*: vi riuscirono, distruggendo affatto l'individuo, fondarono un formidabile impero.

Ma vi ha una cosa che l'assolutismo non sradicò; al contrario la guastò la oppresse, e pure la serbò, questa è il comune rurale, con l'amministrazione elettiva, colla partizione delle terre, col diritto sulle terre e alla partecipazione negli affari della comune, riconosciuto ad ogni operaio.

Su quella Russia agricola, comunale, stazionaria, scevra d'influenza occidentale, riposano, opprimendola, la Russia nobile e la Russia governativa. La prima rappresenta tutti i colori rivoluzionari e reazionarii d'Europa; la seconda una dittatura assolutista che vuol parere una monarchia occidentale. Nicolò fece fare un gran progresso alla Russia nobile, provocò un'opposizione tacita, un odio celato contro sè e il suo despotismo che comincia ora a farsi palese.

L'assolutismo militare compì i suoi giorni in Russia; dee trasformarsi o disfarsi lasciandosi dietro quello stato enorme, compatto, di una formidabile unità, ricco di forze educate da prove aspre e terribili. L'impero di Pietro I si stabilì con mezzi atroci, colla violenza, col knut e colla Siberia. Ogni suo passo è coperto di lagrime e sangue. Milioni di uomini perirono fabbricando Pietroburgo, lavorando ai canali, milioni d'uomini perirono ai Balcani, al Caucaso. Quante vittime spirarono sotto le verghe e fra le nevi della Siberia! Col bastone eravamo forzati a correre al nostro destino. Ma queste cose volgono alla fine. Gridare contro il passato è inutile; la perspicacia viva e vera consiste a profittare egualmente degli elementi esistenti, delle forze prodotte egualmente

dal bene e dal male. Non si tratta più della loro origine ma del modo di dirigerle.

Il governo presente ha vaghezza di riforme, ma con istupenda ballordaggine vi pone mano e s'appiglia al deplorabile sistema dei piccoli miglioramenti parziali, senza toccare la sostanza delle cose. Andando di questo passo, soltanto fra due o tre secoli la Russia può sperare di giungere alle presenti condizioni della Prussia.

La storia e i popoli perdonano molte cose ai governi, anche scelleratezze e delitti, anche la crudeltà di Pietro I e le dissolutezze di Caterina II; ma ciò che non perdonano mai ad un governo è di non intendere la sua missione, è la debolezza di non levarsi all'altezza delle occasioni.

Ciò che più specialmente impedisce ed incatena Alessandro II sono le tradizioni di Nicolò, la politica di Nicolò e specialmente gli uomini di Nicolò. Paura di ogni vita intellettuale, paura della parola, della pubblicità all'interno e quindi alleanza con ogni despota. Tale era la filosofia del governo di Nicolò. Così egli ridusse la Russia a un torpore fittizio, a un'inerzia artificiale che contaminò di corruzione e di vizi tutte le parti del governo.

Si può continuare adoperando gli uomini e gli ordini stessi?..d Chiudendo gli occhi a Nicolò, la guerra non li aprì dunque a Alessandro II? È necessaria più libertà all'interno. Non si potrà mai vincere il vampiro di una amministrazione ladra, senza l, pubblicità, senza il tribunale aperto, senza il diritto di riprovare, di annullare i ministri del potere.

Ci troviamo dinanzi un'immensa rivoluzione *economica*. Nè il governo, nè la nobiltà se lo dissimulano ormai. L'imperatore ne fa cenno nel discorso alla nobiltà a Mosca. Siamo costretti a riordinare dalla radice la possessione territoriale, a por mano alla gran questione del proprietario e dell'operaio, dei diritti dell'artefice allo strumento del suo lavoro. Perché tale è la questione dell'emancipazione *col terreno*. E il governo crede che una tanta rivoluzione possa compiersi senza discutere, senza accordarsi!

D'altra parte è tempo di abbandonare la sciagurata idea di sostenere tutti gli oppressori d'Europa, prendendo sempre le parti della reazione, del despotismo. Il diavolo si porti tutta questa influenza diplomatica, per la quale tutti i popoli ci aborriscono,

e a gran ragione! Non è una politica nazionale, è una politica privata di Nicolò, degli Holstein-Gottorp. Nicolò fece della Santa-Alleanza, mistica e assurda, un'alleanza poliziesca: suo figlio continua quel sistema contrario agli interessi della Russia. Perché sostenne, pochi mesi sono, quel pascia del re di Napoli? perché manda note insolenti a Berna, prendendosi a cuore gli affari di suo zio di Hohensollern? Quel parentado tedesco gretto, affamato, pieno di puntigli e d'insolenza, è una vera sventura pel *Palazzo d'inverno*. Ma finalmente, con tutto il rispetto dovuto a quei *vincoli sacri* del parentado, bisognerebbe rassegnarsi a non sacrificare la Russia a quelle alte considerazioni di famiglia.

E tanto più che non vi ha legame di alcuna sorta fra i vecchi troni feudali che crollano in Europa e l'imperialismo russo. Che abnegazione è dunque questa di volere senza bisogno partecipare con esso dell'odio dei popoli? Sotto ben altro aspetto mostravasi Pietro I ai re snervati del tempo suo; colla sua divisa di panno grossolano, si faceva a forza accettare come forza nuova, e non come capo di orde selvaggie presto a servir ogni reazione, ad opprimere ogni popolo che tenti emanciparsi, fosse pur solo per giovare all'Austria. Perciò egli poteva amare l'Olanda libera più ch'è la Francia monarchica. Bisogna dirlo: la sua coscienza era pura. Un nero delitto ha poi vincolato l'assolutismo russo al despotismo europeo. Quel delitto turba loro il sonno, a loro malgrado li getta nelle braccia degli Hohenzollern e degli Habsburg. La divisione della Polonia mutò la condizione della Russia in faccia all'Europa. Ma la rimembranza di un delitto non deve degenerare in un solo desiderio di tentare l'ingiusto acquisto, anzi deve condurre all'espiazione. E che ha dunque fatto Alessandro II per la Polonia?

Il «Nord» coi suoi pizzi di Fiandra foggianti sui disegni russi non potè coprire tutta la grettezza dell'ammistia, e tutta l'insufficienza delle riforme del viaggio di Alessandro a Varsavia, si ricorda soltanto il ritornello che chiude il suo discorso: «Nessun sogno! nessun sogno!»

È raro che in un dato momento il programma del futuro si presenti così chiaro a uno Stato, come oggi alla Russia. Bisogna essere veramente sordo e cieco per non udire la voce che chiama, per non scorgere il dito che segna la via.

Tal confusione d'idee al *Palazzo d'inverno* è pure frutto del governo tutto retrogrado di Nicolò: Nicolò voleva un assurdo: tornare a l'autocrazia moscovita, serbando la forza dell'imperialismo di Pietroburgo, meno quanto vi era in esso di attivo e progressivo. È evidente che in cotal guisa non poteva ottenersi che una inerzia forzata. Il potere imperiale creato da Pietro I aveva un carattere tutto opposto al potere degli zar: era una dittatura formidabile, ma dittatura di progresso. Essa rispondeva al bisogno indefinito della nazione, di uscire dall'apatia e dallo spossamento in cui giaceva dopo le grandi lotte contro i Mongoli, i Lituani, i Polacchi.

Pietro I fu uomo del secolo XVIII, anzi fu il precursore dei despoti rivoluzionarii del genere di Federigo II. Certamente costoro non amavano la libertà; ma detestavano molto più le tradizioni, i pregiudizii, e spianarono assai la via alle riforme sociali.

Pietro I tre volte combattendo l'idea di legittimità, spegnendo l'ultimo simulacro della potenza clericale, ordinando alle reliquie di non comparire, alle immagini miracolose di cessar dai miracoli, calpestando le pretese oligarchiche, portò grave colpo al potere bisantino e mongolo degli zar. I cinquant'anni seguenti al suo regno presentano solo il disordinato fermento di un ordine nuovo di cose che s'impone al vecchio. Rivolte militari, colpi di Stato si ordinavano sotto le finestre del palazzo imperiale; le ribellioni dei Cosachi e dei contadini agitavano il paese. Pure fra tante scene di disordine, rivoluzioni di serraglio, intrighi, assassinii, l'idea principale di Pietro I rimase sempre la guida di tutti i governi quale che fosse la loro origine.

Soltanto negli ultimi anni Caterina dopo aver diviso la Polonia inchinava a principii conservativi e retrogradi. Paolo I, suo figlio, da stolto spinse più oltre le idee e mandò un esercito in Italia per arrestare la rivoluzione. Si videro allora per la prima volta i soldati russi far da aiutanti ai carnefici austriaci. Mas-sena fece benissimo a gastigar le due aquile colle quattro teste; Alessandro I e Pahlen anche meglio a far trucidare l'imperatore imbecille. Il governo tornò alla vera tradizione di Pietro I.

Aggiungerò una parola di spiegazione. Sotto il nome di «Tradizione di Pietro I» non s'intende generalmente in Europa che la politica di conquista ed invasione; insomma il carattere distintivo

dell'imperialismo come potenza eminentemente militare. Ma si dimentica che oltre la politica esterna vi ha tutto un sistema di ordinamento interno e di sviluppo delle forze materiali e intellettuali. Se dissi dunque che Alessandro I tornò alla tradizione di Pietro I, non intesi parlare di conquiste, ma della politica del progresso.

Nicolò ruppe la tradizione; si dichiarò fin la principio del suo regno, esclusivamente retrogrado. Le forze rivoluzionarie che vedeva addensarsi, lo incitavano alla resistenza ostinata e feroce. S'avvide tosto che il trono imperiale mancava di quella base morale che sostiene i troni storici, e che la forza e il moto solito sostenevano. Ma egli non voleva muoversi. Cadde dunque sui due sostegni di ogni monarchia: la nazionalità esclusiva e il fanatismo religioso. Era porsi in assoluta opposizione colla tradizione di Pietroburgo. L'opera di Pietro I non era che la secolarizzazione del potere degli zar e l'umanizzazione della nazionalità esclusiva per mezzo della civiltà europea. Nicolò credeva ottenere la potenza di Pietro I negando il suo principio, la sua idea; non fece che impedire per trenta anni il progresso del paese. Tutto si fermò; la macchina governativa si guastò; la corruzione guastò tutto. Se ne accorse quando venne la guerra e ne morì di vergogna odiato da tutta la Russia.

Appena Nicolò avea chiusi gli occhi, che un moto irresistibile spinse il governo di Alessandro II in via opposta a quella del padre suo. Lascia egli impadronirsi di quel moto, padroneggiarlo, lavorando per riacquistare al popolo ciò che suo padre gli fece perdere? Non so; ma non potrà arrestarlo. Nicolò, per giungere al suo reo fine, adoperava una volontà limitata, ma inflessibile. Alessandro II non l'ha. Dicono abbia buon cuore; si ottiene con questo un luogo in paradiso, non nella storia.

. Alessandro II annuncia nei suoi manifesti, i suoi ministri nelle circolari, i giornalisti russi nei loro fogli che comincia per la Russia un'era nuova. Ebbene! chi gl'impedisce d'entrarvi? A che giovan le parole? È d'uopo mantener le promesse, oppure anche noi diremo:

«Non rettorica, non rettorica!»

Io conosco poche condizioni più vergognose, più umilianti, di vedere apprestata una *possibilità* di gran progresso, e non so

qual delolezza che impedisce il movimento. La macchina è calda; il vapore si consuma, le forze si disperdon mugghiando; e ciò perchè non vi ha mano così ardita da girar la chiave e dar moto alla macchina. E se ella partisse senza il conduttore?

A. H e r z e n.

1857 febbraio, Londra

ПИСЬМО К ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ

Дорогой друг, прошло семь лет с тех пор, как «Италия дель Пополо» напечатала мою большую статью о России и письмо, мною посланное, на ту же тему *. Многое из того, что казалось тогда необдуманном и парадоксальным, впоследствии подтвердилось. Война и смерть Николая сильно всколыхнули славянскую апатию, и вот теперь Россия заволновалась, сдвинулась с места, чтобы начать новую жизнь.

После 1849 г. русский вопрос поднимался с разных сторон. Если раньше Россия была страной почти неизвестной, то теперь она стала страной с дурной славой *. Ненависть, скрытая и упорная ненависть, которую порождает страх, была столь сильна, что каждый человек (а среди таких людей был и я), дерзавший произнести хоть слово в защиту этого северного Голиафа, немедленно оказывался лицом к лицу с непреклонным Давидом из немцев или англичан, с пращой в руке. Считалось, что свобода и цивилизация естественно на стороне Бонапарта и что мусульманско-католическо-протестантский крестовый поход *против царизма* * открывает эру братства народов, эру свободной Германии и Ватерлоо, вычеркнутого из памяти стараниями самих же англичан.

Так думала чернь, но нужно сказать, что люди серьезные с грустью смотрели на это легкомыслие вставших в детство стариков и пытались лучше узнать ту неведомую силу, которая мужественно боролась против своих объединившихся врагов. Лучшим доказательством, подтверждающим эту мысль, является мой собственный опыт. Я никогда не забуду, с каким сердечным участием вы и другие знаменитые люди, как Виктор

Гюго, Мишле, Прудон, Луи-Блан, в 1855 году протянули мне руку и придали мне мужества, когда я начал издавать в Лондоне русский журнал — «Полярную звезду». Всем вам казалось вполне понятным, что русский, непримиримый враг санкт-петербургского абсолютизма, в то же время искренний друг своего народа.

Я думаю, что после войны будет позволено говорить о России более спокойно и не возбуждая негодования. Россия должна привлечь внимание Европы. Мрачный застой, который царит на Западе, заставляет всех, вопреки их желанию, смотреть налево и направо. А вне Европы в настоящее время есть только две страны, которые живут деятельной жизнью, — это Соединенные Штаты и Россия. Остальные страны спят тяжелым сном или корчатся в судорогах, но нас это не затрагивает, как не затронула революция в Китае.

Соединенные Штаты по существу представляют собой часть Европы, ставшую колонией, перемещенную на другой материк, и подвижную. Это англосаксонская Европа, но оторванная от родной почвы, от замков, от средневековья.

Волна за волной выносит на ее побережье новые и новые пласты, которые не останавливаются, а продвигаются все дальше и дальше. Толпы эмигрантов бегут в Америку от голода, от преследований, от грядущего, которое угрожает им несчастьями на родной земле. Иммиграция в Америку продолжается; новые пришельцы пересекают места уже заселенные и, увлекая иногда за собой старых поселенцев, лихорадочно устремляются на юг. Сегодня они засевают один участок, завтра они его бросают и поспешно движутся к экватору, туда, где суровая и жесткая англосаксонская раса встретится с прекрасной, грациозной испанско-романской расой. Все непрерывно изменяется, все развивается в этой космополитической стране, — стране, где забывают родину; все ширится и преуспевает с поразительной жизнеспособностью и неутомимой энергией. А то, что растет мощно, то молодо.

Распространение России, которое вменяют ей в вину как великое преступление (как будто существуют государства, большие с самого начала своего возникновения), было поразительным и только теперь начинает приостанавливаться, так как

достигнута естественная граница — Тихий океан. Россия расширяется по совсем иному закону, чем Соединенные Штаты: у нее есть ядро, ее населяют не эмигрировавшие колонисты, а народ, который прочно укрепился на своей территории и распространяется во все стороны, не отрываясь от своего центра.

Соединенные Штаты, как лавина, сметают все на своем пути, каждую пядь земли, которую они захватывают, они навсегда отбирают у туземцев. Россия разливается, окружает, словно вода, прилегающие земли, стягивает их и покрывает ровным одноцветным льдом автократии. Под иггом ее ужасного режима происходит поразительная ассимиляция: приверженцы далай-ламы становятся защитниками православной церкви, татары — канцелярскими чиновниками, немцы — пламенными русскими патриотами.

Созидательная сила России не уступала ее способности распространяться. Иосиф II, присутствовавший при закладке Екатеринослава *, иронически заметил: «Императрица положила первый камень этого города, а я последний». Над чем он смеялся? Не один только город, а целый край вырос с тех пор в Херсонесе и в Крыму.

Недавно один старый москвич г. Аксаков напечатал хронике своей семьи *. В этой интереснейшей книге он рассказывает, как в середине прошлого века его дед оставил свои поместья возле Симбирска и отправился искать счастья на берега Урала; это напоминает историю богатого поселенца (settler), отправившегося обрабатывать девственные земли Висконсина и Иллинойса, это настоящий роман Купера. Но какое чудо совершилось за 100 лет, что в этих же самых местах мы видим теперь большие города, гимназии, дворянские общества, торговые товарищества? Оренбург, Екатеринбург, Пермь возникли не далее, как вчера. А вся Сибирь — разве здесь не то же явление? Этот совершенно новый край, обычно известный лишь как торговля среди снегов, имеет великое будущее. Скоро в Сибирь смогут приплывать пароходы с флагами в звездах *. Завоевание устья Амура является одним из самых важных шагов цивилизации. Отрицать это — значило бы проявлять упрямство или недобросовестность.

Перейдем теперь к психологии обеих стран. Америка как колония не является каким-то новым элементом, она представляет последнюю ступень протестантской Европы, освобожденной от исторических уз монархии и аристократии. Великая идея, осуществленная Америкой, является чисто англосаксонской идеей, это идея *самоуправления*; сильный народ и слабое правительство, суверенность каждой деревни при отсутствии централизации, сильное общество, опирающееся на чисто моральные основания. Каково будет отношение Соединенных Штатов к социалистическим тенденциям, т. е. к будущему, сказать трудно, так как Америка при всех своих недостатках тоже представляет собой *буржуазную демократию*.

Россия гораздо менее зрелая, чем Америка, гораздо меньше связана западными традициями. «Как счастливы,— говорил знаменитый Бентам императору Александру I, когда тот был в Лондоне после войны*,— как счастливы ваши законодатели, они не должны на каждом шагу бороться с римским правом». А также — добавим мы — ни с правом феодальным, ни с католицизмом, ни с протестантизмом. Византийский *Номоканон* * не имеет силы, а *национальное* законодательство не пошло дальше учреждения общин; все остальное навязано извне, чуждо, введено насильственным путем. Законодательство царей было абсурдным, законодательство императоров — чуждым; и то и другое имело единственную цель: создать *сильное государство*. Это удалось: совершенно подавив личность, создали грозную империю.

Но есть одна вещь, которую абсолютизм не искоренил, он ее испортил, подавил и все же сохранил,— это сельская община с выборным управлением, с земельными переделами, с признанием за каждым работником права на землю и на участие во всех делах общины.

На эту сельскую, общинную, неподвижную, свободную от западного влияния Россию опираются, подавляя ее, Россия дворянская и Россия правящая. Первая представляет собой всевозможные революционные и реакционные направления Европы, вторая представляет собой абсолютистскую диктатуру, которая хочет казаться западной монархией. Николай заставил дворянскую Россию сделать большой шаг вперед; он вызвал молчаливую оппозицию, скрытую ненависть против

сбси и своего деспотизма, — ненависть, которая теперь становится открытой.

Военный абсолютизм в России отжил свое время, он должен видоизмениться или разрушиться, оставив после себя огромное, силоченное, единое государство, полное сил, выросших в результате суровых и ужасных испытаний. Империя Петра I была установлена при помощи жестоких мер: насилия, кнута и Сибири. Каждый ее шаг был залит слезами и кровью. Миллионы людей погибли, строя Петербург, проводя каналы, миллионы погибли на Балканах, на Кавказе. Сколько жертв погибло под розгами и в снегах Сибири! Палкой нас гнали к нашей судьбе. Но все это идет к концу. Кричать против прошлого бесполезно, истинная проницательность заключается в том, чтобы использовать в равной мере все существующие элементы, все силы, созданные как добром, так и злом. Речь теперь идет не о происхождении этих сил, а о том, как ими управлять.

Нынешнее правительство имеет слабость к реформам, но берется за дело с поразительной тупостью, цепляясь за жалкую систему мелких частичных улучшений, не касаясь сущности вещей. Если Россия будет идти таким шагом, то она только через два-три столетия догонит современную Пруссию.

История и народы многое прощают правительствам, даже злодейства и преступления, даже жестокость Петра I и распутство Екатерины II, — но чего они никогда не прощают — это непонимания своих задач, слабости, которая не дает правительству подняться до высоты происходящих событий.

Что особенно мешает Александру II и связывает его — это традиции Николая, политика Николая и особенно люди Николая. Страх перед всякой умственной жизнью, страх перед словом, перед гласностью внутри государства — и потому союз со всеми деспотами. Такова была философия правительства Николая. Так он привел Россию к мнимому оцепенению, к искусственной инертности, которая запятнала все правительство коррупцией и пороками.

Можно ли идти дальше, оставив на месте тех же людей и практикуя те же порядки? Неужели война, закрыв глаза Николаю, не открыла их Александру II? Необходима большая свобода внутри страны. Нельзя покончить с воровством чиновни-

чества — этого страшного вампира — без гласности, без открытого суда, без права осуждать и смещать представителей власти.

Мы стоим перед серьезнейшей *экономической* революцией. Ни правительство, ни дворянство уже не скрывают этого. Император намекал на это в своей речи, обращенной к московскому дворянству *. Мы вынуждены в корне преобразовать землевладение, поставить важнейший вопрос об отношениях между землевладельцем и работником, о праве работника на орудие его труда. Потому что так стоит вопрос о раскрепощении крестьян, при котором они должны *получить землю*. А правительство думает, что подобную революцию можно провести без обсуждения, без соглашений.

С другой стороны, пора оставить злосчастную идею о поддержке всех угнетателей Европы, перестать всегда принимать сторону реакции и деспотизма. Черт бы побрал все это дипломатическое влияние, за которое нас справедливо ненавидят все народы! Это не национальная политика, а частная политика Николая, Голштейн-Готторпов. Николай превратил мистический и нелепый Священный союз в союз полицейский. Его сын продолжает ту же политику, которая противоречит интересам России. Зачем он, несколько месяцев назад, поддержал этого пашу, короля неаполитанского?* Зачем он посылает в Берн оскорбительные ноты, принимая к сердцу дела своего дяди Гогенцоллерна?* Эта немецкая родня, жалкая, голодная, упрямая, обидчивая и наглая, — истинное бедствие для *Зимнего двorca*. Но в конце концов, при всем уважении к *священным узам* родства, следовало бы решиться и не приносить Россию в жертву этим высоким фамильным интересам. Тем более что никаких связей между старыми феодальными тронами, которые рушатся сейчас в Европе, и русской империей — нет. Что за самопожертвование — стремиться без нужды к тому, чтобы вместе с ними вызывать к себе ненависть народов? Совсем иначе держал себя по отношению к расслабленным королям своего времени Петр I. В своем мундире из грубого сукна он заставлял себя принять как новую силу, а не как вождя диких орд, готового служить любой реакции, давить любой народ, который стремится к освобождению, — и все это для того, чтобы оказать

услугу Австрии. Вот почему Петр мог относиться к свободной Голландии с большей любовью, чем к монархической Франции. Нужно сказать, его совесть была чиста. Впоследствии русский абсолютизм с европейским деспотизмом связало гнусное преступление. Это преступление мешает русским императорам спать спокойно и бросает их в объятия Гогенцоллернов и Габсбургов. Раздел Польши изменил положение России перед лицом Европы. Но воспоминание о преступлении не должно превратиться в стремление удержать то, что было несправедливо захвачено, наоборот, оно должно вести к искуплению. А что же сделал для Польши Александр II?

«Норд» с его искусством плести брюссельское кружево по русскому узору не смог прикрыть всю мизерность амнистии, всю недостаточность реформ Александра в Варшаве и вспоминает только припев, которым Александр заключил свою речь: «Никаких мечтаний, никаких мечтаний!»*

Редко бывает, чтобы в какой-нибудь момент перед государством так ясно вставало его будущее, как теперь перед Россией. Надо поистине быть глухим и слепым, чтобы не слышать голоса, который зовет, не видеть перста, который указывает путь.

Подобная путаница идей в *Зимнем дворце* — плод сугубо реакционного правления Николая. Николай хотел абсурда: вернуться к самодержавию Московской Руси, сохраняя мощь петербургской империи, отбросив то действительное и прогрессивное начало, которое в ней было. Вполне ясно, что таким путем ничего не могло получиться, кроме насильственного застоя. Созданная Петром I императорская власть по характеру своему представляла собой полную противоположность власти московских царей: это была страшная диктатура, но диктатура прогресса. Она отвечала смутной потребности нации выйти из состояния апатии и расслабленности, в котором она находилась после великой борьбы против монголов, литовцев и поляков.

Петр I был человеком XVIII века, он был предшественником деспотов-реформаторов вроде Фридриха II. Конечно, такие люди не любили свободу, но еще больше они ненавидели косность, старые предрассудки и проложили путь к социальным реформам.

Петр I, трижды выступавший против идеи легитимизма, уничтоживший последнее подобие церковного могущества, приказавший мощам не являться, а чудотворным иконам прекратить свои чудеса, поправший олигархические притязания, нанес тяжелый удар византийской и монгольской власти царей. В следующее за его царствованием пятидесятилетие происходит лишь беспорядочное брожение нового порядка, неудержимо идущего на смену старому. Военные бунты, государственные перевороты происходили под самыми окнами императорского дворца; казацкие и крестьянские восстания волновали страну. И все же среди всего этого беспорядка, гаремных переворотов, интриг, убийств, главная идея Петра I оставалась путеводной нитью для всех правительств, независимо от их происхождения.

Только в последние годы своего царствования, после раздела Польши, Екатерина склонилась к консервативным, ретроградным принципам. Сын ее Павел I по глупости стал развивать дальше эти принципы и послал в Италию войско, чтобы подавить революцию. Вот тогда впервые русские солдаты оказались пособниками австрийских палачей. Массена прекрасно сделал, что покарал двух орлов с четырьмя головами *, а Александр I и Пален сделали еще лучше, убив слабоумного императора *. Правительство вернулось к истинным традициям Петра I.

Добавлю несколько слов в пояснение. Выражение «традиции Петра I» в Европе обычно понимают лишь как политику завоеваний и вторжений, иными словами, считают, что императорская власть по своему характеру является преимущественно властью военной. Но при этом забывают, что, кроме внешней политики, была целая система внутреннего устройства и развития материальных и интеллектуальных сил. Таким образом, когда я говорю, что Александр I вернулся к традициям Петра I, я имею в виду не завоевания, а политику прогресса.

Николай нарушил традицию, он с самого начала своего царствования проявил себя как законченный реакционер. Когда он увидел, что растут силы революции, он стал упорно и жестоко сопротивляться. Он скоро заметил, что у его императорского трона нет того морального основания, на котором зиждутся исторические престолы, и что его поддерживает только сила и

инерция. Но он не хотел двигаться вперед. Он ухватился за две опоры любой монархии: за крайний национализм и религиозный фанатизм. Это значило встать в полную оппозицию к традициям Петербурга. Сущность деятельности Петра I заключалась именно в секуляризации царской власти и в смягчении крайнего национализма посредством европейской цивилизации. Николай думал, что достигнет могущества Петра I, отрицая его принципы, его идею; в продолжение тридцати лет Николай лишь препятствовал прогрессу своей страны. Все остановилось, государственная машина испортилась, разложение проникло повсюду. Он понял это, когда разразилась война, и умер от стыда, ненавидимый всей Россией.

Едва Николай закрыл глаза, как неудержимое движение толкнуло правительство Александра II на путь, противоположный отцовскому. Сумеет ли он овладеть этим движением, стать во главе его и вернуть своему народу то, что его отец отнял? Не знаю, но остановить движения он не может. Николай, чтобы достичь своей преступной цели, выказывал ограниченную, но непреклонную волю. У Александра II ее нет. Говорят, у него доброе сердце, за это можно заслужить место в раю, но не в истории

Александр II в своих манифестах, его министры в циркулярах, русские журналисты в газетах возвещают, что для России начинается новая эра. Ну, так что же мешает в нее вступить? К чему слова? Надо исполнять обещания, иначе и мы скажем:

«Нам не нужна риторика, не нужна риторика!»

Трудно, по-моему, найти более постыдное и унижительное положение, чем то, при котором упускается *возможность* сделать большой шаг вперед по пути прогресса. Я не знаю, какая слабость мешает движению вперед. Машина нагрелась, пар расходуется зря, силы бурлят и пропадают даром, и все потому, что нет достаточно смелой руки, которая бы повернула рычаг и привела бы машину в действие. А что, если она двинется без водителя?

1857 г., февраль, Лондон.

А. Герцен.

«КОЛОКОЛ»

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ К «ПОЛЯРНОЙ ЗВезде»

«Vivos voco!»^{1*}

«Полярная звезда» выходит слишком редко, — мы не имеем средств издавать ее чаще. Между тем события в России несутся быстро, их надобно ловить на лету, обсуживать тотчас. Для этого мы предпринимаем новое повременное издание. Не определяя сроков выхода, мы постараемся ежемесячно издавать *один* лист, иногда *два*, под заглавием «Колокол».

Успех «Полярной звезды», далеко превзошедший наши ожидания, позволяет нам надеяться на хороший прием ее соучтника.

О направлении говорить нечего; оно то же, которое в «Полярной звезде», то же, которое проходит неизменно через всю нашу жизнь. Везде, во всем, всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства, со стороны развивающихся народов против отстающих правительств. Таковы общие догматы наши.

В отношении к России мы хотим страстно, со всею горячностью любви, со всей силой последнего верования, чтоб с нее спали наконец ненужные старые свивальники, мешающие могучему развитию ее. Для этого мы теперь, как в 1855 году²,

¹ Зову живых! (лат.). — *Ред.*

² Программа «Полярной звезды».

считаем первым необходимым, неминуемым, неотлагаемым шагом:

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЛОВА ОТ ЦЕНЗУРЫ,
ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ОТ ПОМЕЩИКОВ,
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОДАТНОГО СОСТОЯНИЯ ОТ ПОБОЕВ.

Не ограничиваясь, впрочем, этими вопросами, «Колокол», посвященный исключительно русским вопросам, будет *звонить*, чем бы ни был затронут — нелепым указом или глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное — все идет под «Колокол».

А потому обращаемся ко всем соотечественникам, делящим *нашу* любовь к России, и просим их не только слушать наш «Колокол», но и самим *звонить* в него.

Первый лист выйдет около 1 июня.

Лондон, 13 апреля 1857.

Будет продаваться у Trubner's and Co, 60, Paternoster Row, London (Prix six pence¹).

¹ Цена шесть пенсов (англ.).— *Ред.*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Мы считаем необходимым, предупреждая некоторые вопросы, а может, и упреки, сообщить нашим читателям кой-какие подробности из семейных дел «Полярной звезды» и русской типографии.

В ней опять нет обозрения русской литературы *. На этот раз нам нельзя жаловаться на недостаток материалов. За 1856 год мы имели все замечательные периодические издания и газеты, все замечательные книги, вновь вышедшие или перепечатанные; но, долго обдумывая, мы отказались от искушения писать о предмете, столь близком нам и о котором именно теперь есть что сказать.

До тех пор пока мы не убедимся в том, что отзывы «Полярной звезды» не опасны для книг и лиц в России, мы не будем печатать разборов. Скажем одно — что в последние два года литература наша возмужала на десять лет. В ней есть жизнь, движение, цвет,—в ней приводятся к слову действительные интересы и современные вопросы. Каменная плита, лежавшая на стране, сдвинулась, и русская мысль явным образом расправляет крылья. День, в который она окрепнет до того, что сделает ненужным и излишним печатание за границей, будет одним из счастливейших в нашей жизни.

В последнее время мы получили довольно много статей для «Русских голосов». Третья книжка выйдет в июне месяце. Но всего присланного мы не беремся печатать; нам даже кажется, что некоторые из статей присланы к нам по ошибке; их место в «Северной пчеле» или в «Le Nord».

Сверх статей, мы получили несколько анонимных писем. Некоторые из них исполнены такой теплой, юной симпатии

к нам, что мы их прочли глубоко тронутые. Другие больше или меньше писаны с целью исправить дух «Полярной звезды» и направить ее на истинный путь. Мы благодарим писавших за доброе намерение, но следовать их советам не станем.

Один господин сердится на «Полярную звезду» за ее имя, за ее обертку, за ее тон, за ее статьи и пуще всего за портреты Пестеля, Рылеева и других мучеников 14 декабря; если бы, говорит он, вместо статей о социализме были статьи о краже чиновников, а портретов совсем бы не было, то само правительство с пользой читало бы наше издание.

Если правительство боится обертки и портретов, то оно еще долго не дойдет до чтения вообще и в особенности нашего обозрения. А мы еще дальше не дойдем до издания в Лондоне журнала под заглавием *«Андреевская звезда»** с портретами Клейнмихеля, Бенкендорфа, Чернышева и даже Политковского*.

Лондон, 25 марта 1857.

КОЛОКОЛЬ

“Vivos voco!”

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА выходитъ слишкомъ рѣдко, — мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ Россіи несутся быстро, ихъ надобно ловить на лету, обсуживать тотчасъ. Для этого мы предпринимаемъ новое повременное изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся ежемѣсячно издавать одинъ листъ, иногда два, подъ заглавіемъ КОЛОКОЛЬ.

Успѣхъ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ, далеко превзошедшій наши ожиданія, позволяетъ намъ надѣяться на хорошій приемъ ея спутника.

О направленіи говорить нечего; оно тоже которое въ Полярной Звѣздѣ, тоже которое проходитъ неизмѣнно черезъ всю нашу жизнь. Вездѣ, во всемъ, всегда быть со стороны воли—противъ насилія, со стороны разума—противъ предрасудковъ, со стороны науки—противъ изуверства, со стороны развивающихся народовъ—противъ отстающихъ и рабительства. Таковы общіе догматы наши.

Въ отношеніи къ Россіи, мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго втраванія, чтобы съ нея спали наконецъ ненужные старыя свивальники, мѣшающіе могучему развитію ея. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 г. (*) считаемъ первымъ необходимымъ, неминуемымъ, неотлагаемымъ шагомъ:

ОСВОБОЖДЕНІЕ СЛОВА ОТЪ ЦЕНСУРЫ,
ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ ПОМѢЩИКОВЪ,
ОСВОБОЖДЕНІЕ ПОДАТНАГО СОСТОЯНІЯ ОТЪ ПОБОВЕВЪ.

Не ограничиваясь впрочемъ этими вопросами, КОЛОКОЛЬ посвященный исключительно Русскимъ Вопросамъ, будетъ звонить чѣмъ бы ни было затронуть, неглымъ указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воровствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамеренное и невѣжественное, все идетъ подъ КОЛОКОЛЬ.

А потому обращаемся ко всемъ соотечественникамъ дѣлящимъ нашу любовь къ Россіи и просимъ ихъ не только слушать нашъ Колоколъ, но и самимъ звонить въ него.

Первый листъ выйдетъ около 1 Юня.

ИСКАНДЕРЪ.

Лондонъ 13 Апреля 1857.

(*) Программа Полярной Звѣзды.

Будетъ продаваться у TRUBNER'A & Co., 60, Paternoster Row, London, (Price Sixpence.)

Лондонъ, вольная РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНІА
2, Judd Street, Brunswick Square.

«Колокол». Первопечатный текст (листок при третьей книге «Полярной звезды»), 1857.

Государственная публичная историческая библиотека, Москва.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА

«Очень бы мне хотелось,— пишет мисс Катрин Вильмот своим родным в Ирландию из деревни Дашковой,— чтоб вы могли взглянуть на самую княгиню. В ней все, язык и платье,— все оригинально; что б она ни делала, она решительно ни на кого не похожа. Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слыхивала о таком. Она учит каменщиков класть стены, помогает делать дорожки, ходит кормить коров, сочиняет музыку, пишет статьи для печати, знает до конца церковный чин и поправляет священника, если он не так молится, знает до конца театр и поправляет своих домашних актеров, когда они сбиваются с роли; она доктор, аптекарь, фельдшер, кузнец, плотник, судья, законник; она всякий день делает самые противоположные вещи на свете — ведет переписку с братом, занимающим одно из первых мест в империи, с учеными, с литераторами, с жидами, с своим сыном, со всеми родственниками. Ее разговор, увлекательный по своей простоте, доходит иногда до детской наивности. Она, нисколько не думая, говорит разом по-французски, по-итальянски, по-русски, по-английски, путая все языки вместе.

Она родилась быть министром или полководцем, ее место во главе государства».

Все это верно, но мисс Вильмот забывает, что, сверх того, Дашкова родилась *женщиной* и *женщиной* осталась всю жизнь. Сторона сердца, нежности, преданности, была в ней необыкновенно развита. Для нас это особенно важно. Дашко-

вою русская *женская личность*, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России — и смело становится рядом с Екатериной.

В Дашковой чувствуется та самая сила, не совсем устроенная, которая рвалась к просторной жизни из-под плесни московского застоя, что-то сильное, многостороннее, деятельное петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью.

Екатерина II, делая ее президентом Академии, признала политическое равенство обоих полов, совершенно последовательное в стране, принимавшей гражданскую правомерность женщин, остающихся на Западе прикрепленными к мужьям или в вечном несовершеннолетии.

В русской истории, бедной личностями, записки женщины, участвовавшей на первом плане в перевороте 1762 года и видевшей возле все события от смерти Елизаветы до Тильзитского мира, чрезвычайно важны, тем больше что мы очень мало знаем наше XVIII столетие. Мы любим в истории восходить гораздо дальше. Мы из-за варягов, новгородцев, киевлян не видим вчерашнего дня; зубчатые кремлевские стены заслоняют нам плоские линии Петропавловской крепости. Разбирая отчетливо царские грамоты, мы мало знаем, что писалось на ломаном русском языке в петербургских канцеляриях, в то время как под окнами Зимнего дворца редела дикая крамола и мятеж, угрожая Сибирью и смертью его жителям, и трон не получил еще ту силу и прочность, которую он приобрел не больше как *семьдесят пять* лет тому назад. Протверживать историю этих времен очень полезно и для правительства, чтоб оно не забывалось, и для нас, чтоб мы не отчаивались.

Я желал бы хоть вкратце объяснить мою мысль.

Вся Европа и, что гораздо хуже, все русские принимают императорскую власть в ее современной форме за такую несокрушимую всегдашность русского быта, которая смеется по праву над всеми дерзновенными попытками и смело выдерживает всякий натиск, мощно и прочно уцепившись далеко разветвившимися корнями в землю.

Императорская власть, совсем напротив, устоялась и окрепла весьма недавно. Она и теперь носит на себе следы своего революционного начала; в ней и до сих пор перепутаны без всякого порядка, как в промежуточных слоях земного шара, гранит старины, наносные пески, осколки, случайно захваченные сверху, всплывшие снизу, местами крепко слежавшиеся, но не соединенные химически.

Нас вводят в заблуждение бармы Мономаха, трон царя Иоанна Васильевича, Успенский собор — но разве Наполеон не рядился в мантию Карла Великого и не надевал на свою голову железной короны в Милане? *— Все это подделки вроде Чартертона *; почтенные черты старости и минувшего берутся взаимно для того, чтобы окружить новое уважением и уверить в его прочности, так сказать, в его вековечности.

Русское императорство развилось из царской власти ответом на сильную потребность *иной жизни*. Это военная и гражданская диктатура, гораздо больше сходная с римским цезаризмом, нежели с феодальной монархией. Диктатура может быть очень сильна, поглощать в себя все власти, но прочна она быть не может. Она существует до тех пор, пока обстоятельства, ее вызвавшие, останутся те же и пока она сама верна своему призванию.

Разумеется, встречая при выходе с парохода вычищенную и выблещенную лейб-гвардию, безмолвную бюрократию, несущихся курьеров, неподвижных часовых, казаков с нагайками, полицейских с кулаками, полгорода в мундирах, полгорода, делающий фронт, и целый город, торопливо снимающий шляпу, и подумав, что все это лишено всякой самобытности и служит пальцами, хвостом, ногтями и когтями одного человека, совмещающего в себе все виды власти — помещика, папы, палача, родной матери и сержанта, может закружиться в голове, сделаться страшно, может прийти желание самому снять шляпу и поклониться, пока голова цела, и вдвое того — может захотеться сесть опять на пароход и плыть куда-нибудь. Все это так, и все это чувствовал (кроме последнего) достопочтенный вестфальский барон Гакстгаузен.

Этот сурово-мрачный, подавляющий вид грубой силы приняло императорство особенно в тридцатилетие николаевского

царствования; страшать было у него в принципе. Но тут невольно является вопрос: отчего же Николай не мог в эти тридцать лет забыть «дурные четверть часа», проведенные им *при защите* Зимнего дворца * 14 декабря 1825? Отчего, умирая, вспомнил он этот день и за него благодарил гвардию?

Оттого, что он понял с начала своего воцарения, что его трон только силен *силой*. Он ею одной и держался, но чувствовал, что в штыках, что в материальном гнете ничего нет прочного, и искал иных опор. Опоры, на которые он обратил внимание, были верны, рядом с самодержавием он поставил православие и народность. Но это был протест против петровского направления, которого весь смысл состоял в секуляризации царской власти и общеевропейском образовании. Николай становился в прямое противуречие с живым началом петровского императорства, а потому ничего нет удивительного, что прямой результат его царствования был глухой разрыв между ним и Россией. Если б он прожил еще десять лет, его трон развалился бы сам собою; все перестало идти, все повяло, стало сохнуть, от всего отлетал дух, беспорядки администрации достигли чудовищных размеров. Его царствование было нелепость. Он понял, что, идя по направлению Александра, должно было неминуемо изменить более человеческими формами самодержавную власть, но этого он не хотел, а воображал, что он настолько независим от петровских начал, что он может быть Петром и без них.

Ему бы удалось, может быть, если б в самом деле, как думают московские староверы, переворот Петра был следствием личной воли, гениального каприза; но он вовсе не был случайностью, а служил ответом на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы. Как иначе можно объяснить успех его?

Государственное развитие России шло медленно и было очень позднее, Русь жила нараспашку и кой-как собралась, подготавливаемая татарами, в иконописное, т. е. суздальски-византийское Московское царство, формы его были неуклюжи и грубы, все шло неловко, апатично. Царская власть не годна была даже на защиту государства, и в 1612 году Россия была спасена без царя. А между тем *что-то* говорило, *что-то говорящее* до сих пор в сердце каждого из нас, что под обветшалыми и тяжелыми плать-

ями бездна сил и мощи. Это что-то и есть молодость, вера в себя, сознание силы.

Крутой разрыв со стариной оскорблял, но нравился, — народ любил Петра I, он его перенес в легенды и сказки. Точно будто русский человек догадался, что, чего бы ни стоило, надо было переломить лень и крепким государственным строем стянуть нашу распущенность. Бесчеловечная дрессировка Петра I и таких преемников его, как Бирон, разумеется, поселяла ужас и отвращение, но все это переносили за открывавшуюся ширь новой жизни. Так, как во Франции переносили террор.

Петровский период сразу стал народнее периода царей московских. Он глубоко взошел в нашу историю, в наши нравы, в нашу плоть и кровь; в нем есть что-то необычайно родное нам, юное; отвратительная примесь казарменной дерзости и австрийского канцелярства не составляют его главной характеристики. С этим периодом связаны дорогие нам воспоминания нашего могучего роста, нашей славы и наших бедствий; он сдержал свое слово и создал сильное государство. Народ любит успех и силу.

Когда Александр диктовал в Париже законы всей Европе, одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потом? Вернуться опять за 1700 год и сочетать военный деспотизм с отчуждающейся от всего человеческого царской властью. Этого хотел Николай, десяток поврежденных славянофилов — и больше никто.

Если народ и ненавидит чуждое ему немецкое правительство, вполне заслужившее это, то из этого не следует, чтоб он любил московское царство, он его забыл через одно поколение и совершенно не знает.

Что мешало после Петра I возвратиться к едва протекшим временам? Все петербургское устройство висело на нитке. Пьяные и развратные женщины, тупоумные принцы, едва умевшие говорить по-русски, немки и дети садились на престол, сходили с престола, дворцом шла самая близкая дорога в Сибирь и на каторжную работу; горсть интригантов и кондотьеров заведовала государством. В продолжении всей этой сумятицы мы не видим особенного желания воротиться к допетровским временам. Напротив, то, что постоянно остается во всех этих судорожных переменах, то, что развивается вопреки их и дает им резкое

единство, это именно *петровская идея*. Одна партия сбрасывает другую, пользуясь тем, что новый порядок не обжился, но кто бы ни одолевал, до петровских оснований никто не касался, а все принимали их — Меншиков и Бирон, Миних и самые Долгорукие, хотевшие ограничить императорскую власть не в самом же деле прежней боярской думой¹. Елизавета и Екатерина II льстят православию, льстят народности для того, чтоб овладеть тронем, но, осевшись на нем, они продолжают его путь. Екатерина II больше, нежели кто-нибудь.

Противудействия новому порядку дел после его жестокого водворения мы видим в одних *неправославных* раскольниках и в страдательном неучастии крестьян. Ворчливое упорство нескольких стариков ничего не значит. Подавленная покорность всех «староверов» была признанием своего бессилия. Если б было что-нибудь живое в их воззрении, непременно были бы попытки, положим неудачные, невозможные, но были бы. Всякие Анны Леопольдовны, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Алексеевны находили людей отважных и преданных, подвергавшихся из-за них плахе и каторге; погибающее казачество и смятое под ноги дворянства крепостное состояние имело своего Пугачева, а Пугачев свои двести тысяч войска; киргиз-кайсаки откочевали к Китаю; крымские татары соединились с турками; Малороссия громко роптала, все оскорбленное или придавленное императорством заявляло свой протест, — старорусская партия в России — никогда. У ней не было ни языка, ни преданных людей, ни Полуботки, ни Мазепы!

И только полтора года лет после Петра она находит себе представителя и вождя, и этот представитель и вождь — Николай. Если б ему церковной нетерпимостью и народной исключительностью удалось пересоздать императорскую власть и заменить ее диктаториальный характер чисто монархическим или царским — это было бы несчастье, но оно было невозможно. Едва Николай умер, Россия рвется снова на петровскую дорогу —

¹ О которой Кошихин так живописно отзывался, говоря, что бояре в ней молчат, уставя глаза свои в браду для того, чтобы показать глубокомыслие.

и вовсе не в завоевательном, не в солдатском направлении его, а в развитии внутренних материальных и нравственных сил.

Петр I был один из ранних деятелей великого XVIII столетия и действовал в его духе, он был проникнут им, как Фридрих II, как Иосиф II. Его революционный реализм берет верх над его царским достоинством — он деспот, а не монарх.

Мы все знаем, как Петр ломал старое и как устраивал новое. Тяжелому, неподвижному византийскому чину он противопоставил трактирные нравы, скучная Грановитая палата превратилась при нем в разгульный дворец; вместо законного престолонаследия он раз предоставил императору право назначать кого хочет, другой раз писал сенату, чтоб он сам избрал достойнейшего, если он погибнет в турецком плену, и затем отнятую у родного сына корону отдал горничной, которая, переходя из рук в руки, дошла до него. Он упразднил место святейшего патриарха, запретил мощам являться и утер досуха всехскорбящие слезы чудотворных икон. В стране упрямого местничества он посадил выше всех плебея Менщикова, водился с иностранцами, даже с арапами, напивался пьян с матросами и шкиперами, буянил на улицах, словом, оскорблял все стороны прежней чопорной русской жизни и важный царский формализм.

Он дал тон, наследники продолжали его, преувеличивая и искажая; полвека после него длится одна непрерывная оргия вина, крови, разврата; *l'ultimo atto*, — как выразился один итальянский писатель, — *d'una tragedia — rappresentato nel un lupanar*¹.

Какое тут православие, какой тут монархически-рыцарский принцип?

Если во второй половине царствования Екатерины трагический характер бледнеет, то *локаль* остается тот же; историю Екатерины II нельзя читать при дамах. Монархически растленный Версаль с удивлением смотрел на беспутство русского двора, так, как на философский либерализм Екатерины II, потому что Версаль не понимал, что основания императорской

¹ последний акт трагедии, разыгрываемой в публичном доме (итал.). — *Ред.*

власти в России совсем не те, на которых зиждется французская королевская власть.

Когда Александр сказал в Тильзите Наполеону, что он вовсе не согласен с тем значением, которое он приписывает наследственности царской власти, Наполеон думал, что он его обманывает. Когда он говорил мадам Сталь, что он только «счастливая случайность»*, она это приняла за фразу. А это была глубочайшая правда его.

Сердясь на трусость немецких государей, император Александр говорил в своей прокламации 22 февраля 1813 их подданным: «Страх удерживает ваши правительства, не останавливайтесь на этом, если ваши государи под влиянием малодушия и подобострастья ничего не сделают, тогда должен раздаваться голос подданных и заставить государей, которые влекут свои народы в рабство и несчастье,— вести их к свободе и чести».

Дело в том, что Александр еще понимал петровскую традицию своей власти, он был слишком близок к первой эпохе императорства, чтоб представлять из себя гвардейского папу всех реакций. Он даже с явным сомнением и нерешительностью прочел доносы Шервуда и Майбороды.

Без сомнений и мыслей сел на его место Николай и сделал из своей власти машину, которая должна была вести Россию вспять. Но императорство не сильно, как скоро оно делается консервативным. Россия отрелась от всего человеческого, от покоя и воли, она шла в немецкую кабалу только для того, чтоб выйти из душного и тесного состояния, которое ей было не под лета. Вести ее назад теми же средствами невозможно.

Только идучи вперед к целям действительным, только способствуя больше и больше развитию народных сил при общечеловеческом образовании и может держаться императорство. Масло, которым будут смазывать пароходы на новых железных дорогах, прочнее венчает на царство, нежели елей Успенского собора.

Верно ли понята нами императорская власть, ярко и живо показывают превосходные записки Дашковой.

Цель наша будет вполне достигнута, если беглый отчет наш об их содержании заставит читателей взять в руки самую книгу.

В 1744 году императрица Елизавета и великий князь Петр Федорович крестили дочь Екатерину, родившуюся у графа Романа Воронцова, брата великого канцлера. Семья Воронцовых принадлежала к тому небольшому числу олигархического барства, которые вместе с наложниками императриц управляли тогда как хотели Россией, круто переходившей из одного государственного быта в другой. Они хозяйничали в царстве точно так, как теперь у богатых помещиков дворовые управляют дальними и ближними волостями.

Помещицу Елизавету Петровну любили, вовсе не потому, что она заслуживала это, ее любили за то, что покойница Анна Иоанновна держала немца Бирона управляющим, а у нас немцев управляющих терпеть не могут. Она была народнее Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны; сверх петровской крови, она имела все недостатки русского характера, т. е. пила иногда запоем и всегда до того, что вечером не могла дожждаться, пока горничные ее разденут, а разрезывала шнурки и платья. Она ездила на богомолья, ела постное, была суеверна и страстно любила рядиться, — после нее осталось 15 000 платьев, — любила пуще всего драгоценные камни, как наши богатые купчихи, и, вероятно, имела столько же вкусу, как они, о чем можно судить по тому, что она убрала себе целую комнату янтарем.

Господа жили тогда с своим двором совсем на другой ноге, нежели теперь, между ними была какая-то близость и фамильярность, и, несмотря на взрывы самовластья, они чувствовали новость своей власти и необходимость в опоре.

Вдруг, например, из оперы императрица Елизавета берет Шувалова и едет с ним пить чай к графу Воронцову, попробовать его венгерского, посплетничать, а если очень заврутятся, то «урезать» или «отрезать» язык кому-нибудь*, смотря по вине, и все это отечески, без шума, по-домашнему и не подписывая из человеколюбия ни одного смертного приговора.

Когда императрицыней крестнице минуло четырнадцать лет, у нее сделалась корь. Корь и оспа были не шуткой в те времена, а чуть не государственным преступлением, — корь, оспа могли пристать к Павлу Петровичу — к этой будущей надежде всея России! Особый указ воспрещал всякое сношение с двором семьям, в которых была страшная болезнь. Нашу

больную графиню поскорее уложили и отправили в деревню за семьдесят верст, полагать надобно, что воздух тогда не был вреден для кори. С графиней послали старуху немку и чопорную вдову русского майора; умная, бойкая и живая девочка, выздоровевшая от кори, чуть не умерла от скуки с своими собеседницами; по счастью, она нашла в деревне довольно значительную библиотеку. Четырнадцатилетняя графиня знала четыре языка, кроме русского, которого она не знала и которому порядком выучилась, бывши замужем, в угождение своей свекрови. Принялась она вовсе не за романы, а за Вольтера, Бейля и пр. Чтение у нее превратилось в страсть, тем не меньше книги не разогнали ее тоски, она грустит и возвращается в Петербург томной, нездоровой. Императрица посылает к ней своего доктора, и этот доктор — Бозргав; он говорит, что это ничего, что тело здорово, но что воображение больно... словом, что ей четырнадцать лет.

После Бозргава родные со всех сторон бросаются на бедную девушку и с неутомимой жестокостью принимаются ее рассеивать, утешать, кормить; мучат ее расспросами, советами. А она просит об одном — чтоб ее оставили в покое, она тогда читала «De l'entendement»¹ Гельвеция*.

Лекарство вскоре нашлось само собою.

Раз вечером графиня, довольно свободно располагавшая собой, отправляется к Самариной, остается у нее ужинать, приказав прислать за собой карету. В одиннадцать часов вечера она выходит, карета подана; но ночь так хороша, на улицах никого нет, и она идет пешком, сопровождаемая сестрой Самариной. На углу встречается высокий, стройный мужчина, он знаком с ее провожатой, начинает с ней говорить и обращает несколько слов к графине.

Графиня приходит домой и мечтает о прекрасном офицере. Офицер приезжает к себе влюбленный в прекрасную графиню.

Зачем терять золотое время, графиня уже не ребенок, это было в 1759 году, ей пятнадцать лет; офицер молод, богат, блестящ, очень высок, служит в Преображенском полку, принадлежит к старинной фамилии. Родные благословляют, поме-

¹ «О разуме» (франц.).— *Ред.*

щица позволяет — их женят. И наша графиня делается княгиней Дашковой.

Через полтора года после их свадьбы Дашкова, будучи во второй раз беременна, оставалась одна в Москве, в то время как муж ее ездил в Петербург. Его отпуск окончился, и он просил отсрочки. Преображенским полком тогда начальствовал великий князь, он тотчас бы отсрочил Дашкову отпуск, но дела становились серьезны, и он хотел сблизиться с офицерами. Императрица дышала на ладан, Шуваловы, Разумовские, Панины интриговали с великой княгиней и без нее в пользу Павла, даже в пользу несчастного Иоанна* — и всего больше в свою собственную пользу. Великого князя не любили, он не был злой человек, но в нем было все то, что русская натура ненавидит в немце — *gaucherie*¹, грубое простодушие, вульгарный тон, педантизм и высокомерное самодовольство, доходящее до презрения всего русского. Елизавета, бывшая вечно навеселе, не могла ему простить, что он всякий вечер был пьян; Разумовский — что он хотел Гудовича сделать гетманом*; Панин — за его фельдфебельские манеры; гвардия — за то, что он ей предпочитал своих голштинских солдат; дамы — за то, что он вместе с ними приглашал на свои пиры актрис, всяких немок; духовенство ненавидело его за его явное презрение к восточной церкви. Видя приближающуюся кончину Елизаветы и боясь быть оставленным всеми, неуклюжий Петр Федорович принялся угощать и ласкать офицеров, и все это делал с чрезвычайной неловкостью. Между прочим ему хотелось также увериться и в Дашкове, который командовал ротой, поэтому он, не отказывая ему в отпуске, призвал его в Ораниенбаум.

Князь, повидавшись с Петром Федоровичем, отправился обратно в Москву, на дороге у него заболело горло, сделалась лихорадка; не желая беспокоить жены, он велел свезти себя к своей тетке Новосильцовой, думая, что боль в горле утишится и голос несколько возвратится; вместо того у него сделалась жаба и сильный жар.

В это самое время мать князя Дашкова и ее сестра княгиня

¹ неуклюжесть (франц.). — *Ред.*

Гагарина сидели в спальне нашей княгини вместе с повивальной бабкой, ожидая через несколько часов ее разрешения. Дашкова еще была на ногах и вышла за чем-то в другую комнату, там ее давно поджидала горничная и сообщила ей по секрету о приезде больного мужа, говоря, что он у тетки, и умоляя не выдавать ее, потому что всем строго-настрого запрещено было сообщать ей эту новость. Княгиня вскрикнула при этой неожиданной вести; по счастью, старухи ничего не слышали. Оправившись, она взошла как ни в чем не бывало в спальню, уверила их, что все ошиблись, что роды еще не скоро, уговорила их идти отдохнуть, обещая священнейшим образом послать за ними, если что случится.

Лишь только старухи ушли, княгиня бросилась со всей горячностью своего характера умолять повивальную бабку — проводить ее к мужу. Добрая немка думала, что она сошла с ума, и начала на своем силезском наречии уговаривать ее, прибавляя беспрерывно: «Нет, нет, я после должна буду дать богу ответ за убиение невинных». Княгиня объявила ей решительно, что если бабушка не хочет ее провожать, то она пойдет одна и никакая сила в мире ее не остановит. Страх подействовал на старушку; но когда Дашкова ей сказала, что им надобно идти пешком, чтоб княгиня не услышала скрип саней, она снова уисрлась и стояла неподвижно, «точно будто ноги ее пустили корни в пол». Наконец уладилось и это; на лестнице у Дашковой возвратились боли и притом сильнее, снова бабушка стала ее уговаривать, но она, уцепившись руками за поручья лестницы, была непреклонна.

Они вышли за ворота и, несмотря на боли, добрались до дому Новосильцовой. Из свиданья с мужем Дашкова помнит одно — что она увидела его бледного, больного, лежавшего в забытьи, она только успела бросить один взгляд и без памяти упала на пол. В этом положении люди Новосильцовой снесли ее на носилках домой, где, впрочем, никто не подозревал ее отсутствия. Новые, еще больше напряженные боли привели ее в память, она послала за свекровью и за теткой, а через час родила сына Михайлу.

В шесть часов утра перевезли больного мужа; мать положила его в другой комнате, запретив им иметь всякие сношения

в предупреждение того, чтоб жаба не пристала к родильнице, а в сущности из маленькой ревности. Молодые супруги тотчас начинают чувствительную переписку, что, конечно, для состояния родильницы было опаснее жабы, которая совсем не заразительна; они пишут записочки днем и ночью, до тех пор, пока старуха их находит, бранит горничных и обещает обобрать перья, карандаши и бумагу.

Женщина, которая умела так любить и так выполнять волю свою вопреки опасности, страха и боли, должна была играть большую роль в то время, в которое она жила, и в той среде, к которой принадлежала.

Двадцать восьмого июля 1761 года переехали Дашковы в Петербург. «День,— говорит она,— который двенадцать месяцев спустя сделался так памятен и так *достославен* для моего отечества»*.

В Петербурге ее ждало приглашение великого князя — переехать в Ораниенбаум. Ей не хотелось ехать, и отец насилу уговорил ее занять его дачу недалеко от Ораниенбаума. Дело в том, что она уже тогда терпеть не могла великого князя, а была предана всем сердцем его жене. Еще в родительском доме она была представлена великой княгине; Екатерина ее приласкала, умная и образованная девушка ей понравилась. Екатерина умела той улыбкой, тем *abandon*¹, которым она очаровывала потом тридцать лет всю Россию, дипломатов и ученых всей Европы, привязать к себе Дашкову навеки. С первого свидания Дашкова любит Екатерину страстно, «обожает ее», как пансионерки обожают своих старших совоспитанниц; она влюблена в нее, как мальчики бывают влюблены в тридцатилетних женщин.

Зато она чувствует такое же искреннее отвращение от своего крестного отца Петра Федоровича. Но хорош и он был, нечего сказать, мы это сейчас увидим.

Родная сестра Дашковой, Елизавета Романовна, была открытой любовницей великого князя. Он думал, что Салтыков и Понятовский, эти счастливые предшественники Орловых, Васильчиковых, Новосильцевых, Потемкиных, Ланских, Ермоловых, Корсаковых, Зоричей, Завадовских, Мамоновых,

¹ непринужденностью (франц.).— *Ред.*

Зубовых * и целой ширинги плечистых *virorum obscurorum*¹, дали ему право не слишком скупиться на свое сердце и вовсе не скрывать своих предпочтений.

Отношение его к великой княгине уже было таково, что при первом представлении Дашковой он ей сказал: «Позвольте надеяться, что вы нам подарите не меньше времени, чем великой княгине».

С своей стороны порывистая Дашкова и не думала скрывать своего предпочтения к Екатерине. Великий князь заметил это и, спустя несколько дней, отвел раз Дашкову в сторону и сказал ей «с простотой своей головы и с добротой своего сердца», как она выражается: «Помните, что безопаснее иметь дело с честными простаками, как ваша сестра и я, чем с большими умами, которые выжмут из вас сок до капли, а потом, как апельсинную корку, выбросят за окно».

Дашкова, отклоняя речь, заметила ему, что императрица действительно изъявляла свое желание, чтоб они одинаковым образом оказывали уважение как его высочеству, так и великой княгине.

Тем не менее ей было необходимо являться иногда на великокняжеские куртажные попойки. Характер этих праздников был немецки-казарменный, грубый и пьяный. Петр Федорович, окруженный своими голштинскими генералами (т. е., по словам Дашковой, капралами и сержантами прусской службы, детьми немецких мастеровых, которых родители не знали куда деть за беспутство и отдали в солдаты), не выпуская трубки изо рта, напивался иногда до того, что лакеи его выносили на руках.

Раз за ужином при великой княгине и многочисленных гостях зашла речь о сержанте гвардии Челищеве и о предполагаемой связи, которую он имел с графиней Гендриковой, племянницей императрицы; великий князь, уже сильно опьяневший, заметил, что Челищеву следовало бы отрубить голову для примера другим офицерам, чтоб они не заводили пашней с царскими родственницами. Голштинские сикофанты изъявляли всевозможными знаками свое одобрение и сочувствие, Даш-

¹ темных людей (лат.). — *Ред.*

кова не могла выдержать, чтоб не заметить, что ей кажется очень бесчеловечным казнить за такое неважное преступление.

— Вы еще ребенок,— отвечал великий князь,— ваши слова доказывают это лучше всего, иначе вы бы знали, что скупиться на казни значит поощрять неподчиненность.

— Ваше высочество,— отвечала Дашкова,— вы пугаете нас нарочно; за исключением старых генералов, мы все, имеющие честь сидеть за вашим столом, принадлежим к поколению, никогда не выдавшему смертной казни в России.

— Это ничего не значит,— возразил великий князь,— хорош зато был и порядок во всем. Говорю вам, что вы еще дитя и ничего не смыслите в этих делах.

Все до одного молчали.

— Я готова,— отвечала Дашкова,— сознаться, что не в состоянии понять их; но не могу не радоваться при мысли, что ваша тетушка еще здравствует и занимает престол.

Глаза всех обратились на смелую женщину. Великий князь ничего не отвечал; он удовлетворился только тем, что высунул язык,— милая шутка, которую он часто употреблял вместо ответа, особенно будучи в церкви.

Разговор этот, начавший политическую карьеру Дашковой, замечателен, сверх всего, тем, что эти нероновские речи говорил самый кроткий в мире человек, никогда никого не казнивший. За столом было множество гвардейских и кадетских офицеров, слова Дашковой разнеслись с быстротой молнии по всему городу. Они приобрели ей большую известность, которую она сначала не умела ценить и которая сделала из нее один из центров, и чуть ли не главный, около которого собирались недовольные офицеры. На первый случай Дашкова была в восхищении от того, что великой княгине чрезвычайно понравился ее ответ. «Время,— грустно прибавляет она,— не научило еще меня тогда, как опасно говорить правду государям; если они и могут иногда это простить — то царедворцы никогда не прощают».

Дружба ее к Екатерине растет. Елизавета жила тогда в Петергофе, там *раз в неделю* великой княгине было разрешено видеть своего сына. Возвращаясь из дворца, она обыкновенно заезжала за Дашковой, брала ее с собой и оставляла на весь вечер. Когда ей нельзя было заехать, она писала к ней коротенькие

записочки; отсюда возникла их дружеская, интимная переписка, продолжавшаяся и после отъезда с дачи. Они пишут о литературе, о мечтах, пишут о Вольтере и о Руссо, стихами и прозой.

«Какие стихи и какая проза!— пишет великая княгиня к Дашковой, — и это в семнадцать лет. Я умоляю вас не пренебрегать таким талантом. Может, я и не совсем беспристрастный судья, ваше лестное пристрастие ко мне виновато в том, что вы избрали меня предметом стихов. Обвиняйте меня в гордости сколько угодно, но я все-таки скажу, что давно не читала таких правильных и поэтических произведений».

Екатерина, с своей стороны, посылает ей свои статьи и с большой настойчивостью требует, чтоб она их никому не показывала. «При тех обстоятельствах, при которых я обязана жить, всякий самый ничтожный повод послужит к самым неприятным вымыслам». Она до того боится, что просит Дашкову адресовать письма на имя ее горничной Катерины Ивановны и жжет их, прочитавши. Что она называет «ничтожными поводами», можно догадаться по одному письму, где она опять говорит о своей рукописи; Дашкова возвратила ее с большими похвалами и удостоверяя ее, что она не выходила из ее рук. О содержании рукописи нигде не сказано ни слова; но что это не были «правильные и поэтические стихи», это видно из следующих слов (письмо 21): «Вы снимаете с меня мои обязанности относительно моего сына, я вижу в этом новое доказательство доброты вашего сердца. Я была глубоко потрясена знаками преданности, с которыми меня встретил народ в тот день. Никогда не была я так счастлива».

Это письмо писано вскоре после смерти императрицы Елизаветы,— но мы еще не дошли до ее кончины.

В конце декабря 1761 года разнесся слух, что Елизавета очень больна. Дашкова распростуженная лежала в постели, когда до нее дошла эта весть. Мысль об опасности великой княгини поразила ее, она с нею так же мало могла улежаться, как с мыслию о болезни мужа; а потому, закутавшись в шубу, морозной ночью 20 декабря отправилась она в деревянный дворец на Мойке, где тогда жила царская фамилия. Не желая, чтоб ее видели, Дашкова оставила карету в некотором рас-

стоянии от дворца и пошла пешком на маленькое крыльцо с той стороны, где были комнаты великой княгини, не зная во все к ним дороги. По счастью, она встретилась с Катериной Ивановной, с известной горничной Екатерины,— она сказала ей, что великая княгиня в постеле; но Дашкова требовала, чтоб она доложила, говоря, что ей непременно надобно видеться с ней сейчас. Горничная, зная ее и ее преданность великой княгине, повиновалась ей. Екатерина, зная, что Дашкова серьезно больна и что, следовательно, без особенно важных причин не явилась бы ночью в мороз, велела ее принять.

Сначала она ее осыпала упреками за то, что не бережется, и, видя, что она озябла, сказала ей: «Милая княгиня, прежде всего вас надобно согреть, подите сюда ко мне в постель, под одеяло». Укутавши ее, она спросила наконец, в чем дело?

— В теперичном положении дел,— отвечала Дашкова,— когда императрице остается жить только несколько дней, может, несколько часов,— надобно, не теряя времени, принять меры против грозящей опасности и отвратить от вас грозящую опасность. Бога ради доверьтесь мне, я докажу вам, что я достойна этого. Если вы уже имеете определенный план, употребите меня, распорядитесь мной, я готова.

Великая княгиня залилась слезами и, прижимая руку Дашковой к сердцу, сказала ей:

— Уверяю вас, что у меня никакого плана нет, я не могу ничего предпринять и думаю, что мне остается одно — ожидать с твердостью, что случится. Я отдаюсь на волю божию и на него одного полагаю мои надежды.

— В таком случае ваши друзья должны действовать за вас. Что касается до меня, я чувствую в себе довольно силы и усердия, чтоб их всех увлечь, и поверьте мне, что нет жертвы, которая бы меня остановила.

— Ради бога,— перебила Екатерина,— не подвергайте себя опасности в надежде противудействовать злу, которое, в сущности, кажется неотвратимо. Если вы погубите себя из-за меня, вы только прибавите к моей несчастной судьбе вечное мучение.

— Все, что я могу вам сказать,— это то, что я не сделаю шага, который мог бы вас запутать или мог бы быть опасен

вам. Что бы ни было, пусть падет на меня, и, если моя слепая преданность к вам поведет меня на эшафот, вы никогда не будете его жертвой.

Великая княгиня хотела возражать, но Дашкова¹, перерывая ее речь, взяла ее руку, прижала к губам и, сказавши, что боится продолжать беседу, просила ее отпустить. Глубоко тронутые, они оставались несколько минут в объятиях друг друга, и Дашкова осторожно покинула до высшей степени взволнованную Екатерину.

Добавим к этой чувствительной сцене, что Екатерина все-таки обманула Дашкову; она поручала свою судьбу в это время не одному богу, но и Григорью Орлову, с которым обдумывала свой план, и Орлов уже в тиши старался вербовать офицеров.

В рождество императрица скончалась. Петербург мрачно принял эту новость, и сама Дашкова видела, как Семеновский и Измайловский полки проходили угрюмо и с глухим ропотом мимо ее дома.

Петр III, провозглашенный императором, не хранил никакого декорума, попойки продолжались. Через несколько дней после смерти Елизаветы он посетил отца Дашковой и через ее сестру изъявил свое неудовольствие, что не видит ее при дворе. Нечего было делать, Дашкова отправилась; Петр III, понизив голос, стал ей говорить о том, что она не умеет себя держать относительно своей сестры, что она наконец навлечет на себя ее негодование и может потом очень горько раскаяться в том, «потому что легко может прийти время, в которое Романовна (так называл он свою любовницу) будет на месте *той*».

Дашкова сделала вид, что не понимает, и торопилась занять свое место в любимой игре Петра III. В этой игре (*sampis*) каждый играющий имеет несколько марок; у кого остается последняя, тот выигрывает. В игру каждый клал десять имперIALов, что по тогдашним доходам Дашковой составляло немалую сумму, особенно потому, что когда проигрывал Петр III, он вынимал марку из кармана и клал ее в пулю, таким образом он почти

¹ Дидро в чрезвычайно интересной статье своей* о знакомстве с Дашковой, говоря об этом происшествии, прибавляет, что Екатерина сказала ей: «Вы — или ангел, или демон». — «Ни то, ни другое, — отвечала Дашкова, — но императрица умирает, и вас надобно спасти».

всегда выигрывал. Как только игра кончилась, государь предложил другую. Дашкова отказалась; он пристал до того к ней, чтоб она играла, что, пользуясь «правами избалованного ребенка», она сказала ему, что она недостаточно богата, чтоб проигрывать наверное, что если б его величество играл как все, то по крайней мере были бы шансы выигрыша. Петр III отвечал своими «привычными буфонствами», и Дашкова откланялась.

Когда она проходила рядом зал, наполненных придворными и разными чинами, она подумала, что попала на маскарад, — никого нельзя было узнать. Она не могла видеть без смеха семидесятилетнего князя Трубецкого*, одетого в первый раз от роду в военный мундир, затянутого, в сапогах со шпорами, словом, совсем готового на самый отчаянный бой. «Этот жалкий старичишка, — прибавляет она, — представлявшийся больным и страждущим, как это делают нищие, пролежал в постели, пока Елизавета кончалась; ему стало лучше, когда Петр III был провозглашен; но узнавши, что все обошлось хорошо, он тотчас вскочил, вооружился с ног до головы и явился героем в Измайловский полк, по которому числился».

Кстати к мундирам, к этой пагубной страсти, которая перешла от Петра III к Павлу, от Павла ко всем его детям, ко всем генералам, штаб- и обер-офицерам. Панин, заведовавший воспитанием Павла, сетовал на то, что Петр III ни разу не присутствовал при его испытаниях. Голштинские принцы, его дяди, уговорили его наконец; он остался очень доволен и произвел Панина в генералы от инфантерии. Чтоб понять всю нелепость этого, надобно себе представить бледную, болезненную фигуру Панина, любившего чопорно одеваться, тщательно чesавшегося, пудрившегося и напоминавшего собой царедворцев Людовика XIV. Панин ненавидел капральский тон Петра III, мундиры и весь этот вздор. Когда Мельгунов привез ему радостную весть о генеральстве, Панин хотел лучше бежать в Швецию на житье, чем надеть мундир. Это дошло до Петра III; он переименовал его в соответствующий статский чин, но не мог довольно удивиться Панину. «А я, право, — говорил он, — всегда считал Панина умным человеком!»

Пока Петр III рядил в героев своих придворных, шли обычные церемонии похорон. Императрица не выходила из своих

комнат и являлась только на панихиды. Изредка приходил и Петр III и всегда держал себя неприлично, шептался с дамами, хохотал с адъютантами, насмехался над духовенством, бранил офицеров и даже рядовых за какие-нибудь пуговицы. «Неосторожно, — говорил английский посол Кейте князю Голицыну, — начинает новый император свое царствование, этим путем он дойдет до презрения народного, а потом и до ненависти».

Петр III как будто нарочно все делал, чтоб возбудить эту ненависть. Раз вечером, при Дашковой, император разглагольствовал, по обыкновению, о своем поклонении Фридриху II и вдруг, обращаясь к статс-секретарю Волкову, который был при Елизавете главным секретарем Верховного совета, спросил его, помнит ли он, как они хохотали над постоянной неудачей тайных повелений, посылаемых в действующую армию. Волков, заодно с великим князем сообщавший прусскому королю все распоряжения и таким образом уничтожавший их действие, до того растерялся от слов Петра III, что чуть не упал в обморок. Но император продолжал шуточным тоном рассказывать, как они во время войны предавали неприятелю страну, в которой он был наследником престола.

При заключении мира с королем прусским, в котором он постыдно уступил все купленное русской кровью, не было меры радости и ликованью. Праздник следовал за праздником. Между прочим Петр III дал большой обед, на который были приглашены все послы и три первые класса. После обеда государь предложил три тоста, которые пили при пушечной пальбе, — за здоровье императорской фамилии, за здоровье короля прусского, за продолжение заключенного мира.

Когда императрица пила тост за царскую фамилию, Петр III послал своего адъютанта Гудовича, который стоял возле его стула, спросить ее, зачем она не встала. Екатерина отвечала, что так как императорская фамилия состоит только из ее супруга, ее сына и ее самой, то она не думала, чтоб его величеству угодно было, чтоб она встала. Когда Гудович передал ее ответ, император велел ему возвратиться и сказать императрице, что она «дура»¹ и должна знать, что его дяди, голшти-

¹ Слово «дура» поставлено в английском тексте латинскими буквами.

ские принцы, принадлежат также к императорской фамилии. Этого мало, — боясь, что Гудович смягчит грубое выражение, он сам повторил сказанное им через стол, так что большая часть гостей слышала. Императрица на первую минуту не могла удержаться и залилась слезами, но, желая как можно скорее окончить эту историю, она обратилась к камергеру Строгонову, стоявшему за ее стулом, и просила его начать какой-нибудь разговор. Строгонов, сам глубоко потрясенный происшествием, начал с притворно веселым видом что-то болтать. Выходя из дворца, он получил приказание ехать в свою деревню и не оставлять ее без особого разрешения.

Происшествие это необыкновенно повредило Петру III; все жалели несчастную женщину, грубо оскорбленную пьяным капралом. Этим расположением, естественно, должна была воспользоваться Дашкова. Она становится отчаянным заговорщиком, вербует, уговаривает, сондирует — и притом ездит на балы, танцует, чтоб не подавать подозрения. Князь Дашков, обиженный Петром III, что-то отвечал ему перед фрунтом. Княгиня, боясь последствий, выхлопотала ему какое-то поручение в Константинополь и с тем вместе дала ему совет «торопиться медленно». Удаливши его, она окружает себя офицерами, которые вверяются с полным доверием восемнадцатилетнему шефу.

Около Петра III были и другие недовольные, но заговорщиками они не были и по летам, и по положению; они были рады воспользоваться переменой, но делать ее, подвергая голову плахе, было трудно для какого-нибудь Разумовского или Панина. Настоящие заговорщики были Дашкова с своими офицерами и Орлов с своими приверженцами.

О Разумовском Дашкова говорит: «Он любил отечество настолько, насколько вообще мог любить этот апатический человек. Погрязший в богатстве, окруженный почетом, хорошо принятый при новом дворе и любимый офицерами, он впал в равнодушие и обленился».

Панин был государственный человек и глядел дальше других; его цель состояла в том, чтоб провозгласить Павла императором, а Екатерину правительницей. При этом он надеялся ограничить самодержавную власть. Он, сверх того,

думал достигнуть переворота какими-то законными средствами через сенат.

Все это далеко не нравилось Дашковой. К тому же ропот и неудовольствие солдат росло. Позорный мир, с одной стороны, и безумная война с Данией, которую Петр III хотел начать из-за Голштинии, без всякой серьезной причины, раздражали умы. Война эта сделалась у него пунктом помешательства; сам Фридрих II письменно уговаривал его отложить ее.

Говорят, что молодая заговорщица употребила особые орудия красноречия, чтоб убедить упорного Панина действовать с ней заодно. Панин до того увлекся ее умом, ее энергией и, сверх того, красотой, что на старости лет страстно влюбился в нее. Дашкова со смехом отвергала его любовь, но, не находя других средств сладить с ним, она решилась склонить его *собою*. После этого Панин был в ее руках. Справедливость требует сказать, что княгиня в двух местах своих записок с негодованием опровергает этот слух¹.

Несмотря на то, что заговорщики могли считать на Разумовского и на Панина и, сверх того, на новгородского архиепископа*; несмотря на то, что множество офицеров было завербовано, — определенного плана действия у них не было. Связанные общей целью, они не могли согласиться в образе действия. Дашкова, снедаемая жгучей деятельностью, сердится на медленность, не знает, что делать, и едет наконец на свою дачу за Красным кабаком. Дача эта была первой личной собственностью Дашковой, она тотчас принялась за обстройку, роет каналы, разбивает сады. «Несмотря, — говорит она, — на привязанность, которую я имела к этому первому клочку земли, который был мой, я не хотела дать имени моей даче, желая ее посвятить имени того святого, который будет праздноваться в тот день, когда успех увенчает наше великое предприятие». «Дайте скорее название моей даче!» — пишет она к императрице, больная в лихорадке, которую захватила в болоте, захав в него верхом по пояс. Императрица ничего не понимает и думает, что у ее друга в самом деле горячка.

¹ Дидро упоминает в вышеприведенной статье, что Дашкова ему говорила с величайшим озлоблением об этом.

Но белая горячка собственно была у Петра III; пока Дашкова садит акации и расчищает дорожки, Петр III быстро идет под гору; одна глупость сменяется другою, одна безобразная пошлость другой, вдвое безобразнейшей. Пророчество Кейтса сбывалось, общественное мнение переходило от презрения к ненависти.

Австрийское гонение греческой церкви в Сербии заставило многих сербов прибегнуть к императрице Елизавете с просьбою отвести им земли на юге России. Елизавета, сверх земель, велела им отпустить значительную сумму денег на подъем и переселение. Один из их поверенных, хорват, хитрый интригант, завладел землей и деньгами и вместо исполнения условий, на которых была дана земля, стал распоряжаться переселенцами, как своими крестьянами. Сербы принесли жалобу, Елизавета велела разобрать дело, но прежде чем оно кончилось, она умерла. Хорват, услышав о ее смерти, явился в Петербург и начал с того, что дал по две тысячи червонных трем лицам, приближенным к Петру III, — Л. Нарышкину, который был нечто вроде придворного шута, генералу Мельгунову и генерал-прокурору Глебову. Два последних отправились к императору и рассказали ему прямо о взятке. Петр III был очень доволен их откровенностью, расхвалил их и прибавил, что если они дадут ему половину, то он сам пойдет в сенат и велит решить дело в пользу хорвата. Они поделились, император сдержал слово и за две тысячи червонных потерял сотни тысяч новых переселенцев; видя, что их товарищи обмануты правительством, они не рискнули переселяться.

По окончании дела Петр III услышал о том, что Нарышкин скрыл от него свою взятку, и, чтоб наказать его за такой недостаток дружеского доверия, отнял у него всю сумму. И потом долгое время спустя поддразнивал Нарышкина, спрашивая его — что он делает с хорватскими червонцами?

Вот еще милый анекдот о Петре III. Раз после парада император, очень довольный Измайловским полком, возвращался с Разумовским домой; вдруг он услышал издали шум; его любимец арап дрался с профосом. Сначала зрелище это понравилось Петру III, но вдруг он сделал серьезное лицо и сказал: «Нарцисс не существует больше для нас». Разумовский, который ничего не мог понять, спросил, что так вдруг опечалило

его величество. «Разве вы не видите, — вскричал он, — что я не могу больше держать при себе человека, дравшегося с профессором. Он обесчещен — навсегда обесчещен». Фельдмаршал, показывая вид, что совершенно входит в его глубокие соображения, заметил, что честь Нарцисса можно восстановить, проведя его под знаменами полка. Мысль эта привела Петра III в восторг; он сейчас позвал негра, велел ему пройти под знаменами и, находя это не вполне достаточным, велел оцарапать его пикой знамени, чтоб он мог своей кровью смыть обиду. Бедный арап чуть не умер от страха, генералы и офицеры едва-едва могли удержаться от негодования и смеха. Один Петр III совершил с величайшей торжественностью весь обряд очищения Нарцисса*.

И этот шут царствовал?.. Зато недолго!

Вечером 27 июня Григорий Орлов пришел к Дашковой сказать ей, что капитан Пассек, один из самых отчаянных заговорщиков, арестован. Орлов застал у нее Панина; терять времени, откладывая было теперь невозможно. Один лимфатический, медленный и осторожный Панин советовал ждать завтрашний день, узнать прежде, как и за что арестован Пассек. Орлову и Дашковой это было не по сердцу. Первый сказал, что пойдет узнать о Пассеке, Дашкова просила Панина оставить ее, ссылаясь на чрезвычайную усталость. Лишь только Панин уехал, Дашкова набросила на себя серую мужскую шинель и пешком отправилась к Рославлеву, одному из заговорщиков.

Недалеко от дома Дашкова встретила всадника, скакавшего во весь опор. Дашкова, несмотря на то что никогда не видала братьев Орлова, догадалась, что это один из них; поравнявшись с всадником, она назвала его; он остановил лошадь, Дашкова назвала ему себя.

— Я к вам, — сказал он, — Пассек схвачен как государственный преступник, четыре часовых у дверей и два у окна. Брат пошел к Панину, а я был у Рославлева.

— Что, он очень встревожен?

— Есть-таки.

— Дайте знать нашим, Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтоб они собирались сейчас в Измайловский полк и готовились бы принять императрицу. Потом скажите, что я советую вашему брату или вам как можно скорее ехать

в Петергоф за императрицей, скажите ей, что карета уж приготовлена мной, скажите, что я умоляю ее не мешкать и скакать в Петербург.

Накануне Дашкова, узнавши от Пассека о сильном ропоте солдат и боясь, чтоб чего не вышло, написала на всякий случай к Шкуриной, жене императрицына камердинера, чтоб она послала карету с четырьмя почтовыми лошадьми к своему мужу в Петергоф и велела бы ей дожидаться у него на дворе. Панин смеялся над этими ненужными хлопотами, полагая, что переворот еще не так близок; обстоятельства показали, насколько предусмотрительность Дашковой была необходима.

Расставшись с Орловым, она возвратилась домой. К вечеру портной должен был ей принести мужское платье и не принес, в женском она была слишком связана. Чтоб не подать подозрения, она отпустила горничную и легла в постель; но не прошло получаса, как она услышала стук в наружную дверь. Это был меньшой Орлов, которого старшие братья прислали спросить ее, не рано ли тревожить императрицу. Дашкова вышла из себя, осыпала упреками его и всех его братьев. «Какая тут речь, — говорила она, — о том, потревожится императрица или нет, лучше ее без памяти, в обмороке привезти в Петербург, чем подвергнуть заключению или вместе с нами эшафоту. Скажите братьям, чтоб сейчас же кто-нибудь ехал в Петергоф».

Орлов согласился с нею.

Тут наступили для Дашковой мучительные часы одиночества и ожидания, она трепещет за свою Екатерину, представляет ее себе бледной, изнуренной, в тюрьме, идущей на казнь, и «все это по нашей вине». Измученная и в лихорадке, ждет она вести из Петергофа, в четыре часа она пришла; императрица выехала в Петербург.

Как Алексей Орлов ночью взшел в павильон к Екатерине, которая спокойно спала и так же в глаза не знала Орлова, как и Дашкова, но тотчас решилась ехать в карете, приготовленной у Шкурина; как Орлов сел кучером и загнал лошадей так, что императрица была вынуждена с своей горничной идти пешком; как они потом встретили порожнюю телугу, как Орлов нанял ее и демократически в ней повез Екатерину в Петербург — все это известно.

Измайловские солдаты приняли Екатерину с восторгом; их увсрили, что Петр III хотел в эту ночь убить ее и ее сына. Из казарм солдаты с шумом и криком проводили ее в Зимний дворец, провозглашая ее на улицах царствующей императрицей; препятствий не было никаких. Народ бежал толпами к дворцу, сановники собирались, архиепископ, окруженный духовенством, со святою водой ждал в соборе новую государыню.

Когда Дашкова с чрезвычайными усилиями продралась до Екатерины, они бросились друг к другу в объятия и могли только выговорить: «Ну слава богу, слава богу!» Потом Екатерина рассказала ей, как они ехали из Петергофа. Потом они опять бросились обнимать друг друга. «Я не знаю,— говорит Дашкова,— был ли когда смертный больше счастлив, как я в эти минуты!»

«И, — прибавляет она, — когда я думаю, какими несоизмеримо малыми средствами сделался этот переворот, без обдуманного плана, людьми, вовсе не согласными между собою, имевшими разные цели, нисколько не похожими ни образованием, ни характером, то участие перста божия мне становится ясно».

Переворот, конечно, был необходим, но если перст божий так прямо участвовал в нем, то в этот день руки у бога все же не совсем были чисты.

Нацеловавшись досыта, Дашкова заметила, что на императрице екатерининская лента, а не андреевская, она тотчас побежала к Панину, сняла с него ленту, надела ее на императрицу, а екатерининскую ленту и звезду положила себе в карман.

Императрица изъявила желание стать во главе войска и идти в Петергоф. С тем вместе она велела Дашковой сопровождать ее. Императрица взяла мундир у капитана Талызина, Дашкова у сержанта Пушкина. Оба мундира были прежней преображенской формы. Как только императрица приехала в Петербург, солдаты без всякого приказа сбросили с себя новые мундиры и надели петровские.

Пока Дашкова переодевалась, собрался чрезвычайный совет под предводительством Екатерины, составленный из высших сановников и сенаторов, бывших под рукой. Часовые,

поставленные у дверей залы, пропустили в нее молодого офицера с смелой поступью и отважным видом. Никто, кроме императрицы, не узнал в нем Дашковой, она подошла к Екатерине и сказала, что караул очень плох, что так, пожалуй, пропустят и Петра III, если он вдруг явится (как мало знала этого шута сама Дашкова!); караул немедленно был усилен, между тем императрица, перерывая диктование манифеста Теплому, сказала членам, кто этот молодой офицер, так *sans façon*¹ взошедший и начавший шептаться с ней. Все сенаторы встали, чтоб приветствовать ее. «Я покраснела до ушей от такого почета,— прибавляет милый сержант,— и даже несколько смешалась».

«Вслед за тем, взяв нужные меры для спокойствия столицы, сели мы на лошадей и по дороге в Петергоф сделали смотр двенадцати тысячам человек, принявшим императрицу с восторгом».

В Красном кабаке инсurreкционная армия сделала привал — надобно было дать отдых людям, бывшим на ногах двенадцать часов. Императрица и Дашкова, которые совсем не спали последние ночи, были сильно утомлены. Дашкова взяла у полковника Кара шинель, постлала ее на единственный диван, бывший в небольшой комнате занятой ими гостиницы, расставила часовых и бросилась на диван вместе с Екатериной, не скидывая мундира, с твердым намерением несколько уснуть; но спать было невозможно, и они проболтали все время, строя планы и вовсе забывая об опасности.

Нельзя не признаться, что есть что-то необыкновенно увлекательное в этой отваге двух женщин, переменяющих судьбу империи, в этой революции, делаемой красивой, умной женщиной, окруженной молодыми людьми, влюбленными в нее, между которыми на первом плане красавица восемнадцати лет, верхом, в преображенском мундире и с саблей в руках.

Несчастный Петр III в это время ездил из Ораниенбаума в Петергоф и из Петергофа в Ораниенбаум, не умея ничего придумать, ни на что решиться. Он искал Екатерину по комнатам павильона, за шкапами и дверями, как будто она с ним играла в жмурки, и не без самодовольства повторял «Романовне»:

¹ бесцеремонно (франц.). — *Ред.*

«Вот видишь, что я прав, я был уверен, что она сделает что-нибудь, я всегда говорил, что эта женщина способна на все».

Еще возле него стоял престарелый вождь Миних, еще вся Россия и часть Петербурга были не против него, но он уже совсем растерялся. Дав опыт невероятной трусости под Кронштадтом, он велел императорской яхте грести не к флоту, а снова к Ораниенбауму, — дамы боялись качки и моря, он сам боялся всего. Ночь была тихая, месячная; жалкий император спрятался в каюте с своими куртизанами, а на палубе сидели в мрачной задумчивости, с досадой, стыдом и грустью на сердце два героя — Миних и Гудович; они теперь увидели, что против воли нельзя спасти людей. В четыре часа утра пристали они снова к Ораниенбауму и с понурыми головами, тайком взошли во дворец. Петр III принялся писать письмо к Екатерине.

В те же четыре часа седлали двух лихих коней, одного для императрицы, другого для Дашковой; и вот они снова веселые и исполненные энергии перед войском, выступившим в пять часов в поход и остановившимся отдохнуть у Троицкого монастыря. Тут начали являться один за другим гонцы Петра III, привозя одно предложение глупее другого; он отказывался от престола, просился в Голштинию, признавал себя виноватым, недостойным царствовать. Екатерина требовала, чтоб он безусловно сдался, в избежание больших зол, и обещала за это устроить ему наивозможно лучшую жизнь в одном из загородных дворцов, по его выбору.

Войско Екатерины спокойно заняло Петергоф; Орлов, ездивший на рекогносцировку, не нашел никого. Голштинцы, окружавшие Петра в Ораниенбауме и преданные ему, были готовы умереть за него, но он приказал им не защищаться; он хотел бежать, велел приготовить лошадь, но сел не на нее, а в коляску с Романовной и Гудовичем и печально сам повез свою повинную голову виновной жене своей. Его провели потихоньку в дальнюю комнату дворца. Романовну и Гудовича, который и тут себя вел с необыкновенным благородством, арестовали; Петра III накормили, напоили и свезли в Ропшу под прикрытием Алексея Орлова, Пассека, Бяратинского и Баскакова. Ропшу он избрал сам, она ему принадлежала, когда

он еще был великим князем. Другис, впрочем, говорят, что он вовсе не был в Ропше, а в именье Разумовского.

Дашкова видела его письма к императрице. В одном он говорит о своем отречении, в другом о лицах, которых желал бы оставить при себе, исчисляет все, что ему нужно для житья, причем именно упоминает о запасе бургонского и табаку. Он еще требовал, говорят, скрипку, библию и разные романы, причем прибавлял, что хочет сделаться философом.

Вечером, в день занятия Петергофа, Дашкова, возвращаясь от принцессы Голштинской на половину императрицы, натолкнулась на Орлова, который во внутренних комнатах ее лежал враспяжку на диване, извиняясь тем, что он ушиб себе ногу. Он распечатывал какой-то большой пакет; подобные пакеты Дашкова видела у своего дяди — вице-канцлера; их употребляли для самых важнейших государственных дел, сообщаемых государям от Верховного совета.

— Что вы это делаете? — спросила его Дашкова с изумлением.

— Мне императрица приказала.

— Не может быть, — отвечала Дашкова, — вы не имеете официального звания на это.

В это время пришли доложить, что солдаты вломились в дворцовые погреба и пьют венгерское касками, принимая его за мед. Орлов не двинулся. Дашкова сейчас отправилась вниз, приняла грозный вид и своим тоненьким голосом восстановила порядок. Довольная успехом, она отдала им все деньги, бывшие с ней, и потом, выворотив кошелек, сказала, что средств у нее меньше, нежели желания, но что по возвращении в Петербург им позволят пить на казенный счет; после этого она возвратилась.

К дивану, на котором лежал Орлов, был придвинут стол, накрытый на три куверта. Взошла императрица, заняла место и пригласила сесть Дашкову. Все это так поразило княгиню, что она не могла скрыть своего волнения. Императрица заметила это и спросила, что с ней.

— Ничего, — отвечала Дашкова, — вероятно, усталость от неспанных ночей и от волнения.

Екатерина, желая вызвать Дашкову на любезности Орлову,

сообщила ей, что, несмотря на все ее просьбы, он оставляет военную службу, и просила ее помочь ей, чтоб его уговорить. «Меня, — говорила она, — обвинят в страшной неблагодарности, если он оставит службу». Но Дашкова, оскорбленная своим открытием, ответила, что ее величество имеет столько средств награждать за услуги, что ей вовсе не нужно прибегать к насилью.

«Я только тогда, — прибавляет она, — убедилась, что между ними une liaison»¹.

Думали, что она обиделась этим из ревности, и не ошиблись. Только она ревновала не Орлова; ни его, ни его братьев она никогда не любила и не уважала, она ревновала императрицу; ей не нравился ни выбор, ни тон; а сверх того, ее мечты об исключительной доверенности, о мечтательной дружбе, о всемогущем влиянии бледнели, исчезали перед ее открытием. И действительно, с этого вечера у Дашковой был соперник и враг; она это почувствовала на другой день после переворота.

Слова юродивого Петра III об апельсинной корке стали сбываться с чрезвычайной быстротой. Императрица на другой день после своего воцарения начинает ценить и награждать услуги Дашковой, начинает быть благодарной, т. е. перестает быть другом.

Дашкова, после торжественного въезда в Петербург, отправилась к отцу, к дяде и, главное, взглянуть на свою малютку. Не надобно забывать, что у нашего преображенского сержанта есть дочь Настя, которую он горячо любит и с которой ему хочется поиграть, наигравшись досыта императорской короной. Дом ее отца был полон солдат, поставленных долею в охранение его и долею потому, что «Романовна» была привезена к нему в дом. Вадковский присылал спросить ординарца, нужен ли весь караул; Дашкова, поговоривши с ним по-французски, сказала дежурному офицеру, что половина солдат не нужна и что она их отпускает.

Когда она воротилась во дворец, Екатерина приняла ее с недовольным видом, караульный офицер был налицо и говорил с Орловым. Императрица сделала Дашковой выговор за

¹ связь (франц.). — *Ред.*

самовольное распоряжение и заметила даже то, что она при солдатах говорила по-французски. Дашкова, глубоко огорченная, выслушала выговор, ничего не отвечала и, чтоб переменить разговор, подала Екатерине ленту и орден, которые положила вчера в карман.

«Потише, потише, — сказала императрица, — я должна была вам сделать выговор за вашу поспешность, вы не имели права сами сменять солдат, но я также должна наградить вас за ваши услуги», — при этом она надела ей на шею возвращенную ленту.

Вместо того чтоб стать, как это делается в этих случаях, на колени перед императрицей, Дашкова печально сказала ей: «Ваше величество, простите меня за то, что я хочу сказать; приходит время, в которое правда должна быть изгнана из вашего присутствия; предупреждая его, я прошу вас взять назад этот орден; как украшение — я не умею его довольно ценить; если это награда — как бы она велика ни была, она не может вознаградить мои услуги, они ничем не могут быть заплачены, потому что они не продажные».

— Но, — заметила императрица, обнимая ее и оставляя ленту, — дружба имеет свои права, разве я и их лишусь теперь?

Дашкова снова довольна, целует ее руку, и осьмнадцать лет берут свое, она через полвека не забывает с удовольствием прибавить: «Представьте себе меня в мундире, со шпорой на одном сапоге, с видом пятнадцатилетнего мальчика и с красной екатерининской лентой через плечо». Новый кавалер скачет опять к Насте — ей показаться, присутствует при ее ужине и наконец, раздевшись, бросается в постель; но и на этот раз сон бежит от раздраженных нерв или пугает грезами; удивительные картины последних дней, которые она не только прожила, но отчасти сделала, беспрестанно проходят в ее воображении.

Важное участие ее в 28 июне не отрицала сама императрица, — напротив, когда старый и лукавый Бестужев ей представлялся, она ему сказала: «Кто бы мог подумать, что дочь Романа Воронцова поможет мне сесть на престол».

Весть об убийстве Петра III исполнила Дашкову ужасом и отвращением; она до такой степени была взволнована и возмущена этим пятном «на перевороте, который не стоил ни капли крови»,

что не могла настолько переломить себя, чтоб ехать на другой день во дворец. Она минует в своих записках все подробности этого гадкого происшествия, где три офицера, из которых один был гигант, полчаса работали, чтоб удушить салфеткой отравленного арестанта, как будто нельзя было подождать четверти часа. Она полагает, что Екатерина не знала вперед о намерении А. Орлова; вернее то, что Дашкова не имела понятия о участии Екатерины, которая тщательно умела скрывать что хотела; о ее интриге с Григорьем Орловым не только не знал ни Панин, ни другие заговорщики, но, как мы сейчас видели, ни сама Дашкова.

Екатерина поняла, что было на душе у Дашковой, и, увидевши ее, стала с ужасом говорить о том, что случилось.

— Да, ваше величество, — отвечала Дашкова, — смерть эта слишком скоро и рано пришла для вашей и для моей славы.

Проходя приемной залой, она громко при всех сказала, что, конечно, А. Орлов пощадит ее своим знакомством. Слишком двадцать пять лет они не кланялись и не говорили друг с другом.

Весьма вероятно, что Екатерина не давала приказания убить Петра III; Александр сделал больше, он решительно требовал, чтоб не *убивать до смерти* Павла, отправляя к нему ватагу крамольных олигархов. Мы знаем из Шекспира, как даются эти приказания — взглядом, намеком, молчанием. Зачем Екатерина поручила надзор за слабодушным Петром III злейшим врагам его? Пассек и Баскаков хотели его убить за несколько дней до 27 июня, будто она не знала этого? И зачем же убийцы были так нагло награждены?

Дашкова, приводит в оправдание Екатерины письмо от Орлова к ней, писанное тотчас после убийства и которое она ей показывала. Письмо это, говорит она, носило явные следы внутреннего беспокойства, душевной тревоги, страха и нетрезвого состояния. Письмо это береглось у императрицы в особой шкатулке с другими важными документами. Павел после смерти матери велел при себе разобрать эти бумаги князю Безбородке; дойдя до этого письма, Павел прочел его императрице в присутствии Нелидовой. Потом он велел Ростопчину прочесть его великим князьям.

Я слышал о содержании этого письма от достоверного человека, который сам его читал; оно в этом роде: «Матушка императрица, как тебе сказать, что мы надсдали, такая случилась беда, заехали мы к твоему супругу и выпили с ним вина; ты знаешь, каков он бывает хмельной, слово за слово, он нас так разобидел, что дело дошло до драки. Глядим — а он упал мертвый. Что делать — возьми наши головы, если хочешь, или, милосердая матушка, подумай, что дела не воротись, и отпусти нашу вину»^{1*}.

Дашкова, увлеченная любовью к Екатерине, верит или по крайней мере притворяется, что верит, что и Мирович поступил без ее ведома; а о худшей, самой позорной и гнусной истории всего царствования, о похищении А. Орловым и де Рибасом княжны Таракановой, совсем не упоминает*.

Оттого-то, между прочим, что она верила и хотела верить в идеальную Екатерину, она и не могла удержаться в милости. А она была бы славным министром. Бесспорно одаренная государственным умом, она, сверх своей восторженности, имела два больших недостатка, помешавшие ей сделать карьеру: она не умела молчать, ее язык резок, колок и не щадит никого, кроме Екатерины; сверх того, она была слишком горда, не хотела и не умела скрывать своих антипатий, словом, не могла «прищипывать своей личности», как выражаются московские старожилы.

Вообще дружба Екатерины с Дашковой была невозможна. Екатерина хотела царить не только властью, но всем на свете — гением, красотой; она хотела одна обращать на себя внимание всех, у ней было ненасытимое желание нравиться. Она была еще в полном блеске своей красоты, но ей уже стукнуло тридцать лет. Женщину слабую, потерянную в лучах ее славы, молящуюся ей, не очень красивую, не очень умную, она вероятно, умела бы удержать при себе. Но энергическую Дашкову, говорившую о *своей собственной* славе, с ее умом, с ее огнем и с ее девятнадцатью годами, она не могла вынести возле себя.

Она отдалилась от нее с быстротой истинно царской неблагодарности. В Москве после коронации старый грешник

¹ Таков смысл письма, за слова я не отвечаю, я его повторил через долгое время по памяти.

Бестужев* предложил написать императрице адрес и просить ее от имени всех подданных снова избрать себе супруга. Григорий Орлов, тогда уже сделанный князем империи, метил в цари. Это возмутило всех порядочных людей. Канцлер Воронцов попросил аудиенцию и предупредил Екатерину, предполагая, что она не знает, что делается. Екатерина удивилась и хотела намылить Бестужеву голову.

Хитров, один из преданных заговорщиков 27 июня, громко говорил, что он скорее убьет Орлова или пойдет на плаху, чем признает его императором. Само собой разумеется, что при этом общем ропоте говорила и Дашкова; это дошло до Екатерины. Вдруг вечером секретарь императрицы Теплов приезжает к Дашкову и велит его вызвать. Императрица пишет ему следующую записку: «Я искренно желаю не быть в необходимости предать забвению услуги княгини Дашковой за ее неосторожное поведение. Припомните ей это, когда она снова позволит себе нескромную свободу языка, доходящую до угроз».

Дашкова не отвечала на это письмо ни слова, держалась в стороне и стала после смерти князя, случившейся в 1768, проситься в чужие края. «Я очень могла ехать без спросу, — говорит она (наверное не грезившая во сне, что через восемьдесят лет глупый закон почти совсем лишит Россию права переходить границу и, еще менее того, что правительство станет грабить по большим дорогам, принуждая каждого путешественника платить за себя выкуп), — но мое звание статс-дамы клало на меня обязанность спросить высочайшее разрешение».

Не получая ответа, она отправилась в Петербург и при первом представлении просила Екатерину отпустить ее за границу для излечения детей. «Мне очень жаль, — отвечала Екатерина, — что такая печальная причина заставляет вас ехать. Но без всякого сомнения, княгиня, вы можете располагать собой как вам угодно».

Где это время, когда они лежали под одним одеялом на постеле, и плакали, и обнимались, или мечтали на шинели полковника Кара целую ночь о государственных реформах? —

В чужих краях Дашкова оживает, становится опять та же гордая, неугомонная, неукротимая, деятельная, всем интересующаяся, всем занимающаяся.

В Данциге на стене в гостинице висит большая картина, представляющая какое-то сражение пруссаков с русскими, в котором, разумеется, русские побиты. На первом плане представлена группа наших солдат, стоящих на коленях перед пруссаками и просящих помилования. Дашкова не может этого вынести, она подбивает двух русских пробраться потихоньку ночью с ней в залу, с масляными красками и кистями, запирает за ними двери и принимается с своими товарищами перерисовывать мундиры, — так что к утру уже пруссаки стояли на коленях и просили пощады у русских солдат. Окончивши картину, Дашкова послала за почтовыми лошадьми и, прежде чем хозяин спохватился, она уже катила по дороге в Берлин, от души смеясь при мысли об его удивлении.

В Ганновере она отправляется одна с Каменской в оперу. Так мало были они похожи на добрых немцев, что принц Мекленбургский, начальствовавший в городе, послал узнать, кто они такие. Адъютант его, без церемонии, взшел в ложу, в которой были еще две немки, и спросил наших дам, не иностранки ли они. Дашкова сказала, что «да».

— Его светлость, — прибавил он, — желает знать, с кем я имею честь говорить?

— Имя наше, — отвечала Дашкова, — не может быть интересно ни для герцога, ни для вас; как женщины мы имеем право умолчать, кто мы, и не отвечать на ваш вопрос.

Сконфуженный адъютант ушел. Немки, с самого начала почувствовавшие непреодолимое уважение к нашим дамам, смотрели на них с подобострастием, услышав храбрый ответ Дашковой. Видя, что немки считают их за больших барынь, Дашкова, учтиво обращаясь к ним, сказала, что если она не хотела отвечать дерзкому запросу принца, то перед ними она не имеет причины утаивать, кто они.

«Я оперная певица, а моя подруга танцовщица; мы обе без места и ищем где-нибудь найти выгодный контракт». Немки раскрыли глаза, покраснели до ушей и не только оставили свою вежливость, но старались, насколько ложа позволяла, сесть к ним спиною.

В Париже Дашкова окружена всеми знаменитостями, со всеми дружится, кроме Руссо; к нему она не хочет ехать за его

лицемерную скромность, за натянутую оригинальность. Зато Дидро у нее на самой короткой ноге, сидит с ней целые вечера tête-à-tête¹ и рассуждает обо всем на свете. Дашкова доказывает ему, что крепостное состояние не так дурно, как думают, запутывает его в софизмы, и удобовпечатлительный Дидро готов согласиться на минуточку.

Входит человек и докладывает: мадам Неккер и мадам Жоффрен приехали. «Не принимать! — кричит Дидро, не спрашиваясь Дашковой, — сказать, что дома нет. Мадам Жоффрен — превосходнейшая женщина в мире, но первая трещотка в Париже; я решительно не хочу, чтоб она, не имея времени вас хорошенько узнать, пошла пороть всякий вздор. Я не хочу, чтоб кощунствовали над моим идолом». И Дашкова велит сказать, что она больна.

Рюльер, писавший о России* — и именно 1762 году, — хочет непременно ее видеть. Дидро не велит принимать и его; он завладел Дашковой для себя.

В Лондоне Дашкова знакомится с Паоли, но ей не нравятся его «итальянские гримасы», не идущие великому человеку. В Женеве она ходит к Вольтеру, удивляется ему, но не может не посмеяться с каким-то доктором над тем, что Вольтер сердится, выходит из себя, проигрывая в шашки, и притом делает самые уморительные рожи. Доктор замечает, что эти рожи корчит не один Вольтер, велит своей собаке поднять морду, и Дашкова катается со смеху от необыкновенного сходства. Из Женевы она едет в Спа; там она живет в большой интимности с мистрис Гамильтон и, прощаясь с ней, романически клянется приехать через пять лет для свидания с нею, если не увидится прежде, и, что еще более романически, действительно приезжает.

Чувство дружбы, самой пламенной, самой деятельной, чуть ли не было преобладающим в этой женщине, гордой и упрямой. Глубоко обиженная поведением Екатерины, она преждевременно состарилась. Дидро говорит, что ей с виду казалось лет под сорок, в то время как она была тогда двадцати семи лет. Любила ли она кого после смерти мужа, была ли любима —

¹ наедине (франц.). — Ред.

того не видеть из записок; но наверно можно сказать, что ни один мужчина не играл никакой значительной роли в ее жизни. После Екатерины она со всем пылом голодного сердца привязалась к Гамильтон. И под старость дружба, материнская, бесконечно нежная, согрела ее жизнь; я говорю о мисс Вильмот, издательнице ее записок.

Из Спа она возвратилась в Москву, в дом своей сестры Полянкой; эта Полянская, с своим скромным, прозаическим именем, не кто иное, как знаменитая «Романовна», которая легко, если б не была Полянская, могла бы быть императрицей всероссийской.

Тучи, которые заволакивали небо Дашковой, начали было расчищаться. Влияние Орловых слабо. Императрица, узнав о ее приезде, прислала ей шестьдесят тысяч рублей на покупку имения.

Но Дашкова решительно не могла ужиться с фаворитами, и действительной близости между нею и двором не было. Теперь ее начало сильно занимать воспитание сына; горячая поклонница английских учреждений и Англии, она решается ехать с сыном в Эдинбург. К тому же она видит себя совершенно лишней в Зимнем дворце.

Собираясь снова в путь, она сосватала свою дочь за Щербинина. На дороге в деревню к женихову брату, куда Дашкова ездилась целым обществом, чей-то слуга упал с козел и трое саней проехали по нем; он был оглушен и сильно ушибен; надобно было пустить кровь, но как? У Дашковой есть с собой портфель с хирургическими инструментами, купленный в Лондоне; она достает ланцет, но никто не берется пустить кровь; больной остается без помощи, тогда Дашкова, побеждая сильное чувство отвращения, открывает ему жилу, и, отлично сделав операцию, чуть не падает сама в обморок.

В Эдинбурге Дашкова является окруженной первыми знаменитостями — Робертсоном, Блером, Адамом Смитом, Фергусоном. Она пишет длинные письма к Робертсону, излагает ему подробно свой план воспитания: она хочет, чтоб ее сын, которому тогда было четырнадцать лет, окончил свое ученье в два года с половиной и потом ехал на службу, сделав путешествие по всей Европе.

Робертсон полагает, что ему нужно четыре года, Дашкова думает, что это слишком много. Для этого она подробно пишет, что сын ее уже знает и что должен знать.

- «Языки: Латинский. Начальные трудности все побеждены.
Английский. *Князь* очень хорошо понимает прозу и отчасти стихи.
Немецкий. Понимает совершенно все.
Французский. Знает, как свой собственный язык.
- Словесность: Он знает лучшие классические произведения, его вкус больше образован, чем это обыкновенно бывает в его возраст. Он имеет излишнюю склонность к критицизму—что, может, составляет естественный недостаток его.
- Математика: Весьма важная отрасль учения. Он довольно успел в разрешении сложных задач, но я хочу, чтоб он шел дальше в алгебре.
- Гражданская и военная архитектура: Я хочу, чтоб он подробно изучил их.
- История и государственные учреждения: Он знает всеобщую историю и в особенности историю Германии, Англии и Франции. Но ему следует еще подробнее пройти историю; он может заниматься ею дома с учителем.

Теперь вот что я желаю, чтоб он изучил:

1. Логiku и философию мышления (philosophy of reasoning).
2. Опытную физику.
3. Несколько химии.
4. Философию и натуральную историю.
5. Естественное право, народное право, публичное и частное право в приложении к законодательству европейских народов.
6. Этику.
7. Политику».

Эту обширную программу она делит на пять семестров; и потом, как всегда, исполняет ее в точности. Сын ее в 1779 году выдержал экзамен на магистра (Master of Arts¹); говорят, она его замучила, из него действительно ничего не вышло;

¹ магистра искусств (англ.). — *Ред.*

к тому же он и умер очень молод, но виновато ли в этом ученье — мудроно сказать.

После экзамена Дашкова тотчас едет в Ирландию, царит в дублинском обществе, сочиняет церковную музыку, которую поют в часовне Магдалины при огромном стечении народа, «желавшего, — как она выражается, — послушать, как северные медведи компонируют». Вероятно, опыт удался, потому что вслед за тем она хлопочет, с Давидом Гарриком, об исполнении на сцене ее музыкальных сочинений и пишет длинную инструкцию своему сыну, вроде наставлений Полония*, как ему следует путешествовать...

Из Англии она отправляется в Голландию; в Гарлеме она приезжает к знакомому доктору и там встречается князя Орлова, уже женатого и в немилости. В тот же день Орлов пришел к ней, и притом во время обеда. Его посещение Дашковой «было столько же мало сжиданно, сколько мало приятно».

— Я пришел к вам не как неприятель, а как друг и союзник, — сказал Орлов, садясь в кресло. Затем молчание с обеих сторон. Он пристально посмотрел на сына Дашковой и заметил:

— Ваш сын записан в кирасиры, а я шеф кавалергардского полка; если вы желаете, я попрошу императрицу перевести его в мой полк, это ему даст повышение.

Дашкова поблагодарила его за доброе намерение, но сказала, что не может воспользоваться его предложением, потому что о его службе уже писала к князю Потемкину и не хочет без причины сделать против него что-либо.

— Что же тут неприятного для него? — спросил князь, почувствовавший жало, — впрочем, как хотите, располагайте мной; ваш сын сделает карьеру, трудно сыскать молодого человека *красивее* его.

Дашкова вспыхнула от досады, и разговор прекратился. Но при следующей встрече Орлов, обращаясь прямо к молодому Дашкову, сказал:

— Какая жалость, что меня не будет в Петербурге, когда вы приедете; я уверен, что вы замените теперичного фаворита при первом появлении при дворе; я с удовольствием занялся бы моей теперичной должностию — утешать отставных.

Вне себя от негодования, Дашкова выслала сына и сказала

Орлову, что она находит весьма неприличным, что он так говорит с семнадцатилетним мальчиком и так компрометирует императрицу, в уважении к которой она его воспитывает; что касается до фаворитов, Дашкова просила его вспомнить, что она никогда не знала и не признавала ни одного из них.

После этого они разъехались. Орлов отправился в Швейцарию, Дашкова в Париж. Затем мы встречаем ее осматривающую французские крепости с сыном и с полковником Самойловым по особому дозволению маршала Бирона. Из Франции она едет в Италию и тут совершенно погружается в картины и статуи, занята камнями и антиками, покупает для подарка императрице картину Анжелики Кауфман, ездит к папе, к аббату Гальяни и наконец отправляется в Россию через Вену.

В Вене у нее горячий спор с Кауницем. Кауниц, у которого она обедала, назвал Петра I политическим творцом России. Дашкова заметила ему, что это западный предрассудок. Кауниц не сдался, Дашкова еще меньше. Она соглашалась, что Петр сделал чрезвычайно много для России, но находила, что материал был готов и что, рядом с гениальным употреблением его, он его бесчеловечно гнул и ломал.

— Если б он в самом деле был великим государственным человеком, он сношениями с другими народами, торговлей, не торопясь, достигнул бы того, до чего дошел насильем и жестокостию. Дворянству и крепостным стало хуже от его необузданной страсти к нововведениям; у одних он отнял охраняющий суд*, к которому они только и могли прибегать в случае притеснений; у других отнял все привилегии. И для чего все это? Для того, чтоб расчистить дорогу военному деспотизму, т. е. самой худшей форме правления из всех существующих. Из одного тщеславия он так торопился обстроить Петербург, что сгубил тысячи работников в болотах. Он не только обязывал помещиков ставить известное число крестьян, но заставлял их поневоле строить себе дома, по собственным своим планам, не спрашивая их, нужны они им или нет. Одно из главнейших зданий — адмиралтейство и доки, стоявшее очень много, — поставлено на берегу реки, которую никакой труд человеческий не сделает судоходной не только для военных кораблей, но и для купеческих.

Однако ж, — заметил Кауниц, — все же нельзя без умиления видеть монарха, который сам с топором в руке учится на корабельной верфи.

Неумолимая Дашкова и этого не пропустила.

— Ваше превосходительство, — ответила она, — верно, шутите. Кто может лучше вас знать, как дорого время для монарха и есть ли ему досуг заниматься каким-нибудь мастерством. Петр I имел средства выписать не только корабельщиков, но и адмиралов. Мне кажется, что, теряя время в Саардаме, работая топором и участь площадным голландским поговоркам и корабельным терминам, которыми он искажил русский язык, он просто забыл свой долг.

Я предвижу, как возвеселятся православные души московских славян при чтении этого спора; они должны непременно в родительскую субботу помянуть блинами с постным маслом нашу княгиню!

Иосиф II был болен, он желал, чтоб Дашкова осталась еще несколько дней, но она послучила приглашение для себя и для сына от Фридриха II присутствовать на его маневрах. Она виделась, впрочем, с Иосифом II запросто в кабинете естественной истории.

Через неделю Дашкова на маневрах, где Фридрих II учит 42 000 человек и куда он никогда не пускал женщин; но Дашкову особенно пригласил. Сама принцесса заезжала за ней, довезла до места, где король хотел встретиться с княгиней, и просила ее выйти из кареты, говоря: «Милая княгиня, король хочет с вами здесь встретиться, но так как я не имею ни малейшего желания видеть этого старого ворчуна, то я поеду дальше». И Дашкова остается в *невинном tête-à-tête* с Фридрихом II, который берет с собой ее и сына на военную инспекцию провинций.

В июле 1782 года Дашкова возвратилась в Петербург. Императрица назначила ее президентом Академии наук. Дашкова сначала, кажется, в первый раз от роду, смешалась и хотела отказаться. Она написала резкое письмо к императрице и в двенадцать часов ночи поехала с ним к Потемкину. Потемкин был уже в постели, однако принял ее. Он прочитал письмо, изорвал его и бросил на пол но, видя, что Дашкова сердится,

сказал ей: «Гут есть перо и бумага, пишите, пожалуй, опять, но только все это вздор, зачем вы отказываетесь, императрица носится второй день с этой мыслью. В этом звании вы будете чаще видеться с ней; а дело-то в том, сказать по правде, что она со скуки пропадает, постоянно окруженная дураками».

Красноречие Потемкина победило Дашкову; она едет в сенат присягать на новую должность и с той минуты становится президентом *consommé*¹. Она просила знаменитого старца Эйлера ввести ее в конференц-залу Академии; ей хотелось явиться под эгидой науки перед академиками. Она представилась им не молча, как вообще русские президенты, а с речью, — после которой, видя, что первое место возле президента занято Штелином, она обернулась к Эйлеру и сказала: «Сядьте где вам угодно, каждое место, занятое вами, будет первое».

Потом она с обычной деятельностью своей принимается за искоренение злоупотреблений, т. е. краж; увеличивает число воспитанников, улучшает типографию и наконец предлагает императрице основание русской Академии. Екатерина назначает ее президентом и в новой Академии. Дашкова опять произносит речь. «Вам известны, господа, — говорит она между прочим, — богатство и обилие нашего языка. Переведенное на него мощное красноречие Цицерона, мерное величие Вергилия, увлекательная прелесть Демосфена и легкий язык Овидия не теряют ничего из своих красот... но нам недостает точных правил, пределы и значения слов не определены, в наш язык вошло много иностранных оборотов». А потому она и предлагает работать над грамматикой и над русским академическим словарем. Она сама собирается делить труды академиков и действительно принимается за словарь. Казалось, императрица была довольна ею. Деятельность Дашковой в это время поразительна. Она предпринимает издание специальных географических карт разных губерний, издает периодическое обозрение «Любители русского слова»*, в нем участвует сама императрица, Фонвизин, Державин и пр.

Ее отношения к императрице явным образом лучше. Между ними снова завязывается переписка; переписка идет о издава-

¹ самым настоящим (франц.). — *Ред.*

емом ими обозрении, об разных литературных предметах. Письма эти, имеющие мало общего интереса, чрезвычайно резко показывают, насколько хороший тон, образованность, человечность понизились в Зимнем дворце. Екатерина не отдает приказы, не командует записками, не держится в условных формах, не боится шутки; она уверена в себе, и императрица часто уступит умной женщине. Прусско-гатчинский тон, приведенный в канцелярскую форму Николаем, заменил грубой безграмотностью мягкость образованного языка.

Все было бы хорошо — если б только Дашкова могла ужиться с фаворитами; она еще всех лучше ладила с Потемкиным, может, потому, что Потемкин был умнее их всех; с Ланским, потом с Мамоновым она была на ножах, Зубов ябедничал на нее и много вредил ей.

Летом 1783 года Дашкова была в Финляндии с императрицей, имевшей там свидание с шведским королем*. Ланской пристал к Дашковой, почему в ведомостях, издававшихся при Академии, из лиц, бывших при императрице, упомянута она одна. Дашкова объяснила ему, что это вовсе не ее вина, что статьи о дворе присылаются готовыми и печатаются без изменения. Ланской продолжал дуться и ворчать, это надоело Дашковой.

— Послушайте,— сказала она ему,— вы должны знать, что хотя для меня всегда честь и счастье обедать с императрицей, но я, право, не могу этому до того дивиться, чтоб печатать в газетах. Я слишком привыкла к этому; ребенком я обедывала на коленях у императрицы Елизаветы, девочкой за ее столом. Для меня это слишком натурально, чтоб хвастаться.

Ланской разгорячился, но Дашкова, видя, что зала начинает наполняться, подняла голос и громко сказала:

— Милостивый государь, люди, которых вся жизнь была посвящена общественному благу, не всегда имеют особенную силу и счастье, но всегда вправе требовать, чтоб с ними обращались без дерзости. Тихо продолжая свой путь, они переживают все эти метеоры одного дня, которые лопаются и пропадают бесследно.

Растворились двери, и взошла императрица. Ее появление окончило разговор. Как же Ланскому было ее не ненавидеть? Хорошо еще, что он скоро умер.

Возвратившись из Финляндии, Дашкова принимает у себя своего друга, мистрис Гамильтон; она везет ее с собою в новую деревню, там она делает сельский праздник, встречает с хлебом и солью переселенных мужиков, представляет их англичанке и объявляет им, что отселе новая деревня будет называться Гамильтоново. После этого она с ней ездит по другим именьям, в Калужской, Смоленской, Киевской и Тамбовской губерниях.

На следующий год Дашкова была поражена семейным несчастием.

Сын ее был в армии у Румянцова, мать была довольна, что его не было в Петербурге. Под копец и Потемкин имел на него виды. Он прислал раз за ним поздно вечером. Самойлова и Самойлов намекали матери о их проекте. Дашкова отказалась участвовать в нем и сказала, что, если это случится, она воспользуется силой своего сына, чтоб выхлопотать себе многолетний заграничный отпуск. Поэтому-то она и была довольна, что сын ее уехал в Киев. Но в Киеве его ждала другая стрела любви, не сверху, а снизу.

Однажды, выходя из спальни императрицы, Дашкова встретила с Ребиндером; тот добродушно поздравил ее с вступлением ее сына в законный брак. Дашкова остолбенела, Ребиндер смешался, он не имел понятия, что сын Дашковой обвенчался тайно. Она была обижена как мать и как гордая женщина; с одной стороны, *mésalliance*¹, с другой — недоверие. Удар сильно пал на ее грудь, она занемогла.

Через два месяца сын написал ей письмо, в котором просил ее дозволения жениться; новый удар — ложь, робость, обман. К тому же он так мало знал нрав своей матери, что вместе с своим письмом прислал письмо от фельдмаршала Румянцова, явным образом написанное по его просьбе. Румянцов убеждал Дашкову разрешить сыну брак, говорил о предрассудках аристократического происхождения и непрочности богатств и дошел, по словам Дашковой, до такой нелепости, что, не имея по своим отношениям никакого на то права, давал совет в деле такой важности между матерью и сыном.

¹ неравный брак (франц.). — *Ред.*

Уязвленная с двух сторон, Дашкова написала саркастическое письмо к Румянцову, в котором объясняла ему, что «между разными глупостями, которыми полна ее голова, по счастью, нет особенно преувеличенного уважения к аристократическому происхождению; но что если б она была одарена таким замечательным красноречием, как граф, то употребила бы его на то, чтоб показать превосходство хорошего воспитания над дурным».

К сыну письмо ее поразительно просто, вот оно:

«Когда твой отец вознамерился жениться на графине Воронцовой, он на почтовых поехал в Москву испросить позволение своей матери. Ты женат; я это знала прсжде, да знаю и то, что моя свекровь не больше меня заслуживала иметь друга в своем сыне».

Должно быть, и после этого объяснения семейные дела ее много огорчали. Ее дочь рассталась с мужем. Мисс Вильмот пропустила несколько страниц в записках, после которых Дашкова продолжает так: «Все было черно в будущем и в настоящем... я так исстрадалась, что иной раз приходила мне в голову мысль о самоуничтожении».

Итак, демон семейных неприятностей сломил и ее так, как сломил многих сильных. Семейные несчастья оттого так глубоко подтачивают, что они подкрадываются в тиши и что борьба с ними почти невозможна; в них победа бывает худшее. Они вообще похожи на яды, о присутствии которых узнаешь тогда, когда болью обличается их действие, т. е. когда человек уже отравлен...

Между тем пришла и французская революция. Екатерина, состарившаяся, износившаяся в разврате, бросилась в реакцию. Это уж не заговорщица 27 июня, говорившая Бецкому: «Я царствую по воле божией и по избранию народному», не петербургский корреспондент Вольтера, не переводчик Беккария и Филанжери, разглагольствующий в «Наказе» о вреде цензуры и о пользе собрания депутатов со всего царства русского. В 1792 году мы в ней находим старуху, боящуюся мысли, достойную мать Павла... и как бы в залог того, что дикая реакция еще надолго побьет все ростки вольного развития на Руси, перед ее смертью родился Николай; умирающая рука Екатерины могла еще поласкать этот страшный тормоз, которому было на-

значено скомандовать «баста» петровской эпохе и тридцать лет задерживать путь России!

Дашкова, аристократка и поклонница английских учреждений, не могла сочувствовать революции; но еще менее могла она разделять лихорадочную боязнь слова, рукоплескать наказаниям за мысль.

Екатерина испугана брошюровкой Радищева *; она видит в ней «набат революции». Радищев схвачен и сослан без суда в Сибирь. Брат Дашковой — Александр Воронцов, любивший и покровительствовавший Радищеву, вышел в отставку и уехал в Москву.

Черед за Дашковой. Вдова Княгинина просила Дашкову издать в пользу детей его последнюю трагедию ее мужа на счет Академии. Сюжет был взят из истории покорения Новагорода. Княгиня велела ее напечатать. Фельдмаршал Салтыков, «которого, — говорит Дашкова, — нельзя было обвинить, чтоб он когда-либо прочел какую-нибудь книгу», прочел именно эту и натолковал Зубову о ее вредном направлении, Зубов сказал императрице. На другой день петербургский полицмейстер приехал в библиотеку Академии обирать экземпляры зажигательной трагедии якобинца Княгинина; а вечером сам генерал-прокурор Самойлов приехал к Дашковой объявить о неудовольствии императрицы за издание в свет опасной пьесы. Дашкова холодно отвечала ему, что, верно, никто не читал эту трагедию и что она, без сомнения, меньше вредна, чем французские пьесы, которые дают в Эрмитаже.

Экс-либеральная Екатерина встретила Дашкову с нахмуренным челом.

— Что я такое сделала, — спросила она ее, — что *вы печатаете против* меня и моей власти такие опасные книги?

— И ваше величество в самом деле это думает? — спросила Дашкова.

— Трагедию эту следовало бы сжечь рукою палача.

— Сожгут ли ее рукой палача или нет, это не касается до меня. Мне от этого не придется краснеть. Но ради бога, государыня, прежде чем вы решитесь на действие, столь противоположное вашему характеру, прочтите всю пьесу*.

На этом разговор и окончился. На другой день Дашкова явилась на большой выход и решилась, если императрица

не позовет ее, как это всегда бывало, в свою уборную, подать в отставку. Из внутренних комнат вышел Самойлов. Он с видом покровительства подошел к Дашковой и сказал ей, чтоб она была покойна, что императрица не гневается на нее.

Дашкова и этого не могла вынести и отвечала ему по своему обыкновению громким голосом: «Я не имею причины беспокоиться, у меня совесть чиста. Мне было бы очень прискорбно, если б императрица сохранила несправедливое чувство ко мне; но я не удивилась бы и тогда, в мои лета несправедливости и несчастья давно перестали удивлять меня».

Императрица помирилась с ней и хотела ей еще раз объяснить, почему она так поступила. Дашкова вместо ответа отвечала ей: «Между нами, государыня, пробежала серая кошка, не будемте ее снова вызывать».

Но Петербург становится ей тяжел, он ей надоедает, она «чувствует себя совершенно одинокой в этой среде, которая становится ей с каждым днем противнее». Отвращение это было так велико, что Дашкова решилась оставить двор, Петербург, свою публичную деятельность, свою Академию наук и Российскую академию, наконец, свою императрицу и ехать хозяйничать в деревню.

«С глубокой горестью думала я о том, что расстаюсь, может, навсегда с государыней, которую я любила страстно и любила гораздо прежде, нежели она была на троне,— когда она имела меньше средств осыпать меня благодеяниями, нежели я находила случаев оказывать ей услуги. Я продолжала любить ее, несмотря на то что она не всегда относительно меня поступала так, как бы ей подсказывало ее собственное сердце, ее собственная голова».

Только!— и ни слова досады, порицания за совершенное отсутствие сердца, за неблагодарность, она и тут дает почувствовать, что виновата не Екатерина, а *другие*.

Прощание этих женщин было замечательно, императрица сказала ей сухо и с злым лицом: «Желаю вам счастливого пути». Дашкова удивилась; не поняла ничего и вышла вон, поцеловав ее руку. На другой день утром приехал к ней Трощинский, секретарь императрицы, и от ее имени вручил ей незапленный счет портного, работавшего на Щербинина. Императрица велела

ей сказать, что она удивляется, как Дашкова может ехать из Петербурга, не исполнив обещания заплатить долги дочери. Зубов, ненавидевший Дашкову и покровительствовавший портному, довел эти дразги до императрицы. Оказалось в дополнении, что счет был вовсе не Щербининой, а ее мужа, который жил с нею врозь.

Дашкова, совершенно возмущенная этим унижением, твердо решила навеки оставить Петербург.

Но такие натуры не складывают рук в пятьдесят лет с чем-нибудь и в полном обладании сил. Дашкова делается отличной хозяйкой, строит дома, чертит планы и разбивает парки. В ее саду не было ни одного дерева, ни одного куста, который бы она не посадила или которому бы она не отвела места. Она отстроила четыре дома и с гордостью говорит, что мужики ее одни из богатейших в околке.

Сердце этих сельских забот и построек вдруг приезжает серпуховский предводитель с расстроенным лицом.

— Что с вами? — спрашивает Дашкова.

— Разве вы не знаете? — отвечает предводитель, — Императрица скончалась.

Дочь Дашковой бросилась к ней, думая, что ей дурно.

— Нет, нет, не беспокойся за меня, — сказала Дашкова, — мне ничего, да и умереть в эту минуту было бы счастье. Судьба моя хуже, мне назначено еще увидеть все благие начинания уничтоженными и мое отечество падшим и несчастным.

При этих словах у нее сделались спазмы, и она отдалась чувству глубокого горя.

Дашкова не замедлила испытать на себе державную руку поврежденного сына Петра III. Сначала она получила указ о своей отставке; Дашкова просила генерал-прокурора Самойлова засвидетельствовать ее благодарность государю за снятие с нее бремени, которое становится ей не под силу нести.

Спустя несколько времени Дашкова поехала в Москву. Но к ней тотчас явился московский генерал-губернатор и объявил ей приказ Павла немедленно ехать назад в деревню и там вспоминать 1762 год. Дашкова отвечала, что «она никогда не забывала этот год, но что, соображаясь с волею государя, она будет

размышлять о времени, которое равно не оставило ей ни угрызений совести, ни раскаяния».

Брат ее Александр, желая успокоить ее, говорил ей, что Павел все это делает теперь для восстановления памяти своего отца, что после коронации дела пойдут лучше. Дашкова пишет ему, приехав в Троицкое: «Любезнейший брат, вы пишете мне, что Павел после коронации оставит меня в покое. Поверьте мне, что вы очень ошибаетесь в его характере. Когда тиран раз ударил свою жертву, то он будет повторять удары до тех пор, пока сокрушит ее окончательно. Сознание невиновности и чувство негодования послужат мне вместо мужества, чтоб перенести невзгоду до тех пор, пока и вас, мои родные, не захватит его расходившаяся злоба. В одном будьте уверены — что никакие обстоятельства не заставят меня ничего ни сделать, ни сказать, что бы могло меня унижить».

«Рассматривая мою прошлую жизнь, — прибавляет она, — я не без внутреннего утешения сознаю в себе довольно твердости характера, испытанного многими несчастиями, чтоб не быть уверенной, что я снова найду силу перенести новые бедствия».

Она верно поняла характер этого добивающего, горячечного, мелкого тирана. Едва прошло несколько дней после ее приезда в Троицкое, как явился из Москвы курьер от генерал-губернатора. Павел приказывал Дашковой немедленно ехать в деревню своего сына, в какой-то дальний уезд Новгородской губернии и там ждать дальнейших его приказаний.

Дашкова отвечала, что она готова исполнить волю государя и что ей совершенно безразлично, где она окончит свои дни, но что она совсем не знает ни этого имени, ни дороги туда, что ей надобно выписать из Москвы или управляющего ее сына, или какого-нибудь крестьянина из той деревни, знающего проселочные дороги.

Собравшись и доставши проводника, Дашкова поехала зимой, в стужу, и притом на долгих, в свою ссылку, окруженная архаровскими шпионами*, сопровождаемая добрым родственником своим Лаптевым, которого она не могла уговорить, чтоб он не ездил и не подвергался бы страшным гонениям опьяневшего самовластия.

Но как первое условие помешательства состоит именно в непоследовательности, то Дашкова тут ошиблась, и когда Павлу донесли о том, что Лаптев ее провожал, он сказал: «Это не такая юбка, как наша молодежь, он умеет носить штаны».

Обыкновенно подобного рода мимолетным проблескам человеческого чувства у Павла и у других дают гораздо больше цены, чем они заслуживают. Что сделал бы Павел, если б вся молодежь умела «носить штаны» так, как Лаптев,— разве у него мало было Архаровых, Аракчеевых, Обольяниновых, чтоб их пытать, ковать в цепи и ссылатъ? (Пален и Бенигсен показали ему, впрочем, что «носить штаны» можно еще лучше!*).

В этих оправданиях жертв лежит последнее, довершающее оскорбление, ими злодеи примиряются с своей совестью. Потемкин раз при Сегюре ударил какого-то полковника и, спохватившись, сказал послу: «Как же с ними иначе поступать, когда они все выносят».

А как отвечал бы Потемкин на его пощечину или на вызов?..

Дашкова поселилась в крестьянской избе; для дочери заняли другую и третью для кухни. К прочим неудобствам этой жизни в захолустье присоединилось то, что, для сокращения дороги, зимой ссыльных в Сибирь из Петербурга водили мимо окон Дашковой. Образ одного молодого офицера долго преследовал ее; это был какой-то дальний родственник ее; узнав, что Дашкова тут, он пожелал ее видеть; как ни опасно было такое свидание, но она приняла его. Судорожное подергивание лица и болезненный вид поразили Дашкову; это было следствие пыток, которыми были свихнуты и расчленены его члены. Что же сделал этот преступник? Он в казармах что-то сказал о Павле, и на него донесли. А ведь, может, и он хорошо «носил штаны» до тех пор, пока не свихнули ему рук!

Перед весенним разливом рек, которые на долгое время отрезали бы Дашкову от всяких сообщений, она написала письмо к императрице Марии Федоровне и вложила в него просьбу о разрешении ей переехать в калужскую деревню. Тон письма ее к Павлу не мог ему понравиться; она говорила в нем, что, может, столько же не достойно ей писать это письмо, сколько не достойно его читать, но что религия и человеко-

любие ставят ей в обязанность сделать последний опыт, чтоб избавить всех своих от тяжелой ссылки.

Павел, по обыкновению, взбесился и велел отобрать у Дашковой бумагу и чернила, воспретить ей всякую переписку, усилить надзор и не знаю что еще. «Меня,— говорил он,— не так легко свергнуть с престола». С этим был отправлен курьер. Но императрица и Нелидова подучили великого князя Михаила Павловича умилосердить разъяренного отца и маленький фон Амбург * с помощью жены и любовницы успели; Павел схватил перо и написал: «Княгиня Екатерина Романовна, так как вы желаете возвратиться в ваше калужское именье, то я вам оное разрешаю; пребываю к вам благосклонный Павел».

Пришлось Архарову отправлять другого курьера,— по счастью, второй обогнал первого.

В 1798 году Павел вдруг полюбил князя Дашкова, осыпал всякими незаслуженными милостями и подарил ему именье. Дашков просил Куракина доложить Павлу, что он желает вместо именья разрешить его матери жить где она хочет. Павел разрешил с тем, чтоб она никогда не оставалась в том городе, где он.

Мать была прощена. Теперь пришла очередь сына. Судили какого-то Алтести за злоупотребления, а главное за его близость с Зубовым. Дашков сказал Лопухину, что Алтести прав. Вечером он получил следующую цидулку:

«Так как вы мешаетесь в дела, до вас не касающиеся, то я вас отставил от вами занимаемых должностей.

Павел.»

Дашков, боясь худшего, отправился в свое тамбовское именье.

Наконец 12 марта 1801 года жизнь Павла «пришла к концу», как говорит Дашкова; она с умилением и глубокой радостью узнала, что этот вредный человек перестал существовать. «Сколько раз,— продолжает она,— благодарила я небо за то, что Павел сослал меня, он меня спас этим от унижительной обязанности — являться при дворе такого государя».

При Александре она снова свободно вздохнула... при его дворе ей можно было явиться, не отказываясь от своего челове-

ческого достоинства, но она уже себя не чувствует дома в новой сфере. Многое переменилось с тех пор, как Екатерина послала ей счет портного. Старуха Дашкова сердится на молодое поколение, окружающее Александра, и находит, что все они или *якобинцы*, или капралы.

Одно светлое явление останавливает ее, и она с почтительной любовью, с благоговением смотрит на него и привязывается к нему; грустно и никем не оцененное, это задумчивое существо печально прошло залами Зимнего дворца и исчезло как тень; об нем забыли бы, если б иной раз мы не встречали на стенах известной картины 1815 года, представляющей императора Александра I с императрицей *Елисаветой Алексеевной* — примирителями Европы.

К запискам Дашковой мисс Вильмот приложила прекрасно сделанный портрет Елисаветы Алексеевны; несчастная женщина стоит сложив руки; грустно смотрит она с бумаги, внутренняя печаль и какое-то недоумение видны в глазах, вся фигура выражает одну мысль: «Я здесь чужая»; она даже как-то так подобрала платье и складки, как будто сейчас готова уйти.

Какая странная судьба ее и Анны Павловны — жены цесаревича!*

После коронации Дашкова увидела, что ей нет в самом деле места при новом дворе, и стала собираться на покой в Троицкое. В своем почетном удалении она снова становится властью. К ней съезят родные и знакомые, потухающие знаменитости и восходящие светила.

...Ступив за твой порог,
Я вдруг переносюсь во дни Екатерины.
.
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь*.

Сама Дашкова часто наезжала в Москву. В ней она пользовалась большим уважением, царила как законодательница тона и вкуса; вечно деятельная и неутомимая, она являлась на балы и обеды, и притом всех раньше. Молодые дамы и барышни трепетали ее суда и замечаний, мужчины добивались чести быть ей представленными.

На другом краю Москвы, недалеко от Донского монастыря, в дворце, окруженном садами, доживал свой век другой живой памятник екатерининских времен. Жил он угрюмо, сохраняя вопреки лет свое атлетическое сложение и дикую энергию своего характера. Он в 1796 с нахмуренным челом, но без раскаяния пронес по всему Петербургу корону человека, им задушенного*, сотни тысяч человек указывали на него пальцем; его товарищ, князь Барятинский бледнел и был близок к обмороку; старик жаловался только на подагру.

Но суровая жизнь его не должна была пройти несогретою. Возле него подрастала девочка, кроткая, нежная, необыкновенно грациозная и исполненная талантов. Ею надменный старик стал жить сердцем; он сделался ее няней, холил ее, берег, ухаживал за нею и любил безмерно, как только могла бы ее любить покойная мать.

Сидя на своем диване, он заставлял свою дочь плясать по-цыгански и по-русски, с упоением и внутренней гордостью следил за ее движениями, утирая иногда слезу с глаз, которые сухо и жестокосердо видали столько ужасов.

Пришло наконец время старику вывести в свет свое сокровище; но кому поручить ее, в чье женское покровительство отдать этот береженный цветок? Есть, правда, одна женщина, которой бы он поверил, которая могла бы с своим необыкновенным тактом направить ее первые шаги,— это княгиня Дашкова; но они в ссоре. Она не простила ему, что сорок два года тому назад он запятнал ее революцию.

И вот надменный Алексей Григорьевич Орлов, Орлов Чесменский, которого и Павел не сломил, заискивает милостивого приема у княгини Екатерины Романовны и, получив дозволение представить ей свою дочь, торопится с радостью воспользоваться им и едет к ней с своей Аннушкой.

Дашкова вышла к нему навстречу; кланяясь, целовал

старик у нее руку; оба были взволнованы, наконец Дашкова сказала ему:

— Так много времени прошло с тех пор, как мы не видались с вами, граф, и столько событий изменили мир, в котором мы некогда жили, что мне, право, кажется, что мы теперь встречаемся тенями на том свете. Присутствие этого ангела (прибавила она, с чувством прижимая к груди дочь своего бывшего врага), вновь соединяющего нас, еще больше поддерживает эту мысль.

Орлов в восторге, целует руку у мисс Вильмот, которая его боится, несмотря на то что называет его «величавым старцем», и с удивлением видит на его груди портрет Екатерины, покрытый одним алмазом, гайдуков, стоящих в передней, и с ними карлу, шутовски одетого.

Граф зовет Дашкову к себе и делает один из тех баснословных пиров, о которых мы слышали предания в детстве, — пиров, напоминающих Версаль и Золотую Орду. Сады горят огнями, дом настезь, толпы дворовых в богатых маскарадных костюмах наполняют залы, музыка гремит, столы ломаются, словом, пир горой. Ему есть кому теперь поручить свою дочь!

В разгаре пиршества отец ее зовет — делается круг, и она пляшет, — пляшет с шалью и пляшет с тамбурином, пляшет по-русски; старик бьет такт и смотрит в глаза Дашковой; старуха довольна, толпа молчит, благоговей перед чином отца и перед необычайной грацией дочери. «Она танцевала, — говорит мисс Вильмот, — с такой простотой, с такой природной прелестью, с таким достоинством и выражением, что ее движения казались ее языком».

После каждого танца она бежит к отцу и целует его руку, Дашкова ее хвалит, отец велит ей поцеловать и у нее руку... но ему показалось, что она разгорячилась, и он старательно сам закутывает ее в шаль, чтоб она не простудилась.

За ужином, при громе труб и литавр, граф стоя пьет здоровье Дашковой; потом раздаются ее любимые русские песни, сменяемые целым оркестром. А тут грянул и польский, и Орлов ведет Дашкову в залу, где звуки роговой музыки удивляют нашу ирландку, никогда не слышавшую этого приложения крепостного состояния к искусству.

Наконец Дашкова собирается, и граф, кланяясь ей и целуя руку, благодарит, что она посетила его бедный домишко.

Так-то праздновал чесменский Орлов свое замирение с старушкой Дашковой, и так-то этот суровый, жестокий человек любил свою дочь.

Я и сам чуть не помирился с ним вместе с княгиней Екатериной Романовной. Дики были времена, в которые они жили, дики и поступки его; петровская Русь еще была в брожении, не будем же его судить строже Дашковой, и если на том свете много может молитва родителей, то на этом отпустим Орлову многое за любовь его к дочери.

А и ее судьба была странна. Я ее видел раза два мальчиком, потом видел в 1841 году в Новгороде; она жила возле Юрьева монастыря. Вся жизнь ее была одним долгим, печальным покаянием за преступление, не ею совершенное, одной молитвой об отпущении грехов отца, одним подвигом искупления их. Она не вынесла ужаса, который в нее вселило убийство Петра III, и сломилась под мыслью о вечной каре отца. Весь свой ум, всю орловскую энергию она устремила к одной цели и мало-помалу совершенно отдалась мрачному мистицизму и изуверству. Призванная по рождению, по богатству, по талантам на одно из первых мест не только в России, но и в Европе, она прожила свой век со скучными монахами, с старыми архиереями, с разными прокаженными, святошами, юродивыми. Говорят, что после 1815 года немецкие владетельные принцы искали ее руки, она всем отказывала; Александр оказывал ей большое внимание, она удалилась от двора. Дворец ее больше и больше пустел и совсем замолкнул наконец; не раздавался уже в нем ни стук старинных чаш, ни хоры песенников, и никто не заботился больше о береженных скакунах. Одни черные фигуры бородатых монахов мрачно ходили по аллеям сада и смотрели на фонтаны — точно все еще продолжались похороны Алексея Григорьевича, — и, в самом деле, это была молитва о успокоении его души.

В зале, где она кружилась и вилась цыганкой, в отроческой чистоте не понимая смысла знойных движений азиатского танца, где плавно и потупя взор она плясала с стыдливо поднятой рукой наши томные, женственные пляски и где плакал

грозный отец, глядя на нее, — там теперь сидел Фотий, ограниченный фанатик, говорил бессвязные речи и вносил еще больше ужаса в разбитую душу; дочь надменного чесменского графа смиренно слушала его зловещую речь, тщательно покрывая его ноги шалью, может, той самой, в которую ее завертывал отец!

«Анна, — говорил Фотий, — принеси мне воды», и она бежала за водой; «теперь сядь и слушай», — она садилась и слушала. — Бедная женщина!

Сады свои и дворец в Москве она подарила государю. Зачем? Не знаю. Необъятные именья, заводы — все пошло на украшение Юрьевского монастыря; туда перевезла она и гроб своего отца; там в особом склепе теплится над ним вечная лампада, шепчется молитва, там был приготовлен и ее саркофаг, еще пустой, когда я его видел. В ризах икон и в архимандритских шапках печально мерцают в церковном полусвете орловские богатства, превращенные в яхонты, жемчуги и изумруды. Ими несчастная дочь хотела закупить суд божий.

А Екатерина обирала у монастырей именья и раздавала их Орловым и другим любовникам. Немезида!

...Записки Дашковой нас оставляют около этого времени. Самые подробности о ее свидании с Орловым мы взяли из писем двух сестер Вильмот.

Мисс Мери Вильмот, тоскуя о потере своего брата и скучая дома, приняла предложение княгини Дашковой погостить у нее год-другой. Мисс Мери не знала лично Дашковой, но (она была племянница мистрис Гамильтон) с детства наслышалась об этой необыкновенной женщине — о том, как она осмнадцати лет стояла во главе заговора, как носилась на коне перед возмущившимися полками, как потом жила в Англии и гостила в Ирландии, была президентом Академии и писала страстные письма к Гамильтон. Молодая девушка представляла себе ее чем-то фантастическим, «феей и отчасти колдуньей» — и именно потому решила (в 1803 году) к ней ехать.

Подъезжая к Троицкому, ей, впрочем, сделалось так жутко и не по себе, что она рада была бы воротиться, если бы это было возможно.

Навстречу ей вышла небольшого роста старушка, в длинном, темном суконном платье, со звездой на левом боку и с чем-то вроде колпака на голове. На шее у нее был старый, затасканный платок, — раз в сырую погоду вечером, на прогулке, за двадцать лет, мистрис Гамильтон повязала ей этот платок, с тех пор она его берегла, как святыню. Но если наряд ее действительно сбивался на колдунью, то благородные черты лица и бесконечно нежное выражение взгляда с первого раза очаровали ирландку. «В ее приеме, — говорит она, — было столько истины, столько теплоты, достоинства и простоты, что я полюбила ее, прежде чем она сказала что-нибудь».

Мисс Мери с первого дня совершенно под ее влиянием, сама удивляется этому, сердится на себя, но не может противостоять влечению к славной старушке. Ей все нравится в ней, даже ее ломаный английский язык, придающий что-то детское ее речам. «Лета и жизнь, — говорит она, — успокоили и смягчили ее черты, и гордое выражение их, еще оставившее легкие следы, сменилось снисходительностью».

Но ведь как же и полюбила ее Дашкова! Она ее любит страстно, как некогда Екатерину. Свежесть чувств, их женская нежность, потребность любви и столько юности сердца в шестьдесят лет — изумительны. Внимательность матери, внимательность сестры, любовницы — вот что находит мисс Мери в Троицком; чтоб ее рассеять, Дашкова едет в Москву, возит ее по балам, показывает монастыри, представляет императрицам, украшает цветами ее комнату, проводит вечера с ней, читая письма Екатерины и других знаменитостей.

Мисс Вильмот просит ее, умоляет писать свои записки. «И то, — говорит Дашкова, — чего я никогда не хотела сделать ни для родных, ни для друзей, я делаю для нее».

Она ей пишет и посвящает свои записки.

В 1805 Дашкова выписала сестру мисс Мери, мисс Катрин, которая была тогда во Франции и должна была ее покинуть, преследуемая в качестве англичанки. Сестры нисколько не похожи друг на друга. Мери — существо нежное, кроткое, обрадовавшееся, что есть к кому прислониться, согреться под чьим-то крылом; она привязывается к Дашковой, как слабый плющ к старому, но крепкому дереву; она ее называет

my Russian mother¹; она приехала кней из маленького городишка и ничего не видала прежде, кроме своего «изумрудного острова». Ее сестра, живая и вспыльчивая, независимая в мнениях, жившая в Париже, умная и насмешливая, без особенной любви и терпимости, развязнее на язык. К тому же ей положительно многое не нравится в России и потому ее письма исполнены для нас своего рода интереса.

«Россия, — говорит она, — похожа на двенадцатилетнюю девочку — дикую, неловкую, на которую надели парижскую модную шляпку. Мы живем здесь в XIV или XV столетии»².

Крепостное состояние поражает ее гораздо больше, чем добродушную ее сестру. Напрасно Дашкова показывает ей благосостояние своих крестьян. «Им хорошо, — пишет мисс Катрин, — при княгине, но каково будет после?» Каждый помещик кажется ей одним из железных колец, которыми скована Россия.

В жалком подобострастии, в позорном раболепии нашего общества она очень справедливо находит отражение рабства. Она с изумлением видит в залах и гостиных опять холопов без всякого нравственного чувства собственного достоинства. Ее удивляют гости, которые не смеют садиться и часы целые стоят у дверей, переступая с ноги на ногу, которым кивают головой, чтоб они ушли. «Понятие добра и зла смешивается в России с понятием быть в милости или в немилости. Достоинство человека легко определяется по адрес-календарю, и от государя зависит, чтоб человека безусловно принимали за змею или за осла».

Московские тузы не запугали ее млечным путем своих звезд, своей тяжеловатой важностью и скучными своими обедами.

«Мне кажется, — пишет она после праздников 1806 года, — что я все это время носилась между тенями и духами екатерининского дворца. Москва — императорский политический элизиум России. Все особы, бывшие в силе и власти при Екатерине и Павле и давно замещенные другими, удаляются

¹ моя русская мать (англ.). — *Ред.*

² Мисс Вильмот думала сказать колкость и сделала комплимент.

Жаль только, что она не знает возраста дикой девочки! Это не ее летосчисление!

в роскошную праздность ленивого города, сохраняя *мнимую* значительность, которую им уступают из учтивости. Влияние, сила давно перешли к другому поколению, — тем не менее обер-камергер императрицы Екатерины II князь Голицын все так же обвешан регалиями и орденами, под бременем которых склопятся еще больше к земле его девяносто лет от роду; все так же, как во дворце Екатерины, привязан брильянтовый ключ к его скелету, одетому в шитый кафтан, и все так же важно припимает он знаки уважения своих товарищей-теней, разделявших с ним во время оно власть и почести.

Рядом с ним другой пестрый оборотень (*gaudy revenant*) граф Остерман, некогда великий канцлер; на нем висят ленты всевозможных цветов — красные, голубые, полосатые; восемьдесят три года скопились на его голове, а он все еще возит пугом свой стучащий кость об кость остов, обедает с гайдуками за своим столом и наблюдает торжественный этикет, которым был окружен, занимая свое место».

В числе теней видала она и графа А. Орлова. «Рука, задушившая Петра III, осыпана брильянтами, между царскими подарками особенно выдается портрет императрицы, Екатерина улыбается с него в своей вечной благодарности».

Мисс Вильмот называет еще Корсакова, которого можно принять за «мерцающее привидение из брильянтов», князя Барятинского и еще кой-кого из этих людей другого, прошедшего мира, — «откуда они захватили придворную болтовню о важных ничтожностях, надменность, тщеславие, пустую суету, в которой находят свое счастье и свое горе».

И она с негодованием заключает: «А ведь раскрытый гроб стоит у их подгибающихся ног, грозя предать скорому забвению их мишурные существования».

«Все эти важные старцы окружены женами, дочерями, внучками, разряженными в пух и сидящими в раззолоченных комнатах, патриархально заставляя плясать перед собой своих горничных и беспрестанно потчuya вареньем. В наружности их есть что-то французское, к тому же, воспитанные француженками, они хорошо говорят на этом языке и одеваются по последним парижским модам. Но в сущности дамы эти очень»

мало любезны; их образование совершенно внешнее, и милой легкости французского общества здесь вовсе нет. Когда московская дама оглядит вас с ног до головы, поцелует вас раз пять-шесть — когда и двух раз было бы, кажется, за глаза довольно, — уверит вас в своей вечной дружбе, скажет в лицо, что вы прелестны и милы, расспросит о цене каждой вещи вашего наряда и поболтает о предстоящем бале в зале дворянского собрания, ей нечего больше сказать».

Обеих сестер поражает из рук вон пошлый обычай являться в чужих брильянтах на балы. Притом все знают, чьи они. Так, какая-то княгиня Голицына давала своим приятельницам брильянтовый пояс и головной убор необыкновенной цены и знакомый всему городу. Раз она украсила ими племянницу Дашковой; молодая барышня совсем забыла, что и княгиня придет; неумолимая и строгая, она ненавидела, само собою разумеется, эти выставки чужих богатств. Барышня так перепугалась, увидя Дашкову, что весь вечер пряталась. Но пришло роковое время ужина, озябнувшая мисс Мери надела шаль; эта мысль показалась ей спасительной, и она взяла свою, чтоб прикрыть реки алмазов от Дашковой. Уселась, Дашкова против, суповая чаша немножко спасала, но головной убор горит, как жар. Дашкова посмотрела. У бедной девочки вышли пятна на лицо и навернулись слезы... Дашкова не сказала ни слова.

Мисс Вильмот, во многом не согласные в оценке людей и фактов, тотчас соединяются, как только речь идет о Дашковой. Едкое перо мисс Катрин теряет весь свой яд, говоря о княгине. В начале статьи мы поместили ее характеристику Дашковой. Она в ней оценила всего меньше сторону женскую, нежную, для которой любовь была потребность. Эту сторону ее сердца гораздо лучше поняла мисс Мери, а все-таки покинула ее.

В 1807 году уехала мисс Катрин, Мери хотела ехать спустя некоторое время. Ее остановило страшное событие, поразившее Дашкову.

Дашкова, безмерно любя своего сына, никогда, собственно, не прощала его брака, никогда не хотела принять его жены; с сыном, впрочем, она была в переписке, но не видалась с ним. Сколько ни просили ее и особенно мисс Вильмот, которой влия-

ние было так безгранично, — обиженное сердце матери, которое не умели смягчить тотчас после брака, не могло переломить себя и вполне примириться. В 1807 году, лишь только Дашкова приехала в Москву, ее сын занемог и через несколько дней умер.

Удар этот был страшен для старушки, он сократил ее жизнь; позднее раскаяние налегло на нее всей неотвратимой тяжестью. Она послала за невесткой. И эти женщины, наделавшие друг другу столько вреда, никогда не видавшись, и ненавидевшие друг друга откровенно и бессмысленно, рыдая бросились в объятия друг друга возле гроба человека, которого они так любили, и помирились навеки.

Существование Дашковой было сломано. Одно утешенье оставалось у нее—это ее дитя, ее подруга, ее ирландская дочь,— но она собиралась домой.

Зачем ехала она, этого я не понимаю. Трудно удержаться от чувства досады, видя, как ненужно мисс Вильмот покидает Дашкову для своих ирландских родных, которых роль в ее жизни чрезвычайно ограничена и с которыми ей должно было быть очень скучно.

Дашкова, испуганная своим одиночеством, хочет ехать с ней в Ирландию — окончить существование, «которое не имеет больше потомства и должно иссякнуть». Мисс Вильмот уговаривает ее не ездить; обещает ей приехать опять; старухе тяжело. Мисс Мери, щадя ее, уезжает тайком, но, задержанная в Петербурге отъездом корабля и невероятно глупыми мерами полиции, принятыми против англичан по поводу тогда объявленной войны, она решается снова ехать на несколько месяцев в Москву; образ старушки со слезами на глазах раздирает ей сердце, она пишет ей о своем намерении.

Радости, благодарности Дашковой нет меры... но как же торжествовать ей эту новость? Она посылает в тюрьму выпустить пять человек, сидящих за долги, и поручает им отслужить молебен.

Но горесть разлуки была только отдалена; упорная мисс Мери поставила на своем и все-таки уехала. Удрученная горем Дашкова, простившись с своим другом, легла в постель. Ночью мисс Вильмот еще раз тихо взошла в ее спальню.

Княгиня, проплакавшая целый день, заснула, «выражение ее лица было детски покойно; я тихо поцеловала ее и удалилась». Они не видались больше.

Полная пустота, в которой изредка мелькали эти скучные «тени», покрытые звездами и пудрой, все больше и больше дряхлевшие, окружила последние дни нашей княгини. Ее мысли обращены к молодой девушке с грустью и мечтательной нежностью, от которой становится больно и тяжело; как-то ясно чувствуется, что этой грусти не будет больше утешения.

«Что я скажу вам, my beloved child¹, — пишет она 25 октября 1809 года, — что бы не огорчило вас? Я печальна, очень печальна, слезы текут из глаз моих, и я никак не могу привыкнуть к нашей разлуке. Я построила несколько мостов, насажала несколько сот деревьев, говорят, что удачно; меня все это рассеивает на минуту, но горесть моя снова возвращается».

Октября 29 она пишет: «И как все переменилось после вас в Троицком. Театр закрыт, не было ни одного представления, фортепьяны молчат, и даже горничные не поют. Но зачем я говорю это вам, вы окружены родными, счастливы, довольны...»

Она пишет ей еще несколько строк 6 ноября и окончивает свое письмо английским «god bless you!»²

Знала ли Мери, что благословение это было сделано умирающей рукой? Меньше нежели через два месяца, и именно 4 января 1810, *не стало* княгини Екатерины Романовны.

Пять лет до своей смерти, 27 октября 1805 года, она так заключила свои записки: «С честным сердцем и чистыми намерениями, мне пришлось вынести много бедствий; я сломилась бы под ними, если б моя совесть не была чиста... Теперь я гляжу без страха и беспокойства на приближающееся разрушение мое».

Какая женщина! Какое сильное и богатое существование!

¹ мое любимое дитя (англ.). — *Ред.*

² да благословит вас бог! (англ.). — *Ред.*

ЕЩЕ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

(ПИСЬМО К.....)

Нет, любезный друг, я не сдержу обещания, данного тебе, и не стану писать статьи в объяснение того, что я говорил о Западе и что говорил о России.

После твоего отъезда, под влиянием замечаний, сделанных тобою, и замечаний наших общих друзей, я пересмотрел часть писанного мною и нашел, что мне прибавлять нечего. Что было за душой, что я выразумел и как выразумел, я все сказал. Если я не сумел в целых книгах, в ряде статей, в ряде писем уяснить моего воззрения, как же мне это может удаться на нескольких страницах? Положим, что мой взгляд и был в самом деле только болезненный, страстный, личный, когда я восемь лет тому назад писал «С того берега», но время так гречно подтвердило его, что он стал еще незыблее в моем уме и, не изменяясь ни в чем существенном, — только остыл. Повторять холодно сказанное тогда с увлечением я отказываюсь — и пишу теперь больше для того, чтоб показать, как я внимательно слушал тебя и искренно принял к сердцу замечания наших друзей.

Главные упреки сводятся на два: *во-первых*, что мое воззрение на Запад потрясает верования, необходимые еще у нас; *во-вторых*, что мое воззрение на Россию сближает меня с славянофилами.

Упреки эти сами собою свидетельствуют, что усобица ваша с московскими староверами не улеглась; это жаль.

Увлеченные полемикой, вы не замечаете, как скучны ваши споры и как они надоели. Борьба ваша с славянофилами потеряла интерес, особенно после смерти Николая. Пора бы

подвести все эти дрязги под манифест 26 августа 1856 года* и предать их забвению с прочими прегрешениями николаевского времени.

Новая жизнь явным образом закипает у нас; само правительство увлечено ею. Вопросы один другого важнее, один другого неотлагаемое возникают со всех сторон; прибитые к земле надежды оживают, — хочется знать, что думают у нас об освобождении крестьян, об уничтожении духовных и телесных побоев (ценсуры и палки), об обуздании чиновничьего грабежа, полицейского самоуправства, — и вместо того читаешь схоластические прения о местничестве народов, о национальности истины.

Я никогда не отрицал, что у славян есть верное сознание *живой души* в народе, есть «чаяние будущего века», но, по несчастю, должен повторить, что «чутье их пронизательнее разумения»¹, и не только разумения, но и совести. Я с ужасом и отвращением читал некоторые статьи славянских обозрений, от них веет застенком, рваными ноздрями, эпитимьей, покаяньем, Соловецким монастырем. Попадись этим господам в руки власть, они заткнут за пояс III отделение. И будто я сблизился с этими дикими по сочувствию, по выбору, по языку? Отчего же не так-то давно один из них пустил в меня, под охраной *самодержавной* полиции, комом отечественной грязи с таким *народным* запахом передней, с такой постной отрыжкой *православной* семинарии и с таким нахальством холопа, защищенного от палки недосыгаемостью запяток, что я на несколько минут живо перенесся на Плющиху, на Козье болото...

Но ваша полемика против них никуда не годится, — оставьте вы их в покое или бейте их на их собственной почве. Они не знают *настоящей* России; это оборотни и мертвецы, с их поля не отзывается ни один «жив человек», они свихнули свое понимание лицемерным православием и поддельной народностью.

Мудрено теперь сбить их примером Запада (и тут я отвечаю на другой упрек), когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобы увидеть страшную болезнь, под которой ломится Европа. Отворачиваться от ее ран и проповедовать поклонение

¹ «Полярная звезда» на 1855 (2 издание), стр. 166*.

не только идеям, которые она выработала и с которыми не может сладить в ее современной жизни, но и ей самой — столько же невозможно, как уверить нас, что фанатически поврежденная умственная деятельность поклонников Будды или карпатских раскольников важнее и глубже всех вопросов, занимающих нас.

Вы любите европейские идеи — люблю и я их, — это идеи всей истории, это надгробный памятник, на котором написано завещание не только вчерашнего дня, но Египта и Индии, Греции и Рима, католицизма и протестантизма, народов римских и народов германских. Без них мы впали бы в азиатский квиетизм, в африканскую тупость. Россия *с ними и только с ними* может быть введена во владение той большой доли наследства, которая ей достается. В этом мы совершенно согласны. Но вам не хочется знать, что теперичная жизнь в Европе не сообразна ее идеям. Вам становится страшно за них; идеи, не находящие себе осуществления дома, кажутся вам нигде не осуществляемыми. Историческая эмбриология вряд оправдает ли такое заключение. Из неприлагаемости новых общественных идей к современной жизни европейских народов (если б это и было окончательно доказано) нельзя судить о их неосуществляемости вообще, о их неприложимости везде. Разве одна сторона европейского идеала, именно англосаксонская, не нашла себе полного выражения по ту сторону Атлантического океана?

Пути развития очень туги и очень непрысты в природе, в истории; они потребляют страшное количество сил и форм. Нам этого мало видно, потому что мы всегда находимся лицом к лицу с готовым результатом, с выработавшимся, с успехом. Ряды неудачных форм были вызваны по дороге, жили не вполне (по сравнению с последующими) и заменялись другими, нам неизвестными. Они не были пожертвованы, потому что они жили для себя, но, отживши, передали наследие не детям, а чужим. Мамонты и ихтиосавры — слонам и крокодилам, Египет и Индия — Греции и Риму. Весьма может быть, что вся творческая способность западных народов истратилась, истоцилась, создавая свой общественный идеал, свою науку, стремясь к ним и осуществляя отдельные, односторонние фазы их со всею страстностью и увлечением борьбы,

в которой оттого людям так легко умирать, что они на всяком шагу думают достигнуть *полного* идеала своего.

Вырвут ли забитые массы из рук монополистов силы, развитые наукой, всю эту совокупность технических улучшений быта человеческого, и сделают ли из них общее достояние; или собственники, опираясь на правительственную силу и на народное невежество, подавят массы? В обоих случаях *идеи ваши спасены*, а в этом для вас сущность дела. Наука, независимая от государственных устройств, от *народности*, остается великим результатом европейской жизни, готовым изменить тяжелый исторический быт людей — везде, где встретит способную почву, пониманье и вместе с пониманьем волю.

Вопрос о будущем Европы я не считаю окончательно решенным; но добросовестно, с покорностью перед истиной и скорее с предрассудками в пользу Запада, чем против него, изучая его десятый год не в теориях и книгах, а в клубах и на площади, в средоточии всей политической и социальной жизни его, я должен сказать, что ни близкого, ни хорошего выхода не вижу. Стоит взглянуть с одной стороны на сорвавшееся с дороги болезненное, одностороннее развитие промышленности, на сосредоточение всех богатств — нравственных и вещественных — в руках среднего состояния, на то, что оно захватило в руки церковь и правительство, машины и школы, что ему повинуются войска, что в его пользу судят судьи; и с другой стороны, глядя на неразвитость масс, на незрелость и шаткость революционной партии, я не предвижу без страшнейшей кровавой борьбы близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя.

Теперь нечего и думать о прошлых обыденных революциях, которые делались полущутя с беранжеровской песнью и сигарой во рту; теперь нет ни Карла X, готового бежать перед опасностью, ни Людовика-Филиппа, который не хотел бомбардировать Парижа*; теперь нет ни дурачка австрийского императора*, который по первому ружейному выстрелу дает конституцию; прусский король хоть и тот же, но уж не снимет с своей пьяной головы фуражку перед убитыми революционерами*; сам Пий IX поумнел. Июньские дни 1848 года

и Каваньяк показали миру, что за Варфоломеевская ночь, что за сентябрьские дни ожидают будущую борьбу*.

Выйдет ли Европа поюнолой из этого испытания или погибнет, как Сенека, в своей собственной крови*, не знаю; но мне сдается, что мы с тобой не дождемся решения. У тебя все волосы седые, а мне сорок четыре года от роду.

Не естественно ли в этом положении современному человеку порасширить свой взгляд, осмотреться вокруг, изучить, как другие страны, не вовлеченные в смертный бой Европы, относятся к будущему, чего от них можно ждать, куда они тянут и нет ли там глухой, приготовительной работы.

Но вне Европы есть только два деятельные края — *Америка* и *Россия*, разве еще начинающаяся *Австралия*. Остальное все покоится непробудным сном или бьется в судорогах, которых мы не понимаем или которые чужды нам, как китайское восстание со всеми своими грудами трупов и отвратительным мясничеством.

Америка — Европа колонизированная, то же племя и преимущественно англосаксонское, но при других условиях. Волна за волной несет к ее берегам наплыв за наплывом — и они не остаются на месте, но идут далее и далее. Так, как кромвелевская Англия переплыла океан и рассеялась по северным долинам и лесам, так и теперь толпы европейских выходцев плывут туда от голода, от духоты, от преследования, «от будущего», предчувствуя дома беды. Это продолжение векового движения на Запад. Три миллиона ирландцев выселились со времени Р. Пиля; немецкие государи, торговавшие в XVIII столетии стадами своих подданных для ведения войны против независимости, для населения Пенсильвании и пр., задумываются, видя, как народонаселение утекает. Движение продолжается в самой Америке, новые пришельцы просачиваются сквозь осевшее народонаселение, иногда увлекают его — и все стремится, толкаясь и торопясь, на юг; сегодня разработывают землю, завтра идут дальше, напирая к экватору, где будет новая встреча и новое сочетание англосаксонского элемента — с испанороманским.

Мы видим, что все это еще расчистка места, всхи, поставленные для означения арены, и никакая сила не удержит

североамериканцев, с их избытком сил, пластицизма, неутомимости, от присоединения центральной Америки и Кубы. В то время как в Европе разваливается Венеция, нищает Рим, вьнут небольшие города Италии и Испании за недостатком капиталов и рук, за ленью и недостатком деятельности, — где-нибудь в Калифорнии, в Гондурасе и Никарагуе в несколько лет пустыни превращаются в поля, починки в города, степи исчерчиваются железными дорогами, капиталы избыточествуют и неугомная сила республики хватает все далее и далее.

Что растет, то юно.

Силен был и рост России, и едва ли он совсем окончился, едва ли она дошла до естественных пределов; это видно сверх географической физиологии из непрерывной заносчивости правительства, из постоянного стремления захватить какой-нибудь клочок земли. Но Россия расширяется по другому закону, чем Америка, оттого что она не колония, не наплыв, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны, но крепко сидящий на своей собственной земле. Соединенные Штаты, как лавина, оторвавшаяся от своей горы, прут перед собою все; каждый шаг, приобретенный ими, — шаг, потерянный индейцами. Россия понимает кругом, как вода, обходит племена со всех сторон, потом накрывает их однообразным льдом самодержавия — и под ним делает из калмыков — солдат, из поклонников далай-ламы — защитников православия, из немцев — *отчаянных* русских патриотов.

И тот же юный пластицизм. Чему смеялся Иосиф II на закладке Екатеринославля*, говоря, что императрица положила первый камень города, а он последний? Не город там построился, а государство. Новороссийский край — лучшее доказательство, какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперичные поселения на берегах Амура, где на днях будет развеяться звездчатый флаг американских республик? Да и самые восточные губернии европейской России? Мы чрезвычайно мало обращаем на это внимания. Читая летопись семейства Багровых^{1*}, я был поражен сходством старика, переселившегося в уфимскую провинцию, с «сетлерами»², переселяю-

¹ «Семейная хроника» С. Т. Аксакова.

² поселенцами, колонистами (англ. — settler). — *Ред.*

щимися из Нью-Йорка куда-нибудь в Висконсин или в Иллиноа. Совершенно новая расчистка нежилых мест и обращение их на хлебопашество и гражданскую жизнь. Когда Багров сзывает со всех сторон народ засыпать плотину для мельницы, когда соседи с песнями несут землю и он первый торжественно проходит по побежденной реке, так и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона. А ведь это всего век тому назад; то же было в саратовском краю и в пермском. В Вятке в мое время еще трудно было удержать крестьян, чтоб они не переселялись в леса и не начинали там новые селения (починки); земля для них все еще казалась общим достоянием, той *res nullius*¹, на которую каждый имеет право.

Америка как переселение не представляет новых элементов, это дальнейшее развитие протестантской Европы, освобожденной от исторического быта и приведенной в иные условия жизни. Величайшая идея, развитая Северными Штатами, — чисто англосаксонская, идея самоуправления, т. е. сильного народа с слабым правительством, самодержавия каждого клочка земли без централизации, без бюрократии, с внутренним, нравственным единством. Как Америка будет относиться к социальным стремлениям — трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообща чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость.

Россия, напротив, является совсем особенным миром, с *своим* естественным бытом, с *своим* физиологическим характером — не европейским, не азиатским, а славянским. Она участвует в судьбах Европы, не имея ее исторических преданий, свободная от ее обязательств прошедшему. «Какое счастье, — сказал Бентам Александру I, когда он был в Лондоне после Наполеоновских войн, — что русскому законодателю не приходится бороться на каждом шагу с римским правом»; а мы прибавим: ни с феодализмом, ни с католицизмом, ни с протестантизмом. Кормчая книга и Уложение*

¹ ничьей вещью (лат.). — *Ред.*

не захватывают все проявления жизни, не заправляют всяким действием, остальные учреждения введены насильем и держатся насильем. У нас нигде нет этих наглухо заколоченных предрассудков, которые у западного человека, как параличом, отбивают половину органов. В основе народной жизни лежит сельская община — с разделением полей, с коммунистическим владением землею, с выборным управлением, с правомерностью каждого работника (тягла). Все это находится в состоянии подавленном, искаженном, но все это живо и пережило худшую эпоху.

Если это сколько-нибудь так, то не надобно быть русским для того, чтоб именно в эти черные дни Европы обратить на Россию особенное внимание. Оно, впрочем, так и делается. Россия занимает и тревожит многие сильные умы. Мне самому случалось говорить об России с серьезными людьми, как Прудон и Маццини, как Т. Карлейль, который у вас так в моде, как Мишле, который прежде совершенно по-французски понимал ее, т. е. вовсе не понимая, бранил сплеча; и я уверяю, что тот жалкий, чисто *немецкий* взгляд ненависти и страха, совершенно, впрочем, заслуженный тридцатилетним царствованием Николая, заменяется раздумьем и желанием поближе узнать это новое явление, которого *силу и права на будущее* отрицать нельзя, да они и не хотят.

Действительно, на Западе не могли понимать России, пока Запад верил в себя и шел вперед; но он убедился в невозможности идти путем прежних революций, потеряв разом все плоды их, кроме патологического урока. «Равенство рабства» позволило ближе всмотреться друг в друга, и именно потому Англия всего менее понимает Россию; она равно не участвовала ни в континентальных революциях, ни в общем падении. Она, свободная по-своему, с отчуждением смотрит на страну неволи и самовластья. Но другие народы в своих колодках догадываются, что если временная необходимость втеснила вчера в мирный быт земледельческого народа казарменную дисциплину и сделала из всей России военные поселения, то может завтра другая необходимость все это уничтожить, так, как Александр II уничтожил аракчеевские поселения; эпоха военного деспотизма пройдет, оставив по себе неразрывно спаян-

ное государственное единство и силы, закаленные в тяжелой и суровой школе.

Порог, за который Европа зацепилась, для нас почти не существует. В естественной непосредственности нашего сельского быта, в шатких и неустоявшихся экономических и юридических понятиях, в смутном праве собственности, в отсутствии мещанства и в необычайной усвоимости чужого — мы имеем шаг перед народами вполне сложившимися и усталыми.

Утвердилось русское государство страшными средствами; рабством, кнутом, казнями гнали народ русский к образованию огромной империи, сквозь строй шел он на совершение судеб своих. Сердиться на прошедшее — дело праздное; живой взгляд состоит в том, чтоб равно воспользоваться силами, хорошо ли они приобретены или дурно, кровью ли достались или мирным путем. Военные поселения, как я сказал, проходят, но села остаются. На нашей движущейся, несложившейся почве только и есть консервативного — что сельская община, т. е. только то, что следует сохранить.

Читал я ваши споры об общине; они очень любопытны, но меньше, чем кажется, идут к делу. Родовое ли начало сельской общины или государственное, была ли земля общинная, помещичья или великокняжеская, скрепило ли крепостное право общину или нет — все это необходимо привести в ясность; но для нас всего важнее *настоящее* положение дел. Факт, отклонившийся или нет, верный или неверный, втесняет себя как он есть. Государство и крепостное право по своему сохранили родовую общину; постоянное, *зимующее* начало, оставшееся в ней из патриархализма, вовсе не утратилось — общинное владение землею, мир и выборы составляют почву, на которой легко может возрасти новая общественная жизнь, которой, как нашего чернозема, почти нет в Европе.

Вот почему, любезный друг, я среди мрачного, раздрающего душу реквиема, среди темной ночи, которая падает на усталый, больной Запад, — отворачиваюсь от предсмертного стога великого бойца, которого уважаю, но которому

помочь нельзя, и с упованием смотрю на наш родной Восток, внутри радуясь, что я русский.

Эпоха, в которую Россия вступает теперь, необыкновенно важна; вместо небольших политических реформ, для которых мы не опытом, а умом слишком стары, мы стоим лицом к лицу с огромным *экономическим* переворотом, с освобождением крестьян. И это не все, вопросы наши так поставлены, что они могут быть разрешены общими социально-государственными мерами без насильственных потрясений. Мы призваны перебрать права поземельного владения и отношений работника к орудию работы — не есть ли это торжественное вступление в будущий возраст наш? Вся новая программа нашей исторической деятельности так проста, что тут не надобно гения, а просто глаза, чтобы знать, что делать. Одна робость, неловкость, оторопелость правительства мешает ему видеть дорогу, и оно пропускает удивительное время. Господи! чего нельзя сделать этой весенней оттепелью после николаевской зимы; как можно воспользоваться тем, что кровь в жилах снова оттаяла и сжатое сердце стукнуло вольнее!

Мало чувств, больше тягостных, больше придавливающих человека, как сознание, *что можно теперь, сейчас* ринуться вперед, что все под руками и что недостает одного понимания и отваги со стороны ведущих. Машина топится, готова, жжет даром топливо, даром теряется сила, и все оттого, что нет смелой руки, которая бы повернула ключ, не боясь взрыва.

Пусть же знают наши кондукторы, что народы прощают многое — варварство Петра и разврат Екатерины, прощают насилия и злодейства, если они только чуют силу и бодрость мысли. Но непониманье, но бледную шаткость, но неуменье воспользоваться обстоятельствами, схватить их в свои руки, имея неограниченную власть, ни народ, ни история никогда не прощают, какое там доброе сердце ни имей*.

Мое страстное нетерпение в этом случае нисколько не противуречит моей самоотверженной покорности трагическим судьбам Европы. Тут я вижу близкую возможность, я ее осязаю, я дотрогиваюсь до нее; на Западе ее нет, по крайней мере

на сию минуту. Если б я не был русский, я давным-давно уехал бы в Америку.

Ты знаешь, что я не фаталист и ни в какие предопределения не верю, ни даже в пресловутое «совершенствование человечества». Природа и история плетутся себе с дня на день и во веки веков, сбиваясь с дороги, прокладывая новые, попадая на старые, удивляя то быстротой, то медленностью, то умом, то глупостью, толкаясь всюду, но входя только туда, где ворота отперты. Говоря о возможном развитии, я не говорю о его неминуемой необходимости; что из возможного осуществится, что нет — я не знаю, потому что в жизни народов очень много зависит от лиц и воли. Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота; если мы бессильны их отворить, а сильные не хотят или не умеют, дальнейшее развитие прошедшего найдет, вероятно, более способные органы в Америке, в Австралии, где гражданственность складывается совсем на иной лад. Может, и сама Европа переработается, встанет, возьмет одр свой и пойдет по своей святой земле, под которой лежат столько мучеников и на которую пало столько поту и столько крови. Может быть!

...Но неужели в самом деле, выступив одной ногой на торную дорогу, мы опять увязнем в болоте, дав миру зрелище огромных сил и совершенной неспособности их употреблять? Что-то перечит сердцу принять это!

Тяжелы эти сомнения, тяжела эта потеря времени, силы!.. Когда же падет завеса с их глаз? И чего они боятся идти по такому громкому зову будущего? «Новая эпоха наступает для России», — говорили мы, услышав о смерти Николая, говорят теперь все русские журналы, говорит иными словами сам государь. Ну, так пусть же она будет *новая*.

Во всем, что делается, видно нашу несчастную страсть к предисловиям и введениям, на которых мы любим с самодовольством останавливаться. Как будто достаточно решиться что-нибудь сделать, чтоб дело и было сделано.

Мало традиций имеет петербургское императорство, но и они — как ядро на ногах Александра II. Как медленно и не прямо идет он по тому пути реформ, о которых сам столько натолковал!

Как мслко плавает его самодержавная ладья! Этим шагом мы в двести лет вряд догоним ли современную Пруссию. А все николаевское предание, николаевская политика и — что, может, хуже всего — николаевские люди!

Пора перестать тупо бояться человеческого языка, белого дня — из трусости перед какой-то призрачной революцией, на которую нет готовых элементов. Пора отказаться от нелепого вмешательства во все европейские дразги, поддерживая всякий раз сторону тиранства, грубой силы, вопиющей неправды. Черт с ним совсем с этим дипломатическим влиянием, за которое все народы нас ненавидят. Это не русская политика, а николаевская, голштинская. Николай сделал из сентиментального Священного союза полицейскую стачку*. Зачем же Александр продолжает ту же роль? Зачем он поддерживает коронованного разбойника в Неаполе?* Зачем он посылает дерзкие ноты в Берн, заступаясь за гогенцолернского дяденьку?* Русское императорство совсем не связано с судьбою ветхих европейских тронов, зачем же он хочет делить без нужды все их гнусности — и справедливо обрушивать на себя все ненависти, заслуженные теми? Петр I выходил на сцену не так, не начальником диких орд, готовых броситься на каждый народ, поддерживать всякую реакцию, душить Венгрию, хотя бы то было в волюзу Австрии; нет, он являлся представителем какой-то новой силы; таким он втеснял себя сонму пудренных и изнеженных королей, в своем толстом преображенском мундире. Оттого-то он и мог любить свободную Голландию больше монархической Франции. Правда и то, что совесть его была чиста; с тех пор черное преступление вызвало круговую поруку между европейским абсолютизмом и русским царизмом; оно, как капля крови, падшая на Каина, мутит и тревожит сон Зимнего дворца и невольно бросает царей в объятия Пруссии и Австрии. С дележа Польши отношение новой империи к старой Европе изменилось. Но память о преступлении должна вести не к новому ряду злодейств, не к одному страху потерять неправо нажитое, а к угрызениям совести, к раскаянию. Что же сделал Александр II для Польши? «Le Nord» своими брабантскими кружевами по русскому рисунку не скрыл от глаз всю скудность амнистий*, всю ничтожность перемен при посещении Александра в Варшаве;

у нас остался в памяти один только песенный напев, которым он окончил свою речь — Pas de rêveries! Pas de rêveries!*

Pas de rhétorique! Pas de rhétorique!¹ — скажем и мы в свою очередь. Уж у нас-то нет мечтаний! Задавленные властью, неправосудием, взятками, безгласностью, неуважением к лицу, мы хотим безбоязненно говорить, чтоб обменяться друг с другом мыслями, обличить злоупотребления, от которых само правительство краснеет и которые оно никогда не остановит без гласности. Мы хотим освобождения крестьян от помещичьей власти и всей податной России от палок², конечно, это не rêveries, это очень положительно и чрезвычайно немного.

Да, это очень немного, но в том-то и состоит наша юность, наша сила, что нам так мало надобно для того, чтобы бодро и быстро ринуться вперед. Мы не помощи просим от правительства, а чтоб оно не мешало. Запад, напротив, имея так много,

¹ Никаких мечтаний!¹ Никаких мечтаний! — Без красноречия! Без красноречия! (франц.). — *Ред.*

² В то время как я писал это письмо, мне попался в руки «Теймс» с корреспонденцией из России. Англичанин описывает свои впечатления в Москве и в Петербурге; между прочим он говорит, что раз в Петербурге он вышел из концерта на улицу, в ряду экипажей сделался какой-то беспорядок. «Явился высокий полицейский солдат, который ударил сначала кулаком в лицо одного кучера, потом, другого, третьего и т. д.». Англичанин с омерзением рассказывает это происшествие, прибавляя, что если бы он не видел своими глазами, то никогда бы не поверил. По несчастью, я, не видевши, *поверил*. Что же тут особенного, это до того в русском порядке вещей, что не только что правительству, но нам это не удивительно. А ведь мороз по коже дерет, когда подумаешь, что всю Россию, от Авачи до Кронштадта, в деревнях и городах, на улицах и в полицейских домах, в передних и конюшнях бьют без суда, бьют без ответственности, бьют кулаками, бьют палками — и нет никаких мер остановить это безобразие. Что за беда, что городской поколотил каких-нибудь извозчиков, когда само правительство сечет по подряду для помещиков, исполняя прежнюю роль их конюхов?

Пока будут такие пятна на нашем лице и синие рубцы на нашей спине, не взойдем мы в настоящее русло возможной будущности; история не барщина, на которую загоняют розгами крепостных крестьян; рабские руки могут только расчищать место, а не строить для веков. Я не думаю, чтоб нынешний государь *хотел этого*; нет, но я думаю, что ни он, ни его приближенные вовсе не думают об этом; что же за польза от того, что он *не хочет этого*?

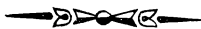
не может воспользоваться своими богатствами, они ему достались нелегко, он скуп на них, он консерватор, как всякий имущий. Нам нечего беречь. Конечно, нищета сама по себе еще не есть право на иную будущность и долгое рабство — на свободу; но вот тут-то, идучи из противоположных начал к противоположным целям, я встречаюсь не с славянофилами, а с некоторыми из их мыслей.

Я верю в способность русского народа, я вижу по озимовым всходам, какой может быть урожай, я вижу в бедных, подавленных проявлениях его жизни — несознанное им средство к тому общественному идеалу, до которого сознательно достигла европейская мысль.

Вот отчего, любезный друг, вы нашли созвучную струну в моем направлении и в направлении — более нежели ложном, вредном и опасном — московских литературных старообрядцев, этих православных иезуитов, наводящих уныние на всякого живого человека. И вот отчего, горячо принимая новую общественную религию, возникшую на дымящихся кровью полях Реформации и Революции, с биением сердца перечитывая великие сказания тех времен, я отворачиваюсь от современной Европы и мало имею общего с жалкими наследниками сильных отцов.

Не станем спорить о путях, цель у нас одна, будемте же делать все усилия, каждый по своим мышцам, на своем месте, чтоб уничтожить все заборы, мешающие у нас свободному развитию народных сил, поддерживающие негодный порядок вещей, будемте равно будить сознание народа и самого правительства. А потому и заключаю мое длинное письмо к тебе словами: На работу, на труд, — на труд в пользу русского народа, который довольно в свою очередь поработал на нас!

Лондон, 3 февраля 1857.

СМЕРТЬ СТАНИСЛАВА ВОРЦЕЛЯ

Третьего февраля 1857 года, в небольшой улице недалеко от Россель-сквера, в бедной, крошечной комнате нижнего этажа угасла тихо и едва заметно святая и великая жизнь.

Мало политических имен всплыли после бурь и потрясений последнего десятилетия с такой чистотою и окруженные таким уважением, как имя Ворцеля. Польша считает мучеником больше. Она должна с нами поделиться своими четы-миньями, они нам нужны для примера и поучения сыновей наших.

Да, Ворцель был *свят*ой человек, я избираю именно это слово, потому что оно ближе всех выражает главный характер его. Вся жизнь его была одним подвигом беспредельного самоотвержения, безграничной преданности. Все, что нас поражает в жизни святых, мы встречаем в нем, только человечественнее, т. е. с большей любовью.

Родившись в роскоши и блеске высшей польской аристократии, он умер в крайности и демократом. Выходя из своего отечества, когда оно сломилось под железной лапой Николая, он на пороге его стряхнул свои титулы и пошел на чужбину, оставив казне все достояние свое. О последнем упоминаю мимоходом, потому что нет в мире народа, который бы легче славян терял богатства свои; поляки, кажется, довольно это доказали. Ворцель не для того оставил Польшу, чтоб искать спокойной гавани и сложить руки, как те римляне первых веков, которые, отказываясь от мирских благ, удалялись куда-нибудь в Фиваидские степи, только чтоб не видеть разрушающегося мира, и из своего *far niente*¹ делали религию отчаяния. На чужбине

¹ ничегонеделанья (итал.). — *Ред.*

то именно и начался его неусыпный продолжительный труд — образования и развития демократической партии польской эмиграции.

Среди лишений, несчастий, болезней, оставленный своей семьей, женой, детьми, Ворцель трудился день и ночь двадцать шесть лет кряду, до последнего дня своей жизни, с той светлой ясностью, с тем кротким самоотвержением, которое дает успокоившаяся вера и незыблемая надежда.

Слышал ли кто-нибудь от Ворцеля какую-нибудь жалобу, лично до него касающуюся? Он иногда был печальнее обыкновенного, вот и все. Был ли кто-нибудь свидетелем, часто выдаясь с ним, одной из тех минут горечи, где негодование заглушает верования и слова холодного сомнения срываются с уст, — слова, которыми человек мстит за свои страдания? Я не был, а знал его довольно коротко.

Это была одна из тех цельных, я скажу фанатических натур, проникнутых одной великой мыслью, имеющих одну великую цель и равно дошедших до великой сердечной кротости и до совершенно непреклонной воли. Таких людей мы часто встречаем, например, во времена Возрождения и Реформации. У них нет возврата, нет усталости, они уже раз с *главным* покончили, *до остального* им дела нет, они уже все отдали, все принесли на жертву, осталось идти, осталось выполнять, «ога е sempre!»¹ По дороге нищета, одиночество, измены, плач слабых, крик отсталых, смерть близких, цепи, виселица, — не сворачивать же за этим с дороги? Тот же спокойный, строгий, постоянный шаг.

Таков был Ворцель, и таков ближайший друг его, человек, которого он страстно любил, — Иосиф Маццини.

Неизменный страж Польши, он всегда был готов, всегда на своем посту. Ледрю-Роллен напомнил в своей речи на могиле Ворцеля трогательные слова его, которые за день или за два до своей смерти он, не имея сил сказать, написал умирающей рукой: «Я выстоял мой черед, как следует человеку, я донес мой крест, пусть другой меня сменит».

¹ «теперь и всегда» (итал.). — *Ред.*

При этих словах Ледрю-Роллена мне вспомнилось другое время. Несколько дней после Февральской революции Ламартин, вроде тех диких, которые ложатся в постель вместо родильницы, принимал поздравления с рождением республики. В числе депутатов была кучка поседелых бойцов, с печальной отвагой на лице; вожатый их сказал Ламартину, т. е. не Ламартину, а Французской республике: «На всякой перекличке народов в минуту боя, на всякий призыв к оружию за свободу Польша отвечает: „Здесь!“». Она готова по первому зову идти на помощь народам утесненным, она видит в каждом освобождении—освобождение Польши». И в этих словах Ворцеля (если не ошибаюсь) звучало что-то печальное, невольно сбивавшееся на упрек забытого, оставленного союзника. Неизменный страж, он и после был налицо, но заснувшие народы не звали его, и тяжелое колесо самовластья проехало по его костям.

Да, чуден был удел польских выходцев, мрачен и исполнен поэзии. «Задавленные силой, преданные западными правительствами, поляки (как я писал некогда*), сражаясь на каждом шагу, — отступали. Перейдя границу, они взяли с собой свою родину и не склоняя головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свету. Европа расступилась с уважением перед торжественным шествием отважных бойцов. Народы выходили навстречу; цари сторонились, чтоб дать им пройти. Европа тридцатых годов проснулась на минуту от их шагов, нашла слезы и участие, нашла деньги и силу их дать, будто какое-то угрызение совести набежало на ее душу. Благородный образ польского выходца, этого крестового рыцаря свободы, сильно врезался в народную память, он искупал век малодушный и холодный».

С тех пор и это переменялось. Напрасно Польша вне родины откликалась во все грозные дни борьбы и опасности, напрасно в первых рядах каждого боя за волю стоял, мечтая о своей родине, белокурый сын Польши и самоотверженно лил свою кровь! Польша была забыта. Несчастье, продолжающееся слишком долго, изнашивает сочувствие.

Но... пусть кроткая тень нашего усопшего друга низведет мир и покой на нашу душу.

Будем же говорить об нем.

В конце 1852 года, возвращаясь из Италии, я встретил Ворцеля в Лондоне. Время было печальное, со всех сторон обложило черными тучами. Весь европейский материк был быстро увлекаем какой-то неистовой силой в то старческое варварство, в котором он теперь находится. Дикая, грубая реакция торжествовала везде. Я старался оторваться от печального зрелища этой агонии, заря нового утра мне виднелась с *другой стороны*, и я сосредоточил все мои силы на образование центра русской пропаганды в Лондоне. Я сообщил Ворцелю мою мысль. Надобно было видеть радость, участие, дружбу, с которыми он меня слушал, — и он, представитель польской демократии, помогал мне самым деятельным образом в учреждении трибуны для вольного русского слова. Добрый и прекрасный друг! Я как теперь вижу его, с изнуренным лицом и седыми волосами, с голосом, сломанным болезнью, но с взглядом, в котором горел ум и энергия, когда он, держа в своих руках первый лист, отпечатанный по-русски в Лондоне, говорил мне: «Боже мой, боже мой, русская свободная типография в Лондоне! Сколько дурных минут последнего времени стирает этот клочок бумаги, замаранный голландской сажей!» Потом он сжал мне обе руки и повторил: «Да, мы должны идти вместе — у нас одна цель и те же враги!»

Русская типография сначала была соединена с типографией польского демократического общества; Ворцель предложил мне все свои средства, чтоб первые летучие листы и брошюры дошли через Польшу в Россию.

«Demokrata Polski», объявляя об открытии русской типографии и печатая переводы моих статей, поместил братское воззвание к русским, протягивая им, на мир и забвение, свою обиженную руку. Тогда-то знаменитый историк Мишле написал мне: «Какая же ненависть имеет право продолжаться, когда поляки соединяются с русскими?»

Во время войны ненависть и страх снова усилили враждебное расположение к нам. Ограниченные и печальные безумцы мстили за свою боязнь, нарочно смешивая каждого русского, хотя бы он был Пестель или Муравьев, с официальной Россией. Ворцель, которого война не ослепила ни на минуту, восстал с негодованием против этой систематической клеветы.

Сначала он защитил публично Бакунина* (которого и до сих пор *милосердый* император держит в крепости), потом и меня, когда пришел мой черед пройти под этими душами грязи.

Замечательно, что такой животной ненависти к русским почти совсем нет у поляков, которые одни в свете вправе нас ненавидеть. Поляки не требуют от нас как доказательств цивилизма, чтоб мы изменили отечеству, и в подтверждение нашей искренности, чтоб мы позорили наш народ. Как только русский подходит к полякам с сердцем, обливающимся кровью за все ужасы, наделанные русским правительством, краснея наших общих цепей, — поляки его принимают как брата. Бакунин испытал это, как многие другие, как я сам. «Мы вас любим, — сказал мне раз Ворцель, говоря об этом, — именно потому, что вы любите вашу родину; иначе вы не были бы с нами, а были бы равнодушный человек, оставивший свою родину для собственного удовольствия»¹.

Зато, прежде чем Ворцель закрыл навеки глаза, он еще видел с большою радостью успех русской пропаганды, ее распространение, материалы, которые получались из России, требование книг и наши отправки. Он говорил со мной обо всем об этом в декабре месяце, недель за пять до кончины.

Подробности его биографии я переведу впоследствии из брошюры, которую хотят издать его польские друзья; здесь я прибавлю только несколько строк общей характеристики этого замечательного человека.

Ворцель был человек по преимуществу религиозный. Тот мистический склад, который мы видим почти у всех польских поэтов, имел глубокие корни в душе Ворцеля, не смущая, впрочем, несколько его светлого ума. Это был ум диалектический, чрезвычайно тонкий и вместе с тем объемистый. Одаренный в высшей степени способностью отвлеченного мышления, он естественно сделался глубоким математиком. Но с своим живым и удободвижимым умом он не мог ограничиться астрономией и механикой, а последовательно изучил все естественные науки. Его знания были изумительны. Он занимался всем,

¹ Ворцель в этом смысле поместил две статьи в «La Nation Belge» в ноябре 1853 года.

интересовался всем, помнил все. Он свободно и изящно говорил по-французски, английский и немецки, основательно знал древние и новые литературы. Я иногда прибегал к нему, как к энциклопедии, и всегда тотчас получал ответ; добросовестный во всем, он иногда на другой день присылал мне записку, если ошибался в чем-нибудь. Эта масса знаний с радужным хроматизмом, который ей придавал его мистический элемент, составляла особенную прелесть его воззрения и его речей.

Но все это, наука и мистицизм, история и математика,— все это было у Ворцеля на втором плане. Религия его — постоянная мысль всей его жизни — была *религия Польши*. Все остальное было для него отдых, рассеяние. Отдавши все на жертву — семью, богатство, целую жизнь — своему делу, он хотел даже самой смертью своей быть полезен Польше. Чувствуя приближение своего конца, он послал за Маццини и за двумя-тремя друзьями. Слабый, истощенный, задыхающийся, он лежал на своем маленьком диване и не мог говорить. Несколько оправившись, он сделал знак Маццини, чтоб тот приблизился; его исхудалые, измученные черты приняли торжественно строгое выражение, и он потухшим голосом, перерываясь от тяжелого дыхания, требовал от Маццини священного обета, чтоб Польша не была забыта при пробуждении народов. Это было грозное «Клянитесь!»^{1*}, произнесенное на краю гроба духом народа, пожертвованного другими народами. Маццини взял перо, написал несколько строк и прочел их больному. Подавленный чувствами, старик не мог произнести ни слова... черты его преобразились, глаза еще раз осветились выражением счастья, ими и немой улыбкой на устах благодарил умирающий своего друга, ему, казалось, было легче оставить теперь свой пост.

Неделю спустя Маццини, говоря со мной об этом, был еще сильно потрясен и весь под влиянием этого благодарящего взора, в котором чудно встретились вдохновенная надежда и смерть. Я вспомнил Доминикиново причащение св. Иеронима перед смертью, на ватиканских стенах, — то же выражение, то же лицо и та же вера, идущая за гроб, восторженная и преданная!

¹ «Swear!» Гамлетова отца.

Девятого февраля выходцы всех стран... последние обломки всех кораблекрушений, без различия партии и стран, собрались перед убогой квартирой покойника. Ничего не было приготовлено, все сделалось само собой, англичанин принял на себя расход, итальянцы явились с музыкой, русские помогли полякам донести гроб до могилы, куда его проводило обвитое крепом знамя Италии и красное знамя будущей Республики. Каждое слово, сказанное Ледрю-Ролленом на могиле, было словом примирения и кротости. День был весенний, солнце, так редко светящее на лондонские улицы, придавало что-то торжественное этому пиру смерти. И на нас повеяло каким-то духом мира и согласия. Откуда-то взявшаяся надежда посетила разом сердца многих, и многие спросили сами себя: «Отчего разъединенным членам великой семьи несчастья и изгнания не остаться так же соединенными на общее дело, как они теперь соединены около могилы одного из своих?»

И этот слабый свет примирения сошел в утешение нам среди мрака и потерь, в которых мы живем, — от гроба святого мученика.

Если б это было возможно, какой памятник *aere perennius*^{1*} воздвигся бы Ворцелю!

10 февраля 1857.

¹ долговечнее меди (лат.). — *Ред.*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Не сбылись мой друг, пророчества
Пылкой юности *твоей**.

Рылев

События двух целых лет показали, кто из нас был прав — умеренные ли либералы, писавшие *млеко* и *медом* долю статей, изданных нами в первой книжке «Голосов из России»*, или мы в наших статьях «Полярной звезды».

Ничего не сбылось из пророчеств *пылкой юности*. А ведь в два года можно было что-нибудь сделать, сверх контракта на железные дороги*. После всех толков, журнальных статей, частных писем, догадок — много ли подвинулся вопрос о тарифе*, много ли уменьшилось воровство чиновников и, главное, сделан ли какой-нибудь шаг к освобождению крестьян?

Одни говорят, что открыли комитет об освобождении крестьян, другие — что его закрыли, третьи — что он существует и что председатель его — Блудов. Что за тайные общества, что за секреты!* Блудов знает, куда ведут заговоры, — он был в верховном суде, которому велено было засудить декабристов*.

Хочет правительство освобождения или нет? Да? — Нет? — *Liebt mich?* — *Liebt mich nicht?*¹

Речь государя в Москве к всему *благородному* дворянству говорит «да»; циркуляр Ланского в Петербурге ко всему *неблагородному* в нем — говорит «нет»*.

Двоих несчастных сослали в Сибирь* за проповедование крестьянам вредных мыслей — что они не вещи, принадлежащие своим помещикам.

¹ Любит? — Не любит? (нем.). — *Ред.*

И на первый случай все окончилось разрешением крепостным людям ездить за границу, если помещик позволит.

Что еще? Амнистия — бедная, жалкая*. Посмотрите на последний предел государственного управления — на Австрию, и там даны полные амнистии. Если б Бакунин был не выдан из Австрии, он был бы теперь на свободе, а в России (против правительства которой он ничего не сделал) — сидит в Шлюссельбурге. Австрия после междоусобных войн, восстания целых народов, — Австрия, считая на живую нитку из распадающихся частей, не боится амнистии, а Александр II боится! Даже и тем, которые возвращены из Сибири, после *тридцатилетних* страданий, постарались отравить окончание ссылки, не позволяя им ездить в Москву и в Петербург*. Завтра революция, опасно, того и смотри Петербург провозгласит республику в преображенских казармах и Москва — демократический и социальный Кремль.

А что сделалось с тарифом?

Тенгоборский умер* — ну и кончено; отчего же? Кто не умирает, и кто не родится? А взятки все же берут, а палкой все же бьют, и розгами, и кулаком, и высочайше утвержденными плетями*.

Правда, петербургский обер-полицмейстер* начал отучать полицию от грубости и употребления кулака, это делает ему честь. Но не дурно было бы распространить это ограждение личности не на один Петербург, но на Рязань и Казань, даже на заштатный город Царевококшайск. В Петербурге, скажут, это делается для иностранцев; русских там не будут бить, чтоб пощадить английские и французские нервы, чтоб избежать отвратительной западной гласности.

И что же, по совести, будто честное дело воспевать все эти слабые, недоконченные попытки облегчить горькую долю России и умиляться перед беспредельным милосердием, давшим узенькую амнистию, через которую и желающие возвратиться не могут пройти*.

Нет, господа, делайте, как знаете, мы не пойдем по вашей дороге, по ней, пожалуй, дойдешь до чина тайного советника, а нам хочется остаться явными советниками, говорить открыто и смело истину.

У нас нет никакой страсти к систематическому порицанию. Мы готовы хвалить от всего сердца; но тогда, когда будет что-нибудь совершено, — а не в ожидании сделанного. Невоздержными и незаслуженными похвалами государя уверили, что он и в самом деле бог знает что сделал для пользы и блага России, что остается отдыхать на лаврах.

Мы верим в добрую душу Александра II, в его благородство. От него не веет тем казарменным, тлетворным для всего человеческого веянием, к которому мы так привыкли. След Жуковского остался на нем*. Но ждали мы от него больше, ждали перемен существенных, а дождались китайских теней.

Люди, загубелые в роли слепых исполнителей неистовств Николая, и новые люди, жаждущие упиться властью и дворцовым блеском, отделяют государя от России. А гласности нет, да и вряд читает ли он.

Где между людьми, его окружающими, какой-нибудь талант, какое-нибудь сильное убеждение, какая-нибудь резкая способность? Слухом свет полнится, Тотлебена узнали через месяц во всей Европе*. А как у них нет ни основной мысли, ни общей цели, все идет случайно, из личных видов, интриг, — отсюда непонятные назначения, замены, меры и контрмеры.

Зачем остается Закревский в Москве? — грубый, неотесанный и (как говорят) нечистый на руку?

Что за министр Сухозанет, с своим уморительным приказом*, которым возвещал свое вступление в должность?

Что за министр Ланской, с тупоумным циркуляром своим, направленным против государя?

А долговязый Панин — эта высочайшая неспособность всея России?*

А хромое министерство с Норовым и с автором «Русского бога», князем Вяземским, перешедшим на сторону «немецкого» и проповедующим инквизицию и цензуру!*

Лучший из них, я думаю, министр финансов, того и по имени никто не знает — Брик, Брак, Брук*, что-то эдакое... а туда же требует усилить цензуру. «Такая свобод нефосмошно!»

Вот когда бы Александр Николаевич, одним добрым утром услышав из окна национальный крик нарастающий и в нос — «По-

ловые щетки продать!» — купил бы себе две-три да и вымел бы Зимний дворец дочиста от николаевского сора (не хуже же стало после Клейнмихсля*), тогда, может, и мы принялись бы умиляться и хвалить. До тех пор мы не только сами этого не сделаем, но и решительно не будем печатать статей, которые преспокойно могут благоухать в «Северной пчеле» и в брюссельском «Норде»¹.

«Да кому какое дело, хвалите ли вы, порицаете ли вы в вашем углу? Кто вы такой? Да полно, существуете ли вы, с своим крошечным станком? Нет ли микроскопа?»

Мы очень малы, но нас трудно застрашать категорией количества и величины; сравнивать диаметр инфузория и диаметр эллиптики — старая шутка; вселенная состоит из точек, из клетчаток, а не из глыб, не из пустых пространств. Каждый свободный человек имеет полное право заявлять свой голос. Может быть, его никто не услышит, может, он и не стоит того, чтоб его слышали, а может, он заронит искру в родственное сердце, и не в одно. Но во всяком случае, что бы ни было, потребность участия словом в современных делах — больше, нежели право, — органическая необходимость, страстное желание всякого любящего свой предмет так горячо, как мы любим нашу родину.

15 мая 1857.

¹ Здесь преимущественно идет речь о пяти или шести статьях, не напечатанных нами и особенно отличающихся духом смирения и кротости. Если бы нам присылали статьи вроде тех, которые напечатаны во второй и третьей книжке «Голосов из России», мы готовы их всегда печатать.

ПРЕДИСЛОВИЯ
ПРИМЕЧАНИЯ
НАБРОСКИ

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

〈ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ〉

«Я не ворон, а вороненок; настоящий ворон еще летает в поднебесье».

Пророчество Пугачева.

В конце прошедшего года начал я странный труд *. Не знаю, слажу ли с ним, думаю, что да. Впрочем, труд этот может на всем остановиться, как наша жизнь, везде будет довольно и везде можно его продолжать. Надгробный памятник и исповедь, *былое и думы*, биография и умозрение, события и мысли, слышанное и виденное, наболевшее и выстраданное, воспоминания и... еще воспоминания!

Из первой части этих *rapping spirits* *, этого повторения жизни, бледно воскрешаемой словом и памятью, хочу я передать несколько отрывков.

Первый перед нами.

Тонбридж (Кент), 22 июля 1853 года.

СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ

〈Предисловие к русскому изданию 1858 г.〉

Н. Трюбнер прислал мне прилагаемый перевод, спрашивая моего согласия на издание его. — Политические статьи быстро вынут, и я, перечитав эти письма к В. Линтону, писанные перед Крымской войной во время царствования в бозе почивающего и «незабвенного» Николая, задумался было о том, печатать их или нет. Но сказанное слово тоже факт, и отпираться от него стыдно; я не напрашивался на перевод, но не хочу и мешать ему, тем больше что он уже сделан.

Письма эти навлекли на меня сильные гонения от английских и особенно от немецких журналистов. Трудно себе представить, в каком безвыходном, запаянном наглухо круге понятий бьется современный европейский человек и как ему трудно достается, как его сбивает с толку, как ему становится ребром всякая мысль, не подходящая под заученные им правила, под заготовленные им рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоят на первом плане. У них для ежедневного обихода есть запас мыслей, знаний, суждений, негодований, восторгов и, главное, прилагательных слов, которые у них идут на все; их по мере надобности сокращают, растягивают, подкрашивают в ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчает труд; ее можно продолжать во всяком расположении, с головною болью, думая о своих делах, так, как старухи вяжут чулок. Но все это идет, пока дело вертится около знакомых предметов. Новое событие, неизвестный факт принимается, напротив, с скрытой злобой, как незванный гость, его стараются сначала не замечать, потом выпроводить за дверь, а если нельзя иначе, оклеветать.

Письма эти имели в себе многое, чтоб возбудить гнев и в обыкновенное время, — а они явились во время повальной ненависти к России и ничем неудержимого воинского героизма союзников вообще и в особенности немцев.

Чтоб дать понятие, что такое были нападки, я упомяну о трех самых забавных: один господин говорит, что в этих письмах я ставлю в образец и идеал *крепостное состояние*; другой — что я советую не только завоевание Константинополя, *но и Вены*; третий — что все, сказанное мною об сельской общине, ложно и выдуманно: «он дошел до того, что даже в устройстве украинских казаков старается показать начала демократические, почти республиканские!»

Почти еще забавнее были два изустные замечания. Редактор одного *недельного* листа заметил мне, что антирелигиозный характер моих писем оскорбителен для англичан, для народа по преимуществу христианского. «Вот, — говорит он, — вам пример: человек необычайной энергии и силы мысли, отец социализма, старый Робер Оуэн; отчего не имел успеха, отчего не основал школы? — Оттого, что он прямо отвергает христианство».

Несколько дней после встретил я другого редактора другого, тоже *недельного* листа. Он мне сказал, что хотел напечатать отрывки из моих писем, но нашел, что в них все так пропитано социализмом, который антипатичен англосаксонской расе, что он не решился этого сделать.

— Робер Оуэн, оттого не имел успеха, — сказал я, — оттого не основал школы, что он социалист.

— Без малейшего сомнения! — отвечал утвердительно редактор.

Что же бы осталось от Оуэна, если б из его сочинений взять все социальное и все антихристианское?

Ошибок в этих письмах много. Кто мог предвидеть, что первую жертвой Крымской войны падет Николай? Я всегда думал, что он проживет, как царь Иван Васильевич, до аредовых лет.

Но в чем я не ошибся и что составляет сущность этих писем — это в моем предсказании, что Россия должна вступить в новую эру развития, что узкий деспотизм Николая становится тесен для ее роста.

Да не ошибся я и в том, что Англия делается больше и больше отчужденным островом, хранящим в своих свободных учреждениях прежний идеал общественного устройства, к которому стремился весь европейский мир, да середь дороги ослабел, одряхлел и подпал двум величайшим врагам развития и свободы — подогретому католицизму и вновь воскресшему абсолютизму.

Наших соотечественников прошу я не забывать, что эти письма писаны не для русских и не тем языком, которым мы говорим.

1 января 1858 года
Путней (близ Лондона).

〈ПРИМЕЧАНИЯ〉

〈К СТАТЬЕ А. ТАЛАНДЬЕ «НЕТ СОЦИАЛИЗМА БЕЗ РЕСПУБЛИКИ»
В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ», 1855 г.〉

Мы с намерением рядом с письмом «милой маски» * — помещаем письмо А. Таландые. Мы не знаем, какие жертвы принесла она на «общее дело». А. Таландые года два тому назад выпущен из Бель-Ильской тюрьмы, он свое участие в общем деле и свою любовь к Франции доказал. Странно видеть, что у нас патриотизм, одержимый православием, свертывается в ограниченнейший китаизм, в то время как *здесь* социализм ломится вширь из-за политических пределов и национальных определений.

〈К ПЕРВОЙ КНИГЕ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ», 1855 г.〉

〈Книжка наша была...〉

Книжка наша была уже отпечатана, когда мы получили тетрадь стихотворений ПУШКИНА, ЛЕРМОНТОВА И ПОЛЕЖАЕВА, часть их поместим в следующей книжке. Мы не знаем меры благодарности за эту присылку... Наконец-то! Наконец-то!

〈Еще прекрасная новость...〉

Еще прекрасная новость, которой мы спешим поделиться с читателями, мы получили вчера письмо, полное симпатии, от ЮАХИМА ЛЕЛЕВЕЛЯ — благодарность искренняя, сердечная великому славянину.

⟨Письмо мое к Александру II...⟩

Письмо мое к Александру II, писанное сторяча после вести о смерти Николая, — устарело*. Я, может, его не напечатал бы, но оно подало повод к недоразумениям, мне советовали оставить его в стороне, меня просили его не печатать*. Это заставило меня призадуматься. В советах я видел не одно непониманье, а, может, и недоверие, тогда я твердо решился его напечатать.

Смысл этого письма так ясен, так прост и так безусловно чист, что я смело беру на себя всю нравственную ответственность за него.

Нас упрекают в любви к кровавым средствам, в революционном дилетантизме, я хотел показать, что это несправедливо, что мы гораздо *скромнее, самоотверженнее*, что я с своей стороны готов бы был умолкнуть, если б Александр II *освободил крестьян с землею* и дал бы *свободу книгопечатания*.

Неужели моя речь важнее этих двух мер? Слишком много чести.

Да, он не может этого сделать — это его дело.

Да вообще следует ли, дозволено ли, можно ли писать к «деспотам и тиранам» или, если можно, то не должно ли сначала поставить кой-какое крепкое словцо и заключить бранью — в род и род, проклиная бабку и прабабку.

Что касается до дозволения, я его имею, оно мне дано моей совестью; насчет тона — это мой естественный тон, я думаю, сверх того, что свободные люди, уважающие себя, никогда не ругаются и ни с кем, особенно, когда это безопасно. Я ненавижу все грубое, цинизм выражений всегда выражает циническую душу. Наше время слишком серьезно, чтоб довольствоваться пустою бранью. Я в императоре Александре вижу сильного представителя противоположного нам начала, враждебного нам стана, я уважаю в нем *нашу* борьбу.

Я мог не обращаться к нему, хотя письмо мое явным образом так же мало относится к нему одному, как письмо Маццини (1847) к Пию IX относилось к одному папе*; но, обратившись, я не мог, я не должен был говорить иначе.

〈ПОДСТРОЧНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ
«НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. ПУШКИНА, К. РЫЛЕЕВА,
М. ЛЕРМОНТОВА» В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ», 1856 г.〉

*В публикации стихотворения А. С. Пушкина «Деревня»,
к строке «В душевной зреют глубине»:*

Начало это было напечатано *.

К стихотворению А. С. Пушкина «В Сибирь»:

Стихи эти были присланы Пушкиным в 1827 г. сосланным в Сибирь после 14 декабря *.

*В публикации «Пропущенные строфы из стихотворения
(А. С. Пушкина) „Наполеон“» после строфы IX «(Губитель,
кто тебя подвигнул ∞ Но поздно русских разгадал ..)»:*

IX строфа была напечатана, мы ее помещаем для ясности*.

*К стихотворению А. С. Пушкина «Христос воскрес,
потомец Феба!»:*

Писано в Лицее *.

*В публикации стихотворения К. Ф. Рыльева «Гражданское
мужество», к слову «Панин» в строке «И Панин наш,
и Долгорукый»:*

Но не теперешний. — *Изд.**

*К публикации «Две строфы из оды < К. Ф. Рыльева > ве-
ликому князю Александру Николаевичу 30 августа 1823 года»:*

Это стихотворение напечатано было в «Литературных листках», издававшихся Булгариным в 1823 г. при журнале его «Северный архив». К нему присовокуплены были наиглупейшие примечания с тою целию, чтоб цензор дал одобрение к печатанию. Цензор действительно попал впросак, и эти стихи разнеслись в «Литературных листках» Булгарина по всей России *.

К стихотворению А. А. Григорьева «Москва 1846, марта 1»:

К стихотворениям наших великих поэтов присовокупляем еще некоторые, читатели поймут, почему мы не называем сочинителей *.

К стихотворению Е. П. Ростопчиной «Насильственный брак»:

Это стихотворение было напечатано; цензура не догадалась сначала, что «Насильственный брак» превосходно представил Николая и Польшу, потом спохватилась, и «Старый барон» выслал из Петербурга известного автора их*.

В публикации стихотворения «Московскому генерал-губернатору» к слову «Беринга» в строке: «Что кучер Беринга не мчится своевольно»:

Московский полицмейстер*.

〈К СТАТЬЕ Н. П. ОГАРЕВА
«РУССКИЕ ВОПРОСЫ» В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ», 1856 г.〉

Мы получили эту статью из Парижа два дни тому назад и спешим поместить ее, благодаря неизвестного автора.

〈К ВТОРОЙ КНИГЕ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ», 1856 г.〉

Вторая книжка «Полярной звезды» выходит позже обещанного*. Мы убедились теперь, что при тех условиях, при которых издается наше обозрение, правильной периодичности быть не может. Не останавливаясь на разных вещественных и *невещественных* препятствиях, мы упомянем только об отсутствии легких книгопродавческих сношений между Англией и материком.

«Полярная звезда» может только быть сборником, являющимся раза два в год без определенного времени — вследствие чего не будет и подписки.

Не желая еще дольше задерживать выход второй книжки, мы оставили до следующих — все иностранные статьи, несколько замечательных писем и несколько вновь полученных русских стихотворений*, не пропущенных петербургской ценсурой.

〈К СТАТЬЕ Н. А. МЕЛЬГУНОВА
«ПРИЯТЕЛЬСКИЙ РАЗГОВОР» В «ГОЛОСАХ ИЗ РОССИИ», 1856 г.〉

К словам: «...политические газеты черпают свои известия не только из «Инвалида», но из разных радикальных журналов: «Le Nord», «Die Neue Preu Bische Zeitung», «Indépendance Belge!» — следует подстрочное примечание:

Автор ошибается: все эти три газеты издаются под влиянием русской полиции. — *Изд.*

〈К ПУБЛИКАЦИИ «ДВЕ ПЕСНИ КРЫМСКИХ СОЛДАТ»
В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ», 1857 г.〉

Эти две песни списаны со слов солдат. Они не произведение какого-нибудь особого автора, и в их складе не трудно узнать выражение чисто народного юмора.

〈К СТАТЬЕ «ПРАВА РУССКОГО НАРОДА»
В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ», 1857 г.〉

Рядом с военной поэзией мы с величайшим удовольствием печатаем присланную нам гражданскую прозу — и благодарим приславших то и другое.

〈К ОТДЕЛУ «ШНУРОВАЯ КНИГА ОБЛИЧЕНИЙ»
В «ГОЛОСАХ ИЗ РОССИИ», 1857 г.〉

Считая этот отдел чрезвычайно полезным, мы весьма желали бы побольше статей в «Шнуровую книгу», хотя мы и обязаны сказать, что вся нравственная ответственность за факты лежит на совести присылающего; мы не имеем ни малейшей возможности поверять рассказанное. В рассказе о Спасском все названы по именам, кроме сенатора. Почему же этот негодяй не назван — неужели оттого, что он сенатор? Имя его превосходительства!... Давайте нам его имя!

〈НАБРОСКИ〉

〈НАДПИСЬ НА КНИГЕ Ж. САНД «HISTOIRE DU VÉRITABLE GRIBOUILLE»〉

И я, как Грибуль, бросился в реку, чтобы спастись от дождя. Оттого и люблю его.

Париж, 20 августа 1852 г.

〈ИЗ ДНЕВНИКА〉

9 апреля 1856 — 4 мая.

Неужели мой призыв носил в себе черное пророчество?

«Так-то рука в руку входили мы с тобою в жизнь, — писал я года три тому назад, — я дошел не до цели, а до того места, где дорога идет под гору, и невольно ищу твоей руки, чтоб вместе выйти, чтоб пожать ее и сказать, грустно улыбаясь: *Вот и все!*»*

Да я и готов бы был выйти, если б в дверях не стояли дети. Никого кругом — ни из ближних, ни из дальних, — все сами не сложились или сломались. Все в горячке — и я опять один защитник, один под бременем обещаний, кляत्व*.

... Первый раз после осени 1851* на меня повеяло чем-то домашним, я опять мог с полной теплотой и без утайки рассказывать то, о чем молчал годы*. Мы праздновали нашу встречу печально, но полно, с 9 апреля до 4 мая. Пора опять за работу. Трудно, прогулявши целую неделю, начинать в Фомин понедельник* будничную жизнь.

Небольшая черта в счете напомнила мне, что праздник прошел, и я снова тороплюсь в чистилище труда и работы.

Ровно месяц тому назад поздно вечером я сидел с двумя-тремя приятелями, пришедшими встретить мое рождение — начало сорок четвертого года *. Я случайно взглянул на руку и смешался — мое серебряное обручальное кольцо с надписью «Н. Г. 1838, мая 9», которое я ношу с того времени, сломилось. Я не мистик и не люблю мутить мысли предчувствиями, но на этот раз сломанное кольцо навело на меня раздумье *.

Не прошло еще месяца, и этот сорок четвертый год оказался одним из важнейших; в самом деле, это начало выхода — кольцо разнимается.

9 апреля мы вставали из-за завтрака, как вдруг Тата сказала: «Какая-то карета остановилась у нашей решетки, и с чемоданам⟨и⟩». Я уверен был, что это ошибка, потому что не ждал никого. Это был Ог⟨арев⟩ и Н⟨аталья⟩ Ал⟨ексеевна⟩, — но все поразительное, неожиданное этого свидания было покрыто двумя черными флерами — смерть Н⟨атали⟩, с одной стороны, с другой — страшно болезненное выражение лица О⟨гарева⟩. Первая мысль, после удивления, шума и нервного оглушения: «Он очень болен» — отравила радость. И вот в ту торжественную минуту, которой я только и ждал еще, о которой едва смел мечтать... точно что-то резнуло глубоко по сердцу, и, очутившись в первый раз спустя пять лет с другом, с которым привык к безграничному откровению, — я должен был сделать гигантское усилие, чтоб скрыть от него, ⟨что⟩ было внутри. Я не ошибся. Девиль на другой день подтвердил мне все мои опасения*.

PASSONS À LA PANHUMANITÉ

Au nom des quatre couleurs réunies, faisons savoir à qui de droit.

Vu l'universalité de la République terrestre nous ordonnons la destruction des derniers vestiges de la tyrannie.

Article 1. L'Equateur et le Méridien sont abolis. Greenwich déclaré observatoire affranchi; le panministre prendra des mesures nécessaires pour l'abattre.

Article 2. Tous ceux qui, fidèles au paganisme de la latitude et de la longitude, conserveront les distinctions anti-universelles, seront mis à la disposition de la société de tempérance et seront obligé d'écouter les «peace»-discours de la société de la paix chaque soir.

On attend les décrets suivants — abolition de la variété des couleurs des cheveux. Tous les pancitoyens ont adopté la couleur

rouge pour les cheveux¹. — Les véritables Cosmopatriotes (que l'on reconnaît d'après le degré plus ou moins intense d'haine pour sa nation) — portent un épiderme bigarré.

S'adresser — Panstreet, Cosmo-lane, chez le Camtchadal sans nom № 49 qui teint les cheveux et les peint.

<1853—1855>

ПЕРЕВОД

ПЕРЕЙДЕМ К ПАНЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

От имени объединенных четырех цветов доводим до сведения тех, кому это знать надлежит:

Принимая во внимание всемирность земной Республики, приказываем уничтожить последние следы тираний.

Статья 1. Экватор и меридиан упразднены. Гринвич объявлен свободной обсерваторией; панминистр примет необходимые меры к его разрушению.

Статья 2. Все лица, оставшиеся верными языческим взглядам на широту и долготу и продолжающие соблюдать анти-всемирные различия, будут передаваться в распоряжение общества трезвости и будут обязаны каждый вечер слушать «ре-се» — речи общества мира.

Ожидаются следующие декреты: упразднение различия в цвете волос — все панграждане приняли для волос красный цвет². Истинные космопатриоты (они узнаются по более или менее сильной степени ненависти к собственной нации) носят пеструю эпидерму.

Обращаться — Panstreet, Cosmo-lane³, у безымянного камчадала № 49, красящего и окрашивающего волосы.

<1853—1855>

<CHER PANCITOYEN!..>

Cher pancitoyen!

A bas la nationalité,

A bas les couleurs des cheveux, la couleur des yeux.

¹ Abolition des noms propres. Tout le monde portera le nom d'un journal de Jersey — *L'Homme*.

² Упразднение имен собственных. Все будут носить имя одной джерсейской газеты «L'Homme».

³ Пан-улица, Космопереулок (англ.). — *Ред.*

Point de différence, unité, uniformité; à bas le Sud et le Nord, à bas l'Ouest et l'Est.

Article 1. Vu l'universalité de la République terrestre nous ordonnons ce qui suit. L'équateur est aboli, le méridien est aboli, Greenwich déclaré observatoire affranchi.

Article *second*. Tous les marins et autres qui voudraient conserver le paganisme de l'Equateur, de la latitude et de la longitude, sont passibles à être mis aux dispositions de la société de tempérance et d'écouter les discours des peace-membres.

Salut et sorelité <?>.

Les cosmopatriotes commencent à porter des couleurs.

Vive l'unité, l'uniformité — et tous ceux qui ne mourront pas d'ennui dans cette panmonotonie.

La <vie> unie une fois introduite aux îles <de> Sandwich et à Kamchatka, on abaissera le cens électoral, en invitant, *primo*, les éléphants, *secondo* — les singes à user du droit du citoyen animal. Le droit de suffrage bestial leur sera garanti, ainsi que le droit à la rumination.

Et à bas la nation!

Cela sous <le> socialisme.

La panrépublique doit être insociable.

<1853—1855>

ПЕРЕВОД

<ДОРОГОЙ ПАНГРАЖДАНИН!>

Дорогой пангражданин!

Долой национальность.

Долой цвет волос, цвет глаз.

Никаких различий, единство, единообразие, долой юг и север, долой запад и восток.

Статья 1. Принимая во внимание всемирность земной Республики, приказываем нижеследующее: экватор упраздняется, меридиан упраздняется, Гринвич объявляется свободной обсерваторией.

Статья 2. Моряки и прочие лица, кои пожелали бы сохранить языческое верование в экватор, широту и долготу, подлежат передаче в распоряжение общества трезвости, и им вменяется в обязанность выслушивать речи членов общества мира.

Привет и сестринство <?>

Космопатриоты начинают носить пеструю окраску.

Да здравствует единство и единообразие и все те, кто не умрет от скуки посреди этой панмонотонности.

По установлении единообразной ж<изни> на Сандвичевых островах и на Камчатке, снизят избирательный ценз, предложив, во-первых, слонам, во-вторых, обезьянам воспользоваться правом гражданина животного. Звериное избирательное право, равно как и право на жевание жвачки, будет им обеспечено.

И долой нации!

Это при социализме.

Панреспублика не должна быть общежительной.

<1853—1855>

PREMIÈRE LETTRE

Cher ami,

Votre lettre ne m'a pas étonné — je vous y attendais — car j'ai passé moi-même par les mêmes épreuves. Vous vous trouvez comme dépaycé dans l'Occident, vous n'y trouvez ni les hommes, ni les choses, comme vous vous y attendiez. C'est très naturel, mais cela ne doit pas trop durer. Après avoir rendu à la passion ce qui est à la passion, rendons aussi sa part à la logique et à l'analyse.

Et d'abord, est-ce que l'Occident est responsable de ce qu'il ne correspond pas aux notions que nous nous faisons de lui; aussi peu que nous de les avoir — tout cela n'est pas arbitraire et tient à des causes générales.

Nous avons étudié l'Europe dans les livres, et pendant que nous *la* lisions, elle se métamorphosait, au moins quant à la croûte, et malheureusement nous ne voyons, nous ne connaissons que cette croûte, ce qui se passe dans les entrailles, dans les profondeurs de la vie populaire, nous l'ignorons, le peuple l'ignore aussi.

Les masses n'avaient pas été entraînées sérieusement dans le mouvement, elles s'agitaient comme le blé s'agite sous l'action du vent, fléchissant de côté et d'autre, mais n'abandonnant pas son sol.

Dans notre notion sur l'homme de l'Occident entrent des éléments parfaitement vrais — mais n'existant plus ou <qui> sont complètement altérés.

La fierté chevaleresque, la grâce aristocratique, la gravité austère du protestant, la sombre énergie des révolutionnaires, la vie somptueuse des artistes en Italie, la vie de méditation et d'idéalisme du poète — tout cela s'est fondu et a presque disparu en un ensemble d'autres mœurs... *de mœurs bourgeoises*.

Elles dominent le monde au point que la classe sénile de l'aristocratie et la classe des mineurs éternels, des travailleurs, qui entre en ses droits, se hâtent de les accepter. Nobles et prolétaires veulent être bourgeois par la manière de vivre.

Du point de vue de l'économie générale la transition de la société féodale à la société bourgeoise est un progrès incontestable. La lutte et le développement sont transplantés sur un sol réel, sur la terre; le monde des lunatiques et des visionnaires commence à se réveiller; une partie de l'humanité se dégrise, les choses se simplifient; l'aristocratie de la noblesse était dans l'imagination et dans le sang, l'aristocratie de la bourgeoisie <est> dans le coffre-fort.

Le mot de classe moyenne exprime avec une grande plasticité le sens intermédiaire de la bourgeoisie, non seulement qu'elle est entre l'aristocratie et le peuple, mais <qu>elle est entre le passé et l'avenir. Ne pensez pas que je veuille dire par cela qu'elle est *le présent* par excellence, tout au contraire, elle est ballotée entre un avenir qu'elle désire et qu'elle craint et un passé qu'elle déteste et ne peut quitter. Un pas en avant et elle rencontre au lieu de Luther — Müntzer, au lieu du libéralisme — le socialisme. Un pas en arrière et elle heurte la monarchie féodale qu'elle n'aime pas, et l'aristocratie nobiliaire qu'elle hait.

Dans un cas pareil il n'y a pas de solution active, il y a le juste milieu, neutralisation des opposés, pondération des pouvoirs, c'est-à-dire leur annihilation. La vocation active de la bourgeoisie était presque entièrement d'opposition — et c'est là qu'était sa force et sa beauté — qu'y a-t-il de plus beau que la bourgeoisie flamande du temps de la Réforme. Quant au principe positif créateur — il était bien pauvre. C'est pour cela aussi que son haleine était très courte. Le lutteur énergique devient de suite maître vulgaire.

Pendant la lutte le chapeau rond et l'habit noir de Franklin remplacent solennellement l'habit brodé et le chapeau avec le plumage; pendant la lutte le «Citoyen» était grand et beau sur la tribune, sur la place publique, le fusil à la main, la tête sous le couperet... et partant avec la «Marseillaise» en bouche.

Le vainqueur se réveille — Sancho Pansa couronné.

Non, non, vous n'êtes plus ma Lisette!
Vous en riche toilette!
Vous avec une aigrette!..

...La signification passée — ne donne en histoire aucun droit à l'héritage.

La noblesse, elle aussi, elle était très belle, elle était un progrès, pour son temps, et le Chevalier, le défenseur armé de l'in-

dépendance personnelle et de la dignité individuelle — était un digne successeur des citoyens *slaveholders* de Rome.

Le développement, comme la nature, ne savent pas ce que c'est <qu> une sinécure de reconnaissance; qu'y a-t-il de plus beau que les pétales d'une fleur; mais elles tombent et se dessèchent dès que le but est atteint.

Des grandes questions posées par la Révolution la bourgeoisie n'en a résolu pas une seule, elle les a simplifiées en éliminant l'élément aristocratique, elle les a mises en demeure, suspendues pour un temps — par des solutions qui n'étaient ni franches, ni vraies. «Laissez faire, laissez passer»... et avec cela toute la réglementation centralisatrice et monarchique. Le libéralisme bourgeois — ne représente que l'affranchissement du propriétaire, la démocratie — qu'un nivellement extérieur — elle reconnaît le droit à la propriété du prolétaire, sans lui donner les moyens, et proclame l'égalité des scélérats devant le tribunal, laissant les innocents s'arranger comme ils le désirent. Les deux négations — libéralisme et démocratie — ne sont jamais parvenues qu'à bâtir des baraques provisoires, faire un peu «d'ordre dans le désordre», comme l'a si naïvement dit un des représentants de la Démocratie bourgeoise — Caussidière.

Il fallait créer une nouvelle morale... Car la morale n'est rien autre, que la conscience historique du rapport *actuel*, existant, des hommes entre eux, reconnu, senti par eux dans un temps donné — c'est la définition temporaire de la communauté, de la sociabilité, c'est le lien tacite, le contrat sous-entendu entre les individus, qui par ses métamorphoses même s'éclaire de plus en plus et passe d'un sentiment vague, d'un instinct religieux à une connaissance raisonnée, de manière que le devoir se fait syllogisme, presque désir.

La bourgeoisie était éminemment stérile sous ce rapport. Elle mêla sa petite morale de ménage, de comptoir avec les vertus antiques rhétoriquement expliquées, avec les préceptes du christianisme, restauré par Luther et corrigé par l'Économie politique, Brutus et S. Paul, l'Évangile et Bentham, <le> livre de cuisine et l'*Emile* de J.-J. Rousseau.

Il était de toute impossibilité de prendre ce mélange pour base d'un contrat social nouveau — on se borna à rester dans un état transitoire. Mais les parvis d'une baraque provisoire n'avaient pas la force de tenir dans les limites raisonnables les contradictions, et toutes les absurdités les plus opposées levèrent leur tête et restèrent à côté des vérités. La liberté individuelle et la loi du dimanche peuvent servir de base.

La morale traditionnelle du vieux monde avait plus d'unité, plus de démençe logique. La nouvelle morale ne parvenant pas à se formuler, estropia tout, confondit tout — et prépara par là une issue.

Avec la Réforme, avec la Révolution tout change jusqu'à un certain point et s'arrête là. La courtoisie aristocratique est remplacée par une lourde pruderie, l'insolence des grands seigneurs — par la susceptibilité des parvenus, l'honneur chevaleresque — par l'honnêteté d'un teneur de livres. On fit des Palais — des hôtels ouverts pour tous — pour tous ceux, bien entendu, qui pouvaient payer. On fit des Parcs qui ne servaient que pour la promenade — des jardins potagers que tout le monde pouvait acheter, ayant de l'argent. La vie devint plus commode pour plusieurs, plus vulgaire pour tous et resta la même pour la grande majorité — pour les pauvres.

La grande question révolutionnaire devint aussi une question bourgeoise, l'éternelle lutte historique de l'avenir et du passé, de la liberté et de l'autorité, du conservatisme et du changement, trouva ses deux termes dans la classe dominante. Comme la lutte religieuse entre le catholicisme féodal des Papes et le catholicisme bourgeois des réformés ne sortait pas de l'enceinte de l'église chrétienne. D'un côté le propriétaire qui ne voulait rien lâcher de ce qu'il a<vait> accaparé *per fas et nefas*, de l'autre les démocrates qui veulent tout prendre au propriétaire, sans attaquer le droit de la propriété. D'un côté — *l'Avarice*, de l'autre — *l'Envie*.

Le côté de l'avarice est compact et a une grande unité, c'est une caste composée de commerçants, de fabricants, de maîtres, de producteurs, d'industriels, qui travaillent sérieusement pour s'enrichir, qui s'enrichissent sans savoir pourquoi. Les banquiers et les capitalistes forment leur aristocratie. C'est la bourgeoisie *proprie sic dictum*, elle gouverne — mais ne règne pas.

C'est l'autre parti, qui représente le mouvement et les deux courants, c'est le parti qui parle, qui écrit, qui enseigne et arrête la pensée, qui proclame les gouvernements et les mine — c'est la *capacité*, la force intellectuelle du siècle. Toute l'aristocratie de la civilisation y est — les littérateurs, les savants, les artistes, les hommes politiques, les journalistes, les avocats... et tous les *hors d'œuvre* d'un monde vieux, qui doivent disparaître ou se refondre à entrée du nouveau, comme ont disparu les piqueurs, les échansons, les fous de palais.

Ici pas d'unité compacte, au contraire deux camps — composés des mêmes individus; presque tous commencent par l'envie et finissent par l'avarice. Le sort de l'Europe est dans les mains de cette classe depuis Napoléon. D'un côté la jeunesse, les aspirants, les candidats, les talents non reconnus, les avocats sans procès... de l'autre — les hommes qui ont une position sociale, les talents reconnus, les députés élus, les avocats qui ont des procès et enfin tous les fainéants satisfaits. Parmi les révolutionnaires conservateurs et les conservateurs révolutionnaires on trouve une

dizaine d'apôtres, quelques enthousiastes sincères et le reste... et le reste — je tâcherai de vous le faire connaître.

Avez-vous lu ou non le roman d'*Horace*? G. Sand a tracé de main de maître le type de l'homme contemporain. C'est bien dommage que le grand artiste par un ménagement bienveillant — laisse à son héros une issue, un peu banale en vérité, mais conciliante, il devient avocat, et probablement très distingué, il pourrait pousser plus loin.

C'est une décoration vivante, tableau d'un côté — toile grossière et sale de l'autre, c'est un acteur éternel. Horace réclame un Horace idéal — et il le représente, il connaît toutes les passions — mais par l'esprit, dans le bonheur comme dans le malheur il ne cherche que le côté scénique, son épicurisme est de la seconde puissance — il aime à déguster, à savourer l'effet qu'il produit, il s'enivre des sympathies qu'il provoque, il cherche l'approbation — c'est son sérieux. Dans le cœur de cet homme vous ne prévoyez aucune limite qui l'arrêterait, vous savez de ces limites instinctives, qui s'annoncent avant que l'homme ait le temps de réfléchir; pour lui il n'y a qu'un frein — l'opinion publique. Laissez-le seul — il ne se lavera jamais. Avare de chaque petite jouissance pour lui-même — il ne se donne jamais (au reste, il n'a rien à donner); il fouille toujours occupé exclusivement de soi-même, avec naïveté les sentiments les plus intimes de ses proches, sans s'en apercevoir. Il a la concupiscence de tout — et <n'a> ni force, ni persistance pour atteindre. La grande chose c'est qu'il <lui est> impossible de sacrifier quelque chose. Pour se ménager d'un ridicule, il perdra une jeune fille, il trahira un ami. Par ce ridicule on peut le pousser jusqu'au départ pour l'Amérique ou un duel à 4 pas. Il est d'après ses opinions révolutionnaire, parle contre la bourgeoisie même... mais au fond il n'aspire qu'à l'aristocratie; aussi il perd chaque fois la tête lorsqu'on le laisse dans un salon frotté. Donnez-lui 25 m<ille> francs de rente et il ne vous recevra pas.

Horace est fautif de tous les malheurs qui tombèrent sur l'Europe depuis 1848. Il a commencé par se tromper qu'il était révolutionnaire, ensuite il trompa les masses en passant pour démocrate, il voulait le pouvoir — mais ne savait pas le retenir par ses mains débiles, il l'abandonna de suite après avoir tout embrouillé, en se vantant de n'avoir pas versé une goutte de sang sur l'échafaud — c'est à dire d'avoir manqué de foi et d'énergie — comme il les manquait en amour et en amitié — il est toujours d'un degré inférieur — lorsqu'il faut agir et d'un degré plus haut que les événements — lorsqu'il faut pérorer.

Voilà pourquoi Horace traîne dans le malheur tous les êtres vrais qui entrent en collision avec lui. Car ils sont constamment ses dupes. C'est un joueur qui n'a que de la fausse monnaie — peut-

être sans le savoir, — contre l'or pur par lequel vous lui payez. C'est un être artificiel, produit sur un sol d'alluvion aussi artificiel formé par la vie urbaine et bourgeoise. Horace est impossible comme ouvrier ou comme aristocrate. Prenez à côté de lui un être dépravé d'une autre époque — Faublas par exemple. Entre les deux il n'y a que 50 ans de différence — mais un monde entier les sépare.

A travers la grande corruption de Faublas perce un cœur noble, il y a plus d'étourderie, de légèreté en lui que de vices, et il jouit si naïvement de ses petites conquêtes et se répand si naïvement, qu'on voit clairement que si c'est trop tard de l'arrêter ... qu'on peut le laisser faire — viendra un temps où il se fatiguera et deviendra un homme, peut-être chemin faisant il perdra sa santé et sa fortune — mais du cœur il lui en restera. C'est pour cela qu'il vous vient quelquefois dans la tête de le menacer du doigt en souriant, tandis que vous voudriez écraser comme un crapaud ce Horace qui en comparaison avec Faublas est un moine, un homme sérieux, aux grandes idées, aux aspirations excentriques.

Le monde de Faublas attendait un coup de tonnerre — pour purifier cette atmosphère de volupté, de poudre et d'essence de boudoirs.

Le monde d'Horace a besoin d'un tremblement de terre.

Puisque nous sommes au roman, j'ajouterai encore un mot. Ce roman, sans contredit est beaucoup, plus *indécent* que les romans de Paul de Kock... Comment cela se fait qu'en lisant ces derniers vous sentez que la boue est plus profonde et plus sale?

C'est la différence du petit sujet un peu leste que traitaient les artistes du temps de Mignard, de Greuze, qu'on reproduisait en porcelaines de Sèvres... et de ces autres qu'on vend dans des passages écartés du Palais - Royal.

La cause générale est la même — et le niveau s'est baissé, parce que les goûts bourgeois ont pris le dessus. Entre Horace et Faublas, entre Louvet et Paul de Kock — passa la bourgeoisie — et forma deux générations.

Le niveau s'est baissé.

Le niveau est toujours en baisse — et c'est là que commence l'espérance.

Le Figaro de Beaumarchais et la Lisette de Béranger sont déjà des êtres idéaux comme Sainte Geneviève ou Bayard. Figaro, le barbier un peu filou, a été remplacé par Robert Macaire — qui vole, assassine, viole, fait des faux. Au lieu de Lisette vous avez Margot qui n'aime rien, ni «la fauvette, ni le chant de Roméo», mais qui *dit* qu'elle aime l'or... non seulement que cela n'est plus Lisette — et plus encore, ni une hétaire de Lucien, ni une courtisane de Florence, ni une femme galante du XVIII...

C'est une femme avec un N^o, patentée par la police — et garantie par la préfecture.

La femme de trente ans et de 1830, les femmes charmantes de Balzac — ont vieilli après 1850. Al<exandre> Dumas II ouvrit son S. Lazare littéraire — et voilà que les dames aux camélias et sans camélias les remplacèrent, — Madelaines — moins le repentir et la passion.

La littérature des *hommes* publics n'était pas meilleure. Il fut un temps où il ne suffisait pas d'avoir été simple espion pour s'en vanter, il fallait avoir été ou ministre comme Foucher ou préfet comme Vidocq et Gisquet.

Le niveau a baissé — et voilà les livres de De la Hodde, de Chénu, de Schnepf — qui forment une guirlande autour de l'autobiographie d'Arthur Gorgey.

A côté de ces existences héroïques la vie de Barnum pourrait être la biographie d'un S. Pierre ou S. Paul.

Ces faits qui nous servent de plomb pour mesurer la profondeur de l'abaissement moral, ne sont pas dangereux. Horace n'est pas un espion; écouter derrière une porte est l'occupation la moins dramatique, un mouchard ne produit aucun effet favorable, au contraire Horace est mécontent des entraves qu'on met à la presse et des espions; ils l'empêchent de se produire dans les cafés et d'étonner son monde par un geste généreux et une sentence hardie.

La crapule proprement dite est d'autant moins dangereuse pour nous — que nous y sommes nés. N'oubliez pas que la dame aux Perles est une Russe. Nos collisions et rencontres nous ne les faisons pas avec les galériens et les employés de la Préfecture, nous les faisons avec la phalange macédonienne de la Bourgeoisie — c'est là qu'Horace domine.

Nous nous en approchons avec une simplicité tellement Scythe qu'on la prend pour de l'hypocrisie; on cherche une duplicité lorsqu'il n'y a qu'adulation. Mais peu-à-peu nous distinguons avec horreur un fond de dissolution tel, que nous n'en avons jamais rêvé, au milieu de nos neiges.

Nous ne sommes en général pas moins corrompus qu'eux — mais ils sont beaucoup plus dissolus. Nous sommes plus coupables devant la police correctionnelle — eux plus coupables devant l'«Esprit Saint».

Rappelez-vous toute la ménagerie des héros de Gogol... Ce sont des joueurs, des ivrognes, des menteurs, des voraces, surtout <des> voleurs — leurs passions sont grossières, bestiales — et voilà tout; ce n'est que dans le *Propriétaire civilisé* de Tourguéneff que je reconnais la corruption gazée et astucieuse de l'Occident. Mais aussi c'est un produit funeste de la démoralisation d'un monde décrépît, greffé au tronc sauvage d'une vie inculte.

Il y a un milieu entier à Pétersbourg qui en fourmille, c'est cette bureaucratie d'origine métisse, produit d'un croisement impur d'aventuriers de toutes les nationalités, de générations entières qui s'abattirent sur la Russie du temps de Pierre I et de ses successeurs — êtres sans patrie, serviles et rongés par l'envie, l'amour propre et le scorbut. Mais le petit «San-Marino» de dépravation n'est pas du tout national.

Au contraire, la corruption générale chez nous a un caractère de violence, de vantardise, de prostitution éhontée, tumultueuse — et presque toujours accompagnée d'une grande ignorance.

Ce n'est pas le cas en Occident.

Non seulement on comprend tout ce qui agite l'âme de l'homme contemporain, mais on se fait ici l'organe du développement et de la propagation de toutes les grandes idées, sans que cela influe de quelque manière sur la conduite.

Et c'est nommément là que commence notre confusion. Leur langue est *la nôtre*, cela nous induit tout d'abord en erreur; chez nous c'est la langue d'une minorité persécutée, d'une franc-maçonnerie tacite, par elle nous nous reconnaissons. Cette langue oblige chez nous, et comme son usage n'est pas sans danger, — on ne la parle pas gratuitement.

Jusqu'à ce que vous preniez les hommes pour des livres ouverts, jusqu'à ce que vous restiez avec eux dans le rapport, dans lequel vous êtes avec un acteur pendant qu'il représente — tout ira bien, mais n'allez pas derrière les coulisses. Certainement il n'y a aucun *besoin* d'y aller. L'histoire sait extraire des essences aromatiques d'herbes qui sentent mal, vous n'avez pas besoin de regarder dans sa casserole, ni remuer ce foin infecte — on le jettera dehors, l'esprit aromatique seul restera.

Mais d'un autre côté cela ne suffit pas au cœur humain; nous cherchons une autre *communauté* avec les hommes, le lien purement théorique ne nous suffit pas comme les rapports exclusivement d'affaires. La solidarité, la sociabilité, l'attraction mutuelle, la bienveillance innée demandent plus — et leurs exigences, quoiqu'on en dise, ne sont pas moins fortes que les exigences de l'égoïsme.

Il y a quelque chose de tellement repoussant dans ce dualisme moral que, mille fois trompés, nous nous efforçons de ne plus y croire, de ne pas admettre que la conviction et la conduite ne coïncident pas — de là une source amère des collisions les plus horribles.

Une partie de cet étrange état moral dans le monde contemporain s'explique par la stérilité de la doctrine révolutionnaire, de laquelle nous avons parlé. C'était l'émancipation et non la liberté, le libéralisme apprenait avec le mépris de l'autorité, le moyen de se défaire de chaque collier, de chaque chaîne, laissant aux hommes s'arranger après comme ils le savent... Mais

les hommes ne savaient pas comment, car ils étaient des affranchis, et non des hommes libres.

Analysez la philosophie du libéralisme... c'est un règlement de guerre, c'est la doctrine de l'attaque et de la résistance, le pouvoir n'est pas la volonté active du peuple vers un ennemi. Après la victoire on n'avait rien à faire avec cette science militaire. Pendant la lutte, toute théorie qui l'aide est bonne; c'est le tambour battant pour ranimer et rallier, c'est la parole énergique qui enrôle les combattants; la conduite en temps de guerre est simple et temporaire, en partie elle se règle d'après l'ennemi, le reste consiste dans une organisation unitaire et artificielle. Le reste — le reste on le couvre d'un voile comme la Statue de la liberté à la Convention.

Lorsque le temps vint d'ouvrir la statue — on vit qu'elle n'était pas de marbre mais d'argile. Lorsqu'il fallait incarner dans une série de lois la splendide rhétorique de l'amour de l'humanité, de la fraternité du peuple, de la république, de la démocratie, de la souveraineté du peuple et de l'égalité absolue, — alors on parvint avec peine de voter la consti<tution> la plus piètre, la plus indigeste de toutes celles qui avaient existé, — la constitution de 1848.

Un seul principe a été proclamé — *le suffrage universel*. Voilà la source vivifiante et arithmétique du nouveau pacte social. L'application du suffrage universel aux questions les plus profondes, les plus fondamentales de la République — équivalait à une abdication, à un aveu qu'on marche à tâtons. Qui connaît une vérité, l'aime, l'estime et a foi en elle, ira-t-il dans la rue demander l'opinion du premier passant, voudra-t-il déterminer par l'addition et la soustraction le plus ou le moins de valeur de sa vérité?

Les masses qui ne comprenaient rien dans ce pot-pourri politique qu'on représentait à l'Hôtel de ville et dans l'Assemblée, comprirent par instinct le suffrage universel. La fente qui séparait de plus en plus le public des acteurs, s'élargissait, et lorsque pour la couvrir il ne suffisait plus ni du tapon oriental de l'éloquence de Lamartine, ni des cadavres des *frères* égorgés aux journées de Juin — alors du fond de la fente sortit Louis Bonaparte en se frottant ses yeux endormis. C'était tellement absurde — qu'il devait devenir l'homme de la position.

<1854—1855>

П Е Р Е В О Д

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Дорогой друг,

Ваше письмо не удивило меня — этого ожидал я от вас — ибо сам прошел через те же испытания. Вам как-то не по себе на Западе — ни люди, ни предметы не оправдывают здесь

ваших ожиданий. Это вполне естественно, но такое состояние не должно продолжаться слишком долго. Отдав должное страсти, отдадим также логике и анализу то, что принадлежит им.

И, прежде всего, разве Запад ответственен за то, что не сходится с нашими о нем представлениями? — Не более, чем мы ответственны за эти свои представления, — все это произвольно и вызывается общими причинами.

Мы изучали Европу по книгам, но пока мы ее читали, она преображалась, по крайней мере в своем верхнем слое, и, к несчастью, мы видим, мы знаем только этот верхний слой, а что происходит в недрах, в глубинах народной жизни — нам неизвестно, да и сам народ не знает этого.

Массы не были вовлечены по-настоящему в движение, они колыхались, как колышется нива от ветра, склоняясь то в одну, то в другую сторону, но не оставляя своей почвы.

В наше представление о западном человеке входят элементы совершенно верные — но или уже не существующие более, или совершенно изменившиеся.

Рыцарская гордость, аристократическое изящество, строгая чинность протестанта, мрачная энергия революционеров, роскошная жизнь художников в Италии, отданная размышлениям и идеализму жизнь поэта — все это переплавилось и почти исчезло в совокупности других нравов... *нравов буржуазных.*

Они господствуют над миром до такой степени, что и старческий класс аристократии и класс вечных рудокопов, рабочих, который входит в свои права, торопятся усвоить эти нравы. Дворяне и пролетарии хотят быть буржуа по образу жизни.

С точки зрения общей экономики переход феодального общества в общество буржуазное является неоспоримым прогрессом. Борьба и развитие перенесены на реальную почву, на землю; мир фантазеров и мечтателей начинает просыпаться; часть человечества отрезвляется, все упрощается; аристократизм дворян был в их воображении и в крови; аристократизм буржуазии — в денежном сундуке.

Слова «средний класс» выражают с большой пластичностью промежуточное значение буржуазии — не только то, что она занимает место между аристократией и народом, но и то, что она — между прошедшим и будущим. Не подумайте только, будто я хочу этим сказать, что она является по преимуществу *настоящим*; совсем напротив, она колеблется между будущим, которого она жаждет, но боится, и прошедшим, которое она ненавидит, но не в силах покинуть. Шаг вперед — и она встречает вместо Лютера — Мюнцера, вместо либерализма — социализм. Шаг назад — и она натывается на феодальную монархию, которую недолюбливает, и на дворянскую аристократию, которую ненавидит.

В подобных случаях нет действительного разрешения вопроса, есть золотая середина, нейтрализация противоположностей, уравновешивание сил, т. е. их уничтожение. Действенное призывание буржуазии состояло почти исключительно в оппозиции — и в этом-то и заключалась ее сила и ее красота — что может быть прекраснее фламандской буржуазии эпохи Реформации? Что же касается положительного творческого начала — им она была чрезвычайно бедна. Вот почему также ее дыхание было столь коротко. Энергичный борец становится вскоре заурядным хозяином.

Во время борьбы круглая шляпа и черный фрак Франклина торжественно заменяют вышитую одежду и шляпу с перьями; во время борьбы «Гражданин» был велик и прекрасен на трибуне, на площади, с ружьем в руке, с головой под ножом гильотины... и отправляясь с «Марсельезой» на устах.

Победитель пробуждается — коронованным Санчо-Панса.

Нет, нет, ты уж не моя Лизетта!

Ты в богатом наряде!

Ты носишь эгретку!..

...Былое значение не дает в истории никакого права на наследство.

Дворянство — и оно также было когда-то прекрасно, оно было прогрессом для своего времени, и Рыцарь, вооруженный защитник личной независимости и человеческого достоинства, был достойным преемником римских граждан — *slave-holders*¹.

Развитие, так же как и природа, не знает, что такое синекюра признательности; что может быть прекрасней лепестков цветка? — Но они опадают и увядают, едва лишь достигнута цель.

Из великих вопросов, поставленных Революцией, буржуазия не разрешила ни одного, она упростила их, изъяв из них аристократический элемент, отсрочив, отложив их на время при помощи решений, не отличавшихся ни искренностью, ни правильностью. «*Laissez faire, laissez passer*»...* и наряду с этим всякого рода регламентация — централизаторская и монархическая. Буржуазный либерализм представляет собой лишь освобождение собственника, демократия — лишь внешнее уравнивание: она признает право пролетариата на собственность, не давая ему средств, и провозглашает равенство преступников перед судом, предоставляя невинным устраиваться как им угодно. Этим двум друг друга отрицающим началам — либерализму и демократии — никогда ничто не удавалось, кроме сооружения временных балаганов и наведения некоторого «порядка в

¹ рабовладельцев (англ.). — *Ред.*

беспорядке», как столь наивно выразился один из представителей буржуазной демократии — Косидьер.

Надлежало создать новую нравственность... Ибо нравственность есть не что иное, как историческое сознание *нынешних*, существующих взаимоотношений людей, признанное, прочувствованное ими в данный период, — это временное определение единства, общности; это молчаливая связь, подразумеваемый договор между личностями, самые изменения которого более и более способствуют его прояснению и переходу из смутного чувства, из религиозного инстинкта в обоснованное доводами знание, таким образом, что долг становится умозаключением, почти желанием.

Буржуазия была крайне бесплодна в этом отношении. Она смешала свою мелкую домашнюю, конторскую мораль с античными, риторически истолкованными добродетелями, с заповедями христианства, подновленного Лютером и исправленного политической экономией, Брута — со св. Павлом, евангелие — с Бенетом, поваренную книгу — с «Эмилем» Ж.-Ж. Руссо.

Не было никакой возможности принять эту смесь за основу для нового общественного договора — и тогда ограничились тем, что остались в переходном состоянии. Но ограда временного балагана не в состоянии была удержать противоречия в разумных границах, и все самые противоположные нелепости подняли голову и сохранились наряду с истинами. Личная свобода и воскресный закон могут служить этому подтверждением.

Традиционная мораль старого мира обладала большим единством и была логичнее в своем скудоумии. Новая мораль, не сумев определить себя, все искалечила, все спутала — и подготовила этим исход.

С Реформацией, с Революцией все меняется до определенных пределов и на этом останавливается. Аристократическая учтивость заменена тяжеловесной чинностью, заносчивость вельмож — обидчивостью выскочек, рыцарская честь — бухгалтерской честностью. Дворцы были превращены в гостиницы, открытые для всех, — для всех тех, разумеется, кто в состоянии был платить. Парки, служившие только для прогулок, превращены были в огороды, которые могли быть куплены каждым, имевшим деньги. Жизнь стала более удобной для некоторых, более пошлой для всех и осталась неизменной для громадного большинства — для бедняков.

Великий революционный вопрос стал также вопросом буржуазным; извечная историческая борьба грядущего с прошедшим, свободы с насилием, косности с переменами нашла обе свои границы внутри господствующего класса, подобно тому как религиозная борьба между феодальным католицизмом пап и буржуазным католицизмом реформатов не выходила за преде-

лы христианской церкви. С одной стороны — собственник, не желавший ничего уступать из того, что он захватил, *per fas et nefas*¹, с другой — демократы, которые желают все отобрать у собственника, не посягая на право собственности. С одной стороны — *Скупость*, с другой — *Зависть*.

Скупцы образуют сплоченное целое, обладающее большим единством; это каста, состоящая из торговцев, фабрикантов, хозяев, производителей товаров, промышленников, которые работают сосредоточенно, чтобы разбогатеть, и богатеют, сами не зная зачем. Банкиры и капиталисты образуют их аристократию. Это буржуазия *proprie sic dictum*², она управляет — но не царствует.

Представителем движения и обоих течений является другая сторона, сторона говорящая, пишущая, обучающая и пресекающая мысль, провозглашающая правительства и подрывающая их — это *дарование*, умственная сила века. В нее входит вся аристократия цивилизованного мира — писатели, ученые, художники, политические деятели, журналисты, адвокаты... и весь *мелкий сброд* старого мира, который должен исчезнуть или переплавиться при явлении нового мира, как исчезли псары, виночершии, дворцовые шуты.

Здесь нет сплоченного единства, наоборот — два лагеря, состоящие из одинаковых личностей; почти все они начинают с зависти и кончают скупостью. Судьба Европы находится в руках этого класса со времен Наполеона. С одной стороны — молодежь, соискатели должностей, кандидаты, непризнанные таланты, адвокаты без процессов... с другой — люди, имеющие положение в обществе, признанные таланты, выбранные депутаты, адвокаты, имеющие процессы, и, наконец, все благоденствующие тунеядцы. Среди консервативных революционеров и революционных консерваторов находится с десяток апостолов, несколько искренних энтузиастов.... а остальные... остальных я попытаюсь помочь вам узнать.

Читали ли вы роман «Орас»? Ж. Санд рукой мастера изобразила тип современного человека. Очень жаль, что великий художник с благожелательной заботливостью оставляет своему герою, по правде говоря, несколько банальный, но примиряющий выход, он становится адвокатом и, вероятно, весьма видным, — он мог бы продвинуться гораздо далее.

Это живая декорация, живопись на лицевой стороне, грубое и грязное полотно — на другой, это вечный актер. У реального Ораса есть идеальный Орас, которого он и изображает; ему знакомы все страсти — но только умозрительно, —

¹ правдой и неправдой (лат.). — *Ред.*

² в буквальном смысле слова (лат.). — *Ред.*

в счастье, как и в беде, он отыскивает одну сценическую сторону; его эпикуреизм возведен в квадрат — он любит дегустировать, смаковать производимый им эффект; он упивается симпатией, которую искусственно вызывает; он ищет одобрения — вот основное в его жизни. В сердце этого человека вы не увидите никакого предела, который бы его остановил, — вы понимаете, я имею в виду, те инстинктивные пределы, которые дают о себе знать прежде, чем человек успеет размыслить; для него существует только одна узда — общественное мнение. Оставьте его одного — он совсем не станет умываться. Алчный ко всякому ничтожному удовольствию для себя, он сам никогда не отдается (впрочем, ему нечего давать); всегда занятый исключительно самим собою, он сам того не замечая, с наивностью копается в самых сокровенных чувствах своих ближних. Он питает ко всему вожделение и не имеет ни силы, ни настойчивости для достижения. Самое главное в том, что он не в состоянии пожертвовать чем-либо. Чтобы выправиться из смешного положения, он опозорит девушку, он предаст друга. Играя на его боязни сделаться смешным, можно толкнуть его на отъезд в Америку или дуэль на четыре шага. По своим мнениям — он революционер, он даже высказывается против буржуазии... но в глубине души он стремится только к аристократии; так каждый раз, когда его пускают в роскошную гостиную, он теряет голову. Дайте ему 25 т(ысяч) франков дохода, и он не примет вас.

Орас — виновник всех бедствий, обрушившихся на Европу с 1848 года. Начал он с самообмана, возмнив себя революционером, затем он обманул массы, выдавая себя за демократа, — он желал власти — но не сумел удержать ее в своих немощных руках; затем, всех запутав, он покинул эту власть, хвалясь тем, что не пролил ни капли крови на эшафоте, т. е. тем, что у него не хватило ни веры, ни энергии, как их не хватало у него в любви и в дружбе — он всегда ступенью ниже, когда нужно действовать, и ступенью выше событий, когда должно разглагольствовать.

Вот почему Орас приносит несчастье всем тем *настоящим* людям, которые сталкиваются с ним. Ибо они постоянно бывают одурачены им. Это игрок, который, быть может, сам того не зная, играет только на фальшивые деньги, взамен чистого золота, которым вы с ним расплачиваетесь. Это существо искусственное, возникшее на наносной почве, такой же искусственной, созданной городской и мещанской жизнью. Орас немислим ни как рабочий, ни как аристократ. Поставьте рядом с ним развращенного человека другой эпохи — Фоблаза, например. Между ними всего только 50 лет разницы, но целый мир разделяет их.

Из-за глубокой испорченности Фоблаза проглядывает благородное сердце; в нем больше ветрености, легкомыслия, чем пороков, и он так наивно радуется своим маленьким победам и так наивно распространяется о них, что ясно видишь: если уже поздно его останавливать... можно дать ему волю — придет время, когда он утомится и станет человеком; возможно, что по дороге он потеряет свое здоровье, состояние — но сердце в нем останется. Именно поэтому вам иногда приходит в голову погрозить ему с улыбкой пальцем, в то время как вам хотелось бы раздавить, как жабу, этого Ораса, который, по сравнению с Фоблазом, — монах, человек серьезный, с великими идеями, с необычными стремлениями.

Мир Фоблаза ожидал громового удара, чтоб очистить эту атмосферу сладострастия, пудры и будуарных благоуханий.

Мир Ораса нуждается в землетрясении.

Поскольку речь идет о романе, я прибавлю еще одно слово. Этот роман, несомненно, гораздо более *неприличен*, чем романы Поль-де-Кока... Почему же, когда вы читаете романы Поль-де-Кока, вы чувствуете, что грязь и глубже и гаже?

Это разница между легким и несколько вольным сюжетом, обработанным художниками времен Миньяра, Греза и воспроизводившимся на севрском фарфоре... и теми, что продаются в отдаленных пассажах Пале-Рояля.

Основная причина — та же, и уровень понизился, потому что буржуазные вкусы взяли верх. Между Орасом и Фоблазом, между Луве и Поль-де-Коком прошла буржуазия — и образовала два поколения.

Уровень понизился.

Уровень продолжает понижаться, и вот здесь-то рождается надежда.

Фигаро Бомарше и Лизетта Беранже теперь стали такими же идеальными существами, как святая Женевьева или Баярд. Плутуватый цирюльник Фигаро сменился Робером Макером, который крадет, убивает, насилует, делает фальшивые векселя. Вместо Лизетты появилась Марго, которая ровно ничего не любит — «ни малиновки, ни песни Ромео», но которая *говорит*, что любит золото... Это не только больше не Лизетта, но более того — не гетера Лукиана, не флорентинская куртизанка, не прелестница XVIII века... Это женщина за номером, патентованная полицией — и гарантированная префектурой.

Тридцатилетняя женщина и женщина 1830 года, очаровательные женщины Бальзака постарели после 1850 года. Ал(ександр) Дюма II открыл свой литературный Сен-Лазар, и вот дамы с камелиями и без камелий заменили их — Магдалины без раскаяния и страсти.

Литература публичных *мужчин* была не лучше. Было время, когда казалось недостаточным быть в прошлом просто шпионом, чтоб этим бахвалиться; надо было быть либо министром, подобно Фуше, либо префектом, как Видок и Жиске.

Уровень понизился — и вот появились книги Делагода, Шеню, Шнепфа, — образующие гирлянду вокруг автобиографии Артура Гергея.

Рядом с этими героическими существованиями жизнь Барнума могла бы казаться биографией св. Петра или св. Павла.

Эти факты, служащие нам лотом для измерения глубины морального упадка, не опасны. Орас — не шпион; подслушивать за дверью — занятие, наименее драматичное; шпик совсем не производит благоприятного впечатления; наоборот, Орас недоволен путами, налагаемыми на прессу, и шпионами: они мешают ему распространяться в кафе и удивлять свой мирок великодушным жестом и смелой фразой.

Беспутство, в буквальном смысле слова, тем менее опасно для нас, что мы в нем рождены. Не забудьте, что дама с жемчугом — русская. Не с каторжниками и чиновниками префектуры происходят наши столкновения и стычки, а с македонской фалангой буржуазии — и именно там господствует Орас.

Мы приближаемся к ним с такой скифской простотой, что ее принимают за лицемерие; в этом ищут двуличия, тогда как здесь лишь заискивание. Но мало-помалу мы с отвращением замечаем такую глубину разложения, которая никогда не снилась нам среди наших снегов.

Вообще говоря, мы не менее развращены, чем они, — но они гораздо более растленны. Мы более виновны в глазах исправительной полиции, они — перед «Святым духом».

Вспомните-ка весь зверинец гоголевских героев... Это игроки, пьяницы, лгуны, обжоры, особенно воры — их страсти грубы, животны — вот и всё; лишь в «Цивилизованном помещике» Тургенева* я узнаю завуалированный и лукавый разврат Запада. Но и это — гибельный плод разложения дряхлого мира, привитый к дикому стволу не тронутый просвещением жизни. Есть в Петербурге особая среда, где кишит подобный разврат. Это та бюрократия смешанной крови, плод нечистого скрещивания авантюристов всех наций, целые поколения которых бросились в Россию еще во времена Петра I и его преемников, — существа без родины, раболовные и терзаемые завистью, самолюбием и цингой. Но маленькое «Сан-Марино» развращенности не имеет в себе ничего национального.

Напротив, общая испорченность у нас имеет характер буйства, похвальбы, распутства, бесстыдного, шумного — и почти всегда сопровождаемого глубоким невежеством.

Совсем не то на Западе.

Здесь не только понимают всё, что волнует душу современного человека, но и становятся глашатаями развития и пропаганды всех великих идей, без того, впрочем, чтобы это как-либо влияло на поведение.

И именно тут-то и начинается наш смущение. Их язык — это *наш язык*, что с самого начала вводит нас в ошибку; у нас это язык преследуемого меньшинства, молчаливого масонства, по нему узнавали мы друг друга. Этот язык у нас обязывает, и поскольку пользоваться им небезопасно — на нем попусту не говорят.

До тех пор пока вы будете принимать людей за открытые книги, пока вы будете оставаться с ними в тех же отношениях, в каких вы бываете с актером в то время, когда он играет, — все будет идти хорошо, но не отправляйтесь за кулисы. Конечно, нет никакой *необходимости* идти туда. История умеет извлекать ароматические вещества из дурно пахнущих трав; вам не зачем ни заглядывать в ее кастрюлю, ни шевелить это гнилое сено — его выкинут, и останется только аромат.

Но, с другой стороны, этого недостаточно для человеческого сердца; мы ищем другой *общности* с людьми; связи чисто теоретической нам недостаточно, так же как исключительно деловых отношений. Солидарность, общительность, взаимная склонность, врожденная доброжелательность требуют большего — и их требования, что бы там ни говорили, не менее сильны, чем требования эгоизма.

В этом моральном дуализме есть нечто столь отталкивающее, что, будучи тысячи раз обманутыми, мы пытаемся в него более не верить, не допускать, что убеждение и поведение не совпадают, — и в этом горький источник для самых ужасных коллизий.

Частично это странное моральное состояние современного мира объясняется бесплодностью революционного учения, о которой мы уже говорили. Это было освобождение, но не свобода; либерализм вместе с презрением к власти обучал и способам избавления от всякого ошейника, от всякой цепи, предоставляя затем людям устраиваться как хотят... Но люди не знали, что делать, ибо они были вольноотпущенниками, а не свободными людьми.

Проанализируйте философию либерализма... это военный устав, это система нападения и защиты; власть не есть деятельная воля народа, направленная против врага. После победы нечего было делать с этой военной наукой. Во время борьбы всякая теория, которая ей помогает, хороша; это барабанный бой для поднятия духа и сплочения; это энергичное слово, которое вербует бойцов; поведение во время войны несложно и кратко-временно; частично оно определяется поведением врага; все прочее заключается в единой и искусной организации. Что же

до остального — остальное покрывают чехлом, как статую свободы в Конвенте.

Когда пришло время открыть статую, увидели, что она не из мрамора, а из глины. Когда потребовалось воплотить в ряд законов великолепную риторику любви к человечеству, братства народа, республики, демократии, народовластия и полного равенства, — тогда с трудом приняли самую жалкую конституцию, самую неудобоваримую из всех, когда-либо существовавших, конституцию 1848 года.

Один лишь принцип был провозглашен — *всеобщая подача голосов*. Вот животворный и арифметический источник нового общественного договора. Применение всеобщей подачи голоса к наиболее глубоким, наиболее важным вопросам Республики было равнозначно отречению, признанию, что блуждают ошупью. Кто знает какую-либо истину, любит ее, уважает и верит в нее — пойдет ли он на улицу спрашивать мнения встречного-поперечного, захочет ли он определить при помощи сложения и вычитания большее или меньшее значение этой своей истины?

Массы, ничего не понимавшие в той политической неразберихе, которая происходила в Ратуше и Законодательном собрании, инстинктивно поняли, что такое всеобщая подача голосов. Щель, все более и более отделявшая публику от актеров, расширялась, и когда для того, чтоб ее закрыть, уже не хватало ни восточного ковра ламартиновского красноречия, ни трупов *братъев*, умерщвленных в Июньские дни, — тогда из глубины этой щели вышел Луи Бонапарт, протирая заспанные глаза. Все это было так нелепо, что он должен был стать хозяином положения.

<1854—1855>

РОССИЯ, БРАННАЯ ЦАРИЦА

L'Europe germanique — avec sa liberté individuelle en Angleterre et théorique en Allemagne, l'Europe latine — avec son égalité civile en France — reculèrent devant les conséquences de leur propre pensée. Le développement naturel dévié de sa route ne s'arrêta point; la plasticité créatrice était trop pressante, mais elle devint tronquée, monstrueuse, et au lieu d'aboutir à la fraternité, elle versa le monde dans la bourgeoisie.

Aucune orthopédie n'a réussi, même le changement d'air. Une partie des souffrants est allée de l'autre côté de l'Océan, pour montrer au monde un spectacle étonnant d'une bourgeoisie qui n'a rien au-dessous d'elle (au moins rien de la même couleur) — mais qui reste bourgeoisie.

En même temps au seuil de l'Europe apparaît de plus en plus un témoin inconnu, un troisième lutteur — avec d'autres traditions, avec un autre passé. Peuple de paysans et de soldats, d'ascétisme militaire et de communisme rural — qui n'a pas de bourgeoisie agraire, qui est esclave et serf en partie et qui récom<...>¹ et depuis les temps les plus reculés l'égalité des droits des hommes et de <...>¹

Mais sont-ce des faits?.. ou des illusions, d<es para>doxes? <...>¹ Pour le savoir il faut connaître le passé<?>. La question est assez grave pour <être> étudiée. L'étude est très facile, très main<...>¹ L'absolutisme a réduit les fractions au m<...>¹ dénominateur. L'égalité d'un esclavage met sur le même pied la France, l'Allemagne et la Russie. — C'est intéressant de <...>¹ de troisième cam <...>¹

7 mars. Londres

П Е Р Е В О Д

РОССИЯ, БРАННАЯ ЦАРИЦА *

Европа германская, со своей личной свободой в Англии и теоретической в Германии, Европа латинская — со своим гражданским равенством во Франции — отступили перед последствиями собственной мысли. Естественное развитие, сбившаяся со своего пути, совсем не остановилось; творческий пластицизм был слишком могуч, но он исказился, обезобразился и, вместо того чтобы завершиться братством, привел мир к буржуазии.

Ни одна ортопедическая операция не удалась, даже перемена воздуха. Часть страдальцев отправилась на другую сторону Атлантического океана, чтобы явить миру удивительное зрелище буржуазии, которая никого ниже себя не имеет (по крайней мере того же цвета кожи), но которая остается буржуазией.

В то же время на пороге Европы все чаще и чаще появляется незнакомый свидетель, третий борец — с иными традициями, с иным прошедшим. Народ крестьян и солдат, военного аскетизма и сельского коммунизма, у которого нет землевладельческой буржуазии, полураб-полукрепостной и который <...>¹ и с самых отдаленных времен равенство прав человека и <...>¹

¹ Рукопись повреждена. — Ред.

Но факты ли это ?.. или же иллюзии, <парадоксы? <...>¹
Чтоб узнать это — надобно познакомиться с прош<лым>¹.
Вопрос этот достаточно важен, чтобы <подлежать> изучению.
Изучить его очень легко, очень <...>¹ Самодержавие свело
дробление к <...>¹ знаменателя. Равенство в рабстве ставит
на одну ногу Францию, Германию и Россию. — Интересно,
что <...>¹ третий <...>¹

7 марта. Лондон.
<Середина 1850-х годов>

¹ Рукопись повреждена. — *Ред.*

D U B I A

LES PÂQUES RUSSES

Le rescrit de l'empereur Nicolas au général Osten Sacken, gouverneur d'Odessa, et les articles du *Journal de St.-Pétersbourg* racontent avec une hypocrite indignation, que le bombardement d'Odessa a eu lieu *le Samedi Saint*. (D'après le calendrier erroné, conservé par l'église grecque, malgré les rectifications des astronomes du XVIe siècle).

A cet endroit *l'Homme* pourrait citer :

1. Le 16 avril 1831 — jour de *Samedi Saint*, selon le calendrier russe, où les troupes de Nicolas entrèrent à *Oszmiana* et en massacrèrent les habitants.

2. Le lendemain, le 17 avril, *premier jour de Pâques*, le général Kreutz fort de 22 000 hommes et de plus de 40 canons, enveloppa 5000 Polonais à peine armés, commandés par le général Sierawski, et les extermina complètement.— *Le lundi de Pâques*, 18 avril, continuant la célébration de la résurrection de Jésus-Christ, les soldats russes forcèrent la ville de Kazimierz et jetèrent dans la Vistule les insurgés en retraite.

3. Pour prouver quelle façon de célébrer les Pâques ont messieurs les princes de la maison germano - orthodoxe de Gottorp, il suffira de rappeler que l'impératrice Catherine II ordonna au général Igelström de préparer un massacre à Varsovie, pour le 4 avril 1794, *Samedi Saint*, lorsque le peuple s'assemblait dans les églises (tout-à-fait comme le dit le czar à propos d'Odessa); heureusement ce projet fut déjoué et les Polonais s'insurgèrent le vendredi et chassèrent Igelström.

Et maintenant le czar se récrie contre les obus sacrilèges lancés *le Samedi Saint* de son calendrier, par des amiraux, d'ailleurs très dévots, trop dévots selon nous; mais en tous cas, trop savants en astronomie, pour transposer l'équinoxe et observer les Pâques au gré de l'ignorant fanatisme de S. M. et en dépit de la science et des lois du mécanisme céleste!

<1854>

РУССКАЯ ПАСХА

Рескрипт императора Николая на имя одесского губернатора, генерала Остен-Сакена, и статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях»* с лицемерным негодованием рассказывают о бомбардировке Одессы, производившейся в *страстную субботу* (по неправильному календарю, которого придерживается греческая церковь, невзирая на исправления, внесенные астрономами XVI века).

В связи с этим «L'Homme» мог бы напомнить:

1. 16 апреля 1831 г. — по русскому календарю приходившееся на *страстную субботу*, когда войска Николая заняли Ошмяны* и учинили там резню жителей.

2. Назавтра, 17 апреля, в *первый день пасхи*, генерал Крейц*, имея в своем распоряжении 22 000 человек и свыше 40 пушек, окружил 5000 едва вооруженных поляков, находившихся под командованием генерала Серовского, и полностью их уничтожил. — В *понедельник на Святой неделе*, 18 апреля, продолжая торжественно отмечать воскресение Христова, русские солдаты с боем овладели городом Казимержем* и сбросили в Вислу отступавших повстанцев.

3. Дабы убедиться, какую манеру праздновать пасху усвоили себе господа государи германо-православного Готторпского дома, надо только вспомнить, что императрица Екатерина II приказала генералу Игельstromу устроить резню в Варшаве 4 апреля 1794 г.* в *страстную субботу*, когда народ соберется в церквях (в точности так, как об этом говорит царь по поводу Одессы); к счастью, план этот был сорван: поляки подняли восстание в пятницу и прогнали Игельstromа.

А теперь царь возмущается святотатственными снарядами, пущенными в *страстную субботу* его календаря адмиралами, весьма, впрочем, благочестивыми, а на наш взгляд даже не в меру благочестивыми, и уж во всяком случае достаточно сведущими в астрономии, чтобы перенести день равноденствия и соблюсти пасху в срок, угодный невежественному фанатизму е. в. и наперекор науке и законам небесной механики!

<1854>

ВАРИАНТЫ

П Р И Н Я Т Ы Е С О К Р А Щ Е Н И Я

В разделах «Варианты» и «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:

1. А р х и в о х р а н и л и щ а

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Ленинград.

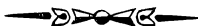
БАН

2. П е ч а т н ы е и с т о ч н и к и

ПЗ — альманах «Полярная звезда».

ЛН — сборники «Литературное наследство».

Л (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. П., 1919—1925, тт. I—XXII.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1852—1857 ГОДОВ

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЛОНДОНЕ. БРАТЬЯМ НА РУС

ВАРИАНТЫ ОТДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ 1853 г.

Стр. 64

⁴⁻⁵ К словам: печатание русских книг — подстрочное примечание: Изданные мною на немецком языке книги «Vom ande-rem Ufer» и «Briefe aus Italien» писаны по-русски. С них я начну печатать, присовокупивши ряд статей, написанных после и ненапечатанных, как, например, первую часть романа «Долг прежде всего» и др.

²³ Вместо: в плену // в полону

ЮРЬЕВ ДЕНЬ! ЮРЬЕВ ДЕНЬ!

Русскому дворянству

ВАРИАНТЫ ОТДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ 1853 г.

Стр. 83

²⁵ Вместо: не имеет права ни на образование, ни на развитие // не имеет права ни на развитие, ни на образование

Стр. 84

¹⁷⁻¹⁸ Вместо: которую предупредить не умели или не хотели // которую предупредить не хотели или не умели

Стр. 86

В конце листовки: Лондон. Вольная русская книгопечатальня при Польском демократическом товариществе.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ВАРИАНТЫ ИЗДАНИЙ 1853 и 1857 гг.

Стр. 98

²⁻³ Вместо: в Калабрии, Шотландии — в изд. 1853 г.: в Калабрии, в Испании, в горах Шотландии; в изд. 1857 г.: в Калабрии, в некоторых частях Испании, в горах Шотландии

Стр. 99

⁵ Вместо: руки за поясом — в изд. 1853 г.: руки на поясе

Стр. 100

³⁶ Слова: по крепостными они не были — в изд. 1853 г. отсутствуют.

- ³⁸ *Вместо:* условий не могло быть — в изд. 1853 и 1857 гг.: условий не было
- Стр. 101
- ²⁸⁻²⁹ *После:* ландфискалов — в изд. 1853 г.: — и не знаю, какие еще шведские и немецкие чины были тогда в ходу —
- Стр. 109
- ¹³ *После:* в повиновении — в изд. 1853 г.: законам, лишающим их куска хлеба
- ³⁰ *Вместо:* удержал общину — в изд. 1853 г.: спас общину
- ³⁰⁻³¹ *Вместо:* спасет народ — в изд. 1853 г.: спасла народ
- Стр. 111
- ¹⁵ *Вместо:* более — в изд. 1853 и 1857 гг.: более и более
- Стр. 114
- ³⁶ *Вместо:* императорская, дворянская — в изд. 1853 и 1857 гг.: императорская, петербургская, дворянская
- Стр. 117
- ¹¹ *Вместо:* к графу-фавориту — в изд. 1853 г.: к графу в случае

LA RUSSIE ET LE VIEUX MONDE

(Старый мир и Россия)

ВАРИАНТЫ „THE ENGLISH REPUBLIK“

- Стр. 136
- ³¹ *После:* ni avec l'Asie <ни Азии> // Europe becomes Catholic. the East Islamite, the Slavonian world becomes Greek <Европа становится католической, Восток — мусульманским, славянский мир — православным>.
- Стр. 144
- ³⁸ *После:* élan des peuples <народное воодушевление> // as the Ambassadors do in Turkey <как поступают посланники в Турции>.
- Стр. 145
- ¹³ *После:* l'un l'autre <друг друга> // England mistrusts the December adventurer — and, by God, she is in the right. France by tradition is doubtful of perfidious Albain. Prussia's head is so turned that it makes common cause with its most furious enemies; and Austria alone remain unshakenly faithful to her system of treason against all human rights in favour of dynastic interests. <Англия не доверяет декабрьскому авантюристу, и, клянусь богом, она права. Франция по традиции относится подозрительно к коварному Альбиону. У Пруссии так закружилась голова, что она действует заодно со своими злейшими врагами; и одна только Австрия непоколебимо верна своей системе предательства всех человеческих прав ради династических интересов>.
- ¹⁷ *Вместо:* premiers ministres, des frères de roi — (первые министры, королевские братья) // prime ministres, queens'husbands, kings'-brothers <премьер-министры, супруги королей, братья королей>
- Стр. 149
- ¹¹ *После:* moderne <нового времени> // The French army, with its ally Nicholas, will throw itself upon England, and to the cry of «Long live the united emperors» they will enter London. And when one thinks that it is yet in the power of England not only to save Europe from the ignominy of being trampled before its death by the jack-boots of Nicholas and the ignoble heels of Bonaparte, but also to save herself from invasion, and that she does not do it,—one's hands fall powerless. Understand, England can not save Europe from the

social transformation. She will be drawn into it herself. Chartism and strikes will not pass away without their trace. But she has the power for some days yet perhaps—to impress a new character on the catastrophe. To do that she must frankly take side with the Peoples. And so doing England can only be a gainer. <Французская армия со своим соратником Николаем ринется на Англию и с криком «Да здравствуют императоры - союзники!» вступит в Лондон. Как подумаешь, что во власти Англии еще не только спасти Европу от позора быть перед смертью растоптанной ботфортами Николая и гнусными каблуками Бонапарта, но и спасти себя от вторжения, и что Англия этого не делает,—руки беспомощно опускаются. Разумеется, Англия не может спасти Европу от социальных преобразований. Она сама будет в них вовлечена. Чартизм и стачки не пройдут бесследно. Но в ее власти,—быть может, лишь на короткий срок,—придать иной характер катастрофе. Для этого она должна открыто стать на сторону пародов. Поступив таким образом, Англия может только остаться в выигрыше.>

- 23 *После: Comment les sauver? <Как их спасти?>* // At least let the refugees of all nations hasten to embark for America, bearing there their golden fleece. before the chasseur of Vincennes and the Cossak of the Oural arrive in the City; let then carry as quickly as possible to that free and virgin soil, greedy for culture, their powers, their thoughts, their talent, their unfinished works. It is there the wonders of industry will be achieved and the great questions we have proposed be solved. <Пусть по крайней мере изгнанники всех национальностей спешат ехать в Америку, унося туда свое золотое руно,—пока еще в Сити не вступили венсенские стрелки и уральские казаки. Пусть, как можно скорее, перенесут они на эту свободную и девственную землю, жаждущую культуры, свои силы, свои мысли, свой талант, свои несовершенные труды. Там свершатся чудеса промышленности и разрешатся великие вопросы, поставленные нами. Да, пусть они спешат, потому что Англия не может защищаться против нашествия варваров.>

Стр. 152

86-87 *В фразе: La noblesse avec le gouvernement forme l'état Européen dans l'état Slave <Дворянство вместе с правительством образуют европейское государство в славянском>* // *имеется примечание Герцена: It is not all Germanised. It is rather Frenchified. And if the government likes the Germans, the nobility detests them. <Не все дворянство онемечено. Скорее оно офранцужено. И если правительство любит немцев, то дворянство их ненавидит.>*

Стр. 153

¹ *Вместо: de 93 <93 году> // 93 and 94 <93 и 94>.*

НАРОДНЫЙ СХОД В ПАМЯТЬ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВАРИАНТЫ ИЗДАНИЯ

«27 ФЕВРАЛЯ 1855 г. НАРОДНЫЙ СХОД В ПАМЯТЬ ПЕРЕВОРОТА 1848 г.

В ST.-MARTIN'S HALL, LONG ACRE, В ЛОНДОНЕ».

Стр. 254

² *Вместо: русский голос // голос*

17-18 *Вместо: Обвинительные статьи // Обвинительные статьи на меня*

87 *Вместо: вы верите // вы, граждане, верите*

Стр. 257

²⁶ *Вместо:* Его повесили // На следующий день его повесили
³³⁻³⁴ *Вместо:* трое упали на землю, Муравьев встал и сказал // Пестель упал в снег, встал и сказал <В конце брошюры указано: «Опечатка. На стр. 26 вместо «па снег» читай «на землю»>.

Стр. 258

³ *Вместо:* Какие люди // Какие происшествия

Стр. 261

³⁴ *Вместо:* чем в петербургском вельможестве, в царедворцах и чиновниках // чем во всем петербургском вельможестве, во всех царедворцах и чиновниках

ОБЪЯВЛЕНИЕ О «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ». 1855

ВАРИАНТЫ ПЗ

Вместо заголовка: Объявление о «Полярной звезде». 1855 — в 1 изд.: «Полярная звезда». Третнее обозрение освобождающейся Руси; во 2 изд. заголовков и эпиграф отсутствуют.

Стр. 265

²² *Вместо:* 18 февраля (2 марта) — в 1 изд.: 18 февраля (6 марта); во 2 изд.: 18 февраля (3 марта)

Стр. 269

¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* в Елисейских Полях — во 2 изд.: в Тюлериерском саду

Стр. 270

⁶⁻⁷ *Вместо:* двадцать шестого июля (7 августа) — в 1 и 2 изд.: двадцатого июля (1 августа)

⁸⁻¹² *Текст:* Мы не хотим ∞ издавать в год — во 2 изд. отсутствует.

²⁵⁻²⁶ *Вместо:* из «Демона», «Гавриилиада», «Торжество смерти» — во 2 изд.: из «Демона», «Торжество смерти»

Стр. 271

⁶ *После:* и tutti frutti — смеси — в 1 изд.: Цена каждого тома 8 шиллингов (10 франков). Адресоваться в Лондоне: Trübner and Co, 12 Paternoster Row; Polish Library 10, Greek Street, Soho Square
Рукописи могут быть адресованы прямо к издателю или в Русскую типографию М. L. Czerniecki — 82 Judd Street, Brunswick Square, London.

В обоих случаях рукописи должны быть *франкированы*.

Искандер.

⁶ *Вместо:* и tutti frutti — во 2 изд.: и пр.

Цена каждого тома 8 шиллингов — (10 франков).

Адресоваться в Лондоне: Trübner and Co, 60, Paternoster Row.

Рукописи могут быть адресованы прямо к издателю или в Русскую типографию — М. L. Czerniecki — 2 Judd Street, Brunswick Square, London. В обоих случаях рукописи должны быть *франкированы*.

Искандер.

⁷⁻⁸ *Место издания и дата во 2 изд. не указаны.*

ВАРИАНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ 1855 г.

Стр. 265¹

¹ *Вместо:* Объявление о «Полярной звезде» // «L'Etoile polaire» («Полярная звезда»). Revue de l'émancipation russe, rédigée en russe à Londres par Iscander (A. Herzen). <«Полярная звезда», обозрение русского освобождения, издаваемое по-русски в Лондоне Искандером (А. Герценом)>

⁷ *К словам:* «Полярная звезда» — *подстрочное примечание:* «L'Etoile polaire» et «La Mnémosine» ont été deux publications périodiques

faites par des membres de la conspiration de 1825. Ryléïeff et Bestoujef ont été rédacteurs de la première; le prince Odöefski et Kuchelbecker de la seconde. <«Полярная звезда» и «Мнемозина» — два периодических издания, выпускавшиеся участниками заговора 1825. Рылеев и Бестужев были редакторами первого из них; князь Одоевский и Кюхельбекер — второго>.

10-21 *Вместо:* Русское периодическое издание ∞ Мы предлагаем его ей. // La première publication périodique en langue russe, affranchie des entraves de la censure, prend le titre que nous avons choisi pour témoigner la continuité de la tradition, la succession du travail, le majorat révolutionnaire. Nous nous rattachons par ce titre à nos pères. La Russie officielle, elle seule, a le verbe haut, elle parle à l'intérieur, elle se prépare à avoir un *écho* à Berlin, elle a des défenseurs, même dans les journaux de Londres. Nous proposons un organe à la Russie révolutionnaire. <Первое периодическое издание на русском языке, свободное от цензурных ограничений, принимает название, которое мы избрали, чтобы показать непрерывность предания, преемственность труда, революционный майорат. Этим названием мы устанавливаем связь с нашими отцами. Только казенная Россия имеет язык, она разговаривает внутри страны, она собирается завести себе *эхо* в Берлине, она находит защитников даже в лондонских газетах. Мы предлагаем революционной России печатный орган>.

25-27 *Вместо:* При его жизни ∞ его царствования. // Le système quelque usé qu'il fut, pouvait durer encore pendant la vie de Nicolas: après lui — il faut changer de route, en bien ou en mal, mais il faut en changer. <Как ни изжила себя эта система, она могла еще держаться при жизни Николая; после него придется менять направление, к лучшему или к худшему, но придется менять>.

Стр. 266

9 *Вместо:* гражданственности в России // développement en Russie <развития в России>

14 *Вместо:* византийский деспот // souverain somnolent, byzantin <дремлющий монарх, византийский>

18 *Вместо:* отказывается от образовательных начал Петра // abdique l'élément progressif <отказывается от прогрессивных начал>

23-25 *Вместо:* обкладывает безобразной ∞ политическое развитие // il achève la Pologne <он добивает Польшу>

32 *К слову:* силу — подстрочное примечание отсутствует.

32 *Вместо:* низость мира, его окружавшего // la bassesse de l'Europe officielle <низость официальной Европы>

Стр. 267

1 *Вместо:* ему было жаль // il intercédait pour les généraux <он заступился за генералов>

5-10 *Вместо:* Орлеанские журналы ∞ религии. // Les journaux réactionnaires et ultramontains engageaient cet Agamemnon Schismatique à se mettre à la tête des princes pour la défense de la police et de l'église. Les bourgeois de tous les pays pliaient leurs genoux gras devant Nicolas — et le priaient de sauver cette civilisation au nom de laquelle en lui déclara la guerre trois ans après. <Реакционные и ультрамонтанские газеты призывали этого православного Агамемнона стать во главе монархов для спасения полиции и церкви. Мещане всех стран становились перед Николаем на свои жирные коленки — и звали его спастись то образование, во имя которого три года спустя ему объявили войну>.

20 *Вместо:* бродит в умах, заставляет биться сердца. // au contraire elle est plus profonde, plus contemporaine. <напротив того, она стала глубже, современнее>.

Стр. 267—268

³⁰⁻¹ *Вместо:* Он мог ∞ в масть. // L'ennui est dangereux pour les trônes — il fallait faire quelque chose... Un autre despote était précisément dans la même position. Un autre cherchait aussi de l'occupation: lui aussi, il avait vaincu sa Pologne, et fait triompher l'ordre de Varsovie à Paris et à Rome. <Скука опасна для тронов — нужно было что-нибудь делать... В том же положении находился другой деспотизм. Другой тоже искал занятия; он тоже усмирил свою Польшу и установил варшавский порядок в Париже и Риме>.

Стр. 268

⁴⁻⁷ *Вместо:* он не последний ∞ не может быть того же. // Cras tibi!
²⁰ *После:* освобождает их от суда // A. Orloff et Menshikoff connaissaient l'existence de la société et se taisaient. <А. Орлов и Меншиков знали о существовании тайного общества и молчали>

²⁰⁻³⁰ *После:* даже крепостной. // A son cri, on s'ébranle, on s'arme — il meurt. <На его призыв поднимаются, вооружаются — он умирает>.

Стр. 268—269

³⁷⁻² *Вместо:* речь не о былом ∞ новым гнетом? // il ne s'agit pas maintenant d'appréciation, il s'agit de sauver l'intégrité du pays, il s'agit de corriger les fautes de Nicolas. Son fils répondra à cet élan — par la Sibérie, par les gendarmes, par un surplus d'absolutisme? <Речь теперь не об оценке, речь идет о спасении целостности государства, о том, чтобы поправить вину Николая; а сын его будет отвечать на этот порыв — Сибирью, жандармами, усугублением самовластья?>

Стр. 269

³ *После:* стояла за Николая // il s'adossait à elle pour terrasser son peuple. <он опирался на нее, чтобы подавить свой народ>.

⁹ *После:* зависеть от него // et il faut en profiter <и падо этим воспользоваться>

¹⁰⁻¹¹ *Вместо:* одушевления // élan patriotique <патриотического порыва>

¹¹ *Вместо:* после Пожарского // depuis Minine et Pojarski <после Минина и Пожарского>

²⁷ *Вместо:* Лучше пусть погибнет Россия! // S'il en était ainsi — mieux vaudrait pour la Russie être conquise, partagée. Quel intérêt pourrait-on prendre à un semblable pays? <Если бы это было так, для России лучше было бы быть завоеванной, разделенной на части. Какое сочувствие могла бы вызывать подобная страна?>

³⁶⁻³⁷ *Вместо:* величие человеческого деяния // la grandeur et la poesie de l'activité humaine <величие и поэзия человеческого деяния>

Стр. 270

⁵ *После:* к труду // nous vous offrons un organe ... <мы предлагаем вам печатный орган...>

⁶⁻⁷ *Вместо:* двадцать шестого июля (7 августа) // le 1 Août <1 августа>

¹¹⁻¹² *Вместо:* три или четыре тома можем мы издавать в год. // si la Revue paraîtra 4 ou seulement 3 fois pendant l'année 1856. <если четыре или только три раза выйдет обозрение в 1856>.

¹⁶⁻¹⁸ *Вместо:* замечательного сочинения ∞ хроника и пр. // ouvrage remarquable d'histoire, de politique ou de philosophie et un article littéraire russe. (Nous voulons être très sobres quant aux traductions). Ensuite les tutti frutti — du mélange, correspondances, bibliographie, chronique etc. <замечательного сочинения, посвященного истории, политике или философии, и одну русскую литературную статью. (По части переводов мы будем очень разборчивы). Далее — tutti frutti — смесь, письма, библиография, хроника и проч.>.

²³ *Вместо:* Лермонтова и др. // Lermontoff, Ryléïeff <Лермонтова, Рылеева>.

Стр. 271
⁸ Дата отсутствует.

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

ВАРИАНТЫ ПЗ

Стр. 272
³ Эпиграф в 1 и 2 изд. начинался строками:
Смотри, в волнении народы,
Смотри, в движенье сонм царей!

Стр. 274
²⁴ Место: что у нас — во 2 изд.: о чем у нас

〈ПРИМЕЧАНИЕ К «ПЕРЕПИСКЕ Н. ГОГОЛЯ С БЕЛИНСКИМ»〉

ВАРИАНТЫ 1 ИЗД. ПЗ

Стр. 276
⁴ После: пустое. // Память — право всего былого.
⁸ Место: сам Белинский // Белинский

ОТВЕТ

ВАРИАНТЫ 1 ИЗД. ПЗ

Стр. 314
³⁷ К словам: в «Полярную звезду» — подстрочное примечание: Адресуйте к книгопродавцу Трюбнеру в Лондоне: To the editor of the Polar Star. Care of N. Trübner, Esq. <Издателю «Полярной звезды». Поручается г-ну Н. Трюбнеру>, 12, Paternoster Row, London

ОТВЕТ

ВАРИАНТЫ 1 ИЗД. ПЗ

Стр. 317
¹⁸ После: верований // фантазий
²⁸ К слову: Лелевеля — подстрочное примечание: письмо которого не было напечатано только потому, что оно опоздало двумя или тремя днями.

ИЗ ПИСЕМ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВНУТРЕННОСТИ АНГЛИИ

ВАРИАНТЫ РУКОПИСИ (ПД)

Стр. 327
²⁶ Место: несравненно мужественнее — было: несравненно больше имела мужества
²⁸⁻²⁹ Место: англичанин, как Байрон, отрывается — было: англичанин отрывается
³⁰ После: скептицизму — было: тогда
³⁰⁻³¹ Место: не прибавляет на французский манер для нравственного — было: не прибавляет для нравственного.
³² После: Вообще — было: надобно з(аметить)

Стр. 328
¹ После: мысль. — было: Обоим вера
⁸⁻⁴ Место: и больше того — на Пушкина и Лермонтова — было: и больше — имел влияние на Пушкина и Лермонтова
⁵ После: француз — было: пишет против

- ⁶ После: размолвка — было: что
⁸ После: границах.— было: И в самом гениальном Прудоне вы найдете чувствительные фразы к «прелестной Франции»
¹⁸ Вместо: своих слов — было: своих
¹⁶ После: мы — было: на этот раз
¹⁸ После: если — было: редакция

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА

ВАРИАНТЫ 1 ИЗД. ПЗ

- Стр. 362
²⁶ Вместо: дикая // дико
 Стр. 369
²⁷ Вместо: Вдруг, например, из оперы // Вдруг из оперы
 Стр. 380
³⁷ В подстрочном примечании вместо: латинскими буквами // русскими буквами
 Стр. 402
⁸⁻⁹ Вместо: Она просила знаменитого старца Эйлера ввести ее // Она посетила знаменитого старца Эйлера, прося его ввести ее
 Стр. 405
¹⁶ Вместо: в записках // в мемуарах
 Стр. 411
⁹ Вместо: Амбург // Апбург
 Стр. 417
³¹ Вместо: Она ей пишет и посвящает свои записки. // Она пишет и посвящает записки своему другу.

ЕЩЕ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

ВАРИАНТЫ ПЗ

- Стр. 424
³⁷ В подстрочном примечании вместо: «Полярная звезда» на 1855 (2 издание), стр. 166 — в 1 изд.: «Полярная звезда» на 1855, стр. 164
 Стр. 429
⁷⁻⁸ Вместо: А ведь это всего век тому назад — в 1 изд.: А ведь это было век тому назад
 Стр. 435
⁴⁵ Вместо: не мешало — в 1 изд.: не мешалось

СМЕРТЬ СТАНИСЛАВА ВОРЦЕЛЯ

ВАРИАНТЫ ПЗ

- Стр. 437
² Вместо: Третьего февраля 1857 года, в небольшой — в 1 изд.: Третьего февраля в небольшой
 Стр. 438
²⁶ Вместо: Тот же спокойный — в 1 изд.: Нет, тот же спокойный
 Стр. 439
²³ Вместо: выходили навстречу — в 1 изд.: выходили им навстречу
 Стр. 440
¹⁶⁻¹⁷ Вместо: первый лист, отпечатанный по-русски в Лондоне — в 1 и 2 изд.: первый отпечатанный по-русски в Лондоне лист
 Стр. 443
¹ Вместо: последние обломки — в 1 изд.: эти последние обломки
² Вместо: собрались — в 1 и 2 изд.: без зова собрались

- ¹¹ *Вместо:* И на нас повеяло — в 1 и 2 изд.: И вдруг на нас повеяло
²⁰ *Вместо:* Если б — в 1 и 2 изд.: О если б

ВАРИАНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ 1857 г.

Стр. 437

Вместо заглавия: Смерть Станислава Ворцеля // «L'Etoile polaire» sur la mort de Stanislav Worcell (Traduit du russe) <«Полярная звезда» о смерти Станислава Ворцеля (переведено с русского языка)>. Далее *эпиграф:* Ne pouvant plus parler déjà, il demanda une plume et traça ces mots: «Soldat fidèle, j'ai achevé ma faction — qu'un autre me relève!» Ledru-Rollin (Discours prononcé sur la tombe de Worcell) <Не имея больше сил говорить, он потребовал перо и начертал следующие слова: «Верный солдат, я выстоял мой черед, пусть другой меня сменит!» Ледрю-Роллен (Речь на могиле Ворцеля)>.

² *Вместо:* небольшой улице // petite rue de Londres Hunter street <небольшой лондонской улице Hunter Street>

Стр. 438

¹⁵ *После:* коротко // et il fut un temps où je le voyais presque tous les jours <и было время, когда я виделся с ним почти ежедневно>

¹⁰⁻²⁰ *Вместо:* Таких людей мы часто встречаем, например, // Tels étaient pour la plupart les martyrs de la science, les héros de la religion <Таковыми по большей части были мученики науки, герои религии>

²⁴ *Вместо:* По дороге нищета // chemin faisant les malheurs, la pauvreté <по дороге бедствия, нищета>

²⁵ *Вместо:* смерть близких // les gémissement des mourants, la prison <стоны умирающих, тюрьма>

²⁸ *Вместо:* Таков был Ворцель ∞ друг его, человек // C'était le pas de Worcell. C'est le pas d'un de ses amis <Таков был шаг Ворцеля, таков шаг одного из его друзей>

Стр. 439

¹⁻² *После:* другое время // Il y a neuf ans <Девять лет тому назад>

³ *Вместо:* диких // maris, qui dans certaines petites îles sauvages <мужей, которые на некоторых маленьких островах, населенных дикими>

⁶⁻⁸ *Вместо:* кучка ∞ вожатый их // un groupe se tenait à part, composé en partie d'hommes à cheveux blancs, à moustaches grisonnantes. Sur leurs visages mâles, sillonnés par le malheur, ou voyait la sévère intrépidité du vieux soldat, et la tristesse nostalgique de l'exilé. Leur orateur — si je ne me trompe, c'était encore Worcell. <особняком державшаяся кучка, которая частью состояла из людей с седой головой, с седеющими усами. На их лицах, мужественных, изборожденных несчастьями, выражалась суровая решимость старых солдат и тоска по родине, томящая изгнанников. Их оратор, если не ошибаюсь, снова был Ворцель>.

⁸ *Вместо:* боя // de lutte et de malheur <боя и бедствий>

⁹ *Вместо:* отвечает // répondait la première <первая отвечала>

¹¹⁻¹⁸ *Вместо:* И в этих словах ∞ костям. // Elle est présente aussi maintenant... Il y avait dans ces paroles quelque chose de tristement solennel — comme le reproche involontaire d'un peuple généreux qui a été sacrifié. L'émigration polonaise et Worcell, sa sentinelle avancée, restèrent, en effet tout prêts, sous les armes. — Ils étaient présents. Mais il n'y eut pas d'appel. Les peuples dormaient. L'ordre de Varsovie régnait en Europe. Le soldat fidèle tomba près de sa guérite, et les roues lourdes de la réaction passèrent sur ses os. <Она и сейчас

налицо. В этих словах звучало что-то печально торжественное, подобное упреку великодушного народа, который принесли в жертву. Польская эмиграция, Ворцель, передовой ее страж, в самом деле стояли наготове, под ружьем. Они были налицо. Но их не звали. Народы спали. Варшавский порядок царил в Европе. Верный часовой пал у своей будки, и тяжелые колеса реакции проехали по его костям».

¹⁹ *Вместо:* поляки // patriotes polonais (польские патриоты)

²²⁻²³ *Вместо:* торжественным шествием отважных бойцов. // marche triomphale et solennelle des vaincus (триумфальным и торжественным шествием побежденных).

²⁴⁻²⁵ *Вместо:* Еврона ∼ нашла слезы // Leurs pas réveillèrent pour un instant les nobles sympathies. Le vieux monde trouva des larmes (Их шаги пробудили на минуту благородное сочувствие. Старый мир нашел слезы)

²⁸ *Вместо:* крестового рыцаря свободы // Ce martyr-soldat, ce croisé de l'indépendance (солдата-мученика, крестового рыцаря свободы)

Стр. 440

²⁶ *После:* в Россию. // Et nos feuilles volantes arrivèrent... comme vous le savez. (И наши летучие листы дошли по назначению... вам это известно).

³⁴ *Вместо:* Ограниченные и печальные безумцы // maniaques atrabilaires (желчные безумцы)

³⁸ *Вместо:* восстал ∼ клеветы // s'éleva publiquement contre cette pratique infâme (открыто восстал против этого гнусного приема)

Стр. 441

¹⁰⁻¹¹ *После:* общих цепей // et travaillant à les briser (и сляясь их разорвать)

³⁶ *Вместо:* две статьи // un article (статью)

³⁷ *После:* года // sur le rapprochement des Polonais et des Russes qui aspirent à la liberté (о сближении поляков и русских, стремящихся к свободе)

Стр. 442

⁴ *Вместо:* энциклопедии // Encyclopédie vivante (живой энциклопедии)

⁸ *Вместо:* прелесть // originalité (своеобразие)

¹² *После:* рассеяние. // Ses forces, ses rêves, ses facultés, son être, toute son âme était là. (Все было сосредоточено на одном — его сила, его мечты, его способности, все его существо, его душа).

¹⁹⁻²⁰ *Вместо:* его исхудалые ∼ выражение // l'expression austère et grave de sa figure prit quelque chose de solennel (в суровом, серьезном выражении его лица появилось что-то торжественное)

³²⁻³³ *Вместо:* и весь под влиянием ∼ смерть // de l'expression grave et solennelle des traits du mourant (серьезным и торжественным выражением черт лица умирающего)

³⁶ *Вместо:* восторженная и преданная! // le même sacrifice, la même tranquillité du trépas (то же самопожертвование, тот же покой смерти!)

³⁷ *Вместо:* «Swear!» Гамлетова отца. // Hamlet.

Стр. 443

⁶ *Вместо:* русские // deux russes (двое русских)

¹¹ *К слову:* смерти — *подстрочное примечание:* Et cependant l'injure, la calomnie, la boue ne laissèrent pas tranquilles les os de cet homme de l'amour et du dévouement, et le reconduisirent à Highgate.

Quel est donc ce chacal qui sort de sa tanière, flairant la mort d'un juste, qui gratte la terre des tombeaux, qui ricane à la vue d'un pays libre permettant aux amis de reconduire un des leurs au cimetière, qui envie les enterrements, et qui voudrait ôter aux proscrits même

les funérailles? Quel est donc cet être qui n'a ni le decorum, ni la retenue, ni la décence des tyrans... qui n'ont pas volé leur couronne?

Il ordonne à ses scribes d'appeler Worcell... assassin. Mais est-ce que c'est Worcell qui a tué le sergent à Boulogne? — Est-ce que c'est lui qui a été condamné par la chambre des Pairs et gracié par Louis-Philippe? — Est-ce que Worcell est un chiourme évadé de Ham? — Est-ce que Worcell a assassiné femmes et enfants à Varsovie, le 2 décembre?

Vaincre un adversaire, le tuer, le persécuter dans la féroce ivresse de la victoire — tout cela se comprend; mais faire mourir ses ennemis lentement par des fièvres tropicales; savourer leur agonie; les offenser même dans la tombe; provoquer le mépris de l'Angleterre en sollicitant l'aumône de quelques persécutions. — Non cela n'est par français — ou nous nous trompons complètement dans notre lointain boréal.

Mais la France pourtant tolère tout cela... et depuis des années! — Elle accumule une lourde et terrible responsabilité devant les hommes et devant l'histoire. — Il est temps que les libres de tous les pays le lui disent. — La sympathie qu'ils avaient pour elle leur donne le droit au reproche.

Faut-il donc que chaque page qu'on commence avec douceur se termine par des paroles pleines de fiel! — Est-ce notre faute? <А между тем оскорбления, клевета, грязь не оставили в покое кости этого человека, полного любви и самоотвержения, и проводили его в Highgate.

Кто же этот шакал, который, почуяв смерть праведника, выходит из своего логова, разрывает могилы, скалит зубы при виде свободной страны, позволяющей друзьям проводить одного из своих на кладбище; завидует погребению и хотел бы отнять у изгнанников даже право на похороны? Кто это существо, не обладающее ни хорошими манерами, ни сдержанностью, ни благопристойностью тирапов... не укравших корону?

Он приказывает своим писакам называть Ворцеля... убийцею. Но разве Ворцель убил сержанта в Булони? Разве он осужден был палатой пэров и помилован Луи-Филиппом? Разве Ворцель — каторжник, убежавший из Гама? Разве Ворцель убивал женщин и детей в Варшаве, как-то раз, — 2 декабря?

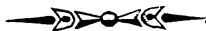
Победить противника, убить его, преследовать в свирепом опьянении победой — все это понятно. Но подвергать своих врагов медленной смерти от тропических лихорадок, смаковать их агонию; оскорблять их даже в гробу; вызвать презрение Англии, как милостыни выпрашивая позволение на преследование нескольких врагов, — нет, это не по-французски, или мы жестоко заблуждались на нашем далеком Севере.

Но Франция тем не менее терпит все это... и уже много лет! Она накапливает тяжкую и ужасную ответственность перед человечеством, перед историей. Пора свободным людям всех стран сказать ей это. Симпатия, которую они к ней питали, дает право на упрёк.

Зачем же каждая страница, начатая в духе кротости, должна заканчиваться словами, полными горечи? Наша ли это вина?>

¹² *После:* согласия // et les larmes de la douleur se mêlèrent avec d'autres larmes plus douces <и слезы скорби смешались с другими слезами, более утешительными>

¹⁴ *Вместо:* семьи несчастья и изгнания // famille de la lutte et du malheur <семьи борьбы и несчастья>

ПРЕДИСЛОВИЯ. — ПРИМЕЧАНИЯ. — НАБРОСКИ

〈К ПЕРВОЙ КНИГЕ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»〉

ВАРИАНТЫ 1 ИЗД. ПЗ

Стр. 454

¹⁴ *Перед:* Книжка наша была уже отпечатана // Сверх статей, обещанных П. Прудоном, И. Миццини, В. Гюго и И. Мишле, мы имеем в виду:

Отрывок из неизданного тома истории французской революции Луи Блана.

Статью об итальянских республиках Марка-Аврелия Саффи, одного из римских триумвиров.

Отрывок из неизданной книги об России Гале де Кюльтюра, автора «Le Tzar Nicolas et la sainte Russie», 1854.

Статью А. Телеки о венгерской войне 1849 года.

В следующей книжке мы перепечатаем письмо П. Я. Чаадаева и помещаем большой отрывок из первой части «Былое и думы».

Русских статей от русских мы будем ждать донельзя до 31 декабря нынешнего года, не наша вина, если мы опоздаем. Одна нам обещана: «О месте России на всемирной выставке»; зная автора, мы ждем ее с нетерпением.

〈К ВТОРОЙ КНИГЕ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»〉

ВАРИАНТЫ 1 ИЗД. ПЗ

Стр. 457

²⁹ *К словам:* петербургской ценсурой — *подстрочное примечание:* В том числе историческая статья Луи Блана, статья о панславизме Ф. Пульского, письмо И. Лелевеля и его речь на пятнадцатой годовщине польской революции.

²⁹ *После:* ценсурой // Желающие могут адресоваться в Лондоне к Trübner and Co, 12 Paternoster row, в Париже — к его корреспондентам Klincksick, 11 rue de Lille и Franck, 97 rue Richelieu.

〈ИЗ ДНЕВНИКА〉

9 апреля 1856 — 4 мая

ВАРИАНТЫ РУКОПИСИ (ПД)

Стр. 459

¹⁸ *После:* один под бременем обещаний, клятв. — *было:* Одних уносит алчность, других зависть; два — три человека в гробу. — О〈гарев〉 на краю его.

ВАРИАНТЫ РУКОПИСИ (ЦГАЛИ)

Стр. 460

⁷⁻⁸ *После:* на этот раз — *было:* я смешался¹⁸ *После:* выражение лица О(Гарева). — *было:* Чуть ли это не была самая

PASSONS À LA PANHUMANITÉ

ВАРИАНТЫ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ (ЦГАЛИ)

Стр. 460

²⁸ *Перед:* Au nom (От имени) — *было:* Je viens de recevoir le dernier № du célèbre journal de la cosmopolitie universelle. Voilà les dernières nouvelles. (Я только что получил последний № знаменитой газеты всемирного космополитического объединения. Вот последние новости)

Стр. 461

³ *Вместо:* un épiderme bigarré (пеструю кожу) — *было:* des couleurs (лиvreю)⁵ *После:* peint (красящего) — *было:* les visages des universels (лица универсалистов)

PREMIÈRE LETTRE

ВАРИАНТЫ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ (ЦГАЛИ)

Стр. 464

¹² *После:* coffre-fort (сундуке) — *было:* il fallait tuer le premier, il suffit de prendre chez l'autre (следовало убить первый, достаточно зачерпнуть во втором)²⁹ *После:* pauvre (бедна) — *было:* c'est la religion de la propriété (это религия собственности)³¹ *После:* maître vulgaire (заурядным хозяином) — *было:* Il est beau, renversant le trône mystique, il est détestable lorsqu'il se met sur ce trône; on voit qu'il n'a jamais été élevé pour être roi. (Он прекрасен, опрокидывая мистический трон; он отвратителен, садясь на этот трон; видно, что его совсем не воспитывали для роли короля).

Стр. 465

⁷ *Перед:* Des grandes questions (Из великих вопросов) — *было:* La bourgeoisie comme classe gouvernante s'est montrée au-dessous de toutes les attentes (Буржуазия как правящий класс показала себя ниже всех ожиданий)³⁸ *После:* d'un contrat social nouveau (нового общественного договора) — *было:* la synthèse était (синтез был)³⁹ *Вместо:* transitoire (переходном) — *было:* provisoire (временном)⁴²⁻⁴³ *После:* la loi du dimanche (воскресный закон) — *было:* le laissez-faire — et la réglementation de la vente des vins, l'égalité devant la loi et la justice rendue contre un dépôt d'argent (свобода действий и регламентация продажи вин; равенство перед законом — и правосудие, воздаваемое за денежную мзду)⁴⁶ *После:* une issue (исход) — *было:* qu'elle n'a pas encore atteinte (которого она еще не достигла)

Стр. 466

¹⁶⁻¹⁷ *После:* le catholicisme bourgeois (буржуазным католицизмом) — *было:* dit protestantisme (называемым протестантизмом)¹⁷⁻¹⁸ *После:* l'église chrétienne (христианской церкви) — *было:* Le parti conservateur était avec le parti révolutionnaire sur le terrain bourgeois

⟨Консервативная партия находилась вместе с партией революционной на буржуазной почве⟩.

³⁷ *После*: les fous de palais ⟨дворцовые шуты⟩ — *было*: comme disparaissent enfin les chevaux de poste avec les chemins de fer ⟨как, наконец, исчезают почтовые лошади при появлении железных дорог⟩

³⁹ *Перед*: l'envie ⟨зависти⟩ — *было*: être révolutionnaires — arrivée à une certaine hauteur la majeure partie passe avec armes et bagages à un conservatisme qui a en lui quelque chose de révolutionnaire ⟨с того, что бывают революционерами, — достигнув известного положения, большая часть переходит со всеми пожитками в консерватизм, имеющий в себе нечто революционное⟩.

⁴⁵ *После*: les fainéants satisfaits ⟨благоденствующие тупицы⟩ — *было*: Maintenant dans cette classe énorme ⟨Теперь в этом огромном классе⟩

Стр. 467

² *После*: de vous le faire connaître ⟨помочь вам узнать⟩ — *было*: Pour préciser ma pensée, je prends le type le plus complet que l'on nous a donné de l'homme civilisé de notre temps — c'est ⟨Чтоб уточнить мою мысль, я беру наиболее полно представленный нам тип цивилизованного человека нашего времени — это⟩

⁴ *После*: de type ⟨тип⟩ — *было*: mesquin, faux, égoïste et dépravé, des derniers Mohicans de la bourgeoisie ⟨скупого, лживого, эгоиста и распутника, одного из последних могижан буржуазии⟩

⁵ *Перед*: le grand artiste ⟨великий художник⟩ — *было*: la main féminine ⟨женская рука⟩

⁶⁻⁷ *После*: une issue ∞ conciliante ⟨примиряющий выход⟩ — *было*: un sourire de mépris, mais aussi de condescendance sauve Horace ⟨презрительная, но не лишенная снисходительности улыбка спасает Ораса⟩

⁸ *После*: plus loin ⟨гораздо далее⟩ — *было*: Si vous voulez sérieusement étudier Horace, vous verrez en lui tout ce qui vous met tellement en colère dans vos rapports avec la société actuelle ⟨Если вы захотите по-настоящему изучить Ораса, вы увидите в нем все то, что вас так сильно возмущает при сношениях ваших с современным обществом⟩

²⁷ *Вместо*: il perdra une jeune fille ⟨он опозорит девушку⟩ — *было*: il calomnierá une vierge ⟨он оклеветает девственницу⟩

³¹ *После*: qu'à l'aristocratie ⟨к аристократии⟩ — *было*: et ne rêve que salons, armoiries ⟨и мечтает лишь о гостиных, гербах⟩

Стр. 468

² *После*: sur un sol ⟨на почве⟩ — *было*: vaseux et impur ⟨тинистой и нечистой⟩

²⁴ *Вместо*: au roman ⟨о романе⟩ — *было*: au roman de Louvet ⟨о романе Луве⟩

Стр. 469

¹⁴ *После*: Gorgey ⟨Гергея⟩ — *было*: Est-ce que vous pensez que ces symptômes ne suffisent pas pour annoncer une décomposition complète — ou l'esprit bourgeois périra, ou l'Europe. Eh bien, moi je crois encore à la vieille. C'est cette phalange macédonienne qui commence par Horace et finit par De la Hodde, que nous rencontrons la première ⟨Разве, по-вашему, этих симптомов недостаточно, чтоб объявить о полном разложении — либо буржуазный дух погибнет, либо Европа. Что касается меня, я еще верю в старушку. Именно с этой македонской фалангой, которую открывает Орас и замыкает Делагод, мы встречаемся прежде всего⟩.

¹⁸ *Вместо*: de l'abaissement ⟨упадка⟩ — *было*: de la chute ⟨падения⟩

Стр. 470

¹¹ *После*: en Occident ⟨на Западе⟩ — *было*: La civilisation les rend

- dissimulés et décents <цивилизация делает их скрытными и благопристойными>
- ²⁰⁻²¹ *После*: on ne la parle pas gratuitement <на нем попусту не говорят> — *было*: Ici tout le contraire, cette langue <Здесь, наоборот, этот язык>
- Стр.* 471
- ⁶ *Перед*: science <наукой> — *было*: art <искусством>

РОССИЯ, БРАННАЯ ЦАРИЦА

ВАРИАНТЫ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ (ЦГАЛИ)

- Стр.* 480
- ³³ *Перед*: dévié <сбившееся с пути> — *было*: l'Occident <Запад>
- ³⁴ *После*: la plasticité créatrice <творческий пластицизм> — *было*: du mouvement de l'histoire <исторического движения>
- ³⁵ *Вместо*: devint tronquée <искажился> — *было*: devint développement <сделался развитием>
- Стр.* 481
- ⁴ *После*: de communisme rural <сельского коммунизма> — *было*: chez lequel l'aristocratie occidentale est importée et exotique <у которого западная аристократия ввезена извне и чужеземна>
- ⁵ *После*: agraire <землевладелец> — *было*: ayant la possession de la terre sans droit de propriété <владеющий землей без права собственности>

КОММЕНТАРИИ

Настоящий том содержит произведения, написанные в период с конца 1852 г. и до начала издания «Колокола» (конец июня 1857 г.). Центральное место в томе принадлежит статьям и листовкам Герцена, опубликованным в изданиях Вольной русской типографии первых лет ее деятельности, в том числе в первых книгах альманаха «Полярная звезда». Впервые в Собрании сочинений писателя публикуются отрывок «Le dualisme, c'est la monarchie», наброски статей на французском языке, относящиеся к середине 1850-х годов («Passons à la panhumanité», «Cher pancitoyen!»), «Première lettre», «Россия, бранная столица»), дневниковая запись «5 мая 1856», открытое письмо к редактору «Kölnische Zeitung», а также отдельные примечания Герцена к статьям других авторов в «Полярной звезде» и «Голосах из России» (некоторые примечания редакционного характера приведены в комментариях тома)

Статьи, заметки и примечания Герцена печатаются, согласно общему правилу издания, в хронологическом порядке, по датам написания, однако последовательность публикации материала внутри каждой книги «Полярной звезды» сохранена. В особый раздел выделены предисловия, примечания, наброски, надпись на книге и дневниковые записи.

В разделе «Dubia» печатается опубликованная в 1854 г. в газете «L'Homme» статья «Les Paques russes» («Русская пасха»), поскольку принадлежность статьи Герцену нельзя считать полностью доказанной (см. комментарий).

В «Вариантах» приведены разночтения между последней редакцией и ранними публикациями, а также первоначальные варианты рукописей.

В том не вошла статья «Conversations with the russian prisoners at Plymouth» («Беседа с русскими пленными в Плимуте»), опубликованная в газете «The Daily News» от 28 октября 1854 г. и включенная в «Полное собрание сочинений и писем» Герцена под редакцией М. К. Лемке (см. Л VIII, стр. 106—116). Как показали позднейшие разыскания, в действительности статья эта Герцену не принадлежит (см. Ш. М. Левин. «Герцен и Крымская война» — «Исторические записки», 1948, № 29, стр. 190—191).

В комментариях тома использованы неопубликованные письма Герцена к Линтону, предоставленные для настоящего издания редакцией «Литературного наследства».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1852—1857 ГОДОВ¹

1852

RUSSIAN SERFDOM (РУССКОЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВО)

Печатается по тексту газеты «The Leader», №№ 189, 190, 191, от 5, 12 и 19 ноября 1853 г., где было впервые опубликовано. Подпись: Alexandre Herzen. Автограф неизвестен.

Английским издателям своих произведений первой половины 50-х годов Герцен давал рукописи на французском языке, с тем чтобы они сами переводили их на английский язык (см. об этом в комментарии к «Старому миру и России»). Так, очевидно, обстояло дело и со статьей «Русское крепостничество». Поэтому в английском тексте сплошь и рядом встречаются взятые в скобки французские слова и выражения, например, на стр. 9 *farmed (loué)*, *customary fact (fait coutumier)* и т. д. Разумеется, не Герцен пояснял свой текст французскими словами в скобках; это делала редакция «The Leader», очевидно, заимствуя эти слова из находившегося в ее распоряжении французского перевода.

В сокращенном виде напечатано на французском языке в газете «L'Homme», №№ 8 и 9 от 18 и 25 января 1854 г.

«Русское крепостничество» текстуально частично совпадает со статьей «Крещеная собственность»; и все же произведения эти отличаются одно от другого столь существенным образом, что редакция настоящего издания считает необходимым дать оба текста в качестве самостоятельных.

§ В статье «Русское крепостничество» Герцен ставил перед собой задачу ознакомить передовое западноевропейское общество с крестьянским вопросом, с взглядами и настроениями борцов против крепостного права в России. Статья содержит такие сведения о прошлом и настоящем России, которые важно было сообщить неосведомленным иностранным читателям.

¹ Комментарии составлены Л. Я. Гинзбург при участии И. М. Белявской («В редакцию „Польского демократа“», «Поляки прощают нас!», «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне», «Вольная русская община в Лондоне», «Польско-русский революционный союз»), Л. Р. Ланского («Россия, бранная царица»), Л. С. Мандельштам («Письмо к редактору „Kölnische Zeitung“»), Я. Е. Эльсберга («Перейдем к панчеловечеству», «Дорогой пангражданин!»), «Письмо первое»), Н. Д. Эфрос («Русская пасха»). В составлении комментария к статье «Старый мир и Россия» принял участие Ю. В. Ковалев.

В «Крещеной собственности», рассчитанной на русских читателей, Герцен многое из этих сведений отбросил; зато он ввел другой, новый по сравнению с «Русским крепостничеством» материал. «Написал еще длинное письмо „Sur le servage en Russie“ („О крепостном праве в России“), в котором обругал Гакстгаузена», — писал Герцен М. К. Рейхель 31 декабря 1852 г.

В «Русском крепостничестве», как позднее в «Крещеной собственности», Герцен развивает свою исполненную народнических иллюзий теорию русской сельской общины. Теорию эту он излагал уже в статьях «Россия», «Русский народ и социализм», «О развитии революционных идей в России» (см. комментарий к этим произведениям в тт. VI и VII наст. изд.). В комментарии к статье «Россия» охарактеризовано отношение Герцена к книге Гакстгаузена «*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*» (t. I—II, 1847, t. III, 1852); книге этой Герцен уделяет внимание также в статьях «Русское крепостничество» и «Крещеная собственность». В трактовке вопроса о происхождении крепостного права в России значительное влияние на Герцена оказала монография декабриста Н. Тургенева «*La Russie et les russes*» (об отношении Герцена к Н. И. Тургеневу и его либерально-реформистским взглядам см. вступительную статью Ю. Г. Оксмана к публикации писем Н. И. Тургенева к Герцену, *ЛН*, т. 62, стр. 583—586, а также в комментарии к работе «О развитии революционных идей в России», т. VII наст. изд., стр. 417—418). Для статей «Русское крепостничество» и «Крещеная собственность» особое значение имеет второй том книги Тургенева «*Tableau politique et social de la Russie*», Paris, 1847, и в этом томе главы—вторая «*Cosaques*» (из нее заимствованы некоторые сведения об устройстве казачьих общин) и в особенности — четвертая «*Les serfs. Etablissement de l'esclavage*». Н. И. Тургенев придерживался той точки зрения, что власть русских помещиков над крестьянами разрасталась постепенно, исподволь, и что личное закабаление крестьянина, прикрепление его не к земле, а к помещику совершилось путем незаконным, с помощью административных мероприятий и прямых злоупотреблений. Не разделяя либеральных взглядов Н. И. Тургенева 50-х годов, Герцен использовал богатый фактический материал, содержащийся в его книге. Сведения по вопросам сельского хозяйства в России он почерпнул в труде Л. В. Тегоборского «*Etudes sur les forces productives de la Russie*», Paris (1852—1855). Эту книгу Герцен цитировал в статье «Русский народ и социализм» (см. т. VII наст. изд., стр. 288, 322—323).

Стр. 34. *«Призвание нашего века — освободить всех угнетенных и страждущих».* — Цитата из «Введения в историю XIX столетия» Г. Гервинуса.

...под влиянием великого произведения Бичер-Стоу... — «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу вышла в свет в 1852 г.

Один из моих друзей хотел напечатать брошюру... — Речь идет, очевидно, об И. Головине, который в подражание «Хижине дяди Тома» Бичер-Стоу написал роман о «русском Томе». Рукопись этого романа купил у него некто Нельсон из Эдинбурга, но так ее и не издал (см. М. Л. см. к е. Эмигрант Иван Головин. По неизданным материалам, «Былое», 1907, № 5, стр. 39).

Стр. 35. *Революция ∞ не изменила его положения ... — Речь идет о Французской буржуазной революции XVIII века; в период революции крестьяне покупали конфискованные земли духовенства и дворянства (национальные имущества).*

Стр. 39. *...министру внутренних дел.* — В сведения, сообщаемые здесь Герценом, вкрались ошибки. Ниже говорится, что вопрос о продаже крестьян без земли обсуждался в Государственном совете во время

Веронского конгресса, т. е. в 1822 г. В 1822 г. министром внутренних дел был В. П. Кочубей, а председателем Государственного совета П. В. Лопухин. Между тем в комментируемой статье Герцен далее называет Кочубея председателем Государственного совета, каковым он стал только в 1827 г.

...во время Веронского конгресса.— С октября по декабрь 1822 г. в Вероне заседал реакционный Священный союз трех монархов — русского, прусского и австрийского. Веронский конгресс был посвящен обсуждению мер против революционных и национально-освободительных движений в Испании и в юго-восточной Европе.

Стр 39—40. *Эту замечательную историю рассказал нам Николай Тургенев ∞ закипает кровь.*— См. N. Tourgueneff «La Russie et les russes», t. II, Paris, 1847, p. 100—110.

Стр. 40. *Закон, запретивший безземельным дворянам покупать крестьянского совета от 1841 г., покупать крестьян было дозволено только лицам, владеющим уже населенными имениями; покупающий крестьян без земли был обязан указать то населенное имение, к которому он намерен их приписать.*

...равне русское правительство не связано с Англией ∞ как и их господа? — В XIX веке европейские морские державы постепенно, вслед за Англией, включались в борьбу с торговлей неграми. С 1840-х годов все европейские уголовные законодательства предусматривают кары за негроторговлю; в русском «Уложении о наказаниях» 1845 г. она приравнивалась к морскому разбою.

Стр. 41. *Нелепый указ от 2 апреля 1842 года.*— См. примечание к стр. 82 наст. тома.

Стр. 44. ...титованных Макиров...— По имени героя одноименной комедии Антье и Леметра, нарицательного образа ловкого, предприимчивого пройдохи, не брезгующего никакими средствами для достижения цели.

Стр. 46. *После него другой казак пробился сквозь ледяные пустыни...*— В 1648 г. якутский казак Семен Дежнёв открыл пролив между Азией и Америкой.

Стр. 47. ...роковую ошибку ∞ которую затем повторил Кошут.— Весной 1849 г. венгерская революционная армия добилась значительного успеха, однако была упущена возможность перейти в наступление против австрийцев.

...по свидетельству Кастера, 200 000 крепостных...— Речь идет о книге Ж. Кастера «Histoire de Catherine II, impératrice de Russie», вышедшей в Париже в 1797 г. (4 тома, второе, дополненное издание). В предисловии к книге автор указывает, что источником сведений о царствовании Петра III и Екатерины II ему служили главным образом рукописные и устные свидетельства иностранных дипломатов и других иностранцев, так или иначе вступавших в соприкосновение с Россией. Кастера называет французского посла Сегюра, воспитателя Александра I Лагарпа и многих других. В книге много подробностей дипломатической и придворной жизни, но в целом достоверностью она не отличается. Тем не менее, касаясь русского XVIII века, Герцен несомненно неоднократно пользовался материалом книги Кастера, написанной притом в духе враждебности к Екатерине. Кастера подчеркивает, что Пугачев сделал ошибку, не направив свои силы на Москву, где его ждали 100 000 крепостных, готовых восстать при его приближении (см. указ. соч., т. II, стр. 174).

Взятый в плен ∞ летает в поднебесье.— Эти сведения Герцен песочно взял из последней главы «Истории Пугачева» А. С. Пушкина.

Стр. 48. По данным последней ревизии...— Герцен, очевидно, имеет в виду девятую «ревизию» (т. е. перепись) 1850 г.

Стр. 50. ...в 1846 году уехал из России...— Герцен уехал за границу в январе 1847 г.

Стр. 51. В числе этих предводителей дворянства был Ш., впоследствии министр юстиции...— В должности министра юстиции с 1839 по 1862 г. состоял В. Н. Панин. Герцен, очевидно, имеет в виду В. А. Шереметева, который в 1830-х годах был предводителем дворянства Орловской губернии, а в 1840-х годах — товарищем министра юстиции.

Стр. 52. Он говорит о плети с приписывает ей всю славу Рима...— В третьем томе упомянутого труда Гакстаузена (1852) имеется рассуждение о «благодетельном» воздействии применяемой в русской армии палки, которая сравнивается с виноградной лозой, поддерживавшей воинскую доблесть римских легионеров.

Стр. 53. ...административная реформа Киселева...— П. Д. Киселев, назначенный в 1837 г. министром государственных имуществ, пытался упорядочить правовое и хозяйственное устройство государственных крестьян, исходя из особенностей русского общинного уклада.

Стр. 55. Доново Кортес в Мадриде...— См. комментарий к «С того берега» (т. VI наст. изд., стр. 510—512).

...сказал однажды граф, один из наложников, состоявших в свите императрицы Екатерины...— В «Крещеной собственности», где рассказан тот же эпизод, это место читается: «...спросил однажды граф Завадовский или Зорич, словом, один из наложников...» (см. стр. 115 наст. тома).

Стр. 57. Камергер его императорского величества...— Фамилию этого камергера Герцен назвал в «Былом и думах»: «Я в другом месте рассказал о человеке, засеченном князем Трубецким, и о камергере Базилевском, высеченном своими людьми» (часть IV, гл. XXVII). См. также статьи «Юрьев день! Юрьев день!» (1853), «Крещеная собственность» (1853), «Сечь или не сечь мужика?» (1857).

Стр. 60. ...о событиях 24-го февраля.— 24 февраля 1848 г. Луи Филипп отрекся от престола, а на следующий день была провозглашена республика.

1853

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЛОНДОНЕ. БРАТЬЯМ НА РУСИ

Впервые опубликовано в 1853 г. отдельной литографированной листовкой Вольной русской типографией в Лондоне. Подпись: Александр Герцен (Искандер). В переводе на польский язык напечатано в газете «Demokrata Polski» от 15 мая 1853 г.; сокращенно, в переводе на французский язык, — в газете «La Nation» от 19 июня 1853 г.

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне. Сборник ее первых листов, составленный и изданный Л. Чернецким», Лондон, 1863, стр. 1—8. Автограф неизвестен.

Листовка «Вольное русское книгопечатание...» — важная веха, знаменующая начало деятельности Герцена — организатора русской бесцензурной печати. В 1863 г. в предисловии к сборнику «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне» Герцен писал: «Десять лет тому назад, в конце февраля, было разослано объявление об открытии в Лондоне Вольной русской типографии. В мае (неточно — в июне. — *Ред.*) вышел первый отпечатанный в ней лист, и с тех пор станок русский работал не останавливаясь».

В комментируемой листовке Герцен отмечает, что еще в 1849 г. он вынашивал мысль о печатании русских книг в Париже (см. также статью 1849 г. «Вместо предисловия или объяснения к сборнику» — т. VI наст. изд., стр. 145—149, 513—514). Однако свой замысел Герцен осуществил только в 1853 г. при активном содействии членов польской демократической Централизации. Польские эмигранты, незадолго перед тем основавшие в Лондоне польскую типографию, помогли Герцену организовать русскую типографию, в частности, достать для нее в Париже русский шрифт, а также предоставили в распоряжение Герцена уже налаженную ими организацию доставки нелегальной литературы в Россию.

Царскому правительству листовка «Вольное русское книгопечатание...» стала известна в июне 1853 г. 19 июня министерство иностранных дел сообщило об ее появлении шефу жандармов (на основании перевода, помещенного в «Demokrata Polski»).

«Вольное русское книгопечатание...» является декларацией взгляда Герцена на задачи и значение бесцензурной печати и в то же время призывом, обращенным к передовой части русского общества, принять практическое участие в деятельности этой бесцензурной печати. Герцен впоследствии неоднократно говорил о том, что вплоть до окончания Восточной войны и смерти Николая I призыв этот оставался бесплодным. Письма Герцена к М. К. Рейхель 1853 г. отражают своеобразную борьбу, которую он вел с «московскими друзьями» и через них — с тем образованным меньшинством дворянского класса, на которое Герцен в этот период рассчитывал. 24 февраля 1853 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «...отчего мне не сманифестить? Сейчас перо, бумагу и пишу: „Вольное русское книгопечатание в Лондоне“. — „Братия“... и как следует: во-вторых, в-третьих...» Но первое же ответное письмо Рейхель, в котором отразились настроения «московских друзей», принесло Герцену разочарование. «Неужели, — пишет он 3 марта 1853 г., — наши друзья не имеют ничего сообщить? неужели не имеют желания даже прочесть что-нибудь? <...> Если им нечего говорить, если им приятнее молчать, безопасно, нежели с опасностью говорить (очень небольшой, ибо ничье имя не будет упомянуто, кроме моего и мертвых), значит, что и будущий переворот застанет нас тем же добрым стадом пастыря Николая и сынов его, как и 48 год». 6 апреля 1853 г. Герцен с горечью писал по поводу московских либералов: «Пусть же будет всему миру известно, что в половине XIX столетия безумец, веривший и любивший Россию, завел типографию для русских, предложил им печатать даже даром, потерял свои деньги и ничего не напечатал, кроме своих ненужных статей». В письме от 12 апреля 1853 г. Герцен подчеркивает, что его прокламация обращена не к нескольким личным знакомым, но вообще к образованному меньшинству: «Я не могу опять не сказать слова два об объявлении. Да вам все сдается, что я прямо говорю пяти или шести нашим приятелям и друзьям. Помилуйте, это ни к кому не относится, кроме к свободно мыслящей части публики».

Стр. 62. *Мы им рассказали как могли о Руси...*—Герцен имеет в виду те свои произведения, в которых он ставил себе задачу ознакомить передовую общественность Западной Европы с русским народом, с русской историей и культурой («О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм» и др.).

Стр. 63. *...относится к панславистам...*— т. е. к славянофилам.

Стр. 64. *С первого мая 1853 типография будет открыта.*— Типография стала работать позднее— в июне 1853 г. В 1853—1855 гг. Герцен напечатал в Вольной русской типографии: «Юрьев день! Юрьев день!», «Крещеную собственность», «Прерванные рассказы Искандера», «Тюрьму и ссылку», «Письма из Франции и Италии», «С того берега» и другие свои произведения.

Печатается по тексту газеты «Demokrata Polski» от 25 мая 1853 г., где было впервые опубликовано. Перед текстом письма было напечатано примечание от редакции «Demokrata Polski», в котором сообщалось, что письмо получено от автора на французском языке и переведено редакцией газеты на польский язык без изменений. Автограф неизвестен.

На страницах газеты «Demokrata Polski» («Польский демократ») в 1853 г. часто публиковались сообщения об открытии и работе Вольной русской типографии, статьи и воззвания самого Герцена. Так, 15 мая 1853 г. в «Польском демократе» писалось: «При типографии Польского демократического общества и в связи с нею создалась вольная русская типография, основанная стараниями и средствами гражданина Александра Герцена, русского, известного в литературном и политическом мире под псевдонимом Искандер». Своим отношениям и сотрудничеству с польскими демократами Герцен придавал большое значение, рассматривая их как проявление союза революционной Польши с революционной Россией.

В письме в редакцию «Польского демократа» отразились также народные иллюзии Герцена в отношении русской сельской общины.

Стр. 72. *В последнем номере (от 10 мая) ∞ братски протянула мне руку.* — 15 мая 1853 г. в «Demokrata Polski» было помещено в переводе на польский язык воззвание Герцена «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси».

Стр. 74. *К счастью, школа русских гибеллинов не могла образоваться.* — Гибеллины — политическая партия в Италии XII—XV веков; в ее составе преобладала феодальная знать, поддерживавшая германских императоров.

Стр. 75. *Император Александр сам мечтал о проекте конституции, а составление других проектов поручил Сперанскому.* — Герцен имеет в виду «либеральные мероприятия», относящиеся к первым годам царствования Александра I: создание и деятельность Негласного комитета (1801—1803) и поручение М. М. Сперанскому составить план государственных преобразований. Предполагалось перестроить систему государственной власти и управления и завершить эти реформы «конституцией, соответствующей истинному духу нации». Однако на практике эти широкообещающие декларации свелись лишь к перестройке Сената и образованию министерств взамен коллегий.

Стр. 77. *...мы отсидели свои пять лет ссылки за сочувствие еи-си-мониаму.* — Герцен имеет в виду свою ссылку в Пермь, Вятку и Владимир. См. «Былое и думы», части II—III.

В 1849 году ∞ по словам официального сообщения. — Герцен имеет в виду приговор по делу петрашевцев.

Стр. 79. *...больше для Европы, чем для России.* — К этому месту редакция «Польского демократа» сделала примечание о вышедших в 1840 — начале 1850-х годов за границей работах И. Головина, Н. Тургенева, М. Бакунина и Герцена.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ! ЮРЬЕВ ДЕНЬ!

Русскому дворянству

Впервые опубликовано в виде листовки в 1853 г. Вольной русской типографией в Лондоне. Без подписи.

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», Лондон, 1863, стр. 9—23. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 85, строка 5: горькою мысль, острою кровь *вместо:* горькую мысль, острую кровь (*по тексту листовки*).

Стр. 85, строка 8: тем, которым *вместо:* тем, которые

«Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству» — первая прокламация, изданная Вольной русской типографией. 25 июня 1853 г. Герцен сообщил М. К. Рейхель, что первый лист Вольной типографии выйдет «на будущей неделе». Прокламация «Юрьев день!» была написана, таким образом, скорее всего в июне 1853 г. и сразу же переправлена в Россию. 22 июля Герцен писал М. К. Рейхель: «... „Юрьев день“ послан уже высшим чиновникам в Питер по почте, — пусть потешатся». Прокламация была немедленно доложена императору.

Первое издание Вольной типографии Герцен, естественно, посвятил крестьянскому вопросу, который он считал самым важным и решающим для России. В этой прокламации, как и в других антикрепостнических высказываниях Герцена того времени, сказались противоречия его мировоззрения. Герцен делает еще ставку на образованное меньшинство дворянского класса; в то же время он вовсе не уверен в том, что дворянство проявит добрую волю в деле освобождения крестьян. В таком случае, по убеждению Герцена, естественным и оправданным окажется крестьянское восстание. Герцен кратко формулирует ряд важнейших для него положений, которые развернуты им в таких произведениях, как «Русское крепостничество», «Крещеная собственность», «Старый мир и Россия». Так же, как в других своих произведениях 50-х годов, он устанавливает здесь аналогии между положением дел в России и в Западной Европе в период торжества реакции после крушения революции 1848 г. В прокламации Герцен впервые употребил слово «топор» для обозначения народной революции; в 50 — 60-х годах оно стало широко применяться в этом значении.

С т р. 81. *С Юрьева дня начнется новая жизнь России...* — В Московской Руси *Юрьев день* (26 ноября) был единственным днем в году, когда зависимые крестьяне имели право переходить от одного владельца к другому. Русские историки первоначально считали, что это право было уничтожено царским указом 1592 г. Впоследствии возобладал взгляд, что право перехода отмерло постепенно, вследствие крайней экономической закабаленности крестьянства.

С т р. 82. *...американские помещики защищают свои черные права.* — Речь идет о борьбе в Соединенных Штатах Америки между сторонниками и противниками рабовладения.

...дворяне и правительство перепугались... — После событий 1848 г. были немедленно прекращены даже те робкие попытки упорядочения отношений между крестьянами и помещиками, которые ранее предпринимало правительство Николая I.

...х а м е р г е р а высекли розгами... — Об этом эпизоде с камергером Базилевским Герцен рассказывает подробнее в «Русском крепостничестве» и в «Крещеной собственности».

...намек в 1842 году. — Герцен имеет в виду указ Николая I об обязанных крестьянах, опубликованный 2 апреля 1842 г. Согласно этому указу, помещик мог до известной степени предоставить крестьянам личную

свободу, сохраняя при этом право собственности на землю; часть этой земли он давал крестьянам в пользование взамен повинностей и оброка, точно определенных по каждому имению (система инвентарей). Воспользоваться новым законом предоставлялось «единственно доброй воле и влечению собственного сердца» помещика. Эта неясно сформулированная полумера не нашла почти никакого практического применения.

Стр. 83. *Никодим* — по христианскому преданию, фарисей, объявивший себя учеником Христа. О нем рассказано в приписываемом ему апокрифическом евангелии, известном под названием Никодимова евангелия.

Французское дворянство 4-го августа 1792 года... — Описка Герцена: на самом деле — 4 августа 1789 г., когда дворяне — депутаты Учредительного собрания отказались от тех феодальных прав, которые фактически уже были сметены революцией.

Стр. 84. *...рассказы о старорусском восстании.* — В 1831 г. вспыхнуло восстание в военных поселениях Старой Руссы.

Стр. 85. *Мало будет теперь тем пять лет мученичества...* — Речь, видимо, идет о французских рабочих и городской бедноте, которых республиканское правительство обещало улучшить жизненных условий после временных испытаний (осадное положение, объявленное после разгрома июньского народного восстания, продолжалось три месяца). В 1853 г., когда был написан «Юрьев день!», демократические массы Франции уже пять лет страдали под гнетом буржуазной реакции.

Стр. 86. *...журовский австрийский император нашел средство унять галицких помещиков...* — Речь идет об австрийском императоре Фердинанде I, в 1848 г. отрекшемся от престола в пользу своего племянника Франца Иосифа. В 1846 г. поляки подняли восстание в Галиции. Правительство Фердинанда воспользовалось этим, чтобы уничтожить самостоятельность Краковской республики (признанную Венским конгрессом 1815 г.) и занять Галицию. *Шела* — предводитель отрядов польских крестьян, которые в 1846 г. громили в Галиции помещичьи усадьбы и убивали помещиков. Герцен далее называет Шелу сообщником Фердинанда I, потому что австрийское правительство использовало это крестьянское движение для подавления борьбы галицийских поляков за независимость.

ПОЛЯКИ ПРОЩАЮТ НАС!

Впервые опубликовано особым листком в 1853 г. Вольной русской типографией в Лондоне. Подпись: Александр Герцен. В переводе на польский язык напечатано в «Demokrata Polski» от 25 сентября 1853 г., в переводе на французский язык — в «La Nation» от 16 сентября 1853 г. и в «L'Нотте». № 5 от 28 декабря 1853 г.

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», Лондон, 1863, стр. 25—40. Автограф неизвестен.

Статья Герцена, как видно из самого текста, была ответом на какое-то обращение польской Централизации к русскому народу. В письме к Ж. Мишле от 9 ноября 1853 г. Герцен прямо говорит, что его статья «была *русским* ответом на адрес, составленный польскими демократами». Подтверждение этого факта мы находим и у польских авторов. Б. Лимановский сообщает в своих работах, что статью «Поляки прощают нас» Герцен написал в ответ на воззвание Централизации к русскому народу, опубликованное в начале июля 1853 г. в связи с вступлением царской армии в Дунайские княжества. В своем возвании Централизация призывала русский народ к совместной с поляками борьбе против царизма (см. В. Limanowski. Historia demokracji polskiej. Wyd. III, W-wa, 1946, cz. II, s. 264). Идею совместной борьбы двух народов развивал в этот период

и Герцен. Таким образом, уже в 1853 г. Герцен и представители польской демократической эмиграции сделали ряд шагов в направлении создания русско-польского революционного союза.

Ст р. 87. *Европа ∞ отдала Польшу, отдала ее в Вене, спасенной поляком.*— Герцен имеет в виду Венский конгресс 1814—1815 гг., осуществивший новый раздел Польши. Говоря о спасении поляками Вены, Герцен подразумевает разгром в 1683 г. под Веной турецкой армии соединенными силами австрийцев и поляков, возглавлявшихся польским королем Яном III Собеским.

Ст р. 88. *Это не трехдневный бой на улицах ∞ это была отчаянная война ∞ не за власть, не за палачей.*— Речь идет о польском восстании 1830—1831 гг.

Перейдя границу, они взяли с собой свою родину и, не склоняя головы, гордо и упрямо пронесли ее по свету.— После подавления восстания 1830—1831 гг. многие его участники были вынуждены покинуть родину и эмигрировать в Западную Европу, где они образовали так называемую «Великую польскую эмиграцию».

«Здесь!», как сказал один из их вожатаяв.— Это сказал один из руководящих деятелей польской демократической эмиграции В. Дараш, когда в 1848 г. во Франции разразилась революция.

Ст р. 90—91. *Народ польский ∞ служил ∞ панихиду Муравьеву, Пестелю и их друзьям.*— Во время польского восстания 1830—1831 гг. сейм принял 25 января 1831 г. акт о низложении Николая I с польского престола. В этот день в Варшаве проходила народная демонстрация под лозунгом «За вашу и нашу свободу». Во время демонстрации были отданы траурные почести казненным декабристам.

Ст р. 91. *...частную вражду Польши и России.*— В 1840—1844 гг. А. Мицкевич выдвинул в курсе лекций о славянских литературах, прочитанном им в Collège de France в Париже, идею славянского единства.

...они звали на примирение и на общую борьбу.— Вероятно, Герцен имеет в виду торжественное собрание, посвященное памяти декабристов, состоявшееся в июле 1845 г. и организованное польскими демократами в Лондоне, входившими в общество «Польский народ». Собрание постановило обратиться с воззванием к русскому народу. Текст обращения неизвестен.

...предлагал во имя юной России союз и братство.— В речи, произнесенной 29 ноября 1847 г. на собрании поляков в Париже в память семнадцатой годовщины восстания 1830—1831 гг., М. А. Бакунин осуждал царизм и его репрессии против польского народа и призывал польский и русский народы к совместной борьбе против царизма.

Ст р. 92. *...первообраз того соединения, о котором идет речь.*— Шимон Конарский, участник восстания 1830—1831 гг., видный деятель польской демократической эмиграции, в 1835 г. направился сначала на Волынь, затем в Белоруссию и Литву, где создал тайное общество, ставшее целью борьбу с царизмом для освобождения польского народа. В мае 1838 г. близ Вильно был арестован. Группа русских офицеров виленского гарнизона, во главе с Н. Кузьминым-Караваевым, готовила побег Конарского, но предательство сорвало этот план. В феврале 1839 г. Конарский был расстрелян.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Впервые опубликовано в 1853 г. Вольной русской типографией в Лондоне, в 1857 г. было вышущено второе издание с новым предисловием Герцена.

Печатается по тексту издания: «Крещеная собственность» Искандера, издание третье (И. Трюбнера), Лондон, 1858. На титульном листе ошибочно указано: «издание второе». Автограф неизвестен.

Предисловие к первому изданию см. на стр. 451 наст. тома.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 98, строка 7: по нравам и обычаям *вместо*: по правам и обычаям (по изд. 1853 г.)

Стр. 99, строка 9. скривлен *вместо*: скривлен (по изд. 1853 г.)

Стр. 105, строка 35: Оно их знает *вместо*: Она их знает

Стр. 107, строка 15: бросают перчатку, *вместо*: бросает перчатку (по изд. 1853 и 1857 гг.)

Стр. 111, строки 34—36: рыцарство с его высоким понятием независимой личности и среднее состояние с его непреклонной идеей права *вместо*: рыцарство с его непреклонной идеей права (по изд. 1853 и 1857 гг.)

Как видно из предисловия к первому изданию «Крещеной собственности», датированного 22 июля 1853 г., «Крещеная собственность» первоначально мыслилась Герценом составной частью его «Былого и дум». Понятно в этой связи, что во втором издании «Крещеной собственности» Герцен отказался от упомянутого предисловия и заменил его другим. В предисловии ко второму изданию, написанном уже осенью 1856 г.— после Крымской войны и смерти Николая I,— явственно сказались колебания Герцена к либерализму в этот период. Он негодует на преступное бездействие правительства в крестьянском вопросе — и в то же время еще апеллирует к благим намерениям Александра II. 16 декабря 1856 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Еще посылаю вам втор(ое) изд(ание) «Крещеной собственности», — там следует прочесть введение».

По своей антикрепостнической проблематике и по фактическому материалу «Крещеная собственность» чрезвычайно близка к статье 1852 г. «Русское крепостничество» (см. наст. том, стр. 7—61).

Стр. 94. *Все отложено до коронации...*— Коронация Александра II состоялась 26 августа 1856 г.

Стр. 95—96. *С какой стати ∞ коронованным лаццарони.*— Речь идет о неаполитанском короле (короле Обеих Сицилий) Фердинанде II, получившем прозвище «Король-бомба». Чтобы сломить сопротивление либеральной буржуазии, Фердинанд в мае 1848 г. натравил на нее неаполитанских лаццарони, которые вместе с королевскими гвардейцами устроили в городе бойню. Очевидно, поэтому Герцен называет Фердинанда «коронованным лаццарони». Репрессии Фердинанда против сторонников объединения Италии и изгнания из Неаполя и Сицилии династии Бурбонов приняли столь кровавый характер, что это вызвало протест Англии и Франции. Правительство Александра II, напротив, шло на сближение с Фердинандом. Последний еще во время Крымской войны, как представитель феодально-деспотической монархии, выражал симпатии к царской России, в частности, вероятно, и потому, что враждебная ему Сардиния приняла участие в войне на стороне Англии и Франции. «Неаполитанский вопрос» был в высшей степени актуален в октябре 1856 г., когда Герцен писал предисловие к «Крещеной собственности». Именно в октябре Англии и Франция отозвали из Неаполя своих представителей, после того как Фердинанд в резкой форме отклонил всякие попытки добиться смягчения установленного им режима.

Стр. 96. *...вопрос разрешится топором крестьянина ∞ в любви к кровавым мерам.*— Герцен имеет в виду свою прокламацию «Юрьев день! Юрьев день!». Обвинение в «любви к кровавым мерам» стало впоследствии общим местом в направленных против Герцена реакционных и либеральных статьях. См. заметку Герцена «От издателя» в первой части сборника «Го-

лоса из России» (1856) и комментарий к ней (стр. 329—330 и 552—553 наст. тома).

Стр. 98. *У нас нет потомства победителей, завоевавших нас...*— В современной Герцену историографии распространена была разработанная Огюстеном Тьерри «теория завоеваний», согласно которой классовое расслоение общества является продуктом первоначального покорения нации другой нацией.

Стр. 99. *...за этого белоруса его паны не свободны...*— Герцен никогда не мог примириться с позицией, которую аристократическая часть польской эмиграции занимала в крестьянском вопросе.

Стр. 100. *...деспотиям и избирательные судьи, централизация и выборная земская полиция.*— Герцен имеет в виду сословные права, предоставленные изданным Екатериной II «Учреждением для управления губернией», а также «Жалованной грамотой дворянству» и «Грамотой городам». Дворянство выбирало из своей среды исправников и всех членов верхнего земского суда. Горожане и государственные крестьяне выбирали представителей в суды, ведавшие их делами; впрочем, права этих представителей были крайне ограничены.

Стр. 102. *...голштейнские, брауншвейгские и ангальт-цербстские наследники...*— Мужская линия династии Романовых прервалась на Петре II. Регентша Анна Леопольдовна была женой герцога Брауншвейгского, Петр III — сыном герцога Голштейн-готторпского, Екатерина II — дочерью принца Ангальт-Цербстского.

Этот замечательный анекдот рассказан Н. Тургеневым...— См. примечание к стр. 39—40 наст. тома.

Стр. 103. *Запрещая дворянам, не имеющим земли, покупать крестьян...*— См. примечание к стр. 40 наст. тома.

Стр. 104. *Русское правительство соединено с Англией договором против торговли невольниками.*— См. примечание к стр. 40 наст. тома.

...указ 2 апреля 1842 года...— См. примечание к стр. 82 наст. тома.

Стр. 106. *...воспитательные дома превращать в рынки...*— См. об этом «Русское крепостничество», подстрочное примечание Герцена (стр. 14 и 42).

...на поездку в Палермо...— В 1845 г. Николай I посетил Фердинанда II (см. выше примечание к стр. 95—96). Впоследствии Герцен упомянул об этой поездке в статье «Августейшие путешественники» (1857).

Стр. 107. *Германия потеряла всякий политический смысл ∞ усмири крестьян.*— Герцен имеет в виду экономический и политический упадок, который начался в XVI веке в Германии после победного для феодалов окончания Крестьянской войны.

Стр. 108. *Перечень казней ∞ дрался народ.*— В примечаниях к восьмой главе «Истории Пугачева» Пушкин поместил изданный правительством Екатерины II список убитых пугачевцами. В этом списке, понятно, преобладают чиновники, офицеры, помещики.

Стр. 109. *...макабрские встречи пляшущих...*— Макабрские пляски (la danse macabre)— пляски смерти. Так назывались в средние века аллегорические действия, в которых главную роль играла смерть, изображавшаяся обычно в виде скелета. Особенно распространены были в период войн, моровых ветров и других бедствий.

Стр. 110. *Другой казак...*— См. примечание к стр. 46 наст. тома.

Стр. 111. *Елизавета сделала своего любовника гетманом.*— Фаворитом Елизаветы являлся А. Разумовский, впоследствии вступивший с ней вmorganaticкий брак. В звание гетмана Малороссии был возведен (в 1750 г.) младший брат Разумовского — Кирилл.

Стр. 112. *...под суринамским помещиком...*— Называя гнет русских помещиков суринамским, Герцен имеет в виду рабовладельческий, плантаторский уклад, существовавший в Голландской Гвиане (Суринаме).

Стр. 113. ...*кортомными деньгами*...— Кортома — арендная плата, оброк.

...на о б р а т н о м сен-симониаме...— Речь идет о знаменитом лозунге сен-симонистов: «Каждому по его способностям».

Стр. 114. ...*королевски-пруссский якобинец абсолютизма*...— Здесь слово «якобинец» употреблено в смысле — отверженец крайних мнений, крайних методов политического действия.

Стр. 116. ...*мать отчества*...— Это наименование было присвоено Екатерине II решением сената в 1767 г.

У *Кастеры приложен счет*.— О книге Ж. Кастера см. примечание к стр. 47 наст. тома. В IV томе автор приводит список любовников Екатерины и подробно перечисляет все, что каждый из них получил от нее деньгами, именьями, драгоценностями, ценной посудой и проч. (см. J. Castéra. Histoire de Catherine II, impératrice de Russie. V. IV, Paris, an VIII, p. 89—95).

Эта неприятность случилась с одним камергером...— См. примечание к стр. 57 наст. тома.

THE RUSSIAN AGENT BAKUNIN 〈РУССКИЙ АГЕНТ БАКУНИН〉

Печатается по тексту газеты «The Morning Advertiser» от 24 августа 1853 г., где было опубликовано впервые. Подписи: Ivan Golovine, A. Herzen, Stanislav Worcell. Автограф неизвестен.

Эпизод, в связи с которым написано настоящее письмо, Герцен рассказал в «Былом и думах», в главе «Немцы в эмиграции», и, как все, что касается его отношений с Марксом, рассказал предвзято (см. комментарий к «Былому и думах», т. XI наст. изд., стр. 678—680). 2 сентября 1853 г. Маркс писал Энгельсу: «Насколько я знаю, ты не читаешь «Morning Advertiser». Эта газета «united victuallers» <«объединенных трактирщиков»> поместила статью одного «foreign correspondent» <«иностранный корреспондент»> (полагаю господина *Головина*), содержащую апологию Бакунина. В ответ на это некий аноним Ф. М. в этой же газете объявляет Бакунина русским шпионом, рассказывает о том, как хорошо ему сейчас живется, и т. д. На это последовал ответ *Головина* и *Герцена*, которые заявляют при этом, что еще в 1848 г. одна «German paper» <«германская газета»> пустила в ход эту клевету, «had even ventured to appeal to the testimony of George Sande» <«позволила себе даже сослаться на свидетельство Жорж Санд»>. Три дня тому назад на сцену является д-р Арнольд Руге и сообщает, что эта немецкая газета есть «Новая рейнская газета», издатель которой, «доктор Маркс», был в такой же мере, как и все остальные демократы, убежден в лживости своей клеветы» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, М.—Л., 1929, стр. 511).

Упомянутая Марксом статья И. Головина появилась в «The Morning Advertiser» 14 августа 1853 г., заметка Ф. М.—23 августа, комментируемое письмо—24 августа, второе письмо, также подписанное Герценом и Головиным—29-го, письмо Руге—31-го. 1 сентября 1853 г. газета «The Morning Advertiser» напечатала заявление Маркса, в котором он резко протестовал против попытки связать «Новую рейнскую газету» с выступлением против Бакунина Ф. М. (об обвинениях против Бакунина, появившихся в 1848 г. в «Новой рейнской газете», см. комментарий к статье «Михаил Бакунин», т. VII наст. изд., стр. 446, а также комментарий к главе «Былого и дум» «Немцы в эмиграции»); текст этого своего заявления Маркс цитирует в упомянутом письме от 2 сентября. Из письма Маркса

к Энгельсу от 7 сентября 1853 г. явствует, что в связи с полемикой, завязавшейся вокруг заметки Ф. М., Маркс написал еще один ответ Головину, который «The Morning Advertiser» не напечатал (там же, стр. 515—516). Полемика при деятельном участии Головина, но уже без участия Герцена и Маркса, продолжалась вплоть до октября.

В октябре редакция, наконец, заявила, что прекращает все споры о Бакуanine, доверяя защитникам его чести.

За инициалами Ф. М. скрывался однофамилец Маркса, английский землевладелец Френсис Маркс, человек, близкий редакции «The Morning Advertiser».

Трудно сказать, знал ли Герцен фамилию «Ф. М.». Но если и знал, то в 1853 г. он никак не мог отождествить его с Карлом Марксом, выступившем в «The Morning Advertiser» против «Ф. М.» и в защиту Бакунина. Это видно и из писем Герцена к Линтону. 23 августа 1853 г. он писал Линтону: «Пишу вам <...> по поводу беспардонной низости, совершенной «Morning Advertiser», опубликовавшим сегодня статью, в которой он говорит, что Бакунин русский агент. Мы послали гневную статью против этой подлости; я вам ее пришло». 7 сентября 1853 г. Герцен писал ему же: «Руге напечатал от своего имени письмо в защиту Бакунина». Маркс тоже вмешался в это дело. Головин превратит это в бесконечную канитель. Но важно то, что мы его защитили, и мы назвали себя, тогда как обвинитель остался скрытым».

Стр. 120. ...за дрезденскую революцию и за участие в пражских делах.— См. статью «Михаил Бакунин», т. VII наст. изд., стр. 357—359.

...томится в темницах Петербурга.— Бакунин в 1853 г. находился в заключении в Петропавловской крепости.

...в день годовщины польской революции ∞ палачом Польши.— См. статью «Михаил Бакунин» и примечания к ней, т. VII наст. изд., стр. 357, 446.

WHO IS «F. M.»?

<КТО ТАКОЙ «Ф. М.»?>

Печатается по тексту газеты «The Morning Advertiser» от 29 августа 1853 г., где было опубликовано впервые. Подписи: Ivan Golovin, Alexander Herzen. Автограф неизвестен.

Об обстоятельствах, вызвавших письмо Герцена, см. в комментарии к статье «Русский агент Бакунина».

Стр. 124. Он был арестован в 12 милях от Дрездена.— 9 мая 1849 г. революционеры отступили из Дрездена; 10 мая Бакунин был арестован в Хемнице.

XXIII ГОДОВЩИНА ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ В ЛОНДОНЕ

Впервые опубликовано на французском языке в газете «La Nation» от 7 декабря 1853 г. В переводе на польский язык напечатано в «Demokrata Polski» от 15 декабря 1853 г., в переводе на английский язык — в «The English Republic», 1854, т. III.

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», Лондон, 1863, стр. 69—82. Автограф неизвестен.

29 ноября 1853 г. на собрании, состоявшемся в зале ГанOVER-Рум в Лондоне по случаю XXIII годовщины польского восстания 1830 г., Герцен произнес по-французски речь, вызвавшую бурное одобрение присутствовавших. В письме к М. К. Рейхель от 3 декабря 1853 г. Герцен отмечал: «Митинг был блестящий. Речь моя крепко понравилась; она была зла, ядовита и забориста». В другом письме, от 8 декабря 1853 г., Герцен отмечал, что «митинг наделал страшный шум».

Стр. 126. ...предлагал союз демократической Польши с русскими революционерами.— См. примечание к стр. 91 наст. тома.

...как я сказал в другом месте...— В статье «Поляки прощают нас».

Стр. 129. ...всех ультиматумов с манифестов с параграфами Кучук-Кайнарджского мира?..— Герцен имеет в виду события, предшествовавшие началу Крымской войны. Как известно, поводом для нее послужил спор между католиками и православными о «святых местах» в Палестине. За первыми стояла Франция, за вторыми — Россия. Этот спор о «святых местах», усилившийся в начале 1853 г., сопровождался демаршами русского правительства в Турции. В феврале 1853 г. туда с чрезвычайными полномочиями был направлен князь А. С. Меншиков, который ультимативно потребовал от турецкого правительства окончательного решения вопроса о «святых местах» в пользу православной церкви, а также подписания договора о протекторате России над всем православным населением Турецкой империи. Турция ответила отказом, и русский посол в мае 1853 г. покинул Константинополь. После этого главнокомандующий русской армией М. Д. Горчаков по указанию царя направил турецкому правительству ноту, содержащую угрозу оккупации Дунайских княжеств. Когда турецкое правительство ответило отказом, Николай I издал манифест о занятии Дунайских княжеств русскими войсками. Манифест содержал ссылки на Кучук-Кайнарджийский трактат 1774 г., заключенный между Россией и Турцией и содержавший статьи о религиозных правах христиан Турецкой империи. 21 июня/3 июля 1853 г. русская армия оккупировала Дунайские княжества. В октябре того же года на Дунае начались военные действия. На стороне Турции выступили Англия и Франция, в начале 1854 года официально объявившие войну России.

...он угас, одиноко и неважно...— Александр I умер в ноябре 1825 г. в Таганроге.

Стр. 130. ...возмущение на Исаакиевской площади!— Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. на Исаакиевской площади в Петербурге.

Стр. 131. ...открыли революционный клуб.— В апреле 1849 г. были арестованы участники кружка Петрашевского. Кружок начал свою деятельность зимой 1845—1846 гг.

...купил какого-нибудь Гергея...— В начале лета 1849 г. Николай I двинул русскую армию в Венгрию для подавления революции. Однако только после того, как царскому командованию удалось привлечь на свою сторону командующего венгерской армией Гергея, и после его капитуляции (30 июля/11 августа 1849 г.) участь революционной Венгрии была решена.

МАРИИ Р.....

Впервые опубликовано в качестве предисловия — посвящения в сборнике «Прерванные рассказы Искандера», Лондон, 1854, стр. III—VI; подпись: И.....

Печатается по тексту сборника «Прерванные рассказы Искандера»,

Издание второе, исправленное автором, Лондон, 1857, стр. V—VIII. Автограф неизвестен.

Адресат посвящения «Прерванных рассказов» — старый друг Герцена, Мария Каспаровна Рейхель. Посвящение датировано 31 декабря 1853 г., но уже 29 сентября 1853 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Ну, а посвящение вам, все-таки, сделано»; ср. в письме от 8 октября: «Волюмчик, вам посвящен<ый>, печатается, но ближе двух месяцев не будет готов, прямо вам к Новому году». М. К. Рейхель, живя с 1847 г. постоянно за границей, поддерживала отношения с Россией, и Герцен не считал возможным назвать в своей книге ее имя полностью. 22 октября (3 ноября) 1853 г. он писал ей: «Повести печатаются. Посвящение «Марии Р.» — вот и не компрометирую. Р. — Ртищева, Ротчева, Ротшильд. Написал я к имени несколько строк».

В сборник «Прерванные рассказы Искандера» вошли: «Долг прежде всего», «Поврежденный», «Мимоездом», «Доктор Крупов». Повесть, которая «едва начата», — «Долг пржде всего»; повесть, которая «не кончена», вероятно, «Поврежденный».

1854

LA RUSSIE ET LE VIEUX MONDE

〈СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ〉

Впервые опубликовано в 1854 г. на английском языке в журнале Линтона «The English Republic» («Английская республика»), т. III. В письме к М. К. Рейхель от 31 января 1854 г. Герцен упоминает уже об отзыве на публикацию первого из этих «Писем». В марте — апреле 1854 г. печаталось на французском языке в газете «L'Homme» (№№ 18, 19, 20); позднее в том же году на острове Джерси было выпущено отдельное французское издание. В 1857 г. в предисловии к первому листу «Колокола» Герцен сделал подстрочное примечание: «„Le vieux monde et la Russie“ было помещено сначала в английском ревью, потом в „L'Homme“, потом было отпечатано в Жерсе особо и — все продано до последнего экземпляра» (см. т. XIII наст. изд.). В 1858 г. в типографии Свентославского напечатано было русское издание: «Старый мир и Россия. Письма Искандера к редактору «The English Republic», В. Линтону (1854 г.). Перевод с французского», Лондон, 1858.

Этот русский текст был воспроизведен в издании М. К. Лемке. Однако нет достаточных оснований рассматривать его в качестве последней авторской редакции. В предисловии к изданию 1858 г. Герцен писал: «Н. Трюбнер прислал мне прилагаемый перевод, спрашивая моего согласия на издание его <...> я не напращивался на перевод, но не хочу и мешать ему, тем больше что он уже сделан» (см. стр. 452 наст. тома). Возможно, Герцен в какой-то мере отредактировал присланный ему перевод, но во всяком случае текст издания 1858 г. — не авторский текст.

Письма Герцена к Линтону середины 1850-х годов проясняют соотношение между русским, французским и английским текстами некоторых произведений Герцена. М. Мейзенбург переводила их на французский язык; французские переводы посылались Линтону, Линтон или его сотрудники сами уже переводили с французского на английский. В декабре 1853 г. Герцен писал Линтону по поводу «Старого мира и России»: «...я напишу вам два маленьких письма <...> сделайте из них статью или напечатайте перевод, или не делайте ничего — это зависит от вас». Здесь несомненно речь идет о переводе на английский язык текста либо написанного Герценом по-французски, либо переведенного Мейзенбург на французский

язык с не дошедшего до нас русского оригинала. Во всяком случае перевод Мейзенбург, сделанный на глазах у Герцена, возможно при его участии, является авторизованным. Все эти соображения не позволяют рассматривать в качестве основного первоначальный английский текст «Старого мира и России». Английский и французский тексты в основном совпадают, однако в английской редакции добавлено несколько фраз (см. в наст. томе «Варианты»). В наиболее развернутых из этих вставок речь идет об Англии; не исключена возможность, что это не герценовский текст, а добавления, сделанные Линтоном. Это предположение поддерживается тем обстоятельством, что Герцен сам предоставил Линтону полную свободу в обращении с текстом «Старого мира и России».

Редакция «Английской республики» снабдила статью Герцена рядом примечаний. Приведем два из них. К фразе «Она <Европа> трепещет перед словом „социализма“, наисанным на двери» сделано примечание: «Еще более испугана с тех пор, как некоторые безумцы <mad fellows> написали вместо этого слово „коммунизм“». К фразе «Самый полный реестр русских шпионов это *Готский альманах*» сделано примечание: «Альманах королевских фамилий. Будем надеяться, что королева Виктория в этот список не входит. Принц Альберт <муж королевы Виктории> — входит».

В качестве основного текста в настоящем издании принят текст «La Russie et le vieux monde. Lettres à W. Linton. Esq. par Alexandre Herzen». Jersey, 1854. Автограф неизвестен.

В текст внесены следующие исправления:

Стр. 141, строка 10. le 2 janvier 1854 <2 января 1854> *вместо:* le 2 mars 1854 <2 марта 1854>

Стр. 142, строка 6—7: les peuples mourants <народы, обреченные смерти> *вместо:* les peuples mouvants <кочующие народы>

Стр. 149, строка 31: 1854 *вместо:* 1834

Стр. 157, строка 25: la cime <верхушка> *вместо:* le crime <преступление>

В русском переводе в издании 1858 г. много неточностей и пропусков. Так, отсутствует ряд фраз, существенных по своему идейному значению. Например, полностью отсутствуют фразы: «Telle ne sera pas la Révolution sociale» (стр. 135), «L'anthropophagie sociale était plus stationnaire que jamais» (стр. 146), «Toutes les questions vitales sont posées de manière que leur solution nous entraîne de toute nécessité à une réorganisation sociale, à moins qu'elle ne soit différée par une préoccupation extérieure» (стр. 161).

Наряду с этим иногда бывает искажен смысл герценовского текста. Например: «s'é!ancer à corps perdu...» <очертя голову броситься> (стр. 136) переведено: «броситься всем телом в такой коренной переворот»;

«Là où on touchait aux éléments réellement nationaux, le peuple les défendait avec opiniâtreté. Toute la classe des paysans n'accepta rien de la réforme de Pierre I» <«Там где затрагивались начала действительно национальные, — народ упорно их отстаивал. Крестьянство не приняло ничего из реформ Петра I»> (стр. 139) переведено: «Одни крестьяне противудействовали, когда перемены касались основ их быта, и, старательно уклоняясь, не приняли преобразований Петра I»;

«...de courtisanes gouvernant les Etats...» <«куртизанок, правящих государствами»> (стр. 150) переведено: «любовников, управляющих государствами»;

«.. chez les vieux peuples de l'Orient» <«у старых народов Востока»> (стр. 151) переведено: «у старых народов Запада» (эта ошибка делает всю фразу бессмысленной);

«On parle de ces hommes et de leur terrible fin, parce qu'ils sont parvenus à briser cette voûte d'airain qui les entourait» <«Об этих людях, об их ужасном конце говорят, потому что им удалось разбить железный свод, тяготевший над ними...»> (стр. 153) переведено: «Об них и об их ужасной

кончине говорят потому, что многие слышали как билась их голова об медный свод, душивший их...»;

«Les formules sociales ne président jamais à leur réalisation que vaguement» («Социальные формулы остаются смутными, покуда жизнь их не осуществится») (стр. 156) переведено: «Будущее никогда не формируется вполне прежде своего осуществления»;

«L'opinion de la minorité civilisée la constate aussi. Sans peur et sans remords on arriva au socialisme en politique, au réalisme, à la négation de toute religion en philosophie» («О том же свидетельствуют и взгляды образованного меньшинства. Без страха и сожалений мы дошли в политике до социализма, в философии — до реализма и отрицания всяческой религии») (стр. 161) переведено: «Без страха и жалости дошли передовые люди до социальных идей в политике, до реализма в науке, до отрицания и скептицизма в философии» (фраза об «образованном меньшинстве» пропущена);

«L'air devient si vif, si électrique, lorsqu'il y a révolution en Europe... En un mot, l'impérialisme russe ne peut être que très triste et très précaire, à côté de l'Europe révolutionnaire et libre. Il ne peut être colossal et victorieux que près de l'Europe réactionnaire» («Когда Европа охвачена революцией, воздух становится резким, насыщенным электричеством... Словом, бок о бок с Европой, революционной и свободной, русское императорство выглядело бы плачевным и непрочным. Оно может быть мощным и победоносным только рядом с реакционной Европой») (стр. 164) переведено: «К тому же в революционном воздухе есть какое-то электричество, обесиливающее старые власти, так, как атмосфера европейской реакции укрепляет и делает долговечной царскую власть»;

«Ces braves émigrés allemands feront bien de rentrer dans leur patrie qui les réclame... ou qui s'arrangera pour se passer d'eux; mais alors au prix de flots de sang...» («Этим braveм немецким выходцам следовало бы вернуться к себе на родину, которая их призывает... Впрочем, может быть, она без них обойдется, но ценою потоков крови...») (стр. 165) переведено: «Добрым немецким выходцам этим много дела на старой родине»;

«...empereur du gibet, roi aux fusillades» («император виселиц, король расстрелов») (стр. 166) переведено: «император виселиц, император шулерства...»

Из множества неточностей перевода 1858 г. здесь приведены лишь некоторые. В настоящем издании этот перевод заново сверен с французским текстом и переработан.

Статья «Старый мир и Россия» написана в виде писем к В. Линтону, выдающемуся чартистскому поэту, публицисту, переводчику, издателю и общественному деятелю.

Первое знакомство Герцена с Линтоном произошло в 1850 г. в Париже (см. L i n t o n. W. J. The European Republicans, L., 1895), позднее это знакомство перешло в дружбу. Герцен высоко ценил Линтона как переводчика и издателя и охотно передавал ему для опубликования свои работы. Впоследствии читателям «Полярной звезды» Герцена была хорошо известна одна из гравюр Линтона: силуэты пяти казненных декабристов на обложке этого издания.

Статья «Старый мир и Россия» была написана для линтоновского журнала «The English Republic».

Собираясь посылать Линтону письма, составившие статью «Старый мир и Россия», Герцен писал ему 27 декабря 1853 г.: «Я выскажу лишь некоторые общие соображения и начну с изложения моей точки зрения, которая, может быть, не будет вами разделена в ряде мыслей». В письме Герцена от 9 февраля 1854 г. говорилось: «Как, дорогой Линтон, вы ду-

маете, что уже подходите к концу... подождите немножко, не радуйтесь, *третье* письмо чудовищных пропорций па дних затопит вас. В двух предыдущих письмах нет ничего о славянском мире и о России».

«Старый мир и Россия» в какой-то мере завершает цикл статей Герцена первой половины 50-х годов, в которых он ставил себе задачу ознакомить передовое западноевропейское общество с русским пародом и русским освободительным движением («О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм» и др.). Ср. в предисловии к русскому изданию 1858 г.: «Наших соотечественников прошу и не забывать, что эти письма писаны не для русских и не тем языком, которым мы говорим» (стр. 453 наст. тома).

Работа Герцена вызвала широкий интерес в английских демократических кругах и особенно среди чартистов. В чартистских газетах и журналах часто высказывалась мысль о связи судеб Европы с судьбами России. Чартисты не сомневались, что в жизни Европы должны произойти серьезные перемены. Они были уверены, что в этих переменах важную роль суждено сыграть России. Отсюда стремление знать больше о России, понять по-настоящему эту малоизвестную для них страну. Чартистские издания помещали множество статей о России, иногда наивных и невежественных, а порой и весьма проникательных. Чартистов интересовало все: от внешней политики России до положения крепостных и состояния литературы. Естественно, что статья Герцена вызвала у них особенно сочувственный отклик. Это относилось прежде всего к идее объединения славянских народов (см. письмо первое), которая перекликалась с некоторыми теоретическими положениями чартистов, касающимися объединения народов на революционно-демократической основе (см. например, памфлет Э. Джонса «Race versus Nation», а также издания общества «Братских демократов»).

Должна была находить отклик у чартистов и мысль Герцена о том, что революционная «миссия» ложится теперь на плечи пролетариата (письмо второе).

В своих воспоминаниях о Герцене Линтон сочувственно цитирует эту работу Герцена, из чего можно заключить, что статья «Старый мир и Россия» получила одобрение в английских демократических кругах.

В статье Герцен вернулся к ряду тем, которые он настойчиво разрабатывал с конца 40-х годов. Первое письмо начинается размышлениями о кризисе западноевропейского буржуазного строя, перекликающимися с книгой «С того берега», с последними «Письмами из Франции и Италии». Преобразование, которое может спасти Европу от загнивания, от «остановки истории», должно быть, по убеждению Герцена, *социалистическим*. Так же, как в работе «С того берега», в «Письмах из Франции и Италии» и в наброске «Дуализм — это монархия» социализм противопоставляется формальной, политической республике. Россия рассматривается как страна особо благоприятных возможностей для социалистического преобразования. Исходя из этого, Герцен намечает специфику исторического развития России и вообще славянского мира. В общих чертах это та же историческая концепция, которая была развернута в статье «Россия», в работе «О развитии революционных идей в России» и т. д.

В письмах к Линтону встречаются ошибочные положения Герцена — народнические иллюзии относительно социалистической природы русской сельской общины, утверждения, что славянам будто бы присуща политическая пассивность, что федерация и община являются исконными, органическими формами общественной жизни славян. В конце третьего письма Герцен возвращается к теме, которую в 1849 г. он поднял в своем «Письме русского к Маццини»: Константинополь — естественное средоточие «соединенных славян», русский царизм стремится овладеть Константинополем, но вступление в Константинополь, полагает Герцен, означало

бы смерть царизма. Понятно, насколько эта концепция была идеалистически беспочвенна и политически ошибочна. Но в то же время статья «Старый мир и Россия» проникнута подлинным демократизмом.

В третьем письме Герцен стремится связать проблему русской сельской общины с остро волновавшей его на всем протяжении его жизненного пути социальной и этической проблемой отношений между личностью и обществом. В общине он надеется найти разрешение противоречий, в которые зашло буржуазное сознание.

Одна из основных идей, проходящих через статью, идея решающей роли, которую Россия призвана сыграть в судьбах Европы. Эту роль, по убеждению Герцена, может сыграть «русский социализм», который оживит, возродит Европу. Но Герцен допускает и другую возможность — судьбы Западной Европы определит русская реакция, возглавляемая и воплощаемая Николаем I, причем ответственность за подобный исход падет тогда на реакционные правительства Запаदा, искавшие у русского царизма защиту против собственных народов.

Стр. 168...«бог и народ»...— Лозунг, провозглашенный Маццини («Dio e popolo»).

Стр. 170. ...Сербия при Душане...— Герцен имеет в виду созданное в XIV веке сербским царем Стефаном Душаном сербско-греческое государство, которое распалось после смерти Душана.

...ринувшимися на Паннонию. — Паннония—южнодунайская область Римской империи; в V веке была захвачена гуннами, затем остготами.

...табориты...— революционное и демократическое крыло чешского национального движения гуситов (XV в.).

Стр. 172. ...основанной (по выражению знаменитого историка Мишле) на коммунизме...— В своих «Северных легендах демократии» Мишле называет общинную жизнь русского крестьянина живым единством «бессмертного коммунизма» («Pologne et Russie. Légendes démocratiques du Nord», Paris, 1899, p. 114). Эта концепция Мишле несомненно сложилась под воздействием бесед с Герценом и чтением его брошюры «О развитии революционных идей в России» (см. комментарий к произведению «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм», т. VII наст. изд., стр. 420, 438—439).

Стр. 173. ...Европа в Париже, в Вене, в Аахене и в Вероне ∞ императора...— Речь идет о международных конгрессах и соглашениях, имевших место после разгрома наполеоновской империи. В мае 1814 г. союзные державы подписали в Париже мирный договор с Францией; в 1814—1815 гг. Венский конгресс держав-победителей перекроил карту Европы, при этом русскому императору было уступлено герцогство Варшавское; в Аахене в 1818 г. и в Вероне в 1822 г. собирались конгрессы реакционного Священного союза трех монархов (русского, прусского и австрийского).

...вступление французов в Рим...— В 1849 г. войска французской республики взяли штурмом восставший Рим и восстановили светскую власть папы.

Стр. 175. ...в лице одного из своих царей...— Петра I.

Стр. 176. За неимением короля ∞ Сен-Клу.— Буржуазное правительство февральской республики не решилось объявить конфискацию имущества, принадлежавшего членам низвергнутой Орлеанской династии.

Ей сказали, что дверь ∞ Каваньяка.— Герцен сопоставляет события 1848 г. с заговором Катилины, который опирался на демократическую массу. После казни нескольких сторонников Катилины Цицерон, возглавлявший борьбу против этого заговора, произнес знаменитое «Vixerunt!» («Отжили!»).

Стр. 178. ...*манихейзм*...— Манихейство — религиозно-философское учение, возникшее на Ближнем Востоке в III веке н. э. В основу этого учения положена идея, что мир представляет собой смешение двух борющихся начал — добра и зла, света и тьмы. Поэтому Герцен употребляет слово «манихейзм» в смысле дуализм.

Стр. 179. ...*предоставил всех этих Шамбор-Немуров*...— Граф Шамбор и герцог Немурский — два претендента на французский престол; первый из них — представитель Бурбонов, второй — Орлеанской династии. Фрошдорф — имение графа Шамбора. Николай I сочувственно относился к притязаниям Бурбонов, вызывая этим раздражение бонапартистов.

...*гордое адмиралтейство Великобритании, смиренно несет для царя полицейскую службу в Портсмуте*...— Речь идет о выдаче Англией шести русских матросов. 8 декабря 1853 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «А милое правительство здешнее выдало шесть русских матросов, бежавших с корабля. Мы хлопотали, кричали, шумели, а они взяли да и выдали» (см. также письмо к М. К. Рейхель от 10 декабря 1853 г.).

Король неаполитанский ∞ страстный поклонник.— Король неаполитанский — Фердинанд II, император австрийский — юный Франц Иосиф I, ознаменовавший начало своего царствования жестоким подавлением венгерской революции и обязанный победой над Венгрией Николаю I (это не помешало Австрии предать интересы России во время Крымской войны).

...*Шеню и Делогоды*...— участники тайных политических обществ времен Июльской монархии, являвшиеся в то же время агентами полиции. Делогод систематически выдавал полиции республиканцев.

Готский календарь...— С 1763 г. в городе Гота издавался «Готский альманах», ежегодник, содержавший, наряду с другими сведениями, данные о составе владельных домов Европы.

Стр. 180. *Бельгия сочеталась браком с Австрией ∞ Теба*.— В 1853 г. бельгийский наследный принц, будущий король Леопольд II, женился на австрийской принцессе Марии Генриетте. В 1854 г. австрийский император Франц Иосиф I женился на баварской принцессе Елизавете. В 1853 г. Наполеон III отказался от попыток заключить династический брачный союз и женился на испанке графине Евгении Монтихо, путешествовавшей под именем графини Теба.

Доново Кортес в знаменитой речи, произнесенной в Мадриде в 1849 году...— См. восьмую главу книги «С того берега», т. VI наст. изд.

Стр. 182. *Как Карл V ∞ отрекся от своей революционной короны*...— Император Священной римской империи Карл V в 1555 г., за три года до своей смерти, добровольно отказался от власти в пользу своего брата и удалился в монастырь.

С 10 декабря 1848 года Россия и Австрия перестали ненавидеть Париж.— В этот день Луи Бонапарт был избран президентом французской республики.

Стр. 184. ...*голтейн-готторпской фамилией*...— См. примечание к стр. 102 наст. тома.

Стр. 186. ...*я об этом говорил в другом месте*...— О переходе идеологов декабризма от конституционных тенденций на английский лад к республиканизму Герцен говорит в «О развитии революционных идей в России» (см. наст. изд., т. VII, стр. 199).

Стр. 190. ...*смирительный дом, служивший дворцом его отцу*...— Прусский король Фридрих Вильгельм I насаждал в своем окружении примитивность и казарменную грубость нравов.

...*правление доктора Франсиа в Парагвае*...— Родригес де Франсиа, известный под именем доктора Франсиа, с середины 1810-х годов по 1840 г. являлся верховным правителем Парагвая с диктаторскими полномочиями.

ми. Борьба за независимость Парагвая, конфискация имущества монастырей завоевали ему популярность среди народных масс. В то же время Франсиа искусственно удерживал Парагвай на ступени патриархально-земледельческого развития и создал режим полицейского шпионажа и жестоких репрессий.

Стр. 191. ...крылья телеграфа...— Имеется в виду оптический телеграф. Для передачи сигналов по телеграфу в 30-х годах на крыше Зимнего дворца было установлено специальное устройство, напоминающее семафор.

...смешением демократизма и аристократизма...— «Демократизм» не следует здесь понимать буквально. Несколькими абзацами ниже Герцен сам говорит об узко сословном характере судебных и административных учреждений Екатерины.

Стр. 193. *Московский городской голова Шестов ∞ падением полицмейстера.*— События, о которых здесь упомянуто, очевидно, имели место в первой половине 40-х годов («лет десять тому назад», — пишет Герцен). В этот период городским головой Москвы был купец первой гильдии Андрей Петрович Шестов, московским обер-полицмейстером Л.М. Цынский. Цынский состоял в этой должности до 1845 г.

Стр. 197. *При Петре III была уничтожена тайная канцелярия ∞ невооруженных шпионов...*— Упраздненную Петром III тайную канцелярию Екатерина заменила тайной экспедицией, в которой подвизался знаменитый сыскных дел мастер Шешковский. В 1826 г. Николай учредил тайную полицию (III отделение собственной его величества канцелярии) и корпус жандармов.

Стр. 200. ...сын Жерома...— Сын Жерома Бонапарта, брата Наполеона I, принц Наполеон Бонапарт, в период второй империи заигрывавший с либеральными кругами.

...мантия в пчелах...— Пчелы — эмблема Бонапартов.

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА В ЛОНДОНЕ. РУССКОМУ ВОИШТВУ В ПОЛЬШЕ

Впервые опубликовано в виде листовки в 1854 г. Вольной русской типографией в Лондоне. Без подписи. В переводе на польский язык напечатано в «Przegląd Rzeczy Polskich» от 25 марта 1854 г., в переводе на итальянский язык — в «Italia e Popolo» от 11 апреля 1854 г., в переводе на английский язык — в «The Daily News» от 21 апреля 1854 г., «The Leader» от 22 апреля 1854 г. и «The English Republick». 1854, т. III, в переводе на французский язык — в «L'Homme», № 22 от 26 апреля 1854 г.

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», Лондон, 1863, стр. 41—52. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену устанавливается, в частности, письмами Мадцини Герцену по поводу этой листовки (Л VIII, 73).

Воззвание важно для определения позиции Герцена в период Крымской войны. Осуждая политику царизма и, в частности, Николая I, развязавшего эту войну, Герцен вместе с тем полагал, что следует воспользоваться «бурей, вызванной самим царем». Он указывал на пример Польши, которая на весть о войне «приподняла голову и ждет случая снова восстать за права свои, за свою волю...»

Стр. 205. ... *близь прагского кладбища и на кладбище Воли...* — Прага — восточное предместье Варшавы, Воля — западное. Во время восстания Костюшко (1794) и восстания 1830—1831 гг. здесь происходили ожесточенные бои польских повстанцев с царскими войсками.

REWOLUCYJNE PRZYMIERZE POLSKO-ROSYJSKIE (ПОЛЬСКО-РУССКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ)

Печатается по тексту газеты «Demokrata Polski» от 3 июня 1854 г., где было опубликовано впервые. Автограф неизвестен.

Статья Герцена тесно примыкает к его воззванию «Русскому воинству в Польше» и так же важна для определения позиции Герцена во время Крымской войны. Реакционной внутренней и внешней политике царизма Герцен противопоставлял революционный союз русского и польского народов в их борьбе за социальное и национальное освобождение.

Стр. 211. ...*немецкая Борожня...* — Имеется в виду Лукреция Борджиа.

Восставший московский народ волочил ∞ труп ∞ архиепископа. — Народное восстание в Москве, о котором упоминает Герцен, началось 15 сентября 1771 г., т.е. задолго до восстания Пугачева. Во время этого восстания 16 сентября был убит московский архиепископ Амвросий Зерти-Каменский, ненавистный всему народу.

〈ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ «KÖLNISCHE ZEITUNG»〉

Впервые опубликовано на немецком языке в газете «Kölnische Zeitung» 22 июня 1854 г.

Печатается по тексту, сохранившемуся в вырезке из этой газеты в «пражской коллекции» Герцена — Огарева (ЦГАЛИ). См. также в ЛН, т. 61, стр. 215—217.

В вырезке не были указаны ни название газеты, ни дата, ни место издания; поскольку комплект «Kölnische Zeitung» за 1854 г. найти не удалось, в публикации ЛН источник текста был определен предположительно. Ныне, благодаря содействию Общества германо-советской дружбы, название газеты и дата установлены точно.

В замечании, предворявшем публикацию письма, редакция писала: «Г-н Александр Герцен прислал из Лондона в редакцию пространное письмо от 16 июня с просьбой опубликовать его. Мы приводим ниже основной текст этого письма».

Таким образом, полный текст письма Герцена остается неизвестным.

Стр. 216. *12 с. м., сообщая о запрещении моего сочинения о России, вы повторили утверждение берлинского корреспондента...* — В номере «Kölnische Zeitung» от 12 июня 1854 г. среди корреспонденций из Берлина напечатано сообщение, полное злостных передержек и гнусных намеков, об изъятии в Пруссии немецкого перевода книги известного русского эмигранта А. Герцена «О развитии революционных идей в России», вышедшего в 1854 г. в Гамбурге под смягченным по цензурным соображениям наименованием «Rußlands soziale Zustände» («Социальное состояние России»).

Отклик на гамбургское издание книги Герцена появился также во французском официозе «Le Moniteur universel» от 3 июля 1854 г. Сообщение в «Le Moniteur universel», содержащее ссылку на издающуюся в Карлсруэ газету, чрезвычайно близко по содержанию и тону к заметке «Kölnische Zeitung». Оно заканчивалось утверждением, что только тесное сплоче-

ние усилий западных держав может спасти Европу от революции. Эти отклики на книгу Герцена свидетельствуют о том, что реакционная буржуазная печать на Западе уже в середине 1850-х годов рассматривала Герцена как опасную революционную силу.

...как я уже сказал однажды в речи на польском митинге в Лондоне...— Герцен имеет в виду состоявшийся 29 ноября 1853 г. митинг, посвященный XXIII годовщине польского восстания 1830 г. Речь Герцена на этом митинге см. в наст. томе, стр. 126—132.

LE DUALISME, C'EST LA MONARCHIE

⟨ДУАЛИЗМ — ЭТО МОНАРХИЯ⟩

Впервые опубликовано на французском языке в «Almanach de l'exil pour 1855», pp. 179—189. Подпись: Alexandre Herzen. По-русски (в переводе А. И. Рубашевой) впервые напечатано в «Звеньях», № 1, М.—Л., 1932, стр. 156—166.

Печатается по тексту «Almanach de l'exil». Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 220, строка 8: en faveur d'une autonomie impersonnelle (в пользу воли безличной) вместо: en faveur d'une autonomie unipersonnelle (в пользу воли, выраженной в одном лице)

«Almanach de l'exil» издавался на острове Джерси группой французских эмигрантов, органом которой являлась газета «L'Homme». В 1853—1855 гг. в «L'Homme» неоднократно появлялись произведения Герцена («Русское крепостничество», «Старый мир и Россия», «Народный сход...» и др.), в 1854 г. Герцен опубликовал известное письмо к редактору «L'Homme» Ш. Рибейролю. В «Almanach de l'exil» статья Герцена была напечатана вместе с произведениями Рибейроля, Феликса Пиа, Луи Блана, Виктора Гюго, его сына Шарля Гюго, Телеки, Руге и др.

«Дуализм — это монархия» представляет собой вариант и в то же время контаминацию двух произведений Герцена, вернее — отрывков из них. Эти произведения — одиннадцатое письмо из «Писем из Франции и Италии», датированное 1 июля 1849 г., и глава из книги «С того берега» — «Omnia mea mesum porto», датированная 3 апреля 1850 г. Из одиннадцатого письма использована первая половина, посвященная сопоставлению монархии и республики (см. т. V наст. изд., стр. 179—184), из главы «Omnia mea mesum porto» — в основном страницы, посвященные соотношению личности и общества и вопросам морали (ср. т. VI наст. изд., стр. 125—132).

В 1854 г. Герцен подготовлял и частично перерабатывал «Письма из Франции и Италии» и «С того берега» для издания на русском языке (первое русское издание «Писем из Франции и Италии» вышло в ноябре 1854 г., «С того берега» — в январе 1855 г.); возможно, что в процессе этой работы и возникла статья для «Almanach de l'exil» (Герцен датировал ее 29 ноября 1854 г.).

«Дуализм — это монархия» в сжатом виде содержит основные положения, которые Герцен развивал в своих работах конца 40-х — начала 50-х годов: мысль о том, что настоящей республикой является только «социальная республика», сопоставление принципов монархического управления с церковной догматикой и с идеалистическим дуализмом, суровая критика буржуазной и официально церковной этики, которой противопоставляется «высокий эгоизм», — теория, основанная на вере в добрую природу человека, в то, что свободному, социально не угнетенному человеку свойственно будет гармоническое сочетание общественных интересов с личными.

Стр. 231 *Апостол Фома имел полное основание сомневаться в воскресении и тела.* — По евангельскому преданию, апостол Фома не поверил в воскресение Христа: «.. Если не увижу на руках его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра его, не поверю» (Евангелие от Иоанна, гл. XX, 25).

...*республику Сан-Марино.* — Сохранившее формальную независимость микроскопическое государство Сан-Марино, расположенное в средней Италии, занимало пространство в 62 кв. км.

Стр. 233. ...*Сивиллиных книг.*... — Сивиллами в древней Греции назывались странствующие пророчицы. Сивиллины книги у римлян — оракулы, сборники изречений, к которым обращались за советами и предсказаниями.

...*этих «ультра религии».*... — Во Франции в период Реставрации («ультра») называли ультрароялистов, крайних приверженцев старого режима.

Жоко — одно из наименований орангутанга. Здесь Герцен имеет в виду литературный персонаж. В 1824 г. Шарль Пужен опубликовал сентиментальную повесть, в которой рассказывалось о дружбе европейца с молодой обезьяной из породы жоко (действие разыгрывалось в лесах Южной Америки); повесть заканчивалась гибелью самоотверженной «героини». На этой основе Рошфор и Габриель написали в 1825 г. пьесу «Жоко, или Бразильская обезьяна». Эта пьеса пользовалась огромным успехом, благодаря изобретательной игре актера, выступавшего в обезьяньей шкуре.

Стр. 234. ...*в эгоизме вольтерианцев больше братства, чем в братстве учеников Руссо.* — Под учениками Руссо Герцен подразумевает здесь, по-видимому, якобинцев. Страстным почитателем Руссо был Робеспьер.

...*один отомстил за плоть, другой за страсти.* — Герцен имеет в виду борьбу сен-симонистов за новую мораль и провозглашенное ими «оправдание плоти», а также учение Фурье о страстях, подробно развитое им в сочинении «Новый промышленный и общественный мир, или Изобретение метода привлечательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях».

IMPRIMERIE RUSSE À LONDRES <РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ В ЛОНДОНЕ>

Впервые опубликовано на французском языке отдельной листовкой, по тексту которой печатается. Без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену ясна из текста; в листовке речь идет от лица основателя Вольной русской типографии.

Листовка была выпущена с целью ознакомить передовую западноевропейскую общественность с деятельностью Вольной русской типографии. М. К. Лемке датирует ее серединой февраля 1855 г. (Л VIII, 571), но это явно не соответствует действительности. В листовке «Письма из Франции и Италии» (русское издание) упомянуты как произведение, уже вышедшее в свет, — это имело место в ноябре 1854 г. Относительно же «С того берега» указано, что это произведение «выйдет в свет в следующем месяце»; «С того берега» появилось в январе 1855 г., следовательно, комментируемая листовка выпущена между ноябрем 1854 г. и январем 1855 г., скорее всего в декабре, перед началом Нового года. Эта датировка подтверждается заявлением Герцена, что листовка является отчетом

«о деятельности типографии за полтора года», т. е. с июня 1853 г. по декабрь 1854 г.

Кроме произведений Герцена, в листовке напечатаны вышедшие ранее четыре прокламации В. Энгельсона («Первое видение святого отца Кондратия», «Второе видение святого отца Кондратия», «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому шлет низкий привет», «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому вторично шлет низкий поклон»—1854 г.), «Родной голос на чужбине» Н. Сазонова (датировано 1855 г., вышло, очевидно, в конце 1854 г.), «Русский бог» — сатирическое стихотворение П. Вяземского, 1828 г., выпущенное Вольной русской типографией в 1854 г.

Стр. 237. *Письмо к Польской Центриализации в Лондоне, 20 мая 1853.* — Имеется в виду письмо Герцена «В редакцию «Польского демократа» (см. стр. 65—79 наст. тома).

В феврале 1853 ∞ русскую типографию... — Герцен имеет здесь в виду свою листовку «Вольное русское книгопечатание в Лондоне», датированную 21 февраля 1853 г. (см. стр. 62—64 наст. тома).

...наши друзья из Польской Демократической Центриализации ∞ Черного и Балтийского морей... — Герцен широко использовал созданный польской революционной эмиграцией аппарат для доставки в Россию нелегальной литературы, издававшейся за границей.

...наши солдаты ∞ и туда. — Во время Крымской войны, в августе 1854 г., Аландские острова, принадлежавшие тогда России, были захвачены англо-французскими войсками.

1855

REPLY TO MR. GOLOVIN
<ОТВЕТ Г-НУ ГОЛОВИНУ>

Печатается по тексту «The Morning Advertiser» от 15 февраля 1855 г., где было опубликовано впервые. Подпись: Alexander Herzen. Автограф неизвестен.

Письмо И. Головина, вызвавшее данный ответ Герцена, появилось в газете «The Morning Advertiser» 13 февраля 1855 г. В своем письме Головин утверждал, что Герцен, как человек якобы не русского происхождения, не имеет права представлять революционную Россию на интернациональном митинге в память революции 1848 г. Этот митинг имел место 27 февраля 1855 г. в St.- Martin's Hall в Лондоне. Участвовать в нем Герцен был приглашен Международным комитетом, состоявшим из чартистов и представителей революционной эмиграции. В ответ на выходку Головина руководители Международного комитета выступили в защиту Герцена. Их письмо появилось 20 февраля 1855 г. в газете «The Daily News». Еще раньше, 17 февраля, председатель Комитета чартист Эрнст Джонс от себя лично поместил письмо на ту же тему в газете «The People Paper». Подробно об этом эпизоде Герцен рассказывает в «Былом и думах», в гл. «И. Головин» части VII (см. т. XI наст. изд., стр. 418—419). О письме Головина и своем ответе Герцен говорит в письмах к М. К. Рейхель от 18 и 24 февраля 1855 г., в первом из них он в сокращенном виде приводит текст комментируемого письма.

DISCOURS D'ALEXANDRE HERZEN,

Exilé Russe, prononcé au meeting tenu le 27 février 1855
dans St.-Martin's Hall, à Londres...

НАРОДНЫЙ СХОД В ПАМЯТЬ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Речь, произнесенная 27 февраля 1855 года
Александром Герценом

Речь была произнесена Герценом на французском языке и вскоре вышла отдельной брошюрой, изданной на острове Джерси; печатается по этому тексту. Автограф неизвестен.

В переводе на английский язык речь была напечатана в «The People's Paper» от 3 марта 1855 г. и сокращенно в «The Leader» от 8 марта 1855 г. На французском языке была напечатана в «L'Homme», № 14 от 7 марта 1855 г.

Отдельное французское издание также вышло в марте 1855 г.; это видно из письма Герцена к Мишле от 31 марта 1855 г., в котором он писал: «Позвольте подписать вам экземпляр моей речи». 5 апреля 1855 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Генерал сделаю русское издание всего митинга — богатая вещь». В том же году Вольная русская типография выпустила сборник «27 февраля 1855 г. Народный сход в память переворота 1848 г. в St.-Martin's Hall, Long Acre, в Лондон». Наряду с речами Эрнста Джонса, Финлена, Таландые, письмом Саффи в брошюру входила речь Герцена (стр. 18—39) в переводе В. Энгельсона. Печатается этот перевод по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне, Лондон, 1863, стр. 83—107. Рукопись перевода неизвестна.

Во французский текст речи Герцена в настоящем издании внесено следующее исправление:

Стр. 246, строки 14—15: sur la Russie (о России) вместо: sur les Russies (о Россиях) (по русскому переводу Энгельсона).

В текст перевода Энгельсона внесены следующие исправления:

Стр. 253, строка 3: 1855 вместо: 1854

Стр. 256, строка 29 — 30: устройстве, вместо: устройстве (по французскому тексту)

Стр. 262, строка 35: кто таков кесарь вместо: что таков кесарь (по французскому тексту)

В «Былом и думах» Герцен писал: «... Попытка международного комитета — последнее усилие чартистов и изгнанных соединенными силами заявить свою жизнь и свой союз. Мысль этого комитета принадлежала Эрнсту Джонсу. Он хотел оживить дряхлевший не по летам чартизм, сблизить английских работников с французскими социалистами. Общественным актом этой entente cordiale (сердечного согласия) назначен был митинг в воспоминание 24 февраля 1848» (часть VI, гл. «Несмы в эмиграции»). См. также в комментариях к этой главе и к главе «И. Головин» об организации митинга, относившей к нему Маркса, инцидентах, связанных с приглашением Герцена, — т. XI наст. изд., стр. 678—680 и 725—726). Герцен выступил на митинге в Лондоне во время Крымской войны как представитель передовой России; это придавало самому факту его выступления особую остроту. Нездаром Герцен говорил в своей речи о трудности своего положения во время войны, о враждебных выпадах не только английских, но и немецких, американских, французских («Moniteur» — официальный орган французского правительства) газет.

Речь Герцена на митинге в St.-Martin's Hall оказалась в центре внимания и произвела огромное впечатление на аудиторию.

В брошюре «27 февраля 1855 г. Народный сход...» приведен перевод речи Э. Джонса, который закончил ее словами: «В доказательство, что мы совершенно отвергаем раздоры между народами, что, воюя против деспотов, мы дружны с народами... знаете ли кто хочет поддержать своей речью наши мнения — русский (рукоплекания). Русский этот известен уже в Европе своими сочинениями, в России он испытал парскую власть, он пять лет был в ссылке около Уральского хребта, он представляет одну из надежд революционной партии в России. — Александр Герцен желает держать речь». Составитель брошюры (Энгельсон, — суди по инициалам «В. А.» под подстрочными примечаниями) продолжает: «Когда А. Герцен явился на трибуне, рукоплекания и одобрительный крик усилились до того, что он некоторое время не мог говорить; глубоко тронутый, он три раза поклонился публике, гром рукоплеканий удвоился и вдруг сменился совершенной тишиной». Далее приводится перевод речи Герцена, после чего составитель брошюры отмечает: «А. Герцен возвратился на свое место среди оглушительных рукоплеканий. Молодая англичанка взошла на помост и подала ему букет цветов с словами: «Русскому гражданину от английских сестер». При виде этого публика возобновила свои одобрительные клики».

«Герцен, — рассказывает М. Мейзенбург, — поднялся на трибуну и был встречен с восторгом. Его речь часто прерывали бурными криками одобрения. Когда он кончил, радостным приветствиям, которыми встретили его благодарные, справедливые мысли, не было конца. Поляки окружили его, чтобы позвать ему руку, одна польская дама преподнесла букет. Он вышел еще раз и показал публике этот символ примирения двух братских племен, разделенных правительственным деспотизмом. Ллюющая публика неистовствовала» (М. Мейзенбург. Воспоминания идеалистки, гл. VII. См. также письма Герцена к М. К. Рейхель от 28 февраля 1854 г. и к Мишле от 2 марта 1854 г.).

Речь Герцена примыкает к циклу его произведений конца 40-х — первой половины 50-х годов, знакомивших передовое западноевропейское общество с Россией народной, с Россией мыслящей и революционной. В речи кратко сформулированы положения, которые Герцен развивал в таких произведениях, как «Россия», «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм», «Крещенная собственность», «Старый мир и Россия» и др., — положения о России и Западе, об исторической природе русского самодержавия и русского крепостного права, о соотношении между образованным меньшинством дворянского класса и народом, о русской сельской общине как зерне будущего социалистического общества и т. д. Как и в других произведениях Герцена этого периода, в речи сказались как сила его революционного и демократического протеста, так и ошибочность и слабость теории «русского социализма».

Брошюра «27 февраля 1855 г. Народный сход в память переворота 1848 г.» дошла до молодого Добролюбова. 15 января 1857 г. Добролюбов записывает в дневнике: «Для меня (же) идеал на земле еще не существует, кроме разве демократического общества, митинг которого описал Герцен» (И. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, М., 1939, стр. 453).

Стр. 254. *Седьмой год издаю я сочинения о России.* — Первым произведением Герцена, посвященным России и изданным за границей, была статья «Россия» (1849).

Народ свободный, республиканский дал мне права гражданства у себя.... — Герцен имеет в виду свою натурализацию в 1851 г. в Швейцарии, во Фрейбургском кантоне.

Стр. 255. ... *добрый «заступник человеческого рода» ∞ представителем из Отаити.*... — Анахарсис Клоотс, проповедник идеи всемирной респуб-

лики, 19 июня 1790 г. явился во французское Национальное собрание во главе 36 иностранцев (Клоотс был родом немец) в национальных костюмах. От имени этой группы Клоотс потребовал для нее права на официальное участие в знаменитом празднике Федерации, назначенном на 14 июля 1790 г. Речи, произнесенной им по этому поводу в Собрании, Клоотс обязан своим прозвищем «оратора рода человеческого». На празднике Федерации Клоотс возглавил «депутацию рода человеческого». Придворные круги распустили слух, что под видом представителей разных народов фигурировали переодетые домочадцы Клоотса. Этот вымысел привился в исторической литературе, и ему доверились даже Герцен.

Стр. 256. ... *казенная Россия; живой курган (как я ужерав скавал)*... — В статье «Русский народ и социализм» (см. т. VII наст. изд., стр. 329).

Стр. 257—258. *«Дай честное слово ∞ об нем не было после слышно.* — В 1855 г. информация Герцена о декабристах была еще недостаточной; она пополнилась впоследствии, с возвращением уцелевших декабристов из Сибири, с появлением мемуарных материалов, в опубликовании которых Герцен принимал самое деятельное участие. Сказанное Герценом о декабристах не имеет фактической достоверности. Это относится и к словам Муравьева-Апостола и Пестеля, и к истории Муравьева, Юшневского и Аврамова (Герцен называет его Аврамовым). В заговоре декабристов принимали участие семь Муравьевых: Сергей, Матвей и Иннополис Муравьевы-Апостолы, Никита Михайлович, Александр Михайлович, Александр Николаевич и Артамон Захарович Муравьевы. Герцен, очевидно, имеет в виду Артамона Муравьева, командовавшего Ахтырским гусарским полком. Артамон Муравьев умер в 1846 г. в деревне Малой Разводной, близ Иркутска. А. П. Юшневский, генерал-интендант 2 армии, умер в 1844 г. в деревне Оек Иркутской губернии, на похоронах декабриста Ф. Ф. Вадковского. П. В. Аврамов, полковник казанского пехотного полка, умер в Акшинской крепости еще в 1836 г.

Стр. 258. ... *замечательная книга о России.* — В 1854 г. в Париже вышла книга «Nicolas et la sainte Russie», на титульном листе которой было указано, что автор ее Gallet de Kulture — «ex secrétaire particulier de prince Demidoff» («бывший личный секретарь князя Демидова»). Речь идет об Анатолии Демидове, который женился на племяннице Наполеона III принцессе Матильде, купил княжество Сан-Донато и стал именоваться за границей князем Демидовым Сан-Донато. Из предисловия Кюльтюра к его книге явствует, что он был секретарем Демидова вплоть до начала Крымской войны. В книге Кюльтюра критика русского царизма сочетается с совершенно искаженными представлениями о жизни русского народа и общества.

Стр. 259. ... *из доклада Липранди Набокову.* — И. П. Липранди, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, по поручению последнего осуществлял тайное наблюдение за кружком Петрашевского. Впоследствии Липранди представил специальную записку следственной комиссии по делу петрашевцев, которую возглавлял генерал-адъютант И. А. Набоков.

Стр. 260. *Об этом Гакстгаузен издал три тома.*... — Речь идет о трехтомном труде Гакстгаузена «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands», 1847—1852.

Стр. 261. ... *робкий совет полюбовно уладить дело с крепостными.*... — Герцен имеет в виду указ 2 апреля 1842 г. об обязанных крепостных. См. примечание к стр. 82 наст. тома.

В Симбирской губернии ∞ вооруженные кольями и топорами.... — Об этих волнениях крестьян Герцен писал еще в 1852 г. в статье «Русское крепостничество» (см. стр. 49 наст. тома, а также комментарий к «О развитии революционных идей в России», т. VII, стр. 429).

...и добросовестный ученый Блазиус.— Имеется в виду книга немецкого зоолога Иоганна Генриха Блазиуса «Reise im europäischen Rußland in den Jahren 1840—1841», вышедшая в 1844 г.

Стр. 263. ...между волком и собакой... — Калька с французского выражения *entre chien et loup*, означающего в сумерки; здесь употреблено в смысле — промежуточные.

Стр. 264. ...короля прусского перед народом? — В марте 1848 г. народ заставил прусского короля Фридриха Вильгельма IV обнажить голову перед телами убитых на берлинских баррикадах.

...отчизна революции, не имеет права торжественно помянуть свое прошедшее! — Герцен имеет в виду положение Франции при деспотическом режиме Наполеона III.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ». 1855

Впервые опубликовано в виде листовки в 1855 г. Вольной русской типографией. В переводе на французский язык напечатано в «L'Estime» № 24 от 16 мая 1855 г. В том же году вышло на французском языке отдельным изданием под заглавием «L'Etoile polaire» («Полярная звезда»). *Revue de l'émancipation russe, rédigée en russe à Londres par Iscander (A. Herzen)*. Это издание по сравнению с русскими содержит значительные различия (см. раздел «Варианты»). Под заглавием «„Полярная звезда“. Третье обозрение освобождающейся Руси» напечатано в ПЗ, 1855 г., кн. I, стр. III—X, и без заглавия — во втором ее издании (1858 г.), стр. III—X; подпись: Искандер.

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», Лондон, 1863, стр. 109—122. Автограф неизвестен.

«Объявление» открывало первую книгу «Полярной звезды» в качестве программы предпринятого Герценом издания. В статье идет речь о типе издания и об его идейных целях.

Как показывает «Объявление», Герцен задумал «Полярную звезду» как подписное периодическое издание (поэтому статья первоначально и была озаглавлена: «„Полярная звезда“. Третье обозрение освобождающейся Руси»). От этого намерения Герцен в дальнейшем отказался. Сначала не хватало материалов из России, затем в качестве перисдикского издания возник «Колокол».

Герцен хотел приурочить выход первой книги «Полярной звезды» ко дню казни пяти декабристов (13 июля ст. ст.). Однако выход первой книги альманаха задержался до начала августа.

«Предшественницей рабочей (прлетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее», — писал В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223). Первым перисдикским органом этой бесцензурной печати явилась герценовская «Полярная звезда». О ней в статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 12).

31 марта 1855 г. Герцен писал Мишле: «Я организирую теперь русское обозрение под заглавием «Полярная звезда». Это было заглавием альманаха, редактировавшегося Рылеевым и уничтоженного Николаем Тучи. Тучи проходят, а звезды остаются...». Связь с традицией декабризма Герцен подчеркнул и заглавием своего альманаха и изображением на его обложке профилей пяти повешенных декабристов. Этот рисунок был сделан для «Полярной звезды» чартистом Ч. Линтоном (об отношениях Герцена с Линтоном см. в настоящем томе комментарий к статье «Старый мир и Россия»).

Декабрист И. Якушкин писал Герцену из Сибири (письмо это до Гер-

цена, очевидно, не дошло): «„Полярная звезда“ читается даже в Сибири, и ее читают с великим чувством; если бы вы знали, как бы этому радовались <...>. Свободная ваша речь для всякого русского человека как будто летящий от родины глас» («Былое», 1906, № 4, стр. 188—189). Для русской демократической молодежи 1850-х годов появление «Полярной звезды» было событием величайшего значения. Об этом свидетельствует письмо из России, опубликованное Герценом во второй книжке «Полярной звезды» (см. в настоящем томе статью «Ответ» и примечание к ней на стр. 547—548). Особый интерес в этом плане представляет запись в дневнике молодого Добролюбова (от 13 января 1857 г.): «С 10 часов начал я чтение <второй книжки „Полярной звезды“> и не прерывал его до пяти утра... Закрыли книгу, но скоро еще заснул я... Много тяжелых, грустных, но гордых мыслей бродило в голове...» (Н. А. Добролюбов. Письм. собр. соч., т. 6, М., 1939, стр. 451).

«Полярная звезда» выходила ежегодно с 1855 по 1862 г., за исключением 1860 г. В 1858 г. было выпущено второе издание вышедших к этому времени первых четырех книжек. 1861 г. датированы шестая книжка и первый выпуск седьмой, 1862 г. — второй выпуск седьмой книжки. На этом издании «Полярной звезды» присоединился выпуск до 1869 г., когда вышла восьмая, последняя ее книжка.

«Полярная звезда» внесла огромный вклад в развитие русской общественной мысли. На ее страницах появились важные политические статьи — например, «К нашим», «Вперед! Вперед!», «Еще вариация на старую тему» Герцена, «Русские вопросы» Огарева и др., систематически, в течение ряда лет, она знакомила русских читателей с «Былым и думами» Герцена. В «Полярной звезде» впервые были напечатаны многострочные стихотворения Огарева и отрывки из его воспоминаний. Альманах широко знакомил читателей с запрещенными в царской России произведениями русских поэтов, в том числе с неизданными произведениями Пушкина, Лермонтова, Рыльева. Исключительное значение придавали издателя «Полярной звезды» публикации материалов по истории русского освободительного движения. Письмо Белинского к Гоголю, воспоминания декабристов и о декабристах и многие другие ценные исторические материалы и документы появились впервые на страницах «Полярной звезды».

Стр. 265. *Да здравствует разум!* — Из стихотворения А. С. Пушкина «Вакхическая песня».

Полярная звезда скрылась... — Речь идет об альманахе «Полярная звезда» (1823—1825) К. Рыльева и А. Бестужева.

...день нашей Великой пятницы... — Страстная пятница, день, в который, по евангельскому преданию, был распят Христос.

Стр. 265—266. *...«Карстида не бьется больше»...* — Карстида — сонная артерия (от французского *carotide*).

Стр. 266. *...гонит униат...* — Уния православной и католической церкви (Брестская уния) была провозглашена на территории Речи Посполитой в 1596 г. При Николае I началась систематическая борьба с униатством, в России распространенным в Западных губерниях. В 1839 г. униатская церковь была официально упразднена.

...обкладывает безобразной психиной право путешествовать... — Законом 1851 г. была установлена особая психика, взмавшаяся с русских подданных за каждые полгода пребывания за границей.

...великим словам на ходули французской революции... — Герцен имеет в виду девиз Французской буржуазной революции XVIII в.: свобода, равенство, братство.

Как я сказал в Ганновер - Руме ∞ в 1853. — См. речь Герцена «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне» (стр. 126—132 наст. тома).

«Венгрия у ног в<ашего>в<еличества>!»—9 августа 1849 г. в «Русском инвалиде», № 171, был опубликован рапорт, которым Паскевич известил Николая I о сдаче армии Гергея (10 августа перепечатан в № 176 «Санкт-Петербургских ведомостей»). Документ этот начинался словами: «Венгрии у ног вашего императорского величества».

Стр. 267. *...свирепый мальчишка перевешал генералов с много Гергея.*— В 1849 г. главнокомандующий венгерскими революционными войсками Гергей с тридцатитысячной армией предательски сдался русскому командованию. Восемнадцатилетний австрийский император Франц Иосиф, которого Герцен называет «свирепым мальчишкой», пощадил только Гергея. Девять сдавшихся венгерских генералов были повешены, четверо — расстреляны.

Орлеанские журналы, смиренно прощая оскорбления Николая Людовики-Филиппу...— Николай I считал Луи-Филиппа Орлеанского узурпатором трона, принадлежавшего старшей линии Бурбонов, и всячески подчеркивал это в дипломатических сношениях с правительством Июльской монархии.

...у д и в и т ь мир своей неблагодарностию.— Эта фраза австрийского министра иностранных дел Шварценберга относилась к антирусской позиции, которую во время Восточной войны заняла Австрия, обязанная Николаю I подавлением венгерской революции.

...другой деспотизм.— Деспотизм Наполеона III.

Стр. 268. *...вместо старшего брата своего.*— Константина Павловича.

...Сперанский и Карамзин писали по его приказу хартии.— Герцен, вероятно, имеет в виду такие труды М. М. Сперанского, как «Введение в уложение государственных законов», проект гражданского уложения и др. Что касается Карамзина, то утверждение Герцена, что он писал «хартии» по приказу Александра I, неточно. Политические записки — «Записка о древней и новой России» (1811), «Мнение русского гражданина» (1819) — были написаны Карамзиным по собственной инициативе и вызвали неудовольствие Александра I.

Стр. 269. *...в 1855 вся Европа против Александра.*— Речь идет о Восточной войне. Англия, Франция и Турция восстали против России, Австрия и Пруссия поддерживали антирусскую коалицию.

...русский солдат с отдохнуть в Елисейских Полях.— Герцен имеет в виду вступление русских войск в Париж в 1814 г.

И Петербург видел понапрасну английский флот?— В 1854 г. английская эскадра блокировала Кронштадт.

Стр. 270. *Мы в третий раз обращаемся с просьбой...*— Герцен имеет в виду свои обращения к русскому обществу в листовках: «Вольное русское книгопечатание в Лондоне» и «Imprimerie russe à Londres» («Русская типография в Лондоне») (стр. 235—238 наст. тома).

«Что такое государство?»— статья В. А. Энгельсона, помещенная в ПЗ, 1855 г., кн. 1.

...«Переписку Белинского с Гоголем».— См. комментарий к примечанию Герцена при публикации «Переписки» в ПЗ (стр. 539—540 наст. тома).

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

Впервые опубликовано в ПЗ, 1855 г., кн. 1, стр. 11—14, во втором издании — стр. 11—14. Подпись: Искандер.

Печатается по тексту изданного Вольной русской типографией сборника «За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая. Искандера», Лондон, 1860, стр. 3—8. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 272, строка 10: Неправосудье вместо: Неправосудие (по ПЗ).

Настоящее письмо — первое из открытых писем Герцена к Александру II — свидетельство либеральных колебаний и иллюзий Герцена 50-х годов. Герцен верит еще в благие намерения царя, в то, что царское правительство может пойти путем коренных реформ русского социально-политического строя. В сущности он предлагает Александру II реализовать программу-минимум «Колокола» — дать «свободу русскому слову», освободить крестьян с землей, оградить от поборов. Герцен сам при этом подчеркивает умеренность выдвинутых требований («...И стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться...»).

Герценовская «либеральная апелляция к „верхам“» была сурово осуждена В. И. Лениным. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к „верхам“. Отсюда его бесчисленные слащавые письма в „Колоколе“ к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12).

Стр. 272. *Быть может, отрок мой, корона...* — Цитата из стихотворения К. Ф. Рыльева «Видение. Ода на день тезоименитства его императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года» (см. публикацию «Неизданные стихотворения А. Пушкина, К. Рыльева, М. Лермонтова» в ПЗ, 1856 г., кн. II, стр. 30).

Весть о смерти вашего отца ∞ казнями возвестить народу ваше восшествие. — Герцен имеет в виду дворцовые перевороты XVIII и начала XIX веков, в частности убийство Павла I (1801), совершенное при попустительстве Александра I, также события 14 декабря 1825 г., когда по приказанию Николая I восставшие войска были обстреляны на Сенатской площади картечью, и казнь декабристов (1826).

Вы одни из всех ваших ∞ очистительного пожара. — Имеется в виду пожар 1812 г. Александр II родился в Москве в 1818 г.

Стр. 273. *Какой пророческий голос ∞ корона?* — Герцен не учитывает того, что вполне естественно было видеть в Александре Николаевиче возможного наследника престола, так как Александр I и Константин Павлович не имели законных детей.

...поэт, которого любила Россия. — В. А. Жуковский, наставник великого князя Александра Николаевича, будущего царя Александра II.

В день вашего совершеннолетия ∞ наших мучеников. — Герцен, по видимому, ошибся. Празднование совершеннолетия наследника (1834) не было ознаменовано какими-либо льготами сосланным декабристам. Положение некоторых декабристов было облегчено в связи с пребыванием наследника в 1837 г. в Сибири.

Я его видел... — Пребывание наследника в Вятке описано в гл. XVII части II «Былого и дум» (см. т. VIII наст. изд., стр. 291).

И на днях еще ∞ народ русский — Герцен имеет в виду митинг в память событий 1848 г., состоявшийся 27 февраля 1855 г. (см. стр. 241 и 253 наст. изд.).

Стр. 274. *...признался, что он не успел ∞ подданных...* — Подобное «сожаление» Николай I высказал в своем предсмертном завещании.

◀ПРИМЕЧАНИЕ К «ПЕРЕПИСКЕ Н. ГОГОЛЯ С БЕЛИНСКИМ» В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ»▶

Впервые опубликовано в ПЗ, 1855 г., кн. 1, стр. 62—63.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 63—64. Подпись: И—р. Автограф неизвестен.

Настоящим подстрочным примечанием Герцен сопроводил три документа, опубликованные в *ПЗ*, 1855 г., кн. 1, под заголовком «История русского развития. Переписка Н. Гоголя с Белинским».

Герцен впервые опубликовал знаменитое «Письмо Белинского к Гоголю» и два письма Гоголя к Белинскому: от июня 1847 г. — отклик Гоголя на статью во втором (февральском) номере «Современника», в которой Белинский подверг резкой критике «Выбранные места из переписки с друзьями», — и от 10 августа (Белинский получил его в Париже), написанное уже по поводу зальцбургского «Письма» Белинского.

Список «Письма» Белинского, оказавшийся в распоряжении Герцена, был неисправен. Герцен получил его в 1851 г. от А. А. Чумикова (см. письмо А. А. Чумикова к Герцену от 5 августа 1851 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 718—719). Чумиков, предполагая обнародовать «Письмо Белинского к Гоголю» в иностранной печати, подверг свой список, предназначенный для перевода, соответствующей обработке. Отсюда особенности текста «Полярной звезды», его неточности и отличия от других списков, в частности от наиболее авторитетного списка Кетчера, который в настоящее время положен в основу канонического текста «Письма Белинского к Гоголю» (см. Ю. Г. Оксман. «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ», «Ученые записки Саратовского госуд. ун-та», т. XXXI, выпуск филол., 1952, стр. 111—204, а также «Письмо Белинского к Гоголю», *ЛН*, т. 56, стр. 513—605).

Стр. 275. ...его п р и н и ж е н и е м — по выражению неославян... — Герцен ставил славянофилам в вину их проповедь «принижения личности», по учению славянофилов, «добровольно» отрекшейся от своих прав в пользу самодержавного монарха (об этом Герцен говорит в главе «Московский панславизм и русский европизм» в работе «О развитии революционных идей в России» — см. т. VII наст. изд.). О «принижении личности» см. также примечание к стр. 292 наст. тома.

Стр. 276 Я уже сказал о и письма Гоголя в Париже. — См. «Объявление о „Полярной звезде“. 1855» (стр. 265—271 наст. тома). Ср. в воспоминаниях П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие (1838—1848)»: «... по прибытии в Париж, Г(ерцен), уже поджидавший нас, явился в отель Мишо, где мы остановились, и Белинский тотчас же рассказал ему о вызове, полученном им от Гоголя, и об ответе, который он ему послал. Затем он прочел ему черновое своего письма. Во все время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате. куда, улучив минуту, Г(ерцен) шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: „Это гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его“» (гл. XXXV).

«RENAISSANCE» PAR J. MICHELET

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1855 г., кн. 1, стр. 192—206.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 196—211. Без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность с несомненностью устанавливается подстрочным примечанием, в котором автор говорит о брошюре «Русский народ и социализм» как о своем произведении. «Письмо И. Мишле к издателю» в наст. изд. включено в текст статьи, так как оно непосредственно следует за ним (начинается на той же странице, без спуска), а последняя фраза статьи является явным переходом к письму.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:
Стр. 277, строка 17: тем не менее *вместо:* тем не мене (по I изд. ПЗ).
Стр. 278, строка 10 и далее, на протяжении всей статьи: XVI столетия *вместо:* XVII столетия (книга Мишле охватывает период с 80-х годов XV века по первую четверть XVI века).
Стр. 280, строка 31: в 1848 году, для французов *вместо:* в 1848 году для французов,
Стр. 284, строка 12: кесарево *вместо:* кесареви

Свой отзыв о книге Мишле Герцен начинает утверждением: «Наше время чрезвычайно бедно хорошими книгами...» — и эту «бедность» он прямо связывает с господством реакции во Франции и в Германии. При этом либеральной Франции, выражавшей свои мысли на языке риторического, ламартиновского красноречия, Герцен противопоставляет Францию демократическую в лице Прудона (для Герцена 50-х годов характерно еще не критическое отношение к Прудону) и Мишле.

В произведениях Мишле Герцен ценил гуманизм и подчеркнутую политическую тенденцию, отнюдь не прячущуюся за академическим «беспристрастием». Мелкобуржуазный радикал и демократ, противник якобинства, противник социализма, Мишле все же привлекал Герцена искренностью своего республиканства и антиклерикального пафоса. Притом мировоззрению Мишле, утверждавшего, что «настоящим» народом является крестьянство, присущи были и черты своего рода «народничества». Глубоко принципиальный, неизменно верный своим убеждениям, Мишле подвергался репрессиям, о которых Герцен упоминает в комментируемой статье. Незадолго до революции 1848 г. были запрещены лекции Мишле в Collège de France, за отказ же от присяги Наполеону III Мишле лишился места в архиве. Несмотря на философский идеализм Мишле, на свойственный ему романтический пафос изложения, работы его были насыщены конкретными и новыми данными. Ученый необычайного трудолюбия, Мишле ввел в оборот множество до него неизвестных первоисточников, поднял впервые большой архивный материал. Об отношениях Герцена с Мишле см. также в комментариях к работам Герцена «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм» (т. VII наст. изд.).

Вышедшая в 1855 г. книга «Histoire de la France au siècle de la Renaissance» входит в шестнадцатитомную «Историю Франции», над которой Мишле работал с 1833 по 1867 г. «Возрождение» Мишле охватывает период с 80-х годов XV века по первое, примерно, пятнадцатилетие XVI века.

Книга Мишле открывается обширным (она занимает около трети книги) «Введением», в котором развернута философская концепция изучаемой эпохи. Герцен высоко оценивает и политические тенденции рецензируемой им книги (в особенности ее антиклерикальную направленность), и исследовательский метод Мишле.

За несколько месяцев до выхода первой книги «Полярной звезды» 2 марта 1855 г., Герцен писал Мишле по поводу «Возрождения»: «Ваша книга восхитительна. Я снова был молод, снова проникнут энтузиазмом, читаю предисловие; это поэма, история, претворившаяся в искусство, в философию».

В своей статье Герцен довольно точно перевел два отрывка из «Введения» и один — из раздела, посвященного итальянским походам французов. Об этом он писал Мишле 8 июля 1855 г.: «В своей русской статье я даю в переводе из «Renaissance»: «Proscription de la nature» и «La Sorcière», а из текста — часть открытия Италии». Глава, из которой переведен второй отрывок, называется не «La Sorcière», а «La Sorcellerie».

Стр. 279. *Когда я был в близких сношениях с «Voix du Peuple»...*— В августе 1848 г. Герцен ссудил Прудона деньгами на издание газеты «La Voix du peuple». В этой газете Герцен числился редактором иностранного отдела. В мае 1850 г. газета была закрыта французским правительством. См. об этом в ч. V «Былого и дум» (т. X наст. изд., стр. 190—195).

Стр. 280. *...е прекрасной книге Кине об Италии...*— Герцен имеет в виду книгу Эдгара Кине «Les Révolutions d'Italie» (1848).

Стр. 281. *...мы ему посвятим особую статью.*— О судьбе различных европейских эмиграций и об их взаимоотношениях Герцен говорит в ряде глав пятой и шестой частей «Былого и дум» — глав, создававшихся в основном в 1857—1858 гг.

Стр. 286. *Мы намерены из этой книги ∞ в следующей книжке.*— Намерение это не осуществилось.

Стр. 288. *Передо мной лежит ∞ читанные им в Бостоне.*— Речь идет о сочинении известного географа Арнольда Гюйо, в 1848 г. обосновавшегося в Соединенных Штатах Америки.

В 1851 году Мишле издал свою легенду о Костюшке.— См. комментарий к статье «Русский народ и социализм» (т. VII наст. изд., стр. 438—439).

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Впервые опубликовано в ПЗ, 1855 г., кн. 1, стр. 213—217.

Печатается по тексту второго издания ПЗ, стр. 219—223. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену явствует из текста: написавший анонимное письмо обращается к автору «Крещеной собственности», автор «Ответа» говорит о «С того берега» как о своем произведении и т. д.

Антикрепостнической пропаганде Герцена анонимный корреспондент пытается противопоставить те робкие и совершенно безрезультатные попытки привлечь внимание к вопросу об упорядочении отношений между помещиками и крестьянами, которые предпринимались при Николае I. Уничтожающую критику этих попыток Герцен дает в «Крещеной собственности».

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 293, строки 15—16: проповедует вместо: проповедуют

Стр. 292. *«Я к вам пишу»...* — Из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (письмо Татьяны к Онегину начинается стихом: «Я к вам пишу — чего же боле?»).

...Чего вы испугались моей книжки...— Речь идет о статье Герцена «Крещеная собственность».

...православного принципия личности.— Герцен намекает на статью Ю. Ф. Самарина «О мнениях „Современника“ исторических и литературных» («Москвитянин», 1847, № 2). В тексте «Москвитянина» имелась фраза: «Каким образом начало разобщающее обратится в противоположное начало принижения и единения?». Впоследствии издатель сочинений Ю. Ф. Самарина Д. Самарин заменил в этой фразе слово «принижения» словом «примирения» (см. Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. 1, М., 1900, стр. 40) и в заметке от издателя аргументировал эту замену письмом Ю. Самарина к Герцену от 9 мая 1858 г. В этом письме Самарин упрекал Герцена в том, что он будто бы сознательно использовал опечатку «Москвитянина» для создания теории принижения: «С тех пор пошла ходить по свету *принижающаяся личность*, и вы в последней книжке «Полярной звезды» не усомнились, говоря о славянофилах, употребить выражение: *их принижающаяся личность*» (Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. 1, стр. VI—VIII).

Стр. 293. См. Предисловие к «С того берега» в 1849 г. — Герцен имеет в виду обращение к русским друзьям, озаглавленное «Прощайте!» (т. VI наст. изд., стр. 12—18).

...*Польша изгнанников послала через меня слово примирения народу русскому?* — Герцен, очевидно, имеет в виду тот прием, который был ему оказан на митинге в память XXIII годовщины польского восстания (см. стр. 126—132 наст. тома).

Стр. 294. ...*правительство взяло именье под секв-стр.* — Секвестрованное правительством именье — это деревни Лепехино Чухломского уезда Костромской губернии, которую выделил Герцену отец (об этом именьи несколько раз упоминается в письмах Герцена конца 40-х годов к Г. И. Ключареву). После смерти И. А. Яковлева родовые яковлевские именья перешли к его племяннику Д. П. Голохвастову; Герцену, его матери и брату оставлены были дома и капитал. О завещании отца и разделе его имущества Герцен рассказывает в гл. XXXI части IV «Былого и дум». Об обстоятельствах, связанных с этим разделом, идет речь и в «Дневнике» Герцена, в записях от 23 сентября и 21 октября 1844 г.

...*Митрофану Воронежскому на новую раку...* — Воронежский епископ Митрофан пользовался покровительством Петра I. Мощи Митрофана находились в Благовещенском соборе.

К НАШИМ

Впервые опубликовано в ПЗ, 1855 г., кн. I, стр. 223—228, с датой «6 августа 1855 года». В переводе на французский язык напечатано в «L'Homme», № 40 от 5 сентября 1855 г.

Печатается по тексту второго издания ПЗ, стр. 229—234. Подпись: И—р. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 298, строка 16: спаиваются вместо: спаиваются

«К нашим» — обращение Герцена не только к «московским друзьям», но и к тому образованному меньшинству дворянства, на которое Герцен еще рассчитывал в 50-х годах. Герцен призывает передовое общество России активно поддержать «Полярную звезду», как он еще в 1853 г. призывал русских друзей к активному участию в деятельности Вольной русской типографии (см. комментарий на стр. 511—512 наст. тома). Но в статье «К нашим» Герцен всячески подчеркивает, что после смерти Николая I обстановка изменилась и что дальнейшее уклонение «образованного меньшинства» от участия в лондонской пропаганде не будет иметь никаких оправданий.

В статье сказались либеральные колебания и иллюзии Герцена, прежде всего в недооценке общественных противоречий 1850-х годов, в стремлении объединить и направить к единой цели все группировки русской интеллигенции, включая даже славянофилов.

Вторая основная тема статьи — важная для Герцена тема международной солидарности, единения передовых общественных сил Востока и Запада. В этой связи Герцен называет имена наиболее уважаемых им представителей французской и итальянской демократии: «В. Гюго, И. Мадзини, И. Мишле, Луи Блан, П. Прудон с нами!» В первой книге «Полярной звезды» были напечатаны письма Мишле, Мадзини, Гюго и Прудона, в которых они приветствовали возникновение «Полярной звезды» и обещали свою поддержку и сотрудничество. Предполагалось, что в дальнейшем в «Полярной звезде» будет напечатан отрывок из неизданного тома «Истории французской революции» Луи Блана (см. стр. 501 наст. тома). «Полярная звезда» первоначально замышлялась Герценом как обозрение

«освобождающейся Руси», отчасти как орган единения русской и западноевропейской демократии. В дальнейшем это последнее намерение не пошло на развитие.

Стр. 295. ... *долго ждать, как советует почтенный друг наш Мишле...* — См. письмо Мишле, приведенное Герценом в статье о его книге «Возрождение» (стр. 289—290 наст. тома).

Лед, разбитый пушками, тонулся... — Речь идет о Крымской войне.

Стр. 296—297. ... *крестового похода за просвещение и свободу...* — Наполеон III свои захватнические устремления прикрывал фразами о крестовом походе западноевропейских народов против России как оплота рабства и угнетения.

Стр. 298. ... *как сказал знаменитый историк в своем письме.* — Герцен имеет в виду «Письмо И. Мишле к издателю», помещенное в первой книжке ПЗ. См. стр. 289 наст. тома.

... *казались странными в 1849 году...* — Герцен имеет в виду свою статью «Россия».

При первом откровенном слове любви и примирения поляки и русские указали на общего врага и обнялись. — Герцен, очевидно, имеет в виду такие факты, как поддержка, оказанная ему польскими демократами при организации Вольной русской типографии, свое выступление на митинге по случаю XXIII годовщины польского восстания и горячий присм, оказанный ему участниками этого митинга (см. комментарий к речи Герцена «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне» — стр. 520—521 наст. тома).

«*Mémoires de Villemain*», 1855. — В 1855 г. вышли «*Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature*» историка, публициста и политического деятеля Вильмена. Первый том был почти целиком посвящен графу Нарбонн-Лара, незаконному сыну Людовика XV, который с 1800 г. служил Наполеону; второй том — истории «ста дней».

Стр. 299. ... *camp du d'or...* — Под таким названием известно место встречи (в 1520 г.) французского короля Франсиска I с английским королем Генрихом VIII. В этом лагере, поразившем воображение современников несомненной роскошью, короли подписали договор о союзе.

Первая панихида Пестелю и его товарищам в Варшаве. — См. примечание к стр. 90—91.

Речь Бакунина... — Речь эта была произнесена 29 ноября 1847 г. в Париже, на банкете в ознаменование XVII годовщины польского восстания 1830 г. За эту речь Бакунин, по настоянию русского посольства, был выслан из Франции.

... *торжествовали в Москве молебствием.* — Молебствие это происходило 19 июля 1826 г. в Москве, куда Николай I приехал для коронации.

MR. ALEXANDER HERZEN — TO THE EDITOR OF «THE GLOBE»

〈АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН — ИЗДАТЕЛЮ «THE GLOBE»〉

Печатается по тексту газеты «The Globe» от 25 октября 1855 г., где было опубликовано впервые.

Подпись: Alexander Herzen. Автограф неизвестен.

Письмо было написано по-французски, редакцию «The Globe» Герцен просит перевести письмо на английский язык.

В настоящем издании в текст письма внесено следующее исправление:

Стр. 301, строка 10: Hoffmann and Campe <Гофман и Кампе> вместо: Hoffmann and Company <Гофман и Компания>

Эпизод, с которым связано настоящее письмо, Герцен рассказал в «Былом и думах», в гл. «Немцы в эмиграции» части VI, однако вместо газеты «The Globe» он ошибочно упоминает газету «Express» (т. XI наст. изд., стр. 166—167).

«Тюрьма и ссылка» вышла летом 1854 г., в начале 1855 г. появился немецкий ее перевод: «Aus den Memoiren eines Russen. Im Staatsgefängnis und in Sibirien», Hamburg; двухтомное английское издание, охватывающее вторую и четвертую части «Былого и дум» (по счету окончательной редакции), вышло в свет в октябре 1855 г. (об этом издании см. в т. VIII, стр. 462—465).

15 октября 1855 г. в газете «The Globe» появился отзыв, в котором указывалось на неправомерность заглавия. 17 октября Герцен писал М. К. Рейхель: «Богатое издание моих «Записок» вышло на английский <ом ...> Ошибки есть и, главное, в заглавии: Гофман и Кампе и злешный для эманки поставили «My Exile in Siberia». Я протестовал, но кто же это будет знать». Здесь Герцен, по-видимому, имеет в виду свой протест, направленный издателям. Через несколько дней, 23 октября, Герцен счит также нужным написать комментируемое нами открытое письмо в «The Globe».

Этим однако инцидент не был исчерпан. В ноябре 1855 г. вокруг заглавия книги разгорелась полемика на страницах газеты «The Morning Advertiser». Выпады этой газеты Герцен в главе «Немцы в эмиграции» «Былого и дум» крайне предвзято и без всяких оснований приписал «интригам» сторонников Маркса.

29 ноября 1855 г. в «The Morning Advertiser» появилась заметка за подписью: «Один из введенных в заблуждение»; анонимный автор обвинял Герцена в умышленной подтасовке фактов своей биографии. На эти обвинения Герцен в тот же день ответил опровержением, озаглавленным: «Моя ссылка в Сибирь» и адресованным издателю «The Morning Advertiser» (см. наст. том, стр. 303—304). 6 декабря анонимный противник Герцена выступил в той же газете с новой замечкой, в которой настаивал на своих обвинениях, между прочим подчеркивая, что ссылка не мешала Герцену быть чиновником (в последней редакции гл. XXVII части IV «Былого и дум» Герцен впоследствии сделал в связи с этим подстрочное примечание: «... какой-то немец, раз десять ругавший меня в „Morning Advertiser“, приводил в доказательство того, что я не был в ссылке, то, что я занимал должность советника губернского правления» (см. т. IX наст. изд., стр. 79). В том же номере «The Morning Advertiser» от 6 декабря была напечатана и заметка в защиту Герцена (автор ее также неизвестен) как замечательного представителя русского общества. Здесь же редакция газеты объявила, что она прекращает дальнейшую полемику о книге Герцена. В письме к Энгельсу от 7 декабря 1855 г. Маркс рассказывает весь этот эпизод, осуждая при этом позицию Герцена (К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения. т. XXII, стр. 103).

См. также предисловие Герцена к публикации первой части «Былого и дум» в ПЗ, 1856 г., кн. II (т. VIII наст. изд., стр. 399—400).

Стр. 302. .. воспроизведен и в «Revue des Deux Mondes». — Речь идет, очевидно, о большой статье Делава о «Тюрьме и ссылке», появившейся в «Revue des deux Mondes» в сентябре 1854 г.

«MY EXILE IN SIBERIA»
<«МОЯ ССЫЛКА В СИБИРЬ»>

Печатается по тексту газеты «The Morning Advertiser» от 1 декабря 1855 г., где было опубликовано впервые. Подпись: Alexander Herzen. Автограф неизвестен.

Об обстоятельствах, вызвавших настоящее письмо Герцена к издателю «The Morning Advertiser», см. комментарий выше.

Стр. 304. ...изданием двух томов моих мемуаров с «Тюрьма и ссылка». — Русское издание «Тюрьмы и ссылки», Лондон, 1854, вышло не в двух томах, а в одном томе.

1856

<НЕ УСПЕЛИ В МОСКВЕ ОПЛАКАТЬ ПОТЕРЮ
Т. Н. ГРАНОВСКОГО...>

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1856 г., кн. II, стр. 1.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ* (1858 г.), на нenum. стр. Подпись: И-р. Автограф неизвестен.

Этим извещением в траурной рамке о смерти П. Я. Чаадаева (26 апреля 1856 г.) открывалась вторая книга «Полярной звезды». Говоря, что «наши читатели знакомы с ним», Герцен имел в виду опубликованную в *ПЗ*, 1855 г., кн. 1, одиннадцатую (по тогдашнему счету) главу «Былого и дум» «Еще раз юная Москва», в которой рассказывалось о Чаадаеве (гл. XXX части IV в отд. изд. «Былого и дум»). Еще раньше Герцен писал о «Философическом письме» Чаадаева в брошюре «О развитии революционных идей в России». Брошюра Герцена вышла в свет в первой половине июня 1851 г.; 26 июля 1851 г. Чаадаев откликнулся на посвященные ему строки дружеским письмом к Герцену, которое Герцен впоследствии опубликовал в *ПЗ*, 1859, кн. V.

Грановский умер 16 октября 1855 г. Намерение Герцена приложить к *ПЗ* портреты Грановского и Чаадаева не было выполнено.

ВПЕРЕД! ВПЕРЕД!

Впервые опубликовано под заглавием «Вперед! Вперед! (31 марта 1856 года)» и без даты в конце текста в *ПЗ*, 1856 г., кн. II, стр. III—X, во втором издании — стр. III—X. Подпись: И-р.

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», Лондон, 1863, стр. 123—127. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 310, строка 3: приводили вместо: приводило

Стр. 310, строка 14: в которой вместо: в который (по *ПЗ*)

Стр. 310, строка 15: в двойных цепях вместо: в двойных цепях

В программной статье Герцена «Вперед! Вперед!» отчетливо сформулирована демократическая вера Герцена в Россию, в ее будущее, мотивированная теорией «русского социализма», народническими упованиями на русскую сельскую общину. Очень существенно вместе с тем, что наряду с пессимистической оценкой перспектив социального развития Западной

Европы, Герцен возлагает здесь известные надежды на демократические массы Запада, отдавая предпочтение Европе «земледельческой перед Европой «ремесленной».

В статье Герцен вновь призывает передовое русское общество к политической активизации, стимулом ее должны послужить теперь события Крымской войны, а также смерть Николая I.

Стр. 306. *Сегодня утром граф Орлов бросил последнюю горсть земли в могилу Николая...*— Как было выше указано, статья «Вперед! Вперед!» в «Полярной звезде» имела подзаголовок: «31 марта 1856 года». Этим подзаголовком Герцен петочно указал дату заключения Парижского мира после Крымской войны (он был заключен 30 марта). Русскую делегацию на мирных переговорах в Париже возглавлял граф А. Ф. Орлов.

...сорок два года спустя ∞ тоже из корпуса жандармов.— Декабрист М. Ф. Орлов и шеф жандармов (с 1844 г.) А. Ф. Орлов, подписавший тяжелый для России Парижский мирный договор, были родными братьями. Наполеоном «из корпуса жандармов» Герцен называет Наполеона III.

Стр. 307. *... сказала я в 1853 г. на польском митинге в Лондоне...*— Герцен имеет в виду свою речь «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне» (см. стр. 126—132 наст. тома).

...«в самой пасти льва», как сказал Мишле.— Мишле сказал это о декабристах в одной из своих «Северных легенд демократии» — «Русские мученики» (см. комментарий к статье «Русский народ и социализм» — т. VII наст. изд., стр. 126—132 и 438—439).

Стр. 308. *Он знал Альму и Евпаторию ∞ не предвидел.*— В сентябре 1856 г. союзные войска высадились на Крымском полуострове; сражение при реке Альме было проиграно русскими, несмотря на необычайный героизм русских солдат. Испанский город Сарагоса прославился упорной и героической обороной против французской армии, осаждавшей его в 1808—1809 г.

...турецко-крестовому походу за «просвещение и свободу».— Подобными лозунгами Наполеон III демагогически прикрывал подлинную агрессивную сущность своего конфликта с Россией.

Стр. 311. *Это опять фантастические ∞ конечно, не в них.* — Герцен иронизирует над бывавшими в Западной Европе представлениями о существовании в России середины XIX века «аристократической оппозиции».

...бесплодные споры ∞ космополитической цивилизации...— Речь идет о спорах между славянофилами и либералами-западниками.

ОТВЕТ

Впервые опубликовано в ПЗ, 1856 г., кн. II, стр. 247—249.

Печатается по тексту второго издания ПЗ, стр. 256—258. Подпись: П-р. Автограф неизвестен.

1 января 1856 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Вот вам для Нового года новость. Вчера пришло ко мне письмо анонимное из Петербурга, которое меня, да и не одного меня, тронуло до слез: юноши благодарят меня за типографию и за «Полярную звезду». Письмо так мило-горячо, что я велю Саше переписать и пришло для Нового года». Таким образом, письмо, на которое Герцен откликнулся комментируемым здесь «Ответом», было получено им 31 декабря 1855 г. Свой «Ответ» Герцен датировал 1 января, вероятно, условно.

Письмо, как и свой «Ответ», Герцен опубликовал в ПЗ, 1856 г., кн. II,

в разделе «Письма» (стр. 243—246). В примечании к письму (стр. 246) им было указано: «В; приписке предоставлено мне право напечатать это письмо».

На рубеже 1855—1856 гг. живая связь Вольной типографии с русским обществом не успела еще установиться; поэтому Герцена так взволновало и обрadowало письмо «юношей» — один из первых русских откликов на его лондонскую пропаганду. В начале письма его автор восторженно приветствует Герцена и «Полярную звезду»: «Все благородные сердца молодого поколения, жадно чувствующие потребность свободного слова, вам сочувствуют». Далее речь идет о невыносимом гнете последних лет царствования Николая I и о надеждах, возлагаемых на новое царствование. Последняя тема трактуется в духе либеральных иллюзий. В заключение автор письма призывает Герцена не печатать в «Полярной звезде» строк, подобных изданной Вольной типографией «прокламации к русским солдатам» (имеет ся в виду листовка Герцена «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше»): «Мы с гордостью видим в вас представителя социальных идей нашей эпохи, мыслителя, идущего в уровень с Европой и своим отечеством; но я не нахожу в вас умения говорить с простым народом и с солдатами». На этот упрек анонимного корреспондента Герцен в свою очередь отвечает упреком: «...не оттого ли они <листовки> возбудили ваше негодование, что мы мало привыкли к свободной речи? Дайте каждому говорить свое мнение, вы не обязаны с ним соглашаться».

Стр. 313. *Я рассказывал в моих воспоминаниях...*— Этот эпизод Герцен рассказал в гл. XVIII части II «Былого и дум» (глава была впервые напечатана в книге: «Тюрьма и ссылка». Из записок Искандера, Лондон, 1854).

...эти «станции», как говорит Байрон... — Эту тему Байрон развивает в первой песне «Дон-Жуана».

Стр. 314. *...только о д н о писано мною, «К солдатам в Польше»...*— Авторами «летучих листов», выпускавшихся Вольной типографией, были также В. А. Энгельсон (два «Видения святого отца Кондратия», два послания Пугачева), Н. И. Сазонов («Родной голос на чужбине. Русским пленным во Франции»).

...я сказал в программе к «Полярной звезде».— См. «Объявление о «Полярной звезде» (стр. 265—271 наст. тома).

Не заставляйте меня быть Мусиным-Пушкиным...— М. Н. Мусин-Пушкин в 1845—1862 гг. состоял попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. По положению о цензуре 1828 г. председателем цензурного комитета являлся попечитель данного учебного округа.

ОТВЕТ

Впервые опубликовано в ПЗ, 1856 г., кн. II, стр. 253—257.

Печатается по тексту второго издания ПЗ, стр. 263—267. Подпись: И.-р. Автограф неизвестен.

Письмо, вызвавшее настоящий «Ответ», напечатано Герценом в ПЗ, 1856 г., кн. II, в разделе «Письма», под заглавием: «Г. издателю „Полярной звезды“». К заглавию Герцен сделал подстрочное примечание: «Мы позволили себе выпустить несколько строк, не назначенных, вероятно, для публики. Письмо неизвестного читателя, — по своим взглядам, очевидно, либерала, — содержит шестнадцать пунктов с разного рода замечаниями по поводу первой книги «Полярной звезды».

Самое серьезное из этих замечаний касается того, что «Полярная звезда» чужда «нынешнему движению русской литературы», — литературная

жизнь, журнальная полемика не находит в ней отражения, она не следует традиции «Полярной звезды» Рыльского и Бестужева, каждая книжка которой начиналась обзорением русской словесности. Отвечая на эти упреки, Герцен указывает на затрудненность сношений с Россией и на то, что отзывы «Полярной звезды» могут политически скомпрометировать русских писателей. В то же время Герцен высказывается и о самой литературе. «Сознательно-гоголевское направление», в отличие от самого Гоголя, по мысли Герцена, вступило на путь теоретически осознанной критики социально-политических установлений. Но сейчас этого уже недостаточно. Герцен считает, что начавшемуся в России общественному подъему должен соответствовать принципиально новый этап в развитии литературы. Ср. развитие этих мыслей в предисловии Герцена к немецкому изданию романа Д. В. Григоровича «Рыбаки» (статья «О романе из народной жизни в России» — т. XIII наст. изд.).

Стр. 315. ... я получил первую русскую статью «Что такое государство?», к которой вы так строги...— Автор письма упрекал Герцена за чрезмерно высокую оценку в «Объявлении о „Полярной звезде“ 1855» статьи В. А. Энгельсона «Что такое государство?». По мнению автора письма, в России «едва ли дочтут до конца такую темную, бессильную метафизику».

...кроме статьи Н. Сазонова...— Речь идет о статье Н. И. Сазонова «Место России на всемирной выставке», напечатанной в ПЗ, 1856 г., кн. II.

Стр. 316. ...лицо в Моцартовой «Волшебной флейте», которое поет с замком на губах.— Герцен имеет в виду квинтет в первом акте «Волшебной флейты» Моцарта, комически воспроизводящий нечленораздельные звуки.

...роман Григоровича «Рыбаки»...— О герценовской оценке этого произведения см. в комментарии к статье «О романе из народной жизни в России» (т. XIII наст. изд.).

Комедии Островского ∞ направлению.— Герцену тогда уже могли быть известны такие произведения Островского, как «Свои люди — сочтемся», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется».

...повесть графа Толстого «Мое детство»...— «Детство» Толстого первоначально было напечатано в «Современнике» (1852) под заглавием «История моего детства».

Слово т р е т н о е мне кажется понятно...— В первом издании ПЗ, 1855 г., кн. 1, альманах был назван «Третьим обзорением освобождающейся Руси». Автор письма, на которое отвечает Герцен, утверждал, что «слово «третье» едва ли будет понятно».

Стр. 317. Один из моих друзей, шутя, предлагал назвать предполагаемое некогда нами обозрение...— Возможно, что речь идет о том журнале, который учасники кружка Герцена — Огарева собирались издавать в 1834 г. (см. «Программа и план издания журнала»), т. I наст. изд., стр. 59—61).

Вам не нравится эпитафия ∞ синих, белых.— Автор письма заявляет, что эпитафия к «Полярной звезде» («Да здравствует разум!» — из «Вакхической песни» А. С. Пушкина) «мог бы быть приискан удачнее и выразительнее». Трехцветное (белое, синее, красное) знамя было принято французской революционной буржуазией в 1789 г.

Я никак не могу согласиться с вами ∞ пришедших на закладку свободного русского дела.— Автор письма считает, что лучше было бы занять произведениями русских писателей «те страницы <...> книжки, которые поглощены пустыми, совершенно для русских не занимательными <...> письмами Прудона, Маццини и др.»

Клязьму я назвал «бсдой»...— Напечатанная в ПЗ, 1855 г., кн. 1, первоначальная редакция гл. XXV части IV «Былого и дум» начиналась

фразой: «В начале 1839 года расстались мы с Владимиром, с бедной, узенькой Клязьмой». Эпитет «бедная» привел автора письма в недоумение.

Эпитет, данный Владимиру...— Автор письма по поводу отрывков из части IV «Былого и дум», напечатанных в ПЗ, 1855 г., кн. 1, задает вопрос: «...что значит «венчальный» городок?». Владимир — город, в котором венчался Герцен и Н. А. Захарьина.

Я никогда не думал, что «Телескоп» издавался «в замену» «Телеграфа».— «...«Телескоп», — пишет автор письма, — (как ошибочно означено у вас в книжке „Du développement...“) вовсе не замещал и не заменял „Телеграфа“. „Телескоп“ появился в 1831 г. и был в течение целых трех лет современен „Телеграфу“, который запрещен в марте 1834 года». Это возражение вызвано фразой Герцена: «В Москве вместо запрещенного „Телеграфа“ стал выходить журнал „Телескоп“ ...» («А Moscou, la revue qui remplacа le Têlégraphe supprimé fut le Têlescope»). См. т. VII наст. изд., стр. 91 и 221.

Стр. 318. *По вашему желанию стихотворение Рыльева ∞ за дурную память.*— Автор письма считает, что вместо десяти строк из оды К. Ф. Рыльева „Александру I“, взятых эпитафией к „Письму“ Герцена императору Александру II, в «Полярной звезде» следовало целиком напечатать эту оду, а также выпущенное отдельным листком стихотворение П. А. Вяземского «Русский бог». Далее он выражает удивление по поводу того, что Герцен нуждался в списках запрещенных стихотворений Пушкина, Лермонтова и Полежаева, не зная их наизусть. Автор письма рекомендует также Герцену оду М. Дмитриева на вступление на престол Александра II. В ПЗ, 1856 г., кн. II, Герцен напечатал стихотворение «Русский бог» и две строфы из упомянутой оды Рыльева.

...типографских ошибок у нас не меньше...— В числе других ошибок автор письма отметил: «Число «21 января 1725 г.» <...> взято произвольно. Не в этот день скончался Петр I». К этой фразе Герцен во втором издании ПЗ, 1856, кн. II, сделал следующее подстрочное примечание: «По несчастию, мы опять проглядели эти числовые опечатки, и они остались во втором издании «Полярной звезды» за 1855 г.; вкрались и другие ошибки. Досадно — но мы просим подумать о затруднении нового издания в типографии, в которой ни один человек не знает по-русски. И-р».

В другом месте ∞ я вместо вычета прибавил двенадцать дней.— Автор письма отметил ошибку Герцена в первопечатном тексте «Объявления о «Полярной звезде», где было сказано, что первая книжка выйдет двадцать пятого июля (шестого августа), вместо тринадцатого (двадцать пятого) июля (день казни пяти декабристов).

Времени, когда Пушкин писал ∞ это чисто моя ошибка.— В первой редакции гл. XXX части IV «Былого и дум» Герцен отнес послание Пушкина к «Чаадаеву» («Чаадаев, помнишь ли бывшее?») к 1835 г. (см. ПЗ, 1855 г., кн. I, стр. 161). Автор письма указывает на эту ошибку.

Гале де Кюльтюр дурно поступил...— Автор письма упрекает Герцена в том, что он обещал поместить в «Полярной звезде» отрывки из новой книги Гале де Кюльтюра, которым «оклеветан император Александр I и позорно очернен величайший из поэтов русских!» (см. примечание к стр. 258 наст. тома). В книге Кюльтюра «Nicolas et la sainte Russie», P., 1854, была раздута гнусная сплетня о полицейской расправе, якобы учиненной над Пушкиным за его вольнолюбивые стихи конца 10-х годов. В изложении Кюльтюра исполнителем распоряжений Александра I оказался в этом деле Милорадович. Во втором издании своей книги (1857 г.) Кюльтюр вынужден был изъять этот эпизод, вызвавший негодование русских читателей.

Стр. 319. *...как Фемистокл, говорит вам: «Бейте — только читайте».*— По преданию, перед Саламинской битвой Фемистокл поспорил со спартанским военачальником Эврибиадом и в пылу этого спора сказал ему: «Бей, но выслушай».

ИЗ ПИСЕМ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВНУТРЕННОСТИ АНГЛИИ

Печатается по тексту газеты «Санкт-Петербургские ведомости», 1856, № 91 от 26 апреля, где было опубликовано впервые. Подпись: В. Б.

В ПД в собрании П. И. Данкова хранится автограф Герцена — последняя страница этой статьи. Автограф имеет явно черновой характер. Трудно допустить, чтобы эта рукопись, подвергшаяся значительной правке (см. варианты на стр. 496—497), могла быть послана Герценом из Лондона Краевскому в качестве окончательной, предназначенной для печати редакции. Автограф имеет подпись: В. Бельтов. Под подписью приписано: «С подлинным верно. А. Герцен».

16 июня 1856 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «В „Отечественных записках“ моя статья!!». М. Лемке по этому поводу высказал весьма вероятное предположение, что «Герцену сообщили из России, что Краевский (в арендуемых «СПб. ведомостях») напечатал его статью „Из писем путешественника...“, а так как она посылалась ему в журнал, а не в газету, то Герцен и решил, что попал в „Отечественные записки“» (Л VIII, 318). Намерение Герцена продолжить публикацию «Писем путешественника» не осуществилось. Следующие письма, вероятно, не были написаны.

В статье Герцен поддерживает и оценивает национальные характеры — английский, отчасти французский и немецкий. Этим темам он уделил много внимания в «Былом и думах», в пятой и особенно в шестой частях. Суждения Герцена о национальном характере бывали иногда резки и несправедливы; но, в сущности, речь почти всегда идет о тех или иных враждебных Герцену социальных явлениях. В комментируемой статье Герцен говорит не об английском народе «вообще», но о нравах, типичных для буржуазного общества викторианского периода. В «Былом и думах», в гл. «Not guilty» части VI, Герцен писал: «Не надобно думать, чтоб трусливое чувство осторожности и тревожного самосохранения лежало в самом английском характере. Это следствие отлучения от богатства и воспитания всех помыслов и страстей на стяжание. Робость в английской крови внесена капиталистами и мещанством...» (т. XI наст. изд., стр. 106). «Характер» людей господствующих классов данной страны Герцен противопоставляет, таким образом, характеру народному. Еще в «Письмах из Франции и Италии» французский блузник, пролетарий, о котором Герцен говорит с восхищением, противопоставлен «проприетеру». Впоследствии в статье «*Camisia rossa*» (1864) Герцен создал мощный образ трудового народа Англии.

Стр. 320. ... о партии *old boyards*... — См. об этом на стр. 311 и 547 наст. тома.

... правда ли, что официанты одевают у нас дам... — Ср. в статье «Ответ»: «Я так привык к невежественной клевете на Россию, что не сержусь за нее и не отвечаю. Разве «Теймс» не рассказывал несколько месяцев тому назад, что в Петербурге лакеи раздевают дам, когда они идут спать...» (стр. 318 наст. тома).

Стр. 321. ... Альберт Смит не ходит два раза в неделю на свой Монблан в Пикадилли. — Альберт Смит в 1851 г. поднялся на вершину Монблана; после этого он с большим успехом демонстрировал в Лондоне диораму Монблана.

... у Цезаревых солдат ∞ британской кампании. — В 55 и 54 гг. до н. э. войска Юлия Цезаря вторгались на территорию Британии.

... исследования Байрона стоят шампольоновских. — Речь идет об открытиях основателя египтологии Шампольона.

Стр. 322. ...*Голландия самобытно довольствуется, как Стюарты*...— Корольская династия Стюартов была окончательно низложена и изгнана из Англии в 1688 г. Мысль о том, что буржуазная стабилизация связана с остановкой исторического развития, Герцен высказывал несколько раз, в том числе в «прибавлении» к гл. III части VI «Былого и дум» «Джон-Стюарт Милль и его книга «On Liberty»», где речь также идет о мелкобуржуазном довольстве в Голландии.

Alien bill — закон против иностранцев, которым Англия предоставляла право политического убежища.

...*мост из Фокстона во Францию*.— Из портовых городов Англии Фолькстон был ближе всего расположен к французскому берегу.

Прежние эмиграции вам принесли страшную пользу.— Вплоть до XVIII в. религиозные гонения вынуждали протестантов переселяться из Испании, Франции и других католических стран в Голландию, в Англию. Эта эмиграция способствовала подъему торговли и промышленности протестантских стран.

...*седьмой год ожидающий*...— С 1848 г., когда во Франции была низложена Орлеанская династия.

Стр. 323. ...*десять разных эмиграций*...— События 1848—1849 гг. вынудили эмигрировать в Англию большое количество участников революционного движения во Франции, Германии, Австрии, Италии, Венгрии. О судьбах европейских политических эмиграций Герцен много говорит в пятой и шестой частях «Былого и дум».

Стр. 324. ... *старый корсар и его дочь у Байрона*.— Герцен имеет в виду сцену в четвертой песне «Дон-Жуана» Байрона: старый пират застает свою дочь с Дон-Жуаном.

...*эпикуреизм британского ума* ∞ Юм — Кантом.— Локк, Ньютон, английские материалисты XVII в. оказали большое влияние на Вольтера и французских энциклопедистов; Герцен также имеет в виду связь критической философии Канта с некоторыми положениями Юма.

...*страной «флецовою»*... — Флецами в геологии и горном деле в свое время называли пласты ископаемых пород.

Стр. 326. ...*королеве Бесс*...— т. е. королеве Елизавете.

Стр. 328. *You are an immoral people — and you know it*...— Неточная цитата из одиннадцатой песни «Дон-Жуана» Байрона («*You are not a moral people and know it*»).

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Впервые опубликовано в первой части сборника «Голоса из России», 1856, стр. 5—7.

Печатается по тексту второго издания сборника (1858 г.), стр. 5—8. Подпись: Искандер. Автограф неизвестен.

Первая часть «Голосов из России» вышла в середине июля 1856 г., что позволяет предположительно датировать настоящее предисловие летом 1856 г.

Издание сборников «Голоса из России» Герцен предпринял по двум причинам. Во-первых, рукописи стали поступать из России в количестве слишком большом для того, чтобы их могла вместить «Полярная звезда», во-вторых, и это главное, характер этих рукописей не позволял Герцену полностью с ними солидаризироваться, и он предпочел издавать их особыми выпусками. В 1848—1855 гг. дошедший до крайности цензурный гнет способствовал распространению в России рукописной (по выражению Герцена — «письменной») литературы. Для русской бесцензурной литературы 50-х годов характерно, что в создании ее принимали участие и славянофилы, и либералы, и даже представители бюрократических кругов.

В середине 50-х годов либералы надеялись, что издания Вольной русской типографии станут в какой-то мере выразителями их мнений и настроений. Для Герцена однако это было неприемлемо; в предисловии к первому же выпуску «Голосов из России» он подчеркнул, что его позиция не совпадает с позицией авторов печатаемых им статей: «Теперь я прошу не забывать, что я — только типограф, — типограф, готовый печатать *все* полезное нашей общей цели». Подобные оговорки Герцен делает и в последующих выпусках «Голосов из России» (см., например, примечание к статье Н. А. Мельгунова «Россия в войне и мире» в ч. 4 «Голосов из России», 1857, т. XIII наст. изд.).

Стр. 329. *Доказательством этому может служить «Письмо» ко мне...* — Первый выпуск «Голосов из России» открывался «Письмом к издателю», подписанным «Русский либерал». Первая половина «Письма» была написана К. Д. Кавелиным, вторая — Б. Н. Чичериным. Письмо это — программный документ русского дворянского либерализма 50-х годов. Его авторы решительно осуждают революционную и демократическую пропаганду: «Россия до социальной демократии нет дела; у нее другие интересы; животрепещущие вопросы, поглощающие ее внимание, вращаются в другой сфере. Укажите нам с должною умеренностью и с знанием дела на внутренние наши недостатки, раскройте перед нами картину внутреннего нашего быта <...> и мы будем вам благодарны, ибо свободное русское слово великое дело. Вы удивляетесь, отчего вам не шлют статей из России; но как же вы не понимаете, что нам чуждо водруженное вами знамя? Начните издание сборника другого рода, нежели ваша «Полярная звезда», и у вас больше найдется сотрудников, и самое издание будет лучше расходиться в России, и найдет даже со стороны правительства менее препятствия, нежели в настоящее время» («Голоса из России», 1856, ч. 1, стр. 38). Об этом «Письме» и идет речь в первом абзаце предисловия Герцена. В 1859 г. Б. Н. Чичерин писал Герцену: «Мельгунов писал вам, что я автор письма в первой книжке «Голосов из России». Об этом мы с вами поговорим при свидании. Надобно знать историю этого письма, чтоб извинить то, что могло показаться вам в нем оскорбительным. Теперь же скажу вам только одно: половину письма писал Кавелин, и я воздерживал слишком верноподданнические его излияния. Вот и судите!» («Письма К. Дм. Кавелина и И. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 42—43).

Я оставил неблагоприятное слово «фарса», унижительное обвинение, что я «разыгрываю комедию»... — По поводу обращения Герцена к представителям международной демократии авторы «Письма» писали: «Революционные выходцы всех стран и народов, составляющие в Лондоне ничем не властвующее правительство, по вашему ходатайству примиряются с Россией и принимают ее в свой союз. <...> Ну, признайтесь, не чистая ли это комедия? Полноте разыгрывать эти фарсы и морочить себя и других фантастическими представлениями о небывалых сообщениях» («Голоса из России», 1856, ч. 1, стр. 30—31).

...странное недоверие ко мне ∞ не исказить рукописи. — «Письмо» Кавелина и Чичерина заканчивалось фразой: «Личное ваше благородство и честь послужат мне порукой, что вы не употребите во зло моего доверия и не захотите скрыть или исказить это письмо и приложенные к нему статьи, пользуясь преимуществами человека, имеющего право говорить и печатать все, перед тем, который в своем отечестве осужден на глубокое, безусловное молчание» («Голоса из России», 1856, ч. 1, стр. 36).

Стр. 330. *Еще раз повторяю слова из программы «Полярной звезды» ∞ со времен русской жизни.* — Герцен цитирует статью «К нашим», помещенную в ПЗ, 1855 г., кн. I (стр. 296 наст. тома).

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Впервые опубликовано в первом выпуске второй части сборника «Голоса из России», 1856, стр. 3—4.

Печатается по тексту второго издания сборника (1858 г.). Подпись: Искандер. Автограф неизвестен.

В первой части «Голосов из России» напечатано три произведения; приложенное же к выпуску «Оглавление первой части (статьи 1855)» содержит одиннадцать названий. Остальные статьи Герцен частью включал в выпуски следующих лет, частью совсем не напечатал, как потерявшие актуальность (о судьбе этих статей см. во вступительной статье Н. Н. Захарьина к публикации писем Н. А. Мельгунова к Герцену, *ЛН*, т. 62, стр. 316—317). Летом 1856 г. Н. А. Мельгунов привез из России рукописи, вошедшие в первый выпуск второй части «Голосов из России». В письмах к М. К. Рейхель от 23 и 26 июня 1856 г. Герцен упоминает о пакетах, привезенных для него Н. А. Мельгуновым. По своему содержанию и тону эти статьи («Приятельский разговор» Н. А. Мельгунова, «О крепостном состоянии» Б. Н. Чичерина и др.) показались Герцену более приемлемыми, чем статьи 1855 г. (см. комментарий к предисловию «От издателя» в первой части «Голосов из России», стр. 552—553 наст. тома). Однако в конечном счете и статьи 1856 г. не могли удовлетворить Герцена. 16 августа 1856 г. он писал М. К. Рейхель: «Статьи русские печатаю, а плохи (то есть часть их очень подло написана), с нашими-то выражениями, напоминающими переднюю и Епифанова».

Стр. 331. ...*скупую амнистию, которой никто не хочет пользоваться*...— Александр II разрешил части польских политических эмигрантов вернуться на родину.

ОБА ЛУЧШЕ

Печатается по тексту газеты «Санкт-Петербургские ведомости», № 206 от 20 сентября 1856 г., где было впервые опубликовано. Подпись: В. Б. (см. комментарий к статье «Из писем путешественника во внутренности Англии» на стр. 550 наст. тома). Автограф неизвестен.

В *ЦГАЛИ*, в «пражской коллекции» Герцена—Огарева, хранится вырезка из газеты с текстом статьи. В конце текст: «Уровень понизился ∞ префектурой» неизвестной рукой отчеркнут и взят в скобки, текст: «Немногим лучше ∞ наконец зачеркнут; последняя фраза: «Прикажете продолжать?» зачеркнута; «прошло мещанство ∞ поколения...» подчеркнуто.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 333, строка 15: выработали себе *место*: выработали себя

Стр. 333, строка 17: безправственности, *место*: безправственности

В очерке «Оба лучше» Герцен говорит о двух типических явлениях, порожденных капиталистическим обществом. По поводу Ораса, героя одноименного романа Жорж Санд, Герцен писал в «Дневнике» еще в августе 1842 г. (см. т. II наст. изд., стр. 222—223). К теме Ораса Герцен вернулся в пятой части «Былого и дум», где он с Орасом сопоставляет Гервега, видит в Орасе наиболее близкое воплощение «гервеговского» типа сознания. Характеристика Ораса в «Оба лучше» местами почти совпадает с характеристикой Гервега в пятой части «Былого и дум». Ораса Герцен рассматривает как представителя той буржуазной интеллигенции, которая, по его убеждению, сыграла роковую роль в крушении революции 1848 г.

Американский антрепренер-аферист Барнум привлёк внимание Герцена в связи с выходом в 1855 г. в Нью-Йорке его «Автобиографии», переведенной на многие европейские языки. Барнум, беззащитный буржуазный делец, в музее редкостей в Нью-Йорке показывал («кормилицу Вашингтона», сирену, карлика Тома Пуса, устраивал там выставки детей и собак; в 1850 г. он нажил огромные деньги на ангажементе знаменитой певицы Женни Липд.

В очерке «Оба лучше» Герцен отмечает мещанскую ограниченность и низкий моральный уровень, присущий многим популярным произведениям буржуазной литературы 50-х годов.

В письме к И. С. Тургеневу от 9 декабря 1856 г. Герцен упоминает о появлении «Барнума и Ораса» в «Санкт-Петербургских ведомостях» («почти слово в слово, но с дикими ошибками»). В письме к М. К. Рейхель от 30 декабря он просит передать эту статью И. С. Тургеневу и Н. А. Мельгунову. 8 января 1857 г. Тургенев писал Герцену: «Барнума и Ораса» я на-днях прочел в одном № „С.-П(етер)бургских ведомостей“ и только пожалел, что коротко: очень умная и тонкая вещица» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», Женева, 1892, стр. 96).

Стр. 333. *Ж. Санд совершенно справедливо замечает...* — Герцен имеет здесь в виду высказывание Жорж Санд в предисловии к роману «Орас».

Стр. 336. *...вносит гибель и несчастье во все круги людей простых и искренних...* — Намек на историю отношений между Герценом и его женой и Гервегом.

Стр. 337. *...раскаивается в своих изменах Лодоиске...* — Герцен по ошибке называет Лодоиской жену Фоблаза; жена Фоблаза — София, а Лодоиска — ее умершая мать.

Стр. 338. *Лизетта Беранже* — поэтический образ парижской гризетки, веселой и беззаботной, воспетой во многих песнях Беранже.

Женевьева — Женевьева Брабантская, героиня знаменитой средневековой легенды, в которой она изображена как идеал христианских добродетелей и супружеской верности.

...является Марго ∞ *гарантированная префектурой.* — Речь идет о героине пьесы «Les filles de marbre» («Мраморные девушки») Барьера и Тибо, впервые поставленной в Париже в 1853 г. Широкой известностью пользовалась включенная в эту пьесу «Песня золотых монет», припев которой цитирует Герцен:

Marco qu'aimes-tu donc?
Ni le chant de la fauvette,
Ni le marmure de l'eau?
Ni le cri de l'alouette,
Ni la voix de Romeo?
(Bruit de pièces d'or)
Non! voilà ce qu'aime Marco,
Oui! Voilà ce qu'aime Marco!

〈Марко, что же ты любишь? Ни песнь малиновки, ни журчанье воды, ни крик жаворонка, ни голос Ромео. (Звон золотых монет). Нет! Вот что любит Марко. Да! Вот что любит Марко!〉.

Немногим лучше ∞ *растворил А. Дюма-сын.* — Сен-Лазар — женская тюрьма в Париже, при которой помещалась больница для проституток. Герцен имеет в виду моду на произведения из жизни куртизанок и женщин «полусвета». В 1848 г. появился шумевший роман А. Дюма-сына «Дама с камелиями», в 1852 г. переделанный в пьесу. Те же темы затрагивались в других произведениях Дюма и в произведениях его подражателей.

LETTERA A GIUSEPPE MAZZINI SULLE PRESENTI
CONDIZIONI DELLA RUSSIA

〈ПИСЬМО К ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ О СОВРЕМЕННОМ
ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ〉

Печатается по тексту газеты «L'Italia del Popolo», № 18 от 10 марта 1857 г., где было впервые опубликовано. Автограф неизвестен.

«Письмо» Герцена в значительной своей части посвящено тем же вопросам, что и статья «Еще вариация на старую тему», и местами представляет собой другую редакцию этой статьи (см. комментарий на стр. 563—564 наст. тома).

Стр. 348. ...напечатала мою большую статью о России и письмо, мною посланное, на ту же тему.— В 1849 г. в «L'Italia del Popolo» были напечатаны в переводе на итальянский язык статьи Герцена «Россия» и «Письмо русского к Маццини» (см. т. VI наст. изд.).

После 1849 г. ∞ страной с дурной славой.— Герцен имеет в виду интервенцию Николая I в Венгрии в 1849 г.

...мусульманско-католическо-протестантский крестовый поход против и в ц а р я м а...— В Крымской войне против России выступали объединенные силы Турции, Франции и Англии.

Стр. 350. Иосиф II, присутствовавший при закладке Екатеринослава...— В 1787 г. австрийский император Иосиф II сопровождал Екатерину II в ее путешествии по югу России.

Недавно ∞ Аксаков напечатал хронику своей семьи.— «Семейная хроника» С. Т. Аксакова вышла в свет в конце 1855 г.

...Сибирь ∞ пароходы с флагами в звездах.— Речь идет об оживлении торговых отношений между Россией и Соединенными Штатами Америки.

Стр. 351. ...говорил знаменитый Бентам ∞ был в Лондоне после войны.— Александр I посетил Лондон в 1814 г., после первой победы над Наполеоном. О личном свидании Александра с английским философом Иеремией Бентамом нет никаких сведений. Бентама посетил сопровождавший Александра князь Адам Чарторижский и вел с ним беседу, связанную с неосуществившимся намерением Александра воспользоваться советами Бентама при составлении кодекса русских законов. В этой же связи Бентам в 1814 и 1815 гг. написал Александру два письма. Во втором из них он с позиций буржуазного либерализма резко критикует бюрократическую организацию законодательства в России (см. А. Н. Пыпин. Русские отношения Бентама. «Вестник Европы», 1869, кн. 4, стр. 730—788).

Византийский Номоканон...— Сборник церковного права православной церкви, содержащий церковные и светские законы Византии. Номоканоны, дополненные нормами русского права, служили в древней Руси руководством для церковных судов, юрисдикция которых была весьма обширна. Петр I сузил их компетенцию.

Стр. 353. ...в своей речи, обращенной к московскому дворянству.— В марте 1856 г. в речи, обращенной к депутации московского дворянства, Александр II, касаясь вопроса об освобождении крестьян, сказал: «...лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

...поддержку этого пашу, короля неаполитанского? — Александр II оказал поддержку неаполитанскому королю Фердинанду II в его конфликте с Францией и Англией. См. примечание к стр. 95—96 наст. тома.

...своего дяди Гоенцоллерна?— Речь идет о прусском короле Фридрихе Вильгельме IV, брате матери Александра II — Александры Федоров-

ны. В 1856 г. между Пруссией и Швейцарией возник острый конфликт в связи с борьбой Невшатальского кантона за независимость от Пруссии.

Стр. 354. ...не смог прикрыть всю мизерность амнистии ∞ никаких мечтаний! — В мае 1856 г. Александр II посетил Варшаву. В речи, обращенной к депутатам от жителей Варшавы, он ясно дал понять, что поляки не должны надеяться на сколько-нибудь серьезные перемены. В этой связи Александр и произнес фразу: «Point de rêveries, messieurs!»

Стр. 355. Массена прекрасно сделал, что покарал двух орлов с четырьмя головами... — Французский генерал (впоследствии наполеоновский маршал) Массена в 1799 г. разбил под Цюрихом австрийские и русские войска, сражавшиеся на территории Италии и Швейцарии против республиканской Франции. Гербом царской России и императорской Австрии был двуглавый орел.

...Александр I и Пален сделали еще лучше, убив слабоумного императора. — Петербургский военный губернатор П. А. Пален возглавлял заговор против Павла I, великий князь Александр Павлович был осведомлен об этом заговоре и дал свое согласие на совершение дворцового переворота.

«КОЛОКОЛ»

Впервые опубликовано в 1857 г. Вольной русской типографией в Лондоне отдельным листком при ПЗ, 1857 г., кн. III. Подпись: И с к а н д е р. Печатается по этому тексту. Автограф неизвестен.

Весь текст листка до фразы: «Первый лист выйдет около 1 июня» и за исключением второго абзаца Герцен почти без изменений включил в программное «Предисловие», которым открывался первый лист «Колокола» (1 июля 1857 г.). См. комментарий к этому «Предисловию» в т. XIII наст. издания.

Стр. 357. «Vivos voco!» — Из эпиграфа к «Песне о колоколе» Шиллера («Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura prango») («Зову живых. Оплакиваю мертвых. Сокрушаю молнии»).

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Впервые опубликовано в ПЗ, 1857 г., кн. III, стр. III—IV.

Печатается по второму изданию ПЗ (1858 г.). Подпись: И-р. Автограф неизвестен.

Настоящей заметкой Герцен открыл третью книгу «Полярной звезды» (вышла в апреле 1857 г.). Характеризуя развитие русской литературы, Герцен пишет о 1855—1857 гг. как о периоде ее оживления и подъема. Заметка содержит также отповедь тем представителям русского либерализма, которые стремились превратить издания Вольной русской типографии в органы мелкого обличительства чиновничьих злоупотреблений. В этой связи Герцен упоминает официально «Северную пчелу» и субсидировавшую русским правительством брюссельскую газету «Le Nord». См. также редакционную заметку «От издателя» в третьей части «Голосов из России», о которой здесь идет речь (стр. 444—447 наст. тома).

Стр. 359. В ней опять нет обозрения русской литературы. — Герцен имеет в виду письмо читателя и свой «Ответ», опубликованные в ПЗ, 1856 г., кн. II (см. комментарий на стр. 548 наст. тома).

Стр. 360. «Андреевская звезда» — орден св. Андрея Первозванного, высший из орденов царской России.

...даже Политковского. — А. Г. Политковский совершил миллионную растрату шивалидных сумм.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1857 г., кн. III, стр. 207—273.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 234—302. Подпись: Искандер. Автограф неизвестен.

Статья «Записки Дашковой» вошла также в книгу «Еще раз. Сборник статей Искандера», стр. 233—330. Сборник этот был отпечатан в 1864 г. в русской типографии в Берне, возглавляемой эмигрантами В. Бакстом и В. Касаткиным; позднее сборник получил титульный лист, на котором указано: Женева, 1866. Тексты, входящие в этот сборник (за исключением текста рассказа «Трагедия за стаканом грога»), не авторизованы, поэтому принимаем в качестве основного текста статьи ее последнюю журнальную редакцию. История сборника «Еще раз» подробнее изложена в комментарии к «Концам и началам» (см. т. XVI наст. изд.).

В 1857 г. статья Герцена в немецком переводе частично была напечатана в качестве предисловия к вышедшему в Гамбурге изданию: «Memoiren der Fürstin Daschkoff. Zur Geschichte der Kaiserin Katharina II. Nebst Einleitung von Alexander Herzen». Эта же часть статьи напечатана в качестве предисловия к изданию: «Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Перевод с английского языка», Лондон, 1859, стр. VI—XVI (см. об этих изданиях ниже, в комментарии к настоящей статье).

«Записки» Е. Р. Дашковой были написаны по просьбе молодой англичанки Мэри Вильмот, гостившей у Дашковой в 1803—1808 гг. Дашкова посвятила ей свои «Записки» и завещала М. Вильмот их издать (письмо-посвящение датировано 1805 г.). В 1807 г. М. Вильмот переправила в Англию копию «Записок» со своей сестрой Катрин, также гостившей у Дашковой. Вторая копия, очевидно, сделанная тогда же (обе копии сделаны рукой М. Вильмот), осталась в России и впоследствии попала в архив Воронцова. Эта копия с французского подлинника, озаглавленного «Mon histoire», опубликована И. Бартевским в 1881 г. в «Архива князя Воронцова» (т. XXI) в качестве наиболее авторитетного текста «Записок» Е. Р. Дашковой. Подлинник «Записок» утрачен. М. Вильмот сожгла его, опасаясь обыска при отъезде в Англию. После смерти Е. Р. Дашковой (в 1810 г.) М. Вильмот, в замужестве Бредфорд, собиралась сразу же издать «Записки» по копии, имевшейся в ее распоряжении. Этому намерению воспротивился брат Е. Р. Дашковой, русский посол в Лондоне граф С. Р. Воронцов. Появление «Записок» сестры было крайне нежелательно для Воронцова по соображениям политическим и служебным, и он даже считал возможным заявить, что документ, находящийся в руках М. Бредфорд, является подложным, — предположение совершенно неосновательное, поскольку в копии Бредфорд целые страницы были написаны рукой Е. Р. Дашковой. Бредфорд решительно возражала Воронцову (ее письмо к Воронцову по этому поводу опубликовано в XXI т. «Архива князя Воронцова», стр. 371—378), но свое намерение издать «Записки» Е. Р. Дашковой она осуществила только в 1840 г. Судьба рукописи Е. Р. Дашковой и копий с этой рукописи подробно изложена в статье М. Шугурова «Мисс Вильмот и кн. Дашкова» («Русский архив», 1880, кн. III, стр. 150—217).

Автор статьи отмечает, что английский перевод в издании 1840 г. неточен (в нем много пропусков и пересделок).

Лондонским изданием 1840 г. («Memoirs of the princess Dashkaw, lady of honour to Catherine II...») заинтересовался Герцен (см., например, упоминание об английском издании «Записок» Е. Р. Дашковой в гл. XXVI части IV «Былого и дум», первоначальная редакция которой была напечатана в *ПЗ*, 1855 г., кн. I — т. IX наст. изд., стр. 71).

Статья Герцена «Книгина Екатерина Романовна Дашкова» состоит из двух частей — самой статьи о «Записках» (начинается фразой: «В 1744 году императрица Елизавета...») и предисловия, написанного для немецкого перевода М. Мейзенбуг (эта часть кончается фразой, имеющей смысл только в связи с первоначальным ее назначением: «Цель наша будет вполне достигнута, если беглый отчет наш об их <<Записок>> содержания заставит читателей взять в руки самую книгу»). Создавались две эти части раздельно. В августе 1856 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «Пишу теперь длинную статью о „Воспоминаниях кн. Дашковой“ <...> статью на манер английского „Обозрения“». А 31 августа он пишет ей же: «Я с величайшим удовольствием напишу статью, да еще с кайенским перцем, для вашего перевода Дашковой». Наконец, 8 сентября 1856 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «Статья о Дашковой очень нравится и произведет эффект. Я также начал для вас предисловие». Таким образом, основная статья писалась в августе и в начале сентября 1856 г., предисловие же написано несколько позднее. В немецком издании «Записок» Дашковой (вышло в 1857 г. в Гамбурге, в изд. Гофмана и Кампе), где это предисловие было помещено в переводе Мейзенбуг, оно датировано 1 ноября 1856 г. Обе эти части Герцен объединил в одну статью и напечатал ее в третьей книжке «Полярной звезды», которая вышла раньше немецкого издания «Записок» Е. Р. Дашковой.

Успех статьи, интерес, который она возбудила к «Запискам» Е. Р. Дашковой, вероятно, стимулировали Герцена организовать русский перевод «Записок». За перевод английского издания взялся Г. Е. Благосветлов. 7 июля 1859 г. Герцен писал А. А. Чумикову, что «Записки» Е. Р. Дашковой куплены у переводчика Трюбисером. Отпечатано было издание в типографии Зено Свентославского и вышло в свет в феврале 1859 г. под заглавием: «Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Перевод с английского». Помимо «Записок», издание содержало значительное количество материалов. После нескольких слов «От издателя» и краткой вступительной заметки Герцена (см. это вступление в т. XIV наст. изд.) изданию «Записок» 1859 г. предпослана та же часть герценовской статьи о Дашковой (предисловие), которая была напечатана в немецком издании 1857 г. В изд. 1859 г. в фразе «Этого хотел Николай, десяток поврежденных славянофилов — и больше никто» слова: «десяток поврежденных славянофилов» — отсутствуют. Остальные разночтения, по сравнению с текстом *ПЗ*, незначительны. Текст предисловия, воспроизведенный в издании Трюбнера, считается менее авторитетным, нежели текст *ПЗ*, печатавшийся под непосредственным наблюдением автора.

Статья Герцена представляет собой как бы теоретическое вступление к «Запискам» Е. Р. Дашковой. В ней нашла свое отражение та концепция русского самодержавия как военно-деспотической, террористической власти, которую Герцен развивал в ряде своих работ середины 50-х годов. Вторая, основная, тема предисловия — это XVIII век, в частности русский XVIII век, к которому Герцен питал особый интерес. В ряде произведений («О развитии революционных идей в России», «Старый мир и Россия» и др.) Герцен раскрывает свое понимание русской истории, от Петра I до Екатерины II включительно, как периода бурного брожения и несуществовавших национальных сил. Это хаотическое брожение Герцен противопоставлял «немецко гатчинскому» порядку Павла I, Аракчеева, Николая. Не только в буржуазно-революционном движении XVIII века, но и в абсолютизме этой эпохи Герцен ищет «революционные» черты, в том именно смысле, в каком Пушкин говорил о «революции Петра». Еще в работе «О развитии революционных идей в России» Герцен назвал Петра деспотом «наподобие Комитета общественного спасения» (т. VII наст. изд., стр. 170). Возвращаясь неоднократно к сопоставлению Петра и якобинцев, Герцен имел в виду не только стремительность и непреклонность Петра

в осуществлении его политических целей; для него Петр был своеобразным отступом извне — как впоследствии Конвент изнутри — на разложение старого порядка в Западной Европе. В герценовской концепции Петра и всего русского XVIII века немало ошибочного, и она важна сейчас для нас не объективным научным содержанием, но своей характерностью для герценовского мировоззрения: тяга Герцена к XVIII веку, рационалистическому, антиклерикальному, — это тяга революционного просветителя, притом просветителя, возвращенного в декабристской традиции. В русском XVIII веке Герцена интересует не только Радищев, герой и мученик русской свободы, но и деятели, идеологически крайне далекие, вплоть до князя Щербатова; интересуют и рядовые русские «вольтерьянцы», которых он так блестяще изобразил в первой части «Былого и дум».

Созданный Герценом образ княгини Дашковой неотделим от всей его концепции русского XVIII века. Для Герцена Дашкова с ее талантливостью и дерзостью — явление принципиальное: эмансипированная женщина в России XVIII века, провозвестница столь занимавшей Герцена идеи освобождения женщины. В этой связи понятно, что Герцен в своей статье идеализирует Дашкову. Местами ему изменяет трезвость исторического анализа, и он принимает на веру оценки Дашковой и ее рассказ о фактических событиях, в значительной мере подтасованный.

Впрочем, недостоверность «Записок» Е. Р. Дашковой не могла быть очевидна для Герцена, как она очевидна сейчас, после ряда научных исследований и издания множества архивных, документальных материалов. Это в особенности касается рассказа Дашковой о дворцовом перевороте 1762 г. (См. книгу В. А. Бильбасова «Вопревание Екатерины. 1762—1764» — «История Екатерины Второй», т. II, Берлин, 1900).

Герцен в своей статье довольно гочно передает рассказ Дашковой, хотя цитирует он не вполне текстурально. Цитаты Герцен переводил сам или с помощью кого-либо из окружающих, так как русского перевода, когда он писал статью, еще не существовало.

Стр. 363... *не надевал на свою голову железной короны в Милане?* — В 1805 г. Наполеон короновался в Милане, после того как Итальянская республика признала его королем.

...*подделки вроде Чатертона...* — Т. Чатертон — автор знаменитой литературной мистификации; он обнаружил сборник поэтических произведений, принадлежащих якобы монаху XV века.

Стр. 364... *при ащит е Зимнего дворца...* — В речи «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне» Герцен говорил о Николае I: «Он революцию принимал за нарушение дисциплины — он сам вписал в свой формуляр, говоря о 14-м декабре: „Находился при защите дворца“» (стр. 130 наст. тома).

Стр. 368... *он только «счастливая случайность»...* — Александр I, со свойственным ему лицемерием, сказал г-же Сталь, что в России необходимо упорчить законность, так как он не хочет быть «счастливым случайностью».

Стр. 369... *«урезать» или «отрезать» язык кому-нибудь...* — Герцен, очевидно, намекает на страшную расправу, учиненную в начале царствования Елизаветы по так называемому «делу Лопухиных».

Стр. 370. «*De l'entendement*» *Гельвеция.* — Знаменитый труд Гельвеция назывался «*De l'esprit*» (так он назван и во французском оригинале «Записок» Е. Р. Дашковой — «Архив князя Воронцова», т. XXI, стр. 10). Скорее всего Герцен по ошибке привел заглавие труда Локка «*An Essay concerning human understanding*», которое по-французски переводилось: «*De l'entendement*».

Стр. 371... *несчастливого Иоанна...* — Находившегося в заточении бывшего императора Иоанна Антоновича.

... Разумовский—что он хотел Гудовича сделать гетманом...— К. Разумовский носил звание гетмана Малороссии.

Стр. 373. *Деяньце осьмого июля ∞ до ст о сла се и для моего отчества*.— 28 июля 1762 г. был совершён переворот, который возвел на престол Екатерину II.

Стр. 373—374. *Родная сестра Дашковой ∞ Мамоновых, Зубовых...*— Е. В. Воронцова, впоследствии по мужу Полинская. Далее Герцен перечисляет любовников Екатерины II.

Стр. 378. *Дидро в чрезвычайной интересной статье своей...*— Эта статья вместе с письмами Дидро к Дашковой была включена в английское издание «Записок» 1840 г.; напечатана и в русском издании 1859 г.

Стр. 379. ... *семидесятилетнего князя Трубецкого...*— Речь идет о фельдмаршале П. Ю. Трубецком.

Стр. 382. ...*новгородского архиепископа...*—В 1757 г. архиепископом новгородским стал Димитрий (в миру Даниил Сеченов). Димитрий, поддерживавший заговорщиков 1762 г., совершил обряд коронования Екатерины II, был возведен ею в сан митрополита и до самой своей смерти, в 1767 г., пользовался ее неограниченным доверием.

Стр. 383—384. ...*его любимаец арап дрался с профосом ∞ очищения Нарцисса*.— Этот же эпизод излагается в «Разговорах Н. К. Загряжской» А. С. Пушкина.

Стр. 392—393. *Дашкова приводит в оправдание Екатерины письмо от Орлова ∞ отпусти нашу вину*.— Текст этого письма (отличающийся от герценовского пересказа) по копии Ф. В. Ростопчина был опубликован в т. XXI «Архива князя Воронцова»; там же опубликована заметка Ростопчина, в которой рассказывается о том, как после смерти Екатерины Павел I ознакомился с этим письмом и как он его уничтожил (стр. 430—432).

Стр. 393. ...*верит, что и Мирович ∞ не упоминает*.— Ходили слухи, что попытка Мировича освободить и возвести на престол Иоанна Антоновича была спровоцирована Екатериной, искавшей предлога уничтожить низложенного императора. В 1770-х годах в Западной Европе появилась авантюристка, выдававшая себя за дочь Елизаветы Петровны от морганатического брака с А. Разумовским, «княжну Тараканову». В 1775 г. А. Орлову удалось в Италии захватить самозванку; она была доставлена в Петропавловскую крепость, где в том же году и умерла. Кроме того, существовало предание о «настоящей» княжне Таракановой, дочери Елизаветы и Разумовского, которая воспитывалась за границей, в 1785 г. была по приказанию Екатерины II похищена и под именем Досифси пострижена в монахини в московском Ивановском монастыре.

Стр. 393—394. ... *старый грешник Бестужев...*— Речь идет о графе А. П. Бестужеве-Рюмине.

Стр. 396. *Рюльер, писавший о России...*— Клод Рюльер в 1762 г. был секретарем французского посольства в Петербурге. Шесть лет спустя в Париже он написал книгу «Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en année 1762». Екатерина добилаь того, чтобы при ее жизни эта книга не выходила в свет; она появилась в 1797 г. Дидро, как явствует из «Записок» Е. Р. Дашковой, советовал ей не встречаться с Рюльером, чтобы не возбудить раздражение Екатерины.

Стр. 399. ... *наставлений Полония...*— В трагедии Шекспира «Гамлет» Полоний обращается с наставлениями к своему сыну Лаэрту (акт I, сцена III).

Стр. 400. ... *у одних он отнял охраняющий суд...*—Во французском оригинале «Записок» сказано: «...qui avaient un tribunal conservateur, auquel ils pouvaient appeler en cas de tyrannie» («Архив князя Воронцова», т. XXI, стр. 221). В издании 1859 г. это место переведено:

«Первых он лишил общинного суда, их единственной защиты от самопривольного угнетения...» (стр. 173).

Стр. 402. ...«*Любители русского слова*»... — Журнал назывался «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784).

Стр. 403. ... *свидание с шведским королем*. — С королем Густавом III.

Стр. 406. *Екатерина испугана брошюрой Радищева*... — Речь идет о «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Вдова Княжнина просила Дашкову ∞ *прочитать всю пьесу*. — В 1789 г. Княжнин написал трагедию «Вадим Новгородский»; герой трагедии — республиканец, носитель вольнолюбивых идей. После революции во Франции Княжнин не решился печатать или ставить эту пьесу. В 1791 г. Княжнин умер; через два года пьеса была напечатана в типографии Академии наук отдельным изданием, а также в т. XXXIX сборника «Российский феатр», издававшегося Е. Р. Дашковой при Академии наук. В 1793 г., в разгар якобинской диктатуры, «Вадим Новгородский» оказался Екатерине особенно опасным. Книга была конфискована и экземпляры ее публично сожжены.

Стр. 409. ... *архаровскими шпионами*... — Н. П. Архаров прославился своими сыскными способностями. При Екатерине он был московским обер-полицмейстером, потом московским губернатором. В 1796 г. Павел I назначил Архарова, вместе с в. к. Александром, генерал-губернатором Петербурга.

Стр. 410. *Пален и Беннигсен* ∞ *«носить штаны» можно еще лучше!* — П. А. Пален руководил заговором, завершившимся 11 марта 1801 г. убийством Павла I. Генерал-лейтенант Л. Л. Беннигсен был участником этого заговора.

Стр. 411. ...*маленький фон Амбург*... — Голландец ван Амбург был известен как укротитель диких зверей, главным образом тигров.

Стр. 412. ...*Анны Павловны — жены цесаревича!* — В 1796 г. в. к. Константин Павлович женился на принцессе Юлии Саксен-Кобургской. При переходе в православие она была названа Анной Феодоровной (Герцен ошибочно называет ее Анной Павловной). Семейная жизнь Анны Феодоровны сложилась крайне неблагоприятно. Она покинула Россию навсегда в 1801 г., после темной истории с иностранкой Араужо, в убийстве которой молва обвиняла Константина. В 1820 г. брак был расторгнут.

...*Ступил за твой порог*... — Из стихотворения А. С. Пушкина «К вельможе».

Стр. 413. ...*корону человека, им задушенного*... — Павел I по вступлении на престол устроил церемонию торжественного погребения своего отца. Участвовать в этой церемонии и нести регалии Петра III он заставил его убийц.

ЕЩЕ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1857 г., кн. III, стр. 291—305. Подпись: Искандер. Напечатано также во втором издании *ПЗ*, стр. 322—337.

Печатается по тексту сборника «За пять лет», ч. I, Лондон, 1860, стр. 9—30. Авотграф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 42⁸, строка 32: развеваться *вместо:* развиваться

Стр. 43³, строки 10—11: что из возможного осуществится, что нет — я не знаю *вместо:* чего нет — я не знаю.

Статья-письмо Герцена обращена к И. С. Тургеневу. В сентябре 1856 г. Тургенев находился в Лондоне, постоянно встречался с Герценом, и между ними происходили те споры, о которых идет речь в статье. 8 ноября 1856 г. Герцен писал Тургеневу в Париж: «... сегодняшнего числа окончил то письмо, которое тебе обещал: на кайенском перце и с West Indian pickles <вест-индскими пиккулями>. Заглавие будет: „Еще вариация на старую тему“ (Письмо к И. С.). Вот тут-то и вопрос, — я нарочно поставил „И. С.“ ... Можно подумать, что это значит Ипподрому Сухозанету, но как ты повелишь, так и будет. Печатать еще через два месяца, — только напиши. По этому письму комментируемая статья датируется поибрем 1856 г., хотя возможно, что впоследствии, публикуя статью в *ИЗ*, Герцен дополнительно вносит в текст какие-либо изменения. Во всяком случае стоящая в тексте дата 3 февраля 1857 г. фиктивна и была предназначена замаскировать связь с лондонскими встречами Тургенева и Герцена. То же опасение скомпрометировать Тургенева побудило Герцена в конце концов упразднить инициалы „И. С.“ В ответ на цитированное письмо Тургенев писал Герцену из Парижа 10 ноября 1856 г.: «Я хохотал до упаду от имени Ипподром Сухозанет и вовсе не вижу причины, почму тебе не поставить букв: И. Т. — Разве они не могут обозначать: Илиогабал Тизенгаузен? Сделай одолжение, не стесняйся, — а я с большим нетерпением ожидаю этого письма. Я и в России не скрывал, что знаю и люблю тебя, тем более могу я теперь смело сознаться в этом перед кем бы то ни было» («Письма К. Дм. Кавелина и И. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 91). Однако в дальнейшем Тургенев заколебался. 6 декабря 1856 г. он писал Герцену: «Н. А. М<ельгунов>, которого я вижу часто, не дает мне покоя насчет двух букв, долженствующих стать во главе твоего письма; он уверяет, что это опасно, я убежден, что это пустяки и только желал бы, чтоб в самом письме не было упомянуто о подробностях и случайностях нашего свидания» (там же, стр. 92).

В статье Герцен полемизирует с либерально-западническими взглядами. Впоследствии этот спор с Тургеневым Герцен развернет и углубит в «Концах и началах» (1862 — 1863). Взглядам либералов и постепеновцев Герцен противопоставляет требование коренного социального переворота. В то же время либеральные иллюзии и колебания самого Герцена сказываются в том, что он верит еще в возможность осуществления этого переворота правительственными мероприятиями, «без насильственных потрясений». Он ставит в вину Александру II нерешительность, слабость, «пиколаевские предания» во внутренней и внешней политике, но он все еще апеллирует к нему. В статье, как и во многих других произведениях того же периода, Герцен формулирует свою народническую концепцию русской сельской общины и «особого пути России». Характеризуя общественную жизнь западноевропейских народов, Герцен всячески подчеркивает ее капиталистическую, буржуазную сущность.

В статье Герцен коснулся также своих отношений со славянофилами. Отношение Герцена к славянофилам было сложным и противоречивым. Вплоть до 1863 г. он не хотел окончательно признать славянофилов врагами. Герцен считал тогда, что славянофилы — то же «образованное меньшинство», заблуждающееся, идущее ложным путем, но все же противостоящее казенной, бюрократической России. После польского восстания и поддержки, которую славянофилы оказали Муравьеву Восточному, отношение к ним Герцена круто изменилось. Но и до этого окончательного перелома, в обстановке все обострявшегося размсжевания общественных сил, отношение Герцена к славянофилам стало в середине 50-х годов постепенно меняться по сравнению с началом этого десятилетия. В статье «Еще вариация на старую тему» Герцен называет направление «московских литературных старообрядцев» ложным, вредным и опасным и с боль-

шими оговорками признает, что, «идучи из противоположных начал к противоположным целям», он встречается «не с славянофилами, а с некоторыми из их мыслей». В дальнейшем, правда, наступило известное сближение Герцена с такими славянофилами, как И. Аксаков и Ю. Самарин; тем не менее он уже уяснил себе реакционный характер нового (начал выходить в 1856 г.) славянофильского журнала «Русская беседа». С «Русской беседой» связаны и замечания Герцена о том, что споры западников и славянофилов «скучны», «надоели», что полемика об исторической роли России, об общине и т. д. носит абстрактный характер. Такого рода споры «Русская беседа», особенно в начале своего существования вела в первую очередь с «Русским вестником» Каткова, тогда еще органом либералов.

Тот «ком отечественной грязи», о котором с негодованием говорит в статье Герцен, был пущен в него из «Русской беседы». В первой же, апрельской, книжке журнала была помещена статья одного из его редакторов, Т. И. Филиппова, по поводу пьесы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется». Она содержала грубые реакционные выпады против женской эмансипации и, в частности, была направлена против Герцена и его романа «Кто виноват?». 23 сентября 1856 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «... подлые „Русские беседы“ бросают в меня грязью со всей низостью и гадостью семинаристов»; ср. в письме к И. С. Тургеневу от 26 сентября 1856 г.: «... я боюсь лая кутейников и подлецов <...> Говорю это потому, что прочитал в „Русских беседах“ их семинарские намеки». И в цитированном уже письме от 8 ноября 1856 г.: «В письме-к тебе я поблагодарил подлых славян за оскорбительные намеки, сказав, что они напоминают дерзость лакея, защищенного от палки вышиною запяток».

В статье «Еще вариации на старую тему» Герцен уделяет также внимание вопросу, занимавшему его в течение многих лет, — вопросу о соотношении России, Западной Европы и Америки. Герцен неоднократно сурово осуждал американский рабовладельческий строй; в то же время он полагал, что страна, свободная от феодально-монархического наследия старой Европы, имеет перед европейским Западом серьезные преимущества. Западный капитализм, по убеждению Герцена, катастрофически разлагается. «Два деятельные края», Россию и Америку, Герцен противопоставляет ему как страны будущего. Но исторические возможности двух этих стран Герцен оценивает по-разному. Он был убежден в том, что строй будущего — это социализм. Вопрос о жизнеспособности той или иной страны Герцен решал в зависимости от наличия в ней социалистических тенденций. Россия, считал Герцен, в большей мере, чем какая-либо другая страна, обладает «способностью к социализму», и этим определяется ее будущее всемирно-историческое назначение. С тем же критерием подходил Герцен и к оценке Америки, но здесь вопрос оставался для него открытым, социалистические возможности американского общества внушали ему сомнения. Эти сомнения были отчетливо выражены также в книге «С того берега» (гл. «Перед грозой»), в «Письме к Джузеппе Маццини о современном положении России» и в других произведениях.

Стр. 424. ...*манифест 26 августа 1856 года*... — Манифест, опубликованный в день коронации Александра II.

«*Полярная звезда на 1855 (2 издание)*», стр. 166. — Имеется в виду первоначальная редакция гл. XXX части IV «Былого и дум».

Стр. 426. ...*не хотел бомбардировать Парижа*... — В дни Февральской революции 1848 г. Луи Филипп не решился прибегнуть к артиллерии.

...*дурачка австрийского императора*... — Герцен имеет в виду Фердинанда I. Испуганный революционным движением 1848 г.,

Фердинанд пошел на уступки. В том же году он отрекся от престола в пользу своего племянника Франца Иосифа.

...прусский король ∞ убитыми революционерами... — См. примечание к стр. 264 наст. тома.

Стр. 427. ...что за сентябрьские дни ожидает будущую борьбу.— В сентябре 1792 г., в обстановке начавшегося наступления контрреволюционной сврнской коалиции на Францию, в парижских тюрьмах произведены были массовые казни заключенных.

...погибнет, как Сенека, в своей собственной крови... — Сенека был замешан в направленный против Нерона заговор Пизона. После раскрытия заговора Сенека, по приказанию Нерона, покончил самоубийством, вскрыв себе вены.

Стр. 428. ... Иосиф II на закладке Екатеринославля... — См. примечание к стр. 350 наст. тома.

...летопись семейства Багровых...— См. примечание к стр. 350 наст. тома.

Стр. 429. ...Уложение...— Имеется в виду «Уложение царя Алексея Михайловича» (1649).

Стр. 432. ...какое там доброе сердце ни имей.— Намек на Александра II, о «добrote» которого много говорилось в официально-либеральных кругах.

Стр. 434. ...из сентиментального Священного союза полицейскую стачку.— Речь идет о заключенном после победы над Наполеоном I Священном союзе трех монархов — русского, прусского и австрийского.

...коронованного разбойника в Неаполе? — См. примечание к стр. 95—96 наст. тома.

...заступая за гогенцолернского дяденьку?— См. примечание к стр. 353 наст. тома.

«Le Nord» своими брабантскими кружевами по русскому рисунку не скрыл от глаз всю скудность амнистии...— См. примечание к стр. 354 наст. тома. В брюссельской газете «Le Nord» была начатана речь, произнесенная Александром II в Варшаве в мае 1856 г.

Стр. 435. ...у нас остался в памяти ∞ *Pas de rêveries!* — См. примечание к стр. 354 наст. тома.

СМЕРТЬ СТАНИСЛАВА ВОРЦЕЛЯ

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1857 г., кн. III, стр. 306—312, во втором издании — стр. 338—345. Подпись: И-р. В 1857 г. вышло в Лондоне отдельной брошюрой на французском языке под заглавием: «L'Etoile polaire sur la mort de Stanislas Worcell (traduit du russe)». По сравнению с русским текстом эта брошюра содержит значительные разночтения (см. раздел «Варианты», стр. 498—500 наст. тома).

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», Лондон, 1863, стр. 151—165. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 437, строка 26: Фиваидские степи вместо: Фивандские степи

О Ворцеле и его отношениях с Герценом см. гл. «Польские выходцы» части VI «Былого и дум», а также комментарий к этой главе (т. XI наст. изд., стр. 674—675). Герцен говорит в «Былом и думках» и о смерти Ворцеля, отсылая при этом читателя к настоящей статье: «Его последнее свидание, его величественную агонию я рассказал в другом месте» (т. XI, стр. 146).

19 марта 1857 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Я отрезал себе еще больше средства приехать к вам (в Париж); особенно похоронами Ворцеля и статьи, которую вы не знаете». 21 марта 1857 г. он сообщал в письме к М. Мейзенбуг: «Прилагаю пять экземпляров статьи о Ворцеле для вас; эта статейка встречает большое сочувствие». Ей же Герцен писал 9 июня 1857 г.: «Один русский был арестован в Париже за то, что у него нашли несколько экземпляров моей статьи о Ворцеле».

Стр. 439. ...как я писал некогда...— В текст статьи с некоторыми изменениями включена цитата из статьи Герцена «Поляки прощают нас» (см. стр. 88 наст. тома). Этот же текст, также с изменениями, использован и в начале главы «Польские выходцы» (т. XI, стр. 126—127).

Стр. 441. Сначала он защитил публично Бакунина...— Ворцель вместе с Герценом и Головиным подписал протест против клеветнических нападок газеты «The Morning Advertiser» на Бакунина (см. комментарий к статье «Русский агент Бакунин»— стр. 519—520 наст. тома).

Стр. 442. ...грозное «Клянитесь!»...— В трагедии Шекспира друзья Гамлета должны поклясться, что они никому не откроют тайну появления тени отца Гамлета. Этой клятвы требуют от них Гамлет и тень убитого короля (акт I, сцена V).

Стр. 443. ...aere perennius...— Из оды Горация «К Мельпомене», кн. III.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Впервые опубликовано в третьей части сборника «Голоса из России» 1857, стр. III—X.

Печатается по тексту второго издания сборника (1858 г.), стр. 5—13. Подпись: Искандер. Автограф неизвестен.

Предисловие должно было окончательно убедить писавших «млеком и медом» либералов в том, что им не удастся сделать Вольную русскую типографию рупором своих мнений. Предисловие датировано 15 мая 1857 г., а в 20-х числах июня уже вышел первый лист «Колокола», который, при всех своих либеральных отклонениях, был с самого начала органом русской передовой демократической мысли.

Стр. 444. Не сбылись, мой друг, пророчества...— Из посвященного А. А. Бестужеву стихотворения К. Ф. Рылсева «Стансы». У Рылсева: «Пылкой юности моей».

...изданных нами в первой книжке «Голосов из России»...— См. комментарий к заметке «От издателя»— стр. 552 наст. тома.

...контракта на железные дороги.— В январе 1857 г. правительство предоставило концессию на сооружение ряда железнодорожных линий акционерному Главному обществу российских железных дорог.

...вопрос о тарифе...— Речь идет о пересмотре таможенных тарифов, имевших в России, начиная с 1822 г., почти характер запрета.

Одни говорят о что за секреты!— 3 января 1857 г. начал свою деятельность секретный Особый комитет по крестьянскому вопросу, под пред-

седателем императора, а фактически А. Ф. Орлова, убежденного противника освобождения крестьян.

Блудов знает ∞ засудить декабристов.— Д. Н. Блудов, в качестве делопроизводителя следственной комиссии по делу декабристов, составил от ее имени обширное «Донесение», в котором, в угоду Николаю I, была в предельно искаженном свете представлена история тайных организаций 1816—1855 гг. и восстание 14 декабря.

Речь государя в Москве ∞ говорит «нет».— См. примечание к стр. 353 наст. тома. Министр внутренних дел Ланской циркуляром уведомил предводителей дворянства, что император поручил ему «ненарушимо охранять права, венценосными его предками дарованные дворянству».

Двоих несчастных сослали в Сибирь...— Речь, по-видимому, идет об И. Розентале и А. Скавроном, которые в апреле 1855 г. распространяли в Киевской губернии прокламации среди крестьян. В октябре 1856 г. Розенталь был приговорен к 15-летней ссылке в Сибирь, Скавронского присудили отдать в солдаты; этот приговор также был заменен ссылкой в Сибирь.

Стр. 445. *Амнистия — бедная, жалкая.*— Манифестом, опубликованным 26 августа 1856 г. по случаю коронации Александра II, была объявлена амнистия некоторым категориям осужденных, в том числе частичная амнистия по политическим делам.

...не позволяя им ездить в Москву и в Петербург.— Возвращенным из ссылки декабристам запрещено было проживать в столицах.

А что сделалось с тарифом? Тенгоборский умер...— В 1857 г. умер Л. В. Тенгоборский, экономист и член Государственного совета, в 50-х годах председатель тарифного комитета, противник запретительных таможенных тарифов.

...высочайше утвержденными плетьюми.— Герцен намекает на то, что в изданном при Николае I «Уложении о наказаниях» (1845) плут был отменен, но зато двуххвостая плеть заменена треххвостой.

...петербургский обер-полицмейстер...— В 1856—1857 гг. в этой должности состоял граф П. А. Шувалов.

...узенькую амнистию, через которую и желающие возвратиться не могут пройти.— Речь идет о частичной амнистии польских эмигрантов.

Стр. 446. *След Жуковского остался на нем.*— См. примечание к стр. 273 наст. тома.

...Тотлебена узнали через месяц во всей Европе.— Герцен имеет в виду громкую известность, которую принесла в 1854 г. Э. И. Тотлебену сооруженная под его руководством оборонительная линия Севастополя.

Что за министр Сухозанет, с своим уморительным приказом...— Н. О. Сухозанет, назначенный в 1856 г. военным министром, издал по этому случаю приказ, который заканчивался следующим образом: «... вступая в отправление обязанностей, всемилоостивейше на меня возложенных, призывая на помощь бога, потишусь употребить все силы для исполнения долга службы по присяге. Я надеюсь найти во всех и в каждом содействие и рвение к пользе его императорского величества. Ура! Боже, царя храни!»

...эта высочайшая неспособность вся России?— Министр юстиции В. Н. Панин отличался необыкновенно высоким ростом.

А грозное министерство ∞ инквизицию и цензуру!— Министр народного просвещения А. С. Норов потерял ногу в Бородинской битве. П. А. Вяземский в 1855 г. назначен был товарищем министра народного просвещения. В этой должности он руководил деятельностью главного управления цензуры и был в 50-х годах сторонником жесткого цензурного режима. Герцен язвительно напоминает здесь Вяземскому, что он автор сатирического антиправительственного стихотворения «Русский бог» (1828), которое в 1854 г. было выпущено Вольной русской типографией отдельным листком, а в 1856 г. напечатано во второй книге ПЗ. Герцен намекает на строки «Русского бога»:

Бог пришельцев-иноземцев,
Перешедших наш порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский бог.

...Брик, Брак, Брук...— Министром финансов в 1852—1858 гг. был П. Ф. Брок.

Стр. 447. ...не хуже же стало после Клейнмихеля...— П. А. Клейнмихель, в 1842—1855 гг. министр путей сообщения, один из самых жестоких и тупых представителей аракчеевского и николаевского режима, был уволен сразу после смерти Николая I.

ПРЕДИСЛОВИЯ. — ПРИМЕЧАНИЯ. — НАБРОСКИ

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

〈Предисловие к первому изданию〉

Печатается по тексту первого издания «Крещеной собственности», Лондон, 1853, где было впервые опубликовано. Без подписи. Автограф неизвестен.

Настоящее предисловие показывает, что статья «Крещеная собственность» была задумана Герценом как составная часть его будущих мемуаров «Былое и думы».

Стр. 451. В конце прошедшего года начал я странный труд. — Письмо Герцена к М. К. Рейхель от 5 ноября 1852 г. позволяет предположить, что Герцен приступил к работе над «Былым и думами» в октябре того же года.

...*rapping spirits*... — Термин из области спиритизма, означающий постукивание, которое якобы издают призраки при своем появлении.

СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ

〈Предисловие к русскому изданию 1858 г.〉

Печатается по тексту издания: «Старый мир и Россия. Письмо Искандера к редактору «The English Republic» В. Линтону (1854 г.), перевод с французского», Лондон, 1858, где было опубликовано впервые. Автограф неизвестен.

ПРИМЕЧАНИЯ

〈К статье А. Таландые «Нет социализма без республики»〉

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1855 г., кн. I, стр. 218.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 224. Без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену очевидна, так как в 1855 г., до приезда в Лондон Огарева, никто, кроме Герцена, не мог в *ПЗ* делать примечания от издателя.

Герцен до конца своей жизни поддерживал близкие отношения с французским эмигрантом, участником событий 1848—1849 гг. Альфредом Таландые. После бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г. Таландые подвергался репрессиям и был изгнан из Франции; он эмигрировал в Лондон, где и познакомился с Герценом. Комментируемое примечание относится к напечатанной в *ПЗ*, 1855 г., кн. I, статье Таландые (датирована

13 июля 1855 г.). В этой статье Таландые провозглашает необходимость единения Западной Европы и славянского мира в общем движении к социализму. Другой основной ее тезис: необходимость сочетания социальной и политической борьбы («Нет социализма без республики; нет республики без социализма!»). Ряд формулировок статьи Таландые свидетельствует о влиянии произведений Герцена. В заключение статьи Таландые восторженно приветствует «Полярную звезду»: «Пусть же светится „Полярная звезда“, чтоб, ожидая зари разумного сознания, заблудившиеся народы не разорвали своими руками новый Союз свободы».

Стр. 454. ...рядом с письмом «милой маски»...—См. «Анонимное письмо» и комментарий к этому произведению (стр. 291—294 наст. тома).

〈К первой книге «Полярной звезды» 1855 г.〉

〈Книжка наша была...〉

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1855 г., кн. I, стр. 232.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 238. Без подписи Автограф неизвестен.

В первом издании *ПЗ* был более распространенный текст этого издательского сообщения (см. «Варианты», стр. 501). Это сделано по понятной причине: все перечисленные в сообщении произведения иностранных авторов — Прудона, Маццини, Гюго, Мишле, Луи Блана, Саффи, Гале де Кюльтюра, Теллеки—в *ПЗ* так и не появились. «Философическое письмо» Чаадаева из «Телескопа» было перепечатано Герценом только в 1861 г. в *ПЗ*, кн. VI. Из упомянутых здесь произведений в *ПЗ*, кн. II, кроме стихотворений Пушкина и Лермонтова, были помещены отрывки из «Былого и дум» и статья Н. Сазонова «Место России на всемирной выставке».

Письма П. Прудона, И. Маццини, В. Гюго и Ж. Мишле к Герцену были помещены в *ПЗ*, кн. I. Каждый из них выражал готовность участвовать в альманахе Герцена. Однако это не состоялось, и в дальнейшем Герцен всецело посвятил свое издание вопросам русской жизни (см. в наст. томе комментарий к статье «К нашим», стр. 543).

〈Еще прекрасная новость...〉

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1855 г., кн. I, стр. 248.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 238. Без подписи. Автограф неизвестен.

В первом издании *ПЗ*, 1855 г., кн. I, это редакционное сообщение заканчивалось фразой: «Письмо это будет напечатано в следующей книжке». Свое намерение Герцен не осуществил и поэтому во втором издании снял эту фразу.

Иохим Лелевель был одним из вождей демократического крыла в польском освободительном движении. Изгнанный в 1833 г. из Франции, Лелевель обосновался в Брюсселе.

〈Письмо мое к Александру II...〉

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1855 г., кн. I, стр. 246.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 252. Подпись: И-р. Автограф неизвестен.

См. комментарий к «Письму к императору Александру Второму» (стр. 538—539 наст. тома).

Стр. 455. *Письмо мое к Александру II* ∞ устарело.—Весть о смерти Николая I дошла до Герцена в начале марта 1855 г. В марте же, по-видимому, было написано «Письмо» к Александру II. Первая книжка «Полярной звезды» вышла примерно через полгода, в начале августа.

... *меня просили его не печатать*.— Возможно, что предостережения и советы, о которых упоминает здесь Герцен, исходили из кругов польской эмиграции.

... *письмо Маццини* ∞ *одному папе*...— В сентябре 1847 г. Маццини обратился в Пию IX с письмом, в котором призывал папу возглавить дело объединения Италии. Письмо это было оставлено Писем без ответа.

⟨Подстрочные примечания к публикации «Неизданные стихотворения А. Пушкина, К. Рылеева, М. Лермонтова⟩

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1856 г., кн. II, стр. 7, 13, 15, 24, 30, 33, 37, 40.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 8, 14, 16, 25, 29, 32, 36, 40, 43. Без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену очевидна, так как в этот период никто, кроме Герцена, не мог делать редакционные примечания в *ПЗ*.

Стр. 456. *Начало это было напечатано*.— Первая половина «Деревня», кончая приведенным стихом, под названием «Уединение» была напечатана в сборнике стихотворений А. С. Пушкина 1826 г.

Стихи эти были присланы Пушкиным в 1827 г. сосланным в Сибирь после 14 декабря.— В 1827 г. Пушкин переслал это послание декабристам через жену Никиты Муравьева А. Г. Муравьеву, уезжавшую к мужу в Сибирь.

IX строфа была напечатана, мы ее помещаем для ясности.— Стихотворение «Наполеон» с большими цензурными пропусками было опубликовано в сборнике стихотворений А. С. Пушкина 1826 г. Герцен напечатал первые IV, V, VI и VIII строфы, полностью X строфу (в издании 1826 г. пропущен был стих: «Померкни, солнце Австерлица!») и неточно воспроизвел первый стих IX строфы: «Губитель, кто тебя подвигнул?» — вместо: «Надменный! кто тебя подвигнул?».

Писано в Лице.— В публикации *ПЗ* Герцен соединил, приняв их за одно произведение, два стихотворения Пушкина: лицейское послание 1826 г. к В. Л. Пушкину «Христос воскрес, питомец Феба!» и стихотворение первой половины 20-х годов (точная дата его неизвестна) «О муза пламенной сатиры!»

Но не теперешний.— *И з д*.— К. Ф. Рылеев имел в виду выдающегося дипломата и государственного деятеля XVIII в. Н. И. Панина. Герцен иронически сопоставляет с ним реакционного и бездарного бюрократа В. Н. Панина, в 1840—1850-х годах занимавшего пост министра юстиции. В первом издании *ПЗ*, 1856 г., кн. II, это примечание отсутствовало.

Это стихотворение ∞ по есей России.— Герцен воспроизвел в *ПЗ* печатный текст двух строф из стихотворения К. Ф. Рылеева «Видение». Стихотворение появилось в 1823 г. в № 3 «Литературных листков», издававшихся Булгаринным (о цензурных искажениях, которым подверглась эта печатная редакция, см. комментарий Ю. Г. Оксмана в книге: К. Рылеев. Полное собрание стихотворений, Л., 1934, стр. 385). «Наиглупейшие примечания», о которых упоминает Герцен, были, очевидно, сделаны Булгаринным. Так, например, стихи: «Смотри — в волнении народы, Смотри — в движеньи сонм царей» комментировались следующим образом: «Сие относится к Западной Европе, где дерзостные осмелились восстать против законной, богом установленной власти, и пали навеки, и Европа спасена от ужасов безначалия».

Из стихотворениям наших великих поэтов ∞ не называем сочинителей. — Герцен опубликовал в этом разделе два стихотворения Ап. Григорьева — «Когда колокола торжественно звучат» (под заглавием «Москва 1846, марта 1») и «Нет, не рожден я биться лбом» (под заголовком «Того же»), ранее напечатанное стихотворение Е. Ростопчиной «Насильный брак» (под заголовком «Насильственный брак»), стихотворение П. Вяземского «Русский бог» (в 1854 г. выпущенное отдельным листком Вольной русской типографией) и два стихотворения, принадлежность которых установить не удалось: «Из апостола Иоанна» («Когда пустыжник Иоанн») и «Московского генерал-губернатору» («Ты не молод, не глуп, и ты не без души»).

Стр. 457. *Это стихотворение было напечатано ∞ известного автора их.* — Стихотворение Е. Ростопчиной «Насильный брак» появилось в «Северной пчеле» за 1846 г., № 284 от 17 декабря. Николай I был крайне недоволен появлением стихотворения, которое в аллегорической форме изображало отношения между русским самодержавием и Польшей (старый барон и его молодая жена). Однако дошедшие до Герцена слухи о репрессиях, постигших Ростопчину, не соответствовали действительности. Ростопчина прислала «Насильный брак» из Италии, где она находилась в 1846 г. Когда в 1847 г. Ростопчина вернулась в Петербург, доступ ко двору был ей закрыт. В этой связи Ростопчины переехали в Москву.

Московский полицмейстер. — Речь идет о московском обер-полицейстере А. А. Тимашеве-Беринге. О чинимых им безобразиях Герцен неоднократно с негодованием писал в «Колоколе».

⟨К статье Н. П. Огарева «Русские вопросы⟩⟩

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1856 г., кн. II, стр. 258.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 268. Без подписи. Автор неизвестен.

Принадлежность Герцену очевидна, так как никто другой не мог сделать редакционное примечание к статье Огарева, помещенной в *ПЗ*.

Статья Н. П. Огарева «Русские вопросы» (первая из цикла статей под этим заглавием) была напечатана за подписью «Р. Ч.» («Русский человек»). Этим псевдонимом Огарев пользовался вплоть до февраля 1858 г., так как первоначально он не хотел переходить на положение политического эмигранта, окончательно отрезавшего себе возможность возвращения на родину. Статья была написана Огаревым в апреле 1856 г., сразу по приезду в Лондон. Примечание Герцена (как и псевдоним «Р. Ч.») имело целью законспирировать автора статьи.

⟨К второй книге «Полярной звезды⟩⟩

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1856 г., кн. II, стр. 271.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 1. Без подписи. Автор неизвестен.

В момент приезда Огарева в Лондон (9 апреля 1856 г.) вторая книжка «Полярной звезды» уже печаталась (вышла 25 мая 1856 г.). Следовательно, автором сообщений от издателя в ней мог быть только Герцен.

Первоначально «Полярная звезда» была задумана как периодическое издание (см. комментарий на стр. 536 наст. тома). В дальнейшем Герцен отказался и от намерения выпускать «Полярную звезду» два раза в год. Третья книжка датирована 1857 г., четвертая — 1858-м. Этими интервалами, вероятно, отчасти объясняется то обстоятельство, что Герцен так и не напечатал упоминаемые им в комментируемой заметке статьи и письма (см. в разделе «Варианты» подстрочное примечание к заметке в первом

издании *ПЗ*, стр. 501 наст. изд.). Материалы устаревали и вытеснялись другими, более актуальными.

Стр. 457. Вторая книжка «Полярной звезды» выходит позже обещанного.—В объявлении о «Полярной звезде», которым открывалась первая книга, Герцен писал, что второй том «Полярной звезды» выйдет «к Новому году», т. е. к 1 января 1856 г. Но вышла вторая книга «Полярной звезды» только в конце апреля 1856 г.

...мы оставили до следующих \approx несколько вновь полученных русских стихотворений...—В *ПЗ*, 1857 г., кн. III, кроме стихотворений П. И. Огарева, напечатаны только «Две песни крымских солдат»; в *ПЗ*, 1858 г., кн. IV, напечатаны три «Стихотворения неизвестных сочинителей» («Декабристам», «Кнут», «Сказка»).

<К статье П. А. Мельгунова «Приятельский разговор»>

Впервые опубликовано в первом выпуске второй части сборника «Голоса из России», 1856, стр. 23.

Печатается по тексту второго издания сборника, стр. 27. Подпись: И... Автограф неизвестен.

Принадлежность статьи «Приятельский разговор» П. А. Мельгунову была указана Б. Н. Чичериным (см. Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва 40-х годов, М., 1929, стр. 171). См. также письмо П. А. Мельгунова к Герцену от 10 ноября 1856 г. и комментарий к нему, *ЛН*, т. 62, стр. 328—329:

В связи с примечанием Герцена Мельгунов в указанном выше письме замечал: «К чему заключение по поводу «Nord» и «Preußische Zeitung» и пр.? Кто не знает у нас, что это за журналы? Стало, «радикальные» было употреблено иронически» (*ЛН*, т. 62, стр. 328).

«Le Nord» — газета, издававшаяся в Брюсселе с 1855 по 1862 г. и субсидировавшаяся русским правительством. «Neue Preußische Zeitung» — реакционная газета, основанная в Берлине после событий 1848 г. «L'Indépendance Belge» — широко распространенная в Бельгии и во Франции газета, считавшаяся органом либералов.

<К публикации «Две песни крымских солдат»>

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1857 г., кн. III, стр. 283.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 313. Автограф неизвестен.

Песня «Как четвертого числа...», опубликованная в *ПЗ*, была написана Л. Н. Толстым в 1855 г., в Севастополе. В ней говорится о сражении на Черной речке (август 1855 г.), в котором Толстой принял участие. Другая песня, «Как восьмого сентября...» (8 сентября 1854 г. произошло сражение при Альме), сочинена несколько раньше группой офицеров Крымской армии; среди них был и Толстой. Как показывает переписка Герцена с П. А. Мельгуновым, Герцен знал, кто был автором песен, но по конспиративным соображениям умышленно подчеркивал их фольклорный характер (см. *ЛН*, т. 62, стр. 353 и 356).

<К статье «Права русского народа»>

Впервые опубликовано в *ПЗ*, 1857 г., кн. III, стр. 288.

Печатается по тексту второго издания *ПЗ*, стр. 319. Автограф неизвестен.

Автором статьи «Права русского народа» был, по-видимому, Н. А. Мельгунов (см. его письмо к Герцену от 28 марта 1857 г., *ЛН*, № 62, стр. 353).

Под «военной поэзией» Герцен подразумевает публикацию «Две песни крымских солдат» (см. выше).

〈К отделу «Шнуровая книга обличений» в «Голосах из России»〉

Впервые опубликовано в третьей части сборника «Голоса из России», 1857, стр. 145.

Печатается по тексту второго издания сборника, стр. 172. Автограф неизвестен.

Примечание датируется летом 1857 г., по времени выхода третьей части «Голосов из России» (середина июня 1857 г.). «Шнуровая книга обличений» была включена еще в «Оглавление первой части» (см. комментарий к заметке «От издателя», стр. 554 наст. тома). В 1857 г. Герцен напечатал ее, дополнив материалами, привезенными Огаревым в апреле 1856 г. (см. *ЛН*, т. 62, стр. 317).

«Шнуровая книга» была задумана Герценом, как раздел для присылаемых ему материалов, направленных против некоторых злоупотреблений властей. Она в основном обличала взяточничество и полицейский произвол в стране.

В примечании Герцен упоминает подтасованное дело московского обер-секретаря Спасского, известного взяточника, который сам стал жертвой вражды к нему некоего сенатора. В «Шнуровой книге» названы Спасский и «купеческий сын» Кожевников, являвшийся в деле Спасского орудием полицейских властей; фамилия же сенатора названа не была.

〈НАБРОСКИ〉

〈Надпись на книге Ж. Санд «Histoire du véritable Gribouille»〉

Впервые опубликовано в журнале «Книжные новости», 1937, № 8, стр. 55.

Печатается по автографу на книге: «Histoire du véritable Gribouille, par George Sand», Paris, 1851, хранящейся в Государственной публичной исторической библиотеке (Москва).

〈Из дневника〉

9 апреля 1856 — 4 мая

Впервые опубликовано в *Л* XVIII, стр. 366—367, с ошибочной датой «9 апреля 1866».

Печатается по автографу в записной книжке Герцена (*ПД*).

9 апреля 1856 г. совершилось значительное в жизни Герцена событие: в Лондон приехали Н. И. и Н. А. Огаревы. 4 мая, по-видимому, дата записи. Обе даты проставлены в правом верхнем углу рукописи. О болезни Огарева упоминается Герценом в зачеркнутых словах дневниковой записи от 5 мая 1856 г. (См. «Варианты», стр. 501, и примечание к записи от 5 мая, на следующей стр. наст. тома). «Два-три человека в гробу» (см. «Варианты», стр. 501), — вероятно, подразумеваются Н. И. Астраков

и В. В. Пассек (умерли в 1842 г.), Д. Л. Крюков (умер в 1845 г.) и Т. Н. Грановский (умер в 1855 г.).

Стр. 459. *Так-то рука в руку ∞ В о т и в с е л!* — Цитата из гл. IV части I «Былого и дум» (т. VIII наст. изд., стр. 84). Первоначальный вариант этих строк находим в обращении к П. П. Огареву «Посвящении» 1851 г. (т. VII наст. изд., стр. 269; см. также примечание к «Посвящению», там же, стр. 434).

...*под бременем обещаний, клятв.* — Герцен, очевидно, имеет в виду клятву, данную им умирающей жене, — не драться на дуэли с Гервегом. Наталья Александровна потребовала от Герцена это обещание во имя благополучия детей.

...*после осени 1851...* — В ноябре 1851 г. погибли мать Герцена и его сын Коля. Через несколько месяцев после этой катастрофы, в мае 1852 г., умерла Н. А. Герцен.

...*то, о чем молчал годы.* — Герцен имеет в виду свою семейную драму.

...*Фомин понедельник...* — Фомина неделя — первая неделя после пасхальной (Святой) недели; открывалась Фоминым понедельником.

5 мая 1856

Впервые опубликовано в ЛН, т. 61, стр. 115—116.

Печатается по автографу «пражской коллекции» Герцена — Огарева (ЦГАЛИ).

Написано в связи с приездом в Лондон Н. П. и Н. А. Огаревых (см. также дневниковую запись от 9 апреля — 4 мая 1856 г., стр. 459 наст. тома).

Стр. 460... *начало сорок четвертого года.* — Герцен в тексте записи дважды допускает ошибку в указании на свой возраст: 6 апреля 1856 г. ему исполнилось 44 года и пошел 45-й год.

...*сломанное кольцо надело на меня раздумье.* — Ср. в письме Герцена к М. К. Рейхель от 6 мая 1856 г.: «А сказывал ли я вам, что в день моего рождения, т. е. в ночь, безвсякой причины сломилось мое серебряное обручальное кольцо?».

Девиль ∞ подтвердил мне все мои опасения. — Состояние здоровья Огарева в апреле — мае 1856 г. вызывало серьезные опасения (см. выше дневниковую запись от 9 апреля — 4 мая 1856 г., стр. 459 наст. тома). Лишь 15 мая 1856 г. Герцен пишет М. К. Рейхель, что «Огарева здоровье очень поправляется», то же 27 мая: «Здоровье Огар(ева) улучшилось до того уже, что Девиль считает его вне неминуемой опасности...».

Passons à la panhumanité

⟨Перейдем к панчеловечеству⟩

Впервые опубликовано в ЛН, т. 61, 1953, стр. 92.

Печатается по черновому автографу «пражской коллекции» Герцена — Огарева (ЦГАЛИ).

Этот отрывок, как и следующий набросок Герцена, является сатирой-пародией, направленной против космополитических тенденций, проявившихся в газете французских эмигрантов «L'Homme». В отрывке содержится прямая ссылка на эту газету. Этот же орган, вероятно, имеет в виду Герцен, упоминая о «знаменитой газете всемирного космополитизма». Герцен в данном случае пародирует подзаголовок «L'Homme» —

«газета всемирной демократии». К тому же газета печаталась, как указывалось в каждом номере, во «Всемирной типографии».

Таким образом, границы датировки публикуемых текстов определяются хронологической рамкой начала и прекращения издания «L'Homme» на острове Джерси — 30 ноября 1853 г. и 28 декабря 1855 г. Более точная датировка затруднительна.

В этой газете, редактировавшейся Шарлем Рибейролем, действительно встречались выступления космополитического характера. Так, в нескольких номерах печаталась серия статей «О Франции и революции», подписанных Н. Marlet. В них утверждалось, например, что «Франция постоянно стояла в главе прогресса и цивилизации» и была при этом «нацией по преимуществу космополитической» (№ 45 от 4 октября 1854 г.). По словам того же автора, демократическая доктрина хочет создать «одно семейство, один народ, одно человечество из всех семейств, народов и всех людей, разбросанных по земному шару» (№ 2 от 13 декабря 1854 г.).

В передовой же под названием «Национальности» (№ 26 от 30 мая 1855 г.) Рибейроль, говоря о тех, кто «ищет идеал и развивает его до абсолюта», пишет, что они «не принимают ни рас, ни отечество, ни национальностей». Однако сам Рибейроль считал, что такая позиция чревата опасностью «потерять наши естественные силы — национальность и отечество».

Таким образом, космополитические воззрения не определяли лицо газеты в целом, постоянными сотрудниками которой были Гюго и Кошут. Герцен также считал возможным печататься на страницах «L'Homme» и рассматривал Рибейроля как политического союзника.

Тем не менее, как показывают публикуемые тексты, Герцен остро реагировал на космополитические тенденции, проявившиеся в «L'Homme», хотя и считал, по-видимому, свое выступление в печати по тактическим причинам несвоевременным. Он хорошо понимал, что космополитическая «архиреволюционная» фраза обладает на деле антидемократическим и антипатриотическим содержанием. Космополитизм, хотя бы и замаскированный «социалистической» и «пацифистской» фразеологией, уже в середине XIX века являлся прикрытием для национализма и шовинизма, пренебрежения к передовой национальной культуре. Космополитизм объективно служил дискредитации демократии и социализма, создавая карикатурное представление о будущем социалистическом обществе. Идеалом «космопатриотов» (это выражение, употребленное в первом наброске, Герцен позднее использовал в статье «Западные книги»; см. т. XIII наст. изд.) является, как говорит Герцен в своей сатире-пародии, «панмонотонность», обезличенная и серая «однообразная жизнь». По их мнению, в социалистическом обществе национальности подлежат уничтожению. Их лозунг — «долгой национальности!». Сам же Герцен был убежден в том, что рост демократической культуры каждой нации означает развитие лучших национальных традиций, рост и раскрытие всех сил и богатств национального характера.

Следует оговорить, что ряд сатирических гипербол и шутивных выпадов Герцена не поддается сейчас расшифровке, поскольку они имеют в виду малоизвестные обстоятельства и подробности деятельности французской эмиграции середины прошлого века.

<Cher pancitoyen!..>

<Дорогой пангражданин!..>

Впервые опубликовано в ЛН, т. 61, стр. 93—94.

Печатается по автографу «пражской коллекции» Герцена — Огарева (ЦГАЛИ). Вполне возможно, что этот отрывок составлял вместе с предыдущим текстом единое целое (см. комментарий выше).

Première lettre

(Письмо первое)

Впервые опубликовано в ЛН, т. 61, стр. 99—114.

Печатается по черновому автографу «пражской коллекции» Герцена—Огарева (ЦГАЛИ).

Эта рукопись Герцена переключается с некоторыми другими, более поздними его произведениями 50-х годов и частично была в них использована. Но вместе с тем она обладает чертами замечательного своеобразия. В литературном наследстве Герцена, относящемся к этим годам, нет другого документа, в котором с такой силой проявлялись бы мотивы исторического оптимизма, борющегося с пессимизмом и скептицизмом, охватившим Герцена после поражения революции 1848 года.

Герцен говорит здесь об относительной прогрессивности смены феодального общества обществом буржуазным. Вместе с тем, продолжая и развивая сопоставления, которые встречались еще в «Письмах из Avenue Marigny» (превращения Фигаро), он с презрением указывает на политическое и моральное падение буржуазии, некогда борющейся против феодализма.

Эта нота исторического оптимизма не единична в рукописи. Давая характеристику «глубины морального упадка» буржуазии, Герцен зачеркнул следующие, первоначально им написанные слова: «Разве, по-вашему, этих симптомов недостаточно, чтобы объявить о полном разложении — либо буржуазный дух погибнет, либо Европа. Что касается меня, я еще верю в старушку» (см. «Варианты», стр. 503).

Таким образом, настоящая рукопись важна для понимания того сложного переплетения противоречивых элементов, которое характеризует мировоззрение Герцена в этот период.

Основные, наиболее принципиальные положения рукописи получили затем развитие в датированном 1 октября 1855 г. добавлении к «Западным арабескам», которое в «Былом и думах» было названо «Post scriptum», а впервые опубликовано без заглавия в ПЗ, 1856 г., кн. II. (см. т. X наст. изд., стр. 124—130).

Так, например, в начале рукописи говорится: «Мы изучали Европу по книгам...»; в начале же «Post scriptum'a» Герцен заявляет: «Мы вообще знаем Европу школьно, литературно <...>, а судим à livre ouvert, по книжкам и картинкам...» (т. X, стр. 124).

Очень близки характеристики буржуазной морали в рукописи и в «Post scriptum'e», а также ироническое определение принципа всеобщей подачи голосов как «арифметического источника» — в рукописи и «арифметического знамени» — в «Post scriptum'e» (т. X, стр. 128).

Последние две фразы рукописи почти совпадают со следующими словами из «Post scriptum'a»:

«Щель, сделавшаяся между партером и актерами, прикрытая сначала линочипом ковром ламартинового красноречия, делалась больше и больше; июньская кровь ее размыла, и тут-то раздраженному народу поставили вопрос о президенте. Ответом на него вышел из щели, протырая заспанные глаза, Людовик-Наполеон...» (т. X, стр. 129).

«Post scriptum» отличается от настоящей рукописи большей категоричностью и четкостью основных исходных положений, определяющих историко-философские воззрения Герцена, большей остротой и меткостью памфлетных характеристик буржуазии, ее политики и морали, наконец, литературной отделкой и блеском. Однако в «Post scriptum'e» исчезли очень существенные оптимистические ноты, которые как раз и придают комментируемой рукописи особенно большое значение.

Рукопись была впоследствии использована Герценом и в других произведениях.

Сопоставление Барнума, американского дельца-антрепренера, который, по мысли Герцена, является воплощением циничной прозы буржуазного общества, с Орасом, героем одноименного романа Жорж Санд, носителем лицемерно-риторической «поэзии» этого строя, получило позднее развитие в очерке-фельетоне 1856 г. «Оба лучше» (см. стр. 332—338 наст. тома).

Характеристика литературы «публичных мужчин», т. е. автобиографий и мемуаров разного рода предателей и шпионов — Делагода, Шеню, Шеппа и других, — встречается в части VI «Былого и дум», в главе, посвященной «лондонской вольнице» (см. т. XI наст. изд., стр. 198—199).

Некоторые мысли об отношении русских передовых людей к западноевропейским Орасам, изложенные в рукописи, перекликаются с главами части V «Былого и дум», рассказывающими о семейной драме Герцена, особенно с «Тифоидной горячкой» (см. т. X наст. изд.).

Точная датировка рукописи затруднительна; следует полагать, что она была написана не ранее начала 1854 г. и не позже, чем «Post scriptum», т. е. до 1 октября 1855 г.

Уточнению датировки помогает выяснение того лица, к которому это «открытое письмо» (часто встречающаяся у Герцена литературная форма) обращено. Из вводной части рукописи очевидно, что адресат русский, впервые оказавшийся за границей, писавший Герцену и притом во многом присоединяющийся к той пессимистической оценке, которую Герцен дает общественной жизни, политике и морали Западной Европы.

Среди немногих русских, посещавших Герцена в Лондоне в 1853—1855 гг., наиболее соответствует указанным признакам некий Бодиско, который не раз упоминается в герценовских письмах 1853—1855 гг. к М. К. Рейхель.

Упоминания в письмах Герцена от 5 февраля 1854 г. и 31 декабря 1855 г. о поездке Бодиско в Вашингтон позволяют думать, что речь идет о Василии Константиновиче Бодиско, дядя которого, А. А. Бодиско, занимал пост русского посланника при правительстве США. В. К. Бодиско, московский знакомый Герцена, Огарева, Кетчера, а также Салтыкова-Щедрина, был двоюродным братом Грановского и неоднократно упоминается в его письмах («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 302 и др.).

Стр. 478. ...в «Цивилизованном помещике» Тургенева... — Очевидно, имеется в виду рассказ «Бурмистр» из «Записок охотника» И. С. Тургенева.

Россия, бранная царица

Впервые опубликовано в ЛН, т. 63, стр. 743—744.

Печатается по черновому автографу «спражской коллекции» Герцена—Огарева (ЦГАЛИ).

Отрывок является, по-видимому, единственным сохранившимся фрагментом какого-то французского произведения Герцена. Как видно из содержания отрывка, он относится к середине 1850-х годов. Именно этим временем датируются схожие по теме и по тону французские и русские сочинения Герцена, резко бичующие западноевропейскую буржуазию («Западные арабески» в «Былом и думах», «Première lettre», «Оба лучше» и др.). В отрывке, как и в других своих сочинениях этой поры, Герцен противопоставляет западноевропейской цивилизации, зашедшей в безвыходный тупик, — «третьего борца», молодую крестьянскую Россию, полную нерастраченных сил и надежд на блестящее будущее и счастливо избежавшую тех исторических бедствий, которые суждено было пере-

нести старой Европе, — в том числе деградирующего господства буржуазии, глубоко ненавистной Герцену.

Стр. 481. *Россия, бранная царица* — строка из стихотворения А. С. Пушкина «Наполеон» (см. публикацию «Пропущенные строфы из стихотворения «Наполеон» в 113, 1856 г., кн. II, стр. 14—15).

DUBIA

Les Pâques russes

⟨Русская пасха⟩

Печатается по тексту газеты «L'Нотше», № 25 от 17 мая 1854 г., без подписи. Автограф неизвестен.

В газете «L'Нотше», издававшейся на французском языке группой революционных эмигрантов и выходившей вначале на острове Джерси, а позднее в Лондоне, Герцен сотрудничал на протяжении всего времени ее существования. Можно предположить, что он был автором и статьи «Русская пасха». В письме от 25 мая 1854 г. к одному из редакторов газеты Луиджи Пианциани, Герцен, обсуждая вопрос о дальнейшем своем участии в газете, говорил: «Вы советовали мне написать непосредственно Рибейролю, но в данное время мне нечего ему сообщить. И кроме того, между нами говоря, Рибейроль довольно долго находился в Лондоне и мог бы вспомнить о своем бедном соотруднике с Истон-сквера». И он заканчивает этот перечень доводов против посылки статей в «L'Нотше» напоминанием, что там уже есть одна из его работ, еще не увидевшая свет. «На прошлой неделе, — пишет он, — я переслал Фору небольшую заметку о „пасхе в России“». Это напоминание Герцена было запоздалым. Получив статью от своего лондонского корреспондента Фора, редакция не замедлила ее напечатать и она появилась в ближайшем же номере «L'Нотше» (газета выходила один раз в неделю).

Герцен прямо не называет статью своею, однако трудно предположить, что речь идет здесь о чьей-то чужой, лишь переданной Герценом работе.

Статья написана в связи с бомбардировкой Одессы англо-французским союзным флотом, производившейся в канун русской пасхи, и направлена против ханжеских сетований и возмущений по этому поводу русской официальной печати. Она посвящена русским событиям и полемизирует с русской прессой. Автором ее, следовательно, скорее всего мог быть именно русский.

Разоблачая фальшь петербургских официальных выступлений в защиту религии, автор статьи ссылается на события из истории русско-польских отношений и напоминает о жестокостях, совершившихся царскими генералами в пасхальные дни во время русско-польских войн 1794 и 1831 гг. Автор статьи ставит, таким образом, своей целью агитацию против порабощения Польши, и эта польская тематика статьи, в свою очередь, может служить подтверждением авторства Герцена. Польский вопрос, в связи с развертывавшимися военными событиями в России, стоял тогда в центре внимания Герцена. Незадолго до статьи он поместил в той же газете свою прокламацию «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше» (см. комментарий на стр. 528 наст. тома). Не исключена однако возможность того, что «Русская пасха» была написана кем-либо из близких Герцену русских эмигрантов (например, В. А. Энгельсоном). Редакция настоящего издания сочла поэтому наиболее целесообразным отнести статью к разделу «Dubia».

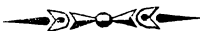
Стр. 486. *Рескрипт* ∞ на имя одесского губернатора, генерала *Остен-Сакена*, и статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях»... — Рескрипт на имя генерала Остен-Сакена был помещен в «С.-Петербургских ведомостях», № 89 от 24 апреля 1854 г. Статьи о бомбардировке Одессы, негодующие против англо-французских адмиралов, выбравших «страстную субботу для разрушений христианского города», напечатаны в «С.-Петербургских ведомостях», № 86 от 21 апреля и № 96 от 2 мая 1854 г. Аналогичные статьи печатались и в «Journal de St. Pétersbourg».

...войска *Николая заняли Ошмяны*... — Сражения в Ошмянах и у Казимержа, о которых говорится в статье, принадлежат к одним из самых трагических эпизодов польской войны 1831 г. Автор статьи пользуется, очевидно, польскими источниками, но даже русская официальная версия не могла скрыть безжалостности всего происходившего. Так, например, военный историк Пузыревский, описывая «Ошмянское дело», говорит, что восстание в городе было подавлено ворвавшимися туда казаками в несколько часов и «в пылу схватки редко кто получил пощадку» (см. Пузыревский. Польско-русская война 1831 года, т. I, изд. II, СПб., 1890, стр. 165, а также стр. 178—179).

...генерал *Крейц*... — В 1831 г. командовал V резервным кавалерийским корпусом, принял участие в военных действиях.

...городом *Казимержем*... — Быв. посад Казимерж, Ново-Александровского уезда, Люблинской губ., на правом берегу Вислы

...резню в *Варшаве 4 апреля 1794 г.*... — Дата варшавского восстания указана неточно. Оно происходило 5—6 апреля ст. ст., в четверг и пятницу на страстной неделе. Таким образом, страстная суббота приходилась на 7 апреля ст. ст., а не на 4-е, как пишет автор статьи. Возможно, впрочем, что это опечатка.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул-Меджид (Абдуль-Меджид) (1823—1861), турецкий султан с 1839 г. — 129, 201
- Абеляр (Абелард, Abailard) Пьер (1079—1142), франц. философ и богослов — 281
- Аврамов П. В. (Абрамов) (ум. 1836), полковник казанского пехотного полка, декабрист; умер в ссылке, в Акшинской крепости — 246, 258, 535
- Агамемнон — см. Гомер, «Илиада»
- Адам (библ.) — 283
- Адлерберг Владимир Федорович, граф (1790—1884), генерал-адъютант, министр двора с 1852 г.; пользовался особым доверием Николая I и Александра II — 268
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель — 341, 350, 428, 556, 565
- «Семейная хроника» — 341, 350, 428, 429, 565; Багров — 341, 350, 428, 429, 556
- Александр I (1777—1825), император — 11, 13, 16, 17, 39, 41, 43, 45, 67, 68, 74, 75, 86, 87, 102, 104, 105, 108, 129, 130, 140, 155, 173, 188, 207, 211, 248, 261, 272, 307, 311, 342, 345, 346, 351, 355, 364, 365, 368, 379, 392, 411, 412, 415, 416, 418, 429, 510, 513, 521, 526, 538, 539, 550, 556, 557, 560, 562, 565
- Александр II (1818—1881), император — 86, 95, 96, 268, 269, 272—274, 295, 308, 310, 311, 343, 344, 346, 352, 353, 354, 356, 430, 432, 433—435, 441, 444—446, 455, 456, 496, 517, 538, 539, 550, 554, 556, 563—567, 570, 571
- Алексей Михайлович (1629—1676), царь — 19, 47, 107, 248, 260, 565
- Алексей Петрович (1690—1718), царевич, сын Петра I — 367
- Алкивиад (ок. 451—404 до н. э.), полит. деятель и полководец древних Афин — 333
- Альести (Алтести) Андрей Иванович (175? —184?), 1788 г. секретарь П. А. Зубова (см.), позднее — Екатерины II; в 1796 г. по приказу Павла I был заключен в Кислово-Печерскую крепость, в 1801 г., после освобождения, переселился в Италию — 411
- Амбург, ван, укротитель диких зверей, род. в Голландии — 411, 497, 562
- Амвросий (Андрей Степанович Зергис-Каменский) (1708—1771), архиепископ московский с 1768 г.; убит во время восстания в Москве — 207, 211, 529
- Анна Иоанновна (1693 — 1740), императрица — 12, 39, 102, 366, 369
- Анна Леопольдовна (принцесса Брауншвейгская) (1718—1746), «правительница» Российской империи в 1740—1741 гг., при малолетнем императоре Иване VI Антоновиче — 102, 366, 369, 518
- Анна Павловна (ошибочно) — см. Анна Федоровна
- Анна Федоровна (принцесса Юлия Саксен-Кобургская), великая княгиня (1781—1860), первая жена вел. кн. Константина Павловича — 412, 562
- Антиной (ум. 130), фаворит римского императора Адриана — 145, 179

- Антъе Бенжамен (1787—1870), франц. драматург, соавтор Ф. Леметра (см.) в создании пьесы «Робер Макер» — 338, 510 — «Робер Макер» — 510; Робер Макер — 338, 468, 477, 510
- Аполлон (миф.) — 222, 232
- Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834) — 410, 430, 559, 568
- Аристотель (384—322 до н. э.) — 219, 228
- Архаров Николай Петрович (1742—1814), московский обер-полицмейстер с 1771 г., московский губернатор с 1782 г., с 1784 г. — генерал-губернатор Новгородского и Тверского наместничества; в 1796—1797 гг. генерал-губернатор Петербурга — 410, 411, 562
- Астраков Николай Иванович (1809—1842), преподаватель математики, друг юности Герцена — 501, 574
- «Атеней», двухнедельный журнал, изд. в Москве в 1828—1830 гг., ред. М. Г. Павлов — 318
- Багровы, действ. лица «Семейной хроники» С. Т. Аксакова (см.)
- Базилевский Петр Андреевич (р. 1795), помещик Киевской губернии — 29, 30, 57, 58, 82, 116, 117, 511, 514
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — 313, 321, 324, 327, 328, 496, 548, 551, 552 — «Дон Жуан» («Don Juan») — 313, 328, 548, 552
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — 68, 76, 91, 118, 120, 122—126, 128, 289, 298, 299, 441, 445, 513, 516, 519, 520, 544, 566
- Бальзак Оноре де (1799—1850) — 469, 477
- Банко — см. В. Шекспир, «Макбет»
- Барнум Финеас Тейлор (1810—1891), американский делец антрепренер — 332—336, 469, 478, 555, 578
- Барьер (Baggière) Теодор (1823—1877), франц. драматург, соавтор Л. Тибу (см.) в создании пьесы «Мраморные девы» — 338, 555 — «Мраморные девы» («Les filles du marbre») — 338, 555; Марго — 338, 468, 477, 555
- Барятинский Федор Сергеевич, князь (1742—1814), гвардейский офицер, участник дворцового переворота 1762 г., впоследствии обер-гофмаршал — 388, 392, 413, 419, 562
- Баскаков Михаил, капитан-поручик Преображенского полка, участник дворцового переворота 1762 г. — 388, 392
- Баярд (Bayard, настоящее имя — Пьер дю Террайль) (1476—1524), франц. полководец; получил прозвище «Рыцаря без страха и упрека» или «Рыцаря Баярда» — 338, 468, 477
- Безбородко Александр Андреевич, князь (1747—1799), госуд. деятель и дипломат; с 1787 г. возглавлял коллегию иностранных дел, с 1797 г. — кавалер — 392
- Бейль (Baule) Пьер (1647—1706), франц. философ, предшественник идеологии Просвещения XVIII в. — 370
- Беккария Цезаре (1738—1794), итал. юрист, буржуазный просветитель — 405
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 68, 69, 76, 270, 271, 275, 276, 496, 537—540 — «Письмо к Гоголю» — 270, 271, 275, 276, 496, 537—540
- Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844) — 163, 197, 360
- Беннигсен (Бенигсен) Леонтий Леонович (1745—1826), генерал-лейтенант, участник дворцового переворота 1801 г. — 410, 562
- Бентам Иеремия (1748—1832), англ. буржуазный юрист и философ — 342, 351, 429, 465, 474, 556
- Беранже (Беранжер) Пьер Жан (1780—1857) — 338, 426, 464, 468, 473, 477, 555 — «Лизетта» — 464, 473; Лизетта — 338, 464, 468, 473, 477, 555
- Беринг — см. Тимашев-Беринг А. А.
- Бесс, королева — см. Елизавета Тюдор
- Бестужев Александр Александрович (лит. псевдоним — Марлинский) (1797—1837), писатель и критик, декабрист; издавал с

- К. Ф. Рылсвым альманах «Полярная звезда» (1823—1825)— 295, 494, 537, 549, 566
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, граф (1693—1766), канцлер с 1744 по 1758 г.— 391, 394, 561
- Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803—1826), декабрист, активный деятель Южного общества с 1823 г.; повешен 13 июля 1826 г.— 80, 91, 203, 242, 254, 265, 299, 300, 360, 516, 536, 539, 544, 550
- Бецкой (Бецкий) Иван Иванович (1704—1795), деятель 60—70-х гг. XVIII в. в области просвещения; с 1763 г. президент Академии художеств и директор Кадетского корпуса; создал ряд учебных и воспитательных учреждений — 405
- Бибиков Александр Ильич (1729—1774), генерал-аншеф; в 1773 г. командовал войсками, посланными для подавления восстания Пугачева — 20, 47
- Библия — 335
- Бирон (Biron) Арман Луи де Говто, герцог (1747—1794), франц. маршал; командовал республиканскими войсками в Вандее; казнен Конвентом по обвинению в измене — 400
- Бирон Эрнст Иоганн, герцог (1690—1772)—365, 366, 369
- Бичер-Стоу Гарриэт (1811—1896), америк. писательница — 7, 34, 509 — «Хижина дяди Тома» («Uncle Tom's Cabin») — 7, 33, 34, 61, 509
- Блазиус Иоганн Генрих (1809—1870), нем. зоолог; в 1840—1841 гг. совершил поездку по России — 10, 37, 249, 261, 535 — «Путешествие по европейской части России в 1840—1841 гг.» («Reise im europäischen Rußland in den Jahren 1840—1841») — 249, 261, 536
- Блан Луи (1811—1882) — 297, 317, 339, 349, 501, 530, 543, 570 — «История французской революции» («Histoire de la Révolution française») — 501, 543
- Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785—1864), делопроизводитель следственной комиссии по делу декабристов в 1825—1826 гг., министр внутренних дел с 1832 г., в 1837—1839 гг. министр юстиции — 444, 567
- Блэр (Блер) Гуг (1718—1800), шотландский священник, писатель — 397
- Богдан Хмельницкий (Зиновий Богдан Михайлович) (ок. 1595—1657)— 110
- Боккаччо (Бокаччо) Джованни (1313—1375) — 285 — «Гризиллида» — 285
- Бомарше (Beaumarchais) Пьер Жюстен Карон де (1732—1799)— 338, 468, 477 — «Безумный день или Женитьба Фигаро» («La folle journée ou Le mariage de Figaro»; Фигаро — 338, 468, 477, 577
- Бонапарт Жером (1784—1860), брат Наполеона I, король Вестфалии в 1807—1813 гг., франц. маршал с 1850 г.— 166, 200, 528
- Бонапарты — итальянский дворянский род, из корсиканской ветви которого происходил Наполеон I — 166, 200, 528
- Борджа (Борджиа) Лукреция (1480—1519), дочь Р. Борджа, римского папы под именем Александра VI (1492—1503) — 207, 211
- Борис Годунов (1551—1605), царь — 11, 38, 101, 107
- Бозрагв — см. Бургаве Г.
- Бредин Сергей Александрович (1744—1781), капитан-поручик Преображенск. полка, участник дворцового переворота 1762 г., впоследствии камергер — 384
- Брок Петр Федорович (1805—1875), министр финансов с 1852 по 1858 г.— 446, 568
- Брут Марк Ювий (85—42 до н. э.), древнеримский политический деятель, республиканец, один из инициаторов заговора против Цезаря — 465, 474
- Будда (миф.) — 425
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), журналист и беллетрист — 456, 571
- Бургаве (Бозрагв, Boerhaave) Герман (1668—1738), голландский врач — 370
- Бэкон (Бакон) Роджер (ок. 1214—1294), англ. философ и естество-

- испытатель, монах францисканского ордена, предшественник опытной науки Нового времени — 284
- Бэкон Фрэнсис, барон Веруламский (1561—1626), англ. философ-материалист — 143, 177, 223, 233
- Вальдегамас ³ Хуан Франциско Донозо-Кортес, маркиз 1803—1853), испанский политический деятель, после революции 1848 г. проповедник принципов католической реакции — 27, 55, 147, 180, 511, 537
- Вадковский Федор Иванович (1712—1783), генерал-аншеф, участник дворцового переворота 1762 г. — 390, 535
- Василий Великий (ок. 329—379), епископ кесарийский, богослов — 220, 230
- Васильчиков Александр Семенович, фаворит Екатерины II в 1773—1776 гг. — 373
- Вашингтон Джордж (1732—1799) — 334, 336, 555
- Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.) — 402
- Вертер — см. В. Гёте, «Страдания юного Вертера»
- Видок Франсуа Эжен (1775—1857), франц. сыщик — 469, 478
- Виктория (1819—1901), королева Великобритании с 1837 г. — 327, 523, 551
- Вильгельм Оранский III (1650—1702), правитель Нидерландов с 1674 г., король Англии с 1688 г. — 324
- Вильмен Абель Франсуа (1790—1870), франц. историк, публицист и политический деятель — 298, 544
- «Исторические и литературные воспоминания современника» («Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature») — 298, 544
- Вильмот Катрин, сестра Мэри Вильмот (см.); в 1806—1807 гг. жила у Е. Р. Дашковой; перевезла в Англию копию ее «Записок» — 361, 416—420, 558
- Вильмот Мэри, англичанка, близкий друг и компаньонка Е. Р. Дашковой (см.) — 397, 405, 412, 414, 416—418, 420—422, 497, 558
- Вильмот, брат М. и К. Вильмот — 416
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь Киевский — 138, 172, 363
- Владимир Святославич (ум. 1015), великий князь Киевский — 112, 114
- Владислав IV (1595—1648), польский королевич, в 1610 г., во время польской интервенции, претендент на московский престол, король польский с 1632 г. — 138, 171
- «Возрождение» («La Renaissance») — см. Ж. Мишле, «История Франции в XVI в. Возрождение»
- Волков Дмитрий Васильевич (1718—1785), с 1756 г. секретарь Министерской конференции, ведавшей военными и внутренними делами; в 1761—1762 гг. тайный секретарь особого Совета при Петре III — 380
- Вольмслей (Вомслей, Wolmsley) Джошуа (Жозуа) (1794—1871), англ. полит. деятель, член парламента; поддерживал либеральное движение на континенте Европы — 325, 326
- Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари (1694—1778) — 20, 47, 224, 233, 324, 370, 376, 396, 405, 531, 551, 560
- Воронцов Александр Романович, граф (1741—1805), госуд. деятель и дипломат, в 1773—1792 гг. президент Коммерцколлегии — 361, 406, 409
- Воронцов Михаил Илларионович, граф (1714—1767), госуд. деятель и дипломат, вице-канцлер с 1744, канцлер в 1758—1763 гг. — 369, 389, 390, 394
- Воронцов Михаил Семенович, князь (1782—1856), генерал-губернатор Новороссии и наместник Бессарабии в 1823—1844 гг., наместник Кавказа в 1844—1853 гг. — 20, 48
- Воронцов Роман Илларионович (1707—1783), брат М. И. Воронцова, отец Е. Р. Дашковой; с 1760 г. сенатор, с 1761 г. генерал-аншеф, впоследствии намест-

- ник губерний Владимирской, Пензенской, Тамбовской — 369, 373, 378, 390, 391
- Вороцова Елизавета Романовна — см. Полянская Е. Р.
- Воронцовы — один из знатных дворянских родов, представители которого занимали важнейшие посты в управлении Россией — 369
- Ворцель (Worczell) Станислав Габриэль, граф (1799—1857), польский революционер, руководитель демократической части польской эмиграции 30—50-х годов — 119, 121, 437—443, 497—500, 519, 565
- Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт и критик, с 1855 г. товарищ министра народного просвещения — 446, 456, 532, 550, 567, 572
- «Русский бог» — 236, 238, 318, 446, 456, 532, 550, 568, 572
- Габриэль Жюль Жозеф де Лурье (1792—1869), франц. драматург — 531
- «Жоко или Бразильская обезьяна» («Jocko ou le Singe du Brésil») — 531; Жоко — 224, 233, 531
- Габсбурги, династия, правившая Австрийской империей — 165, 199, 344, 354
- Гагарина, княгиня, тетка М. И. Дашкова (см.) — 371
- Гакстаузен (Haxthausen) Август, барон (1792—1866), автор работ об аграрных отношениях в Пруссии и России — 10, 23—27, 37, 51—55, 113, 114, 152, 155, 185, 189, 247, 249, 260, 261, 363, 509, 511, 535
- «Изучение внутреннего положения, народной жизни и в особенности сельских порядков России («Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands») — 23—25, 51—53, 113, 114, 247, 259, 509, 511, 535
- Гальяни (Galiani) Фердинанд (1728—1787), итал. госуд. деятель, литератор, экономист — 400
- Гамильтон Эмма, леди (1760—1815), политическ. авантюристка, жена У. Гамильтона, посла Англии при неаполитанском дворе — 396, 397, 404, 416, 417
- Гамлет — см. В. Шекспир, «Гамлет»
- Гаррик Давид (1717—1779), англ. актер, один из основоположников реализма в англ. театре — 399
- Гарун-аль-Рашид — см. Харун-ар-Рашид
- Гоголь Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 26, 27, 54, 55, 68, 76
- Гельвеций (Helvétius) Клод Адриан (1715—1771) — 370, 560
- «О разуме» («De l'Esprit») — 370, 560
- Гендрикова, графиня, племянница императрицы Екатерины I — 374
- Гервинус Георг Готфрид (1805—1871), нем. либеральный историк — 7, 34, 509
- «Введение в историю XIX столетия» («Einleitung in die Geschichte des XIX Jahrhunderts») — 7, 34, 509
- Геркулес (миф). — 156, 190
- Герст — см. Херст и Блекет
- Герцен Александр Иванович (1812—1870)
- «Былое и думы» — 271, 423, 451, 454, 501, 511, 513, 517, 519, 532, 533, 539, 542—546, 548, 550—552, 554, 558, 560, 564, 565, 570, 575, 577, 578; «Тюрьма и ссылка» — 236, 238, 301—304, 313, 519, 544, 545, 546, 548; «Самicia rossa» — 551
- «Вместо предисловия или объяснения к сборнику» — 512
- «Доктор Круппов» — 522
- «Долг прежде всего» — 490, 522
- «Западные книги» — 576
- «Концы и начала» — 558, 562
- «Кто виноват?» — 564
- «Мимоездом» — 522
- «Михаил Бакунин» — 519, 520
- «О развитии революционных идей в России» — 214, 216, 292, 509, 512, 525—527, 529, 534—536, 541, 546, 550, 559
- «О романе из народной жизни в России» — 549
- «Письма из Франции и Италии» — 236, 238, 512, 525, 530, 531, 551; «Письма из Avenue Margni» — 577; «Письма из Италии» — 490

- «Письмо русского к Маццини» — 348, 525, 556
- «Поврежденный» — 522
- «Прерванные рассказы» — 236, 238, 512, 521, 522
- «Программа и план издания журнала» — 549
- «Россия» — 348, 509, 525, 534, 544, 556
- «Русский народ и социализм. Письмо к Мишле» — 244, 256, 288, 509, 512, 525, 526, 534, 540, 541, 542
- «Сечь или не сечь мужика» — 511
- «С того берега» — 236, 238, 423, 490, 511, 512, 525, 527, 530, 531, 542, 543, 564; «Прощайте!» — 293, 543
- Герцен Наталья Александровна (Натали) (1817—1852), жена А. И. Герцена — 289, 460, 550, 555, 575
- Герцен Наталья Александровна («Тата») (1844—1936), старшая дочь А. И. Герцена — 460
- Гёргей Артур (1818—1916), главнокомандующий венгерской революционной армией; изменнически капитулировал в августе 1849 г. — 131, 267, 503, 521, 538
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 277
- «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers»); Вертер — 146, 180; Шарлотта — 146, 180
- Гизо (Guisot) Франсуа Пьер (1787—1874), франц. историк и полит. деятель, в 1847—1848 гг. премьер-министр — 118, 120
- Глазунов Иван Ильич (1826—1889), книгопродавец и издатель, внук И. П. Глазунова, основавшего вместе с братом М. П. Глазуновым старейшую в России книжную фирму — 95
- Глебов Александр Иванович (1722—1790), генерал-прокурор сената с 1761 по 1764 г. — 383
- Гогенцоллерн, дядя Александра II — см. Фридрих-Вильгельм IV
- Гогенцоллерны, династия прусских королей с 1701 г., германских императоров с 1871 по 1918 гг. — 165, 199, 344, 353, 354
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 17, 45, 69, 76, 270, 271, 275, 276, 316, 537—540, 549
- «Выбранные места из переписки с друзьями» — 275, 540
- «Письма к Белинскому» — 270, 271, 275, 276, 496, 533, 539, 540
- «Ревизор» — 337
- «Тарас Бульба» — 17, 45
- Голиаф (библ.) — 339, 348
- Голицын Александр Михайлович, князь (1723—1807), госуд. деятель, вице-канцлер, обер-камергер — 380, 419
- Голицына, княгиня — 420
- Головин Иван Гаврилович (1816—1890), русский эмигрант, публицист — 7, 34, 119, 121, 123, 125, 239, 240, 509, 513, 519, 520, 532, 533, 566
- «Голос с чужбины (Aux prisonniers russes en France)» — прокламация Н. И. Сазонова (см.)
- «Голоса из России», сборники публицистических статей русских авторов; печатались в Лондоне в 1856—1860 гг. Всего вышло 9 книг — 329—331, 359, 444, 447, 458, 507, 518, 552—554, 557, 566, 573, 574
- Гольштейн-Готторпы, династия герцогов Шлезвиг-Гольштейна. Сын герцога Карла-Фридриха Карл-Петр-Ульрих занял в 1761 г. русский престол под именем Петра III (см.) — 151, 165, 184, 199, 204, 344, 353, 434, 485, 486, 518, 527
- Голштинская принцесса — 389
- Голштинские принцы, дяди Петра III — 379—381
- Гомер
- «Илиада»; Агамемнон — 267, 494
- Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.), древнеримский поэт — 443, 566
- «К Мельпомене» — («Ad Melpomene») — 443, 566
- Горчаков Михаил Дмитриевич, князь (1793—1861), генерал-адъютант; в 1853—1854 гг. командовал русскими войсками в Дунайских княжествах, в 1855 г. — Крымской армией; с 1856 г. наместник Царства Польского — 129, 521
- «Гофман и Кампе» («Hoffmann und Campe»), издательская и книготорговая фирма, основанная в

- Гамбурге в нач. XIX в. С 1823 г. руководитель — Ю. Камне (см.) — 301, 302, 544, 545, 559
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — 305, 546, 575, 578
- Грёз Жан Батист (1725—1805), франц. живописец — 468, 477
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — 295
- Григорий Назианзин (Назианский) (ок. 329—ок. 389), патриарх Константинопольский, богослов — 220, 230
- Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899), писатель — 316, 549 — «Антон Горемыка» — 316 — «Рыбаки» — 316, 549
- Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864), критик и поэт — 456, 572 — «Когда колокола торжественно звучат» — 456, 572
- Гудович Андрей Васильевич (1731—1808), генерал-аншеф, адъютант Петра III — 380, 381, 388
- Гудович Василий Андреевич (ум. 1764), генеральный подскарбий Малороссии — 371, 560
- Гус Ян (Гусс Иоанн) (1369—1415), вождь народной реформации в Чехии — 143, 177, 526
- Густав III (1746—1792), король Швеции с 1771 г. — 403, 562
- Гюго Виктор Мари (1802—1885) — 297, 317, 339, 348, 349, 501, 530, 543, 570, 576
- Гьюо (Guyot) Арнольд Генри (1807—1884), доктор философии и права, географ; с 1848 г. работал в США — 288, 542 — «Земля и человек, или Физическая география в ее отношении к истории человечества» («The Earth and Man or Physical Geography in its relation to the history of Mankind») — 288, 542
- Давид (миф.) — 339, 348
- Даниил (пророк) (библ.) — 278
- Дараш В., участник польского восстания 1831 г., один из руководящих деятелей польской демократической эмиграции — 88, 516
- Дашков Михаил-Кондратий Иванович, князь (1736—1764), вице-полковник лейб-кирасирского полка; муж Е. Р. Дашковой (см.) — 370—373, 381, 394, 405
- Дашков Михаил Михайлович, князь (1761—1762), сын Е. Р. Дашковой — 372
- Дашков Павел Михайлович, князь (1763—1807), сын Е. Р. Дашковой, генерал-лейтенант, с 1782 г. адъютант Г. А. Потемкина, в 1798 г. военный губернатор в Киеве; с 1801 г. предводитель дворянства Московской губ. — 361, 394, 397—399, 401, 404, 405, 409, 411, 420, 421
- Дашкова Екатерина Романовна (рожд. Воронцова), княгиня (1744—1810), участница дворцового переворота 1762 г., президент Петербургской академии наук и Российской академии (1783—1796), писательница — 361, 362, 368—422, 497, 558—562 — «Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой» («Memoirs of the princess Dashkow, lady of honour to Catherine II») — 361, 362, 368—417, 557—561
- Дашкова, княгиня (ум. 1775), мать М. И. Дашкова (см.) — 371, 372, 405
- Дашкова, княгиня (рожд. Алтеева), жена П. М. Дашкова (см.) — 421
- Дашкова Настя (р. 1760), дочь Е. Р. Дашковой — 390, 391, 394, 397, 405, 408, 410
- «Два видения св. Кондратия» — прокламации В. А. Энгельсона (см.)
- «Два письма Е. Пугачева» — прокламации В. А. Энгельсона (см.)
- Девиль, врач, лечивший Герцена и Огарева в Лондоне — 460, 575
- Дежнев Семен Иванович (р. ок. 1605 — ум. 1672 или 1673), выдающийся мореход — 18, 46, 110, 510
- Делаво (Delaveau) Анри Ипполит, переводчик произведений А. И. Герцена на франц. язык — 301, 302, 545
- Де ла Год (Делагод, Delahodde) Льюсьеп (1808—1865), франц. журналист, участник тайных политических обществ времен Июль-

- ской монархии; разоблачен как агент полиции—146, 179, 469, 478, 503, 527, 578
- «История тайных обществ и республиканской партии с 1830 по 1848 г.» («Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848») — 469, 478, 578
- Демосфин (384—322 до н. э.) — 402
- Державин Гаврила Романович (1743—1816) — 402
- Дерибас Осип Михайлович (1749—1800), с 1772 г. на русской службе, с 1798 г. адмирал — 393
- Диавол (миф.) — 285
- Дидро Дени (1713—1784) — 223, 233, 277, 324, 378, 382, 396, 551, 561
- Диккенс Чарльз (1812—1870) — 327
- Димитрий (Даниил Сеченов) (1708—1767), архиепископ новгородский с 1757 г.; в 1762 г. короновал Екатерину II; был возведен ею в сан митрополита — 382, 386, 561
- Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866), племянник поэта И. И. Дмитриева; служил в архиве министерства иностранных дел, затем обер-прокурором 7-го департамента до 1847 г.; в 40—50-х гг. печатал стихи в «Москвитяине» — 318, 550
- «Ода на вступление на престол Александра II» — 318, 550
- Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич, граф (1758—1803), с 1784 г. адъютант Г. А. Потемкина, в 1786—1789 гг. фаворит Екатерины II, генерал-адъютант — 373, 403, 561
- Дмитрий Самозванец — см. Лжедмитрий I
- Долгорукий Василий Владимирович, князь (1667—1746), генерал-фельдмаршал, участник боярского заговора против Петра I; добивался ограничения самодержавия в пользу феодальной верхушки; один из авторов «кондиций», предьявленных Анне Иоанновне в 1730 г. Верховным тайным советом — 366
- Долгорукий Василий Лукич, князь (1670—1739), дипломат, в 1730 г. сторонник «кондиций», направленных на ограничение самодержавия в пользу феодальной аристократии — 366
- Долгорукий Яков Федорович, князь (1659—1720), госуд. деятель и дипломат, ближайший сотрудник Петра I — 455
- Доменикино (Доминикино, Domenichino, Domenico Zampieri) (1581—1641), итал. художник — 442
- «Причащение св. Иеронима» — 442
- Донозо-Кортес — см. Вальдегас Х.
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — 70, 77
- «Бедные люди» — 70, 77
- Душан — см. Стефан Душан
- Дюма Александр (сын) (1824—1895) — 338, 469, 477, 555
- «Дама с камелиями» («La dame aux camélias») — 338, 555
- Евангелие — 465, 474
- Евгения (рожд. графиня! де! Монтихо) (1826—1920), франц. императрица, жена Наполеона III с 1853 г. — 146, 180, 527
- Евклид — см. Эвклид
- Екатерина I Алексеевна (1684—1727), императрица — 366, 367
- Екатерина II («Северная Семирамида») (1729—1796), императрица — 9, 18—20, 24, 27, 28, 37, 46, 47, 51, 55, 56, 102—105, 108, 111, 115—117, 130, 139, 157, 158, 172, 191, 207, 211, 248, 260, 341, 343, 350, 352, 362, 366, 367, 371, 373—382, 384—394, 397, 399—408, 412, 414, 416—419, 428, 432, 485, 486, 510, 511, 518, 519, 528, 556, 558—562
- «Наказ» — 405
- Елизавета (р. 1837), австрийская императрица, жена Франца-Иосифа I с 1854 г., дочь баварского короля Максимилиана Иосифа — 146, 180, 527
- Елизавета (Елисавета) Алексеевна (1779—1826), императрица, жена Александра I — 412, 417
- Елизавета Петровна (1709—1761), императрица — 111, 362, 366, 369—371, 374—380, 383, 518, 560, 561
- Елизавета (королева Бесс) Тюдор

- (1533—1603), англ. королева с 1558 г.— 326, 552
- Ермак Тимофеевич (ум. 1584), предводитель похода казаков, увенчавшего присоединением Сибири — 18, 45, 110
- Ермолов Александр Петрович (1754—1836), генерал-поручик, фаворит Екатерины II в 1786 г. — 373
- Женевьева Брабантская (лег.) — 338, 463, 477, 555
- Жиранден Эмиль де (1806—1881), франц. буржуазный журналист, издатель газеты «Пресса» — 279
- Жиске, франц. полицейский агент — 469, 478
- Жоко — действ. лицо пьесы «Жоко, или Бразильская обезьяна» Рашфора (см.) и Габриэля (см.)
- Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюлеван) (1804—1876) — 69, 77, 118—121, 279, 280, 332, 333, 337, 459, 467, 475, 519, 554, 555, 574, 578
- «Грибуль» — («Histoire de veritables Gribouilles») — 279, 280, 459, 574; Грибуль — 279, 280, 459
- «Орас» («Ногасе») — 333, 467, 475, 554, 555, 557; Орас — 332—338, 467—469, 475—478, 503, 554—555, 578; Марга — 336
- Жоффрен (Geoffren) Мария Терезия (1699—1777), хозяйка литературного салона в Париже — 396
- Жоффруа Сент-Илер Этьен (1772—1844), франц. зоолог — 27, 55
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 273, 446, 539, 567
- Завадовский Петр Васильевич, граф (1739—1812), в 1775 г. кабинет-секретарь и фаворит Екатерины II, затем управляющий Дворянским и Ассигнационным банками, директор Пажеского корпуса, в 1802—1810 гг. министр народного просвещения — 27, 28, 55, 56, 115—117, 373, 511
- Закревский Арсений Андреевич (1786—1865), министр внутренних дел в 1828—1831 гг., московский генерал-губернатор в 1848—1859 гг. — 446, 457, 572
- Зорич Семен Гаврилович, граф (1745—1793), генерал-лейтенант, в 1777—1778 гг. фаворит Екатерины II — 27, 28, 55, 56, 115—117, 373, 511
- Зубов Николай Александрович, граф (1763—1805), брат П. А. Зубова (см.), шталмейстер с 1793 г.; при Павле I подвергся опале; участник заговора 1801 г. против Павла I — 105
- Зубов Платон Александрович, князь (1767—1822), фаворит Екатерины II с 1789 г., участник заговора 1801 г. против Павла I — 105, 374, 403, 406, 408, 411, 561
- Иван IV (Иоанн Васильевич) Грозный (1530—1584), царь — 8, 18, 35, 45, 101, 158, 191, 259, 363, 453
- Иван (Иоанн) VI Антонович (1740—1764), русский император в 1740—1741 гг., затем заключен императрицей Елизаветой Петровной в тюрьму; убит стражей после попытки поручика В. Я. Мировича (см.) освободить его летом 1764 г. — 371, 560, 561
- Игельстром (Игельстром) Осип Андреевич, граф (1737—1817), генерал, с 1793 г. генерал-губернатор киевский, черниговский и новгород-северский, затем командующий войсками в Польше; в 1794 г., во время восстания в Варшаве, спасся бегством — 485, 486
- Иегова (библ.) — 217, 226, 283, 284
- Иеремия, пророк (библ.) — 278
- Иосиф II (1741—1790), соправитель Марии Терезии в 1765—1780 гг., император т. н. Священной Римской империи германской нации с 1780 г. — 341, 350, 367, 401, 428, 556, 565
- Ирвинг Уошингтон (Вашингтон) (1783—1859), америк. писатель-романтик — 429
- «Италия дель Пополо» («Народная Италия», «L'Italia del Popolo»), итальянская газета, основана Д. Маццини в Милане в 1848 г.; с 1851 по 1857 г. изд. в Генуе под названием «Italia e Popolo» — 339, 348, 556
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк и юрист, профессор Московского и Петербургского ун-тов, либеральный публицист — 329, 553

- «Письмо к издателю» — 329, 553, 555, 563
- Кавеньяк (Каваньяк) Луи Эжен (1802—1857), франц. генерал, военный диктатор в Июньские дни 1848 г. — 140, 143, 173, 176, 427, 526
- Каин (библ.) — 202, 434
- Калибан, действ. лицо в трагедии «Буря» В. Шекспира (см.)
- Каменный гость — см. А. С. Пушкин, «Каменный гость»
- Каменская, компаньонка Е. Р. Дашковой (см.) — 395
- Кампе (Campe) Юлий (1792—1867), с 1823 г. руководитель одного из крупнейших нем. издательств «Гофман и Кампе» в Гамбурге; издавал произведения Герцена — 301, 302, 545, 559
- Кант Иммануил (1724—1804) — 223, 233, 324, 552
- Капулетти — см. В. Шекспир, «Ромео и Джульетта»
- Кар, Василий Алексеевич (1730—180?), полковник, участник дворцового переворота 1762 г. — 387, 394
- Караваев — см. Кузьмин-Караваев Н.
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — 67, 74, 268, 538 — «Записка о древней и новой России» — 268, 538 — «Мнение русского гражданина» — 268, 538
- Карл Великий (ок. 742—814), франкский король, затем римский император с 800 г. — 363
- Карл V (1500—1558), император т. н. Священной Римской империи (1519—1555) и под именем Карла I — король Испании (1516—1556) — 148, 182, 527
- Карл VIII (1470—1498), франц. король с 1483 г.; в 1494 г. вторгся с войсками в Италию, изгнан в 1495 г. — 287
- Карл X (1757—1836), франц. король в 1824—1830 гг. — 426
- Карлейль (Carlyle) Томас (1795—1881), англ. писатель, историк и философ — 277, 278, 288, 430 — «История французской революции» (French Revolution, a history) — 278, 288
- Кастера (Castéra) Жан (1755—180?), франц. писатель — 20, 47, 116, 510, 519
- «История Екатерины II, Российской императрицы» («Histoire de Catherine II, impératrice de Russie») — 20, 47, 116, 510, 519
- Катерина Ивановна — см. Шаргородская Е. И.
- Катилина Луций Сергий (108—62 до н. э.), полит. деятель древнего Рима — 143, 176, 526
- Кауниц-Ритберг Венцель Антов (1711—1794), австрийский госуд. деятель и дипломат, с 1753 г. госуд. канцлер — 400, 401
- Кауфман Ангелика (Анжелика) (1741—1807), нем. художница — 400
- Каховский Петр Григорьевич (1797—1826), декабрист; повешен 13 июля 1826 г. — 91, 242, 254, 265, 299, 300, 360, 516, 536, 539, 544, 550
- Кейт (Кейтс, Keith), англ. посол в России с 1758 г. — 380, 383
- Кине (Quinet) Эдгар (1803—1875), франц. историк и публицист, мелкобуржуазный демократ; после 2 декабря 1851 г. эмигрант — 279, 280, 542
- «Революции в Италии» («Les Révolutions d'Italie») — 280, 542
- Киселев Павел Дмитриевич, граф (1788—1872), министр госуд. имущества (1837—1856) и посол в Париже (1856—1862) — 26, 53, 54, 105, 511
- Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869), главноуправляющий путями сообщения в 1842—1855 гг. — 360, 447, 567
- Клоотс (Клоц, Cloots) Анахарсис (настоящее имя Жан Батист) (1755—1794), деятель франц. революции конца XVIII в. — 243, 255, 535
- Княжнин Яков Борисович (1742—1791), поэт и драматург — 406, 562
- «Вадим Новгородский» — 406, 562
- Княжнина Екатерина Александровна (1717—1777), писательница, жена Я. Б. Княжнина — 406, 562
- Кожевников, участник «дела Спасского» (см.) — 458, 573

- Жок Шарль Поль де** (1794—1871), франц. буржуазный романист — 338, 468, 477
- «**Колокол**», газета, изд. Герценом и Огарёвым в Лондоне и Женеве в 1857—1867 гг. — 357, 358, 557, 566, 572
- Колумб** (Коломб) Христофор (1451—1506) — 142, 175, 287
- Конарский** Шимон (1808—1839), польский революционер, участник восстания в 1830—1831 гг.; с 1836 г. стоял во главе подпольной организации «Союз польского народа»; казнен царским правительством — 92, 516
- Константин VII Багрянородный** (Порфирородный, Porphyrogenetos) (905—959), византийский император с 913 г. — 165, 199
- Константин Николаевич**, великий князь (1827—1892), брат Александра II; управлял морским министерством в 1853—1881 гг. — 308
- Константин Павлович**, великий князь (1779—1831), брат Александра I — 130, 268, 379, 538, 539, 562
- Кормчие** книги, своды церковных правил и связанных с церковью госуд. узаконений, которые были приняты в греческой, русской и др. православных церквях — 429
- Корсаков**, фаворит Екатерины II — 373, 419
- Коссидьер** Марк (1808—1861), участник революции 1848 г. во Франции, — префект парижской полиции в феврале — мае 1848 г. — 465, 474
- Кофрен** (ошиб.) — см. Жоффрен М.
- Котошихин** (Кошихин) Григорий Карпович (ок.1630—1667), подьячий Посольского приказа; бежал в Швецию; автор памфлета «О России в царствование Алексея Михайловича» — 366
- Кочубей** Виктор Павлович, граф (1768—1834), дипломат и госуд. деятель, в 1802—1807 и 1819—1823 гг. министр внутренних дел, с 1827 г. председатель Госуд. совета и Комитета министров — 12, 39, 102, 510
- Котошихин** — см. Котошихин Г. К.
- Косчут** Лайош (1802 — 1894), вождь венгерского национально-освободительного движения; стоял во главе революции 1848—1849 гг. в Венгрии, затем эмигрант — 19, 47, 510, 576
- Крейдц** Киприан Антонович (1777—1850), генерал; принимал участие в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. — 485, 486, 580
- Кромвель** Оливер (1599—1658) — 427
- Крюков** Дмитрий Львович (1809—1845), профессор римской словесности и древностей в Московском ун-те; участник кружка Герцена 40-х гг. — 501, 575
- Кузьмин-Караваев** Н., офицер виленского гарнизона; руководил подготовкой побега Ш. Конарского (см.) в 1838 г. — 92, 516
- Купер** (Cooper) Фенимор (1789—1851) — 341, 350, 429
- Куракин** Алексей Борисович, князь (1759—1829), генерал-прокурор с 1796 по 1798 г., генерал-губернатор Малороссии с 1802 г., министр внутренних дел с 1807 по 1811 г. — 411
- Культюр** (Kulture) Гале де, франц. писатель — 246, 247, 258, 259, 318, 319, 501, 535, 550, 569 — «Царь Николай и Русь святая» («Le Tzar Nicolas et la sainte Russie») — 246, 247, 258, 259, 318, 319, 501, 535, 550, 570
- Кюстин** (Custine) Адольф, маркиз (1790—1857), франц. литератор, путешественник — 10, 37, 249, 261
- Кюхельбекер** Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт и драматург, декабрист — 494
- Лагарп** Жан Франсуа (1739—1803), франц. литературный критик, теоретик классицизма — 130, 510
- Ламаргин** Альфонс Мари Луи (1790—1869) — 439, 471, 480, 577
- Ламенне** (Ламене, Lamennais) Фелисите Робер (1782—1854), франц. аббат, полит. деятель и публицист, один из идеологов «христианского социализма» — 278

- Ланской Александр Дмитриевич (1754—1784), генерал-адъютант, фаворит Екатерины II с 1779 г.— 373, 403
- Ланской Сергей Степанович (1787—1862), министр внутренних дел в 1855—1861 гг.— 444, 446, 567
- Лаптев, полковник, родственник Е. Р. Дашковой — 409, 410
- Ларошжаклен (La Rochejaquelein) Анри Дюверже (1772—1794), один из руководителей вандейского контрреволюционного мятежа против франц. республики; убит в столкновении с войсками Конвента — 337
- Ласунский Михаил, капитан Измайловского полка, участник дворцового переворота 1725 г.— 384
- Ледрю-Роллен Александр Огюст (1808—1874) — 439, 443, 498
- Лелевель Иоахим (Юахим) (1786—1861), польский историк и полит. деятель, участник восстания 1830 г., один из руководителей демократического крыла польской эмиграции — 317, 454, 496, 501, 570
- Леметр Фредерик (1800—1876), франц. драматический актер, автор комедии о Робере Макере и исполнитель ее роли — 338, 510 — «Робер Макер» — 510; Робер Макер — 338, 468, 477, 510
- Леопольд II (1835—1909), бельгийский король с 1865 г.— 146, 180, 527
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 63, 68, 76, 80, 270, 328, 454, 456, 495, 496, 537, 539, 550, 570, 571
— «Демон» — 270, 493
- Леру (Leroux) Пьер (1797—1871), франц. социалист-утопист — 69, 77
- Леско Манон, действ. лицо в одноименном романе А. Прево (см.)
- Лжедмитрий I (Дмитрий Самозванец) (ум. 1606), занимал московский престол в 1605—1606 гг.— 19, 47, 107
- Лжедмитрий II (Тушинский вор) (ум. 1610), самозванец, ставленник Польши в 1607—1610 гг.; дошел с польскими войсками до с. Тушино, пытаясь осадить Москву — 19, 47, 107
- Линд Женни (Джени) (1820—1887) — шведская певица — 334, 555
- Линтон Вильям (1812—1897), англ. чартистский поэт, публицист и гравер, основатель журнала «The English Republic» (1851—1855) — 134, 141, 149, 163, 167, 174, 183, 197, 452, 507, 520, 522—525, 536, 569
- Липранди Иван Петрович (1790—1880), чиновник особых поручений при министре внутренних дел, агент тайной полиции, автор доносов на декабристов и петрашевцев — 246, 251, 259, 263, 536
- «Литературные листки», изд. в Петербурге в 1823 — 1825 гг. Ф. В. Булгариним (см.), в 1825 г. — в качестве приложения к журналу «Северный архив» — 456, 571
- Ловлас — см. С. Ричардсон, «Кларисса Гарлоу»
- Лодоиска, действ. лицо в романе «Жизнь и любовные похождения кавалера Фоблаза» Ж. Луве де Кувре (см.)
- Локк Джон (1632—1704) — 324, 551, 560
— «Опыт о человеческом разумении» — («An Essay concerning human understanding») — 370, 560
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — 362
- Лопухин Петр Васильевич, князь (1753—1827), госуд. деятель; генерал-прокурор (1798—1799), министр юстиции (1803—1810), с 1816 г. председатель Государственного совета и Комитета министров — 12, 39, 102, 411, 510
- Луве де Кувре (Луве, Louvet de Couvray) Жан Батист (1760—1797), франц. писатель, автор серии романов о Фоблазе — 338, 468, 477, 503
— «Жизнь и любовные похождения кавалера Фоблаза» («La vie et les amours du chevalier de Faublas») — 468, 477, 503; Фоблаз — 337, 338, 468, 476, 477, 555; Лодоиска — 337, 555; София — 337, 555
- Луи Бонапарт — см. Наполеон III
Луи Филипп (Людвик Филипп)

- (1773—1850), франц. король в 1830—1848 гг.— 267, 278, 426, 500, 511, 538, 564
- Лукиан (ок. 120 — после 180), древнегреческий писатель-сатирик — 468, 477
- «Любители русского слова» — см. «Собеседник любителей русского слова»
- Людовик XIV (1638 — 1715), франц. король с 1643 г. — 379
- Лютер Мартин (1483—1546) — 134, 168, 204, 278, 464, 465, 472, 474
- Люцифер (библ.) — 225, 234
- Магдалина (библ.) — 399, 469, 477
- Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Украины с 1687 г. — 18, 46, 111, 366
- Майборода, доносчик по делу декабристов — 368
- Макиер Робер, действ. лицо в одноименной комедии Б. Антье (см.) и Фр. Леметра (см.)
- Мальтус Томас Роберт (1766—1834) — 31, 59
- Мамонов — см. Дмитриев-Мамонов А. М.
- Мандт Мартын Мартинович (ум. 1858), лейб-медик Николая I, писатель — 265
- Марго, действ. лицо в пьесе «Мраморные девы» Т. Барьера (см.) и Л. Тибу (см.)
- Мария (библ.) — 283
- Мария Генриетта (р. 1836), королева Бельгии, жена Леопольда II с 1835 г., дочь австрийского эрцгерцога Иосифа — 180, 527
- Мария Р... — см. Рейхель М. К.
- Мария Федоровна (1759 — 1828), императрица, жена Павла I — 130, 392, 410, 411, 417
- Маркс (Ф. М., Marx) Френсис Джосиф (1816—1876), англ. землевладелец, публицист; сотрудничал в журнале «The Morning Advertiser» — 118—125, 519, 520
- «Марсельеза» — 464, 473
- Марта, действ. лицо в романе «Орас» Жорж Санд (см.)
- Массена Андрэ (1756—1817), генерал франц. республики, впоследствии наполеоновский маршал — 345, 355, 557
- Мастерман, лондонский банкир — 327
- Маццини Джузеппе (Иосиф) (1805—1872) — 297, 317, 339, 348, 430 438, 442, 455, 501, 525, 526, 528, 543, 549, 556, 570, 571
- Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788), генерал, с 1756 г. адъютант вол. кн. Петра Федоровича, в царствование Екатерины II — новороссийский губернатор, сенатор, с 1777 г. ярославский и вологодский генерал-губернатор — 379, 383
- Мельгунов Николай Александрович (1804—1867), литератор либерального направления в 40—50 годы; в 60-х годах сотрудничал в реакционном «Нашем времени» — 458, 553—555, 563, 573, 574
- «Права русского народа» — 458, 573
- «Приятельский разговор» — 458, 554, 573
- Меншиков Александр Данилович (1673—1729), госуд. деятель, сподвижник Петра I — 366, 367
- Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869), генерал-адъютант, адмирал; в 1853 г. возглавлял дипломатическую миссию в Константинополе; в 1853—1855 гг. главнокомандующий русскими вооруженными силами в Крыму — 129, 494, 495, 521
- «Меровингские рассказы» — см. О. Тьерри, «Рассказы о временах Меровингов»
- Милоралович Михаил Андреевич, граф (1771—1825), генерал, участник войн с Наполеоном, с 1818 г. петербургский генерал-губернатор — 318, 550
- Минин Козьма (Кузьма) Минич Захарьев-Сухорук (ум. 1616) — 138, 172, 495
- Миних Бурхардт Кристоф, граф (1683—1767), генерал-фельдмаршал, на русской службе с 1721 г.; в 1740 г. возглавил дворцовый переворот, арестовав Бирона (см.) — 367, 388
- Миньяр (Mignard) Пьер (1612—1695), франц. живописец — 468, 477
- Мирович Василий Яковлевич (1740—1764), подпоручик; казнен за попытку произвести дворцовый

- переворот в пользу Ивана VI Антоновича (см.) — 393, 561
 Митрофан (1623—1703), воронежский епископ — 294, 543
 Михаил Павлович, великий князь (1798—1848), сын Павла I — 411
 Мидкевич Адам (1798—1855) — 91, 98, 516
 Мишле (Michelet) Жюль (1798—1874), франц. историк — 132, 139, 172, 271, 277—290, 295, 297, 298, 307, 317, 339, 349, 430, 440, 501, 515, 526, 533, 534, 536, 540—544, 547, 570
 — «История Франции в XVI веке. Возрождение» («Histoire de la France au seizième siècle. Renaissance») — 271, 277—288, 540, 541, 544
 — «Реформация» («Réforme») — 286, 287, 542
 — «Польша и Россия. Северные легенды демократии» («Pologne et Russie. Légendes démocratiques du Nord») — 526, 547; «Легенда о Костюшко» («Légende de Kosciusko») — 288, 542; «Русские мученики» («Les martyrs russes») — 307, 547
 «Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, альманах, изд. в Москве в 1824—1825 гг. В. К. Кюхельбекером (см.) и В. Ф. Одоевским (см.) — 494
 «Мое детство» — см. Л. Н. Толстой, «История моего детства»
 Молюэтт Якоб (1822—1893), физиолог, представитель вульгарного материализма, род. в Голландии — 277
 — «Круговорот жизни» («Kreislauf des Lebens») — 277
 «Монитор» («Монитёр», «Moniteur») франц. правительственная газета — 242, 254, 529, 533
 Мономах — см. Владимир Мономах
 Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи, барон де Секонда (1689—1755) — 158, 191
 Монтекки — см. В. Шекспир, «Ромео и Джульетта»
 «Москва, 1846, марта 1» («Когда колокола торжественно звучат»), стихотворение А. Григорьева (см.)
 «Московский вестник», двухнедельный историко-философский и ли-тературно-критический журнал, изд. в 1827—1830 гг.; ред. М. П. Погодин — 318
 «Московский телеграф», двухнедельный научный и литературный журнал, изд. в 1825—1834 гг.; ред. Н. А. Полевой — 317, 318, 550
 «Московскому генерал-губернатору» — стихотворение, напечатанное в «Полярной звезде» на 1856 г. — 457, 572
 Мопарт Вольфганг Амадей (1756—1791) — 316, 549
 — «Волшебная флейта» — 316, 549
 Муравьев Александр Михайлович (1802—1853), декабрист, был осужден на 15 лет каторги; после сокращения ее срока в 1836 г. вышел на поселение — 128, 245, 258, 535
 Муравьев Александр Николаевич (1792—1863), декабрист; в 1819 г. вышел из тайной организации; в 1826 г. был сослан в Верхнеудинск. Вскоре стал иркутским городничим — 128, 245, 258, 535
 Муравьев Артамон Захарович (1794—1846), полковник, командир Ахтырского гусарского полка, декабрист; был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой; ввиду сокращения ее срока, с 1839 г. вышел на поселение — 128, 245, 246, 258, 535
 Муравьев-Апостол Ипполит Иванович (1805—1826), декабрист, участник восстания Черниговского полка; при разгроме его застрелился — 128, 245, 258, 535
 Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886), декабрист, участник восстания Черниговского полка; был приговорен к каторге с последующим оставлением на поселении в Сибири — 128, 245, 258, 535
 Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), видный деятель и идеолог движения декабристов; был приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 68, 75, 128, 245, 258, 535, 571
 Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826), подполков-

- ник, видный деятель движения декабристов; возглавил восстание Черниговского полка 29 декабря 1825 г.; повешен 13 июля 1826 г. — 80, 90, 92, 203, 207, 211, 242, 245, 254, 257, 258, 265, 299, 300, 360, 440, 493, 516, 535, 536, 539, 544, 550
- Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795—1862), с 1828 по 1845 г. попечитель Казанского учебного округа, в 1845—1856 гг. попечитель петербургского учебного округа, сенатор — 128, 314, 316, 548
- Мюнцер Томас (1490—1525) — 464, 472
- Набоков Иван Александрович (1787—1852), генерал-адъютант, комендант крепости в Петербурге; возглавил следственную комиссию по делу петрашевцев — 246, 259, 535
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821), франц. император с 1804 по 1814 и в 1815 г. — 67, 68, 74, 75, 108, 129, 130, 139, 157, 173, 190, 207, 211, 280, 298, 363, 368, 456, 466, 475, 528, 544, 557, 560, 565, 571, 579
- Наполеон III Луи* (Бонапарт) (1808—1873), франц. император с 1852 по 1870 г. — 131, 146—149, 166, 179—182, 200, 267, 268, 277, 278, 280, 296, 297, 306, 308, 339, 348, 471, 480, 491, 492, 500, 526, 527, 536, 538, 541, 544, 546, 577
- Наполеон Бонапарт, принц (1822—1891), сын Жерома Бонапарта (см.), генерал-лейтенант — 166, 200, 528
- Нарбонн-Лара (Нарбон, Narbonne Lara) Луи де, граф (1755—1813), франц. полит. деятель и дипломат, в 1810—1812 гг. адъютант Наполеона I — 298, 544
- «Народный сход» («27 февраля 1855 г. Народный сход в память переворота 1848 г. в St. Martins Hall, Long Acoes, в Лондоне»), брошюра — 492, 533, 534
- Нарышкин Лев Александрович (1733—1799), приближенный Петра III, с января 1862 г. — шталмейстер — 383
- «Насильственный брак» («Насильный брак»), стихотворение Е. П. Росточкиной (см.)
- Неккер Сюзанна (1739—1794), франц. писательница, хозяйка литературного салона — 396
- Нелидова Екатерина Ивановна (1756—1839), камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны (см.), фаворитка Павла I до 1798 г. — 392, 410
- Немезида (миф.) — 416
- Немур (Nemours) Людолик Шарль Филипп, герцог (1814—1896), сын Луи Филиппа, претендент на франц. престол, с 1848 по 1871 г. жил в Англии — 145, 179, 527
- Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68), римский император с 54 г. — 375, 564
- Никодим (библ.) — 83, 515
- Николай I (1796—1855), император — 12, 13, 18, 23, 26, 29, 30, 32, 40, 41, 46, 51, 54, 57, 58, 60, 68, 71, 75, 78, 81, 82, 85—87, 89—91, 94, 95, 103—106, 111, 114, 116—118, 120, 128, 129—132, 140, 141, 144—149, 151, 155, 157, 162—166, 173, 174, 178—182, 184, 188, 189, 191, 195—202, 204—214, 216, 235, 237, 239—248, 253—258, 260, 261, 265—269, 272, 274, 289, 291—294, 297, 299, 300, 306—308, 311, 315, 329, 331, 339, 342, 343, 348, 351—353, 363—366, 368, 379, 403, 405, 423, 424, 430, 432—434, 438, 446, 447, 452, 453, 455, 457, 485, 486, 491, 492, 494, 495, 510, 512, 514, 517, 518, 520, 526—528, 536, 537—539, 542, 544, 547, 548, 556, 559, 560, 563, 567, 568, 572
- «Николай и Русь святая» — см. Г. де Кюльтюр, «Царь Николай и Русь святая»
- Новосильцев, фаворит Екатерины II — 373
- Новосильцева, тетка М. И. Дашкова (см.) — 371, 372
- Номоканон, сборник норм византийского церковного права — 351, 556
- «Норд» («Север», «Le Nord»), газета, изд. в Брюсселе с июня 1855 до 1865 и в 1868—1871 гг.; субсидировалась русским прави-

- тельством — 344, 354, 359, 434, 447, 458, 557, 565, 573
- Норов Авраам Сергеевич (1795—1869), с 1850 по 1858 г. товарищ министра и министр народного просвещения — 446, 567
- Ньюкэстл (Newcastle) Генри Пельгам Финнес, герцог (1811—1864), англ. госуд. деятель, министр колоний; в 1854—1855 гг. управлял военным ведомством — 327
- Обольянинов Петр Хрисанфович (1753—1841), генерал-прокурор в 1800—1801 гг. — 410
- Овидий Публий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — 402
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 457, 459, 460, 501, 502, 537, 538, 549, 554, 568, 572—578
- «Русские вопросы. Статья первая» — 457, 537, 572
- Одоевский Владимир Федорович (1804—1869), писатель и музыковед; вместе с В. К. Кюхельбекером (см.) издавал альманах «Мнемозина» (1824—1825) — 494
- Омер-паша (1806—1871), австрийский офицер, переселившийся в Турцию; командующий турецкой армией на Дунае в первый период Крымской войны — 129
- Орас, действ. лицо в одноименном романе Жюль Санд (см.)
- Орлов Алексей Григорьевич, граф Чесменский (1737—1807), госуд. деятель, участник дворцового переворота 1762 г. — 105, 158, 191, 384, 385, 388, 390, 392, 393, 397, 413—416, 419, 561, 562
- Орлов Алексей Федорович, граф (1786—1861), государ. деятель и дипломат; пользовался особым доверием Николая I и Александра II, участвовал в подавлении восстания декабристов; в 1844—1856 гг. шеф жандармов и начальник III отделения, глава русской делегации на Парижском конгрессе 1856 г., с 1856 г. председатель Государственного совета и Комитета министров — 157, 163, 191, 197, 306, 495, 547, 567
- Орлов Григорий Григорьевич, граф (1734—1783), генерал-аншеф, участник дворцового переворота 1862 г., фаворит Екатерины II — 105, 373, 378, 381, 384, 385, 388—390, 392, 394, 397, 399, 400, 416
- Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, участник походов 1805—1807 гг. и Отечественной войны 1812 г., декабрист — 306, 547
- Орлов Федор Григорьевич, граф, (1741—1796), младший брат А. Г. и Г. Г. Орловых (см.), участник дворцового переворота 1762 г., после которого назначен обер-прокурором сената — 105, 385, 390, 397
- Орлова-Чесменская Анна Алексеевна, графиня (1785—1848), дочь А. Г. Орлова (см.); играла значительную роль при дворе Александра I, находясь под влиянием архимандрита Фотия (см.) — 413—416
- Ормузд (миф.) — 284
- Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич, граф (1790—1881), генерал-адъютант; участвовал в подавлении польского восстания 1831 г. и революции в Венгрии 1848—1849 гг.; в 1853—1854 гг. главный начальник над войсками и крепостями в Бессарабии и Херсонской губернии — 485, 486, 580
- Остерман Иван Андреевич, граф (1725—1811), дипломат, вице-канцлер (1775—1796), канцлер с 1796 г., с 1797 г. в отставке — 419
- Островский Александр Николаевич (1823—1886) — 316, 549, 564
- Оуэн Роберт (1771—1858) — 453
- Павел, апостол (библ.) — 284, 465, 469, 474, 478
- Павел I (1754—1801), император — 105, 130, 207, 211, 345, 355, 369, 371, 375, 376, 379—381, 392, 405, 408—411, 413, 539, 557, 559, 561, 562
- Пален Петр Алексеевич фон дер, граф (1745—1826), госуд. деятель, в 1798—1801 гг. петербургский военный губернатор, один из организаторов заговора против Павла I и дворцового переворота 1801 г. — 345, 355, 410, 557, 562

- Палеологи, последняя династия Византийских императоров, правившая с 1261 по 1453 г. — 165, 199
- Панин Виктор Никитич, граф (1801—1874), министр юстиции в 1841—1861 гг.— 446, 456, 511, 567, 571
- Панин Никита Иванович, граф (1718—1783), госуд. деятель и дипломат; принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г.; с 1760 по 1773 г. воспитатель Павла I; с 1763 г. возглавлял иностранную коллегию; выступил с проектом ограничения самодержавия путем учреждения «Постоянного императорского совета»—371, 379, 381, 382, 384—386, 392, 456, 571
- Панин Петр Иванович, граф (1721—1789), генерал-аншеф, участник Семилетней войны; руководил подавлением Пугачёвского восстания — 20, 47, 371
- Паоли Паскаль (1725—1807), полит. деятель Корсики, борец за ее независимость; в 1769—1790 гг. эмигрант в Англии — 396
- Паскевич-Эриванский Иван Федорович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал; в 1849 г. командовал русской армией, подавившей революцию в Венгрии — 266, 537
- Пассек Валдим Васильевич (1808—1842), этнограф и писатель, университетский товарищ Герцена, участник его студенческого кружка — 501, 574
- Пассек Петр Богданович (1736—1804), участник дворцового переворота 1762 г., затем генерал-губернатор в польских провинциях — 384, 385, 388, 562
- «Переписка Н. Гоголя с Белинским» — см. В. Г. Белинский, «Письмо к Гоголю» и Н. В. Гоголь, «Письма к В. Г. Белинскому»
- «Переписка с друзьями» — см. Н. В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»
- Перовский Лев Алексеевич, граф (1792—1856), министр внутренних дел в 1841—1852 гг.—30, 58, 105, 116, 248, 261
- Перро (Perrault) Шарль (1628—1703), франц. писатель, автор сказок
- «Золушка»; Сандрильона — 112
- «Синяя борода»; Рауль Синяя Борода — 128
- Перун (миф.) — 206, 210
- Пестель Павел Иванович (1793—1826) — 68, 75, 80, 81, 90, 92, 128, 203, 207, 211, 242, 245, 249, 254, 257, 262, 265, 290, 296, 299, 300, 360, 440, 493, 516, 535, 536, 539, 544, 550
- Петр, апостол (библ.) — 469, 478
- Петр I (1672—1725), император — 11, 12, 18, 30, 38, 39, 46, 58, 67, 70, 74, 78, 101—103, 111, 114, 129, 137, 139, 142, 150, 151, 155, 157, 158, 162, 163, 170, 172, 175, 184, 185, 188, 190, 192, 195, 196, 206, 210, 245, 257, 266, 309, 342—346, 352 — 356, 362, 364 — 369, 386, 400, 401, 406, 415, 432, 434, 470, 478, 494, 523, 526, 543, 550, 559
- Петр III (1728—1762), император — 102, 105, 108, 158, 163, 191, 197, 207, 211, 369, 371, 373—375, 378 — 384, 386 — 393, 408, 413, 415, 419, 510, 513, 527, 528, 562
- Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821—1866) — 69, 77, 82, 128, 131, 246, 259, 267, 513, 521, 535
- Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885), поэт, профессор греческой филологии в Моск. ун-те в 1835—1836 гг., затем эмигрант; впоследствии принял монашество — 63
- «Поликрат Самосский» — 270
- «Торжество смерти» — 270, 493
- Пий IX (граф Джованни Мария Матаи Ферретти) (1792—1878), римский папа с 1846 г.— 146, 180, 126, 455, 571
- Пиль (Peel) Роберт (1788—1850), англ. госуд. деятель, лидер консервативной партии, в 1812—1818 гг. статс-секретарь по делам Ирландии, в 1834—1835 и 1841—1846 гг. премьер-министр — 427
- «Письмо к издателю», статья К. Д. Кавелина (см.) и Б. Н. Чичерина (см.)
- Пожарский Дмитрий Михайлович,

- князь (1578 (?) — 1642 (?) — 269, 495
- Полежаев Александр Иванович (1804—1838), поэт — 63, 454, 550
- Политковский Александр Гаврилович (ум. 1853). с 1839 г. директор канцелярии Инвалидного комитета; растратил 1 100 000 инвалидных сумм — 308, 360, 558
- Полоний — см. В. Шекспир, «Гамлет»
- Полянская (рожд. гр. Воронцова) Елизавета Романовна (1745—1792), фаворитка Петра III, сестра Е. Р. Дашковой — 373, 374, 378, 387, 388, 390, 397, 561
- Поль де Кок — см. Кок Ш. П.
- «Польский демократ» («Demokrata Polski»), журнал польских полит. эмигрантов, изд. в Лондоне в 1853—1860 гг.; ред. В. Лондини—65, 72, 206, 210, 440, 511—513, 515, 520, 529
- «Полярная звезда», литературный альманах, изд. ежегодно в Петербурге в 1823—1825 гг. К. Ф. Рылевым и А. А. Бестужевым — 265, 295, 494, 537, 549
- «Полярная звезда», литературные и общественно-политические сборники, изд. ежегодно в Лондоне в 1855—1862 гг. и в Женеве в 1869 г. Герценом, с 1856 г. совместно с Огаревым—265, 270, 271, 275, 276, 286, 288—290, 295—297, 306, 314—319, 330, 340, 349, 357, 359, 360, 424, 444, 454, 456—458, 493, 496—498, 501, 507, 524, 536—550, 552, 553, 557, 559, 562—564, 565, 567, 569—573, 577, 579
- Понятовский Станислав Август (1732—1798), польский магнат; в 1755—1758 гг. жил в Петербурге, в качестве секретаря английского посольства, затем посла Саксонии и Речи Посполитой; фаворит Екатерины II: в 1764—1795 гг. польский король — 373
- Порфиروهет — см. Константин VII Багрянородный
- Потемкин Григорий Александрович, князь (1739—1791), генерал-фельдмаршал, госуд. деятель, с 1774 г. фаворит Екатерины II — 373, 399, 401—404, 410
- Прево д'Экзиль (Prévost d'Exiles) Антуан Франсуа (1697—1763), франц. писатель, аббат — 338
- «Манон Леско» («Histoire du chevalier De Grieux et de Manon Lescaut»); Манон Леско — 338
- «Пресса» («La Presse»), франц. ежедневная газета, основанная Жирарденом; выходила в Париже в 1836—1866 гг.— 279
- Протей (миф.) — 148, 181
- Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — 69, 77, 277—279, 297, 317, 339, 349, 430, 496, 501, 541, 543, 549, 570
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — 13, 19, 20, 41, 47, 83, 84, 107, 108, 131, 164, 198, 207, 211, 236, 238, 248, 261, 366, 451, 510, 518, 529, 532, 548
- Пульский Ференц (1814—1897), участник венгерской революции 1848 г., писатель; эмигрировал в Англию — 501
- Пус Том, карлик — 334, 335, 555
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 63, 68, 75, 80, 108, 265, 270, 292, 295, 316—318, 327, 412, 454, 456, 496, 510, 518, 537, 539, 549, 550, 559, 561, 562, 570, 571, 579
- «Вакхическая песня» — 265, 317, 480, 481, 537, 549
- «В Сибирь» — 456, 570
- «Гавриилиада» — 270, 493
- «Деревня» — 270, 456, 571
- «Евгений Онегин» — 270, 292, 542
- «История Пугачева» — 20, 47, 108, 510, 518
- «Каменный гость»; статуя Командора — 128
- «К вельможе» — 412, 562
- «Кинжал» — 270
- «Наполеон» — 456, 480, 481, 571, 579
- «Ода на свободу» — 270
- «О муза пламенной сатиры!» — 456, 571
- «Послание к Чаадаеву» («Чаадаев, помнишь ли бывшее...») — 318, 550
- «Христос воскрес, питомец Феба!» — 456, 571
- Пушкин, поручик лейб-кирасирского полка, участник дворцового переворота 1762 г.— 386

- Р... Мария — см. Рейхель М. К.
- Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — 406, 560, 562
- «Путешествие из Петербурга в Москву» — 406, 562
- Разин Степан Тимофеевич (казнен в 1671 г.) — 19, 47, 107, 248, 260
- Разумовский Алексей Григорьевич, граф (1709—1771), фельдмаршал, фаворит императрицы Елизаветы Петровны — 111, 371, 518, 561
- Разумовский Кирилл Григорьевич, граф (1728—1803), фельдмаршал, последний гетман Украины (1750—1764), брат А. Г. Разумовского (см.); принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г. — 111, 371, 381—384, 389, 518, 561
- «Рассказы Охотника» — см. И. С. Тургенев, «Записки охотника»
- Ребиндер Василий Михайлович (1730—18??), ш алмейстер при дворе Екатерины II в 1786—1796 гг. — 404
- «Ревизор», комедия Н. В. Гоголя (см.)
- Рейхель Мария Каспаровна (1823—1916), близкий друг семьи Герцена — 133, 509, 512, 517, 521, 522, 527, 532—534, 545, 547, 551, 555, 564, 566, 569, 575, 578
- «Реформа» («La Réforme»), франц. газета, орган левых республиканцев, изд. в Париже с 1843 по 1850 г. — 289
- Рибас де — см. Дерibas О. М.
- Ричардсон (Richardson) Самюэл (1689—1761), англ. писатель — 333
- «Кларисса Гарлоу, или История молодой леди» («Clarissa Harlowe or The History of a young Lady»); Ловлас — 333
- Робертсон Вильям (1721—1793), англ. историк, с 1764 г. королевский историограф Шотландии — 397, 398
- Робеспьер Максимилиан Мари Изидор (1758—1794) — 247, 259, 531
- Розенталь И., в 1856г. приговорен к пятнадцати годам ссылки в Сибирь за распространение прокламаций среди крестьян Киевской губ. — 444, 567
- Романовна — см. Полянская Е. Р.
- Романовы, династия русских царей и императоров; правила с 1613 по 1917 г. — 13, 19, 32, 40, 47, 60, 91, 107, 518, 527
- Рославлев Николай Иванович (1724—1785), премьер-майор Измайловского полка, участник дворцового переворота 1762 г., затем генерал-поручик, с 1765 г. — в отставке — 384
- «Российский Феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений», сборники русских пьес XVIII в., изд. при Петербургской академии наук в 1786—1794 гг., ред. Е. Р. Дашкова (см.) — 562
- Ростопчин Федор Васильевич, граф (1763—1826), генерал-адъютант и фаворит Павла I; впоследствии московский военный губернатор и главнокомандующий в Москве в 1812—1814 гг. — 392, 561
- Ростопчина Евдокия Петровна, графиня (1811—1858), писательница — 457, 572
- «Насильный брак» — 457, 572; Старый барон — 457
- Ротшильд Лионель, барон (1808—1879), банкир в Лондоне — 109, 522
- Рошфор (Rochefort-Lucay) Клод Луи Мари де (1790—1871), франц. драматург, соавтор Габриэля в создании пьесы «Жоко, или Бразильская обезьяна» — 531
- «Жоко, или Бразильская обезьяна» («Joko ou le Singe du Brésil») — 531; Жоко — 224, 233, 531
- Румянцев Петр Александрович, граф (1725—1796), полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал — 404, 405
- «Русские голоса» — см. «Голоса из России»
- «Русский бог», стихотворение П. А. Вяземского (см.)
- Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) — 224, 233, 376, 395, 465, 474, 531
- «Эмил, или О воспитании» («Emille ou de l'Education») — 465, 474
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — 63, 80, 91, 203, 242, 254, 265, 272, 273, 295, 296,

- 299, 300, 318, 360, 444, 456, 494, 495, 516, 536, 537, 539, 544, 549, 550, 566, 571
- «Видение. Ода на день тезоименитства его императорского высочества вел. кн. Александра Николаевича 30 августа 1823» — 272, 273, 318, 456, 495, 539, 570
- «Гражданское мужество» — 456, 571
- «Стансы» — 444, 566
- Рюльер де (de Rulhière) Клод Карломан (1735—1791), франц. историк и дипломат, в 1760—1762 гг. секретарь франц. посольства в Петербурге — 396, 561
- «История или анекдоты по поводу революции в России в 1762 г.» («Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762») — 396, 561
- Рюрик (ум. 879), по летописному преданию родоначальник русской княжеской династии Рюриковичей, с 862 г. князь Новгородский — 9, 36, 138, 171, 268
- Сазонов Николай Иванович (1815—1862), участник студенческого кружка Герцена и Огарева, впоследствии эмигрант, публицист — 236, 238, 314, 315, 501, 531, 548, 549, 570
- «Место России на Всемирной выставке» — 315, 501, 549, 570
- «Родной голос на чужбине. Русским военнопленным во Франции» («Aux prisonniers russes en France») — 236, 238, 314, 532, 548
- Салтыков Сергей Васильевич (р. 1726), дипломат, фаворит Екатерины II в 1753—1754 гг., с 1755 г. посланник в Гамбурге, затем Париже, Дрездене и при других европейских дворах — 373
- Салтыков Иван Петрович, граф (1730—1805), с 1784 г. генерал-губернатор владимирский и костромской, с 1796 г. киевский губернатор, фельдмаршал — 406
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), публицист и общественный деятель; славянофил — 292, 542
- «О мнениях «Современника» политических и литературных» — 292, 542
- Самарина, жена чиновника канцелярии М. И. Воронцова (см.) — 370
- Самойлов Александр Николаевич, граф (1744—1814), госуд. и военный деятель, с 1792 по 1796 г. генерал-прокурор и госуд. казначей — 400, 401, 406, 407, 408
- Самойлова Екатерина Сергеевна, графиня (1763—1830), статс-дама при дворе Екатерины II — 404
- Санд Жорж — см. Жорж Санд
- Сандрильона — Золушка, действ. липо в одноименной сказке Ш. Перро (см.)
- «Санкт-Петербургские ведомости», ежедневная газета, официальный правительственный орган, изд. в Петербурге с 1728 по 1917 г.; до 1874 г. при Академии наук — 486, 537, 551, 554, 555, 580
- Санчо Панса — см. М. Сервантес де Сааведра, «Хитроумный гидальго Дон Кихот Ламанчский»
- Саффи Аурелио (1819—1890), итальянский революционер, один из триумвиров в Риме в 1849 г., в 1850—1860 гг. эмигрант — 501, 533, 570
- «Северная пчела», реакционная политическая и литературная газета, изд. в Петербурге в 1825—1864 гг.; ред. до 1860 г. Ф. В. Булгарин, с 1831 г. совместно с Н. И. Гречем — 359, 447, 557, 572
- «Северный архив», двухнедельный журнал, изд. в Петербурге с 1822 по 1828 г.; ред. Ф. В. Булгарин, с 1825 г. совместно с Н. И. Гречем — 456, 571
- Сегюр Луи Филипп де, граф (1753—1830), франц. дипломат и писатель — 410, 510
- Сей Жан Батист (1763—1832), франц. буржуазный экономист — 31, 59
- Семирамида, легендарная царица Ассирии — 20, 47
- Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.), древнеримский философ-стоик, полит. деятель, писатель — 427, 565
- Сей-Симон Аври Клод де Рувруа

- (1760—1825) — 25, 53, 69, 77, 113, 224, 233, 513, 519
- Сервантес Мигель де Сааведра (1547—1616)
— «Хитроумный гидальго Дон Кихот Ламанчский»; Санчо Панса — 464, 473
- Серовский, участник польского восстания 1831 г. — 485, 486
- Сигизмунд III Ваза (1566—1632), польский король с 1587 г. и шведский король в 1592—1604 гг. — 138, 171
- Синяя Борода Рауль — см. Ш. Перро, «Синяя Борода»
- Скавронский А., в 1856 г. сослан в Сибирь за распространение прокламаций среди крестьян Киевской губ. — 444, 567
- Скотт Вальтер (1771—1832) — 326
- Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), книготорговец и издатель, с 1825 г. владелец книжного магазина, библиотеки и типографии в Петербурге — 95
- Смит Адам (1723—1790) — 397
- Смит (Smith) Альберт (1816—1860), англ. журналист, в 1851 г. поднялся на вершину Монблана — 321, 551
- «Собеседник любителей Российского слова», ежемесячный журнал, орган Российской академии, изд. в Петербурге в 1783—1784 гг. Ред. Е. Р. Дашкова — 402, 403, 562
- «Соборное уложение» 1649 г. («Уложение царя Алексея Михайловича»), свод законов Русского государства, утвержден в 1649 г. — 429, 565
- «Современник», журнал, изд. в Петербурге в 1836—1866 гг.; ред. с 1847 г. Н. А. Некрасов, до 1862 г. совместно с И. И. Панаевым — 275, 540, 542, 549
- Сократ (469—399 до н. э.) — 333
- Соломон (библ.) — 285
- София, жена Фоблаза, действ. лицо в романе «Жизнь и любовные похождения кавалера Фоблаза» Ж. Луве де Кувре (см.)
- Спаский, московский обер-секретарь — 458, 573
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), госуд. деятель, до 1812 г. пользовался особым доверием Александра I, вырабатывал план общих госуд. преобразований, — 268, 513, 538
- «Введение в уложение государственных законов» — 268, 538
- Спренгер, нем. монах — 285, 286
- «Млат колдовства» — 285, 286
- Сталь (Стааль) Луиза Жермен (1786—1817), франц. писательница, — 368, 560
- Стефан Душан Сильный (ок. 1308—1355), сербский король с 1336 г. и затем первый царь Сербии с 1346 г. — 137, 170, 526
- Строганов (Строгонов) Александр Сергеевич, граф (1733—1811), доверенное лицо императрицы Елизаветы Петровны и Екатерины II, с 1762 г. камергер, с 1775 г. сенатор, с 1800 г. президент Академии Художеств и директор Публичной библиотеки — 381
- Стюарты (Стуарты, Stuart, Stewart), королевская династия, правившая в Шотландии с 1371 г. и в Англии с 1603 г. — 322, 552
- Суворов Александр Аркадьевич, князь (1804—1882), внук А. В. Суворова, был близок к декабристским кругам, сослан в Кавказскую армию; с 1848 по 1861 г. лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор — 268
- Суворов Александр Васильевич, князь Итальянский (1730—1800) — 268
- Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1871), военный министр в 1856—1861 гг., генерал-адъютант — 446, 563, 567
- Сципион Публий Корнелий Африканский (ок. 235—183 до н. э.), древнеримский полководец периода пунических войн — 292
- Сэй — см. Сей Ж. Б.
- «Таймс» («Времена»; «Теймс», «Times») англ. ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1785 г. — 435, 551
- Таланье Альфред (1822—1890), франц. адвокат, участник революционного движения в 1848—1849 гг., эмигрант — 454, 533, 569, 570

- «Нет социализма без республики» — 454, 569, 570
- Талызин Александр Федорович, капитан гвардейского Семеновского полка, участник дворцового переворота 1762 г., впоследствии тайный советник — 386
- Тамберлик Энрико (1820—1889), итал. певец — 327
- Тараканова, «княжна» (наст. имя неизвестно) (ум. 1775), политическая авантюристка; выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны; арестована в 1775 г. в Ливорно гр. А. Г. Орловым (см.), умерла в Петропавловской крепости — 393, 561
- Теба, графиня — см. Евгения Теккерей Вильям (1811—1863) — 327
- «Ярмарка тщеславия» («Vanity fair») — 327
- «Телеграф» — см. «Московский телеграф»
- Телеки Сандор, граф (1821—1892), венгерский полит. деятель, участник революции в Венгрии; в 1849 г. эмигрировал в Англию — 501, 530, 570
- «Телескоп», литературно-общественный журнал, изд. в Москве в 1831—1836 гг.; ред. Н. И. Надеждин — 317, 550, 570
- Тенгоборский Людвиг Валерианович (1793—1857), экономист, член Государственного совета с 1848 г., председатель Тарифного комитета с 1850 г. — 445, 509, 567
- Тень, действ. лицо в трагедии «Гамлет» В. Шекспира (см.)
- Тень Банко — см. В. Шекспир, «Макбет»
- Теплов Григорий Николаевич (1711—1779), госуд. деятель, участник дворцового переворота 1762 г., секретарь Екатерины II в 1762—1763 гг., с 1775 г. сенатор — 387, 394
- Тибу (Thiboust) Ламбер (1827—1868), франц. драматург, соавтор Т. Барьера (см.) в создании пьесы «Мраморные девы» — 338, 555
- «Мраморные девы» («Les filles du marbre») — 338, 555; Марго — 338, 468, 477, 555
- Тимашев-Беринг Алексей Александрович (1812—1872), генерал-майор, с 1845 по 1849 г. полицмейстер в Москве, в 1851—1854 гг. вице-губернатор, с 1854 по 1857 г. обер-полицмейстер там же — 457, 572
- Тимм, книгопродавец в Лондоне — 236, 238
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — 316, 549, 573
- «История моего детства» — 316, 549
- «Как восьмого сентября» — 458, 573, 574
- «Как четвертого числа» — 458, 573, 574
- Тотleben Эдуард Иванович, граф (1818—1884), военный инженер-фортификатор, руководитель инженерных работ в период обороны Севастополя 1854—1855 гг., генерал-адъютант — 446, 567
- Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1749—1829), с 1793 г. статс-секретарь, с 1796 г. сенатор, в 1802—1806 гг. министр уделов, в 1814—1817 гг. министр юстиции — 407
- Трубецкой Никита Юрьевич, князь (1700—1767), госуд. деятель, с 1740 г. генерал-прокурор сената, с 1756 г. генерал-фельдмаршал — 379, 561
- Трубецкой, князь, помещик Орловской губернии — 22, 23, 50, 51, 511
- Трюбнер Николай (1817—1884), англ. издатель и библиограф, издавал произведения Герцена — 236, 238, 316, 358, 454, 493, 496, 501, 522, 559
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 316, 423—427, 430, 431, 436, 469, 478, 553, 555, 563—564, 578
- «Записки охотника» — 316, 578; «Бурмистр» — 469, 478, 578
- Тургенев Николай Иванович (1789—1871), декабрист, с 1724 г. жил за границей; заочно приговорен к вечной каторге; экономист — 12, 40, 102, 509, 510, 513, 518
- «Россия и русские» («La Russie et les russes») — 12, 39, 102, 509, 510; «Политический и социальный очерк России» («Tableau

- politique et social de la Russie) — 509
- Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна (1829—1913) — 460, 574, 575
- Тушинский вор — см. Лжедмитрий II
- Тхоржевский Станислав, польский эмигрант, владелец книжной лавки в Лондоне; обслуживал книги польскую эмиграцию — 94
- Тьерри (Тьери, Thierry) Огюстен (1795—1856), франц. историк, один из создателей буржуазной теории классовой борьбы — 98, 278, 518
- «Рассказы о временах Мерovingов» — 278
- Уильмот Катрин — см. Вильмот К.
- Уильмот Мэри — см. Вильмот М.
- «Уложение царя Алексея Михайловича» — см. «Соборное уложение»
- Феб (миф.) — 456, 571
- Фейербах Людвиг (1804—1872) — 279
- Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н.э.), госуд. деятель и полководец древних Афин — 319, 550
- Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651—1715), франц. писатель и педагог, один из предшественников Просвещения XVIII в. — 277
- Фергюсон (Фергусон, Fergusson) Джемс (1710—1776), шотландский математик и астроном — 397
- Фердинанд I (1793—1875), австрийский император в 1835—1848 гг. — 86, 426, 515, 564, 565
- Фердинанд II (1810—1859), король Обеих Сицилий (неаполит. король) с 1830 г. — 96, 131, 145, 179, 344, 353, 434, 517, 518, 527, 556, 565
- Филанжери (Filangieri) Гаetano (1752—1788), итал. юрист и публицист — 405
- Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1782—1867), московский митрополит с 1826 г. — 299
- Филиппов Тертий Иванович (1825—1899), публицист славянофильского направления — 424, 564
- Ф. М. — см. Маркс Ф.
- Фоблаз (Фоблас), действ. лицо серии романов Ж. Луве де Кувре (см.)
- Фогт Карл — см. Фохт К.
- Фома, апостол (библ.) — 221, 231, 531
- Фонвизин Денис Иванович (1744—1792) — 402
- Фотий (Спасский Петр Никитич) (1792—1838), архимандрит, настоятель новгородского Юрьевского монастыря — 416
- Фохт (Фогт, Vogt) Карл (1817—1895), нем. естествоиспытатель, участник революции 1848 г.; эмигрировал в Швейцарию; с 1852 г. профессор Женевского университета — 277
- Франклин Вениамин (1706—1790) — 464, 473
- Франсиа Хосе Гаспар Родригес де (ок. 1766—1840), с 1814 г. диктатор Парагвая — 157, 190, 527, 528
- Франц-Иосиф I (1830—1916), австрийский император с 1848 г. — 145, 146, 179, 180, 266, 267, 515, 527, 538, 565
- Фридрих II (1712—1786), прусский король с 1740 г. — 157, 190, 345, 354, 367, 380, 382, 401
- Фридрих-Вильгельм I (1688—1740), прусский король с 1713 г. — 157, 190, 527
- Фридрих-Вильгельм IV («гогенцолернский дяденька») (1795—1861), прусский король с 1840 г.; с 1858 г. ввиду его слабоумия, королевством управлял его брат Вильгельм — 251, 264, 267, 426, 434, 536, 556, 565
- Фурье Шарль (1772—1837) — 224, 233, 531
- «Новый промышленный и общественный мир, или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях» («Le nouveau monde industriel et sociétaire ou invention du procédé d'industrie attrayante et naturelle distribuée en séries passionnées») — 224, 233, 531
- Фуше Жозеф (1759—1820), министр полиции в период Директории, Консульства и Империи; неодно-

- кратно изменял Наполеону, англ. шпион — 469, 478
- Харун-ар-Рашид (Гарун-аль-Рашид) (763—809), арабский халиф с 786 г. — 95
- Херст и Блекет (Герст и Блекет, Hurst and Blacket), англ. издательство — 301—304
- Хитрово (Хитров) Федор Алексеевич, секунд-ротмистр конного полка, участник дворцового переворота 1762 г.; выслан из столицы за выражение недовольства против Г. Г. Орлова (см.) — 394
- Христос Иисус (библ.) — 83, 221, 231, 283, 485, 486, 531, 537
- Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) — 321, 363, 551
- «Цивилизованный помещик» — см. «Бурмистр» из «Записок охотника» И. С. Тургенева
- Циперон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — 143, 176, 402, 526
- Цынский Лев Михайлович, генерал-майор, в 1834 — 1845 г. обер-полицмейстер Москвы — 159, 193, 528
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — 305, 318, 501, 546, 570 — «Философическое письмо» — 501, 546, 570
- Чаттертон (Чатертон, Chatterton) Томас (1752—1770), англ. поэт — 363, 560
- Челищев Алексей Богданович (1744 — 1806), с 1757 г. паж при дворе, затем сержант гвардии, впоследствии сенатор — 374
- Чернецкий Людвиг, польский эмигрант, заведовал Вольной русской типографией в Лондоне — 236, 238, 313, 493, 511
- Чернышев Александр Иванович, князь (1785—1857), член следственной комиссии по делу декабристов 1826 г., военный министр в 1832—1852 гг., председатель Госуд. совета с 1848 г. — 360
- Чертков Евграф Александрович (ум. 1797), гвардейский офицер, участник дворцового переворота 1762 г. — 384
- «Четы-Минеи», церковно-религиозные сборники, преимущественно жития святых — 437
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), государствовед, профессор Московского ун-та, либеральный публицист — 329, 553, 573 — «Письмо к издателю» — 329, 553
- Шамбор (Chambord) Анри Генрих, граф, гердог Бордоский (1820—1883), внук Карла X, претендент на франц. престол под именем Генриха V — 145, 179, 527
- Шампольон (Champollion) Жан Франсуа (1790—1832), основатель египтологии — 321, 551
- Шарлотта — см. В. Гёте, «Страдания юного Вертера»
- Шаргородская Екатерина Ивановна, горничная Екатерины II — 376, 377, 385
- Шварценберг Феликс Иоганн Фридрих, князь (1800—1852), премьер-министр и министр иностранных дел Австрии с 1848 г. — 267, 538
- Шекспир Вильям (1564—1616) — 326, 392, 561, 566 — «Буря»; Калибан — 28, 56, 224, 233 — «Гамлет», Гамлет — 442, 499, 561, 566; Полоний — 399, 561; Тень — 442, 499, 566 — «Макбет»; тень Банко — 207, 211 — «Ромео и Джульетта»; Капулетти — 143, 176; Монтеки — 143, 176; Ромео — 338, 468, 477, 555
- Шела, руководитель крестьянского движения в Галиции в 1846 г. — 86, 515
- Шеню (Chenu) Адольф (р. ок. 1817), член тайных обществ в период Июльской монархии; разоблачен как провокатор в 1848 г. — 146, 179, 469, 478, 527, 578 — «Заговорщики, тайные общества, городская полиция при Коссидьере, добровольцы» («Les conspirateurs; les sociétés secrètes, la préfecture de police sous Caus-sidière, les corps francs») — 469, 478, 578
- Шенц, франц. полицейский агент; был командирован в Швейцарию для наблюдения за франц. полит. эмигрантами — 469, 478, 578

- «Мои политические приключения в Швейцарии» («Mes aventures politiques en Suisse») — 469, 478, 578
- Шервуд-Верный Иван Васильевич (1798—1867), первый доносчик по делу декабристов, впоследствии постоянный агент III отделения — 368
- Шереметьев Василий Александрович (1790—1862), мценский уездный предводитель дворянства (1830—1833), орловский губернский предводитель дворянства (1833—1838), с 1843 по 1847 г. товарищ министра юстиции — 23, 51, 511
- Шестов Андрей Петрович (1783—1847), коммерции советник, купец первой гильдии, городской голова Москвы с 1843 г.—159, 193, 528
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805)— 277, 357, 557
- «Песня о колоколе» — 357, 557
- Шкурин Василий Григорьевич (ум. 1782), камердинер Екатерины II с 1751 г., впоследствии камергер и сенатор — 385
- Шкурина, жена В. Г. Шкурина (см.) — 385
- Шнеф (ошибочно) — см. Шепп
- Штелин (Stäblin) Якоб (1712—1785), работал в России с 1735 г.; с 1738 г. проф. «элоквенции и поэзии» и член Академии наук — 402
- Шувалов Иван Иванович, граф (1727—1797), госуд. деятель, «куратор» Моск. ун-та, фаворит императрицы Елизаветы Петровны — 369, 371
- Шувалов Петр Андреевич, граф (1827—1889), с 1857 по 1860 г. петербургский полицмейстер, в 1866—1874 гг. шеф жандармов — 445, 567
- Щербинин, бригадир, с 1775 г. муж Н. Дашковой (см.) — 397, 405, 407, 408)
- Эвклид (Евклид) (III в. до н. э.), древнегреческий математик — 152, 186
- Эйлер (Euler) Леонард (1707—1783), математик, астроном и физик, работал в России в 1727—1741 и 1766—1783 гг., член Петербургской академии наук с 1766 г.— 402, 497
- Энгельсон Владимир Аристович (1821—1857), русский публицист, эмигрант — 253, 270, 532, 534, 538, 548, 549, 579
- «Второе видение святого отца Кондратия» — 236, 238, 314, 315, 532, 548
- «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому шлет низкий привет» — 236, 238, 314, 532, 548
- «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому вторично шлет низкий поклон» — 236, 238, 314, 532, 548
- «Первое видение святого отца Кондратия» — 236, 308, 314, 532, 548
- «Что такое государство?» — 270, 315, 538, 549
- Юлиан Отступник (331—363), римский император с 361 г.— 318
- Юм Давид (1711—1776) — 223, 233, 324, 552
- Юпитер (миф.) — 284
- Юшневский Алексей Петрович (1786—1844), генерал-интендант, декабрист; пробыл на каторге до 1839 г., затем на поселении — 245, 246, 258, 535
- Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846), отец А. И. Герцена — 239, 240, 543
- Ян III Собеский (1624—1696), польский король с 1674 г.; руководил разгромом турецкой армии под Веной в 1683 г.— 87, 516

«L'Assemblée Nationale» («Национальная Ассамблея»), франц. реакционная газета, изд. в Париже, в 1848—1857 гг. с пе-

рерывами, ред. А. де Лавалет — 145, 179

«Brieft aus Italien» — см. А. И. Герцен, «Письма из Италии»

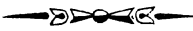
- «De l'entendement» (ошиб.) — см. Д. Локк, «Опыт о человеческом разумении»
- «Demokrata Polski» — см. «Польский Демократ»
- «The Earth and Man or Physical Geography in its relation to the history of Mankind» — см. А. Гюйо, «Земля и человек, или Физическая география в ее отношении к истории человечества»
- «The English Republic» («Английская республика»), англ. журнал, изд. в Лондоне в 1851—1855 гг.; ред. В. Линтон (см.) — 491, 520, 522, 523, 524, 528, 568
- «La Fusion» («Соединение»), франц. газета; субсидировалась русским правительством — 145, 179
- «The Globe» («Глобус»), англ. газета, изд. в Лондоне с 1803 по 1921 г. — 301—304, 544, 545
- Guyot — см. Гюйо А.
- «Histoire du veritable Gribouille» — см. Ж. Санд, «Грибуль»
- «L'Homme» («Человек»), еженедельная газета франц. эмигрантов в Англии, изд. с 30 ноября 1853 г. до 23 августа 1856 г.; ред. Ш. Риберойль — 461, 485, 486, 502, 507, 508, 515, 522, 528, 533, 536, 543, 575, 576, 579
- «L'Indépendance Belge» («Независимость Бельгии»), бельгийская газета, под этим названием изд. в Брюсселе с июля 1843 г. — 458, 573
- «L'Italia del Popolo» («Народная Италия») — см. «Италия дель Пополо»
- «Journal de St. Petersburg», газета царского правительства, изд. в Петербурге на франц. языке с 1813 г. — 485, 530
- «Kölnische Zeitung» («Кельнская газета»), нем. газета, под этим названием изд. с 1802 г.; ред. И. Дюмонт, затем Ф. Шульце — 214, 216, 507, 529
- «Kreislauf des Lebens» — см. Я. Малешот, «Круговорот жизни»
- «Mémoires de Villemain» — см. А. Вильмен, «Исторические и литературные воспоминания современника»
- «The Morning Advertiser» («Утренние новости»), англ. газета, изд. в Лондоне с 1794 г. — 118, 120, 122—125, 239, 240, 303, 304, 519, 520, 532, 545, 546, 566
- «La Nation Belge» («Бельгийский народ») — 411
- «Die neue Preußische Zeitung» («Новая прусская газета»), нем. реакционная газета, изд. в Берлине с 1848 г.; ред. Вагенер, Гейнике — 458, 573
- «Le Nord» («Север») — см. «Норд»
- «La Réforme» — см. «Реформа»
- «La Renaissance» — см. Ж. Мишле, «История Франции в XVI веке. Возрождение»
- «Revue des Deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового Света»), франц. двухнедельный журнал либерального направления, изд. в Париже с 1829 г. — 301, 302, 545
- «La Russie et le socialisme, lettre à M. J. Michlet» — см. А. И. Герцен, «Русский народ и социализм. Письмо к Мишле»
- Thimm — см. Тимм
- «Vanity fair» — см. В. Теккерей, «Ярмарка тщеславия»
- Villemain — см. Вильмен А.
- «La Voix du Peuple» («Голос народа»), франц. газета, изд. в Париже с 1 октября 1849 г. по 14 мая 1850 г.; ред. П. Прудон — 279, 542
- «Vom anderen Ufer» — см. А. И. Герцен, «С того берега»

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцен. С гравюры Леммеля, середина 1850-х годов. Государственный литературный музей, Москва	5
«Imprimerie russe à Londres» («Русская типография в Лондоне») Страница первопечатного текста, 1854	233
«Полярная звезда». Фронтиспис и титульный лист первой книги, 1855	265
«Колокол». Первопечатный текст (листок при третьей книге «Поляр- ной звезды»), 1857. Государственная публичная историческая библиотека, Москва	361
〈Из дневника〉. «5 мая 1856». Автограф Герцена. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва	465

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
208	7 св.	część	części
208	14 св.	<i>samoistości</i>	<i>samoistości</i>
208	10 св.	republikancka	republikańska
209	17 св.	republił anckiego	republikańskiego
224	15 св.	Jacko	Юско
233	7 св.	Жако	Юско
490	3 св.	Рус	Руси

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1852—1857 ГОДОВ

1852	Текст	Варианты	Комментарии
Russian Serfdom	7		508
Русское крепостничество (перевод)	34		
1853			
Вольное русское книгопечатание в Лондоне.			
Братьям на Руси	62	490	511
Do redakcji «Demokraty Polskiego»	65		513
В редакцию «Польского демократа» (перевод)	72		
Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству	80	490	514
Поляки прощают нас!	87		515
Крещеная собственность	94	490	516
The Russian agent Bakunin	118		519
Русский агент Бакунин (перевод)	120		
Who is «F. M.»?	122		520
Кто такой «Ф. М.»? (перевод)	124		
XXIII годовщина польского восстания в Лондоне	126		520
Марии Р...	133		521
1854			
La Russie et le vieux monde	134	491	522
Старый мир и Россия (перевод)	167		
Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше	201		528

	Текст	Варианты	Комментарии
Rewolucyjne Przymierze Polsko-Rosyjskie . . .	206		529
Польско-русский революционный союз (перевод)	210		
<Письмо к редактору «Kölnische Zeitung»>	214		529
<Письмо к редактору «Kölnische Zeitung»> (перевод)	216		
Le dualisme, c'est la monarchie	217		530
Дуализм — это монархия (перевод)	226		
Imprimerie russe à Londres	235		531
Русская типография в Лондоне (перевод) .	237		

1 8 5 5

Reply to Mr. Golovin;	239		532
Ответ г-ну Головину (перевод)	240		
Discours d'Alexandre Herzen, exilé russe, prononcé au meeting tenu le 27 février 1855 dans St.-Martin's Hall, à Londres	241		
Народный сход в память февральской революции	253	492	533
Объявление о «Полярной звезде». 1855 . . .	265	493	536
Письмо к императору Александру Второму	272	496	538
<Примечание к «Переписке Н. Гоголя с Белинским» в «Полярной звезде»>	275	496	539
«Renaissance» par J. Michelet	277		540
Анонимное письмо	291		542
К нашим	295		543
Mr. Alexander Herzen — to the editor of «The Globe»;	301		544
Александр Герцен — издателю «The Globe» (перевод)	302		
«My Exile in Siberia»	303		546
«Моя ссылка в Сибирь» (перевод)	304		

1 8 5 6

<Не успели в Москве оплакать потерю Т. Н. Грановского...>	305		546
Вперед! Вперед!	306		546
Ответ <Я рассказывал в моих воспоминаниях...>	313	496	547
Ответ <Милостивый государь! Вы не ошиблись...>	315	496	548
Из писем путешественника во внутренности Англии	320	496	551
От издателя «Рукописи, составляющие «Голоса из России»	329		552

	Текст	Варианты	Комментарии
От издателя <Вместо второго выпуска первой части...>	331		554
Оба лучше	332		554

1 8 5 7

Lettera a Giuseppe Mazzini sulle presenti condizioni della Russia	339		556
Письмо к Джузеппе Маццини о современном положении России (перевод)	348		
«Колокол»	357		557
От издателя <Мы считаем необходимым...>	359		557
Княгиня Екатерина Романовна Дашкова . . .	361	497	558
Еще вариация на старую тему	423	497	562
Смерть Станислава Ворцеля	437	497	565
От издателя <События двух целых лет...> . . .	444		566

ПРЕДИСЛОВИЯ.— ПРИМЕЧАНИЯ.—
НАБРОСКИ

Крещеная собственность <Предисловие к первому изданию>	451		569
Старый мир и Россия <Предисловие к русскому изданию 1858 г.>	452		569

<Примечания>

<К статье А. Таландые «Нет социализма без республики» в «Полярной звезде», 1855 г.>	454		569
<К первой книге «Полярной звезды», 1855 г.>			
<Книжка наша была...>	454		570
<Еще прекрасная новость...>	454	501	570
<Письмо мое к Александру II...> . . .	455		570
<Подстрочные примечания к публикации «Неизданные стихотворения А. Пушкина, К. Рыльева, М. Лермонтова» в «Полярной звезде», 1856 г.>	456		571
<К статье Н. П. Огарева «Русские вопросы» в «Полярной звезде», 1856 г.>	457	501	572
<К второй книге «Полярной звезды», 1856 г.>	457		572
<К статье Н. А. Мельгунова «Приятельский разговор» в «Голосах из России», 1856 г.>	458		573
<К публикации «Две песни крымских солдат» в «Полярной звезде», 1857 г.>	458		573

	Текст	Варианты	Комментарии
<К статье «Права русского народа» в «Полярной звезде», 1857 г.>	458		573
<К отделу «Шнуровая книга обличений» в «Голосах из России», 1857 г.>	458		574
<Н а б р о с к и>			
<Надпись на книге Ж. Санд...>	459		574
<Из дневника>			
9 апреля 1856—4 мая	459	501	574
5 мая 1856	460	502	575
Passons à la ranhumanité	460	502	575
Перейдем к панчеловечеству (перевод)	461		
<Cher rancitouyen!...>	461		576
<Дорогой пангражданин!...> (перевод):	462		
Première lettre	463	502	577
Письмо первое (перевод)	471		
Россия, бранная царица	480	504	578
Россия, бранная царица (перевод)	481		
D U B I A			
Les Râques russes	485		579
Русская пасха (перевод)	486		
В а р и а н т ы		487—504	
Принятые сокращения		489	
К о м м е н т а р и и		505—580	
У к а з а т е л ь и м е н		581	
С п и с о к и л л ю с т р а ц и й		607	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ,
Д. Д. БЛАГОЙ, Б. П. КОЗЬМИН (зам. главного редактора),
С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН, В. А. ПУТИНЦЕВ,
З. В. СМИРНОВА, Е. В. ТАРЛЕ, Д. И. ЧЕСНОКОВ,
А. В. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬБЕРГ.

Тексты и переводы статей подготовлены Л. Я. Гинзбург при участии И. М. Белявской («В редакцию «Польского демократа», «Польско-русский революционный союз»), Н. Г. Елиной («Письмо к Джузеппе Маццини о современном положении России»), Л. Р. Ланского («Перейдем к панчеловечеству», «Дорогой пангражданин!...»), «Письмо первое», «Россия, бранная парика»), Л. С. Мандельштам («Письмо к редактору «Kölnische Zeitung»), А. И. Рубашевой (перевод «Дуализм — это монархия»), Н. Д. Эфрос («Русская пасха», перевод «Перейдем к панчеловечеству», «Дорогой пангражданин!...»).

Комментарии составлены Л. Я. Гинзбург при участии И. М. Белявской, Ю. В. Ковалева, Л. Р. Ланского, Л. С. Мандельштам, Я. Е. Эльберга, Н. Д. Эфрос.

Лингвистическая редакция иноязычных текстов Н. В. Чекрыгиной (англ.), О. Н. Михеевой (нем.), И. Д. Постоловой (франц.), Н. А. Скворцовой (итал.). Переводы иноязычных текстов редактировали: Н. В. Чекрыгина (англ.), Н. А. Скворцова (итал.), М. Н. Черневич (франц.); подстрочные переводы — О. В. Моисеенко (франц.), Н. Г. Елина (итал.), О. Н. Михеева (нем.). Указатель имен составила С. Д. Лицинер.

Редактор тома — В. А. ПУТИНЦЕВ

Редакторы издательства А. И. Корчагин и М. Б. Покровская
Переплет и титул художника А. П. Радищева
Технический редактор Е. В. Зеленкова
Корректор В. К. Гарди

РИСО АН СССР № 1—102В. Сдано в наб. 6/IV 1957 г.
Подп. к печ. 11/VII 1957 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 38,25+5 вкл. Уч.-издат. 33,1+вкл. (33,4)
Издат. № 2454. Тип. заказ № 1465. Тираж 23 000

Цена ~~16~~ р. 4-00

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я тип. Издательства Академии наук СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

